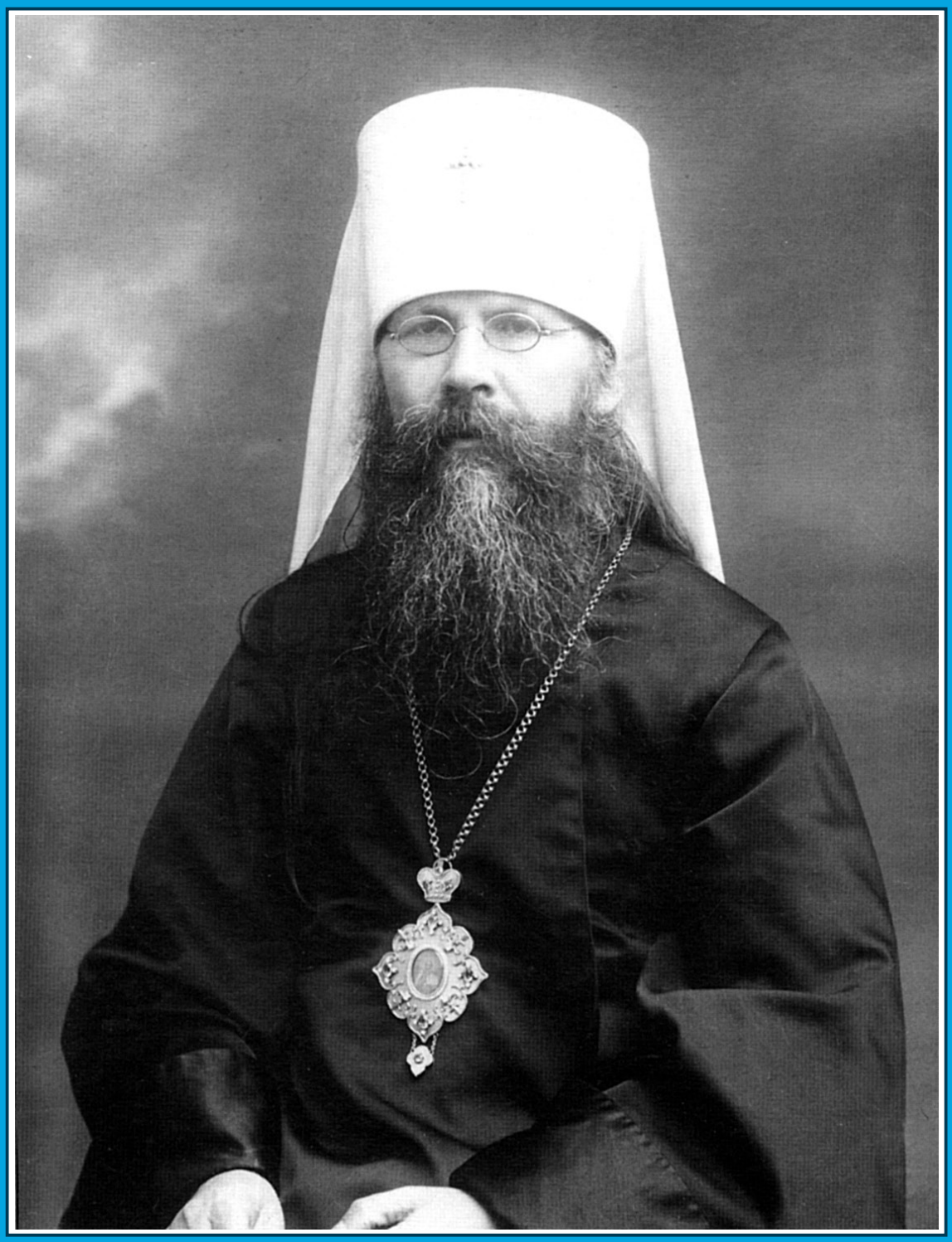
Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 32



Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский
Икона из Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры

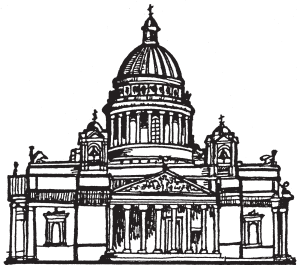
Преосвященный Вениамин, епископ Гдовский,
викарий Санкт-Петербургской епархии

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Редактор И.В. Попов

Выпуск 32



СОДЕРЖАНИЕ

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский и иже с ним убиенные 3

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

Гдовское викариатство 6
А.К. Галкин. **Ректорский крест.** *Архимандрит Вениамин во главе Санкт-Петербургской Духовной семинарии* 14

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Свт. Киприан Карфагенский. **О ревности и зависти** 22

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Прп. Иларион Гдовский 26
В.Я.Степанов, И.В. Попов. **Прпп. Феофил и Иаков Омучские, Лужские. Феофилова пустынь** 34

БЫЛОЕ

А.К. Галкин. **Вдохновитель народных паломничеств.** *Крестные ходы, возглавляемые свт. Вениамином в С.-Петербургской епархии.* ***Архим. Алексий (Чернай).*** **Луга. крестные ходы в Череменецкий и Воскресенско-Покровский монастыри (57).** ***Свящ. Евгений Заборовский.*** **Крестным ходом в Феофилову пустынь (60). Крестный ход в Череменецкий монастырь (63)** 47
А.А. Бовкало. **Первые архипастырские поездки св. Вениамина Петроградского по епархии** . 64
Митрополит Григорий (Чуков). **Дневник 1918–1922 годов.** *Последние годы святительства митрополита Вениамина. Публикация Л.К. Александровой* 66

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

Посошник святителя Вениамина 82

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

С.А. Болховитинов. **Воскресенско-Покровский женский монастырь в Нежадове** 90

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX века

«Дело» митрополита Вениамина 108
А.К. Галкин. **Учитель и ученик.** *Новомученик протоиерей Борис Клеандров – питомец св. митрополита Вениамина по Самарской Духовной семинарии* 116
Ржевский морской полигон – место расстрела митрополита Вениамина. Койранкангас 127
С.Л. Щеглов. **Крестный путь игумении Евфросинии и ее сестер** 136

НАШИ ХРАМЫ

Святыни Гдовской земли. ***А.Н. Кирпичников.*** **Гдовская крепость.** ***Прот. Михаил Женочин.*** **Гдовские храмы (154).** ***А.К. Галкин.*** **Гдовский Димитриевский собор – кафедральный храм сщмч. митрополита Вениамина (167).** ***Прот. Михаил Женочин.*** **Воссоздание Гдовской святыни.** *Свято-Державный Димитриевский собор* **(177).** ***С.Г. Зирин.*** **Кярово. Графы Коновницыны (183).** ***И.В. Попов.*** **Храм блж. Ксении Петербургской в Должицах. Посолодино – Новые Печоры (188).** ***Л.П. Василенко.*** **Храм сщмч. Вениамина митрополита Петроградского в Металлострое (196)** 148

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ

А.А. Александров. **Памятные места равноап. кн. Ольги** *(в С.-Петербургской и Псковской епархиях)* 197

ПРОПОВЕДЬ

Сщмч. Вениамин, митрополит Петроградский. **Жатвы много, а делателей мало (211). Войди в радость Господа своего (212). Свобода нужна, чтобы с любовию служить друг другу (213). Архипастырское воззвание (214)** 211

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

А.К. Галкин. **«Идеже бе воспитан...»** *Нименгский погост – родина митрополита Вениамина* 216
Е.Г. Орлова. **Болховская старина.** *Путевые заметки* 225

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Дивный остров Валаам. *Из дневника воспитанников Самарской Духовной семинарии за время их летней поездки 1903 года с архим. Вениамином по Северной России (Петербург – Валаам – Иматра – Выборг – Петербург)* 235

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЕНИАМИН, МИТРОПОЛИТ ПЕТРОГРАДСКИЙ И ГДОВСКИЙ, И ИЖЕ С НИМ УБИЕННЫЕ

Кроток, но непоколеблем был еси, Петрова града избранниче, священномучениче Вениамине, копронимы новыми облеченный, лжепастырьми преданный власти богоборней. Тогда же яви тя Бог учителя безбоязненна, и се завет твой, из заточения возвещенный: да не пощадим мы себе Церкве ради и не предадим святую Церковь себе ради. На суде же беззаконнем твое слово бысть всем дивно: жизнь или смерть ныне возвестите ми, аз же знаменовав себе святым крестом, реку: слава тебе, Господи Боже, о всех.

Стихира, глас 6. Из службы св. царю-мученику Николаю и всем новомученикам и исповедникам Российским

Более 80-ти лет назад в ночь с 12 на 13 августа 1922 года близ станции Пороховые по Ириновской железной дороге под Петроградом были расстреляны митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин), профессор, юрист, председатель Правления Общества православных приходов Юрий Петрович Новицкий и бывший присяжный поверенный, юрисконсульт Александро-Невской лавры и член Правления Общества православных приходов Петрограда Иван Михайлович Ковшаров, по обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей.

При сравнении исповеднического подвига первых христиан и христиан-мучеников XX столетия порой кажется, что время как будто сжалось в единый миг, и сегодня, как и христиане в глубокой древности, мы слышим тихий и ласковый призыв любимого ученика Христова, святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» *(Откр. 2. 10)*.

Нетленный венец, венец правды, – эсхатологический дар Божий победителю в жизненном состязании *(2 Тим. 4. 8)*. Этот венец присуждает «в день оный» праведный Судия. Получит этот венец тот, кто сохранит верность Христу *(2 Тим. 4. 7)*, кто терпеливо переносит страдания, не связывает себя житейскими заботами *(2 Тим. 2. 3–4)*, кто, не оглядываясь назад, имеет перед глазами только одну цель – горнюю награду, к которой призывает Бог в Иисусе Христе *(Филип. 3. 11–14)*. Награда эта – воскресение из мертвых, совоскресение со Христом, новая жизнь *(Филип. 3. 10–11)*. В Послании святого апостола Иакова *(1. 12)* венец жизни Господь обещает тем, кто любит Его и переносит испытания. В книге Откровения *(2. 10)* венец жизни обещается тем, кто выдержит испытания в преследованиях за Христа, останется верным ему до смерти.

Митрополит Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский) был уроженцем Олонецкой губернии. Духовное образование будущий святитель начал в Каргопольском Духовном училище, окончил Олонецкую Духовную семинарию и С.-Петербургскую Духовную академию. В студенческие годы он часто проводил беседы и чтения на религиозно-нравственные темы на заводах и фабриках на окраинах Петербурга, в бедных районах за Невской и Нарвской заставами, на Выборгской стороне и Охте. После принятия пострига и рукоположения иеромонах Вениамин некоторое время преподавал в Рижской, был инспектором Холмской, а позже – Санкт-Петербургской Духовных семинарий. Его современники вспоминали о нем в бытность преподавателем и инспектором как о скромном, добром человеке с твердой волей в достижении поставленной цели. В своих словах и речах, обращенных к юношеству, он призывает к труду, любви и единству во Христе на благо ближним своим. В начале XX века архимандрит Вениамин становится ректором Самарской и позже – Санкт-Петербургской Духовной семинарии. Особое внимание в эти годы он уделяет попечительским делам по оказанию помощи беднейшим воспитанникам Духовных школ, продолжает участвовать в работе Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, участвует в издании духовной литературы.

В начале 1910 года состоялась хиротония архимандрита Вениамина во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. После вступления на епископскую кафедру он совершает поездки по приходам Гдовского уезда Петербургской епархии, во время «которых были освящены и открыты новые церкви и церковноприходские школы. Часто он совершал богослужения не только в столице, но и в уездных городах и в селах. Владыка Вениамин был непременным участником и возглавителем грандиозных многотысячных крестных ходов в Петрограде, Колпино, Шлиссельбурге, в Лужском и Гдовском уездах, во многих святых местах епархии. Он был добрым пастырем, старался помочь попавшим в беду, умел сострадать. Даже среди инославных он пользовался уважением.

Проповеди его были просты и искренни и поэтому были доступны простому народу. В тяжелые годы войны (в 1914 г. началась I Мировая война), в своих обращениях он призывал иметь в душах и сердцах «любовь к родившей нас и вскормившей стране». Во всех его речах, обращенных к народу, всегда звучал призыв к любви, миру и сози-

данию. После Февральской революции 1917 года Преосвященный Вениамин призывает молиться за «убиенных за благо и свободу народную», предостерегая от истребления друг друга в завоеванной свободе *(Гал. 5. 15)* и напутствуя к созиданию общества в любви и уважении друг ко другу.

Владыка Вениамин пользовался большой любовью и почитанием среди верующих столицы, и в 1917 году свободным голосованием представителей народа и духовенства его избирают главой Петроградской кафедры. В марте этого же года его возводят в сан архиепископа, а за два дня до открытия Поместного Собора Российской Православной Церкви Святейший Синод возводит архиепископа Вениамина в сан митрополита. 15 августа 1917 года открывается Поместный Собор, и митрополит Вениамин принимает участие в его работе. Как член Поместного Собора митрополит Вениамин жил в Чудовом монастыре в Кремле. Во время октябрьских событий в Москве ему вместе с другими членами Собора пришлось пережить тяжелые дни (в это время Кремль подвергался обстрелу большевиков). В связи с этим митрополит обратился к Собору, горячо призывая к братолюбию и прощению друг друга. Митрополит Вениамин был далек от политики и хотел, чтобы Церковь жила вне ее, от которой она не раз страдала. Он всеми силами отстранялся от нее во всех своих деяниях, но, к сожалению, она проникала во все сферы деятельности человека, не оставляя в стороне и личной жизни святителя.

Вернувшись в Петроград, митрополит занялся устроением епархиальных дел в новых нелегких условиях. Особое внимание он уделяет духовному образованию. Поскольку Духовные семинария и академия распоряжением гражданских властей были закрыты, митрополит Вениамин благословил и активно содействовал открытию Богословского института и Богословско-пастырских курсов. При приходах и благочиниях организовываются воскресные школы, библиотеки. Было создано Общество православных приходов.

Медленно, с большим трудом жизнь в епархии налаживалась применительно к тем требованиям и условиям, которые складывались в то время. По многим сложным вопросам удавалось достичь взаимоприемлемого компромисса с властями. В Москве в это время церковная жизнь тоже более менее благоустраивалась. Могло даже создаться впечатление, что форма сосуществования Церкви и государства была найдена.

Но вскоре новое бедствие обрушивается на Россию. Засуха летом 1921 года приносит жесточайший голод в Поволжье, который быстро распространяется на соседние территории.

Во имя спасения жизни миллионов людей, гибнущих от голода, Патриарх Московский и всея России Тихон обратился с воззванием «К народам мира и православному человеку*»: «...Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества*».

В августе Святейший Патриарх Тихон обратился с призывом о помощи к Восточным Патриархам, папе Римскому, архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йоркскому. Для оказания помощи бедствующим людям под председательством патриарха Тихона был создан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим (Помгол).

Мир откликнулся на призыв о помощи. Был организован сбор средств для нужд голодающих по церквам. Шла помощь и от иностранных держав, а в то же время Советское правительство вывозило хлеб за границу, объясняя это экономической необходимостью. Но, видя поднимающийся авторитет Церкви, ВЦИК распускает церковный комитет, создает при себе Центральную комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол), и направляет Обращение к патриарху Тихону с призывом к пожертвованиям (по решению ВЦИК Церкви предоставлялось право собирать пожертвования для нужд голодающих). В ответ на это Патриарх Тихон снова обратился с Воззванием к пастве, в котором разрешено было жертвовать на нужды голодающих драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления.

К началу 1922 года ситуация резко меняется. Советское правительство не может справиться с финансово-экономическими трудностями в стране и, видя выход из создавшегося положения в изъятии церковных ценностей, использует бедствие в Поволжье. Власть не захотела мирного сосуществования с Церковью. Пожертвования ей не нужны, ибо они являются знаком любви Христовой. В феврале 1922 года выходит Декрет об *изъятии* церковных ценностей на нужды голодающих. Святейший Патриарх Тихон ответил новым посланием, в котором напомнил о наметившемся было сотрудничестве с властью по вопросу об оказании помощи голодающим и заявил о церковной канонической позиции по вопросу пожертвований «церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления», и что «изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство – миряне – отлучением от нее, священнослужители – извержением из сана» *(Апостольское правило 73. Двукратный Вселенский Собор. Правило 10)*.

Противостояние началось. Государственная власть пыталась не просто подчинить Церковь, она поставила цель уничтожить ее. В это же самое время в самом духовенстве происходят события, сыгравшие трагическую роль не только в судьбах отдельных людей, но и в дальнейшей истории Русской Православной Церкви. 19 марта 1922 года Ленин диктует по телефону письмо Молотову (для членов Политбюро) с просьбой «ни в коем случае копий не снимать», в котором четко и ясно была поставлена задача развернувшейся кампании: *«... Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем «Мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»*.

Ежедневно в печати шла планомерная антирелигиозная пропаганда, подрывавшая авторитет церковного руководства. Внутренние раздоры и настроения в самой Церкви были использованы властью для достижения поставленной цели. Поддерживаемые гражданскими властями представители так называемой «Живой Церкви» ускорили процесс изъятия церковных принадлежностей.

Русская Православная Церковь была подведена к расколу с двух сторон. Митрополит Вениамин чувствовал опасность и видел угрозу раскола и, как страж церковного единства, принимал соответствующие меры. 15/28 мая 1922 года он обратился к петроградской пастве с Посланием: ***«Да вси едино будут: якоже Ты, Отче во Мне Аз Тебе, да и тии в Нас едино будут»*** *(Ин. 17. 21),* в котором призывает свою паству быть в единении со своим Епархиальным архиереем и Патриархом Тихоном и не вступать в духовное общение с «живоцерковниками», попытавшимися с помощью советского государства захватить в свои руки церковную власть.

Это обращение было опубликовано в «Петроградской правде» 30 мая, а спустя два дня из Москвы последовала телеграмма: *«Петроград, Губотдел ГПУ. Митрополита Вениамина арестовать и привлечь к суду. Подобрать на него обвинительный материал. Арестовать его ближайших помощников – реакционеров и сотрудников канцелярии, производя в последней тщательный обыск. Вениамин Высшим Церковным управлением отрешается от сана и должности. О результатах операции немедленно сообщите. НР 25023/с 1 июня 1922 года. Начсоперупр ГПУ Менжинский.»*. Были арестованы митрополит Вениамин, члены Правления Общества православных приходов, настоятели соборов и церквей Петрограда, а также миряне, препятствовавшие в той или иной степени изъятию церковных ценностей. Были среди арестованных и случайные люди. Кроме десяти человек церковного руководства во главе с митрополитом Вениамином, к делу были привлечены еще 79 человек и вызывались 43 свидетеля. С 10 июня по 5 июля 1922 года в Большом зале б.Дворянского собрания (нынешней Филармонии) проходили заседания Петроградского революционного трибунала по делу «петроградских церковников».

На суде митрополиту Вениамину было предъявлено обвинение, что беспорядки носили организованный характер, что руководящую роль в этом сыграло Правление Общества православных приходов, действующее по благословению митрополита. На основании этих обвинений 88 человек были привлечены к ответственности по ст. ст. 62 и 119. Предусматривалось применение высшей меры наказания к митрополиту Вениамину и еще девяти видным представителям петроградского духовенства и активных мирян. Им было предъявлено обвинение в том, что митрополит Вениамин, состоя главой Православной Церкви в Петрограде, а остальные, «находясь в его подчинении и будучи членами Общества православных приходов, добивались изменения Декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, чем содействовали той части международной буржуазии, которая стремится к свержению рабоче-крестьянского правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 62 и 119 Уголовного Кодекса».

Знакомясь с материалами судебных заседаний, можно увидеть поразительное сходство этого судебного процесса с неправедным судом над Господом нашим Иисусом Христом. Народное предание говорит, когда в Александро-Невскую лавру пришли арестовывать митрополита Вениамина, в числе арестовывавших был протоиерей Александр Введенский, как представитель новосозданного Высшего церковного управления. Он подошел к митрополиту за благословением. «Ведь мы с вами не в Гефсиманском саду, – сказал ему Владыка, – отец Александр». Всю «вину» по предъявленному обвинению митрополит Вениамин взял на себя, стараясь защитить всех проходивших по этому «делу».

4 июня 1922 года, подсудимым было предоставлено последнее слово. Из десяти осужденных к расстрелу шестерым заменили «высшую меру наказания» на различные сроки тюремного заключения. Четверых, во главе с митрополитом Вениамином, приговорили к смерти. Перед казнью всех четырех обрили, одели в лохмотья, чтобы нельзя было узнать в них духовных лиц. В ночь с 12 на 13 августа 1922 г. их тайно расстреляли на полигоне близ Пороховых. Терновый венец Господа увенчал их мученическую кончину. *Святии новомученицы Российстии, молите Бога о нас!*

Проф., прот. Владимир Сорокин

В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви митрополит Вениамин и иже с ним пострадавшие архимандрит Сергий (Шеин), Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров причислены к лику святых. Вскоре на Братском кладбище Александро-Невской лавры был установлен памятник-кенотаф св. митрополиту Вениамину. Слава Богу, сегодня жизнь, исповеднический путь и мученическая кончина святителя Вениамина и иже с ним убиенных серьезно изучается и отражена во многих печатных работах. В С.-Петербургской епархии был построен и в сентябре в 1992 г. освящен первый (новый) храм во имя священномученика Вениамина (в исправительной колонии № 20/5 поселка Металлострой под Петербургом), возведенный усердием самих осужденных. В ноябре 1993 г. во имя сщмч. Вениамина был освящен (правый) придел в восстановленном Гдовском кафедральном соборе. В Петербурге освящена в честь сщмч. Вениамина домовая часовня в б. доме причта Покровской церкви на Боровой улице, где митрополит Вениамин любил бывать и служить. В городе Няндома Архангельской области, на родине сщмч. Вениамина, также освящен храм в его честь.

Добрая память о священномученике митрополите Вениамине сохраняется во многих православных семьях и приходах. В храмах С.-Петербургской епархии вот уже более 10 лет на отпустах неукоснительно поминается имя сщмч. Вениамина и иже с ним убиенных, возносятся им молитвы и служатся молебны. Однако, широкому кругу православных христиан до сих пор мало известно о жизни мученической кончине святителя Вениамина.

В этом выпуске «С.-Петербургских Епархиальных ведомостей» вниманию читателей предлагаются новые малоизвестные материалы к житию сщмч. Вениамина. Значительная часть материалов посвящена новомученикам, близко знавшим митрополит Вениамина, рассказывается о святынях Гдова, Гдовского и Лужского края, особо тесно связанных с жизнью и служеним святителя.

Гдовское викариатство

Гдов. Кафедральный Димитриевский собор. Фото начала XX в.

Гдовское викариатство, учрежденое в 1892 году при митрополите С.-Петербургском и Ладожском Палладии, просуществовало более сорока лет (1892–1935) и было вторым по времени учреждения после Нарвского (1887). Оно призвано было заменить существовавшее с 1865 г. Ладожское викариатство, упраздненное в связи с усвоением Петербургским архипастырям титула «митрополитов Санкт-Петербургских и Ладожских». С 18 октября 1892 г. С.-Петербургским митрополитам был усвоен этот титул, после того как была учреждена самостоятельная Финляндская епархия, местом пребывания правящего архиерея которой стал Выборг, и восстановлена самостоятельная древняя Новгородская епархия. Таким образом, границы С.-Петербургской епархии стали совпадать с границами С.-Петербургской губернии. (До этого, когда С.-Петербургская епархия существовала в границах С.-Петербургской, Новгородской и Эстляндской губерний и автономного Великого княжества Финляндского, титул петербургских владык был иным, и в епархии существовали Ревельское и Ладожское викариатства).

Многие из Гдовских викариев (местом постоянного пребывания их был С.-Петербург) одновременно занимали различные административные посты в С.-Петербургских Духовных школах, были ректорами С.-Петербургской Духовной академии, возглавляли прежде С.-Петербургскую Духовную семинарию и расположенное в Лавре Александро-Невское Антониевское Духовное училище. Гдовские викарии были также непременными возглавителями действовавшего в епархии православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского, так как именно западная часть епархии и Гдовский уезд были местом преимущественного сосредоточения православных эстонцев в пределах С.-Петербургской епархии. В ряду бывших викариев Гдовских – будущие видные иерархи Церкви, миссионеры, святители, новомученики и исповедники.

Епископ Николай (Налимов)

24.10.1892 – 13.11.1893

Родился 19 июня 1852 г. (в миру Николай Александрович Налимов) в семье священника в г. Новая Ладога С.-Петербургской епархии. В 1877 г. окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, и назначен преподавателем Александро-Невского Духовного училища в С.-Петербурге.

28 августа 1878 г. – помощник инспектора и преподаватель в С.-Петербургской Духовной семинарии. Здесь он скромно трудился, пользуясь исключительным доверием, любовью и уважением со стороны учеников. Во всех трудных случаях ученики обычно обращались, прежде всего, к нему, тогда еще светскому человеку, Николаю Александровичу, и он всегда находил добрый совет, утешение, оказывал материальную помощь. Напроказит

воспитанник по мальчишеской глупости и, боясь тяжелой ответственности, бежит за советом и поддержкой к нему. Нет денег на дорогу, чтобы поехать к родным на Пасху или Рождество, – бежит к нему же, и он никогда в таких случаях не отказывал в помощи из своего учительского жалованья. В обращении с учениками был всегда ровен, приветлив, но совершенно чужд заискивания, в высшей степени справедлив, к проступкам строг. Тем не менее, к нему, прежде всего, доверчиво шли ученики с признанием в своих шалостях, и он, доведя их до полного осознания своей вины и раскаяния, отправлял с покаянием к инспектору для соответствующего наказания; осознав свою вину, они уже легко переносили и наказание. Будучи еще светским преподавателем, он образ жизни вел уже монашеский, отличался глубокой религиозностью, никогда не пропускал богослужений в семинарской церкви, подавая добрый пример учащимся. Все это еще более возвышало авторитет его среди учеников, так как они знали искренность и прямоту его натуры.

8 июня 1885 г. был пострижен в монашество, а 12 июня рукоположен во иеромонаха. С 17 января 1886 г. назначен ректором Смоленской Духовной семинарии, а 26 января возведен в сан архимандрита. С 21 марта 1889 г. – ректор С.-Петербургской Духовной семинарии. 5 августа 1890 г. хиротонисан во епископа Ладожского. **С 24 октября 1892 года – епископ Гдовский**. С 13 ноября 1893 г. – епископ Саратовский и Царицынский. С 16 января 1899 г. – архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1904 г. награжден панагией с драгоценными камнями. 8 апреля 1905 г. назначен архиепископом Тверским и Кашинским. 1 июля 1905 г. – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. В 1905 г. награжден правом ношения креста на клобуке. 9 июня 1906 г. уволен от должности Экзарха. С 23 июня 1906 г. – архиепископ Владимирский и Суздальский. Скончался 13 июля 1914 г. Погребен в Александро-Невской лавре. Духовный писатель.

Епископ Назарий (Кириллов)

13.11.1893 – 21.10.1897

Родился 4 декабря 1850 г. (в миру Николай) в семье священника Донской епархии. В 1873 г. окончил Духовную семинарию.

19 мая 1874 г. рукоположен во священника к Николаевской церкви станицы Богаевской и 4 июня назначен законоучителем Богаевского приходского училища.

В 1876 г. овдовел и поступил в Киевскую Духовную академию, курс которой окончил со степенью кандидата богословия в 1880 г. С 31 августа 1880 года – учитель Екатеринодарского Духовного училища. С 26 июня 1881 г. законоучительствовал в Ростове-на-Дону в реальном училище. С 1 января 1883 г. – законоучитель Новочеркасской мужской гимназии. В 1892 г. пострижен в монашество и назначен ректором Ставропольской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 24 октября 1893 г. хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии, хиротония состоялась в С.-Петербурге в Александро-Невской лавре. Чин хиротонии совершали: митрополит С.-Петербургский Палладий и другие. **С 13 ноября 1893 г. – епископ Гдовский, викарий С.-Петербургской епархии.** С 21 октября 1897 г. – епископ Олонецкий и Петрозаводский.

С 20 января 1901 г. – епископ Нижегородский и Арзамасский. Участвовал в освидетельствовании мощей прп. Серафима Саровского. 6 мая 1909 г. возведен в сан архиепископа. С 1909 г. – почетный член Казанской Духовной академии. С августа 1910 г. – архиепископ Полтавский и Переяславский. С 8 марта 1913 г. – архиепископ Херсонский и Одесский. 28 сентября 1917 г. уволен на покой с назначением настоятелем Симонова монастыря г. Москвы. В 1919 г. управлял Курской епархией. С 1920 г. – митрополит Курский и Обоянский. В 1923 г. уволен на покой. С 1925 по 1928 гг. управлял Курской епархией. Скончался 2 июля 1928 г.

Епископ Вениамин (Муратовский)

26.10.1897-3.12.1898

Родился 18 апреля 1855 г. (в миру Василий Антонович Муратовский) в Казанской епархии. В 1877 году окончил Казанскую Духовную семинарию и назначен надзирателем в Казанское Духовное училище. 1 декабря 1877 г. рукоположен в сан иерея и определен священником Казанской Духосошественской церкви.

В 1892 г. поступил в Казанскую Духовную академию, которую окончил в 1896 г. со степенью кандидата богословия. По окончании академии пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Черемецкого монастыря С.-Петербургской епархии.

26 октбря 1897 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария С.-Петербургской епархии.

С 3 декабря 1898 г. – епископ Гдовский. С 1898 г. – пожизненный член Казанской Духовной академии. В 1900 г. награжден панагией с драгоценными камнями. С 10 июля 1901 г. – епископ Калужский и Боровский. С 31 декабря 1910 г. – епископ Симбирский и Сызранский. Член Св. Синода в 1905–1906 гг.

С 1 мая 1915 г. возведен в сан архиепископа. 1917–1918 гг. – участник Священного Поместного Собора в Москве. С 13 июля 1920 г. – архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. дважды каялся перед Святейшим Патриархом Тихоном и дважды изменил Православной Церкви, переходя обратно в обновленчество.

До 6 сентября 1923 г. значится обновленческим «митрополитом Рязанским».

С сентября 1923 г. – «митрополит Ярославский». Был участником

2-го обновленческого т.н. «Всероссийского Поместного Священного Собора» 1923 года, на котором подписал позорное постановление Собора о лишении сана и монашества Святейшего Патриарха Тихона.

С 8 января 1924 г. – обновленческий «митрополит Ленинградский». С 9 сентября 1925 г. утвержден «митрополитом Северо-Западной области». С 19 мая 1927 г. перемещен на Московскую кафедру с наименованием «митрополита Московского и Коломенского». 1 и 2 октября 1928 г. присутствовал на заседаниях расширенного пленума обновленческого Синода, вскоре назначен его председателем.

Скончался 6 мая 1930 г. без покаяния вне общения с Русской Православной Церковью.

Епископ Константин (Булычев)

29.07.1901 – 23.04.1904

Родился 23 декабря 1858 г. (в миру Константин Иоакимович Булычев) в семье зажиточного купца в г. Орлове Вятской губернии. В 1881 г. окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата. Работал банковским служащим. В 1890 г. поступил в С.-Петербургскую Духовную академию. 29 января 1892 г. пострижен в монашество, 21 февраля того же года рукоположен во иеродиакона. 7 ноября 1893 г. рукоположен во иеромонаха. В 1894 году окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия, и определен на должность смотрителя С.-Петербургского Александро-Невского Духовного училища. В 1896 г. назначен ректором Витебской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

Во время своего служения в должности ректора состоял председателем Полоцкого епархиального училищного совета, председателем Витебского Свято-Владимирского братства, цензором «Полоцких Епархиальных Ведомостей» и проповедей, произносимых духовенством г. Витебска в кафедральном соборе. 1900 г. – ректор Киевской Духовной семинарии. **29 июля 1901 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария С.-Петербургской епархии.** Чин хиротонии совершали в Троицком соборе Александро-Невской лавры: митрополит С.-Петербургский Антоний, архиепископ Фин-ляндский и Выборгский Николай, епископ Пермский и Соликамский Петр, епископ Калужский и Боровский Вениамин и епископ Нарвский Никон.

С 23 апреля 1904 г. – епископ Самарский и Ставропольский. 21 мая 1904 г. награжден панагией с украшениями. Практиковал, будучи на Самарской кафедре (1911), давать благословение клирикам епархии совершать богослужение на русском языке. С 4 октября 1911 г. – епископ Могилевский и Мстиславский. 6 мая 1915 г. возведен в сан архиепископа и оставлен на той же кафедре. Управлял Могилевской епархией в условиях войны и в бытность пребывания в Могилеве Царской Ставки. 5 октября 1916 г. награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. Участник Священного собора в Москве 1917–1918 гг. Был сторонником патриаршества. В 1922 г. и в последующие годы несколько раз уклонялся в обновленческий раскол, каялся и вновь уходил в раскол. 23 июля 1919 г. был арестован в г. Гомеле Гомельской ЧК, пребывал в заключении в Ивановском концлагере до 17 мая 1920 г. Освобожден по ходатайству верующих. (Выписка из протокола № 16 заседания Президиума ВЦИК: «Ходатайство об освобождении из Ивановского концентрационного лагеря удовлетворить».) После покаяния в 1925 г. Патриаршим Местоблюстителем Петром (Полянским) и сонмом иерархов, в старом соборе Донского монастыря в Москве, принят в общение с Русской Православной Церковью. С 9/22 декабря 1925 г. – в числе основоположников григорианского раскола. Григорианский «епископ Тамбовский». Член Временного Высшего церковного совета (ВВЦС). С 22 декабря 1925 г. (со дня создания ВВЦС) митрополитом Сергием Страгородским был запрещен в священнослужении и должен быть предан соборному суду архиереев. В числе трех подписал письмо от 29 января 1926 г. митрополиту Петру (Крутицкому). В русском епископате о нем сложилась поговорка: «Дух покаяния никогда не оставлял его даже и до гроба, при многократных переходах его из одного раскола в другой». Скончался без воссоединения с Православной Церковью.

Год смерти неизвестен.

Отмечается как хороший проповедник и строгий блюститель церковного устава.

Епископ Кирилл (Смирнов)

6.08.1904 – 30.12.1909

Родился 26 апреля 1863 г. (в миру Константин Илларионович Смирнов) в С.-Петербургской епархии, в г. Кронштадте. С детства был близок к св.прав. Иоанну Кронштадтскому. В 1887 г. окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен законоучителем Елизаветинской гимназии. 21 ноября 1887 г. рукоположен во священника, 1894 г. – законоучитель 2-й С.-Петербургской гимназии. 1900 г. – настоятель Кронштадтской Троицкой церкви. В 1902 г. овдовел и 10 мая был пострижен в монашество, назначен начальником Духовной миссии в Урмии в сане архимандрита. **6 августа 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария С.-Петербургской епархии.** 30 декабря 1909 г. – епископ Тамбовский и Шацкий. 6 мая 1913 г. возведен в сан архиепископа. В 1914 г. участвовал в прославлении св. Питирима Тамбовского. 19 марта 1918 г. был назначен митрополитом Тифлисским и Бакинским, Экзархом Кавказским. К месту назначения ему прибыть не удалось ввиду военных действий. С середины 1918 г. – митрополит Казанский и Свияжский. Подвергался

арестам в Москве в 1919 и в 1920 гг. С апреля 1920 – митрополит Казанский и Свияжский. Арестован в г. Казани 19 августа 1922 г., вывезен в Москву и заключен в Таганскую тюрьму. Освобожден в конце 1921 г. 15 августа 1922 вновь арестован в Казани, до января 1923 г. находился в московских тюрьмах, затем выслан в г. Усть-Сысольск. Первый кандидат на должность Патриаршего Местоблюстителя по завещательному распоряжению св. Патриарха Тихона (Беллавина). В завещании Святейшего Патриарха Тихона митрополит Кирилл был поставлен первым кандидатом на местоблюстительство, но принять эти обязанности не имел возможности. Святейший Патриарх выразил такое доверие митрополиту Кириллу за его твердую веру и светлый ум. Убежденный сторонник патриаршества, он считал учрежденный митрополитом Сергием Синод угрозой единоличному патриаршему управлению. По его мнению, организовав Синод, митрополит Сергий превысил полномочия не только заместителя, но даже и местоблюстителя.

Протестовал он и против возношения имени заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия за богослужением вслед за именем самого Местоблюстителя, св. митрополита Петра; поминовение митрополита Сергия он допускал только на ектениях, молебнах и т. д., общим порядком, в записках, наравне со всеми остальными верующими. Глубоко возмутило митрополита Кирилла и августовское постановление Синода, воспрещавшее священникам отпевать «умерших в расколе». Хотя это постановление он не ставил в числе причин отхода, но указывал на него, как на повод считать митрополита Сергия «потерявшим душевное равновесие».

Чимкент. Лисий овраг, где были расстреляны сщмч. митрополит Казанский Кирилл, митрополит Петроградский Иосиф и епископ Ростовский Евгений

Признав заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) превысившим свои полномочия, он был уволен последним на покой 2 января 1930. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. – в ссылке в Красноярском крае. В 1934 г. проживал в Гжатске, затем был сослан в Казахстан. Арестован в г. Чимкенте в 1937 г. и расстрелян вместе с митрополитом Петроградским Иосифом (Петровых) и епископом Ростовским Евгением (Кобрановым) в Лисьем овраге близ Чимкента в навечерие Михайлова дня, 20 ноября 1937 г.

Прославление священномученика митрополита Кирилла для общецерковного почитания совершено на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 7/20 августа 2000 г.(от Казанской епархии).

Память его совершается 7/20 ноября и в первое воскресенье после 25 января/7 февраля (Собор Новомучеников и Исповедников Российских).

Епископ Вениамин (Казанский)

31.12.1909 – 24.05.1917

Викарный епископ Гдовский, будущий митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, в миру Василий Павлович Казанский, родился в 1873 г. (по другим данным, 3 июля 1874 г.) в семье священника Олонецкой епархии. Его отец, Павел Иоаннович Казанский (1840–5. XII.1903), был рукоположен 27 июля 1863 г. архиепископом Олонецким и Петрозаводским Аркадием (Федоровым; † 8.V.1870) во священника к Преображенской церкви Нименского погоста Каргопольского уезда (ныне Архангельская обл.), где и прослужил до своей кончины. Родители будущего Владыки, о. Павел и Мария Казанские, воспитали четырех детей. Все три их сына и дочь получили образование в школах духовного ведомства. Василий Павлович как лучший выпускник Олонецкой Духовной семинарии 1893 г. был послан на казенный счет в С.-Петербургскую Духовную академию. Во время учебы в академии В.П. Казанский отдавал много времени участию в чтениях на религиозно-нравственные темы на фабриках и заводах Петербурга. Будучи на III курсе, 14 октября 1895 г., ректором академии епископом Нарвским Иоанном (Кратировым; † 12.II.1909) он был пострижен в монашество с именем Вениамин, в честь св. мученика диакона Вениамина (V век; память 13/26 октября). 21 ноября 1895 г. он был рукоположен во иеродиакона, а 19 мая 1896 г. – во иеромонаха.

В 1897 г. иеромонах Вениамин окончил Духовную академию, получив степень кандидата богословия за сочинение «Аркадий, архиепископ Олонецкий как деятель против раскола». 24 сентября – 3 октября 1897 г. о. Вениамин был назначен преподавателем Священного Писания Рижской Духовной семинарии, 12 – 13 августа 1899 г. определен инспектором Холмской Духовной семинарии, а 6 октября 1899 г. переведен на ту же должность в С.-Петербургскую Духовную семинарию. 18 февраля 1902 г. о. Вениамин был возведен в сан архимандрита. Со 2 апреля 1902 г. архимандрит Вениамин состоял ректором Самарской, а с 12 октября 1905 г. – С.-Петербургской Духовной семинарии. В период его ректорства столичная семинария праздновала свое 100-летие (1909).

Студент С.-Петербургской Духовной академии Василий Павлович Казанский

30 декабря 1909 г. архимандрит Вениамин был назначен епископом Гдовским, четвертым викарием С.-Петербургской епархии. Наречение состоялось 23 января 1910 г. в зале заседаний Святейшего Синода, а хиротония – 24 января в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Ее совершили митрополиты С.-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский; † 2.XI.1912), Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский; † 25.I.1918), Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий; † 4.XI.1915), архиепископы Литовский и Виленский Никандр (Молчанов; † 5.VI.1910), Варшавский и Привислинский Николай (Зиоров; † 20.XII.1915), Ярославский и Ростовский Тихон (Беллавин; † 7.I V.1925 – святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, исповедник), Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий; † 28.I.1936), епископы Чистопольский Алексий (Молчанов; † 20.V.1914), Нарвский Никандр (Феноменов; † 18.II.1933) и епископ Кирион (Садзагелов; † 13/26.VI.1918), бывший Сухумский.

Иеромонах Вениамин

Более 7 лет епископ Вениамин был викарием (с 22.XI. 1911 – третьим, с 30.V.1913 – вторым, с 20.III.1914 – первым) С.-Петербургских-Петроградских митрополитов: Высокопреосвященнейшего Антония (Вадковского), Высокопреосвященнейшего Владимира (Богоявленского) и Высокопреосвященнейшего Питирима (Окнова; † 20.I.1920). Он состоял председателем С.-Петербургского Епархиального училищного совета, председателем правления епархиального братства во имя Пресвятой Богородицы, с 1910 г. был председателем правления Эстонского братства во имя сщмч. Исидора Юрьевского в С.-Петербурге. Свою архипастырскую деятельность Владыка Вениамин посвятил тесному общению с народом.

После увольнения на покой митрополита Петроградского и Ладожского Питирима, 6 марта 1917 г., епископ Вениамин вступил во временное управление епархией. 24 мая 1917 г. свободным голосованием клира и мирян Петроградской епархии он был избран архиепископом Петроградским и Ладожским и 25 мая утвержден Святейшим Синодом. Синодальным определением от 14–17 июня 1917 г. его епархиальный титул был изменен на Петроградский и Гдовский. 13 августа 1917 г. Святейший Синод возвел архиепископа Вениамина в сан митрополита, что было утверждено Временным правительством 14 августа. На открывшемся 15 августа 1917 г. Поместном Соборе митрополит Вениамин избирается членом Священного Синода. 26 января 1918 г. (по определению Собора от 25 января) он был назначен священноархимандритом Александро-Невской лавры. В этот же день Советом Петроградской Духовной академии митрополит Вениамин был избран ее почетным членом.

Большой заслугой митрополита Вениамина явилась деятельность по устранению общецерковной и приходской жизни в новых социальных условиях. По его благословению 30 (17) сентября 1918 г. вместо закрывшейся в тот же день Петроградской Духовной семинарии было открыто Богословско-пастырское училище для подготовки священно- и церковнослужителей и преподавателей Закона Божия для Петроградской епархии. При активном участии Владыки Вениамина весной 1920 г. в Петрограде был организован Богословский институт, который 28 января 1921 г. избрал его своим почетным членом.

Начиная с лета 1921 г., митрополит Вениамин стал широко привлекать духовенство и мирян Петроградской епархии к оказанию помощи голодающим. Однако под предлогом ликвидации последствий голода весной 1922 г. началось изъятие церковных ценностей, что было использовано для развертывания массовой антирелигиозной кампании. После ареста Патриарха Тихона в Москве организовалось самочинное церковное управление, положившее начало обновленческому расколу. 28(15) мая 1922 г. митрополит Вениамин обратился с посланием к петроградской пастве, в котором решительно выступил в защиту церковного единения и церковных правил. Вслед за этим Владыка был арестован. Суд над большой группой духовенства и мирян Петрограда, обвиненных в контрреволюционной деятельности, проходил с 10 июня по 5 июля 1922 г. 6 июля митрополит Вениамин был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в ночь с 12 на 13 августа. Вместе с митро-

политом Вениамином мученическую кончину приняли архимандрит Сергий (Шеин Василий Павлович), председатель правления Общества православных приходов Петрограда и его губернии профессор Юрий Петрович Новицкий и юрисконсульт Александро-Невской лавры Иван Михайлович Ковшаров.

Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 31 октября 1990 г. приговор Петроградского губернского ревтрибунала по делу митрополита Вениамина и всех 58 лиц, осужденных вместе с ним, был отменен, и само дело производством прекращено «за отсутствием в их действиях состава преступления».

А.А. Бовкало, А. К. Галкин, митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)

Епископ Димитрий (Любимов)

30.12.1925 – 1935

Родился 15 (27 сентября) 1857 г. в г. Ораниенбауме Санкт-Петербургской губернии в семье протоиерея Гавриила Марковича Любимова (1820–1899), известного благотворителя и выдающегося храмоздателя, сподвижника св. праведного Иоанна Кронштадтского. Родом Любимовы были из Тамбовской губернии. Окончив в Петербурге семинарию (1878) и Духовную академию (1882) со степенью кандидата богословия, Димитрий Любимов не сразу принял священный сан: он довольно поздно женился на Агриппине Ивановне Чистяковой, дочери потомственного почетного гражданина. По окончании академии он был послан псаломщиком в русскую Никольскую церковь в Штутгарте (Германия), где священником был его старший брат Сергий, ставший затем настоятелем русской церкви в Ницце (Франция). Прослужив два года, клирик возвратился в Ораниенбаум и 11 сентября 1884 г. определился преподавателем латинского языка в местное Духовное училище.

Вступив в брак, молодой учитель был рукоположен во пресвитера 6 мая 1886 г. в петербургском Исаакиевском соборе Архиепископом Казанским и Свияжским Палладием (Раевым) и по прошению отца получил назначение в дворцовую Пантелеимоновскую церковь Ораниенбаума, где прослужил до 1895 г., когда сменил своего отца на должности настоятеля городской Михаило-Архангельской церкви. 12 сентября 1898 г. о. Димитрия перевели в столичную Покровскую церковь в Большой Коломне, где он за три десятилетия последующего служения снискал большую любовь и авторитет у своих прихожан.

6 сентября 1922 г. его арестовали за противление обновленцам и сослали на три года в казахстанский город Уральск, а оттуда перевели в Теджен в Туркестане. Вскоре после возвращения из ссылки вдовый протоиерей получил от митрополита Сергия (Страгородского) и его сомолитвенников свою архиерейскую хиротонию – **30 декабря 1925 (12 января 1926 г.) он стал епископом Гдовским, викарием Петроградской епархии**, то есть помощником митрополита Петроградского Иосифа (Петровых), назначенного на кафедру летом того же года.

Он продолжал служить в Покровской церкви, но после издания известной «Декларации» 1927 года предпочитал Свято-Троицкую Александро-Невскую лавру, где не поминали за богослужениями епископа Петергофского Николая (Ярушевича) – сторонника митрополита Сергия.

После обнародования «Декларации» 1927 года епископ Димитрий (Любимов) занял совершенно особенное место в церковной жизни Петербурга. Он, «ничем доселе не проявлявший себя, активно и резко становится на защиту Иосифа и отказывается поминать Николая», назначенного митрополитом Сергием возглавлять Ленинградскую кафедру. В епархии образовались две церковные группы: епископа Николая (Ярушевича) и епископа Шлиссельбургского Григория (Лебедева), который «сам как-то не выставлялся, оставался как бы в тени, но все к нему сводилось и от него исходило. У него собирались некоторые из священников и мирян, его глазами смотрел и его словами говорил епископ Димитрий».

12 декабря 1927 г. епископ Димитрий, протоиерей Василий Верюжский, И.М. Андреевский и профессор С.С. Абрамович-Барановский были приняты митрополитом Сергием в Москве и вручили ему обращения петроградских епископов, духовенства (автор – протоиерей Феодор Андреев) и церковной интеллигенции (автор – профессор Абрамович-Барановский). Состоялась двухчасовая беседа, которая не принесла положительных результатов: митрополит Сергий отказался изменить свою политику и вернуть в Петроград митрополита Иосифа. Разрыв стал неизбежен, и 26 декабря епископ Димитрий на своей петербургской квартире в Канонерской улице, 29 объявил епископу Николаю (Ярушевичу) о том, что он и его единомышленники порывают молитвенное общение с митрополитом Сергием. С этого времени епископ Димитрий стал в Петербурге главою православного сопротивления сергианству.

По словам самого владыки Димитрия, в городе его в это время поддерживали следующие архиереи: епископ Нарвский (Копорский) Сергий (Дружинин) и прибывшие из Олонецкой епархии епископ Каргопольский Василий (Дохтуров) и епископ Никольский Варсонофий (Вихвелин). (К ним следует также добавить бывшего петроградского викария, архиепископа Ямбургского Гавриила (Воеводина), проживавшего на покое в Витебске. В ссылке находились единомысленные архипастыри из провинции: епископ Глазовский Виктор (Островидов) и епископ Серпуховский Максим (Жижиленко), а еще на свободе – епископ Дмитриевский Иоасаф (кн. Же-

Архиепископ Димитрий (Любимов)

вахов), проживавший в Екатеринослав-ской (тогда – Днепропетровской) области, и епископ Кинешемский Николай (Голубев).

Следуя указаниям митрополита Петроградского Иосифа, который возглавлял церковное сопротивление, пребывая в ссылке в Николо-Моденском монастыре близ родной Устюжны, верный викарий из Петербурга руководил истинно-православным духовенством. На Рождество 1928 г. Владыка Димитрий был возведен митрополитом Иосифом в сан архиепископа. Как и многие в те дни православные люди, архиепископ Димитрий твердо верил в скорый конец большевицкого ига. «Терпеть долго не придется, – говорил он, – народ полон злобы; советская власть долго не продержится. Бог не допустит издевательства. Найдутся люди, которые пойдут во имя Христа на все жертвы. Нам нужно объединиться, усилить приходы, работать над ними и в нужную минуту сказать свое слово». Так же думали и многие прихожане: «Ждут, не дождутся падения большевиков. Уверены, что с падением большевиков воцарится дом Романовых в лице Кирилла (Великий Князь Кирилл Владимирович – двоюродный брат Государя)». Однако советская власть тоже понимала идейную опасность, исходящую со стороны «иосифлянских» общин и потому выжидала всего два года, прежде чем расправиться с ними. К концу этого срока среди питерских «иосифлян» наметились разногласия и возникло два лагеря: «непримиримых», соединившихся вокруг архиепископа Димитрия, и более умеренных, тяготевших к епископу Сергию (Дружинину).

Согласно современным данным, владыку Димитрия в Петербургской епархии поддерживали общины сорока двух храмов (в том числе – монастырские подворья и монастыри), « …особенно крепкие в Петергофе, Красном и Детском Селе, Гатчине и др.» Кроме того, в Новгородской области на стороне архиепископа Димитрия были: приходы Спасской церкви в Новгороде, церквей в селах Велебицы и Маковищи, мужской Богоявленский Перекомский монастырь на озере Ильмень.

Главным собором «иосифлян» стал храм Воскресения Христова («Спас-на-Крови») в Петербурге, настоятелем которого был профессор, протоиерей Василий Максимович Верюжский (18.7.1874 – 15/28.02.55) – видный церковный историк-славист. С 1909 г. он служил священником в недавно освященном соборе «Спаса-на-Крови», где перед своим арестом в 1929 г. был настоятелем.

По словам сщмч. иеромонаха Гавриила (Владимирова), в «Спасе-на-Крови» были «сосредоточены все лучшие силы духовенства, которые за чистоту попираемого Православия готовы отдать все свои силы и жизнь <...> люди, испытанные, всегда могущие взять бразды правления и повести угнетаемый русский народ к мирному житию и благополучию». Духовенство, народ и монашествующие распространяли, странствуя по городам и селам, материалы «иосифлян». Этот способ был вполне эффективен, и власти поэтому всячески преследовали ревностных странников и странниц.

Архиепископ Димитрий очень ценил монашествующих, «потому что они помогают нам разъяснять, что только мы стоим на защите истинного Православия», и по этой причине «нужно обращающихся к нам за пострижениями не отталкивать, а постригать, научать их и закреплять их в борьбе с антихристианской властью». Тайные постриги происходили как на монастырских подворьях, так и на дому.

Желающих отойти от молитвенного общения с митрополитом Сергием и присоединиться к митрополиту Иосифу было немало, отчего «приемная архиепископа Димитрия была всегда полна». Приезжали наиболее часто из Вятской, Воронежской губерний, Кубанской области и с Украины, то есть из основных мест «иосифлянского» движения. В окружении архиепископа Димитрия были люди самого разного возраста, звания и уровня образования.

29 ноября 1929 г. архиепископ Гдовский Димитрий был арестован в пос. Тайцы близ Гатчины. Одновременно с ним чекисты арестовали молодого священника Петра Белавского – настоятеля местной церкви свт. Алексия, Митрополита Московского, у которого квартировал архиерей, келейника владыки диакона Павла Морозова и верную экономку, монахиню Анастасию (Куликову).

В тот же вечер и на следующий день был арестован весь причт петроградского собора Воскресения Христова («Спаса-на-Крови»): протоиереи Василий Верюжский, Иоанн Никитин, Александр и Сергий Тихомировы, священник Николай Прозоров из Пантелеимоновской церкви (бывшей часовни Александро-Ошевенского монастыря) на Пискаревке, а также много монашествующих и активных прихожан. Аресты продолжались до марта 1930 г. и захватили, среди прочих, одиннадцать монахов Богоявленского Перекомского монастыря под Новгородом, а также духовенство и мирян Псковской области. Всего по этому делу было привлечено сорок шесть человек, обвинявшихся по статье 58/10-11 Уголовного кодекса РСФСР. Так чекисты проводили крупную операцию по ликвидации придуманной ими «Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации «Истинно-Православная Церковь»». Операция началась по всей стране весной 1929 г. и закончилась в 1932 г.

Как известно, советская юстиция была к «иосифля-

нам» безжалостна и подвергала их репрессиям до окончательного искоренения.Следствие, разумеется, ставило перед собой одну единственную цель: изобразить петербургских сторонников митрополита Иосифа заклятыми и неисправимыми врагами советской власти. При этом оно выполняло заранее намеченный план поэтапного разгрома истинно-православных христиан не только как своих идейных противников, но и как противников послушных безбожному режиму, помогая последним установить контроль над церковной жизнью. Поскольку Ленинград был центром «иосифлянского» сопротивления, то первый удар обрушился на него, а далее по всей стране пошли репрессии, которые в 1930 г. вынудили «иосифлян» начать уходить в катакомбы. В этом году все их архиереи уже находились в тюрьмах, лагерях или ссылке. В конце года был окончательно закрыт и храм «Спаса-на-Крови».

Чекисты всегда начинали массовую расправу с казней. Так было и в данном случае. Коллегия ОГПУ вынесла свой приговор 3 августа 1930 г. В соответствии с этим приговором 21 августа в тюрьме на Шпалерной были расстреляны священники Сергий Тихомиров и Николай Прозоров. Владыку Димитрия от смертной казни спас лишь преклонный возраст – ему дали десять лет срока и вместе с большинством осужденных отправили в Соловецкий лагерь особого назначения. Однако, через два месяца архиепископа Димитрия этапировали в московскую Бутырскую тюрьму по делу «Всесоюзного центра Истинно-Православной Церкви», откуда затем переправили в Ярославский изолятор, где обычно содержались важные политические заключенные. Год спустя, туда же попал и владыка Сергий (Дружинин), заменивший в Петрограде архиепископа Димитрия ровно на год. Именно на его руках новомученик архиепископ Димитрий скончался 4/17 мая 1935 года.* Тело его было погребено на соседнем с тюрьмой кладбище. Через два года в черемисском городе Царевококшайске (ныне – Йошкар-Ола) расстреляли и владыку Сергия...

Всего по делу были осуждены сорок четыре человека (двое арестованных умерли во время следствия): десять из них получили по десять, двенадцать – по пять лет, восемь – по три года лагеря. Остальных сослали на север или в Казахстан. На процессе владыки Сергия в 1931 г. обвинялись уже семьдесят пять человек и почти все тоже пошли в лагеря и ссылку. В конце 1932 г., на третьем процессе, были вынесены приговоры последним питерским «иосифлянам», которых удалось выявить карательным органам. В результате этих процессов «иосифлянское» движение всего через четыре года после своего зарождения в Петербурге было обезглавлено и практически подавлено, сохранившись лишь в нелегальной форме...

В ноябре 1981 г. архиепископ Димитрий прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в сонме Новомучеников и Исповедников Российских.

Составлено по: В.В. Антонов «Архиепископ Димитрий и его сподвижники». Возвращение. № 12–13, Русский пастырь

---

* Дата смерти архиепископа Димитрия (Любимова) – 5/18 мая 1935 года была обнаружена в синодике одного покойного петербургского диакона, тщательно собиравшего сведения о репрессированном духовенстве. Дата 4/17 мая 1935 года приводится в кн.: И.И. Осиповой «Сквозь огнь мучений и воды слез...» М., 1998, с. 267, составленной на основе документальных данных

Петербургские иосифляне во главе с архиепископом Димитрием (в центре), епископом Сергием Нарвским и прот. Василием Верюжским (сидят) возле храма «Спас-на-Крови». Рядом с ними (в центре, стоят): архим. Клавдий (Савинский) и свящ. Викторин Добронравов. Третий слева в верхнем ряду – монах Алексий (Карцев), четвертый – иподиакон Петр Сазонов. За епископом Сергием (во втором ряду) стоит брат митрополита Иосифа Николай Семенович Петровых

Жизнеописания викарных епископов Гдовских приводятся по «Каталогу Русских Православных архиереев» митрополита Мануила (Лемешевского) (Metropolit Manuil (Lemeшewskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893-1965. Erlangen. 1987. Tl. I-VI.), а также данных Свято-Тихоновского института.

А.К. Галкин

РЕКТОРСКИЙ КРЕСТ
(Архимандрит Вениамин во главе Санкт-Петербургской Духовной семинарии)

Нынешнее здание С -Петербургских духовных школ (Обводный канал, 17) с храмом св. Иоанна Богослова тесно связано с деятельностью священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. До 1918 года здесь располагалась столичная Духовная семинария – архимандрит Вениамин (Казанский) был ее предпоследним ректором (1905–1909). А еще раньше, в 1899–1902 годах, о. Вениамин занимал в ней должность инспектора.

Перед назначением на пост ректора Петербургской семинарии архимандрит Вениамин возглавлял Духовную школу в Самаре[1]. Перевод состоялся 12 октября 1905 года. В те дни Россию захлестнула всеобщая политическая стачка: даже многие учащиеся прекратили занятия.

Архимандрит Вениамин вернулся в С.-Петербург в трудное для семинарии время. Учебный процесс и здесь был нарушен революционными событиями – в 1905 году «с октября воспитанники *бастовали*, а до октября *готовили* забастовку»[2].

Первая встреча нового ректора со столичными семинаристами состоялась 12 ноября 1905 года. На ней делегаты от воспитанников просили о. Вениамина «поддержать их требования, вызываемые современными событиями». О. ректор «обещал оказать семинаристам полное содействие». В тот же вечер ему была подана обширная петиция[3]. Ее пункты рассматривались не только правлением семинарии. К обсуждению условий, необходимых для умиротворения обстановки в этом закрытом учебном заведении, были привлечены и родители семинаристов. 15-17 декабря в С.-Петербургской семинарии проходило родительское собрание[4] – подобного прецедента в ее истории не было. Родителям, не уверенным в том, что их сыновья подчинятся семинарской дисциплине, предоставили право готовить детей к весенним экзаменам на дому.

Занятия были возобновлены лишь после Рождественских каникул, с 13 января 1906 года, «при условии обязательного исполнения правил, выработанных родительским собранием»[5]. При этом правление семинарии предупредило воспитанников, что в случае «новых волнений, семинария или отдельные классы ее будут на основании указа Св. Синода от 22.XII (№ 6619) закрыты до августа 1906»[6]. Учебный процесс спокойно продолжался до конца апреля, но 1 мая большинство классов вновь устроило забастовку, чтобы «выразить сочувствие пролетариату в его борьбе с буржуазией»[7]. На следующий же день все бастовавшие семинаристы были уволены при условии обратного приема лишь по экзамену. Им велели немедленно покинуть общежитие и разъехаться по домам[8].

За партой остались всего два отделения – по одному из третьего и пятого класса. Поэтому и семинарский праздник 8 мая прошел более, чем скромно. Литургию и молебен служил о. ректор с несколькими столичными пастырями. За богослужением присутствовала небольшая группа учащихся, даже преподавателей было совсем мало[9].

Забастовки 1905–1906 годов парализовали 48 семинарий из 58. Воспитанники требовали коренной реформы программ и всего учебного уклада. К этому времени в тиши синодального Учебного комитета был разработан проект преобразования Духовных школ, но рассмотрение его откладывалось теперь до созыва Поместного Собора... Тем не менее, учебно-воспитательный строй Духовных семинарий и училищ не мог оставаться без перемен – высшей церковной власти пришлось вводить их в виде временных правил. К согласованию необходимых изменений впервые в истории духовного образования в России были привлечены лучшие с точки зрения администрации руководители и педагоги Духовных школ. Архимандрит Вениамин (Казанский) был одним из четырех вызванных на этот чрезвычайный съезд ректоров семинарий[10]. Съезд проходил в С.-Петербурге с 1 по 10 августа 1906 года. Руководил его работой председатель Учебного Комитета епископ Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий). С о. Вениамином он был знаком еще со времени своего

ректорства в Московской Духовной академии: летом 1903 года в ее стенах владыка оказывал гостеприимство семинаристам-экскурсантам из Самары.

Разработанный Комитетом проект обсуждался постатейно, наиболее трудные вопросы дополнительно рассматривали в подкомиссиях. В итоге программы семинарий претерпели существенные изменения. Преподавание общеобразовательных предметов было расширено, преподаватели получили право вносить изменения в те или иные разделы программы и выбирать учебные пособия «в целях оживления преподавания и более успешного приноровления его к пониманию учащихся». Большое внимание было уделено вопросам сближения школы с церковью, усилению религиозного воспитания и пастырской подготовки. В этих целях рекомендовалось привлекать воспитанников к практическому участию в богослужении, проповеди, деятельности благотворительных и просветительных учреждений при приходских церквах. Впервые было внятно признано «облагораживающее влияние за занятиями и развлечениями эстетического характера»: семинаристам отныне не ставили препятствий в посещении театров, публичных концертов и т.д.

Закрывая съезд, епископ Арсений выразил надежду на то, что «это первое общение в труде Учебного комитета с педагогами Духовной школы положит начало постоянному их взаимообщению». При этом он прямо подчеркнул, что время требует не только тяжелых трудов на духовном поприще, «но и жертв, порою может быть даже своею жизнью. В ту тревожную годину, которую переживает наше отечество, приходится видеть эти тяжелые жертвы на каждом шагу, их понесло отчасти уже и наше учебное ведомство, но они будут еще и впереди»[11]. Так еще за 16 лет до своей гибели священномученик Вениамин получил от одного из наиболее прозорливых иерархов ясное указание на жертвенный жребий церковного служения в России.

Выработанные на совместных заседаниях изменения в учебно-воспитательном строе Духовных семинарий и училищ были приняты Святейшим Синодом и введены в действие с 15 августа 1906 года «впредь до общего пересмотра уставов». После утверждения Императором 3 сентября 1906 года они получили силу закона[12]. Следует заметить, что многие из предписанных ко всеобщему исполнению положений, особенно по воспитательной части, архимандрит Вениамин уже использовал и проверил на практике в Самаре. Поэтому его роль в сближении Духовных школ с жизнью, в совершенствовании учебного процесса в них представляется особо существенной.

В августе – сентябре 1906 года в С.-Петербургской семинарии состоялись приемные экзамены для уволенных, причем для воспитанников шестого класса эти экзамены явились одновременно и выпускными. 25-м по списку семинарию окончил в тот год брат о. Вениамина Григорий Казанский[13]. В связи с тем, что в первый класс поступило 110 воспитанников, в нем пришлось открывать дополнительное, третье, отделение. В столичной семинарии подобного еще никогда не случалось. Занятия начались с 15 сентября. В 1906/1907 учебном году были осуществлены большие изменения в программах, согласно временным правилам, утвержденным Св. Синодом. А с 1907/1908 года, по инициативе правления семинарии с о. ректором во главе, в V и VI классах ввели курс гигиены и начальных знаний медицины[14]. О том, как полезно священнику быть сведущим по медицинской части, о. Вениамин убедился с детства, в родном приходе. Крестьянки очень часто обращались к его отцу за советами по уходу за детьми и больными.

9 ноября 1906 года скоропостижно скончался почетный блюститель семинарии и староста ее домовой церкви Пантелеймон Трифонович Бадаев. Извещение об этой утрате Духовная семинария поместила в «Новом времени»[15]. 13 ноября последовал вынос тела в семинарскую церковь, где в тот же день епископ Ямбургский Сергий (Тихомиров) совершил литургию и отпевание (П.Т. Бадаев занял свою должность при семинарии в бытность Владыки ее ректором). Архимандрит Вениамин также участвовал в службах. Интересно, что покойный был единоверцем, то есть происходил из тех старообрядцев, которые в свое время вошли в общение со Святейшим Синодом. Поэтому и отпевание совершалось по дониконовскому чину, и погребальную процессию на Охтинское единоверческое кладбище сопровождало единоверческое духовенство[16]. Впоследствии, в сане епископа Гдовского, святителю Вениамину еще не раз доведется служить по «старым книгам»: ряд лет он будет заведовать единоверческими приходами столичной епархии.

Несмотря на то, что с осени 1906 года занятия шли свои чередом, отголоски революционных настроений давали знать о себе и в семинарских стенах. В апреле 1907 года воспитанники С.-Петербургской семинарии присоединились к «мнению товарищей семинаристов», требовавших отмены переводных экзаменов. Заявление о том, что «мы временно подчиняемся насилию Св. Сино-

С.-Петербургская Духовная семинария. Храм св. ап. Иоанна Богослова. Интерьер. Фото начала XX в.

да, но самым решительным образом протестуем против его постановления (об экзаменах – *авт.*)», принятое на сходке в семинарии, было разослано в редакции всех петербургских газет[17]. Вскоре сам архимандрит Вениамин стал жертвой хулиганской выходки двух семинаристов. «За дерзость, нанесенную в пьяном виде ректору семинарии в первый день праздника Пасхи»[18] – 22 апреля – они были немедленно уволены. А 29 января 1908 года в семинарию явились полицейские и, «предъявив о. ректору ордер охранного отделения, арестовали воспитанника VI класса Никитина»[19]. Двумя неделями ранее был арестован письмоводитель семинарии, у которого при обыске нашли документы нелегального «всероссийского семинарского союза». Именно этот союз готовил забастовки в семинариях, акции протеста и даже террористические акты.

Как правило, наиболее «политически активные» учащиеся занимали последние места по успехам. При архимандрите Вениамине увольнения малоуспешных из семинарии не составляли редкости. По окончании 1906/1907 учебного года было исключено 36 воспитанников, из них – 11 второгодников, через год – еще 13. В печати можно найти изложение речи, сказанной о. ректором в семинарской церкви 3 сентября 1907 года, за молебном пред началом учения. «Современные юноши, возомнив себя «мудрецами» века, забывают самую главную свою обязанность. Если юноша пришел в школу и хочет учиться, то и должен учиться, а если при этом он явился в Духовную семинарию, то должен знать вперед, какие обязанности налагает на него это учебное заведение. Всем, желающим заниматься какими-либо другими делами, кроме учения и молитвы в семинарском храме, тем здесь не место», – категорически заявил о. ректор[20]. Как и в последующей архипастырской деятельности, на посту ректора столичной семинарии о. Вениамин действовал кротко, но твердо. Он никогда не стремился ни обличить или унизить «отпавших», ни удержать их силой: «Пусть тот из вас, в ком есть голос совести, твердо решит сейчас же, у входа в это духовное святилище, вопрос: оставаться ли ему здесь с нами или уйти, чтобы не вредить ни нам, ни себе? <...> Кто не согласен или кому не позволяет его совесть подчиниться существующим здесь законным порядкам и требованиям, тот пусть уходит отсюда и ищет себе подходящих условий и порядков, подходящего режима»[21].

Итак, архимандрит Вениамин успешно исполнил возложенное на него послушание: правильное течение жизни в Духовной школе столицы было восстановлено надежно и без эксцессов. В дни празднования «осеннего Богослова» продвижение по пути нормализации получало даже наглядное отражение. В 1906 году семинарский праздник, вопреки обычаю, не был отмечен архиерейской службой – богослужения возглавлял о. ректор. Тем не менее, храм был переполнен[22]. Но уже в 1907 году в семинарском храме 26 сентября литургию служил сам митрополит Антоний, а всенощное бдение накануне – экзарх Грузии архиепископ Никон (Софийский; убит в Тифлисе 28 мая 1908). Только годичный акт, как и в предшествующем году, был отменен. Митрополит ограничился тем, что проследовал в столовую воспитанников и поздравил их с праздником[23]. Наконец, в 1908 году осеннее торжество семинарии возобновилось в полном объеме «прежних лучших дней». За всенощной 25 сентября на литию и величание выходил архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский). Он же совершал праздничную литургию и молебен и присутствовал на годичном акте[24]. По отчету, в семинарии в 1907/1908 учебном году состояло 352 воспитанника и 23 наставника, не считая служащих при образцовой школе и низших должностных чинов[25]. Одним из 38 выпускников 1908 года был Александр Смирнов (19 августа 1883 – 16 августа 1957) – впоследствии епископ Смоленский и Дорогобужский Сергий.

Труды архимандрита Вениамина по оздоровлению столичной семинарии были отмечены орденом св. Владимира IV степени (6 мая 1907). А митрополит Антоний особо засвидетельствовал свою благодарность и признательность о. ректору осенью 1908 года. В воскресенье 12 октября, накануне дня ангела о. Вениамина и по случаю трехлетия его ректорства, митрополит отслужил литургию в семинарском храме[26].

Как ректор семинарии архимандрит Вениамин стал председателем состоявшего при ней Братства св. Иоанна Богослова. Ко времени его вступления в должность деятельность братства замерла, и его средства почти перестали пополняться. Новый председатель поспешил исправить положение: если в 1905 году поступило всего 38 рублей членских взносов[27], то в 1906 году – 401 рубль[28]. Взнос самого о. Вениамина составил 10 рублей, а самое щедрое пожертвование – 100 рублей – сделал св. Иоанн Кронштадтский. На семинарской даче близ Валдая в 1906 году провело лето 32 воспитанника. При них находились поочередно ректор и инспектор семинарии.

Заботясь в Санкт-Петербурге, как и в Самаре, о расширении кругозора воспитанников, архимандрит Вениамин возил их летом 1907 и 1909 годов в насыщенные впечатлениями дальние путешествия. Конечным маршрутом поездки 1907 года стал Соловецкий монастырь. 11 июня семинаристы-экскурсанты во главе с о. ректором отправились по железной дороге в Вологду, а оттуда до Белого моря – водой по Сухоне и Северной Двине[29]. Из Соловков в Петербург путь был намечен через Ярославль и Москву, с посещением Троице-Сергиевой лавры. В 1909 году о. Вениамин избрал началом паломничества-экскурсии древний Чернигов[30]. Затем он со своими питомцами побывал в Киеве, Полтаве, где уже шли приготовления к празднованию 200-летия победы русских войск в Полтавской битве (27 июня 1709), Святогорском монастыре Харьковской епархии. Из этого монастыря семинаристы вместе с о. ректором прошли ночью, пешком, 18 верст до города Славянска и там сели на поезд до Царицына[31]. Обратный путь лежал через Самару, Нижний Новгород, Владимир, Троице-Сергиеву лавру и Москву[32]. В Успен-

Епископ Арсений (Стадницкий)

Епископ Кирилл (Смирнов)

Митрополит Антоний (Вадковский)

ском соборе Владимира, при большом стечении народа, о. Вениамин и его спутники отслужили панихиду на могиле убиенного годом ранее архиепископа Никона (Софийского). В насыщенном ненавистью XX веке духовенство гибло от разбоя и террора и до октябрьского переворота...

Большое познавательное значение для семинаристов имела и поездка в Троице-Сергиеву пустынь под Стрельной, организованная о. ректором 4 октября 1909 года. Ее целью составляло знакомство с первой в России школой трезвости, открытой иеромонахом пустыни Павлом (Горшковым) в 1906 году. Здесь мальчики и девочки не только овладевали науками и ремеслами, но и проникались сознанием того вреда, который наносит людям алкоголизм. При школе существовала бесплатная столовая, велись религиозно-нравственные беседы. После молебна в Троицком соборе пустыни и подробного осмотра Сергиевской школы трезвости архимандрит Вениамин со своими спутниками – воспитанниками VI класса – посетил вечернее чтение. Помимо детей, на него собралось много местных жителей. О. ректор отслужил молебен и сказал слово, «полное сердечности и страстного обличения порока пьянства». Затем иеромонах Павел предложил слушателям лекцию с туманными картинами. Семинаристы уезжали из пустыни с убеждением, что «здесь христианская деятельность приносит добрые плоды»[33].

Памятником периода ректорства архимандрита Вениамина в столичной семинарии стала образцовая церковно-приходская школа, построенная на семинарском дворе по проекту гражданского инженера Е.Л. Морозова[34]. Ее двухэтажное здание заложили весной 1907 года. Школа при семинарии создавалась образцовой в полном смысле этого слова. В ней, кроме классных комнат и квартиры учителя, было предусмотрено устройство большой школьной библиотеки, столовой и гимнастического зала. Сами классы оборудовались «новейшими усовершенствованиями по школьно-учебной части»[35]. Освящал школу 28 октября 1907 года епископ Гдовский Кирилл (Смирнов) после торжественной литургии, совершенной им в семинарском храме[36]. А летом 1909 года в этом храме была поставлена большая икона Собора Киево-Печерских святых. Ее привезли в благословение семинарии из Киева участники экскурсии-паломничества во главе с о. ректором.

Важнейшие даты в церковной и культурной жизни отмечались в семинарии тематическими вечерами. Так, 13 ноября 1907 года, в связи с 1500-летием кончины св. Иоанна Златоуста, там прошли чтения, на которых выступили с докладами преподаватели иеромонах Геннадий (Туберозов) и Х.М. Попов. В перерывах хор воспитанников исполнял песнопения из службы святителю[37]. В марте 1909 года в семинарии состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Программа вечера была составлена «замечательно удачно и разнообразно». В актовом зале собрались родственники многих семинаристов, присутствовал на вечере и о. ректор[38].

В 1909 году Петербургская семинария праздновала свое столетие. Торжества были приурочены к осеннему дню памяти св. Иоанна Богослова. Они начались 24 сентября служением парастаса по почившим начальникам и преподавателям. На другой день служилась заупокойная литургия и панихида, за которой о. ректор сказал слово, посвященное памяти ушедших наставников. Эти службы, как и всенощную 25 сентября, возглавил епископ Гдовский Кирилл (Смирнов), выпускник семинарии 1883 года. На литию и величание с епископом выходили нареченный во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, бывший преподаватель семинарии архимандрит Геннадий (Туберозов), о. ректор и архимандрит Митрофан (Землянский) – выпускник семинарии 1884 года. Божественную литургию в день юбилея совершил митрополит Антоний с епископом Кириллом. Среди многочисленного собора духовенства были такие видные протоиереи, как председатель синодального Учебного комитета Димитрий Беликов, настоятель Смольного всех учебных заведений собора Николай Розанов (ректор семинарии в 1880–1889 годах), Философ Орнатский, член

правления семинарии священник Михаил Чельцов. «Не только семинарская церковь, но и коридоры были полны бывшими питомцами семинарии всех возрастов и жизненных положений. Были целые поколения: деды, отцы, сыновья и внуки»[39]. Среди них находился Н.А. Скроботов (1841–1920) – автор «Памятной книжки окончивших курс в С.-Петербургской Духовной семинарии. С 1811 по 1895 гг.» (СПб, 1896) и редактор «Петербургского листка». В этой газете появилась большая статья о юбилее с портретами всех семинарских преподавателей[40].

На юбилейном акте был прочитан исторический очерк семинарии за сто лет, изданный отдельной брошюрой[41]. Затем митрополит вручил награды лучшим воспитанникам, в том числе Льву Парийскому (20 февраля 1892 – 23 ноября 1972) – впоследствии инспектору возрожденных Ленинградских Духовных школ. Архимандрит Вениамин ответил благодарственной речью на все прозвучавшие приветствия и поздравления[42].

Большинство воспитанников семинарии составляли выпускники С.-Петербургского Александро-Невского Духовного училища. Домовый храм училища имел посвящение св. Павлу исповеднику (память 6 ноября). Святитель Вениамин не раз служил здесь и в сане архимандрита, и в бытность викарным епископом. Так, он был назначен к участию в службе престольного дня в 1907 году, когда литургию в храме совершали митрополит Антоний и епископ Гдовский Кирилл – лучший по успехам выпускник училища 1877 года[43]. 6 ноября 1908 года училище отмечало 50-летие освящения храма. Юбилейные богослужения возглавил епископ Кирилл, а среди многочисленного духовенства первенствовал о. ректор семинарии[44]. Священнодействие особо украсил своим голосом московский придворный протодиакон Константин Розов – будущий патриарший архидиакон.

В декабре 1909 года свое столетие отпраздновала С.-Петербургская Духовная академия. Архимандрит Вениамин приветствовал Alma mater во главе депутации от столичной семинарии на торжественном акте 17 декабря[45] и принимал участие во всех юбилейных богослужениях, проходивших в академическом храме 15-16 декабря[46].

На посту ректора семинарии архимандрит Вениамин оставался «членом-деятелем» Общества распространения религиозно-нравственного просвещения. Уже через месяц после возвращения в Петербург, 6 и 11 декабря 1905 года, он проводил беседы в молитвенном доме Общества в селе Александровском за Невской заставой[47]. Своим возникновением этот молитвенный дом был обязан семинарскому преподавателю гомилетики иеромонаху Геннадию (Туберозову).

В Крещение, 6 января 1906 года, о. Вениамин был среди сослужащих за литургией, совершенной митрополитом Антонием с епископом Ямбургским Сергием (Тихомировым), ректором С.-Петербургской Духовной академии, в лаврском Троицком соборе. Из Лавры на Неву направился большой крестный ход. Такое торжественное крещенское водосвятие здесь, на городской окраине, представляло редкость. На него собралось множество народа, но из «высокопоставленных лиц» не было никого[48]. В тот же вечер епископ Сергий и архимандрит Вениамин положили начало духовным беседам на фабрике Варгуниных, где они часто проповедовали еще в 1890-х годах, студентами академии. «Молебен и беседа были в церкви, и народу собралась масса. Были все очень довольны таким торжественным открытием бесед»[49].

Деятельность Общества распространения религиозно-нравственного просвещения продолжала расширяться. На Большой Охте построили деревянный храм Общества в честь Казанской иконы Божией Матери. В воскресенье 15 января 1906 года о. Вениамин сослужил епископу Нарвскому Антонину (Грановскому), освящавшему главный алтарь нового храма. Через две недели о. ректор освятил там придел святителя Николая и св. мученицы Александры[50]. В С.-Петербургской епархии это был первый престол, освящение которого возглавил будущий Петроградский митрополит-священномученик. Весной 1906 года в селе Александровском, за Невской заставой, завершилась перестройка молитвенного дома Общества под храм. 19 марта архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский) возглавил чин освящения его престола во имя св. Серафима Саровского. К службе были приглашены архимандрит Вениамин с иеромонахом Геннадием (Туберозовым), семинарский эконом диакон Александр Копейкин, и даже хором управлял семинарист Макаров[51]. 14 декабря 1908 года о. Вениамин стал участником торжества освящения грандиозного каменного Воскресенского храма Общества на Обводном канале, сменившего временный, деревянный[52]. В тот день на молебен в новом храме вышли все три митрополита – С.-Петербургский Антоний, Московский св. Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий) – и пять других архиереев. Воскресенский храм у Варшавского вокзала имел широкую известность как оплот борьбы с пьянством. В 1898 году при нем возникло Александро-Невское общество трезвости, сеть отделений которого очень скоро охватила весь город.

20-21 октября 1907 года о. Вениамин совершал всенощную и литургию с чином малого освящения в нижнем храме подворья Задне-Никифоровской пустыни за Невской заставой. К этому дню храм был расписан внутри. Перед молебном о. ректор сказал народу слово[53]. Многие богомольцы помнили его здесь еще студентом-проповедником.

В сане архимандрита он неоднократно проповедовал и за архиерейскими богослужениями. Так, 14 мая 1908 года в Исаакиевском кафедральном соборе, за службой митрополита Антония, в присутствии Великого Князя Петра Николаевича и князя Иоанна Константиновича, «во время обедни, вместо запричастного стиха, прекрасное слово сказал ректор Духовной семинарии архимандрит Вениамин»[54]. В том же соборе он произнес поучение за литургией в день Нового, 1909 года[55]. 22 февраля 1909 года на Выборгской стороне происходили торжества по

Епископ Геннадий (Туберозов)

Иеромонах Павел (Горшков)

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

случаю основания приходского Сампсоновского христианского братства и освящения дома, специально построенного для него. Проповедь за литургией, совершенной в переполненной Сампсониевской церкви епископом Нарвским Никандром (Феноменовым), говорил о. Вениамин[56]. А 31 марта того же года, в день пасхального паломничества трезвенников в Александро-Невскую лавру на митрополичью службу, он следовал в крестном ходе от новой Воскресенской церкви у Варшавского вокзала. В лаврском Троицком соборе архимандрит Вениамин сказал «одушевленное слово, обращенное к трезвенникам»[57]. Проповедовал он и за воскресными вечернями в Духовской церкви Александро-Невской лавры, которые служил митрополит Антоний поочередно со своими викариями. Например, 4 ноября 1907 года «беседу на воскресное рядовое Евангелие о сеятеле и семени предложил ректор С.-Петербургской Духовной семинарии архимандрит Вениамин, после чего по указанию и под руководством владыки-митрополита, предложившего и от себя слово назидания, было исполнено богомольцами несколько церковных песнопений... На богослужении и собеседовании присутствовал и епископ (Гдовский – *авт.*) Кирилл»[58].

Архимандрит Вениамин разделил молитвенное общение с митрополитом Антонием в день 10-летия его назначения на С.-Петербургскую кафедру (митрополит уклонился от всякого чествования)[59]. Не обошлось без его участия и празднование 200-летия Полтавской победы в июне 1909 года. К этому юбилею была полностью отреставрирована Сампсониевская церковь – одна из старейших каменных церквей столицы, построенная еще в первой половине XVIII века. Комитет по ее реставрации возглавлял священник Владимир Покровский, однокурсник о. архимандрита по академии. Храм, возведенный в ранг собора, был заново освящен 25 июня епископом Гдовским Кириллом в сослужении о. Вениамина[60]. В день церковно-школьного праздника 11 мая (память свв. Кирилла и Мефодия) ректор семинарии традиционно входил в сонм духовенства, сослужившего митрополиту в Казанском соборе. На литургию и молебен сюда собирались сотни школьников и школьниц со всего города.

Известно и об участии архимандрита Вениамина в службах, за которыми совершались епископские хиротонии. Так, 12 апреля 1909 года он присутствовал в лаврском Троицком соборе при хиротонии архимандрита Мефодия (Великанова), одного из своих предшественников на посту ректора семинарии, во епископа Сарапульского[61]. 31 мая 1909 года за литургией в том же соборе он сослужил новохиротонисанному епископу из Черногории Загорско-Рашскому Кириллу (Митровичу)[62], а 27 сентября – епископу Балахнинскому Геннадию (Туберозову)[63].

29 октября 1907 года скончался митрофорный протоиерей Петр Смирнов. В 1897–1905 годах он состоял председателем Учебного комитета и, таким образом, был непосредственным начальником о. Вениамина. Отпевание о. Петра происходило в лаврской Свято-Духовской церкви. Его совершил преемник почившего по Учебному комитету архиепископ Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий) в сослужении двух викарных епископов и целого сонма духовенства во главе с председателем Училищного совета при Св. Синоде митрофорным протоиереем Павлом Соколовым и ректором столичной семинарии архимандритом Вениамином[64].

13 октября 1908 года, по благословению митрополита Антония, в С.-Петербургской епархии был учрежден Епархиальный миссионерский совет. В его состав с самого открытия вошел о. Вениамин[65]. В столице, как и ранее в Самаре, о. архимандрит стремился шире заинтересовать миссионерским делом семинаристов. Так, 30 ноября 1908 года на диспуте синодального миссионера протоиерея Ксенофонта Крючкова († 5 мая 1909) со старообрядцами среди многих слушателей находились и воспитанники VI класса семинарии во главе с о. ректором[66].

В воскресенье 19 октября 1908 года архимандрит Вениамин участвовал в многолюдном торжестве пере-

Александро-Невское Антониевское Духовное училище

несения святынь, доставленных в Россию из Палестины. Крест с частицей древа креста Господня и икона Воскресения с частицей гроба Господня были присланы патриархом Иерусалимским Дамианом в дар Николо-Барградской церкви, принадлежавшей Православному Палестинскому обществу. Для встречи святынь прибыли оркестр лейб-гвардии Измайловского полка и все районные отделы Александро-Невского общества трезвости со своими хоругвями и образами. Крестный ход от Варшавского вокзала по Обводному каналу и Лиговке направился к скромной церкви Палестинского общества. Во главе его шествовали епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) и три архимандрита – ректор семинарии Вениамин, настоятель Троице-Сергиевой Приморской пустыни Михаил (Горелышев) и настоятель греческой посольской церкви Софроний (Дука)[67]. Этот крестный ход был одним из первых общих шествий петербургских трезвенников с участием архиерея. С самого начала своего епископского служения святитель Вениамин придаст подобным процессиям прежде невиданный, поистине общегородской масштаб[68].

20 декабря 1908 года почил настоятель Андреевского собора Кронштадта протоиерей Иоанн Сергиев (св. Иоанн Кронштадтский). 22 декабря гроб с телом усопшего пастыря был торжественно встречен на Балтийском вокзале С.-Петербурга. Среди многочисленного духовенства, сопровождавшего погребальную колесницу от вокзала до Иоанновского монастыря, шел крестным ходом и ректор столичной семинарии. На другой день архимандрит Вениамин участвовал в заупокойной литургии и отпевании о. Иоанна, которое возглавил митрополит Антоний[69]. На могиле всероссийски чтимого пастыря он много раз молился и впоследствии – архимандритом, епископом, митрополитом....

3 января 1909 года о. Вениамин сослужил председателю епархиального братства Пресвятой Богородицы епископу Гдовскому Кириллу, совершавшему заупокойную литургию и панихиду в Иоанновском монастыре с участием священствующих братчиков[70]. 22 января вечером у гробницы о. Иоанна побывали учащие и учащиеся С.-Петербургской Духовной семинарии во главе с о. ректором. За панихидой, отслуженной семинарским духовенством, пели все воспитанники[71]. На 40-й день кончины архимандрит Вениамин вновь был приглашен к служению в монастырском соборе, куда для совершения литургии прибыли все три митрополита Всероссийской церкви[72]. По-особому прошел в 1909 году и выпуск семинарии, состоявшийся 29 мая. Этот день о. ректор с окончившими курс воспитанниками завершил в Иоанновском монастыре: вместе с ними он отправился туда поклониться гробнице о. Иоанна[73].

Немногим более четырех лет о. Вениамин нес в Петербурге ректорский крест. За это время в семинарских стенах водворились успокоение и мир, а митрополит Антоний еще ближе смог оценить нравственные и умственные достоинства о. архимандрита, близкого ему по духу и убеждениям. В конце 1909 года архимандрит Вениамин был представлен к епископскому служению, и 30 декабря последовало его назначение епископом Гдовским, четвертым викарием Санкт-Петербургской епархии.

Примечания:

[1] Бовкало А., Галкин А. Священномученик Вениамин – ректор Самарской Духовной Семинарии // Духовный собеседник. 1998. № 2. С. 119-133.

[2] Учебные итоги // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. № 15. С. 26.

[3] В Духовной семинарии // Петербургский листок. 1905. № 228 (13. XI). С. 3.

[4] С.-Петербургская семинария // Колокол. 1906. № 2 (1.I). С. 4.

[5] Церковная жизнь // Колокол. 1906. № 12 (15.I). С. 3.

[6] К возобновлению учебных занятий в петербургской семинарии // Петербургский листок. 1906. № 6 (7.I). С. 2.

[7] Педагог средней Дух. школы. Опасное течение // Церковный вестник. 1906. № 32. Стлб. 1031-1033.

[8] Закрытие местной Духовной семинарии // Колокол. 1906. № 94 (3.V). С. 3.

[9] В Духовной семинарии // Петербургский листок. 1906. № 125 (9.V). С. 4. «Заседание Учебного комитета // Церковные ведомости. 1906 № 31 (Прибавления). С. 2392-2393 . « Совещание по духовно-учебной реформе // Церковные ведомости. 1906 № 33 (Прибавления). С. 2450-2451.

[12] Высочайше утвержденное определение Святейшего Синода, от 16-19 августа 1906 года, за № 4469, о некоторых изменениях в строе Духовных семинарий и училищ // Церковные ведомости. 1906 № 36. С. 387-390.

[13] Рункевич Н.Г. Краткая записка о С.-Петербургской Духовной семинарии за сто лет (1809–1909 г.) СПб, 1909. С. 38.

[14] В СПб Духовной семинарии // Колокол. 1908. № 574 (15.I). С. 3.
[15] Новое время. 1906. № 11016 (12.XI). С.1.
[16] Отпевание старосты // Колокол. 1906. № 245 (14.XI). С. 2.
[17] Nето. Политиканствующие семинарские младенцы. (Письмо в редакцию) // Колокол. 1907. № 360 (8.IV). С. 3.
[18] В СПб Духовной семинарии // С.-Петербургские ведомости. 1907. № 98 (4.V). С. 4; перепечатано: Колокол. 1907. № 378 (5.V). С. 2. «Арест в Духовной семинарии // Колокол. 1908. № 587 (30.I). С. 3.
[20] И.С. В С.- Петербургской Духовной семинарии // Колокол. 1907. № 472 (4.IX). С. 2.
[21] Здешний. Начало ученья в С.-Петербургской Духовной семинарии // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. № 18 и 19. С. 37.
[22] Семинарский праздник// Колокол. 1906. № 207 (28.IX). С. 2.
[23] Праздник в С.-Петербургской Духовной семинарии // Колокол. 1907. № 490 (28.IX). С. 3.
[24] Акт в Духовной семинарии // Петербургский листок. 1908. № 266 (27.IX). С.3.
[25] N. Торжество в Пет. Дух . семинарии // Колокол. 1908. № 777 (28.IX). С. 2.
[26] Служение владыки-митрополита Антония // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1908. № 225 (16.X). С. 3.
[27] Извлечение из отчета Братства св. Иоанна Богослова при С.-Петербургской Духовной Семинарии за время с 25 сентября 1902 года по 1 января 1906 года // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. № 1 и 2. С. 12-14.
[28] Извлечение из отчета Братства св. Иоанна Богослова при С.-Петербургской Духовной Семинарии за 1906 год // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. № 17. С. 11.
[29] Экскурсия семинаристов СПб Дух. семинарии // Колокол. 1907. № 408 (13.VI). С. 3.
[30] Один из паломников-воспитанников. Петербургские паломники в гор. Чернигове // Колокол. 1909. № 980 (11. VI). С.3.
[31] Экскурсант. Паломничество воспитанников СПб Духовной семинарии // Колокол. 1909. № 988 (24.VI). С. 3.
[32] Варфоломеев Н, воспитанник-экскурсант. С.- Петербургские семинаристы-паломники во Владимире и в Москве // Колокол. 1909. № 992 (28.VI). С. 3.
[33] I.T. Семинаристы-паломники в Сергиевой пустыни // Колокол. 1909. № 1073 (9.X). С. 3.
[34] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник. СПб, 1996. С. 220.
[35] Образцовая школа при семинарии // Петербургский листок. 1907. № 134 (18.V). С. 4.
[36] Архиерейские служения // Колокол. 1907. № 513 (28.X). С. 2.
[37] В Духовной семинарии и училище // Колокол. 1907. № 528 (15. XI). С. 3.
[38] Городская жизнь // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 66 (24.III). С. 2.
[39] Столетний юбилей С.-Петербургской Духовной семинарии // Церковный вестник. 1909. № 40. С. 1247.
[40] Юбилей СПб Духовной семинарии // Петербургский листок. 1909. № 263 (25.IX). С. 2; № 264 (26.IX). С. 3; № 265 (27.IX). С. 5; иллюстрированное приложение, № 39. С. 324-325.
[41] Рункевич Н.Г. Цит. соч.
[42] Епархиальная хроника. Столетие С.-Петербургской Духовной семинарии. Юбилейное торжество СПб Духовной семинарии. Адрес СПб семинарии от Епархиального СПб съезда // Известия по С.-Петербургской епархии. 1909. № 20. С. 16-22.
[43] Праздник Александро-Невского Духовного училища // Петербургский листок. 1907. № 306 (7.XI). С. 3.
[44] Паевский Ф. В Александро-Невском Духовном училище // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1908. № 242 (7.X1). С. 2.
[45] Юбилей С.-Петербургской Духовной академии // Колокол. 1909. № 1131 (18.XII). С. 3.
[46] Столетний юбилей Духовной академии // Петербургский листок. 1909. № 345 (16.XII). С. 3; № 346 (17.XII). С. 5.
[47] Отчет о деятельности высочайше утвержденного 4-го апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви за 1905 год (существования Общества двадцать пятый) с приложением списка членов и устава Общества. СПб, 1906. С. 136.
[48] Богослужение 6 января // Колокол. 1906. № 7 (8.I). С. 3.
[49] Отчет о деятельности высочайше утвержденного 4-го апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви за 1905 год (существования Общества двадцать пятый) с приложением списка членов и устава Общества. СПб, 1906. С. 135.
[50] Освящение престола // Петербургский листок. 1906. № 29 (30.I). С. 3.
[51] Освящение храма // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1906. № 66 (23.III). С. 2.
[52] Рункевич С. Новый храм Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в Петербурге // Церковные ведомости. 1908. № 51-52. С. 2527.
[53] Л.К. Торжество обновления храма // Колокол. 1907. № 510 (25.X). С.3.
[54] Внутренние известия. С.-Петербург // Русский инвалид. 1908. № 167 (16.V). С. 3.
[55] Паевский Ф. Новогодние богослужения // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 2 (3.I). С. 3.
[56] Паевский Ф. Торжество в древней Сампсоновской церкви // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 44 (26.II). С. 2.
[57] Паломничество трезвенников // Известия по С.-Петербургской епархии. 1909. № 7. С. 23.
[58] Архиерейское служение // Колокол. 1907. № 521 (7.XI). С. 3.
[59] Паевский Ф. К десятилетию служения владыки Антония в сане митрополита // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 1 (1. I). С. 2-3.
[60] Паевский Ф. Освящение Сампсоновского храма // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 135 (25.VI). С. 2.
[61] Паевский Ф. Хиротония во епископа // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 80 (15.IV). С. 2.
[62] Паевский Ф. Хиротония во епископа // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 114 (2.VI). С. 2.
[63] Торжественные богослужения //Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 210 (3.X). С. 2.
[64] Погребение протоиерея П.А. Смирнова // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1907. № 237 (2.XI). С. 2.
[65] Морозов Ф. Новый СПб Епархиальный миссионерский совет // Колокол. 1908. № 810 (8.XI). С. 3.
[66] Миссионерское собеседование // Колокол. 1908. № 829 (2.XII). С. 3.
[67] Паевский Ф. Необычайное духовное торжество // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1908. № 231 (25.X). С. 3.
[68] Бовкало А.А., Галкин А.К. Святитель Вениамин и крестные ходы петербуржцев // «Петербуржец путешествует». Сборник материалов конференции 2-3 марта 1995 года. СПб, 1995. С. 101-109.
[69] Кончина и погребение о. Иоанна Кронштадтского. Изд.2-е. СПб, 1909. С. 10, 15.
[70] Заупокойная литургия по о. Иоанну Кронштадтскому // Ведомости С.- Петербургского градоначальства. 1909. № 3 (4.I). С. 2.
[71] В Иоанновском монастыре // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 18 (23.I). С. 2.
[72] Буланов Н. 40-й день кончины всемирного молитвенника, о. Иоанна Кронштадтского // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1909. № 23 (29.I). С. 2.
[73] Один из окончивших. В С.-Пет. Духовной семинарии // Колокол. 1909. № 969 (2.VI). С. 4.

Свт. Киприан Карфагенский

О РЕВНОСТИ И ЗАВИСТИ

Ревность кажется тебе делом хорошим, а некоторые считают легким и маловажным грехом завидовать тем, возлюбленнейшие братья, которые лучше их. А считая грехом легким и маловажным, не боятся его; не боясь, пренебрегают им; пренебрегая же, не избегают его, и таким образом совершается невидимая и тайная пагуба: будучи едва заметной для того, чтобы предусмотрительные могли уберечься от нее, она скрыто повреждает умы неосмотрительные. Между тем Господь повелел нам быть мудрыми, заповедал быть крайне «сторожными, чтобы враг, который всегда бодрствует и непрестанно подстерегает нас, вторгшись в сердце, не раздул из искр пожара, не превратил малого в большое и, убаюкивая небрежных и неосторожных легким дыханием и тихим веянием, не возбудил вихрей и бурь и через то не разрушил веры и спасения, не разбил самой жизни.

Итак, надобно бодрствовать, возлюбленнейшие братья; надобно всеми силами стараться противопоставить тщательное и полное бдение врагу, который, свирепствуя, направляет на все части тела свои стрелы, могущие поразить и ранить нас. Убеждая нас к этому и поучая, апостол Петр говорит в своем Послании: «Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» *(1 Пет. 5, 8)*. Он обходит каждого из нас и, как неприятель, обложивший крепость, осматривает стены и испытывает, нет ли в них какой части не столь укрепленной и прочной, через которую можно было бы проникнуть внутрь. Глазам он представляет соблазнительные образы и нетрудные забавы, чтобы посредством зрения подорвать целомудрие; завлекает ухо веселыми песнями, чтобы посредством слышания сладких звуков поколебать и ослабить христианскую силу; вызывает язык на злословие и, раздражая обидами, подстрекает руку на наглое убийство; выставляет неправедные барыши, чтобы приучить к барышничеству; вводит пагубные сбережения, чтобы пристрастить душу к деньгам; обещает земные почести, чтобы отнять небесные; выставляет на вид ложное, чтобы похитить истинное. Всегда озабоченный поражением рабов Божиих, всегда неприязненный, коварный во время мира, жестокий во время гонения, он, когда не может обольстить тайно, грозит открыто и явно, устрашая ужасами гонения. Поэтому, возлюбленнейшие братья, необходима стойкость нашему духу: он должен быть настроен и вооружен как против всех тайных козней диавола, так и против явных угроз его, должен быть готов к отражению их так же, как враг всегда готов к нападению. А как стрелы, пускаемые втайне, многочисленнее и поражение скрытое и потаенное тем тяжелее и чаще причиняет раны, чем менее оно предусматривается, то мы должны быть бдительными, чтобы все подобное понимать и отражать, а сюда-то и относится зло ревности и зависти.

Кто вникнет в дело, найдет, что христианину надлежит более всего беречься и с особенной осмотрительностью заботиться, чтобы не увлечься злобой и завистью, чтобы брат, опутанный скрытыми сетями тайного врага, возымев от ревности вражду на брата, не поразил себя, сам того не зная, собственным своим мечом. Чтобы полнее представить это и яснее понять, обратимся к началу и источнику, посмотрим, откуда и как началась ревность; ибо легче нам будет избегнуть столь пагубного зла, если мы будем знать его происхождение и великость. В самом начале мира диавол первый погиб от этого зла и сделался губителем. Он, украшенный ангельским величием, угодный и любезный Богу, возревновал и предался враждебной зависти, увидевши человека созданным по образу Божию, и затем, подстрекаемый ревностью, сам низвержен ревностью прежде, чем низверг другого, пленен прежде, чем пленил, погиб прежде, чем погубил, и, возжелав из-за зависти отнять у человека благодать дарованного ему бессмертия, сам утратил то, чем был прежде. Каково же это зло, возлюбленнейшие братья, от которого пал ангел, которое могло опутать и низвергнуть столь высокую и превосходную тварь, которое обольстило самого обольстителя? С тех пор зависть свирепствует на земле и гибнет от зависти, кто повинуется учителю погибели, подражает диаволу, кто ревнует, как сказано в Писании: «Завистию же диволею смерть вниде в мир; а ему подражают все, которые суть от его части» *(Прем. 2, 24)*. Наконец, первая вражда между первыми братьями и нечестивые братоубийства начались с того, что неправедный Каин поревновал праведному Авелю, что

злой возненавидел доброго, позавидовал ему; бешеная ревность столько имела силы для совершения злодеяния, что забыта и братская любовь, и тяжесть греха, и страх Божий, и казнь за преступление: неправедно подавлен тот, кто первый показал праведность, подвергся ненависти не умевший ненавидеть, умерщвлен беззаконно тот, кто и умирая не сопротивлялся. От ревности также Исав сделался врагом брата своего Иакова: так как последний получил благословение от отца, то зависть подвигла Исава на вражду и преследование. В ревности заключается причина и того, что Иосиф продан был своими братьями: по простоте своей он рассказал им, как брат братьям, свои видения, пророчившие ему возвышение, и враждебный дух их исполнился зависти. Да и что, если не ревность, возбудило в царе Сауле ненависть к Давиду, так что он, часто преследуя невинного, милосердного, кроткого, смиренно-терпеливого, желал его смерти? Когда убит был Голиаф и по умерщвлении, помощью и содействием Божиим, такого врага народ выразил свое удивление торжественными песнями в честь Давида, тогда Саул позавидовал тому, и им овладела ярость злобы и гонения. Но, не останавливаясь долго на отдельных примерах, обратим внимание на гибель народа, раз навсегда пропащего. Не оттого ли погибли иудеи, что они лучше захотели завидовать Христу, чем верить? Понося великие Его деяния, они обольщены были слепой ревностью и не могли открыть сердечных очей для созерцания дел божественных. Помышляя об этом, возлюбленнейшие братья, бдением и мужеством оградим сердца наши, посвященные Богу, от столь пагубного зла. Смерть других да послужит к нашему спасению; казнь неосмотрительных да принесет здравие осмотрительным.

Неверно мнение тех, которые думают, что это зло имеет один вид или что оно кратковременно и заключено в тесных пределах. Гибель от ревности далеко простирается: она многообразна и многоплодна. Это – корень всех зол, источник опустошений, рассадник грехов, причина преступлений. Отсюда возникает ненависть, отсюда происходит задор. Ревность возжигает корыстолюбие, когда кто не может довольствоваться своим, видя другого богаче. Ревность возбуждает честолюбие, когда видишь другого в почестях выше тебя. Коль скоро ревность ослепила наши чувства и овладела тайными помыслами, тотчас презирается страх Божий, пренебрегается учение Христово, не помышляется о дне суда, надмевает гордость, усиливается жестокость, умножается вероломство, мучит нетерпение, свирепствует раздор, кипит гнев, – и не может уже удержать себя или управлять собою тот, кто подпал чужой власти. Отсюда – разрыв связи мира Господня, нарушение братской любви, извращение истины, рассечение единства; отсюда – переход к ересям и расколам, когда кто поносит священников, завидует епископам, жалуется, почему не он поставлен, или не хочет признавать другого начальником. Отсюда происходит то, что восстает и упорствует от ревности нечестивец, от задора и зависти враг, – враг не человека, но почести.

И какой это червь для души, какой яд для помыслов, какая ржавчина для сердца – ревновать доблести или счастью другого, т. е. ненавидеть в нем или собственные его заслуги, или благодеяния Божии, обращать в свое зло блага других, мучиться благополучием знатных людей, славу других делать для себя казнью и к сердцу своему приставлять как бы неких палачей, к помыслам и чувствам своим приближать мучителей, которые терзали бы их внутренними мучениями, раздирали тайники сердца когтями зложелательства! Не радостна для таковых пища, и питье не может быть приятно; они постоянно вздыхают, стонут, скорбят; и как ревность никогда не оставляет завидующих, то сердце, днем и ночью обладаемое ею, терзается беспрерывно. Любое другое зло имеет свой предел, и всякий грех оканчивается совершением греха: в прелюбодее преступление прекращается по совершении любодеяния; в разбойнике злодеяние затихает по учинении человекоубийства; у грабителя хищничество останавливается похищением добычи; у лжеца мера полагается выполнением лжи. Ревность же не имеет предела – это зло, пребывающее непрерывно, это грех без конца! И чем более обстоятельства благоприятствуют тому, на кого обращена зависть, тем более завидующий возгорается пламенем зависти. Отсюда – угрюмый вид, суровый взгляд, бледное лицо, дрожащие губы, скрежет зубов, свирепые слова, неистовые ругательства, руки, готовые на убийство, и хотя свободные на время от меча, но вооруженные бешеной ненавистью. Поэтому-то Дух Святой говорит в Псалмах: «Не ревнуй спеющему в пути своем» *(Пс. 36, 7)*; и еще: «Назирает грешный праведного и поскрежещет нань зубы своими: Господь же посмеется ему, зане презирает, яко приидет день его» *(Пс. 36, 12–13)*. На этих-то указывает и их обозначает апостол Павел, говоря: «Яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их. И пути мирного не познаша. Несть страха Божия пред очима их» *(Рим. 3, 13-18)*.

Зло гораздо легче, и опасность меньше, когда членам наносится рана мечом. Открытая язва легко врачуется и скоро видимо исцеляется при помощи лекарства. Но раны, причиняемые ревностью, непроницаемы и сокрыты; невидимая болезнь, заключенная в тайниках совести, не принимает пособий врачевства. Кто бы ты ни был, завистливый и злобный, посмотри, как ты лукав в отношении тех, кого ненавидишь, как зловреден и неприязнен! Между тем ты более всего враг своего спасения. Всякий, кого бы ты ни преследовал своей ревностью, может уклониться и ускользнуть от тебя, но от себя самого ты убежать не можешь. Где бы ты ни был, противник твой с тобою, враг твой всегда в твоем сердце, пагуба заключена внутри; ты опутан и связан непреоборимыми цепями, ты сделался пленником возобладавшей тобою ревности, и нет тебе никакого облегчения. Преследовать человека, принадлежащего божественной благодати, – это зло постоянное; ненавидеть счастливого – это болезнь неиз-

лечимая. Потому-то, возлюбленнейшие братья, чтобы кто через ревность к брату не попал в сеть смертную, Господь, когда ученики спросили Его, кто из них больше, в предотвращение таковой опасности сказал: «Иже бо менший есть в вас, сей есть велик» (Лк. 9, 48). Ответом своим Он уничтожил всякое ревнование, исторгнул и пресек всякую причину и повод к едкой зависти. Ученику Христову не позволено ревновать, не позволено завидовать. У нас не может быть споров о возвышении: мы возвышаемся смирением, мы научены тому, чем можем угодить.

Наконец, и апостол Павел, наставляя и убеждая, чтобы мы, просвещенные светом Христовым и избавившиеся от мрака ночной жизни, делали и поступками показывали, что ходим во свете, так говорит в Послании: «Нощь убо прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянствы, не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистью» *(Рим. 13, 12–13)*. Если тьма отлегла от твоего сердца, если ночь изгнана оттуда и мрак рассеян, если чувства твои озарил дневной свет, и ты стал человеком света, – твори дела Христовы, потому что Христос есть свет и день. Для чего погружаешься во мрак ревности, окружаешь себя облаком зависти, погашаешь слепой ненавистью всякий свет мира и любви? Для чего возвращаешься к диаволу, от которого отрекся, для чего делаешься подобен Каину? Ибо апостол Иоанн прямо обвиняет в человекоубийстве того, кто поревновал и возненавидел брата своего. Он говорит в своем Послании: «Всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть: и весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечного в себе пребывающа» *(1 Ин. 3, 15)*. И еще: «Глаголяй себе во свете быти, а брата своего ненавидяй, во тме есть доселе... и во тме ходит и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи ему» *(1 Ин. 2, 9; 11)*. Ненавидящий брата, по словам апостола, во тьме ходит и не знает куда идет. Бессознательно он идет в геенну; невежа и слепец, он стремится на казнь, удаляясь от света Христова, следовательно, и от Христа, сказавшего в наше наставление: «Аз есмъ свет миру: ходяй по Мне не имать ходити во тме, но имать свет животный» *(Ин. 8, 12)*. А последует Христу тот, кто держится заповедей Его, кто шествует путем Его учения, идет по стопам и следам Его, подражает учению и делам Христовым, согласно напоминанию и наставлению Петра, который говорит: «Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его» *(1 Пет. 2, 21)*.

Надлежит нам помнить, каким именем Христос обозначает свой народ, какое название дает своему стаду. Именует овцами, чтобы овцам уподобить незлобие христианское; называет агнцами, чтобы простота ума была подражанием простой природы агнцев. Для чего же под овчей одеждой скрывается волк? Для чего бесславит стадо Христово ложно именующий себя христианином? Облечься во имя Христово и не идти путем Христовым – не есть ли это предательство имени Христова, оставление спасительного пути, когда Он Сам учит и говорит, что к жизни придет только тот, кто соблюдет заповеди, что мудр тот, кто, слушаясь словес Его, поступает по ним, что тот назовется великим учителем в Царстве Небесном, кто будет сам поступать сообразно тому, чему учит, что возвещаемое для блага и пользы тогда только благотворно для возвещающего, когда проповедуемое словом оправдывается последующими делами? Но что чаще всего внушал Господь ученикам Своим? Из числа наставлений и заповедей небесных что заповедал наиболее наблюдать и хранить, как не то, чтобы мы любили друг друга той любовью, какой Он возлюбил учеников Своих? Как же будет придерживаться мира Господня и любви тот, кто из-за ревности не может быть ни миролюбив, ни приветлив? Потому и апостол Павел, выставляя благодеяния мира и любви и с силою доказывая и научая, что ни вера, ни милостыня, ни само страдание исповедническое и мученическое нисколько не принесут ему пользы, если он не сохранит союза любви целым и невредимым, прибавляет к тому: «Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит» *(1 Кор. 13, 4)*; т. е. он учит и показывает, что тот только может придерживаться любви, кто будет долготерпелив, милосерд, чужд ревности и зависти. Также в другом месте, увещевая, чтобы человек, исполненный уже Духа Святого и через Небесное рождение соделавшийся сыном Божиим, исполнил одно духовное и божественное, он излагает и говорит следующее: «И аз братие, не могох вам глаголати яко духовным, но яко платяным, яко младенцем о Христе. Млеком вы напоих, а не брашном: ибо не у можасте, но ниже еще можете ныне. Еще бо плотстии есте. Идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте и по человеку ходите» *(1 Кор. 3, 1–3)*?

Надобно, возлюбленнейшие братья, попрать плотские пороки и грехи; надобно изгладить пагубное пятно земного тела, чтобы в противном случае, возвратившись снова к жизни ветхого человека, мы не спутались смертоносными сетями. На этот раз апостол дает нам предусмотрительный и спасительный совет: «Темже убо, братие, должны есмы не плоти, еже по плоти жити; аще бо по плоти живете, имате умрети: агце ли духом деяния плотская умещвляете, живи будете. Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божий» *(Рим. 8, 12–14)*. Если мы сыны Божий, если мы соделались храмами Божиими, если, приняв Духа Святого, мы стали жить свято и духовно, возвели очи от земли к небу, устремили сердце, исполненное Бога и Христа, к горнему и духовному, то будем делать то, что достойно Бога и Христа, как нас побуждает к тому и увещевает апостол, говоря: «Аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога себя: горняя мудрствуйте, (а) не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе» *(Кол. 3, 1–4)*. Итак, умершие и погребенные через крещение для плотских грехов ветхого человека и совоскрешенные Христом через возрождение небесное, будем помышлять и делать дела Христовы,

как тот же апостол снова нас учит и убеждает, говоря: «Первый человек, от земли, перстен: и вторый человек, Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небеснии: и якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся же и во образ небеснаго» *(1 Кор. 15, 47–49)*. А носить образ небесного для нас невозможно, если не будем уподобляться Христу в том, чем быть начали. Изменение прежней жизни и начало новой требует, чтобы в тебе ясно было рождение божественное, чтобы боготворное благочиние соответствовало Богу Отцу, чтобы честной и похвальной жизнью прославлялся в человеке Бог, как Сам Он убеждает и увещевает к тому, обещая взаимно прославить тех, которые Его прославляют. «Прославляющия Мя, – говорит Он, – прославлю, и уничижали Мя безчестен будет» *(1 Цар. 2, 30)*. Располагая и приготовляя нас к таковому прославлению и для того внушая уподобление Отцу, Господь – Сын Божий говорит в своем Евангелии: «Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша и молитеся за творящих вам напасть и изгонящыя вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесех: яко солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя» *(Мф. 5, 43–45)*. Если и людям приятно и славно иметь сыновей, подобных себе, если и они радуются, когда родившееся дитя похоже на отца своими чертами, то не гораздо ли более радости для Бога Отца, когда кто рождается духовно так, что поступками своими и похвальными качествами выражает божественное рождение? Какая почесть и какой венец – быть таким, к которому не относилось бы следующее изречение Божие: «Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене» *(Ис. 1, 2)*! Пусть лучше похвалит тебя и призовет к награде Христос, когда скажет: «Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира» *(Мф. 25, 34)*.

Этими размышлениями надлежит укреплять дух, возлюбленнейшие братья; этими упражнениями надлежит поддерживать его против стрел диавола. В руках да будет божественное чтение, в понятиях – Господнее помышление. Пусть никогда не прекращается беспрерывная молитва, пусть всегда продолжается спасительное делание. Будем постоянно заняты делами духовными, чтобы диавол каждый раз, как только станет подступать к нам и покушаться войти, находил наше сердце заключенным для него и вооруженным.

Не один только венец, получаемый во время гонения, предназначен для человека-христианина. И мир имеет свои венцы, которыми увенчиваются победители, ниспровергшие врага в многоразличной и неоднократной битве. Укротившему похоть – победный знак воздержания; ставшему выше гнева и обиды – венец терпения. Торжество над корыстолюбием – тому, кто презирает деньги; хвала веры – переносящему мирские невзгоды по упованию на будущее. Кто не гордится в счастии – приобретает славу смирения; кто по милосердию готов помогать бедным – тот в воздаяние получает сокровище небесное; кто, не питая ревности, единодушный и кроткий, любит своих братьев – тот удостаивается награды любви и мира. Ежедневно мы бежим на этом поприще добродетелей, без всякого промежутка времени стремимся к этим трофеям правды и венцам. А чтобы к ним мог достигнуть и ты, который был во власти ревности и зависти, отбрось всю ту злобу, которой одержим был, и устремись спасительными стезями на путь вечной жизни. Исторгни из своего сердца волчцы и тернии, чтобы божественный и духовный посев дал преизобильный плод во время жатвы. Изблюй желчный яд, изрыгни отраву враждебную – да очистится ум, оскверненный змеиной завистью; всякая горесть, гнездящаяся внутри, да умягчится сладостью Христовой. Если ты и пищу, и питие принимаешь от Таинства Креста, то древо, которое образом своим соделало когда-то воды Мерры сладкими, теперь самой истиной да послужит к умягчению и усладе сердца – и ты для восстановления здоровья не будешь затрудняться в лекарстве. Лекарство – оттуда же, откуда нанесены тебе раны. Полюби тех, кого прежде ненавидел, возымей расположенность к тем, кого по зависти ты преследовал неправедным злословием. Подражай добрым, если ты можешь следовать им; а если следовать не можешь, то по крайней мере сорадуйся им и приветствуй достойнейших. Соединись с ними любовию, сделайся их сообщником по взаимной расположенности и союзу братства. Тебе оставятся долги, когда и ты сам оставишь; будут приняты твои жертвы, когда приступишь к Богу с миротворным расположением. Понятия и действия твои будут направлены к горнему, когда будешь помышлять об одном божественном и праведном, по Писанию: «Сердце мужа да помышляет праведное, чтобы от Господа исправились стези его» *(Притч. 1, 1)*. А много есть, о чем тебе поразмыслить. Помышляй о рае, куда не входит Каин, по ревности убивающий брата. Помышляй о Царстве Небесном, в которое Господь принимает только согласных и единомышленных. Помышляй о том, что сынами Божиими могут называться одни миротворцы, которые, объединившись небесным рождением и законом божественным, уподобляются Богу Отцу и Христу. Помышляй о том, что мы стоим пред очами Божиими, что сам Бог смотрит и судит о прохождении нами жизненного пути; что мы можем сподобиться созерцать Его только в том случае, если Его, взирающего теперь на нас, будем радовать своими поступками, если соделаем себя достойными благодати Его и милости, если, предназначенные к тому, чтобы вечно угождать Ему в Царстве, мы сперва угодим Ему в сем мире.

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ПРЕПОДОБНЫЙ ИЛАРИОН ГДОВСКИЙ

Память 28 марта/21 октября

«Проидоша в милотех и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающеся и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных».
Евр. 11, 37-38

Почитание святых, благоговейное внимание к их жизни и подвигам, вера в их заступничество за нас перед Богом – яркая отличительная черта православного мироощущения.

Почти двухтысячелетняя история Церкви Христовой являет нам бесчисленные примеры «друзей Божиих» (Ин.15,14), «сонаследников Христу» (Рим. 8,17), подвизавшихся в удалении от мира и в самой гуще общественной жизни, в монашеских келиях и у семейного очага, среди забот об устроении Церкви и на поле брани, в попечениях о душах вверенной Господом паствы или же являвших верность до смерти перед неправедным судом сильных мира сего. Святые мужи и жени, отроки и отроковицы, девы и младенцы составляют сонм святых Православной Церкви. Праведные, преподобные, святители, мученики и мученицы, исповедники и исповедницы, благоверные князья и княгини, блаженные, Христа ради юродивые, святые евангелисты, пророки и апостолы, равноапостольные, обращавшие к вере целые народы, – все они, угодившие Богу в земной жизни, и по отшествии в небесное отечество не оставляют нас своими молитвами.

Монашество появилось на Руси вместе с христианством. Митрополит Иларион, первый из русских, посвященных в этот сан (в 1051), вспоминая близкое к нему время водворения христианства при св. Владимире, писал в одном из своих сочинений, что уже тогда «монастыреве на горах сташа». Почти все монастыри XI–XIII веков ютятся внутри городов или жмутся к их стенам, не уходя далеко в степную или лесную глушь. Они, таким образом, являлись спутниками, а не проводниками христианства. В первые века христианской жизни на Руси пустынножительство развивалось у нас очень туго; пустынная обитель мелькает редким, случайным явлением среди городских и подгородных монастырей. Зато с XIV века движение в лесную глушь развивается среди русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с городскими; в XV веке превзошли их более чем вдвое.

Городские монастыри обыкновенно созидались набожным усердием высших церковных иерархов, также князей, бояр, богатых горожан – людей, которые оставались в стороне от основанных ими обителей. Пустынные монастыри имели более самобытное происхождение, основывались людьми, которые отреклись от мира, уходили в пустыню, там становись руководителями собиравшегося к ним братства и сами вместе с ним изыскивали средства для построения и содержания монастыря. Иные основатели таких пустынных монастырей становились отшельниками прямо из мира, еще до пострижения, как преподобный Сергий Радонежский, но большинство проходило иноческий искус в каком- либо монастыре, обыкновенно также пустынном, и оттуда потом уходило для уединения и создавало новые пустынные обители. Три четверти пустынных монастырей XIV–XV веков были такими колониями, образовались путем выселения их основателей из других монастырей, большею

частью пустынных же. Таким же образом был создан и Покровский Княже-Озерский мужской монастырь на реке Желче, основателем которого был преподобный Иларион Гдовский.

К сожалению, о жизни и подвигах преподобного Илариона сведений никаких не сохранилось, кроме того, что этот святой был учеником преподобного Евфросина Псковского (1386–1481) и выходцем из Спасо-Елеазаровского монастыря. Но, проследив общий путь основателей пустынных монастырей, можем составить себе некоторое представление о жизни и подвигах преподобного Илариона.

Будущий основатель пустынного монастыря готовился к своему делу продолжительным искусом обыкновенно в пустынном же монастыре под руководством опытного старца. Он проходил разные монастырские службы, начиная с самых черных работ, при строгом посте, «изнуряя плоть свою по вся дни, бодрствуя и молясь по вся нощи». Так усвоялось первое и основное качество инока – отречение от своей воли, послушание без рассуждения. Проходя эту школу физического труда и нравственного самоотвержения, подвижник, часто еще юный, вызывал среди братии удивленные толки, опасную для смирения «молву», а пустынная молва, по замечанию одного жития, ничем не отличается от мятежной городской славы. Искушаемому подвижнику приходилось бежать от воспитавшей его обители, искать безмолвия в настоящей глухой пустыне, и настоятель охотно благословлял его на это. Найти место, где бы «уединиться от человек», было важной заботой для отшельника. Манили дебри, где были бы «леса черные, блата, мхи и чащи непроходимые», и прп. Иларион, покинув Елеазарову пустынь, стал ходить по дебрям лесным, ища, где бы Бог указал ему жить.

Путь, который он прошел от обители прп. Евфросина до места своего будущего поселения на р. Желче, нам не известен. Но осталось предание, что недалеко от селения Дряжно, при ключе, вытекающем из пригорка, спасался прп. Иларион Псковоезерский. Место его подвигов раньше было обозначено деревянным срубом.

Сороковой бор и погост Озера

Так называется местность, находящаяся в самой южной части Гдовского уезда, составлявшая до 1780 г. особый Кобыленский уезд, и имевшая в 1766 г. 2728 жителей. Пространство от южной части верховьев Плюссы до границ Псковской губернии, покрытое дремучими лесами, непроходимыми мхами и болотами, перерезанное реками Желчею и Черною, или Лудвою, представляет страшную пустыню, мало населенную народом загрубелым, непрямодушным, закоснелым в невежестве и суевериях, на котором еще ясно остается отпечаток первоначальной дикости нравов древних кривичей, описанных Нестором. Площадь эта, занимающая пространство в 1140 квадр. верст, перерезана большою пустынною дорогою из Гдова ко Пскову, на которой встречаются: древнее кладбище с каменными крестами, одна деревня, две лесные стражи и две станции. В прежнее время здесь водворялись шайки разбойников, имевших свои землянки около берегов Черной речки. Воспоминания о них наводят и теперь еще ужас; потому народ, по усердию своему каждый год путешествуюший из северной части Гдовского уезда в Псковопечерский монастырь к крестному ходу на 6-й неделе по Пасхе, и ныне всегда собирается большими толпами, человек в 40, для безопасного прохождения страшной пустыни Сорокового бора, единственно тогда только оживленного разумными существами, на 40-верстном протяжении своем от Рудницы до Маслогостиц.

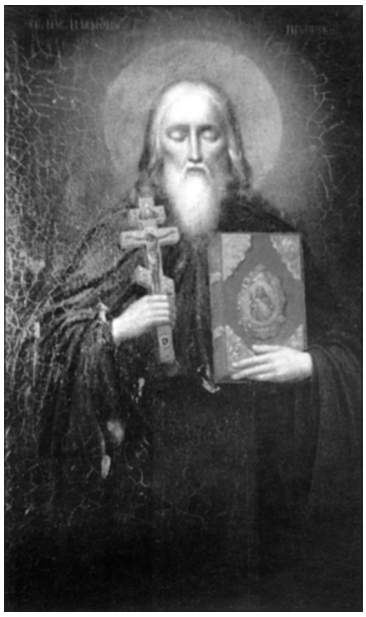
Историко-статистические сведения
по Санкт-Петербургской епархии. 1885

Кондак 5. *Светозарною звездою предносящимся мысленному твоему взору, образом Царствия водим, обитель преподобного Евфросина оставил еси и в пустынные дебри при реце Желче вселился еси, пустынное безмолвие огласив пением: Аллилуиа.*

Акафист прп. Илариону Гдовскому

Дерево, внутри которого молился прп. Иларион (интерьер часовни)

Часовня вокруг липы, в дупле которой молился прп. Иларион Гдовский. Фото 1990-х гг.



Тропарь, глас 4

В молитвах бодрствуя пресветлый храм Духа Святаго был еси, темже и чудотворящ предивный явился еси, преподобный отче наш Иларионе, о нас моли Христа Бога светом Божественного познания просветити ны и спасти души наша.

Акафист прп. Илариону Гдовскому

Прп. Иларион Гдовский. Икона, находящаяся на раке преподобного. XIX в.

Рака прп. Илариона. Современный вид

В этой страшной пустыни, уединенно безмолствовавший «божественный» Иларион, ученик пустынножителя на р. Толве великого Евфросина, основал свою обитель при р. Желче, в 12-ти верстах отсюда впадающей в Чудское озеро, и был ее игуменом. Он скончался 28 марта 1476 г. Монастырь его, в 1695 г., приписан к Псковскому архиерейскому дому, а в 1764 г. упразднен. Монастырская церковь Покрова Божией Матери еще существует. Она воздвигнута на основании прежней, построенной прп. Иларионом. В ней он и почивает под спудом. Иконостас прост и древен, без излишних украшений, возобновлен в 1844 и следующих годах. Над гробом преподобного кипарисная рака с серебряной ризой, с позлащенным венцом, украшенным бриллиантами. Рака стоит на левой руке, у иконостаса, под резным золотым балдахином... К востоку от церкви, в ограде, показывают место, где была келия преподобного. После упразднения монастыря церковь была приходскою и потом в запустении. Восстановлением своим обязана уроженцу слободы Озерской, санкт-петербургскому купцу Мартиниану Якимову, и губернскому секретарю Алексию Мартыновичу Турчанинову, после – монаху Черменецкого монастыря Авраамию. Последний, после бурной жизни, проведенной в служении винному откупу, чтобы под старость спасти душу, начал производить богоугодные дела возобновления церквей в Гдовском уезде. Ему обязаны этим: Гдовская Пятницкая, Озерская, Польская, Моцкая, Сяберская, церковь Кобылья Городища, Черменецкого монастыря и др. Он действовал заодно с Мартинианом Якимовым, признавая, что «нет на свете лучше дела, как заниматься построением церквей».

Историко-статистические сведения
по Санкт-Петербургской епархии

Источник этот существует и теперь; находится он в километре от д. Дряжно Красно-Стружского района Псковской области. Местные жители до сих пор берут из него воду. Но деревянный сруб, к сожалению, не сохранился.

Для постоянного жительства преподобный выбрал иное место – пустынный остров на реке Желче (будущий погост Озера).

В XV веке местность, куда пришел на подвиг пустынножительства и безмолвия «божественный» Иларион, представляла собой страшную пустыню, покрытую дремучим лесом, носящим название Сорокового бора, непроходимыми мхами и болотами, «мало населенную народом непрямодушным, закоснелым в невежестве и суевериях». Здесь водились шайки разбойников, имевших свои землянки у берегов Черной речки. По преданию прп. Иларион нес свой молитвенный столпнический подвиг в дупле дерева. Возможно, поначалу он в нем и жил, подобно Павлу Обнорскому, прожившему в дупле старой липы три года, и Иоанну Рыльскому, жившему в дупле дуба. День и ночь подвижник славил Господа в молитвах и песнопениях, день и ночь проводил в слезах и посте. Ничто не возмущало его покоя. Лишь дикие звери ревели по ночам в пустыне, а птицы вторили пению святого. Преподобный же, созерцая Бога, беседовал с Ним умом и сердцем. Через некоторое время Господь возвеличил место пустынножительства Своего угодника, к нему стали стекаться христолюбцы, «взыскующие горнего града». Около келии св. Илариона строились другие, для желавших с ним жительствовать, и составилось пустынническое братство. В 1470 г. здесь был основан Покровский Княже-Озерский монастырь, а преподобный Иларион принял сан игумена для духовного водительства иноков. При его жизни были возведены две церкви – Покровская и Рождества Христова. Все

монастырские постройки были деревянные, и ни одна из них не сохранилась до нашего времени.

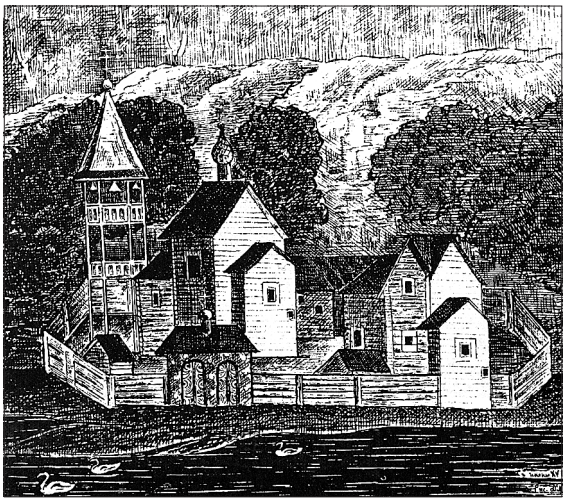
Все житие преподобного Илариона – непрестанный святой труд, самопонуждение ко всему доброму, непрестанное внимание к себе, бдение, молитва, богомыслие, воздержание, кротость, смирение и всецелая преданная любовь к Богу. Он почил 28 марта (ст. ст.) 1476 г. и был погребен братией монастыря в церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

В 1695 г. обитель была приписана к Псковскому Архиерейскому дому.

Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве особое настроение, складывался особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, убежденный, что в миру, среди людской «молвы» это невозможно. К нему собирались такие же искатели безмолвия и устрояли пустыньку. Строгость жизни, слава подвигов привлекали сюда издалека не только богомольцев, но и крестьян, которые селились вокруг обители. Так, на месте одинокой хижины отшельника вырастал монастырь и образовывались крестьянские поселения. Лесной пустынный монастырь сам по себе, в своей тесной ограде, представлял земледельческое поселение, хотя и не похожее на мирские крестьянские села. Монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, косили, ловили рыбу, как и крестьяне. В монастыре были свои дегтярный завод и мельница; на месте монастырских пастбищ сейчас находится деревня Коровье Село. Но влияние монастыря простиралось и на население, жившее за его оградой. Вокруг пустынного монастыря образовывались мирские крестьянские селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувшийся к монастырской церкви. Впоследствии монастырь исчезал, но крестьянский приход с монастырской церковью оставался.

Историческое описание храма Покрова Пресвятой Богородицы погоста Озера

В 1764 г. обитель прп. Илариона была упразднена указом Екатерины II об отчуждении «разом всех монастырских имуществ» в пользу государства. Княже-Озерский монастырь закрыли, иноческое хозяйство постепенно приходило в упадок. Церковь Покрова Богородицы стала приходской. Место, где раньше стоял монастырь, стало носить название Погост Озера. Крестьянское поселение на другой стороне р. Желчи, в древности носившее название Подмонастырская слобода, стало называться – Озерская слобода. Ныне – это деревня Озера, получившая свое название от местности, заключенной между трех озер – Велино, Долгое и Ужинское – соединенных рекою Желчею; окружена деревня лесами и болотами.



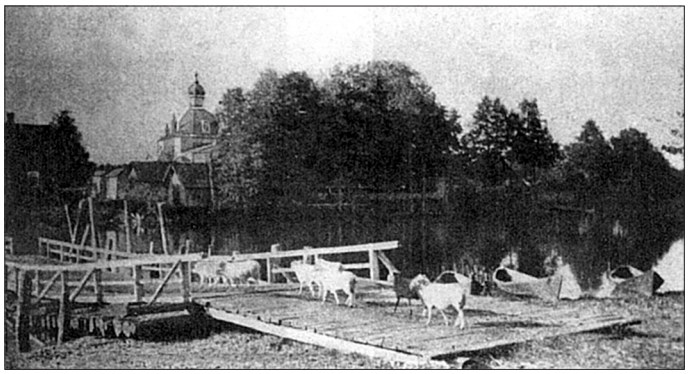
Покровский Княже-Озерский монастырь. Рисунок с иконы XVII в.

Погост Озерский, бывший прежде Покровский монастырь, стоит на красивом берегу р. Желчи, на левой стороне. Получил свое название от местности, заключенной между трех озер, соединенных рекою; окружен лесами и болотами. На другой стороне речки раскинута бывшая прежде монастырская Озерская слобода. При слободе, бывает большое собрание народа 1 октября, в храмовый день, и 21 октября, в день памяти преподобного.

Дивные сказания носятся в народе об этой древней, бывшей в запустении обители. Было время, когда в ней не совершалась божественная служба, и церковь готова была рушиться. Жителям слободы часто бывали видения: то виделся огонь в церкви и горящие свечи, то слышалось ангельское пение, ощущалось благоухание; дети видели седого старца, кадящего в церкви со свечой в руках, и многое другое. Где была келия преподобного, там стояла древнейшая сосна, в которой был улей. Пастух с сыном дерзнули срубить ее, чтобы воспользоваться медом из улья, но за дерзость свою были наказаны: отец лишился зрения и долго раскаивался в своем поступке.

Историко-статистические сведения
по Санкт-Петербургской епархии. 1885

Погост Озера на реке Желче. Современный вид



Погост Озера. Фото начала XX в.

Как уже сказано выше, в монастыре было две деревянные церкви – Покрова Богородицы и Рождества Христова. В 1687 г. Покровская церковь была перестроена. После упразднения монастыря она стала приходскою, а потом пребывала в запустении. В середине XIX в. здесь даже не было самостоятельного священника, служили священники из соседних приходов (Полновского или Ремедского).

В 1843 г. за ветхостью была разобрана церковь Рождества Христова, утварь из нее была перенесена в Покровскую церковь. На месте упраздненной церкви был поставлен четвероугольный деревянный сруб с крестом наверху. В настоящее время на этом месте стоит деревянный крест.

Церковь Покрова Богородицы в середине XIX в. была обшита тесом и покрашена на средства церковного старосты, санкт-петербургского купца Мартиниана Якимова, уроженца слободы Озерской. Он же устроил в церкви приделы – Рождества Христова и прп. Илариона Великого, освященные в 1850 и 1851 гг. соответственно. Он же построил каменную колокольню и каменную ограду из плиты.

Озера. Мост через реку Желчу. Фото начала XX в.

Дивные сказания живут в народе об этой древней церкви. Жителям Озерской слободы часто бывали видения: то виделся огонь в церкви и горящие свечи, то слышалось ангельское пение, ощущалось благоухание; дети видели седого старца, кадящего в церкви со свечою в руке – это сам преподобный Иларион совершал службу в сослужении ангелов... Возможно, это явилось толчком к строительству каменной церкви. В 1871 г. на месте деревянной церкви стараниями того же Мартиниана Якимова и губернского секретаря Алексея Мартыновича Турчанинова (впоследствии – монаха Черменецкого монастыря Авраамия) была построена каменная церковь с центральным престолом Покрова Богородицы и приделами Рождества Христова и Илариона Великого. Эта церковь сохранилась до наших дней. Мощи прп. Илариона находятся под спудом церкви, с левой стороны от иконостаса.

Над местом погребения было две раки. Первая рака, неизвестно когда и при каких обстоятельствах устроенная из красного дерева, обложена была внутри кипарисом. Вторая рака в 1887 г. была пожертвована псковским иконописцем Алексеем Бириным, украшена резьбою с херувимами по углам ее. Фон и ножки ее были посеребрены, а резьба и херувимы вызолочены. На четырех сторонах раки были помещены иконописные изображения фрагментов жития прп. Илариона. Над ракой была сень на резных столбах, стояла она под резным золоченым балдахином.

В храме было множество икон с изображением прп. Илариона, многие из них были в вызолоченных рамах.

Также – образ Покрова Богородицы греческого письма, считавшийся чудотворным, напрестольный крест с семнадцатью мощами и частицей Животворящего Креста Господня, Евангелие XVII века, древний помянник. Все эти святыни были или уничтожены, или утрачены.

На колокольне, среди прочих колоколов, было два колокола, отлитых по заказу Иоанна Грозного в 1570 г.; высота большего – 102 см, меньшего – 92 см. На одном из них написано, что он вылит 7070 г., июня

Во время подделки фундамента, два каменщика, мещане из Гдова, – Петр и Григорий Кирилины, молодые парни, полюбопытствовали коснуться склепа, в котором был скрыт гроб преподобного, вероятно желая узнать, тут ли находятся мощи угодника Божия? Но за дерзость были наказаны: на них напал внезапный страх; они бросились бежать и от испуга лишились рассудка. Петр впоследствии поправился, а Григорий и теперь, вот уже 20 лет, находится в расслаблении ума. Ему грезится то икона преподобного, то разные сцены из озерской жизни. Он кроток и безответен.

Историко-статистические сведения
по Санкт-Петербургской епархии. 1885

11, в церковь Воскресения Христова, «на Вавиловскую гору в Эрьево» (м. б., в Юрьев-Дерпт?) при царе Иоанне Васильевиче; на другом, – что его делал мастер Логин при архиепископе Новгорода и Пскова Пимене, при воеводе Якове Андреевиче Салтыкове, при игумене Феодосии, при свешнике Ионе, казначее Юрии, «при Келаре Каяне» и пр. Эти колокола были увезены в Псковский музей-заповедник в 1962 г. и до настоящего времени находятся в собрании этого музея.

Прп. Иларион Гдовский

Известны случаи наказания людей, дерзнувших коснуться гробницы прп. Илариона с намерением расколоть ее или срубить вековую сосну, в которой спасался преподобный, а также случаи исцеления по молитвам к преподобному.

К началу XX века приход церкви состоял из 800 человек, погост Озера был довольно населенным пунктом (около 80 дворов); через р. Желчу был мост, около церкви – два дома, один из которых для причта, а другой для приходского училища. В престольный праздник Покрова Богородицы (14 октября, н. ст.) и в память прп. Илариона (3 ноября, н.ст.) были ярмарки.

В дни памяти прп. Илариона – 3 ноября, в день его ангела, и 10 апреля – в день его преставления ко Господу, в церкви бывало многолюдно, из соседних приходов (например, из пог. Ремда) приходили крестные ходы. 3 ноября 1916 г. на празднике прп. Илариона ко всенощному бдению прибыл епископ Вениамин, с 1917 г. – митрополит Петроградский и Гдовский, ныне причисленный к лику святых. Он отслужил всенощную накануне праздника и Божественную литургию в сам праздник, возглавил крестный ход к часовне прп. Илариона. Владыка не случайно приехал в столь удаленный уголок Петроградской епархии – ведь с 1913 г. до лета 1917 г. в озерской церкви служил его младший брат – священник Григорий Казанский. После окончания Санкт-Петербургской Духовной семинарии он поступил на медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартуский) университета, но не окончил его. В прошении на имя митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского св. Владимира (Богоявленского) он писал: «Я надеюсь, что при помощи Божией, опыт и знания, полученные в университете, мне лишь помогут быть верным работником Православной Церкви в деревне». Григорий Казанский получил назначение в Покровскую церковь с. Озера Гдовского уезда. Владыка Вениамин 17 марта 1913 г. сам рукоположил брата во священника. О празднике в Озерах в 1916 г. о. Григорий напечатал заметку в «Известиях по Петроградской епархии».

После революции, в 1930-х гг., комсомольцами был сделан большой костер, в котором сгорела церковная нотная библиотека, богослужебные книги, некоторые иконы.

Богослужения в церкви Покрова Богородицы совершались до 1942 г. После этого служащего священника в церкви не было, и она начала рушиться. Дома, стоящие у церкви, были разобраны. После войны в левом приделе церкви была школа. В сторожке, встроенной в церковную ограду, до 1967 г. жила монахиня Ираида; в деревне, на другой стороне реки Желчи, – монахиня Мария. Они-то и поддерживали порядок в храме, вместе с верующими женщинами молились преподобному Илариону, пели акафист. Но после смерти монахинь за церковью некому было присмотреть, и церковное имущество (иконы, книги, облачения, утварь и т.д.) было или украдено, или сожжено, или увезено в музеи.

К началу 1990-х годов храм представлял собой плачевное зрелище: кресты на куполе и на колокольне

В 1852 г., в конце июля, один молодой путешественник ко св. местам от изнурения сил получил горячку и 1-го августа, в болезненном состоянии, пришел ко гробу преподобного. Он молился, сколько мог, просил преподобного, чтобы дарована была ему возможность продолжать путь свой. Предав себя заступлению угодника Божия, он скромно приютился на ограде, при стене церковной, у того места, где стоит гробница преподобного. Угодник Божий даровал скорое исцеление молодому человеку. На утро горячка оставила его и он, к удивлению своему, со свежими силами, до восхода солнца, собрался в путь свой, оглашая пустыню Сорокового Бора благодарным гласом похвал преподобному своему исцелителю. «Может быть, это дело случая, – скажут иные, – отдохнул и оправился». Было бы так, если бы путешественник, побывав в монастырях Псковских и в Новгороде, на пути к Тихвину не встретил вновь возвратившуюся к нему горячку. Там он совершил свое обещание, и там его ожидала покойная градская больница, из которой, уже в половине ноября, он возвратился домой здоровым. Благодарность свою к исцелителю, исцеленный – автор этой статьи (крестьянин села Выскатка Гдовского уезда Ефим Андреев, автор многих исторических исследований о православных святынях Гдова и уезда, многолетний церковный староста Выскатской церкви. – Ред.*), засвидетельствовал пожертвованием 90 штук иконок преподобного.*

Историко-статистические сведения
по Санкт-Петербургской епархии. 1885

покосились, проржавевшая крыша текла, штукатурка наполовину обвалилась, стекла были выбиты, рамы выломаны; ни икон, ни утвари в церкви не осталось. Кругом была мерзость запустения: на крыше росли деревья, вокруг – бурьян и кустарник. К тому же и верующих людей в округе практически не оставалось.

Это наследие советских времен досталось священнику Евгению Михайлову, назначенному сюда в июле 1993 г. по благословению архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия, а также по молитвам и с благословения старца протоиерея Николая (Гурьянова) с острова Залит (Талабск).

Первая литургия после 50-летнего перерыва состоялась на Преображение Господне, 19 августа 1993 г. Одновременно с богослужениями началось и восстановление разрушенной временем и людьми церкви. Поначалу помощь шла из Петербурга. Нашлись люди, которые помогали храму во время ремонта. Например, крышу помогла перекрыть р.Б. Валентина, полностью оплатив ее ремонт. Местные жители приносили половики и полотенца для украшения храма. Летом 1994 г. осуществлены штукатурные работы внутри церкви на средства р.Б. Аллы. Летом 1995 г. были произведены каменные работы по церкви – заделаны дыры в стенах храма.

Вместо двух колоколов времен Ивана Грозного, находящихся в Псковском музее-заповеднике «Поганкины Палаты», администрацией Псковской области, стараниями Виктора Артемьевича Звонкова, занимавшего тогда пост первого заместителя главы администрации области, в г. Каменске-Уральском (Екатеринбургская епархия) были отлиты 5 колоколов меньшего размера для колокольни Покровской церкви. Освящение колоколов произвел архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий 16 мая 1996 г. в присутствии представителей администрации области и района и настоятелей соседних церквей.

В июле 1996 г. был сделан наружный ремонт церкви; средства на это были выделены администрацией области. Таким образом, к осени 1996 г. ремонт церкви был завершен.

Что касается святынь храма – икон, утвари, то некоторые вещи удалось вернуть на прежнее место. Раку преподобного, пожертвованную в 1887 г., привезли в 1993 г. из Гдовского собора; она была поставлена на прежнее место – над мощами святого. Конечно, она была частично разрушена: не было прежней позолоты, резьбы и икон по четырем сторонам раки. В 1996 г. она была отреставрирована мастерами реставрационных мастерских Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге на средства Олега Громова.

Рака красного дерева, ранее стоявшая над местом погребения преподобного, икона прп. Илариона из раки и икона св. архидиакона Стефана (из иконостаса) хранились в церкви св. Архангела Михаила в пог. Кобылье Городище и в 1994 г. были возвращены на свое место.

Казанская икона Божией Матери, особенно почитаемая в этой местности, находившаяся на хранении в селе Ветвенник, была отдана на реставрацию в С.-Петербург и вернулась в обновленном виде в 1997 г.

Большое распятие, сделанное из бруса и обшитое кипарисом, было возвращено из пог. Ремда. К сожалению, изображение на кресте было утрачено, но в 1998 г. его восстановил иеромонах Довмонт.

Некоторые иконы из церкви Покрова Богородицы пог. Озера находятся в «Поганкиных Палатах» г. Пскова (например, «Симеон Столпник» и некоторые иконы Деисусного чина).

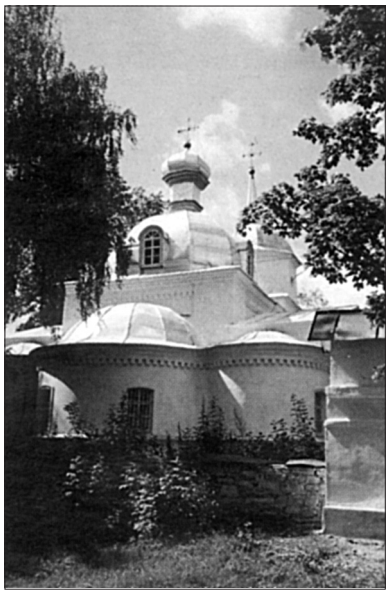
Икона прп. Илариона, ранее висевшая за ракой на восточной стене церкви и увезенная в 1962 г. экспедицией под руководством Н.Н. Померанцева в Псковский музей-заповедник, находится сегодня в Гдовском соборе

Алтарь и Царские врата разоренного храма Покрова Богородицы в Озерах. 1991 г.

Кондак 11. *Пение дивное слышаша иногда людие и свещи горящия видеша в храме, идеже честные мощи твоя почивают, обители, юже создал еси, запустевшей и службе преставшей. Сими же знаменми возбуждаеши христоименитые люди, да потщатся храм святый возсоздати и службы Божия в нем уставити, да верных сборища дивному во святых Богу умилением воспевают: Аллилуиа.*

Акафист прп. Илариону Гдовскому

Озера. Храм Покрова Пресвятой Богородицы до реставрации. 1993 г.



Кондак 13. *О пресветлый угодниче Христов, преподобне отче наш Иларионе, песенное наше приими приношение и молитвами твоими испроси нам у Господа прощение и оставление грехов и прегрешений наших и велию его милость, да всяких зол избегше в сей жизни, гибели горькия избавимся и будущем веце, Царствие же Небесное улучим, со дерзновением воспевающе: Аллилуиа.*

Акафист прп. Илариону Гдовскому

Озера. Храм Покрова Пресвятой Богородицы. Алтарная часть

Вид со стороны колокольни. Современный снимок

Державной иконы Божией Матери, куда она была передана в 1991 г. музеем.

Об остальных святынях церкви Покрова Богородицы погоста Озера пока, к сожалению, нет никаких сведений.

Часовня

К югу от церкви на старинном кладбище находится часовня прп. Илариона. Внутри ее стоит огромный ствол сосны со спиленной верхушкой, в дупле которого молился прп. Иларион. Существует предание, что она была построена после чудесного видения: однажды из дупла вырвалось пламя и явился сам преподобный. К сожалению, не осталось данных, в каком веке она была построена. Данные дендро-хронологии показывают, что дереву было 250 лет в середине XV века, и после этого оно прекратило свой рост. Ранее в часовне было 11 икон, которые в советское время были украдены. Возможно, в языческой древности это было место поклонения идолам, и преподобный неспроста выбрал именно эту местность для своих молитвенных подвигов, подобно прп. Арсению Коневскому, поселившемуся на месте языческого капища. И свет веры Христовой возсиял там, где раньше процветали темные заблуждения.

Находящиеся в храме мощи прп. Илариона Гдовского чудотворца и красота местности привлекают сюда богомольцев.

Еще один уголок Руси возродился предстательством прп. Илариона пред Господом и Пресвятой Богородицей. Сие святое место да будет спасением всем прибегающим к помощи прп. Илариона.

Преподобне отче Иларионе, моли Бога о нас!

Сост. О.К. Михайлова

Озера. Часовня прп. Илариона Гдовского

В.Я. Степанов, И.В. Попов

ПРЕПОДОБНЫЕ ФЕОФИЛ И ИАКОВ ОМУЧСКИЕ, ЛУЖСКИЕ. ФЕОФИЛОВА ПУСТЫНЬ

Память 29 декабря/11 января и 21 октября/3 ноября

Внимание путника, проезжающего из С.- Петербурга во Псков по шоссе, неизменно привлекает одиноко стоящий к западу от дороги полуразрушенный каменный храм. Он виден издали (на храм ориентированы три сходящихся здесь дороги, ведущие в С.-Петербург, Новгород и Псков), стены храма давно разобраны на кирпич, и лишь высокий барабан купола опирается на четыре каменных уцелевших столба. Хорошие пропорции храма, выстроенного в классическом стиле, выдают руку талантливого архитектора: действительно, возведенный в 1811–1824 гг. храм сооружен по проекту известного русского зодчего В.В. Стасова.

Селу, где стоит храм (именовавшемуся в 1923–2003 гг. «деревней Николаево»), лишь недавно, осенью 2003 г. , возвращено его историческое имя – Феофилова Пустынь. На протяжении шести веков место это широко почиталось православным русским народом, в дни праздников сюда притекали богомольцы из Петербургской, Псковской и Новгородской губерний, ибо под сводами этого полуразрушенного ныне храма почивали мощи преподобных Феофила и Иакова Омучских, Лужских чудотворцев. Ими, выходцами из Коневской обители на Ладожском озере, в конце XIV века была основана здесь пустынная обитель, одна из старейших на Северо-Западе России.

Северная Фиваида Руси и ее подвижники

Основание Феофиловой пустыни и подвижническая деятельность ее святых старцев – преподобных Феофила и Иакова Омучских, Лужских чудотворцев – относится к концу XIV века. Перед этим полтора столетия русский народ жил в условиях ига, сопровождавшегося беспрерывным террором и практически безнаказанным грабежом со стороны татаро-монгольских завоевателей. Конец XIV столетия можно охарактеризовать как время преодоления чувства подавленности и отчаяния, в котором пребывало уже не одно поколение русских людей, время начала духовного подъема на Руси. Своеобразным символом «новой эпохи» в русской истории стала победа на Куликовом поле (1380), которая была оплачена высокой ценой.

Однако, с момента этой великой исторической победы до полного избавления от ига было еще очень далеко. Продолжались набеги на Русь. Через два года после Куликовской битвы, в 1382 году, хан Тохтамыш сжег Москву, в 1395 году Тамерлан разорил Русь до Ельца, а через тринадцать лет мурза Едигей вновь дошел до Москвы и возобновил уплату дани. Но, несмотря на весь трагизм положения Руси в это время, оно положительно сказалось на стремлении к объединению русских князей, которые вынуждены были примириться друг с другом и смирять свою гордыню для борьбы с общим врагом. Кроме этого, как писал историк граф М. В. Толстой, «*утвердилась вера в превосходство христианского учения. Эта вера ободряла народ в скорбях, в трудах самых тяжких… Благодаря вере Христовой народ русский удержал любовь к Родине и не перенял дикой хищности от монголов*»[1].

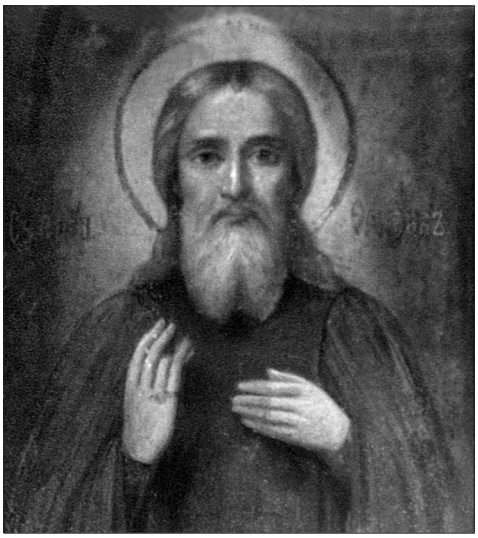
Это было не только трудное время борьбы с татаро-монгольским игом, но и время явления миру великих гражданских и духовных заступников Руси. «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких людях, которые выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу», – писал великий русский историк В.О. Ключевский.

Спустя шестнадцать лет после жесточайшей брани на Куликовом поле дело духовного объединения и окормления Святой Руси, начатое игуменом всея Руси преподобным Сергием Радонежским, было продолжено его учениками, основавшими многие обители на Русском Севере. Одним из уголков Северной Фиваиды были земли Новгородские, где в это же время просияли в подвиге преподобные Феофил и Иаков, основавшие здесь один из старейших монастырей Северо-Запада России.

Как свидетельствует митрополит Макарий (Булгаков), (1816–1882) в своей 13-томной «Истории Русской Церкви»: «*В северной полосе России находились две обширные епархии: Новгородская и Вологодско-Пермская – с двумя-тремя городами и уездами епархии Ростовской. На севере было больше мест безлюдных и пустынных, больше простора и удобства для развития строго монашеской жизни, нежели в средней полосе России. Для обозрения территориальных образований*

Ангелом безплотным уподобился еси, преподобне отче наш Феофиле, постом, всенощным бдением и любовию к ближним всех научил еси, како подобает житейское море прейти; сего ради сердцеведец Господь, видя чистоту твоего сердца, дарова ти да в лесах непроходимых звери дикие послужат тебе и да вовек прославят место подвигов твоих.

Рукописный акафист
преподобному Феофилу
Омучскому, Лужскому



Преподобный Феофил Омучский, Лужский чудотворец. С иконы XIX в.

Имея тя, непрестаннаго предстателя и молитвенника за ны, усердно к тебе приходящих, со умилением пред честным твоим образом слезы проливающих, камни душ и телес преклоняющих во исповедание Святой Православной Церкви, умири и укрепи, и даже до скончания века непрестанно на месте сем, якоже и ныне прославляется имя твое.

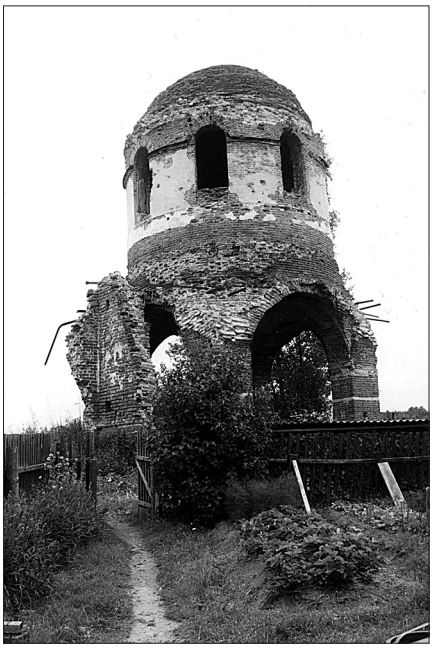
Рукописный акафист
преподобному Феофилу
Омучскому, Лужскому

Новгородской земли того времени целесообразно держаться разделения ее на пятины, то есть на пять частей, которое стало известным с конца XV века и оставалось в силе в продолжение всего XVI столетия и после.

Обширнейшей из всех Новгородских пятин и самой богатой монастырями являлась пятина Обонежская, тянувшаяся на север и северо-восток от Новгорода, с одной стороны – между рекой Волховом и Ладожским озером, а с другой – между озером Ильменем, реками Мстой и Мдой и вокруг всего Онежского озера. Бежецкая пятина простиралась на восток, северо-восток и юго-восток от Новгорода между реками Мдой и Мстой. Пятина Деревская лежала на юго-востоке от Новгорода между озером Ильменем и реками Мстою и Ловатью. Вотская (Водская) пятина находилась на севере и северо-западе от Новгорода между реками Лугой и Волховом и Ладожским озером. Шелонская пятина, простиравшаяся на юг, юго-запад и северо-запад от Новгорода, располагалась между реками Ловатью и Лугой. Известные монастыри Шелонской пятины: Старорусские – Николаевский в урочище Кречеве (упоминается в 1572 г.) и Спасский в урочище Взваде; в городе Порхове – Спасо-Преображенский на посаде < ...> и Рождество-Богородицкий женский за посадом; в Опоцком погосте – Ильинский на Шелони < ...> да два ружные – Успенский, иначе Феофилова пустынь, на реке Омуче в Порховском уезде, и Покровский Пустошский на юго-западном берегу Ильменя, близ села Пустоши с двадцатью четырьмя братиями.

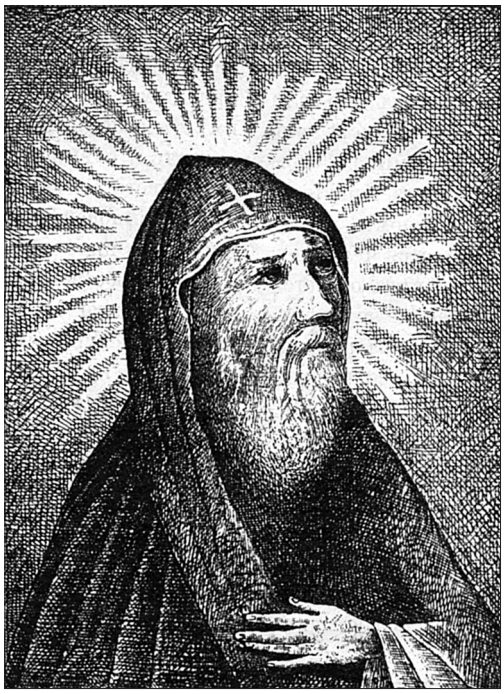
Пятины Новгородские не охватывали, однако ж, всех древних владений Новгорода и всего пространства Новгородской епархии. Вне пятин находились: к юго-западу – Псковский край, к северу – Беломорский, к северо-востоку – Белоезерский, в которых также было довольно монастырей Новгородской епархии»[2].

Русь переживала сложное время междоусобной брани и отражения нападений внешних врагов. С учетом реально сложившейся обстановки, Церковь в целом стала более активно и всемерно направлять жизнь русских людей, способствуя их сплочению в борьбе против иноземного гнета и прекращению внутрикняжеских раздоров. В 1391 году *«бысть рагоза новгородцем со псковичи – немирье. И подошли новгородцы ко Пскову ратью»*[3]. Возникший конфликт между Новгородом и Псковом был улажен московским посредником митрополитом Киприаном.



Феофилова пустынь. Храм Успения Пресвятой Богородицы. Современный вид

Однако в 1394 году конфликт разгорелся с новой силой: *«Ходиша новгородцы ко Пскову ратью и стояша под городом неделю. И в то время учинися бой в заизде новгородцам с псковичи. Убиша ту князя Ивана Копорейского и Василия Федоровича, а иных пали с обе стороны Бог весть. И отъидоша новгородцы от города, а со псковице – в розмирье»*[4]. В 1397 году, когда псковитяне заключали мир с новгородцами, посредником между ними, склонившим стороны к дружелюбию, выступил архиепископ



Икос 7. *Купель Силоамская бысть многим немощным пустыня твоя, преподобне! Воистину бо сбысться на тебе слово Господа, рекшаго о иже вся Его ради оставльших, яко той приимет сторицею еще же во время сие домов, и братий, и сестер, и отца, и матере, и чад, и сел, в век же грядущий живот вечный. Темже ти поем хвалы: Радуйся, пустыню убогую житием своим просветивый. Радуйся, безмолвием научаяй нас не осуждати ближняго. Радуйся, нестяжанием своим обличаяй любоименныя. Радуйся, целомудреннаго жительства показателю. Радуйся, прилежания земледелию образ нам явивый в житии своем. Радуйся, многия привлекий к себе добродетелей исполнением. Радуйся, Феофиле, скорый наш помощниче и чудотворче*.

Из акафиста преподобному Феофилу, игумену Омучскому, Лужскому чудотворцу

Прп. Феофил Омучский, Лужский. С изображения 1902 г.

Иоанн[5]. Перемирие продолжалось до 1398 года, после чего для псковичей к новгородской угрозе с востока добавилась угроза совместного нашествия немцев с запада и литовцев с юга[6].

«Магистр ливонский Конрад Фитингоф, соединясь с курляндцами, неоднократно входил в псковские владения, «жег села, пленял людей, не щадя и новгородцев, которые, злобствуя на псковитян, отказались и тогда действовать с ними заодно против общих неприятелей… Коварный литовский князь Витовт, будто бы честно объявляя войну, послал разметную псковскую грамоту к новгородцам, напал неожидаемо на владения псковитян… Еще не теряя бодрости, псковитяне немедленно отомстили Витовту разорением Великих Лук и Новоржева, ему подвластных, отняли у Литвы коложское знамя и разбили немцев близ Киремпе, но, ведая меру своих сил, прибегнули к государю московскому...»*[7]

Кроме войн и раздоров на территории новгородских и псковских земель случались эпидемии и природные катастрофы. В княжение Василия I Дмитриевича (1389–1425) моровая язва была четыре раза во Пскове и Новегороде. *«Приходила сия гибельная чума во Псков из ливонского Дерпта, иногда из других мест <…> В одном Новегороде, по известию немецкого историка Кранца, умерло 80 000 человек в 6 месяцев <…> К сим страшным явлениям надлежит еще прибавить зимы без снега, бури неслыханные, дожди каменные и славную комету 1402 года»*[8].

Именно в эти годы на нынешней псковской земле появляются первые монастыри. Старейшими в Северо-Западном крае следует признать монастыри Новгородские, в частности Лисицкий, где уже в 1100-х гг. принял постриг прп. Варлаам Хутынский, и Староладожские. Монастыри Великого Новгорода и его ближайших окрестностей поддерживали тесные связи с монастырями Святой Горы (Афона), были рассадниками монашества на Северо-Западе Руси. Выходцами из этих монастырей были основаны Валаамский, Коневский и Сенновский монастыри на Ладожском озере, Перекомский монастырь на Ильмень-озере и другие. Поэтому движение иноков-пустынников, отправлявшихся в леса и дебри Северо-Западной Руси следует рассматривать, с одной стороны, как явление самостоятельное, с другой – по духу и направлению оно было подобно движению на север учеников Сергиевых, основавших множество пустынных обителей в пределах Ярославских, Костромских и Вологодских. В целом движение иночествующих боголюбцев следует рассматривать как единое, положившее начало Северной Русской Фиваиде,* и приведшее к основанию десятков уединенных монастырей Русского Севера.

При этом необходимо отметить, что большинство из них возникло много позже Феофиловой пустыни. Какие были главные причины основания святых обителей? Следуя повествованию митрополита Макария, некоторые из монастырей, впрочем весьма немногие, возникли из сознания необходимости православного просветительства для того или иного края или местности. Другие монастыри воздвигались в благодарность Богу за Его милости, иногда по обету и в память явления чудотворных икон. Довольно много обителей основывалось благочестивыми иноками единственно по чувству

* Грамота об объявлении войны.

* Названной так по подобию пустынной Фиваиды Египетской – местности близ города Фивы, в первые века христианства, III-IV вв.

благочестия, по ревностному желанию найти себе и дать другим надежный приют для строгой монашеской жизни и подвигов. Но самая большая часть наших тогдашних обителей возникала едва ли не потому, что создавать их было легко и никому не возбранялось. Многие иноки помышляли удалиться в пустыню, чтобы основать свой особый небольшой монастырек или пустыньку. И действительно, едва представлялась возможность, они уходили в дремучий лес или другое безлюдное место, а таких мест тогда, особенно на Севере России, было весьма много, – ставили себе небольшую келию и часовню. К ним присоединялись иногда еще два-три инока, строили себе келии, иногда небольшую церковь, – и возникала небольшая святая обитель – пустынь. Так совершали свой духовный подвиг и пустынножители преподобные Феофил и Иаков.

Преподобные Феофил и Иаков

Суровая природа Северо-Запада Руси привлекала многих монахов-отшельников, ищущих духовного уединения. Как правило, многие из них проходили монашеский искус в известных русских монастырях или на Афоне. Затем монахи уходили искать место для уединенной молитвы, строили небольшой скит, куда постепенно собиралась братия и рядом с которым, благодаря их подвижничеству, возникало селение, а затем учреждался великий или небольшой монастырь. Православные монастыри, органически вписываясь в природу, становились духовными центрами миссионерской деятельности, в которых непрестанная молитва, а также физический, и если возникала необходимость, – то и ратный труд, являлись составной частью образа подвижнической жизни.

О преподобных Феофиле и Иакове Омучских относительно времени их жизни, происхождения и деятельности сохранилось очень мало сведений. Имя «Омучские» они получили по месту своего монашеского подвига на берегу болотистой речки Омучи (Омуги), которая протекает по территории б. Лужского уезда С.-Петербургской губ. (ныне – Стругокрасненского и Плюсского районов Псковской области) и впадает в реку Плюссу. С XV века в Новгородском крае существовало почитание преподобных Феофила и Иакова как местночтимых святых. Их имена можно видеть в святцах Русской Православной Церкви и поныне. Память преподобного Феофила Омучского (XV век) – *29 декабря/11 января,* а преподобных Феофила и Иакова Омучских († ок. 1412) – *21 октября/3 ноября*.

По преданию, Феофил (с греч.– «боголюбивый») происходил из благочестивой семьи поселян. В родительском доме, где он воспитывался в традициях, передававшихся из рода в род, его обучили грамоте и чтению божественных книг. В то время широко были известны обители на Валааме и Коневце, которые привлекали своей святой жизнью многих подвижников благочестия. Здесь Феофил принял иноческое пострижение и прошел разные послушания. За высокую святость своей жизни Феофил был поставлен преподобным Арсением игуменом Коневской обители. Спустя время, он вместе с его учеником-сподвижником Иаковом покинул стены монастыря, так его влекло в безмолвие пустыни. Отправившись в западные пределы Новгородских земель, ве-

Кондак 9. *Вседушне поработав Богови, преподобне, старости маститыя достигл еси и притекл еси к часу смертному, аки солнце к захождению. С умилением кончину провидяй, вручил еси обитель возлюбленному ученику твоему Иакову, и в добрем исповедании предал душу свою еси в руце Божии.*

Икос 11. *Светоприемная свеща благодати Божией явися гроб твой, преподобне отче наш Феофиле, иже различная источает чудотворения и недугов врачует множество, егда с верою и любовию к тебе прибегаем вернии, радостне тебе поюще: Радуйся, егоже память с похвалами. Радуйся, яко гроб твой источник исцелений явися. Радуйся, егоже кости, яко пророка Елиссеа, чудотворят. Радуйся, яко житием благим очистил еси плоти твоея немощная. Радуйся, яко изобильно вселися благодать в тя сосуд избранный. Радуйся, втораго пришествия Христова проповедниче. Радуйся, Феофиле, скорый наш помощник и чудотворче.*

Из акафиста преподобному Феофилу, игумену Омучскому, Лужскому чудотворцу

Рака над мощами прп. Феофила. Фото 1902 г.

домые Божественным Промыслом, искатели безмолвия вышли из Коневецкой обители и в трехстах верстах к югу от нее, среди мхов, лесов и болот, на берегу речки Омучи (Омуги) нашли себе уединенное место. Здесь они стали проводить жизнь в строгом посте, молитве и в борьбе с искушениями лукавого. Смиренные старцы дожили до глубокой старости и приняли схиму.

В книге иеромонаха Никодима (Кононова), будущего епископа Белгородского, новомученика († 1919), «Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Санкт-Петербургской епархии XIV–XVII веков. Агиологические очерки» (СПб, 1901) приводятся следующие сведения о них преосвященного архиепископа Филарета (Гумилевского): *«Преподобные Феофил и Иаков сперва подвизались на острове Коневец вместе с преподобным Арсением*. Потом в 1396 г. основали пустынь в честь Успения Богоматери на р. Омуге, в округе Демьяновского погоста, в 65 вер. от Порхова. Феофил был основателем пустыни, а Иаков – устроителем обители. Блаженная кончина их последовала около 1412 г. октября 21 дня в княжение Василия I Дмитриевича.*

Мощи Феофила Омучского почивают под спудом в Успенском храме, с 1764 года приходском»[9].

Ко времени закрытия пустыни в 1764 году были известны тропарь и кондак прп. Феофилу, имелось иконописное изображение святого. Одна из икон преподобного Феофила, написанная, вероятно, в конце XIX – начале XX веков, ныне сохраняется в одном из храмов Псковской области. Еще один образ преподобного, переданный Евгением Михайловичем Федоровым для реставрации в воинский храм св. Александра Невского во Пскове, хранится запасниках этого храма. По рассказам очевидцев, в Успенском храме Феофиловой пустыни до закрытия его в 1930-х гг. имелось несколько икон преподобных Феофила и Иакова, а также образа, на которых преподобный Феофил был изображен вместе со святым блгв. князем Александром Невским. (Судьба этих икон из Феофиловой пустыни неизвестна).

В 1902 году в Петербурге неизвестным автором был сочинен рукописный акафист преподобному Феофилу, который получил одобрение Духовного цензурного комитета. Но 18 апреля 1905 года решением Синода акафист был отклонен после отрицательного отзыва архиепископа Финляндского и Выборгского Николая, который основные недостатки акафиста вывел из скудости сведений о житии и чудесах преподобного. В настоящее время «Акафист святому преподобному Феофилу, игумену Омучскому, Лужскому чудотворцу» опубликован[10]. Кроме того, сохранился другой рукописный акафист прп. Феофилу, датированный началом XX века и сохраненный в приходе Феофиловой Пустыни (записан, очевидно, в 1910–1920-х годах и дошел до нас в рукописи, датированной 1955 годом, – повидимому, это год, когда он был переписан у кого-то жительницей деревни Лудони (соседней с Феофиловой Пустынью) Анной Яковлевной Казаковой и сохранен до настоящего времени Александрой Игнатьевной Владимировой).

По Отенскому списку святцев «*преподобный Феофил пустынник в Феофиловой пустыни на реке Шелони, † в лето 6904 (1396) м. окт. в 21 д.. Мощи под спудом, тропарь и кондак есть. Пр. Иаков – начальник Успенского монастыря на Шелони».* По старшему списку святцев *«преподобные Иаков и Феофил Омучские, игумены Рождества Богородицы Коневецкого монастыря, бывшие на Ладожском озере в лето 6904 (1396) м. окт. в 21 д.»*[11]. Согласно сборнику «Акафисты русским святым»[12], в стенах Коневецкого монастыря преподобные прожили несколько (пять–семь ?) лет, но житийные подробности, к сожалению, неизвестны. На реке Омуге преподобный Феофил подвизался шестнадцать лет до своей блаженной кончины, последовавшей, по одним источникам, *21 октября*, по другим – *29 декабря около 1412 года*. Он был погребен под спудом в деревянной Успенской церкви. Здесь же на территории пустыни предположительно похоронен и старец Иаков, который продолжал дело благоустроения обители, но конкретное место и год погребения преподобного Иакова неизвестны.

О церковном почитании Омучских преподобных печатных свидетельств немного, и, как правило, сведения о них даны скупые и краткие. Но имеющиеся свидетельства позволяют сделать вывод, что преподобные Феофил и Иаков издавна почитались в Северо-Западных землях как святые. Позже (очевидно, с XVI в., со времени св. митрополита Макария, утверждается их почитание по Руси). В «Иконописном подлиннике» на 8 июня, записано, что «*преподобный отец наш Феофил пустынник, иже на Омуге реке в Псковской области, новый чудотворец подобием сед, брада, аки Александра Свирского, ризы монашеские, в схиме»*[13]. Те же данные приводят авторы словаря «Истории о святых»[14] – Н.М. Кутепов (Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии)[15] и А. Ратшин (Полное собрание исторических сведений о монастырях России)[16]. Причем автор полного собрания сведений о монастырях, как и составители «Энциклопедического словаря» под редакцией проф. И.Е. Андреевского[17], монашескую обитель называют «Успенской Коневской Феофиловой пустынью». В XX веке прп. Феофил Омучский, который в святцах именуется Лужским чудотворцем, уже был известным святым Петербургской и Псковской губерний.

* Коневецкий или Коневский монастырь во имя Рождества Богородицы, где первоначально подвизались Омучские старцы, основан преподобным Арсением, являющимся уроженцем Великого Новгорода в конце XIV века на одноименном острове, расположенном в северо-западной части Ладожского озера в 5 км от побережья Карельского перешейка.

Икос 10. *Стена спасительная от мрака неверия языческаго и нечестия, бысть в древняя времена обитель твоя в сем конце земли, преподобне, учащая люди боголюбезному жительству. Аще и не пребысть до дне сего, обаче память исправлений твоих не померче и научает спасению нас, тебе ублажающих: Радуйся, присный наш во благочестии наставниче. Радуйся, неусыпный зде обитающих охранителю. Радуйся, низводяй благословение Божие на зде смиренно трудящихся. Радуйся, яко сердцем смиренным тя призывающих от напасти покрываеши. Радуйся, яко изобилие плодов земных земледельцем даруеши. Радуйся, Феофиле, скорый наш помощниче и чудотворче.*

Из акафиста преподобному Феофилу, игумену Омучскому, Лужскому чудотворцу

Феофилова пустынь. Общий вид. Слева – деревянный, справа – каменный храм Успения Пресвятой Богородицы. Фото 1902 г.

Феофилова пустынь

Дату основания Феофиловой пустыни и одноименного села относят к 1396 году, когда на берегу болотистой речки Омуги (Омучи) преподобный Феофил и его сподвижник преподобный Иаков заложили небольшую Успенскую пустынь. Первое печатное свидетельство об этом встречается в «Истории Российской иерархии»[18], где отмечается, что «*Феофилова Успенская пустынь мужская, упраздненная в 1764 году, находилась в Новгородской епархии, ныне Псковской, в Шелонской пятине, в Порховском уезде, в Демьяновском погосте, на берегу реки Омуги, расстоянием от Порхова к северу в 65, от Новограда к западу в 78, от Пскова к северо-востоку в 95 верстах*».

В другом источнике читаем, что «*Феофилова Пустынь находится в 200 верстах от Петербурга и в 56 верстах от Луги. Называется она по имени бывшей здесь до 1764 года мужской пустыни, основанной преподобным Феофилом. Село стоит при соединении Динабургского шоссе с Новгородско-Псковским, на берегу реки Омуги, впадавшей в Плюссу*»[19].

В «Энциклопедическом словаре», изданном в начале XX столетия под редакцией профессора И.Е. Андреевского, приводятся следующие краткие сведения: «*Феофилова Пустынь – село Санкт-Петербургской губернии, Лужского уезда, на Варшавском шоссе, в 57 верстах от уездного города. До 1764 года здесь находился монастырь – Успенская-Коневская-Феофилова пустынь, основанная преподобным Феофилом и Иаковом в 1396 году. Под спудом мощи основателей*»[20].

Как отмечалось выше, в то время местность входила в состав Шелонской пятины Великого Новгорода. Следует особо отметить, что новгородцы не навязывали православие силой и терпимо относились к местным обычаям, обрядам и вероисповеданиям (здесь следует отметить тот факт, что в местности, где была основана пустынь, проживали как славяне-новгородцы, исповедывавшие православие, так и представители местных финских народов, среди которых православие утверждалось постепенно, и исключительно благодаря христианской проповеди).

Основу административной системы земли Новгородской составляли погосты, центром которых являлись церкви, вокруг которых располагался, как правило, небольшой поселок. Церковь имела не только огромное духовное, но и административное значение. Вокруг церкви проходил торг, при храме хранились меры длины и веса. Настоятель церкви подтверждал имущественное состояние прихожан при сборе налога. Крестьяне, жившие на этой земле, должны были треть урожая отдавать владыке (архиепископу или митрополиту Новгородскому), а также содержать его и его присных во время их пребывания на территории погоста. Однако сами крестьяне не принадлежали архиерею и монастырям, а являлись арендаторами на их землях.

Пустынь просуществовала три с половиной века, будучи приписанной вначале к Посолодинскому, а затем к Розважскому монастырям. В 1577–1589 годах она называлась Успенская и Богоявленская Феофилова пустынь.

---

* Ружная церковь – без земли, на руге. Руга – годичное содержание священнику и причту от прихода, деньгами, хлебом и припасами по уговору или положению (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1991).

Император Александр I

Кондак 11. *Пение и звон не умолче на сем месте, идеже потрудился еси, преподобне, аще и преста зде иноческое житие. Благословенный бо Государь Александр Первый, емуже дивное от недуга даровал еси исцеление, храм чуден созда, да памятуем, православнии, яко многое имаши дерзновение у престола Христова, пояй со ангелы: Аллилуиа.*

Из акафиста преподобному Феофилу, игумену Омучскому, Лужскому чудотворцу

По записке 1580 года «*Феофилова пустынь была ружною*: на нее отпускали 6 рублей, 3 алтына и 4 деньги*»[22].

Во время войн с западными соседями, стремившимися покорить и отторгнуть Северо-Запад Руси, объектом грабежа шведских, ливонских и польских захватчиков зачастую становились православные монастыри и церкви. Форпосты православной веры и русского духа они старались разорить, уничтожить и сжечь, убивая при этом священников и монахов, о чем свидетельствуют многие исторические летописи. В огне пожарищ погибали сокровища и реликвии, иконы, летописи и книги древнерусского письма, бесценные произведения церковной живописи и прикладного искусства.

После Смутного времени и длительной польской и шведской оккупации края, по переписи 1628 года, в Феофиловой пустыни стояла деревянная церковь без священнодействия (то есть службы в ней не проходили). Крестьян насчитывалось «шесть душ бобылей, записавшихся из церковников».

Когда старинная Успенская церковь сгорела (в начале XVIII века), то на том же месте выстроили новую деревянную, с тем же наименованием. О дате ее освящения свидетельствовала надпись на престоле: освящена «*при державе Петра Алексеевича… по благословению Иова,.. митрополита Новограда и Великих Лук в лето мироздания 7220, от Рождества же Слова Божия 1712 г. месяца августа в 14 день, на память св. Пророка Михея, а святил ту церковь того же монастыря строитель иеромонах Гурий с присутствующими с ним*».

В первой половине XVIII века строителем Феофиловой пустыни был иеромонах Мардарий, будущий псковский пустынножитель. Постриженник Иоанно-Богословского Черемецкого мужского монастыря иеромонах Мардарий (в миру – Матфий) некоторое время служил и подвизался здесь, после чего удалился из пустыни в глухой лес *«по примеру древних христианских отшельников проводить жизнь пустынническую»*. Устроив в близлежащей Задорской или Середской пустыни на реке Омуге себе келию для уединенной молитвы, Мардарий позже перешел к рекам Ситне и Рытнице на Донские ручьи и там подвизался до конца дней своих. В уединении он прожил более тридцати лет и скончался в возрасте не менее шестидесяти и не более семидесяти лет 11 сентября 1765 года. Место подвигов иеромонаха Мардария почитается православными христианами до сего дня.

В 1764 году во времена царствования Императрицы Екатерины II из-за малочисленности братии обитель упразднили, а Успенский храм обратили в приходской. (Приход здесь просуществовал вплоть до закрытия храма в конце 1930-х гг, в годы советской власти.)

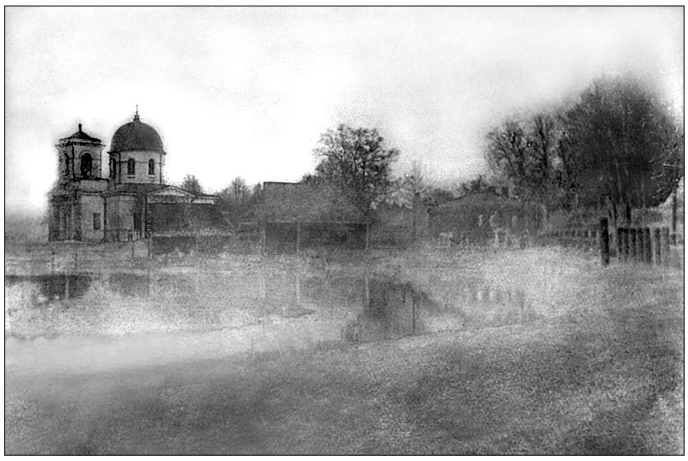
Деревянная церковь, выстроенная в начале XVIII века, простояла 111 лет, после чего в 1823 году за ветхостью была разобрана. Тогда же *«в 4 саженях к западу от нее»* построили временную деревянную церковь меньшего размера, без колокольни, – во имя Успения Пресвятой Богородицы (*с. 39, на фото – слева*). Деревянная церковь, ворота и трапезная были срублены из теса.

К 1824 году, помимо деревянной церкви, на приходе бывшей Феофиловой пустыни был построен каменный храм с колокольней и тремя приделами (*с. 39, на фото – справа*). Центральный, или главный, был освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы, левый – в честь святого благоверного князя Александра Невского, и правый – в честь преподобного Феофила. Антиминсы боковых престолов были освящены епископом Ревельским Григорием (Постниковым) 22 ноября 1823 года и подписаны митрополитом С.-Петербургским Серафимом (Глаголевским). Спустя полвека, был освящен новый антиминс главного престола, подписанный 27 июля 1875 года епископом Ладожским Палладием (Раевым), будущим петербургским митрополитом. Храм был увенчан круглым барабаном со светло-голубым куполом, украшенным золотыми звездочками. Позднее прилегающую территорию обнесли забором из красного кирпича.

Временная деревянная церковь была освящена «*при державе Императора Александра Павловича*» по благословению митрополита Серафима наместником Александро-Невской лавры архимандритом Товией, который и

Кондак 8. *Странник в земной юдоли, преподобне, покров странником создал еси, егда обитель Омучскую соградил еси с учеником своим блаженным Иаковом, и храмом в честь Успения Пречистыя Владычицы украсил еси, Ейже со умилением взывал еси: к кому прибегну в горести моей, разве не к тебе, Владычице, и славил еси Троицу Живоначальную.*

Из акафиста преподобному Феофилу, игумену Омучскому, Лужскому чудотворцу



Феофилова Пустынь. 1930-е гг.

наблюдал за постройкой церквей, в Успение – 15 августа 1824 года. На освящении храма присутствовал сам Император Александр I, ибо ранее, как гласит предание, «*проезжавшего мимо этого места, Благословенного Государя Александра I простудный недуг поразил в ноги: Император притекает к мощам преподобного Феофила и, коленопреклоненно молясь у раки с его мощами, получает исцеление*»[23], «*емуже дивное от недуга даровал исцеление» Лужский чудотворец*[24].

Средствами на построение храмов послужили: 15 тыс. руб. ассигнациями, выданные из комиссии Духовных училищ, пожертвованные на храм помещицей Марией Ивановной Глинкой* (проезжая в 1811 г. через село и останавившись ненадолго здесь, она была поражена убогостью старого храма, бедностью, в которой пребывала святыня, и выступила инициатором постройки каменного храма в Феофиловой Пустыни, а также дала первые средства на его постройку – 5 тысяч рублей) и 30 тыс. руб. ассигнациями в билете – от купца Солодовникова, проценты от капитала Солодовникова и госпожи Глинкиной – 522 руб. 77 коп., от разных благотворителей – 172 руб.; от богомольцев собранные в дни освящения храмов – 500 руб. За оставшиеся после постройки материалы было выручено еще 500 руб. Всего было собрано средств на постройку церквей около 62 тыс. руб. ассигнациями, а истрачено несколькими рублями больше.

Строительство деревянного и каменного храмов осуществлялось при священнике Игнатии Васильеве, возглавлявшем приход в те годы. Он был сыном пономаря Порховского уезда и служил вначале пономарем, а позднее диаконом в Боротинском погосте. Утверждали, что Император Александр I во время посещения Феофиловой пустыни в 1824 году заходил к священнику отцу Игнатию и даже исповедовался у него.

Известно, что главной святыней двух храмов обители были мощи преподобного Феофила, почивавшие под спудом под средним алтарем каменной церкви, а также мощи преподобного Иакова. Точные даты жизни и кончины последнего неизвестны, как и точное место упокоения его мощей на территории пустыни. Святое место, наряду с Псково-Печерским монастырем, а также с расположенными в этих землях Никандровой пустынью и Крыпецким монастырем, особо почиталось православными людьми.

Согласно материалам «Историко-статистических сведений о Санкт-Петербургской епархии»[25], причт храма до 1854 года состоял из священника и двух причетников, в связи с увеличением прихода была определена просвирня. Доходов получалось до 600 руб. на причт. Из них жалованье священника составляло 200 руб., псаломщиков – по 70 руб., просвирни – 30 руб. в год.

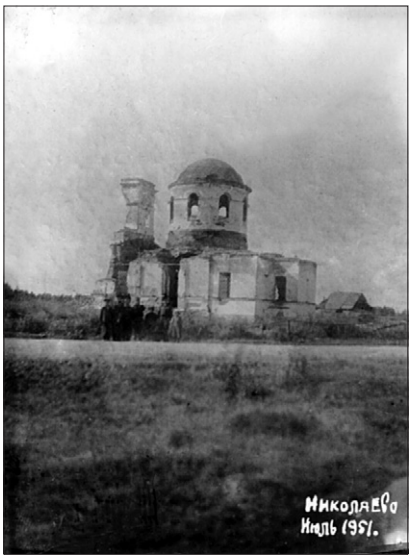
На конец XIX века в границах прихода были расположены две усадьбы, село Феофилова Пустынь и девять деревень: Лавровни, Селицы, Пахонь, Кирилково, Старищи, Звад, Дертины, Большие и Малые Льзи. Близлежащими приходами были: Гагринский, Запольский, Уторгощский, Боротинский и Веленский (ныне существуют только первые два). По соседству находились две земские школы при волостных правлениях в Заполье и Боротно, а также министерские школы в Гагрине и Веленях, в которых обучались дети местных крестьян. Прихожан

Феофилова Пустынь. Дача С.-Петербургского Александро-Невского Духовного училища. Фото Елкина, 1902 г.

* Мария Ивановна Глинка, рожд. княжна Друцкая-Соколинская, скончалась через год после посещения пустыни, 27 октября 1812 г.

насчитывалось 824 человека мужского пола и 919 душ – женского. Церкви принадлежали: два ветхих деревянных дома для причта, сторожка и баня; 89 десятин 2, 022 сажени земли, в том числе под кладбищами и церквями – 1 десятина 1 590 сажени, неудобной земли – 1 десятина 1 270 сажени; 2250 руб. капитала церковного и 530 руб. на причт.

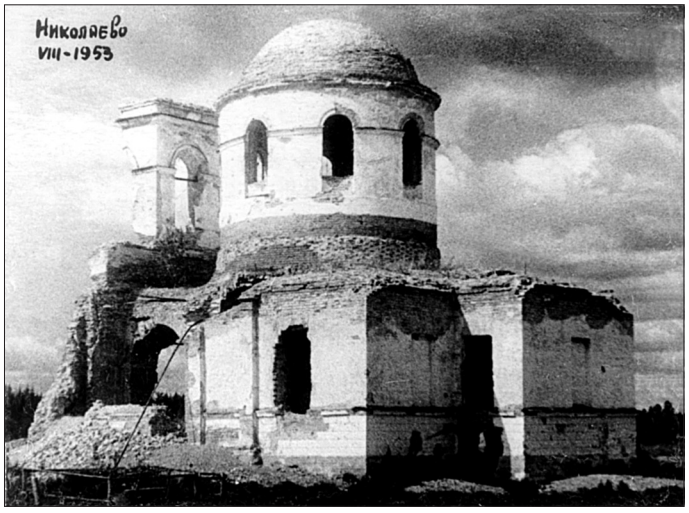
Дом священника был выстроен в 1858 году из боковых флигелей телеграфного здания, находившегося на шоссе в шести верстах от церкви. Рядом находился дом причетника, переделанный из бывшего здесь же дома священника Романского. По преданию, наместник Александро-Невской лавры архимандрит Товия, живший в этом доме в период строительства храмов, оставил его за долги священнику Игнатию Васильеву, а потом дом переходил от одного священника к другому через покупку.



Феофилова Пустынь (Николаево). Июль 1951 г.

Исторически вокруг монашеской обители образовалось село, которое сделалось широко известным на территории Петербургской и Псковской губерний. Несомненно, что через населенный пункт, стоявший на развилке трех оживленных дорог, в разные годы и века проезжало много великих и известных людей. Согласно историческим данным, в октябре 1827 года на почтовой станции села Феофилова Пустынь останавливался великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин[26].

До революции зажиточное село являлось центром ряда благотворительных учреждений. Из материалов того же журнала «Русский паломник» за 1902 год известно, что с в 90-х годов XIX века под сенью храма Феофиловой пустыни приютился земский врачебный приемный покой, в 1899–1900 годах здесь возникла сельская община сестер милосердия с постоянным доктором. Устроителями общины являлись столичный (санкт-петербургский) священник отец И.С. Лебедев и местный священник отец А.Я. Смирницкий. В 1902 году по благословению митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) смотрителем Александро-Невского духовного училища иеромонахом Никодимом (Коновым), будущим новомучеником, была организована первая постоянная дача для воспитанников-сирот и иностранцев, обучавшихся в столичном Духовном училище и не имевших возможности уезжать на летние, Рождественские и Пасхальные каникулы домой. На даче отдыхало до сорока учащихся под наблюдением отца-смотрителя и двух надзирателей-учителей: А.П. Соловьевича и иеромонаха Филиппа. Кроме богослужения и занятий, дети играли в лапту, мяч и городки, ходили на прогулки, пели в хоре, работали в саду.



Феофилова Пустынь (Николаево). Август 1953 г.

До этого времени сирот брал к себе на дачу знаменитый пастырь-благотворитель протоиерей Алексий Колоколов, по кончине отца Алексия его дача отошла под «женское богоугодное заведение» – общину сельских сестер милосердия. Поэтому смотритель училища под дачу сирот арендовал небольшое имение господина Эрина с двухэтажным домом, садом и огородом вблизи церкви и неподалеку от местной общины сестер милосердия.

По указу Императора Николая II от 12 мая 1903 года вблизи станции Белой Санкт-Петербург-Варшавской железной дороги (ныне – станция и поселок Струги Красные) и неподалеку от Феофиловой пустыни открывается новый большой артиллерийский полигон для летних маневров Русской армии. В то время главнокомандующим гвардии и Петербургского военного округа был Великий Князь Владимир Александрович (1847–1909). Приказом по военному ведомству от 28 февраля 1906 года новый военный лагерь стал называться «Владимирским»[27]. Известно, что 20 мая 1911 года в лагере проходил Высочайший смотр, который проводил Император Николай II. Не исключено, что по дороге он мог посещать Феофилову пустынь.

По материалам «Историко-статистических сведений о Санкт-Петербургской епархии»[28] в разное время священниками церкви Успения в б. Феофиловой пустыни были: Исайя Васильев, служивший до 1788 или 1780 года; Петр Тимофеев, – с 1780 по 1797 годы; Игнатий Васильев, – с 1797 по 1831 годы. С 1831 по 1854 годы священниками здесь служили: Петр Григорьев, переведенный позднее в Лужский собор,

и Димитрий Антонович Романский (из второразрядных студентов); с 1854 года – Иоанн Семенович Разумовский (также из второразрядных студентов), переведенный из села Ветвеника Гдовского уезда. Перед революцией, в 1915 году, настоятелем церкви служил священник Василий Михайлович Войнов. В 1931 году церковь закрыли, в здании храма (по воспоминаниям местных жителей) устроили клуб, последний священник отец Василий уехал (предположительно в село Взвад Старорусского района Новгородской области, где он служил позже священником).

В звании дьячков состояли: Трифон Игнатьев – до 1801 года; Петр Екимович Голубев – с 1801 по 1806 годы; Иван Васильев – с 1806 по 1838 годы; Александр Каллиникович Смирнов – с 1844 по 1855 годы; Иван Анисимович Лабецкий, переведенный в 1880 году в соседнее село Заполье; Андрей Андреевич Чужбовский с 1865 по 1867 годы и переведенный в Дылицы; Иван Иванович Ильинский, а позднее, перед революцией, его сын – Алексей Иванович Ильинский, уроженец этого села. В декабре 1937 года Алексея Ивановича Ильинского, который к тому времени служил псаломщиком в соборе Воскресения Христова в Луге, расстреляли в Левашовской пустоши под Ленинградом[29]. Пономарями в разные годы служили: Григорий Исаев, Иван Григорьев, Иван Каменоградский, Стефан Яковлевич Яновский и другие.

По крупицам собирая воспоминания старожилов, можно только представлять, какое благолепие являл собой храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Вот несколько свидетельств очевидцев тех далеких лет. Мама одного из авторов публикуемой статьи – *Екатерина Петровна Степанова (в девичестве – Ильина)* 1919 года рождения, уроженка деревни Новоселье, которая находилась по соседству с Феофиловой пустынью: «*Мне было тогда лет семь-восемь. Летом всей семьей ходили в церковь в Велени, что в 3 верстах от Новоселья. Зимой, когда свободного времени было поболе, ездили на лошади, запряженной в санки, в Феофилову пустынь. Папа – Петр Ильич, мама – Анастасия Васильевна, сестра Шура и трое братьев – Леня, Ваня и Вася. Отец всегда говорил: «Едем в пустынь». Хорошо помню красивый большой забор из красного кирпича вокруг церкви. Приезжало много народу из округи на лошадях. Лошадей привязывали к коновязи с двух сторон. В самой церкви на стенах висело много старинных икон, а с купола храма спускалась необыкновенной красоты хрустальная люстра, в которой горело множество белых свечей. Люстра, от мерцания огоньков, словно вспыхивала и искрилась, переливалась, как радуга, всеми цветами. Хор в церкви был большой, певчие пели очень торжественно и красиво. На морозном воздухе звонко и радостно звонили колокола. Мы всей семьей причащались*».

Из воспоминаний жительницы села – *Анны Никандровны Яблоковой,* ныне покойной, записанных в

Феофилова Пустынь. Середина 1950-х гг.

октябре 1992 года: «*В церкви был один большой купол, светло-голубая главка с золотыми звездочками, который был виден за 6 километров. Икона Божией Матери стояла у иконостаса слева, справа находилось Распятие. В Великий пост к нам в дер. Звад приносили на руках из храма в Феофиловой пустыни большие иконы Божией Матери и Спасителя и носили их из дома в дом.*

Помню крестные ходы летом, но не на Успенье, а много раньше, когда приезжало много священников, богомольцев и епископ. Звонарь звонил на колокольне в большие и малые колокола. Усыпальница преподобного Феофила находилась в церкви слева от входа. В нее надо было спуститься вниз по ступенькам. Гробница была под покровом, на покров жертвователи клали деньги. В малой пещере с мощами слева висела иконка и всегда горела лампадка. Там же брали лампадное масло. Лучшими певчими были Клавдия Ивановна и Анна Ивановна. Почитаемой была икона Спасителя с двумя угодниками – Вавилом и Самуилом, у которой молились за тех, кто в тюрьме. В войну с 1941 по 1944 годы в храме служили священники, люди с окрестных деревень шли молиться».

В начале 1920-х годов село Феофилова Пустынь переименовали в деревню Николаево. Согласно справке Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, «*Постановлением президиума Петроградского губисполкома от 6 апреля 1923 года Лудонская волость Лужского уезда была переименована в волость имени тов. Степанова (Степановскую волость), село Феофилова Пустынь Лудонской волости – в село Николаево. Степанов Семен, бывший предволисполкома, член РКП, расстрелянный белогвардейцами в 1919 году, Николаев Николай – секретарь Лудонского волревкома, член РКП, расстрелян белыми в 1919 году*»[30].

По воспоминаниям местных старожилов, в 1940 году часть икон из закрытого храма порубили, оставшуюся часть вместе с остатками церковной утвари на лошадях вывезли в Струги Красные. Тогда же разбили

и огромную необыкновенной красоты люстру, которую не смогли осторожно снять. Во время рубки икон один из прибывших на подводах мужиков поранил в кровь лицо отскочившей от иконы щепкой.

В период оккупации 1941–1944 годов в храме вновь шла служба. Открытие храмов и возобновление богослужений, в том числе в Феофиловой пустыни, во многом стало возможным благодаря священникам Православной Псковской миссии, направленным в Северо–Западные русские области митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским), экзархом Латвии и Эстонии. За период деятельности миссии с августа 1941 по февраль 1944 года на территории Псковской, Петербургской и Новгородской епархий было открыто больше четырехсот приходов, из Прибалтики приехали священники, священно- и церковнослужители как из числа местного, преимущественно рижского, духовенства, так и из эмигрантов, покинувших родину во время Гражданской войны. К ним присоединились и оставшиеся к этому времени в живых (после репрессий 1920–1930 годов) пастыри северо-западных областей, проживавшие по деревням нелегально или высланные, и до войны не служившие. После освобождения Северо-Запада от немецких войск часть храмов (от трети до половины открытых миссионерами) вновь закрыли, но немало церквей и соборов все же остались действующими. Впоследствии многих священников и мирян, состоявших в Псковской Православной миссии, арестовали и репрессировали, и они находились в советских лагерях и тюрьмах[31].

В годы Второй Мировой войны церковь сильно пострадала. Согласно рассказам местных жителей, придорожный храм разрушали и немецкие и советские войска в ходе ожесточенных боев за стратегически важный узел дорог. В сорок первом году на колокольне находился наблюдательный пункт, с которого артиллерийскими наводчиками корректировался огонь батарей по наступающим немецким дивизиям, рвущимся к Луге. Тогда от действий немецкой артиллерии особенно пострадала западная часть храма и колокольня. После войны местные жители продолжили разрушение храма, растаскивая его развалины на кирпичи.

Первый молебен на месте Феофиловой пустыни. 2002 г.

Со временем стены разоренной церкви все больше ветшали и разрушались. Дождь, ветер и снег довершили дело рук человеческих. К 1970–1980-м годам от белоснежного каменного красавца-храма мало что осталось Над лесом и селом возвышается лишь видная издалека центральная часть его, увенчанная куполом, опирающимся на четыре столба. Стены и колокольня храма погибли от людского варварства. В послевоенные годы на территории пустыни поставили щеподралку, а позднее – пилораму. Прилегающее к храму кладбище сровняли с землей, а оставшиеся развалины святыни тщетно пытались взорвать динамитом и растащить тракторами. Последняя попытка разобрать остатки церкви на кирпичи предпринималась в 1991 году, но местные матушки – жительницы села, не дали свершиться святотатству.

В любом явлении или деянии скрыт Промысл Господень. Бог требует от людей поступать согласно Его заповедям. Для того, чтобы примириться с Богом после десятилетий безбожия, нам необходимо вернуться к нашей православной вере. Видимо, настало время собирать камни и возрождать поруганные святыни. Дождалась этого часа и Феофилова пустынь.

После молебна, отслуженного 29 июля 2002 года на развалинах Феофиловой пустыни благочинным Плюсского округа игуменом Романом (Загребневым), на сходе жителей села и окрестных деревень было принято обращение к главе Хрединской волости о возвращении исторического названия селению:

«*Во времена тяжелейших испытаний и войн, обрушивающихся на русскую многострадальную землю, наши граждане всегда обращались к памяти великих предков, призывая их в помощники и ряды защитников Отечества...*

...Тяжкий грех впадать в уныние. Несмотря на переживаемые трудности, вершится историческая справедливость в национальном масштабе по возвращению прежних наименований городам Санкт-Петербургу, Екатеринбургу и другим населенным пунктам. Настало время во имя будущих поколений осуществить возвращение прежнего имени селу Феофилова Пустынь, что явится не только исторической справедливостью, но и нравственным долгом живущих на нашей стружской земле граждан и властей...

...С возвращения прежнего наименования начнется духовное возрождение святыни, и мы надеемся, что недалеко то время, когда над нашими окрестностями, вливаясь в стройный хор других святынь земли псковской, поплывет радостный благовест колоколов церкви Успения Божией Матери.

От имени участников молебна в честь преподобного Феофила и схода граждан просим Вас поддержать нашу

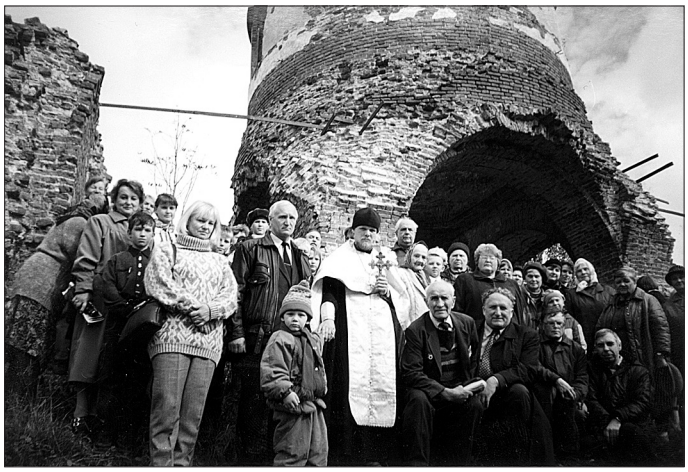
просьбу и обратиться в районное собрание по нашей инициативе о возвращении деревне Николаево прежнего наименования село Феофилова Пустынь».

Обращение единогласно было принято всеми участниками прошедшего молебна и сходом жителей. От имени собравшихся обращение подписали: член Союза писателей России В.Я. Степанов, генеральный директор оборонного предприятия «Завод аппаратуры дальней связи» Н.А. Солпековский , учительница истории Лудонской основной школы В.П. Кулешова.

Необходимость возрождения святыни возникла не на голом месте. Этому способствовало изменение общественного сознания, происшедшее в тяжелейшие для всего народа последние годы... С Божией помощью, несмотря на переживаемые трудности, начинает вершиться историческая справедливость по возвращению прежних наименований. На землях Северо-Западной Руси, в Псковской области, поднимается из руин Свято-Благовещенская Никандрова пустынь, возрождается Крыпецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь, восстают из забвения Снетогорский и Творожковский женские монастыри, строится православный храм в Стругах ... Пришло время восстанавливать из развалин и храм Феофиловой пустыни.

Вопрос о возвращении названия села Феофилова Пустынь пытался поднять стружский священник Димитрий Ульянов – настоятель церкви Успения Божией Матери – вскоре по приезде своем сюда на служение в 1997 году, но тогда его усилия не принесли положительных результатов. Примечательно, что настоящая удавшаяся инициатива возрождения святыни исходила от детей – учащихся Лудонской основной школы. Инициативу учащихся поддержали семьдесят семь жителей деревни Николаево, представители духовенства – благочинный Плюсского округа игумен Роман (Загребнев), настоятель храма в Стругах священник Димитрий Ульянов, настоятель церкви свв. мчч. Флора и Лавра в с. Хредино свящ. Константин Бабин, а также депутаты районного собрания

Феофиловой Пустыни возвращено ее историческое имя. Сентябрь 2003 г.



После молебна в Феофиловой пустыни, после возвращения ее исторического имени. Сентябрь 2003 г.

и жители деревень Новоселье и Лудони, расположенных по соседству с пустынью. Живое участие в реализации просьбы жителей приняли главы администраций Хрединской волости З.А. Федорова и Стругокрасненского района А.А. Котов.

Много добрых помощников оказалось среди родных. Немало встреч было с прихожанами, помнящими свои детские годы, когда храм Феофиловой пустыни еще являлся действующим.

Незадолго до кончины великого молитвенника и заступника земли русской старца протоиерея Николая Гурьянова с острова Талабск было получено его благословение на возвращение прежнего наименования селу и возрождение Феофиловой пустыни. «*Помоги, Господи! Надо возрождать Феофилову пустынь. Бог поможет!*» – таковы были слова благословенного старца.

19 сентября 2003 года в актовом зале администрации района состоялась четвертая сессия районного Собрания депутатов, на которой было рассмотрено ходатайство жителей деревни Николаево Хрединской волости о возвращении ей исторического названия – Феофилова Пустынь. Доклад по истории именования села сделала заведующая районным краеведческим музеем В. Константинова… Прослушав доклад, депутаты единогласно постановили: «*Принять предложение о возвращении деревне Николаево ее исторического названия – Феофилова Пустынь; поручить администрации района направить настоящее постановление с материалами и документами, обосновывающими переименование деревни Николаево почтового отделения Лудони Хрединской волости, в Псковское областное собрание депутатов, восстановив тем самым историческую справедливость*»[32].

Постановлением Псковского областного Собрания депутатов от 31 октября 2002 года №182 *«О переименовании деревни Николаево Хрединской волости Струго-Красненского района в деревню Феофилова Пустынь»* законодатели области поставили окончательную точку в вопросе восстановления прежнего

наименования села. В соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июня 2003 г. № 375 «О присвоении наименований географическим объектам и переименовании географических объектов...» принято предложение Псковского областного Собрания депутатов, и на картах вновь появилось название, которому шесть с лишним веков.

На Руси трудное время всегда порождало подвижников, которые не только крепили Православную веру, но и своим примером пробуждали в народе лучшие его качества.

В народе живет память о подвигах прп. Феофила и пробуждает в нас, живущих ныне, стремление восстановить Феофилову пустынь в прежнем величии и красоте. Пусть же вновь возгорится неугасимая лампада здесь в святых стенах и камнях Свято-Успенской Феофиловой пустыни.

Примечания:

[1] Гр. Толстой М. В. История Русской церкви. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 109.

[2] История Русской церкви. Т.3, отдел 2, глава 4. Монастыри

[3] Псковские летописи. Вып. 2. М., 1995. С. 160.

[4] Псковские летописи. Вып. 2. М., 1995. С. 107.

[5] Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.2. СПб.: Кристалл, 2000. С. 124.

[6] Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, ПГПИ, 2002. №16. С. 4.

[7] Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.2. СПб.: Кристалл, 2000. С. 107, 110, 123, 124.

[8] Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.2. СПб.: Кристалл, 2000. С. 107, 110, 123, 124.

[9] Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Типография Акционерного общества Брокгауз–Ефрон, 1904. С. 934.

[10] Акафисты русским святым. Изд. «Титул». Т. 3. СПб, 1996. С. 734-743.

[11] Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. С.-Петербург, 1882 г. С. 244.

[12] Изд. «Титул». Т. 3. СПб, 1996. С. 734–743.

[13] Иеромонах Никодим (Кононов) «Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Санкт-Петербургской епархии XIV–XVII веков. Агиологические очерки». СПб, 1901.

[14] «Истории о святых». СПб, 1836. С. 286.

[15] Кутепов Н.М. «Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии». СПб, 1899. С. 471.

[16] Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о монастырях России. М., 1852. С. 456-486.

[17] «Энциклопедический словарь». Под редакцией проф. И.Е. Андреевского. С.-Петербург. Типография Акционерного общества Брокгауз–Ефрон, 1904. С. 932.

[18] «История Российской иерархии» (СПб, 1881. Т.6, ч. 2. С. 848-849.

[19] Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Т.9. СПб, Лужский уезд, 1885.

[20] Энциклопедический словарь. С.-Петербург: Типография Акционерного общества Брокгауз–Ефрон, 1904. С. 932.

[22] Времен. Общ. Истории. Кн.24. С. 38, 39.

[23] Русский паломник. 1902. № 24. С. 413-414

[24] Преподобные Феофил и Иаков Омучские, Лужские. Листок № 20 1998 г. псковского храма Святого Благоверного Князя Александра Невского.

[25] «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии». Т. 9. СПб, Лужский уезд, 1885.

[26] Псковская энциклопедия, 2003. С. 801.

[27] Константинова В.П. Струги Красные. М., 2002.

[28] «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии». Т. 9. СПб, Лужский уезд, 1885.

[29] Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. Вып. 14, ч. 2, «Из синодика новых мучеников Российских, православных клириков и мирян, расстрелянных в 1937 году». С. 97–100.

[30] Газета «За коммунизм» от 18 июля 1970 г.

[31] Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26-27. С. 5-7.

[32] Газета «Струги» от 21 сентября 2002 г.

Икос 8. *Духом, преподобне Феофиле, в вышних пребывая, духовными очима и ныне зриши ны здесь. Приклони ухо твое и услыши моления наша, наставниче.*
Радуйся, Ангелов собеседниче.
Радуйся, Царице Небесной похвало.
Радуйся, игумен святой, нас житием своим умудривый.
Радуйся, Царицу мира за нас грешных упросивый, за наши грехи, немощи, беззаконие и неверие гнев на нас недостойных усмиривый.
Радуйся, пречистыя Ея стопы лобызавый.
Радуйся, Деву Марию денно и нощно славивый.
Радуйся, наш мосте ко престолу Богоматери.
Радуйся, лествица к Пречистой Преблагословенной о нас сирых.
Радуйся, духовное кадило и свеща Богоматери.
Радуйся, Феофиле, преподобне отче наш.

Рукописный акафист преподобному Феофилу Омучскому, Лужскому чудотворцу

А.К. Галкин

ВДОХНОВИТЕЛЬ НАРОДНЫХ ПАЛОМНИЧЕСТВ

Крестные ходы, возглавляемые свт. Вениамином в С.-Петербургской епархии

Святитель Вениамин, в миру Василий Павлович Казанский, в 1893 году окончил в Петрозаводске Олонецкую Духовную семинарию и сразу же поступил в С.-Петербургскую Духовную академию. В церковной истории Санкт-Петербурга тот год был отмечен большим юбилеем – 30 августа исполнилось 150 лет со дня учреждения общегородского крестного хода в Александро-Невскую лавру. До 1858 года он совершался из Казанского собора, затем путь его несколько удлинился – крестный ход стал выходить из кафедрального Исаакиевского. Во главе многочисленного сонма духовенства традиционно шествовал епископ. В свое время участником процессии был и св. Тихон, епископ Кексгольмский и Ладожский (святитель Тихон Задонский), и св. Филарет, епископ Ревельский (впоследствии – митрополит Московский). Более полутора веков этот крестный ход по Невскому проспекту оставался единственным организованным религиозным шествием общегородского масштаба.

Митрополит Антоний, архимандрит Вениамин, наместник Александро-Невской лавры архим. Феофан (Туляков) в сопровождении братии шествуют в Свято-Троицкий собор. 1909 г.

Из ближайших окрестностей столицы своими святынями славились Троице-Сергиева Приморская пустынь, Колпино, Шлиссельбург, Пороховые. В определенные дни туда стекались тысячи паломников, но каждый из них добирался сам по себе, а духовенство в этих народных шествиях не участвовало вовсе. Положение стало меняться при императоре Александре III: в самом начале его царствования в Петербурге было учреждено Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, а три года спустя – Епархиальное братство Пресвятой Богородицы. И Общество, и Братство развернули широкую церковно-просветительную деятельность, преимущественно на петербургских окраинах. С 1887 года, по инициативе нового ректора С.-Петербургской Духовной академии епископа Выборгского Антония (Вадковского; в 1898–1912 годах – митрополит С.-Петербургский и Ладожский) ее студенты активно включились в работу Общества. Они вели религиозные беседы и чтения в заводских столовых, школах, ночлежных домах, устраивали первые общества трезвости, водили своих слушателей на богомолье в лавру и к другим святым местам. Одновременно еще робкие «паломнические походы» рабочего люда в Колпино и Сергиеву пустынь стал вводить в практику священник Сергий Слепян, служившей в церкви Покрова на Боровой улице. Эта церковь, построенная в 1890–1897 годах, стала центром Епархиального братства Пресвятой Богородицы.

Уже на первом курсе академии будущий митрополит Вениамин начал вести духовные беседы в фабричных кварталах столицы, причем, первое его выступление предварил своим пастырским словом о. Сергий Слепян. На две недели раньше Василия Казанского к религиозно-просветительной деятельности приступил его однокурсник Александр Рождественский. В течение всего академического курса они тесно сотрудничали на этом поприще[1]. Василий Казанский окончил академию в сане иеромонаха (он принял постриг с именем Вениамин на III курсе) и, поступив на духовно-учебную службу, в 1897–1899 и 1902–1905 годах находился вдали от Петер-

Крестный ход по Невскому проспекту в день празднования перенесения мощей св. блгв. вел. кн. Александра Невского вступает на Александро-Невскую площадь. Фото 1914 г.

бурга. Александр Рождественский остался в столице: 8 ноября 1897 года он был рукоположен во священника к Воскресенской церкви у Варшавского вокзала, в местность глухую и пьяную. При этой церкви, тогда еще деревянной, молодой пастырь меньше, чем через год, 30 августа 1898 года, организовал Александро-Невское общество трезвости[2]. Задачу христианской миссии о. Александр видел в оздоровлении всего народного быта. Его девизом были слова: «За Христа! За трезвость!»

Общество трезвости, руководимое о. Александром, начало открывать отделения в разных районах Петербурга и его окрестностей и через какие-нибудь 5-6 лет в его рядах было уже до 70.000 членов. Поскольку своим покровителем трезвенники с «Варшавки» избрали св. Александра Невского, в их среде очень быстро возникла традиция ежегодного крестного хода в пасхальные дни от Воскресенской церкви в Лавру. В шествии, с каждым годом становившемся все более многолюдным, принимало участие духовенство храмов, где имелись отделы Александро-Невского общества трезвости. Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний высоко оценил миссионерско-трезвеннические труды о. А. Рождественского. Скоро по всему Петербургу стало известно, что в дни паломничества трезвенников в Лавру, литургию в ее Троицком соборе совершает сам митрополит.

Еще один крестный ход петербургских трезвенников с о. Александром во главе каждый год направлялся по Петергофскому шоссе в Троице-Сергиеву пустынь. Здесь в этот день имел обыкновение служить епископ Нарвский Антонин (Грановский), который в 1903–1908 годах состоял викарием митрополита Антония.

25 июля 1904 года о. Александр Рождественский участвовал в закладке каменного храма у Варшавского вокзала. Строительство было завершено к концу 1908 года, при новом настоятеле, протоиерее Петре Миртове. Священник А. Рождественский скончался во цвете лет 5 июля 1905 года: за несколько дней до кончины он еще ходил в паломничество с трезвенниками в Троице-Сергиеву пустынь.

Освящение каменного Воскресенского храма на Обводном канале, рассчитанного на 4000 человек, состоялось 14 декабря 1908 года. Праздник разделил со всеми и ректор столичной семинарии архимандрит Вениамин (Казанский). В следующем году, на третий день Пасхи, 31 марта, в крестном ходе трезвенников от стен нового храма в Лавру принял участие епископ Нарвский Никандр (Феноменов). Викарием митрополита Антония он стал годом ранее, когда епископа Антонина уволили на покой в Троице-Сергиеву пустынь. Таким образом, епископ Никандр первым начал украшать «наши народные торжества своим архиерейским шествием»[3]. Но только неутомимый святитель Вениамин, в сане епископа Гдовского, сделал дальние паломничества петербуржцев с непременным участием архипастыря отличительной чертой церковной жизни столичной епархии.

Посвящение архимандрита Вениамина во епископа состоялось 24 января 1910 года. Через три месяца, в Светлый вторник 20 апреля, Владыка впервые возглавил многоверстный крестный ход трезвенников через весь Петербург – от Сампсониевского собора в Лавру. У Троицкой церкви на Стремянной это впечатляющее шествие объединилось с подобным же крестным ходом, который вел от Воскресенской церкви у Варшавского вокзала епископ Никандр. По Старо-Невскому проспекту на митрополичью службу двигалось настоящее людское море. Митрополиту Антонию и двум его викариям сослужили многочисленные руководители объединений трезвенников со всего города и ближайших пригородов. Все песнопения литургии и молебна святому князю Александру Невскому были исполнены самими молящимися. «Трудно представить себе что-либо более величественное, как это потрясающее своды храма, многоголосное, но тем не менее стройное пение всею плотною массою наполняющего громадный храм народа»[4]. Затем духовенство, следовавшее крестным ходом, – около 50 человек – приносило Владыке сердечные поздравления со светлым и трезвым праздником[5].

О неутомимости епископа Вениамина в богослужениях прекрасно свидетельствует заметка о пасхальных днях 1911 года. На второй день Пасхи Владыка совершил раннюю литургию в Сампсониевском соборе и сопровождал крестный ход с Выборгской стороны в Александро-Невскую лавру. Митрополит Антоний тогда уже тяжело болел, поэтому службу возглавил епископ Никандр. Как и в предыдущие годы, он пришел в Лавру с колонной трезвенников от Воскресенской церкви. В обратный путь с богомольцами отправился только владыка Вениамин. Дойдя до Сампсониевского собора, он снова служил, а потом еще поехал в Покровскую Полюстровскую церковь. На следующий день преосвя-

щенный Вениамин литургисал у Покрова на Боровой, где затем также состоялся продолжительный крестный ход – по улицам, составляющим границы прихода[6].

Традицию митрополичьих служб в Лавре в день пасхального паломничества в нее трезвенников, заложенную митрополитом Антонием, продолжили его преемники по столичной кафедре – митрополиты св. Владимир (Богоявленский) и Питирим (Окнов). В 1914 году пасхальная литургия в Лавре в такой день (7 апреля) служилась намного большим, чем обычно, собором архиереев. Кроме митрополита Владимира, в ней участвовали епископы: Никандр, только что переведенный на Вятскую кафедру, Вениамин, новый епископ Нарвский Геннадий (Туберозов) и Ямбургский Анастасий (Александров)[7]. В революционном 1917 году Петроград встречал Пасху без митрополита: со 2 марта до выборов нового правящего архиерея, состоявшихся 24 мая, епархией временно управлял епископ Гдовский Вениамин. 3 апреля 1917 года, на второй день Пасхи, он сам отслужил раннюю литургию в Воскресенской церкви у Варшавского вокзала, а затем возглавил традиционную процессию трезвенников в Александро-Невскую лавру[8]. Этим крестным ходом завершилась недолгая история пасхальных шествий трезвеннических организаций Петербурга – Петрограда.

На первом же году своего архиерейства, летом 1910 года, святитель Вениамин взял труд собственным примером вдохновлять трезвенников столицы в дни их паломничества в Троице-Сергиеву пустынь. Участвовать в этом богомолье через объявления и листовки приглашались прихожане всех храмов города. «С разрешения Епархиального Начальства, Александро-Невское общество трезвости 20-го сего июня [1910 – *авт.*], по примеру прошлых лет, устраивает паломничество в Сергиеву пустынь. Во главе крестного хода пойдет Преосвященный Вениамин, епископ Гдовский. Крестный ход двинется от Воскресенской церкви у Варшавского вокзала в 6 час. утра. Александро-Невское общество трезвости усерднейше просит о.о. настоятелей объявить об этом крестном ходе за всенощной 19 сего июня с церковного амвона богомольцам своих храмов»[9].

В ответ на этот призыв в назначенное воскресенье уже в четвертом часу утра к Обводному каналу потянулись народные потоки с Петербургской и Выборгской стороны, с Васильевского острова. А в начале седьмого часа в 17-верстный путь двинулась вся объединенная церковная процессия. Впереди несли фонари и запрестольные кресты. Далее высился на носилках длинный ряд икон, осеняемых с той и другой стороны хоругвями. Святынь и хоругвей было до 200. Процессия растянулась более, чем на версту. За иконами шло духовенство – руководители обществ трезвости, а за ними – епископ Вениамин. По пути трезвенники создавали более 20 хоров, за порядком наблюдали выбранные из их же среды старосты. У церкви св. Петра митрополита в Ульянке шествие делало остановку: Владыка совершал в храме краткий молебен. В самой пустыни навстречу крестному ходу выходила в преднесении святынь монастырская братия. Богомольцы заполняли весь двор монастыря – лишь малая их часть могла поместиться в соборе, где служилась литургия. После службы паломники подкрепляли свои силы монастырским хлебом и квасом, и в четвертом часу дня крестный ход выступал назад в город.

В 1910 году епископ Вениамин, совершив пешее паломничество в пустынь, выехал на станцию Славянка. Там он возглавил закладку каменного храма, который должен был сменить временный деревянный[10]. В тот раз (как и в 1912 году) литургию в пустыни служил епископ Антонин (Грановский). Но в 1911 году епископ Вениамин сам и литургисал после долгого крестного хода. Когда же столичную кафедру занимал св. митрополит Владимир, давний ревнитель борьбы с алкоголизмом, трезвенников ждала в Сергиевой пустыни митрополичья служба. На молебен под открытым небом в 1914 и 1915 годах выходили оба святителя – Митрополит и епископ Гдовский (в 1913 году владыка Вениамин в паломничестве в пустынь не участвовал). В 1914 году в обитель собралось небывалое число богомольцев – более 80 тысяч человек. В последующие два года их количество несколько упало в результате мобилизации: шла Мировая война. Однако война привела и к росту трезвеннического движения. В ноябре 1914 года Александро-Невское общество трезвости при активной поддержке св. митрополита Владимира было преобразовано во Всероссийское братство. Епископ Вениамин вошел в состав совета братства, а 15 декабря его избрали товарищем председателя совета[11]. Теперь религиозные процессии трезвенников с его участием получали еще большее звучание: они становились примером для всей

С.-Петербург. Празднование перенесения мощей св. блгв. вел. кн. Александра Невского. Архиереи и братия Лавры встречают святыни. Епископ Вениамин стоит в центре, справа, с посохом. 1914 г.

страны. В 1915 году такой крестный ход в Сергиеву пустынь состоялся 24 мая. На другой год он был организован как никогда рано – 24 апреля. Епископ Вениамин на сей раз встретил паломников за две версты от обители. В монастырском соборе литургисал митрополит Киевский и Галицкий (бывший Петроградский) Владимир – пятью месяцами ранее ему пришлось оставить кафедру в столице. Первенствующему члену Св. Синода сослужили епископ Иннокентий, председатель Миссионерского совета, и епископ Гдовский Вениамин. На торжество прибыл Великикй Князь Иоанн Константинович, который «благодарил митрополита за его труды и заботы по отрезвлению русского народа и участливое отношение к трезвенническим организациям»[12]. Тогда еще никто не мог и предположить, что крестный ход 1916 года по Петергофскому шоссе окажется для трезвенников последним…

В 1911–1916 годах, в мае, в одно из воскресений после «Николы вешнего», епископ Вениамин возглавлял крестный ход из-за Невской заставы в Колпино, на поклонение чудотворному образу святителя Николая. Этот образ был явлен на реке Ижоре в декабре 1713 года и сразу же прославился исцелениями. Уже в 1773 году в Колпино была освящена обширная каменная Троицкая церковь, где и помещался явленный образ. Он привлекал к себе великое множество молящихся, но особенное стечение народа наблюдалось каждый год 9 мая ст. ст. До открытия железной дороги большая часть столичных почитателей святыни «пешешествовала» к службе по тракту вдоль левого берега Невы. Известно описание паломничества в Колпино пушкинского времени. Тогда в хорошую погоду число паломников достигало 10–12 тысячи человек при населении самого Колпино в 3 тысячи человек. «По дороге тянулись пешком, почти сплошь, богомольцы, большей частью женщины. <…> Одна старушка рассказывала, что она 25 лет ходит «сряду на богомолье, и в Колпино, и в Шлюшин [Шлиссельбург – *авт.*] на Казанскую»[13].

К концу XIX века население Колпинского посада составило уже около 15 тысяч человек. В 1897–1901 годах в нем была построена двухэтажная церковь-школа: храм Вознесения Господня занимал весь верхний этаж здания. Колпинская Вознесенская церковь находилась в ведении Епархиального братства Пресвятой Богородицы, а в 1908 году при ней был открыт и самостоятельный приход. В самом начале 1911 года со дня освящения Вознесенской церкви-школы в Колпино миновало 10 лет. Председатель совета Епархиального братства епископ Гдовский Вениамин откликнулся на предложение строителя храма и его бессменного старосты А.И. Полотнова торжественно отпраздновать эту дату. 9 января, после литургии, епископ, духовенство и почетные прихожане собрались за трапезой в доме А.И. Полотнова. Вероятно, в этот день и был затронут вопрос о возможности организации крестного хода в Колпино, наподобие шествия в Сергиеву пустынь.

Во второй половине мая 1911 года петербургские газеты поместили извещения о том, что в воскресенье 22 мая «состоится крестный ход в Колпино, в котором участвует духовенство церквей по Шлиссельбургскому тракту, в соединении с обществами трезвости. Крестный ход выйдет <…> из церкви села Смоленского во главе с епископом Гдовским Вениамином, затем присоединятся крестные ходы 12 церквей. В Колпино епископом Вениамином в братской церкви будет отслужена Божественная литургия»[14].

Первыми около 8 часов утра 22 мая в Колпино вступили паломники, двигавшиеся из Царского Села и его окрестностей – Кузьмина, Царской и Московской Славянки. Их встречал крестный ход колпинской Вознесенской церкви. Объединенная процессия, к которой присоединилось духовенство Троицкой церкви, направилась по Лагерному шоссе навстречу богомольцам из Петербурга. Крестный ход из села Смоленского во главе с епископом Вениамином преодолел 25-верстное расстояние за семь часов, с часовой остановкой у Александро-Невской церкви в Усть-Ижоре. По пути в него вливались прихожане других церквей левого берега Невы: Михайло-Архангельской, Серафимовской, Павловской, Фарфоровской, Троицкой села Александровского («Кулич и Пасха»), села Рыбацкого. Участвовали в паломничестве и прихожане правобережной Варгунинской церкви. Всего в Колпино собралось более 15 крестных ходов со своими хоругвями и святынями. За литургией обе колпинские церкви – Троицкая (военного ведомства) и приходская (братская) были переполнены. Преосвященный Вениамин служил в братской Вознесенской церкви-школе. После обедни от Колпинского общества трезвости был устроен в помещении церковно-приходской школы чай на 600 человек для хоругвеносцев. Народу было роздано около 40 пудов белого и черного хлеба и до 15 тысяч брошюр и листков духовно-назидательного содержания. Во втором часу дня все крестные ходы сгруппировались на площади у военной церкви. Из храма на руках духовенства был вынесен чудотворный образ и поставлен на большие носилки. Здесь, под открытым небом, при несметном собрании паломников и местных обывателей, Владыка совершил молебен с акафистом святителю Николаю. После часового отдыха петербургские крестные ходы, опять в сопровождении Преосвященного, двинулись в обратный путь. По словам местных старожилов, Колпино никогда не видало такого грандиозного религиозного торжества[15]. В день соединенного крестного хода в Колпино стало собираться богомольцев даже больше, чем в Николин день.

В 1914 году, когда праздновалось 200-летие колпинской святыни, крестный ход был совершен по-о-

Крестный ход в праздник св. Александра Невского движется по Невскому проспекту

собому – в два дня. Это дало возможность побывать в Ям-Ижоре, на месте явления иконы. Епископ Вениамин открыл процессию, выйдя с паломниками из церкви пригородного села Смоленского днем в субботу 17 мая. В летнем лагере 54-го стрелкового полка войска устроили торжественную встречу крестного хода: выстроились шпалерами, оркестр играл «Коль славен». По просьбе командира полка епископ Вениамин совершил молебен перед лагерной церковью. Колпинцы с духовенством своих церквей вышли к полуночи далеко за город навстречу паломникам из Петербурга и оказали им радушный прием. 18 мая в восемь часов утра епископ Вениамин совершил литургию в колпинской Вознесенской церкви. В своем слове он отметил усердие паломников и призвал их к благочестивой, трезвой христианской жизни по примеру святителя Николая. Затем шествие направилось в Ям-Ижору, где на берегу реки перед кладбищенской церковью служился акафист. После краткого отдыха крестный ход тем же порядком двинулся в обратный путь, вернувшись в село Смоленское в половине десятого вечера. Паломники, прощаясь с епископом Вениамином около своих храмов, сердечно благодарили архипастыря, пешком совершившего 65-верстный путь и воодушевлявшего духовенство Невской заставы и народ своим примером[16].

Весной первого военного 1915 года крестный ход из села Смоленского в Колпино с посещением Ям-Ижоры был повторен епископом Вениамином 16–17 мая. В Вознесенской церкви, вечером по прибытии, Владыка отслужил панихиду по павшим воинам, а в Ям-Ижоре было совершено всенародное моление о победе[17]. В 1916 году колпинское паломничество проходило уже скромнее, в один день. Епископ Вениамин ожидал процессию в церкви села Александровского, откуда и двинулся в путь с двадцатью тысячами народа[18].

В ночь под воскресенье (8 июля по ст. стилю) перед празднованием явления Казанской иконы Божией Матери многие петербуржцы принимали участие в двухдневном паломничестве в Шлиссельбург. Там особо чтилась Казанская икона, обретенная вскоре после освобождения этого древнего русского города Петром Великим. В 1911–1914 годах в этих крестных ходах

участвовал епископ Вениамин. Первый из них ему пришлось совершать под дождем, который лил всю ночь…

Многолюдное шествие, все разрастаясь по пути, выходило в субботу днем из церкви села Смоленского. Около каждого храма, стоящего вдоль Шлиссельбургского тракта, служились молебны. Как обычно, народ в крестном ходе пел церковные песнопения, а в 1912 году по дороге, между Усть-Славянкой и селом Ивановским, владыка Вениамин даже отслужил всенощное бдение[19]. В селе Ивановском крестный ход останавливался на часовой отдых. Непременно делалась остановка и перед памятником Петру Великому у «Красной сосны» — там совершалась заупокойная лития. Преодолев почти 60 верст, крестный ход прибывал в Шлиссельбург воскресным утром. В городском Благовещенском соборе епископ Вениамин служил позднюю обедню. Затем из крепостной часовни на площадь выносилась чудотворная икона, где перед ней совершалось молебствие. Обратно паломники из столицы – епископ, приходское духовенство и богомольцы, возвращались на пароходах до пристани села Рыбацкого.

Кроме участия в паломничествах с петербуржцами в Колпино и Шлиссельбург, с 1911 года епископ Гдовский Вениамин взял на себя подвиг возглавления крестных ходов от селений за Невской заставой на правый берег Невы, в Ильинскую церковь на Пороховых. Хранившаяся там чудотворная икона св. великомученицы Параскевы собирала к себе массы богомольцев в последнюю пятницу перед престольным праздником храма – Ильиным днем (20 июля ст. ст.). Грандиозный же крестный ход на Пороховые стал совершаться в одно из воскресений после Ильина дня.

Около 5 часов утра 24 июля 1911 года епископ Вениамин прибыл в церковь пригородного села Смоленского, откуда он уже выходил в тот год с богомольцами в два дальних «молитвенных путешествия» – в Колпино и в Шлиссельбург. На сей раз из церкви процессия направилась прямо к пристани. Участники паломничества на пароходах пересекли Неву и высадились у лаврской Киновии. Там владыку встречали прихожане близлежащей церкви Варгунинской фабрики, а также крестные ходы от многих храмов, расположенных вдоль Шлиссельбургского тракта вплоть до Усть-Ижоры. Соединенный крестный ход двинулся по берегу Невы к устью реки Охты. По пути в него влились богомольцы от малоохтинских Марии-Магдалининской и Троицкой церквей, а затем со всей Большой Охты. Ближе к Пороховым присоединились паломники с Выборгской стороны – от Сампсониевского собора и братской Покровской церкви в Полюстрове. На широком Пороховском шоссе процессия растягивалась на полверсты. Впереди несли 14 запрестольных крестов (по числу храмов, прихожане которых участвовали в шествии), до 50 громадных икон на носилках, на ветру развевалось около 100 хоругвей[20]. Последняя остановка перед Ильинской церковью делалась у храма Паданского женского подворья Олонецкой епархии. В этом домовом храме на Пороховском шоссе, освященном в 1902 году св. Иоанном Кронштадтским, служил дядя владыки Вениамина (по материнской линии) протоиерей Александр Смирнов.

Епископ Гдовский Вениамин в день освящения храма св. Георгия Победоносца в селе Ложголово Гдовского уезда С.-Петербургской губернии. 1912 г.

В ограде церкви святого Илии на Пороховых крестный ход встречал местный причт во главе с настоятелем протоиереем Арсением Успенским. За литургией Владыке сослужило многочисленное духовенство, в том числе его однокурсник по Духовной академии протоиерей Иоанн Острогорский – благочинный Выборгского округа и настоятель Сампсониевского собора, настоятель церкви села Смоленского протоиерей Василий Боротинский… После литургии на обширную церковную площадь, сплошь заполненную народом, вынесли чтимую икону св. Параскевы. Под открытым небом было отслужено молебствие с коленопреклонением и акафистом. Когда служба закончилась, к храму подошли подводы с хлебом и квасом для раздачи богомольцам. После двухчасового отдыха паломники тем же путем направились по своим приходам.

На следующий год епископ Вениамин повел народ на богомолье на Пороховые 29 июля. Крестный ход 1912 года имел ту особенность, что он вышел из церкви села Александровского и следовал по левому берегу Невы, а затем – через Охтинский мост Императора Петра Великого[21]. Новый мост через Неву был торжественно открыт 26 октября 1911 года, причем в его освящении участвовал епископ Вениамин[22]. В шествии на Пороховые объединилось до 30 тысяч человек. Воодушевленное слово за литургией о необходимости телесных подвигов произнес настоятель Борисоглебской церкви на Калашниковской набережной протоиерей Николай Рудинский.

Об организованном паломничестве «к матушке Параскеве» в 1913 году сведений нет, а в 1914 году

оно состоялось в воскресенье 3 августа в совершенно необычной обстановке. Шла третья неделя Мировой войны – войны, которая привела к гибели три империи: Российскую, Германскую и Австро-Венгерскую…

В военной сумятице лишь одна из петербургских газет известила в тот день короткой строкой: «Епископ Вениамин совершает крестный ход на пороховой завод»[23]. Как известно, Ильинская церковь относилась к военному ведомству, продукция пороходелов шла прямо на фронт, и потому паломничество на Пороховые приобретало ярко выраженное религиозно-патриотическое звучание.

Крестный ход 1915 года от церквей за Невской заставой и обеих Охт в сопровождении епископа Вениамина состоялся 26 июля. Кульминацией паломничества стала коленопреклоненная молитва о даровании победы всероссийскому воинству, прочитанная Владыкой во время молебствия в церковной ограде. Народу раздавались назидательные листки, в том числе с предсказаниями прп. Серафима Саровского[24]. В 1916 году подобный же крестный ход повторился 24 июля[25].

Кроме паломничеств в храм святого Илии на Пороховых, владыка Вениамин в военные 1915 и 1916 годы организовал и возглавил 15-верстные крестные ходы церковно-патриотического характера, со всенародным молением о победе, из деревни Исаковки за Большой Охтой в село Колтуши. Колтушская Петропавловская церковь находилась на издревле намоленном месте – еще в XV веке здесь стоял православный храм Келтушского Ильинского погоста. В послепетровское время вновь построенный в Колтушах храм был освящен в честь святых Петра и Павла, и богомольцы с Охты усердно посещали его в Петров день и в первую пятницу Петрова поста. А в деревне Исаковке с конца XIX века имелась Скорбященская часовня, на месте которой при активном участии епископа Вениамина как председателя Большеохтинского отдела Всероссийского Александро-Невского братства трезвости в 1915–1916 годах возвели деревянную церковь. Она строилась «в память запрещения виноторговли» по воле Императора Николая II в связи с началом войны. 31 мая 1915 года святитель служил в часовне при строившемся храме, при пении хора трезвенников, торжественный молебен о победе. В конце богослужения он сам известил, что в следующее воскресенье, 7 июня, он поведет отсюда крестный ход в Колтуши[26]. На другой год, 3 июля 1916 года, от семи охтинских церквей и подворий в Колтуши пришло столько богомольцев, что литургию Владыка служил не в сельском храме, а на площади перед ним. Там, на специальном помосте, установили временный престол[27].

Труды епископа Вениамина по объединению православного народа посредством пешего паломничества к святыням и архиерейского богослужения, нередко

Пороховые. Храмы св. Илии Пророка и вмц. Параскевы Пятницы. Фото 1910-х гг.

под открытым небом, не ограничивались столицей и ее ближайшими окрестностями. По дальним дорогам, особенно в Лужском уезде, он также исходил многие десятки верст в окружении тысяч верующих. Святитель вел за собой паломников и в древний мужской Иоанно-Богословский Череменецкий монастырь, и в одну из юнейших обителей епархии – женскую Воскресенско-Покровскую. А летом военного 1915 года Владыка проложил новый паломнический маршрут, еще дальше от городских центров – из села Заполье в Феофилову пустынь. В 1916 году по стопам преосвященного Вениамина крестным ходом в Феофилову пустынь проследует с народом уже другой викарий столичной епархии – епископ Ямбургский Анастасий (Александров). Самыми же известными в крае стали 22-верстные крестные ходы-паломничества из Луги в Череменецкий монастырь: в бытность епископом Гдовским владыка Вениамин возглавлял их пять раз. Они глубоко вошли в религиозную жизнь Лужского уезда.

Впервые город Лугу и Череменецкий монастырь епископ Вениамин посетил в августе 1910 года, когда в городе проходили летние курсы для учителей церковно-приходских школ епархии[28]. В том же году в Луге появились сектантские проповедники, которые арендовали целый дом для своих собраний. Для противодействия пропаганде «евангельских христиан» лужское духовенство организовало воскресные внебогослужебные беседы. Наиболее успешно они велись в Екатерининской церковно-приходской школе, которой заведовал настоятель лужского собора протоиерей Анатолий Остроумов[29]. В обстановке повышения интереса к религиозным вопросам и родилась идея организации крестного хода-паломничества в Череменец ко дню «весеннего Богослова» (8 мая ст. ст.) с участием как городских жителей и духовенства, так и прихожан сельских церквей, расположенных вокруг монастыря. Инициатором устройства этого крестного хода (по образцу подобных шествий в Колпино и Шлиссельбург)

называют благочинного IV округа Лужского уезда, священника Мало-Ящерской церкви Николая Тихомирова. Но главным «виновником» майского духовного торжества на лужской земле, впервые состоявшегося в 1912 году, конечно же, был епископ Вениамин. «Отменное усердие» святителя сказалось в такой подробности его жития. В тот год, 6 мая, епископ освящал храм в далеком селе Ложголово. Чтобы успеть в Лугу, всю ночь на 7 мая он провел в пути – на лошадях и в поездах. Зато уже в восьмом часу утра он доставил радость прихожанам Смешинской церкви под Лугой посещением их храма. Владыка наставлял собравшихся словом Христовым, раздавал им крестики и иконки. В 10 часов, после напутственного молебна в лужском Воскресенском соборе, крестный ход двинулся в путь. Во главе его вместе с епископом вышли семь священников. Масса лужан провожала паломников за город. На окраине Луги, у церкви реального училища принца Ольденбургского, было совершено краткое молебствие, а при приближении процессии духовой оркестр воспитанников исполнил гимн. В деревне Раковичи процессию ожидали крестные ходы, пришедшие с юга, из Городца, и с запада, из села Смерди. Здесь епископ Вениамин отслужил водосвятный молебен, и был объявлен перерыв на один час. Архиерей и все духовенство нашли отдых в крестьянских избах, а паломники расположились группами по обочинам шоссе. День выдался солнечный, жаркий, что было особенно приятно, так как перед этим стояли холода. В два часа дня двинулись дальше. Общенародным пением богомольцев руководил учитель Мало-Ящерской школы, прибывший со своим хором. У деревни Госткино к крестному ходу присоединились паломники четырех ближайших к монастырю приходов со своими хоругвями и иконами. За две версты от обители шествие, растянувшееся почти на версту, встречала монастырская братия во главе с настоятелем архимандритом Амвросием (Сергеевым). В семь часов вечера началось всенощное бдение архиерейским чином, которое совершалось под открытым небом. Перед каноном Преосвященный сказал слово о любви к ближнему, вызвавшее слезы у многих молящихся. На другой день владыка Вениамин отслужил литургию в монастырском соборе. В три часа дня паломники, благословленные епископом, отправились в прежнем порядке по своим приходам. Участие в богомолье доставило тысячам людей большое духовное удовлетворение[30].

Крестный ход в Череменец 1913 года особенно запомнился его участникам: в тот год на память св. Иоанна Богослова пришлось Преполовение Пятидесятницы. После литургии епископ Вениамин совершил освящение воды на Череменецком озере[31]. «Стечение молящихся было огромно», – отмечала «Лужская газета»[32]. В 1914 году Владыка привлек к участию в крестном ходе 7–8 мая епархиального миссионера священника Николая Чепурина. Тот оставил живое описание паломничества, в котором не раз упомянут и епископ Вениамин. «Любит Преосвященный церковно-народные богомоления и торжества. Четвертого мая совершает он трезвеннический крестный ход из Петербурга в Сергиеву пустынь и обратно, пройдя пешком все сорок с лишним верст, а седьмого мы видим его уже на пути в Череменец, в народной массе, среди икон и хоругвей, в жаркий, знойный день, в густом облаке пыли, с обожженным лицом, но бодрым и радостным, поддерживающим личным примером неумолкаемое общенародное пение»[33]. Учитывая тесноту монастырских храмов и громадный наплыв богомольцев, причем не только из Петербургской, но также из Новгородской и Псковской епархий, Владыка благословил устроить на площади у собора большой досчатый помост, чтобы служить на нем не одну всенощную, но и праздничную литургию.

С каждым годом известность майского «молитвенного путешествия» по Лужскому уезду распространялась шире и шире. Не случайно в 1915 году епархиальный журнал доводил «до сведения всех почитателей Череменецкого монастыря, что обычный крестный ход из Луги в Череменец отправится 7 мая в 8 часов утра, по окончании ранней литургии в Соборе; в крестном ходе примут участие Преосвященный епископ Вениамин, а также духовенство г. Луги и многих церквей Лужского уезда»[34]. В мае 1916 года, после богослужений в монастыре на храмовый день (это было воскресенье), Владыка производил ревизию церквей уезда[35].

Частые посещения епископом Гдовским Вениамином города Луги едва не привели Владыку к «почетной ссылке» туда при митрополите Питириме (Окнове). Об этом упомянуто в краткой биографии епископа Вениамина, составленной в мае 1917 года, ко дню выборов Петроградского архипастыря: «Митрополит Питирим, объявивший на словах, что духовенство должно быть вне политики, а на деле ничем другим, кажется, кроме политики, не занимавшийся, «не жаловал» епископа Вениамина, не раз хотел от него избавиться и создал даже для него резиденцию в Луге»[36]. Действительно, перед самой революцией, 18–23 февраля 1917 года, «определением епархиального начальства» было «поручено Комиссии в составе члена Консистории, протоиерея Николая Покровского, о.о. архимандритов: Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря Амвросия, Троицкого Зеленецкого монастыря архимандрита Виктора, настоятеля Лужского Екатерининского собора протоиерея Анатолия Остроумова, епархиального наблюдателя церковных школ, протоиерея Алексия Западалова и Лужского уездного наблюдателя протоиерея Николая Тихомирова, выяснить и изыскать средства для содержания викариатства в г. Луге и, в частности, для устройства помещения или для приспособления

двухэтажного дома Череменецкого монастыря на Покровской улице для жительства викария»[37]. Но «светлые февральские и мартовские освободительные дни» (выражение священномученика протоиерея Философа Орнатского[38]) привели к тому, что Петроград пришлось покинуть самому митрополиту Питириму, уволенному на покой.

В 1917 году, вошедший уже в традицию, весенний крестный ход по Лужскому уезду по обстоятельствам времени не состоялся. Зато летом Луга стала свидетельницей невиданного в уездных городах церковного таинства – епископской хиротонии. 30 июля в городском Воскресенском соборе новоизбранный архиепископ Петроградский и Гдовский Вениамин возглавил посвящение архимандрита Артемия (Ильинского) во епископа Лужского.

Второе рождение паломничества из Луги в Череменецкий монастырь в день праздника «апостола любви» произошло в 1918 году. Шествие вновь возглавлял любимый лужанами святитель Вениамин, но уже в сане митрополита. Его не устрашила ни транспортная разруха в условиях «военного коммунизма», ни возможность любых провокаций, включая неожиданный арест. Полученное же в Петрограде известие о налете неких вооруженных людей на обитель лишь усилило решимость митрополита выехать на место событий. Расследовать происшествие он поручил епископу Лужскому Артемию, вместе с которым Владыка и выехал в Лугу 18 (5) мая.

Как оказалось, незваные гости Череменецкого монастыря были всего лишь очередными комиссарами-реквизиторами «излишков» продовольствия и земельных угодий. Прибывшие по звону набата на помощь монахам крестьяне выдворили их как грабителей. Тревожный инцидент произошел и в самой Луге, во время совершения Митрополитом всенощного бдения в соборе. Прямо у храма два «товарища» стали агитировать против паломничества в монастырь, заявив, что «ходы эти никому не нужные демонстрации, которые следует просто разгонять пулеметами»[39]. Толпа силой заставила их удалиться. Тогда к храму подъехал автомобиль с настоящим пулеметом, но народ не растерялся и обезоружил прибывших. Лишь вмешательство начальника лужской милиции разрядило обстановку. «Он успокоил толпу, являлся затем и к митрополиту Вениамину, которому обещал принять все меры к охране порядка, который и был действительно соблюден во все время шествия крестного хода»[40].

Несомненно, требовалось большое мужество, самоотверженность и глубокая вера в помощь Божию, чтобы возглавить двадцативерстный крестный ход в подобных условиях. Но священномученик Вениамин везде и всегда в основу своей деятельности ставил цель приносить духовную пользу вверенным его попечению. Доставить христианское утешение многим сотням, если не тысячам участников процессии – простым «безответным людям» – было для святителя превыше всего.

Этот поистине исповеднический крестный ход Митрополит особо упомянул в своем послании пастве по случаю годовщины избрания на Петроградскую кафедру: « <…> в деревнях и селах Лужского уезда я утешался общей верой нашей в Господа Иисуса Христа, молился с народом и учил его вере и любви Христовой»[41]. Из всех «молитвенных путешествий», организованных и возглавляемых святителем в годы его служения викарием Петроградской епархии, только соединенный крестный ход из Луги в Череменецкий монастырь продолжал совершаться и в первые годы советской власти. По благословению митрополита Вениамина возглавление его взял на себя епископ Лужский Артемий.

С.-Петербург. Пороховые. Крестные ходы в праздник вмц. Параскевы Пятницы. Фото 1910-х гг. Публикуется впервые

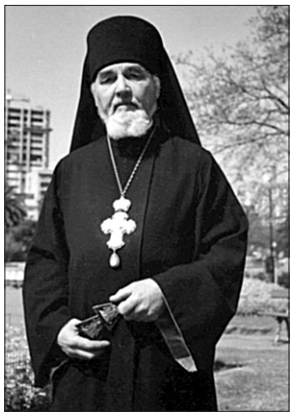
Примечания:

[1] Бовкало А.А., Галкин А.К. Студенческие годы св. митрополита Вениамина в Санкт-Петербургской Духовной академии // Христианское чтение. 1997, вып.14. С. 82.
[2] См. о нем: Медведев А.В. Священник Александр Рождественский и созданное им Александро-Невское общество трезвости.// Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости, вып.23. СПб. 2000. С. 85-93.
[3] Проводы и отъезд преосвящ. Никандра, Епископа Вятского и Слободского // Известия по С.- Петербургской епархии [ИСПбЕ]. 1914, № 8. С. 8.
[4] Торжество трезвенников // Колокол. 1910 № 1228 (22 апреля). С.4.
[5] Крестный ход трезвенников // Петербургский листок [ПбЛ]. 1910 № 104 (16 апреля). С.4; Торжество трезвенников // ПбЛ. 1910 № 104 (16 апреля). С. 2.
[6] Паевский Ф. Торжество трезвенников // Ведомости СПБ градоначальства. 1911, № 81 (16 апреля). С.3.
[7] Праздник трезвости // Колокол.1914 № 2381 (10 апреля). С.3.
[8] Крестный ход трезвенников // Новое время. 1917. № 14743 (5/18 апреля). С. 8.
[9] Вниманию о.о. настоятелей // ИСПбЕ. 1910, № 11. С. 7.
[10] Закладка храма и школьной дачи // Ведомости СПБ градоначальства. 1910, № 133 (23 июня). С. 3.
[11] Заседание Всероссийского братства трезвости // Колокол. 1914, № 2587 (17 декабря). С. 3.
[12] Казанский А. Из жизни Всероссийского Александро-Невского общества трезвости // Родная жизнь. 1916, № 17. С. 12-13.
[13] Усов С. Письмо к Издателям // Северная пчела. 1830, № 72 (17 июня). С. 3-4.
[14] Крестный ход // Колокол. 1912. № 1540 (18 мая). С. 3.
[15] Церковно-народное торжество в Колпине // ПбЛ. 1911, № 139 (23 мая). С. 2; Х. Колпино // Царскосельское дело. 1911, № 39 (27 мая). С. 3.
[16] Крестный ход в Колпино // Колокол.1914 № 2418 (25 мая). С. 3.
[17] Большой крестный ход и народное моление о даровании победы над врагом // Колокол.1915 № 2704 (15 мая). С. 4.
[18] Торжественный крестный ход // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1916 № 15561 (16 мая). С. 3.
[19] Соединенный крестный ход из с. Смоленского в г. Шлиссельбург // ПбЛ. 1912, № 179 (2 июля). С. 2.
[20] Грандиозное паломничество // ПбЛ. 1911, № 197 (21 июля). С. 4; Церковное торжество на Пороховых // ПбЛ. 1911, № 201 (25 июля). С. 2.
[21] Большой крестный ход на Пороховые // ПбЛ. 1912, № 207 (30 июля). С. 3.
[22] Открытие моста Императора Петра Великого // ПбЛ. 1911, № 295 (27 октября). С. 3.
[23] Колокол. 1914, № 2476 (3 августа). С. 3.
[24] Большой крестный ход на Пороховые // Петроградский листок [ПгрЛ]. 1915, № 203 (27 июля). С. 4.
[25] Крестные ходы на Пороховые // Петроградский листок. 1916, № 203 (26 июля). С. 4.
[26] Всенародное молебствие // ПгрЛ. 1914, № 147 (1 июня). С. 4.
[27] Церковное торжество в Колтушах // Колокол.1916 № 3038 (5 июля). С. 4.
[28] М.О. Посещение Лужских учительских курсов преосвященным Вениамином // Лужская газета. 1910, № 25 (7 августа). С. 4.
[29] Борьба с сектантством в городе Луге // ИСПбЕ. 1911, № 20.С. 4-7.
[30] С[вящ.] Е. З[аборовский]. Небывалое церковное торжество в Лужском уезде // ИСПбЕ. 1912, № 15. С. 16.
[31] Крестный ход // Колокол.1913 № 2111 (4 мая). С. 3.
[32] Местная жизнь // Лужская газета. 1913, № 33 (11 мая). С. 3.
[33] Чепурин Н., свящ.-миссионер. Из миссионерского дневника. Крестным ходом // Колокол.1914 № 2418 (25 мая). С. 4.
[34] Известия по Петроградской епархии. 1915, № 18-19. С. 15.
[35] Ревизия епархии // Колокол.1916 № 2992 (7 мая). С. 3.
[36] Идите избирать митрополита! // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, № 22. С. 3.
[37] Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 1886. Л. 16–16 об.
[38] Орнатский Ф., протоиерей. Опять пулеметы на колокольне… // Петроградский листок. 1917, № 161 (6/19 июня). С. 3.
[39] Что произошло в Луге? (От нашего специального корреспондента) // Петроградский голос. 1918, № 93 (30 мая). С. 4.
[40] Поездка митр. Вениамина по епархии // Петроградский голос. 1918, № 89 (25 мая). С. 4.
[41] Вениамин, Митрополит Петроградский. Петроградской пастве // Опубл.: Склярова М. Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888 – 1932. СПб, 1994. С. 240.

Преосвященный Вениамин, епископ Гдовский на освящении храма св. вмч. Георгия Победоносца в селе Ложголово Гдовского уезда С.-Петербургской губернии. Возле храма. У церковно-приходской школы. 1912 г.

Архим. Алексий (Чернай)

ЛУГА. КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В ЧЕРЕМЕНЕЦКИЙ И ВОСКРЕСЕНСКО-ПОКРОВСКИЙ МОНАСТЫРИ



Архимандрит Алексий (в миру Александр Николаевич Чернай), (1899–1981), родился в 1899 году в Вильно. После пяти лет жизни во Пскове семья переезжает в Ковно, где его отец служил членом, а затем председателем Окружного суда. Основы православной веры Александру привила мать, Агния Александровна. Духовником их большой семьи был протоиерей Ковенского собора о. Александр Мальцев. С семи лет Александр ходил со всеми к исповеди и причастию, с восьми стал прислуживать в алтаре и был посвящен в стихарь, регулярно участвуя в богослужениях. В июле 1914 года, в связи с эвакуацией Западного края, семья переезжает в Петроград. Здесь Александр поступает в гимназию, а лето и каникулы 1915–1917 годов проводит у отца в Луге, куда был эвакуирован Ковенский суд. Здесь его духовником становится настоятель Воскресенского собора протоиерей Анатолий Остроумов. Александр прислуживает в церкви, читает и поет на клиросе, в качестве иподиакона участвует в богослужениях и грандиозных крестных ходах, устраивавшихся в это время в Луге и Лужском уезде и совершавшихся с непременным участием епископа Гдовского Вениамина, будущего митрополита Петроградского, священномученика.

Пережив в Луге «красный террор» в 1917–1919 годах, осенью 1919 Александр уходит в Белую армию. После гражданской войны, осенью 1920 года, он добирается до своей родины – Вильно, где поступает в Духовную семинарию, а также прислуживает за архиерейскими службами в качестве иподиакона митрополита Елевферия. После переезда архипастыря в Ковно, Александр переезжает туда, вместе с ним и продолжает служить старшим иподиаконом.

В 1925 году Владыка Елевферий хиротонисал его во диакона, и вскоре, в том же году, – во иерея, назначив настоятелем церкви прп. Сергия Радонежского в мест. Утяны. В 1931–1944 годах он служит в приходе г. Векшни на северо-западе Литвы. Здесь он ведет большую пастырскую работу, окормляет приписные храмы в трагических условиях жизни при советской власти и немецкой оккупации. Осенью 1944 года вместе с четырьмя детьми протоиерей Александр Чернай покидает Литву.

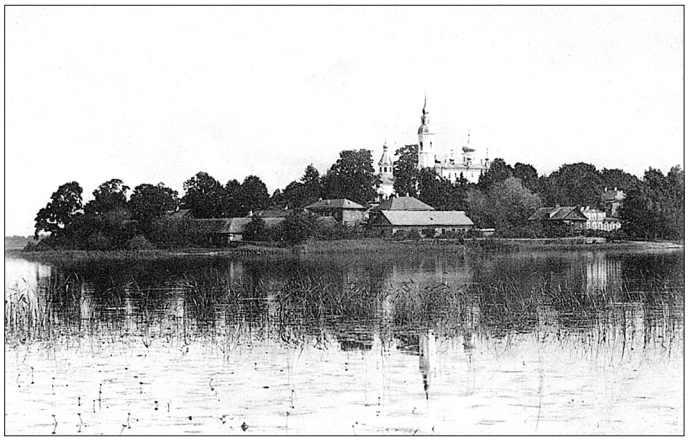
В 1945–1948 годах он организует и возглавляет Русскую Православную миссию в г. Бад-Наугайме (Германия), окормляя православных в лагерях перемещенных лиц (Ди-Пи). В начале 1948 года о. Александр переезжает в США. В 1957 году он был пострижен в монашество с именем Алексия, в честь св. Александра Невского, в схиме Алексия, затем был возведен в сан игумена, а через полгода – в сан архимандрита.

Шестнадцать лет, с 1959 по 1975 годы, архимандрит Алексий неленостно исполнял миссионерские обязанности в Южной Африке.

По возвращении в США в 1975 году архимандрит Алексий настоятельствует в ряде приходов Калифорнии. Последним в земной жизни пастыря приходом был приход во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского в городе Сан-Диего, который он сумел поднять и благоустроить. Скончался архимандрит Алексий в Сан-Диего 14 декабря 1981 года и похоронен на местном кладбище Mountain Hope.

Приводимые ниже отрывки из воспоминаний архимандрита Алексия «Жизненный путь Русского священника», написанные в Южной Африке и Сан-Диего посвящены Лужскому периоду пребывания архим. Алексия, тогда иподиакона Александра, в С.-Петербургской епархии. Воспоминания касаются благих впечатлений юности о. Алексия, участвовавшего в богослужениях и грандиозных крестных ходах, совершавшихся в Лужском уезде Преосвященным Вениамином, будущим священномучеником Петроградским, неразрывно связанных с его именем, и так вошедших в историю Русской Церкви.

Одним из самых ярких и светлых воспоминаний во время пребывания нашего в Луге были крестные ходы в начале мая, ко дню праздника Евангелиста Иоанна Богослова. Владыка Вениамин, епископ Гдовский (в конце 1917 года ставший митрополитом Петроградским) совершал всенощную 6 мая и 7-го – раннюю литургию в шесть часов утра, после которой выходил обычно от собора крестный ход в Иоанно-Богословский Черменецкий мужской монастырь. Расстояние до него было 22 версты, монастырь стоял на полуострове Черменецкого озера и был соединен с сушей только узким перешейком в одну версту длиной, обсаженным вековыми елями. Промеж их стволов открывался вид на озеро, столь большое, что вдали едва виднелись его берега. Воды озера были хрустально чисты и дивно отражали глубину синего неба. Какая это была неописуемая красота!



Черменецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь близ Луги. Фото 1900-х гг.

Когда кончался перешеек – подходили к монастырским вратам с куполом и образом св. Евангелиста Иоанна Богослова... Крестный ход был всегда многолюдным и возрастал по мере продвижения, так как каждый сельский приход присоединялся к нему, вливаясь в него, так что в конце пути он состоял из нескольких тысяч людей.

Мне выпало счастье быть прислужником и иподиаконом у Владыки Вениамина – подлинного и незабвенного святителя, и состоять при нем все время на всех шести крестных ходах: из Луги – в мае и из Плюссы – в июле. Владыка ехал из Петрограда, сходил в Плюссе и оттуда 40 верст совершал крестный ход пешком в Воскресенско-Покровский женский монастырь и Серафимо-Саровскую пустыньку. Праздник приходился на 28 июля.

Владыка, в особо прицепленном салон-вагоне, следовал поездом. На станции Плюсса о. протоиерей Анатолий (которому я всегда прислуживал и читал на клиросе, когда бывал дома) и я встречали Владыку и принимали от него благословение в вагоне. Я так признателен о. Анатолию за то, что он брал меня всегда с собою. (Вообще вся наша семья глубоко почитала его и любила.) Он извещал меня заранее, чтобы я приготовился к поездке навстречу Владыке, который неизменно ласково благословлял нас. Какой он был благостный, смиренный и кроткий! Лицо его излучало радость. Благословляя меня, он всегда целовал в лоб и звал меня Сашей. Он регулярно приезжал в Лугу, и все мы с нетерпением ждали его.

От Луги до Плюссы – небольшой перегон, не более часа по железной дороге. На станции Плюсса находится маленькая деревянная церковь подворья Свято-Воскресенского монастыря, и там ожидали прибытия Владыки монахини и множество крестьян, скопившихся из окрестных сел, со своими священниками, чтобы шествовать в крестном ходе, возглавляемом Владыкой Вениамином.

Еще в вагоне мы облачали Владыку в легкое летнее облачение из холста. По дороге в церковь Владыка благословлял крестный ход возгласом из всенощного: «Слава Святей и Единосущной, и Животворящей, и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков!» Могучее «Аминь!», пропетое всем народом, неслось ему в ответ, и крестный ход двигался, начиная с пения псалма:

«Благослови душе моя Господа, благословен еси Господи, Господи Боже мой, возвеличился еси зело...»

Во время всего пути следования крестного хода совершалось всенощное бдение. Всю дорогу за Владыкой следовал экипаж, но он никогда не садился в него и был неутомим. Тысячи народа следовали за ним, и чистосердечное пение всех молящихся оглашало поля и леса, словно природа, внимая им, молилась с ними, и земля соприкасалась с небесами.

Остался у меня в памяти один никогда не забываемый момент. Крестный ход поднимался на холм, солнце было на закате. Вдали розовел горизонт, и верхушки деревьев были еще освещены лучами исчезающего солнца. Вот Владыка благословляет народ и, вдруг, слышится: «Свете Тихий, Святыя славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго и Блаженнаго, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца. Видевше Свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Господа».

Пели все люди с зажженными свечами в руках, а крестный ход простирался до самого горизонта, сливаясь в одно целое, в одну широкую пламенную реку... Одно песнопение сменялось другим. Вскоре «Хвалите Имя Господне, хвалите раби Господа» разносилось кругом, и душа моя трепетала от охватившей ее благодатной радости...

Впереди всех шли крестоносцы. Они были подобно рулевому и избирались из толковых людей, которые хорошо знали дорогу. В описываемых мной больших крестных ходах, растянувшихся на версты, связь поддерживалась при помощи одного или двух конных, уведомлявших духовенство о каких-либо, иногда не предвиденных, происшествиях в пути.

Епископ Вениамин совершает освящение храма свт. Николая Чудотворца подворья Воскресенско-Покровского женского монастыря на ст. Плюсса Варшавской железной дороги. 21 ноября 1915 г.

Вот уже и рассветная заря, понемногу стало светлеть. Недалеко уже и до Воскресенско-Покровского монастыря. Сообщают, что еще осталось восемь верст. Широкая дорога проходит между полями ржи и пшеницы. Зелеными коврами раскинулись нивы и среди них, местами, цветет гречиха. Воздух насыщен полевыми пряностями. Высоко над крестным ходом вьются жаворонки, их трели сливаются с народным пением, благословляя Творца всего.

Наконец виднеется купол монастыря. С каждым шагом слышится все явственней трезвон колоколов. Вот уже видны блестящие на солнце хоругви и иконы вышедшего навстречу нам крестного хода из монастыря со чтимой чудотворной иконой Честного Покрова Богоматери. Доносится и пение монашеского хора. Духовенство идет за хоругвями, а за ними игумения, вслед которой монахини, попарно, числом около стапятидесяти.

Владыка благословляет молебен: «Днесь благоверные люди светло празднуем, осеняемии Твоим, Богоматерь, пришествием и к Твоему Пречистому Образу взирающе, умильно глаголем: покрой нас честным Твоим Покровом...» Мощное, единодушное пение несется к небесам.

Крестные ходы встречаются лицом к лицу, склоняются хоругви. Дивный, громадный образ – святыни монастыря – Покрова с Пречистым Ликом Царицы Небесной, сияющий на солнце своей золотой, украшенной драгоценными камнями ризой, и с ним невидимое, но ощущаемое присутствие самой Богоматери, осеняющей нас своим благодатным Покровом, предстает перед молящимися.

Владыка опускается на колени, а за ним и многотысячные богомольцы; он прикладывается к образу, осеняя себя крестным знамением. Лицо его благодатно светится. За ним, кланяясь низко, проходит перед образом многочисленное духовенство... «Пресвятая Богородице, спаси нас!..» – поет весь народ. Под это могучее, воодушевляющее пение крестный ход направляется в монастырь.

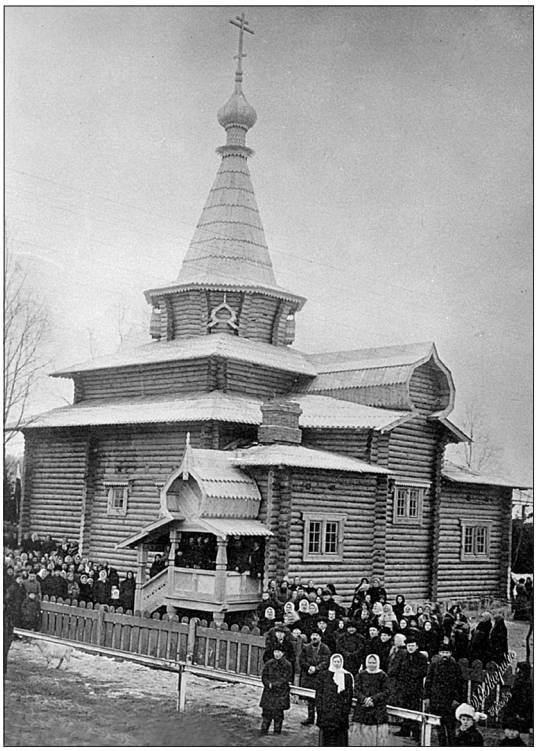
У врат монастыря Владыка совершает молебную литию. По ее окончании игумения принимает от монахини хлеб-соль и преподносит их, с приветствием, на вышитом белом полотенце, Владыке. Благочестивый Владыка, взяв вырезанный кусочек хлеба с солью, вкушает. Затем он благословляет всех встречавших его уже в величественном храме. Мы провожаем Владыку в приготовленные для него покои и разоблачаем его...

В трапезной накрыт белоснежной скатертью стол, уставленный всевозможными яствами. Тут и пироги с рыбой, которой богат монастырь, находящийся поблизости к большому, принадлежавшему ему, озеру, и яйца, свой мед, молоко и замечательно вкусный черный ржаной и белый пшеничный хлеб. Кипит огромный самовар. Вокруг стола суетятся монахини, чтобы все было как можно лучше для Владыки и сопровождающего его духовенства.

Пока я разоблачал Владыку, он ласково спросил меня:

«Что, Саша, утомился? Надо и отдохнуть, а на чай приходи ко мне». До сих пор слышу его тихий голос...

Как прекрасен был в те времена тот монастырь со своей высокой колокольней, на которой были, выбивающие каждую четверть часа, большие часы. С колокольни открывался вид на тихое, окаймленное камышами озеро, на глади которого тут и там виднелись рыбачьи лодки. У монастыря было несколько зданий с келиями, разнообразными службами и было заметно, что там обширное и образцовое хозяйство. Там также находились большой фруктовый сад и огород; свои поля и луга, а за ними леса.



Храм свт. Николая Чудотворца подворья Воскресенско-Покровского женского монастыря на ст. Плюсса в день освящения епископом Вениамином. 21 ноября 1915 г.

В тот день перед храмом был поставлен помост, на котором монахини приготовили все для предстоящего праздничного всенощного бдения. Этот деревянный помост был устлан коврами, и на нем устроили архиерейскую кафедру, иконы и подсвечники.

Все это было сделано, чтобы те, которых не мог вместить храм, могли видеть и принять участие в богослужении, и поэтому всенощное бдение совершалось под открытым небом.

Некуда было уложить на ночь всех паломников, и так как не хватало келий, то многие спали, где могли: в сараях, под каким-нибудь развесистым деревом, на сеновале или просто на густой траве.

Сестры работали, не покладая рук. Ведь всех надо было покормить после такого путешествия еще до службы. Разносили в ведрах и больших кувшинах молоко, квас, хлеб и всякую всячину. Все были довольны и находились в приподнятом настроении, укрепленные молитвой и в ожидании выхода Владыки, глубоко чтимого и любимого всеми, кто знал его, особенно простым людом. Он был подлинно архипастырем и отцом одинаково для всех. Народ знал это и ценил, что Владыка всегда принимал живейшее участие во

всех народных молениях и крестных ходах, не отказывал никому, кто обращался к нему с просьбой о помощи. Он олицетворял собой заповедь любви к Богу и ближнему. И не даром он был избран народом же в митрополита Петроградского во время революции и принял этот тягчайший крест, окончившийся мученической смертью.

Строгий к самому себе, он был очень милостив к другим. Если случалось, что кто-либо провинился и был присылаем к нему для наказания, Владыка, будучи чутким и даже прозорливым, никогда не ругал, а отечески наставлял человека, делая это так благостно, что и у закоренелых нарушителей закона просыпалась, как бы давно очерствевшая совесть.

Тем не менее, было одно исключение, когда кроткий и всепрощающий Владыка преображался в обличителя и был непоколебим. То было во всем касающемся вопросов веры и верности Православной Церкви, вскоре ставшей гонимой. Но в те, описываемые мною времена, даже такая возможность казалась неправдоподобной.

Итак, солнце вновь клонилось к закату, когда вышел Владыка, и каждый вблизи от него старался получить благословение от него, по пути его шествия. Многие даже становились на колени, чтобы быть осененными, целовали край его мантии.

Владыка поднялся на помост с устроенным алтарем, наполнившимся сонмом духовенства, подходящего длинной вереницей под благословение перед началом всенощной.

«Восстанете! Высокопреосвященный Владыко, благослови», – громогласно провозгласил протодиакон Исаакиевского собора Косогорский, всегда сопровождавший Владыку в крестных ходах. Он выделялся среди всех своим ростом, весьма импозантной фигурой и, главное, своим невероятно могучим голосом. Благодаря красоте своего баса и служения, Косогорский стал такой же знаменитостью в Петербурге, как протодиакон Розов в Успенском соборе в Московском Кремле.

Духовенство запело в ответ: «Приидите поклонимся Цареви нашему Богу» и вслед за этим последовало всенародное пение псалма: «Благослови душе моя Господа, благословен еси Господи... Господи, Боже мой, возвеличился еси зело», – неслось с духовным горением ввысь и верилось, что достигало небес, так как Царствие Божие было в тот вечер уже на земле, в наших душах.

«Святым Духом всякая душа живится, и чистотою возвышается, светлеется Троическим Единством Священно-тайне...»

Я стоял близко от Владыки. Он весь, как бы растворился в пламенной молитве. Вспомнилось мне последнее служение Владыки в Свято-Покровском монастыре. В то время уже разгорелся пожар революции. Владыка Вениамин отказался идти на компромисс в делах веры с советскими властями и знал, что ожидало его...

«Господи, покрой нас Кровом Крил Твоея, отжени от нас всякого врага и супостата, умири нашу жизнь. Господи! Помилуй нас и мир Твой и спаси души наша, яко благ и человеколюбец», – молился святитель, и слезы медленно просачивались из его скорбящих глаз. Я стоял тогда рядом с ним, держа клобук Владыки и, смотря на него, сам не мог удержаться от слез...

Еще только раз привелось мне, в ноябре того же 1918 года, прислуживать Первосвятителю в Александро-Невской лавре в день храмового праздника, ноября 23. То была последняя его торжественная служба с двенадцатью архиереями в переполненном молящимися соборе.

Вскоре после того Владыка, по учинению над ним советского суда, был заточен в тюрьму и в 1922 году расстрелян за открытое исповедание своей веры. Он был первым мучеником из духовных лиц в Петрограде и, к чести русских, надо добавить, что даже наши революционные солдаты, все до одного, отказались выполнить приговор. Так он был любим. Он был расстрелян китайцами.

Свящ. Евгений Заборовский

Крестным ходом в Феофилову пустынь

20 и 21 сего июня (1915 г. – *ред.*) в пределах Лужского уезда состоялось редкое церковное торжество – паломничество в с. Феофилову пустынь, место упокоения преподобного Феофила, Омучского чудотворца. Торжество это организовано Лужским Иоанно-Богословским братством.

Началось торжество еще с вечера 19 июня, когда почтовый поезд привез на ст. Серебрянку, Варш. ж. д., нашего благостнейшего и неутомимого Владыку, преосвященнейшего епископа Вениамина и прочее духовенство. Со станции Владыка проследовал в с. Поддубье, где была совершена торжественная всенощная, во время которой Владыка обратился к собравшимся сюда с разных концов богомольцам с архипастырским словом, в котором призывал Божие благословение на лиц, подъявших на свои рамена такой нелегкий труд, как путешествие к преподобному за 30 слишком верст.

В 4 часа утра 20-го числа из села Поддубья двинулся крестный ход в центральное место, в с. Заполье, лежащее на Двинском шоссе в 18 верстах от с. Феофилова Пустынь. Слегка моросил дождь, что, по народной примите, обещало хорошую погоду и благополучное путешествие. По пути Поддубский крестный ход соединился с Крицкими паломниками и прибыл в с. Заполье в 8 часов утра. К этому времени съехалось сюда духовенство из окрестных приходов и собрались многочисленные паломники.

Стали ждать Владыку, который по пути из Поддубья заехал в Крицкую Николаевскую церковь, где отслужил краткое молебствие. Духовенство, во главе с местным благочинным о. прот. С.М. Павским, выстроилось в две линии в церковной ограде... Ждем. Над нами гудят церковные колокола. Небо разъясняет и солнышко начинает просвечивать между облаков. Стоим перед «святыми воротами», которые прекрасно декорированы зеленью – это труды учеников сельскохозяйственной школы, помещающейся в бывш. имении Овсянниковых. Тысячная толпа, затаив дыхание, сосредоточенно смотрит в ту сторону, откуда должен приехать Владыка. Вдруг толпа заколыхалась, церковный трезвон стал оживленнее, видно, как народ крестится и кланяется и, наконец, любимый наш архипастырь, в фиолетовой мантии, предстал пред нами в церковных воротах. Местный настоятель о. В. Вещезеров, поднося св. крест, приветствует Владыку словом, в котором просит архипастырского благословения, и певчии, под управлением местного учителя Г.В. Богданова, запели входное «Достойно есть».

Началась Божественная литургия. Храм, сравнительно небольшой, не может вместить и трети собравшихся богомольцев. Счастливцы, попавшие в храм, услаждают себя умилительным, для многих невиданным, архиерейским служением, очень хорошим пением и трогательным поучением, прочувствованно сказанным священником Крицкой церкви о. Д. Соколовым. В 11 часов Божественная литургия кончилась, богомольцам предложен перерыв на 2 часа для того, чтобы они успели подкрепиться пищею и отдохнуть перед путешествием. Владыка с духовенством отправляются к местному настоятелю, где гостеприимными хозяевами предлагаются чай и обед.

Трапеза кончена. Слышен звон колокола, приглашающий паломников к путешествию. Идем в храм. Богомольцы уже готовы и суетятся. Погода совершенно разгулялась, солнце светит ярко и играет на золоченых крестах храма, хоругвях и иконах, которые уже вынесены из храма и расставляются в должный порядок нашим умелым распорядителем, председателем Иоанно-Богословского братства, о. прот. А.С. Остроумовым. Все готово к путешествию. Запели молебен о покорении врагов и тронулись в путь.

Какая величественная картина! Все идут с благоговением и поют. На душе так радостно и приятно! Радость усугубляется еще тем, что идем-то мы к преподобному Феофилу, нашему Лужскому чудотворцу, покровителю и ходатаю нашего уезда, идем по тем местам, где некогда он сам ходил и молился.

Духовенство идет двумя рядами по обе стороны шоссе, а Преосвященнейший Владыка – посредине. У всех белое полотняное облачение, приготовленное специально для крестных ходов в летнее время. По бокам, впереди и сзади духовенства, движется пестрая толпа богомольцев с белыми котомками за спиною.

Феофилова пустынь. Храм Успения Пресвятой Богородицы. Фото 1920–1930-х гг.

Все идут и слезно молятся. Да как и не молиться! Ведь паломничество это предпринято со специальною целью, помолиться у гроба прп. Феофила, чтобы он защитил своих чад от вражеской пули и дал бы им победу над коварным врагом, стремящимся поработить все славянство и разрушить веру нашу православную.

Громогласное пение тысячной толпы разносится по лесу. Припев: «Многомилостиво Господи, сокруши враги под ноги наша», – дружно подхватывается богомольцами, и звуковая волна несется, несется в сторону врагов.

В дороге незаметно промелькнули три часа. Подходим к роднику прп. Феофила, куда, по преданию, он ходил за водою. Тут встречают нас крестные ходы из сел Гагрина и Феофиловой Пустыни во главе с духовенством. Образ прп. Феофила, украшенный цветными гирляндами, величественно возвышается над толпою. С благоговением лобызаем пречистый образ преподобного, и Владыка, остановившись на мосту, освящает воду в роднике... Паломники набрасываются и с жадностью пьют святую водичку. Чтобы дать возможность напиться всем, Владыкою объявлен перерыв на 10 минут. Уставшие присели. Прислушиваюсь к разговорам местных жителей. Оказывается, родничок никогда не замерзает и находится зимою и летом все в одном положении. Однажды этот родничок совершенно высох, причина была та, что местные жители забыли преподобного и перестали ходить к нему на поклонение, но когда снова люди образумились, вспомнили святого и стали просить его заступления – родник опять стал бить, опять люди начали брать водичку, и с той поры почитание преподобного не прекращается.

Время перерыва прошло и паломники снова тронулись в путь. Теперь уже остается идти недалеко, всего три версты. Единодушное и громогласное – «Преподобне отче наш Феофиле, моли Бога о нас», разносится по густому сосновому лесу. Думается, что никогда еще эти сосны не были свидетелями такого религиозного

торжества, никогда еще этот лес не оглашался таким воодушевленным народным пением... Даже сама природа замолкла, дивясь молитве народной. Деревья и птички, обитательницы этих лесов, от удивления прекратили свои непонятные нам разговоры... Ах, как дивно, как приятно на душе! Идем по тем местам, где 500 лет тому назад ходил сам подвижник!

За две версты от села встречают нас новые толпы богомольцев – это паломники, прибывшие сюда с крестными ходами из сел Велени, Логовеще, Хредино, Боротно и Видони во главе со своими священниками.

Теперь уже паломники идут очень тихо, так как народу собрались тысячи.

В 5 ч. 30 м. по полудни мы прибыли в Феофиловский Успенский храм, сооруженный на месте погребения прп. Феофила на средства Государя Императора Александра I в память чудесного исцеления его от болезни ног по молитвам преподобного. Крестоносцы поставили хоругви и св. иконы на деревянный помост и пошли на отдых. Духовенство с Владыкою отправилось в квартиру местного священника о. В. М. Воинова, где им был предложен чай. Для народа на средства Иоанно-Богословского братства был дан хлеб и квас, а для крестоносцев, кроме этого, еще и чай.

После полуторачасового отдыха началось всенощное бдение, которое, как и Божественная Литургия, совершалось на помосте, устроенном с западной стороны храма. Необычная обстановка, невиданное весьма многими благоговейное архиерейское служение умилили богомольцев до слез, которые обильно изливали паломники особенно во время весьма прочувствованного и глубоко трогательного наставления Владыки на текст «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас» *(Мф. 11, 28)*, в котором Архипастырь развил ту мысль, что в сию тяжкую для всех нас годину мы должны искать утешения у Господа и у Его святых служителей. Народ плакал, да было отчего и плакать, так как все решительно располагало к слезной, умилительной молитве.

Вот уже и солнышко закатилось, и в воздухе стал полумрак, а богослужение все идет, стройное пение разносится далеко, далеко за пределы бывшей обители. Наконец всенощная кончилась. Богомольцы, собравшиеся по приблизительному подсчету до пяти тысяч человек, все еще подходят к елеопомазанию. Неутомимый Владыка, отпустив духовенство, только во 2-м часу ночи приходит на покой.

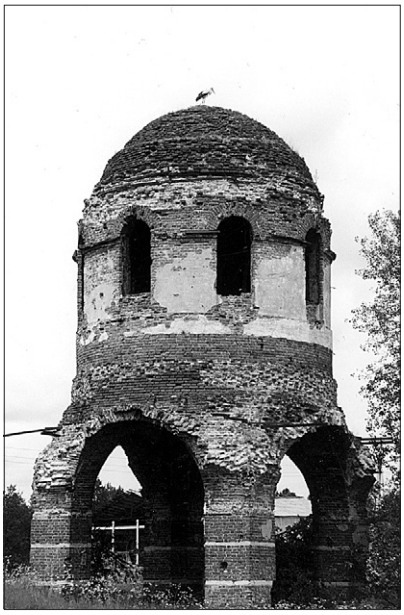
Богомольцы тут же, в церковной ограде, кучками лежат на земле и, усталые, сладко спят под сенью преподобного; иные разместились в домах, другие – в сараях, кто на дороге, а кто у костра – словом все успокоились на несколько часов для того, чтобы, подкрепившись силами, в 5 часов снова стать на молитву к ранней литургии, а затем и к поздней.

Перед поздней литургией, после слова Архипастыря, была отслужена панихида по убиенным воинам и затем началась Божественная литургия, во время которой прекрасно пели два хора певчих, один из с. Пав, под управлением священника о. В. Смирнова, а другой из с. Заполья. Павский хор – исключительно женский. Певчие девушки одеты все в костюмы, напоминающие кафтаны архиерейских певчих, обшитые позолоченными позументами с таковыми же кистями. Запольский хор – смешанный. Впечатление от пения весьма приятное. За литургией после Малого входа преосвященнейший Владыка возложил камилавку на голову священника Крицкой церкви о. Д.П. Соколова.

После Божественной литургии, во время молебного пения о победе над врагами, духовенство во главе с епископом, неся впереди образ прп. Феофила, отправилось кругом храма. Поровнялись с пещеркою, где находится гроб преподобного – это под алтарем, с южной стороны. Образ преподобного передали держать мирянам, а сами пошли в пещеру приложиться ко гробу, пропели величание угоднику Божию и пошли далее.

Необходимо заметить, что моления у мощей преподобного и даже на улице у входа в пещерку продолжались непрерывно весь вечер и утро до окончания богослужения.

Во 2-м часу дня молитвенное торжество на месте жизненных подвигов и упокоения прп. Феофила, Омучского чудотворца кончилось и паломники, после небольшого отдыха, благословляемые Преосвященным Владыкою, под торжественный звон колоколов, с крестами и св. иконами, отправились по своим приходам.



Феофилова пустынь. Храм Успения. Современный вид

Грустно было покидать упраздненную обитель. Так здесь хорошо и приятно. Недаром прп. Феофил избрал для своего пребывания именно это место, на берегу реки Омучи. Поистине, здесь душа отдыхает от всех жизненных тревог и волнений!

В заключение, принося искреннюю благодарность нашему архипастырю, Преосвященнейшему Епископу Вениамину, за его постоянную готовность разделять с нами нашу молитву, будем надеяться, что на будущее время и Иоанно-Богословское братство не откажет принять на себя труд по организации крестного хода к прп. Феофилу, Омучскому чудотворцу, чем доставит большую духовную радость не одной тысяче лужан.

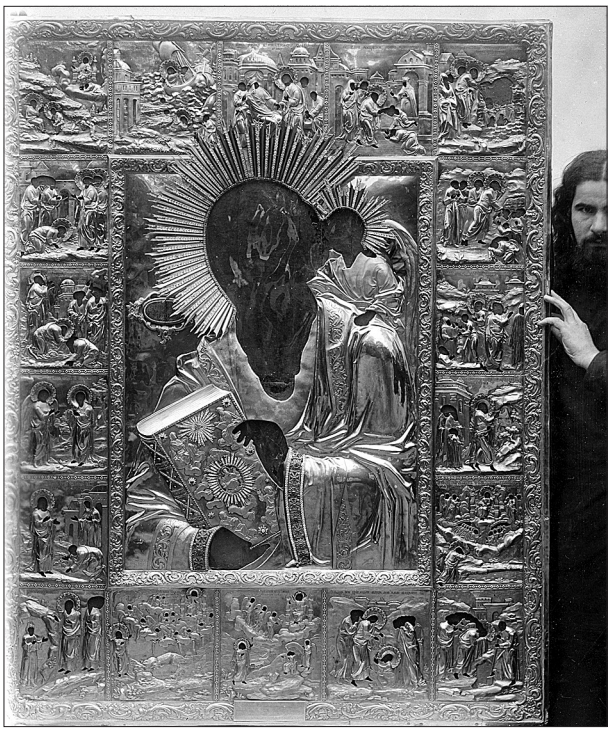
Из журнала «Известия по С.-Петербургской епархии». 1915, № 28–29.

Свящ. Евгений Заборовский

Крестный ход в Череменецкий монастырь

В целях поднятия религиозности среди православных христиан Советом Братства, по примеру церквей 4-го Лужского округа, в минувшем году был организован крестный ход в Череменецкий Иоанно-Богословский монастырь, под покров и защиту небесного покровителя Братства св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Соединенный крестный ход, возглавляемый Преосвященнейшим Вениамином, епископом Гдовским, вышел из г. Луги 7 мая в 9 ч. утра. В состав лужского крестного хода вошли крестные ходы из Лужского собора, Смешина и Островна. По пути следования к монастырю в д. Раковичах (9 верст от Луги) к лужскому крестному ходу присоединились крестные ходы из с. Смердей и с. Городца и из Ракович, после часового перерыва паломники отправились в монастырь через дер. Госкино, в которой еще присоединились Петровский, Югостицкий, Подмошский, Хвошненский, Чупрово-Горский, Тырково-Торошковичский, Синявино-Торошковичский и Гродненский крестные ходы. После краткого молебствия многотысячный крестный ход из деревни Госкино двинулся в монастырь, куда и прибыл в 5 часов вечера. В пределах монастыря крестоносцы всех упомянутых приходов были снабжены особыми, выдаваемыми от Совета Братства, билетами, благодаря которым они имели свободный доступ для ночлега и пропитания в особом монастырском здании. Богослужение, по причине тесноты собора, совершалось под открытым небом, на виду у всех богомольцев. Для сего перед собором был сооружен особый деревянный помост, на каковом и поместилось все духовенство во главе с Архипастырем. К общей радости паломников погода выдалась очень хорошая, благодаря чему торжественность богослужения не нарушалась.

Надо было присутствовать самому, чтобы пережить те умилительные моменты, которыми было преисполнено богослужение. Представьте себе такую картину. Ночь. В природе тишина немая. Ночной мрак окутал монастырь, однако, на помосте светло от множества свечей, которые теплятся перед св. иконами, поставленными тут же на особых носилках. Среди св. икон – чудотворный образ св. Иоанна Богослова – Божественного покровителя Братства. Священнослужители во главе с Архипастырем стоят по обе стороны помоста в белых облачениях. Помост окружает тысячная толпа богомольцев, усердно молящихся. Пение братии монастыря мощно подхватывается тысячною толпою и громогласная волна несется далеко за монастырские пределы... Истинно умилительная картина! Куда даевалась усталость паломников, где утомление от долгого пути? Нет его. Есть же только горячее желание молиться, молиться без конца. Кончилось всенощное бдение. Ночной отдых продолжался недолго. Утром снова раздался звон к ранней литургии, а затем и к поздней. Настроение паломников то же, что и вчера. Помост опять тесно окружен богомольцами. Идет Божественная литургия. Природа ликует, заливает солнечными лучами богомольцев и весело играет на блестящих одеяниях Владыки и прочих священнослужителей. Народ снова льет «едиными устами» молитву св. апостолу, снова мощное пение разносится по монастырской роще... Невиданное в деревне благолепное архиерейское служение приковывает к себе внимание богомольцев и только крестный ход кругом монастыря, после Божественной литургии напоминает паломникам о необходимости двигаться в обратный путь. Подкрепившись пищею, благословляемые Преосвященнейшим Владыкою, богомольцы прежним порядком отравляются по своим приходам. Несмотря на то, что многим паломникам пришлось пройти более 50 верст в оба конца, среди них было заметно весьма радостное духовное настроение и сильный религиозный подъем чувства. У братчиков осталось желание в следующем году снова сообща сходить на поклонение св. апостолу и евангелисту Иоанну Богослову.



Явленная икона св. ап. Иоанна Богослова в Череменецком монастыре. Фото 1927 г.

Из журнала «Известия по С.-Петербургской епархии». 1915, № 28–29

А.А. Бовкало

ПЕРВЫЕ АРХИПАСТЫРСКИЕ ПОЕЗДКИ СВ. ВЕНИАМИНА ПЕТРОГРАДСКОГО ПО ЕПАРХИИ

24 мая 1917 года на Епархиальном Соборе на Петроградскую архиерейскую кафедру был избран епископ Гдовский Вениамин (Казанский Василий Павлович; 17 апреля 1873 – 13 августа 1922). На следующий день Св. Синодом он был утвержден архиепископом Петроградским и Ладожским (14-17 июня его титул был изменен на Петроградский и Гдовский). По установившейся традиции вскоре после восшествия на кафедру новый архиерей стал объезжать свою епархию.

Первая поездка владыки Вениамина состоялась уже через неделю – в Кронштадт, куда он прибыл 3 июня. Исполнительный комитет Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов не только не ставил препятствий к приезду архиепископа, но и предоставил в его распоряжение автомобиль. Вечером архиепископ Вениамин служил всенощную в Андреевском соборе Кронштадта. После богослужения архиепископ Вениамин отслужил панихиду по о. Иоанну Кронштадтскому. Побывал он и на сохранявшейся в неприкосновенности его квартире, где отслужил литию. Утром в том же соборе Владыка совершил литургию. За обеими службами Владыка произнес проповеди, в которых призывал духовенство к совместной работе с прихожанами, при этом он очень твердо указал, что дело духовенства не политика, а религиозное строение жизни, приведя в пример о. Иоанна Кронштадтского. После литургии при громадном стечении народа был совершен крестный ход, во время которого народу раздавались воззвания недавно окончившегося Петроградского Епархиального Собора. Архиепископ Вениамин заходил во все церкви, где духовенство приветствовало его. На братской могиле погибших во время Февральской революции была отслужена панихида. Когда панихида уже оканчивалась, к братской могиле подходила делегация рабочих Путиловского завода с музыкой. Но как только путиловцы узнали, что на могиле служит панихиду архиепископ Вениамин, музыка тотчас прекратилась. В Морском госпитале архиепископ Вениамин по просьбе администрации и родственников больных посетил палаты и благословил болящих. Только в 5 часов вечера, обойдя весь город и все церкви, крестный ход вернулся в Андреевский собор. Перед отъездом Владыка посетил квартиры городского головы, церковного старосты и некоторых членов приходского совета. В 7 часов вечера он отбыл из Кронштадта[1].

Луга. Воскресенский собор. Здесь, в 1917 г., архиепископ Вениамин возглавил хиротонию епископа Лужского Артемия (Ильинского)

Следующая поездка состоялась почти через месяц – в Петергоф, в Петропавловский собор, состоявший в ведомстве бывшего придворного духовенства. Владыка прибыл в Петергоф утренним поездом в воскресенье, 2 июля. Его сопровождал заведующий церквами бывшего придворного ведомства протопресвитер Александр Дернов. В этот же день отмечало свой певческий праздник недавно (9 мая 1917 года) основанное Петергофское певческое общество. За богослужением пел полный хор общества под управлением его председателя Е.А. Рыбалко. После чтения Евангелия архиепископ Вениамин произнес слово, в котором призвал паству к любви и единению. В конце службы пришел крестный ход из Знаменки, во главе со священником Владимиром Иродионовым. Когда литургия окончилась, из собора вышел крестный ход вокруг храма с пением молебна свв. апостолам Петру и Павлу, во имя которых освящен собор, и святителю Николаю Чудотворцу как покровителю Певческого общества. Затем в здании мужской гимназии была устроена праздничная трапеза. Только около 6 часов вечера Владыка покинул Петергоф, тепло попрощавшись с духовенством и пожелав успехов членам Певческого общества[2].

В пятницу перед Ильиным днем Владыка Вениамин посетил село Ильеши Ямбургского уезда, где празднова-

лась память св. великомученицы Параскевы Пятницы. Архиерейские службы здесь совершались очень редко. Владыка прибыл в село вечером 13 июля. За всенощной и обедней ему сослужило многочисленное окрестное духовенство. На праздник собрались многочисленные богомольцы из Кронштадта, Бегуниц, Ораниенбаума и других мест. В проповедях владыка Вениамин снова подчеркнул, что дело духовенства не политика, а религиозное строение жизни. После окончания обедни, в 1 час дня, начался крестный ход к часовне св. великомученицы Параскевы, который продлился 3 часа. Перед отъездом Владыка посетил квартиры причта и нескольких крестьянских семейств[3].

14-17 июня 1917 года состоялось постановление Св. Синода об открытии в Луге кафедры викария Петроградской епархии и о назначении на нее архимандрита Артемия (Ильинского) с тем, чтобы наречение и хиротония были произведены в г. Петрограде[4]. Однако жители Луги направили к архиепископу Вениамину делегацию с просьбой возбудить ходатайство перед Св. Синодом о разрешении совершить архиерейскую хиротонию в Луге. Владыка Вениамин поддержал просьбу, и разрешение было получено. В полдень 29 июля архиепископ Вениамин с епископами Нарвским Геннадием (Туберозовым), Елисаветградским Прокопием (управлявшим Александро-Невской лаврой) и архимандритом Артемием прибыли в Лугу. С вокзала они проследовали в квартиру настоятеля собора. После небольшого отдыха, на предоставленном военным начальником автомобиле, они поехали в село Смешино, осмотрели там церковь, поклонились местным святыням, посетили настоятеля и проследовали на место явления Лужско-Печерской иконы Успения Божией Матери, молились в часовне над источником, пили из него воду и возвратились в собор прямо к всенощному бдению. Утром около 10 часов архиепископ Вениамин с архиереями, сопровождаемые благочинным протоиереем Николаем Тихомировым, прибыли в собор. При этом настоятель собора протоиерей Анатолий Остроумов приветствовал Владыку Вениамина по случаю первого, после избрания на Петроградскую кафедру, посещения им Луги. В краткой речи он напомнил об узах взаимной любви, которыми связаны он и лужане, и просил Владыку и на будущее время иметь их в своей любви, в уверенности, что и лужане никогда не забудут его. За литургией совершилась хиротония архимандрита Артемия во епископа Лужского. После литургии архиепископ Вениамин с епископами Геннадием и Прокопием вышел на середину собора для вручения жезла новохиротонисанному епископу Артемию. Перед солеей владыку Вениамина встретили члены Приходского совета во главе с его председателем инженером Е.Н. Писаревским, который от имени прихожан приветствовал Владыку с избранием на Петроградскую кафедру, благодарил его за многие

Молебен возле часовни вмц. Параскевы Пятницы на месте ее чудесного явления близ с. Ильеши. Фото 1929 г. (Из собрания Российского Этнографического музея)

знаки благоволения, которые он являл лужанам, в особенности, за совершение архиерейской хиротонии в Луге, и поднес от лужан ценную икону Спасителя. В ответ архиепископ Вениамин поблагодарил за любовь к нему и со своей стороны призвал всех ко взаимной любви, в особенности необходимой в настоящее время всеобщей разрухи, когда спасти нас может одна лишь христианская любовь и единение.... Вручая епископу Артемию архипастырский жезл (сооруженный лужанами на память о дне хиротонии), он подчеркнул в своей речи ту мысль, что служение архипастырское есть служение милосердия, любви и самоотвержения, что из этих источников должны получать начало и побуждение все действия нового архипастыря. Из собора архиереи, духовенство и гости проследовали в зал профессионального училища, где Приходским советом им была предложена трапеза. После окончания трапезы архиереи снова прошли к собору и здесь снялись на память с духовенством и мирянами. В 5 часов вечера они отбыли в Петроград[5].

В августе архиепископ Вениамин отбыл на открывавшийся 15 августа 1917 года в Москве Поместный Собор Русской Церкви. Накануне открытия Собора, 12-13 августа, он был возведен в сан митрополита.

Примечания:

[1] Кронштадтец. Посещение архиепископом Вениамином города Кронштадта. Известия по Петроградской епархии [ИПЕ], 1917, № 24-25, с. 8-9.

[2] Посунько Н., свящ. Петергофское торжество. ИПЕ, 1917, № 32-33, с. 10-11.

[3] Лебедев Гр., свящ. Посещение архиепископом Вениамином села «Ильеши» Ямбургского уезда. - ИПЕ, 1917, № 34, с. 8.

[4] Определения Святейшего Синода. - Церковные ведомости, 1917, № 27, с. 177.

[5] Старожил. Хиротония I-го Лужского епископа. ИПЕ, 1917, № 36-37, с. 7-9.

ДНЕВНИКИ 1918–1922 ГОДОВ

(Последние годы святительства митрополита Вениамина)

Олонецкая земля дала Русской Церкви двух митрополитов. Митрополит Григорий (1870–1955, в миру – Николай Кириллович Чуков), возглавлял нашу епархию десять лет, с 1945 по 1955 годы. Он окончил Олонецкую семинарию в Петрозаводске в 1889 году, двумя годами раньше Василия Павловича Казанского, будущего митрополита Вениамина, после чего он в течение двух лет служил надзирателем Петрозаводского Духовного училища. Именно тогда состоялось знакомство будущих митрополитов. Затем оба юноши продолжили свое богословское образование в С.-Петербургской Духовной академии и окончили ее со степенью кандидата богословия. В 1895 году Н.К.Чуков вернулся в родной Петрозаводск, где, несмотря на свою молодость, по представлению епископа Олонецкого и Петрозаводского Павла (Доброхотова) и при поддержке архиепископа Финляндского Антония (Вадковского), до 1893 года бывшего ректором С.-Петербургской Духовной академии, знавшего его как способного студента, определением Святейшего Синода был назначен на впервые вводившуюся должность епархиального наблюдателя всех церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии. В 1897 году он был возведен в сан иерея и получил благословение отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского), а в 1907 году в сан протоиерея. Н.К.Чуков находился на посту наблюдателя школ 15 лет, с 1895 по 1911 годы, а с 1911 по 1918 определением Св. Синода состоял ректором Олонецкой Духовной семинарии. За 25 лет служения в Олонии на ниве духовного просвещения протоиерей Николай поднял уровень образования в губернии на небывалую высоту. Количество школ увеличилось в два раза, количество учащихся – в полтора, педагогов – в два с половиной раза, средства на содержание школ – в шесть раз. Школьных зданий в 1910 году было уже 131, по сравнению с 39 в 1895 году. Если школьных библиотек для внеклассного чтения сначала практически не было, то в 1910 году их стало уже более трехсот. Успехи учащихся ежегодно возрастали. В бытность прот. Н.К. Чукова ректором семинарии, ее выпускники первыми по баллам поступали в столичные академии. Работоспособность, четкость в работе, принципиальность отца Николая Чукова, его желание послужить Отечеству везде, где это требуется, обращали на себя внимание, и он, помимо основной деятельности на постах наблюдателя и ректора, был выбираем на все возможные посты в государственных и общественных организациях в Олонии. С 1909 по 1917 годы он являлся председателем Олонецкого совета православного Карельского братства, в течение 17 лет представлял Духовное ведомство в губернском Земском собрании и трех лет – в Петрозаводской городской думе. На два срока по три года (с 1912 по 1918) прот. Николай был избираем Святейшим Синодом в члены Государственного Совета от белого духовенства. С 1910 по 1915 гг. прот. Николай был председателем Совета Олонецкого Епархиального женского училища, с 1910 по 1917 годы – председателем Олонецкого Епархиального Училищного совета. Он был руководителем многочисленных педагогических курсов для учителей, пожизненным членом общества изучения Олонецкой губернии и так далее. По просьбе губернатора Н.Д. Грязева, прот. Н. Чуков разработал проект, смету и был редактором еженедельника православно-национального направления «Олонецкая неделя», учрежденного в 1911 году при поддержке председателя Совета министров П.А. Столыпина, а также сотрудничал в «Олонецких губернских ведомостях» и «Олонецких епархиальных ведомостях», которые впоследствии также редактировал.

Прот. Николай по нескольку раз в год бывал по делам службы в Петербурге, где навещал своего земляка Преосвященного Вениамина, знакомство с которым в юные годы перешло затем в деловые и теплые дружеские отношения, поскольку они трудились на одном поприще в соседних епархиях. В 1918 году, когда начались гонения на Церковь, и была закрыта семинария в Петрозаводске, прот. Николай, после двух арестов и тюремных заключений за «недоброжелательное отношение к советской власти», был выслан из пределов губернии в «место жительства по своему усмотрению», митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин способствовал получению им места настоятеля университетской церкви свв. апп. Петра и Павла. Вскоре, через два года, прот.Николай стал настоятелем Казан-

ского (ныне – кафедрального) собора, а с 1924 года настоятелем Николо-Богоявленского кафедрального собора. За 25 лет службы в Олонии прот. Н. Чуков приобрел большой педагогический, пастырский и хозяйственно-организационный опыт и авторитет, деятельность его была отмечена Государем, Советом министров и Синодом, и Владыка Вениамин, не раздумывая, привлек его к участию в организации Богословского института, в котором он был избран преподавателем Христианской педагогики с дидактикой Закона Божия, а затем ректором и профессором. За труды по организации института Святейший Патриарх Тихон наградил прот. Николая митрой. Одновременно прот.Чуков был избран членом президиума Правления общества православных приходов Петрограда и его губернии и председателем его просветительского отдела. В год широкомасштабного наступления большевизма на церковь Владыка Вениамин и прот. Николай были приговорены к смертной казни «с конфискацией имущества» на позорном судилище – «процессе церковников» 1922 года. Господу было угодно, чтобы Владыка Вениамин молодым стал одесную Христа, а прот. Николай, вместе с пятью другими осужденными, был помилован и продолжил свой многолетний путь служения Русской Церкви. В 1924 году он возглавил Богословские курсы в Ленинграде, преобразованные в Высшие богословские курсы, прекратившие свою деятельность в 1928 году по указанию Ленинградского руководства.

В 1930 году прот. Николай был снова арестован, но за недоказанностью улик освобожден. В 1935 году он был выслан в Саратов (служил 10 месяцев в церкви Сошествия Св. Духа), а в 1942 году по зову митрополита Сергия (Страгородского) «препоясал чресла» и снова вышел на служение. Подобно Павлу Препростому, в 72 года он принял постриг с именем Григорий в честь сщмч. Григория, просветителя Великой Армении, был наречен во епископа Саратовского и возведен в сан архиепископа. В 1943 году по просьбе Патриарха Сергия составил проект возрождения в стране Духовных школ, одобренный Патриархом и Синодом, согласно которому они были открыты в 1944 году в Москве, затем в Ленинграде и далее по всей стране. Основные принципы этого устройства сохраняются в современных Духовных школах.

В 1955 году митрополит Григорий – постоянный член Священного Синода, председатель Учебного комитета, доктор богословия, руководил двумя академиями, восемью семинариями и тремя епархиями (Ленинградской, Новгородской и Олонецкой). Владыка Григорий стал связующим звеном между дореволюционной Русской Церковью и послевоенной и перенес в нее лучшие старые традиции, воспитав несколько поколений пастырей. Митрополит Григорий с 1907 года вел дневники, которые являются ценнейшим историческим материалом. Мы познакомим вас с некоторыми выдержками из них, относящимися к 1918–1922 годам и связанными с Владыкой Вениамином и последним периодом его славного служения.

*Дневник протоиерея Николая Чукова**

15/2 ноября 1918 г. Пятница.

Сегодня был у Митрополита; уезжает сегодня же в Москву для присутствия в Синоде. Приедет к 18-му, если не раньше. Боится долго быть там ввиду возможных ответственных событий. Говорил мне, чтобы я побывал у Галкина, который по поручению Смольного будто бы ездит в провинцию налаживать более нормальные отношения к Церкви и духовенству. Советовал поговорить о Свирском монастыре и о Петрозаводске, как и вообще о губернии. Мне сказал, чтобы я подал ему прошение о месте, о прикомандировании для службы (когда приедет). В Исаакиевском соборе, вероятно, освободятся места, потому что старики должно, быть уйдут: их переселяют в другие квартиры. Подождем – увидим. По приезде Владыки снесу ему прошение, а там видно будет.

С 12 ноября / 30 декабря (днем) перешел на новую квартиру (Пушкинская 7-25), где чувствую себя очень хорошо сравнительно с прежней; да меньше и голодаю, так как наладились ужины дома (хозяйка готовит картофель); хорошо и с самоварами. Живем все дружно, столовая общая – в кухне.

31/18 декабря.

Был три раза у Митрополита; снес прошение; ввиду малой надежды на открытие Университетской церкви просил иметь в виду в Исаакиевском соборе. Сегодня уговорились относительно служения завтра и послезавтра в Иоанновском монастыре.

Заказал 40 библиотек для духовенства всех благочинных округов Олонецкой епархии по составленному мною списку книг. По крайней мере несколько двину вперед ознакомление духовенства с текущей духовной литературой.

Отец Галкин сообщил мне из Москвы, что две недели назад должен был быть доклад у Ленина по моей записке. Может быть, и тут удастся принести пользу епархии, облегчив участь заключенных и сосланных священников.

Вчера Митрополит вызывал меня и сообщил, что Патриарх писал ему об увольнении нашего Преосв. Иоанникия, согласно прошению на покой в Свияжский монастырь и рекомендовал озаботиться выборами, указав на Преосв. Геннадия Нарвского как желательного кандидата. Обсудив вопрос, пришли к выводу, что: 1) сейчас нечего и думать о созыве Епархиального собрания, когда половина епархии занята «белыми», а другая «красными» войсками; 2) пока – несколько месяцев – управление должно быть сосредоточено у Владыки Митрополита; 3) в дальнейшем необходимо некоторое упрощение правил о выборах: вместо Епархиального собрания для намечения кандидатов можно то же произвести на благочиннических собраниях, а специально организованный приходскими советами г.Петрозаводска предвыборный комитет подготовит материал о желательных кандидатах и сообщит по благочиниям; 4) уже по одобрении и дополнении

* Орфография, пунктуация и датировка автора сохраняются.

Епископ Иларион (Бельский) (1893–1937)

списка Синодом можно созвать Епархиальное собрание для выборов. Все это сообщил сегодня М.П.Смирнову в Петрозаводск для соображений.

25/6 января 1919 г.

На этом времени дважды служил после трехмесячного перерыва.19 -20 в Иоанновском монастыре с Митрополитом, где ночевал у настоятеля.

12/25 июля 1919 г.

В пятницу, мой воспитанник по семинарии, И.И.Бельский пострижен Митрополитом в монашество с именем Илариона, а на другой день за ранней литургией в Крестовой церкви произведен в сан диакона. Был на пострижении, выходил на «акафисте», ночевал у Митрополита и служил литургию.

20 августа / 2сентября 1919 г. Вторник.

Был вчера у Митрополита. Передал мне дело о свящ. А. Брянцеве, которого местный сельский совдеп, вероятно, чтобы поиздеваться, заставил вступить в гражданский брак с девицей, которая у него жила в качестве прислуги и няни. Появилась корреспонденция «Попа женили». Идет расследование. Брянцев дает наивные объяснения, что не придавал значения гражданской брачной записи, что сделал это только для того, чтобы дать возможность девице получать в чуждой ей деревне паек и т.п. «Блюдите, како опасно ходите...»

15/2 сентября 1919 г. Понедельник.

30-го вечером Митрополит служил акафист на Свирском подворье. После у о. Филарета большой ужин, не по времени сытный (приходится теперь оценивать все с этой стороны, потому что все живут в голоде). Были Лебедевы, о. Иерофей, о. Заборовский. Последний – бойкий, но недостаточно воспитанный (по держании себя к Митрополиту).

С.-Петербург. Александро-Свирское подворье

В воскресенье был грандиозный крестный ход из всех церквей города в лавру (вместо традиционного хода 30 августа), а оттуда – к Казанскому собору с Митрополитом. Картина величественная. Я не участвовал (не с кем – народу у меня мало, диакон уже на Смоленском кладбище), но у Казанского собора был. Народу масса. Погода благоприятствовала. Общее впечатление – довольства, что несмотря на гнет и преследование, все-таки Церковь выступает религиозно и ободряет.

25/12 сентября 1919 г. Четверг.

Во вторник был у Митрополита. Давно ждал; уже посылал за мной. Дело об отводе храма б. Макарьевской пустыни в Каргопольском уезде монахиням Пюхтицкого монастыря Рижской епархии. Священник противится, вследствие неопределенной резолюции епископа Иоанникия. Теперь достаточно определенно сделано распоряжение.

Представление о прот. Надежине все еще не послано; я заговорил; Митрополит улыбнулся и – только. Сообщил Надежину, пусть принимает меры, тем более что 17/30 сентября Митрополит выезжает в Олонию (Лодейное Поле, Свирский, Петрозаводск), там и может повидаться лично.

Написал Дамаскину, игум. Антонию, Дроздову, Крючкову и Павлову о поездке Митрополита на предмет встречи, приема, организации богослужения, приглашения окрестного духовенства для пастырской беседы с Митрополитом – осведомления и получения указаний.

1/14 октября 1919 г. Вторник.

За эти две недели Митрополит съездил в Петрозаводск, а здесь тронулось дело с Богословским Институтом. Поездка Митрополита совершилась точно по маршруту.

21/7 февраля 1920 г. Суббота.

Сегодня совершалось служение митрополита (в Университетской церкви – *Л. А.*). Все прошло очень удачно. Пели только четверо: жена, Аня, Шура и А.Н. Соколов – хорошо. Служили мы с о. Н. Платоновым; диаконствовали иподиаконы; помогали в стихарях И.П. Мурзин и Б.А. Тураев. Присутствовало около 20 профессоров (Тураевы, Церетели, Бородин, Глазенап, Фармаковский, Бенешевич, Тищенко, Лавров, Гримм, Шишкевич, Новицкий, С.Ф. Платонов, Д.И. Успенский и др., которых я не знаю). Народу было вполне достаточно. Словом торжество прошло не официально, а тепло. Владыка говорил слово, хорошо. Припомнил факт, когда Григорий Богослов явился во время господства арианства и нашел только маленькую домовую церковь, где и собирались православные. Она получила название Воскресения. Отсюда аналогия с нашей... Удачно. После литургии я сказал Владыке благодарственную речь, а за чаем – Б.А.Тураев.

18/5 апреля 1920 г. Воскресенье.

В пятницу у меня был большой день – открытие Богословского института, где мне впервые пришлось генерально выступать и, так сказать, держать экзамен. По отзывам – «выдержал».

В 6 часов был в церкви подворья молебен; служил Митрополит, с ним: наместник о. Николаев, каф. прот. Богоявленский, о. Акимов, о. Софроний (в митрах), я, о. Кедринский, о. Рудинский, о. Чепурин, о. Балыков, о. Венустов и еще 2 неизвестных мне священника. Диаконствовал слушатель института о. Козлов. Пели певчие подворья. Чин молебна выработали мы с Б.А.Тураевым смешанный: начало, Христос воскресе со стихами, великая ектения с двумя прошениями из молебна пред началом доброго дела (1-я и 4-я); прокимен, Апостол из молебна пред началом учения, Мф., зач. II, сугубая ектения с прошением из молебна пред началом учения и молитва из чина Торжества Православия с некоторыми выпусками. Три многолетия: Патриарху, митрополиту и причту; учредителям, благотворителям, представителям приходских общин и всей пастве петроградской; и учащим и учащимся.

Затем все перешли в помещение института и здесь открылось торжественное заседание. Я произнес речь о задачах и характере деятельности Богословского института. Затем начались обращения и приветствия, которые я как ректор принимал стоя. Первым прочитал «памятку» прот. Акимов от Комиссии духовно-учебных заведений епархии, создавшей институт; затем говорил единоверческий епископ Симон, указавший на теоретическую постановку прежнего семинарского образования, которой необходимо избегать. Потом с большой и горячей речью выступил от приходов А.С. Николаев. После него приветствовали Б.А.Тураев от Академии наук и Л.П. Карсавин – от университета, 1-го и 3-го педагогического института. Потом выступал представитель римско-католических приходов, – из публики – одна из слушательниц от имени русской верующей молодежи средних учебных заведений, А.В. Королев – от школы средней вообще и униатка Оттен, захватившая всех своею искренностью и говорившая о необходимости единения церквей.

Все приветствия возлагают так много упований на институт, видимо так больно всем отсутствие истинных пастырей, так необходима наиболее жизненная подготовка их, что задачи института ярко встали пред всеми, все огромное значение его осозналось сразу, и ответственность громадная тоже ясно стала пред нами.

Я всем ответил сразу. Потом Владыка-митрополит говорил большую речь, особенно подчеркнув, что ему хотелось бы видеть в институте не столько учебное заведение, сколько школу, похожую на школы древности – александрийскую, антиохийскую, куда обращались все за удовлетворением своих религиозных запросов, и которые широко влияли и вне своих стен. Так же и здесь институт должен широко нести религиозное просвещение за свои стены.

В заключение Митрополит благословил институт в моем лице иконой Св. Троицы и передал еще икону от Покровской Коломенской церкви.

По окончании заседания, когда большинство разошлось, совет, корпорация и некоторые из гостей прошли в квартиру о. Софрония, где у меня устроен был чай.

Со вторника – занятия. На другой день послал Патриарху телеграмму с извещением об открытии института.

Портрет митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, подаренный им прот. Николаю Чукову 22 января 1918 г.

15/2 мая 1920 г. Суббота.

С утра направился к Митрополиту, пешком, жарко; там пришлось около часу ждать, пока о. Лев приготовит журнал правления Общеприходского совещания (с о. Чепуриным мы были вместе).

У митрополита доложил о. Чепурин свой журнал, а я – свой, после чего я доложил поданную вчера А.С. Николаевым мысль совершить в Богословском институте заупокойную службу по случаю исполняющегося 5 мая 100-летия со дня рождения С.М. Соловьева. Мотив: необходимо нам поднимать идейно-национальное ввиду того, что оно теперь отодвигается на задний план.

Митрополит согласился служить, только не 24 мая / 6 июня, а в четверг, 28 мая (10 июня). Будут разосланы приглашения всем ученым и учебным учреждениям высшим. Речи предполагаются две: моя и о. Чепурина.

20/7 июля 1920 г. Вторник.

В субботу вечером служил с Митрополитом на Троице-Сергиевом подворье; употреблялись нами институтские ризы; читали наши студенты.

На другой день служил с Митрополитом же в Сергиевом соборе (по приглашению о. Ивана Васильевича Морева – настоятеля). В этот день посвящался во иерея первый студент нашего института Анатолий Михайлович Толстопятов, сам профессор высшей математики и помощник директора Пожарно-Технического института, имеющий свои труды, окончивший Морской корпус и Артиллерийскую академию. Я потому тут и служил.

9 августа/27 июля 1920 г.

В 3.30 за мной заехал Митрополит и после стакана чаю поехали в университет на заседание в память Б.А. Тураева. Кроме трех учеников покойного произнесли речи Н.Н. Глубоковский и С.А. Жебелев. Речь Глубоковского (о христианстве восточном) была весьма содержательна, и местами с очень сильными

Протоиерей В.И. Маренин († 1922 ?), настоятель Казанского собора до настоятельства прот. Н. Чукова

выпадами против «тюремщиков духовной свободы». Жебелев читал свои «воспоминания товарища», очень красиво в литературном отношении и очень тепло составленные.

5 декабря/22 ноября 1920 г. Воскресенье.

В пятницу, 30 ноября ст. ст., утром был у меня староста Казанского собора К.М. Сопетов, сообщивший, что настоятель собора о. Маренин уже подал прошение об отказе от настоятельства, а приходской совет в четверг вечером просил Митрополита назначить настоятеля на свободную шестую священническую вакансию. По вопросу о кандидате совет перебирал весь наличный состав причта и остановился единодушно на мне. Депутация от совета отправляется к Митрополиту с указанием моей кандидатуры.

Из беседы Сопетова выясняется, что они (совет) ждут от меня упорядочения дела среди причта в отношении исполнения ими своих обязанностей, в отношении богослужебном – поставления его на должную высоту, без нововведений модных, благотворения и проч. Словом, желали бы, чтобы собор «жил», чтобы в нем «била жизнь», как она била при о. Орнатском.

Слухи об этом уже распространяются, и вчера о. П.Виноградов уже сообщал Е.Ф.Тураевой о том, что «Митрополит хочет, чтобы о. Чуков был настоятелем Казанского собора»!

Вчера в Исаакиевском соборе праздновался 25-летний юбилей священства Митрополита. Служило литургию 32 священника. За обедом я приветствовал от имени Богословского института.

10 декабря/27 ноября 1920 г. Пятница.

Моим желанием по приезде в Петроград было получить какую-либо маленькую домовую церковь и в ней скромно служить.

Но Господь судил иначе – оказался на руках Богословский институт, а теперь еще и вот... Я не боюсь дела, не боюсь административной стороны, а боюсь того «содома», который обыкновенно бывает в соборах.

4 марта – 19 февраля 1921 г.

Во вторник вечером и в среду утром (16 и 17 февраля) Владыка служил у нас в Казанском соборе. За всенощной я говорил слово. Утром за литургией Владыка возложил на меня за малым входом митру, возгласив: «Патриарх Московский и всея Руси Тихон награждает настоятеля св. храма сего, ректора Богословского института протоиерея Николая митрою. Аксиос!» Надели митру о. Орнатского, которая у него не то от Высочайшего Двора, не то – подарок о. Иоанна Кронштадтского.

От меня все это старались держать в тайне. Оказывается, Митрополит давно уже думал наградить меня в этот именно день. Вчера Преосв. Алексий писал мне, что ему Владыка говорил это недели две назад. Накануне Владыка распорядился привезти приготовленную мне митру из института. Кстати, утром он получил и письмо от Патриарха с сообщением об этом награждении. Я догадался о приготовлениях по некоторым «неосторожным» словам иподиакона Фомина и видел студента Зиновьева с митрой перед литургией.

После литургии у меня обедали: Владыка, Маренин, Либин, случайно о. А.И. Введенский.

2/15 мая 1922 г. Понедельник.

Идут тяжелые дни, снимается иконостас собора, несмотря на распоряжение из Москвы о приостановке. И не найти права! <...>

Очевидна мысль: поскорее снять иконостас и поставить Центр перед свершившимся фактом, и – конец! Так это случилось уже с ракой: в пятницу разобрали, а в субботу пришла телеграмма <...>.

3/6 мая 1922 г. Вторник, 12 часов ночи.

Совершилось! Иконостас и царские врата уже почти разобраны или, вернее, – разрушены. Ничто не помогло. Вчера вечером пришло человек 25; собор был опять закрыт, работали до 5.30 и разрушили много <...>.

Сегодня с утра я все ждал ответа из Москвы. Около 12 дня каких-то два молодых человека приходили в собор и сообщили, что есть благоприятная телеграмма относительно царских врат. Около 2-х часов приносят телеграмму на имя Жукова от Ятманова с извещением, что около 3-х часов придут он и Бакаев, что до тех пор не приступать к снятию царских врат. Тут же приложена и телеграмма Ятманову с сообщением копии посланной телеграммы в Смольнинский губисполком и Бакаеву:

«Снятие церковных врат Казанского собора задержать. 15.5.1922. Калинин».

В 3 часа явился Ятманов, за ним Бакаев, и сразу отдал приказание «снимать». Первый раз видел его. Глаза бегают, хитрые, подозрительные; странная привычка хихикать; властные тона; полная несговорчивость – ни на какие уступки и резко непримиримое отношение ко всему, что касается какого-нибудь послабления в пользу Церкви. При осмотре предметов и икон все зарегистрированное непрестанно требовал передавать в Эрмитаж. Никакие просьбы не действовали. Ввиду того, что он велел отправить в Эрмитаж многое из выкупленного уже (свыше 5 пудов!), я пытался выкупить боковые царские врата – не согласился ни за что! Явилась мысль уже после его ухода выкупить весь оклад около чудотворной иконы. Не знаю, согласится ли завтра...

Завтра в 2 часа опять начнут работы! Скорее бы кончали. И нравственная пытка и физическая усталость чувствуется наконец от всего происходящего <…>.

5/18 мая 1922 г. Четверг, 11 часов утра.

Сейчас пришел от ранней литургии и с требы (причащал больного). Приехал староста, осведомил его кратко обо всем происшедшем с воскресенья.

Вчера, в третьем часу, снова явились, на этот раз со слесарями, и занялись снятием риз с местных икон обоих приделов и царских врат там же. Разрушение иконостаса продолжалось. Весь орнамент, представляющий действительно тонкую, художественную работу, отрывается, меняется, потому что свозиться будет не в Эрмитаж (куда уж царские врата назначены), а в Горфинотдел. Вечером работали матросы. Отрывание и сдирание производились штыками и шашками. Бронзовые звездочки на арке так отрубали, что они летели через весь правый алтарь к Голгофе... Не было аппарата увековечить этот вандализм и отношение «русских» людей к своему художественно-историческому памятнику.

Вчера в Эрмитаж, в дополнение к отнесенным некоторым сосудам, евангелиям и крестам, – еще 2 креста, 4 евангелия и дарохранительницу 1730 г., дар Императрицы Анны Иоанновны.

Не понимаю этого акта иначе, как определенное гонение на Церковь: почему необходимо брать все мало-мальски художественное непременно в Эрмитаж, если есть полная возможность поставить эти вещи на учет и периодически устраивать выставки, на которые и брать их. А то непременно требуют напрестольный крест, рипиды, посох, потому что они «работы парижского мастера Ажи», ризу (даже с иконой) Тихвинской Божией Матери, ризу с Ченстоховской иконы Божией Матери. Последнее я уж и совсем не понимаю: цельность впечатления получают от ризы с иконой, а без иконы риза... совсем не то. Опять же – это исторический памятник, присланный Кутузовым в 1813 году. Почему надо убирать его из Казанского собора?!

Пережил тяжелый момент, когда Ятманов с Бакаевым осматривали собор и, намечая ризы в Эрмитаж, а (за компанию...) иконы для реставрации (какая связь всего этого с помощью голодающим?), подошли к чудотворному образу. Риза, конечно, не могла остановить их внимание, но сравнительная древность иконы заставляла опасаться, особенно ввиду резко проявленной тенденциозности осматривавших. Я объяснил, что это икона – времени Пожарского, что подлинный образ в Казани украден, что «ничего особенного» в смысле иконописном не представляет, словом, всячески старался отвлечь их внимание и поскорее перевести на другие иконы. Удалось кое-как, хотя в этот момент подошел ключарь, и я очень боялся, что он распространится относительно трещины. Тогда не избежать бы реставрации, а может быть, и оставления в музее. То же случилось с чтимой иконой свт. Николая, оставили на месте, заинтересовавшись только ризой...

К окончательному ужасу моему присоединился еще и общий: вчера в «Правде» помещено сообщение об «отречении» Патриарха, проводится параллель между этим и отречением Государя, сообщается, что временно управление Церковью берет на себя группа прогрессивных священников. Надо ждать дальнейших сообщений, чтобы понять происходящее. Но роль Введенского, еп. Антонина и иже с ними – преступна.

6/9мая 1922 г. Пятница, 1 час дня.

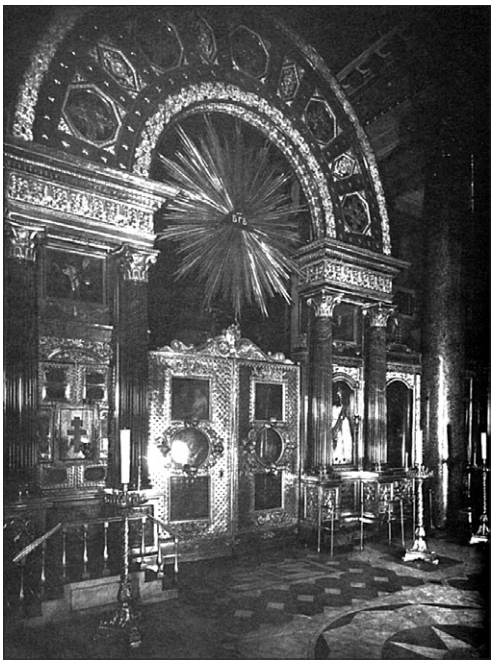
Слава Богу! Наконец, вчера к 5 часам вечера закончили «изъятие», сложили все в нашу кладовую и ушли. Картина неприятная. Народ в значительном числе, любопытствуя, приходил весь вечер, пока я служил всенощную до 8 часов.

С главного иконостаса снято все: остались местами медные посеребренные листы, дерево в отверстиях от винтов и гаек, местами испорченное штыками, проломанное, местами выворочены доски, которые потом, по окончании работ, были восстановлены <... >.

Вчера вечером был у Аксенова, делились впечатлениями и мыслями. Рассказал ему обо всем нашем соборном по порядку. О заключенных – все по-старому, освободили Озадовского. Ко мне приходил Л.И. Гиринский, желающий организовать защиту из православных. Суд вероятен в конце будущей недели. По-видимому, хотят сосредоточить все дела по изъятию ценностей и одновременно к ним присоединить и дело о заключенных членах правления Общества приходов. Расчет такой: тут ничего серьезного нет, там вообще на других можно выехать и в общем соорудить «грандиозный» процесс церковников. Недаром Бакаев говорил мне в соборе, что до 75% священников будут привлечены... <...>

9/22 мая. Понедельник, 12 часов ночи.

Вчера жена заходила к о. Бычкову, только что освобожденному. Говорит, что ему предъявляется обвинение в агитации против изъятия ценностей, в распространении писем Митрополита в Исполком, в участии в заседании Пасхальной недели. Между прочим, спрашивали о том, что говорит прот. Сопетов. Заключенные интересуются, пред-



Казанский собор. Царские врата и иконостас, подарок Всевеликого Войска Донского. Сооружен в память 1812 г. Разрушен большевиками в 1922 году

принимает ли что-либо Правление в отношении их. Жена ответила, что 1) я писал Митрополиту о личном ходатайстве перед Зиновьевым, но безрезультатно, 2) организовал помощь заключенным, 3) организую защиту их. Больше что-либо можно сделать? А правление созывать и нельзя, так как Отдел Управления предполагает закрыть Общество в административном порядке. <...>

11/24 мая. Среда, 10 часов вечера.

Весь день томился ожиданием разрешения открыть собор. Все ничего. Пришел в собор и там ждал. Все было приготовлено для всенощной. Является И.И. Петров и сообщает, что район не имеет права, а в Смольном Бакаева не застал. Я попросил съездить на дом (Галерная, 21–2). Приезжает быстро оттуда и сообщает, что не разрешил и, видимо, недоволен за то, будто бы мы сначала сняли хоругви, а потом вновь поставили их. Я возмутился такой неправдой, и решили трое: я, Сотников и П. Афанасьева – съездить лично объясниться и просить об открытии.

Приезжаем. Принял сурово. Я начал с очевидного недоразумения о хоругвях. «Следственная власть разберет». Я все-таки долго убеждал и, по-видимому, убедил, что ничего подобного не было: рассказал, как я все ждал посылки из района икон для хоругвий, как ждал указаний из отдела Музеев и не дождался, пока не пошел сам отыскивать Котова и предлагать ему на одобрение свой собственный план ремонта.

По вопросу об открытии собора остался неумолим <...>.

14/27 мая. Суббота, 10 часов вечера.

<...> В пятницу, 13/26 мая, был у Митрополита. В лавре, на пути, догоняет о. Лев и сообщает «дурные вести». Митрополит увольняется на покой, приехал Введенский и привез эти вести. Иду дальше. В приемной много народа. Жду. Приходит Преосв. Венедикт. Ухожу с ним. Сообщает тоже: Введенский привез известие, что Митрополит увольняется на покой, ссылается в Олонецкую губернию; сейчас Введенский в лавре у Преосв. Алексия, с которым будто бы ведет переговоры о митрополии. Намечен им и Преосв. Николай.

У Митрополита получил сообщение, что Губкомпомгол меня не принимает: им нужен представитель от «прогрессивной группы Введенского». «Что мне делать?» – спрашивает Митрополит. «Никого не назначать, – отвечаю, – Вы назначили, а если им не угодно, пусть будут без представителя». Заговорили о Патриархе и Временном управлении. Я говорю, что необходимо извещение от Патриарха о назначении им Временного управления: тогда это можно считать каноничным и повиноваться. Заговорили о слухах касательно его самого. «Я не думаю отказываться». «Конечно!» – подтвердил я и, прощаясь, пожелал мужества и твердости.

Выхожу и у дверей встречаюсь с о. Введенским. Поздоровались. «Что у вас нового?» – спрашивает. Рассказываю про закрытие собора и пр. Затем начинает повествовать он, как в Москве он застал 53 человек осужденных. 11 человек к расстрелу, что Патриарх под строгим домашним арестом, арестованы все епископы. Они («группа») добились у Калинина разрешения побывать у Патриарха. Тот встретил их любвеобильно. Пояснили ему затруднительность его положения в управлении Церковью. Он тут же написал заявление на имя Калинина, что в силу своего изолированного положения он передает управление старшейшему из иерархов митр. Агафангелу Ярославскому или Вениамину Петроградскому.

С этим заявлением группа явилась к Калинину. Тот заявил, что в атеистическом государстве для них совершенно безразлично, как Церковь будет конструироваться в смысле внутреннего управления и кто будет управлять. Только будто бы сказал, что Вениамин для них неприемлем, что они отдают его под суд и проч. Один из делегатов съездил к Агафангелу и узнал, что тот не может явиться в Москву в силу нахождения под судом. Тогда они снова («с большим трудом») испросили разрешение у Калинина на свидание с Патриархом и сообщили ему.

Он тогда передал управление Временному высшему церковному управлению в составе еп. Леонида, Преосв. Введенского, Красницкого и других с правом кооптации. И они кооптировали еп. Антонина, который явился председателем ВЦУ. Как бы в некоторое доказательство сказанного он показал мне и «мандат» – удостоверение, написанное на четвертинке «от руки», но печатными буквами (!) за подписью «зампредседателя» – еп. Леонида. Я, читая, заметил, что важно иметь бумагу от Патриарха <...>.

Суббота. Утром писал было письмо Митрополиту о том, чтобы не созывал собрания духовенства и мирян, чтобы не отказывался от кафедры, чтобы настоял на доставлении от Патриарха бумаги и передачи им управления и чтобы никого не назначал в Губкомпомгол. Но... письмо Боря не мог передать – Митрополита не было дома, он был вызван в Ревтрибунал.

Утром староста принес повестку, вызывающую меня на Гороховую 4, к следователю Коршунову, комната № 31. Пробыл там 3 часа. По обычаю пошел, оставив дома часы и проч., будучи готовым даже и сесть. Записал, кто я, что и т. д. О политических убеждениях я говорил, что повинуюсь власти. «Всякой?» – «Да, всякой законной». – «Ну, как Вы относитесь к власти нынешней?» – «Я признаю народную власть». – «Значит, Вы республиканец?» – «Ну, если хотите так определять – да». Так и записал. Затем стал исповедовать по вопросу «о двух оппозициях в церкви». (Вообще, следователь – из очень простых, необразованных, говорит языком страшно тягучим, надоедает слушать.) Как я отношусь к прогрессивной группе, ее программе, ее реформам. Я ответил, что программы этой группы не знаю, вступление ее в высшее управление, если оно есть воля Патриарха, для нас законно; реформы церковной жизни, если они будут проведены законным путем, церковным собором, – также будут приемлемы.

Затем подошли к существу дела. Во-первых, дело в хоругвях. Бакаев сообщил что-то. Спрашивали, получил ли от Бакаева распоряжение о снятии хоругвей 16 мая? Нет, говорили час о снятии риз как «монументальной агитации». Когда сняты они? 24 мая, в 1 час дня, немедленно по получении письменного распоряжения, а до того я все время ждал возвращения икон, чтобы поставить их, не трогал

хоругвей ввиду их большой тяжести. Сколько было богослужений за это время и сколько раньше? – Ежедневно три. Сколько народу посещает? Утром – 20–25, вечером – до 10, в праздники – несколько сот. А в последнее время, возможно, несколько больше вследствие распространившихся слухов о снятии иконостаса. Вот и все...

Собор открыли; народ уже ждал у входа, и сразу началась всенощная. Я простоял половину и, крайне уставши, ушел домой. Обедал сегодня в 9 часов вечера. Приходил ко мне Иван Павлович, сообщил, что из 1-го городского района приходил днем Мичурин и составил акт о закрытии Общества приходов. Аминь. Ликвидировано учреждение, объединявшее приходы, дававшее определенный тон церковной жизни, составлявшее мнение церковного общества Петрограда, бывшее пульсом церковной жизни!

Конечно, спайка внутренняя осталась, связь не порвется, но ввиду событий времени, пожалуй, лучше, что оно закрылось: безопаснее для отдельных лиц <...>.

16/29 мая 1922 г. Понедельник.

Вчера, в воскресенье, служил в Никольском морском соборе. Служили – Владыка Митрополит, Преосв. Алексий, Преосв. Венедикт и были деятели организации двух благочиний под руководством П. П. Мироносицкого. За литургией, после Евангелия, Владыка Митрополит сказал слово о единении и прочитал послание свое к петроградской пастве об отлучении от общения церковного прот. Введенского и священников Красницкого и Белкова, на основании 13-го правила двукратного Собора, как и всех, кто будет продолжать с ними церковное общение, – впредь до раскаяния.

Акт – большой, чреватый последствиями. Во время литургии это послание было переслано Митрополитом в Захарьевскую церковь, где, как говорят, батюшки, послушав, разоблачились и ушли (это было во время причастного стиха), а о. Введенский вышел с чашей к народу и, сообщив о полученном от Митрополита отлучении, сказал, что кто смущается этим, пусть не подходит к св. Чаше, а кто не смущается, пусть приобщается. Толпа отхлынула и причастились только 4 человека. Затем он говорил очень долго слово, в котором оправдывал себя и обвинял Митрополита и, как говорят, вступил вообще на протестантский путь, отрицая важность епископата... Насколько правда это, пока трудно говорить <...>.

30/17 мая 1922 г. Вторник, 3 и 7 часов.

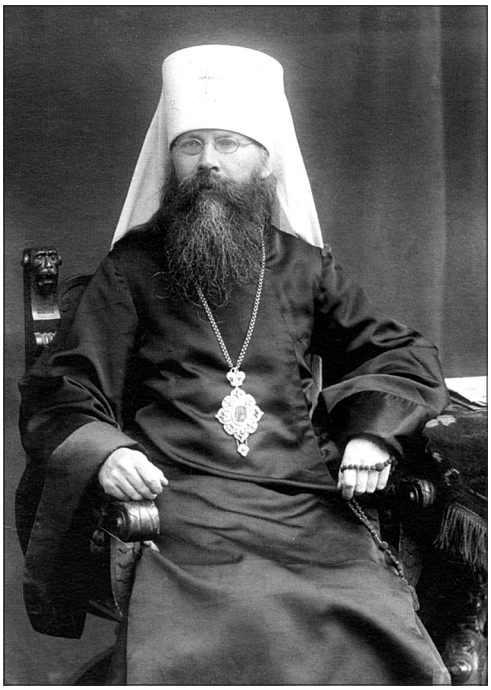
Допрос с 8 с четвертью до 11 часов у следователя Нестерова <…>. Мерой пресечения предъявлен арест в 3-м исправительном доме. Камера – одиночная. Туда же направлены были Союзов и Бычков <...>.

Пришли. Конвоиры славные. Встреча тоже ободряющая: бумагу о нашем аресте от души хлопнул на стол принимавший...

Поместили на ночь в общей камере. Кое-как трое на одной койке без матраца прикорнули. Рано-рано поднялись. Тоскливо <...>.

После обеда нас развели по отдельным камерам. Лучше одному, выспался, можно сосредоточиться, обдумать – что нужно. Сообразил, что и как говорить на суде. Приходил отделенный. Сказал, что привезли поодиночке в автомобилях с Гороховой, в строгое заключение. Ожидается всего будто бы 49 человек духовенства. Хорошо работают прогрессисты духовные! Говорят, Введенский сам приезжал с солдатами арестовать Митрополита!.. <...>

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. 1918 г.



Вечер первого дня.

Последний обход, и все начинает успокаиваться. Спокойствие и на душе. Вчера ночью и утром под влиянием бессонной ночи и впечатлений от предъявленного обвинения в организации противодействия изъятию церковных ценностей – слишком большое обвинение и очень опасное в связи с событиями дня, – чувствовалось большое беспокойство и мрачные мысли приходили в голову: расстрел и мысли о семье, принудительные работы и т. п. Сейчас, когда поуспокоился, обдумал обвинение, спроектировал даже защитную речь, – на душе лучше. О расстреле также продолжаю думать – воля Божия! Жаль только семьи, не вставшей на ноги, жаль жены, не привыкшей жить с детьми в ином – зависимом положении, жаль Веруси, еще совершенно не поднятой на ноги. Господь их не оставит. Направление детей хорошее; Царица Небесная да хранит их! А я, если это Господу угодно, могу идти к Нему. Жизнь прожита не без пользы. Дай, Бог, детям поработать в жизни для общества так же, как работал их отец.

7 июня / 19 мая 1922 г. Четверг.

<…> Сегодня ночью или вчера вечером привезли к нам еще 6 человек, а сегодня еще 6, всего будто бы 12 человек. Есть Дернов; слышал, как вызывали ночью Пищулина. По словам служащего, автомобили по городу все возят батюшек... Все это, по словам о. Союзова (со слов на свидании), чтобы не читали в церквах послания о Введенском, и, будто бы, Нестеров говорил, чтобы посаженные «не пороли горячки», что их изолировали для этой цели. Возможно, только меня-то, вероятно, еще и за Правление. Хотя все-таки

Епископ Гдовский Вениамин. 1910-е гг.

странно – почему не раньше.

По слухам (тоже со «свидания» Союзова), Митрополит низложен, управляет епархией Алексий; Боярский официально примкнул к группе Введенского (вероятно, привезена из Москвы копия резолюции Патриарха). Так дожили до переворота и в Церкви. Как-то все это ею переживется. Беда, если реформаторы перейдут меру и зарвутся. Отпадение от Церкви, постепенное охлаждение к вере – вот к чему может это привести. Атеистической власти, по-видимому, этого и нужно. А наши ей помогают. Ужели сознательно? Хочется думать, что прельщены иными целями – помимо честолюбия – даже своеобразно понимаемым «благом» Церкви <...>.

3 июня / 22 мая 1922 г. Суббота. Утро.

<...> Вчера вечером прочитал номер «Правды» от 2 июня и там одна сплошная ложь: мы выпускали воззвания, организовали на местах ячейки для противодействия властям, влияли на Митрополита!.. При такой бесцеремонной лжи вполне возможна подтасовка и осуждение до самых крайних мер <…>.

Суббота, вечер, около 8 часов.

<...> Леонид Дмитриевич Аксенов пишет, что с ночи на вечер Митрополит, Преосв. Николай и Иннокентий разделяют нашу участь (на Гороховой). Преосв. Алексий снял отлучение от Введенского, дабы облегчить положение заключенных. В частности, ему было обещано мое освобождение. Боюсь надеяться <...>.

Читал по молитвослову вечернюю службу и праздничную, потом псалмы, особенно применяемые в настоящем положении – 22, 41, 90, 26 <...>.

Вчера ночью, в 3 часа, приезжал следователь и вызывал на допрос о. Сергия. Старик испугался. Не мудрено – ночью, будто на расстрел. Как будто нет времени днем приехать! Удивительная тактика!

Все в церквах, а мы воздыхаем одни. Но духом все в Господе...

4 июня / 22 мая 1922 г. Воскресенье. День Св. Троицы. Около 7 час. вечера.

Сегодня день содержательный. Утром после чая прочитал по молитвослову всю литургию. Обдумывал защитную речь. Около 12 часов, когда готовился на прогулку, вызвали на свидание. Пришли Анечка с Ниной Никитиной <…>.

Аня подробно рассказала, что делалось за эти дни.

Вернувшись из Трибунала за вещами для меня, она застала трех субъектов, ожидающих меня с Гороховой. На заявление ее, что я уже арестован, они удивились, оставив красноармейца на кухне «в засаде». Обыска никакого не делали, хотя ордер на это был, и они отметили, что делали. Как объяснил после Бакаев, арест предполагался с Гороховой (вне зависимости от Трибунала), в связи с хоругвями. Засада утром была снята.

Днем Аня с Ниной были у Введенского, который принял их очень любезно, успокаивал, что ничто серьезное мне не угрожает, что если приговорят к принудительным работам, то прогрессивная группа возьмет меня на поруки. Оказывается, Преосв. Алексий уже говорил с Введенским о моем освобождении, указав на то, что он одинок, без советников, и что я своим тактом мог бы объединить обе стороны, и старую и прогрессивную... <...>

Здесь на прогулке увидел – Л. Парийского, И.М. Ковшарова, архимандрита Сергия и П. Левицкого. Дернова не видал. Пищулин и Бенешевич выпущены. Говорят, арестован в Лавре и о. Гурий. Преосв. Иннокентий будто бы не благословил о. Введенского на собрании архиереев в Лавре и теперь сидит за якобы какое-то восстание в Ладожском уезде, и, по словам Введенского, ему грозит самая тяжелая участь, может быть, расстрел. Вот это нехорошо; тут непременно нужно не допустить этого в силу именно личного столкновения <...>.

5 июня / 23 мая 1922 г. Понедельник. Духов день. Вечер.

Проверка прошла, все утихает. Я окончил (исп. текст. – *Ред.*)... Ужинать не хочется. Читал Тургенева, том 7. Думаю над своим положением и прихожу к мысли, как ко благу для меня все делает воля Божия. Даже вот этот арест.

1) На свободе сейчас настолько запутанное положение, и мое было бы так ответственно и рискованно, а натиск со стороны прогрессивной группы так несомненен, что отсутствие нас в данный момент, пока выяснятся обстоятельства, лично для меня – очень удачно: Сам Господь устроил. Жалею Преосв. Алексия. Сколько нареканий придется ему перетерпеть!

2) Самый арест мой в глазах всех меня реабилитирует, иначе могли бы быть всякие кривотолки и подозрения, почему именно и только я не сидел...

3) И все-таки лучше, что я сел сейчас, на какую-нибудь неделю, и именно на это время, а не раньше, со всеми, надолго, и когда многое еще было неясно.

4) И лучше, что меня арестовал Трибунал, а не Гороховая <...>.

5) К лучшему вышла и вся эта неприятная история с Бакаевым: он указал меня и про меня, и даже может оказать содействие, может быть.

Как все в конце концов и неприятное, и как будто скверное получается мудро ведущим ко благу. Поистине, слава Богу всегда за все, что бы ни случилось, ибо и дурное на наш взгляд, надо верить, всегда идет к нашему благу. Это несомненно, это верно.

24 мая / 6 июня 1922 г. Вторник. Около 7 часов вечера.

...Сегодня прочитал послание еп. Алексия. Указывает на новые факты, вследствие которых подверг дело о Введенском пересмотру и снял отлучение. Тем не менее, по сообщению жены, вчера в Богословском институте было собрание духовенства Петрограда, на котором была вынесена резолюция:

1) Признать законность преемства еп. Алексия.

2) Поручить ему выяснить у Патриарха – полномочия Временного Высшего управления.

3) Поручить ему получить от Митрополита письменное выражение его взгляда на снятие Алексием отлучения.

4) Заявить лояльность и аполитичность духовенства и его непричастность к Карловацкому Собору.

5) Ходатайствовать пред Советской властью о взятии на поруки Митрополита и арестованного духовенства.

Как видно из резолюции, все-таки вопрос и после послания еп. Алексия взволновал. Да и конечно, все дело в документе от Патриарха. И я удивляюсь, что до сих пор Высшее управление не могло достать его <...>.

8 июня / 26 мая 1922 г. Четверг. 9 ч. вечера.

Сегодня утром вручили обвинительный акт. Целиком помещено мое показание. Нас 16 человек обвиняют сильно, других меньше, иных совсем слабо. Перемешаны и сбиты в кучу все: и организаторы, и агитаторы, и скрыватели... В общем, очень слабый акт, но статьи строгие: высшая мера наказания – расстрел <…>.

9 июня / 27 мая 1922 г. Пятница. 10 ч. вечера.

Сегодня гуляли с двумя очередями. Я больше с отцом архимандритом Сергием – больше общего. Приходили ко мне Боря и Веруся.

Сообщили, что был Чепурин и рассказал, что следователь его спрашивал, насколько я близок к Митрополиту и влиянии на дела. Тот ответил, что – земляк и естественно близок, но что собственных дел у меня много и едва ли есть время заниматься сторонними. Спрашивал также, почему он, Чепурин, близок ко мне; известно, что в день ангела подарил мне 20 миллионов (!). Тот ответил, что не подарил, а поднес в день юбилея на Богословский институт и что вообще меня очень уважает.

Удивительная осведомленность. Меня, очевидно, подозревают во влиянии на Митрополита, отыскивая автора его обращений. Как удивительно ошибаются! <...>

Получил сегодня от Леонида Дмитриевича текст 62 и 119 статей, по которым мы привлекаемся. Статьи ужасные. 62 – влечет высшую меру наказания с конфискацией всего имущества; допускается при смягчающих обстоятельствах понижение до 5 лет строгой изоляции с конфискацией. При неосведомленности участника о конечных целях – 3 года.

119 статья – тоже высшая мера при военной обстановке, а иначе 3 года или, при неустановленности контрреволюционной цели, – 1 год.

Узнал и точную резолюцию Патриарха на доклады Введенского, Красницкого и Белкова об образовании ВЦУ и о современном положении Церкви.

Она такова:

«6/19 мая 1922 г. Поручается поименованным лицам принять и передать Высокопреосв. Агафангелу синодские дела при участии столоначальника Невского. Патриарх Тихон» <...>.

11 июня / 29 мая 1922 г. Воскресенье. Около 10 ч. утра.

Вчера был первый день суда, возвратились поздно, уставшие, и я, наскоро позакусив, уснул, отложив запись на сегодня. Официально суд назначен был в 3 часа дня; начался еще позднее, а между тем, нас направили из тюрьмы (пешком, под конвоем) в 10 часов утра. Погода прекрасная, шли тихо (из-за сердечной болезни о. Союзова). По пути иные незнакомые кланялись, иные крестились, иные грустно качали головой, иные даже плакали. На площади перед зданием бывшего Дворянского Собрания уже собралась порядочная толпа, встретившая нас цветами (мне передали цветы и булку). Шум, плач. Увидел нескольких своих прихожан и взволновался.

Провели в общую. Там уже Митрополит и Преосв. Венедикт, которых привезли в автомобиле. Поздоровались. Несколько поговорили. Стали приходить из других тюрем, с «воли». В конце концов набралась целая комната....

Явились защитники, распределившие роли и подзащитных, беседовали с нами. Я с Юрием Петровичем попал к Гиринскому, который никаких указаний пока не озаботился дать<...>.

Явился суд, и начались предварительные формальности, отнявшие полдня. Всего 87 человек обвиняемых, 15 человек защиты, 4 обвинителя (Красницкий, Красиков, Лещенко и Драницын). Опрашивали каждого, и т. д.

Митрополит Венеиамин и помощник секретаря канцелярии митрополита Л.Н. Парийский. Фото 1918–1922 г.

Пока все шло прилично. Выделяются некоторые из адвокатов, как говоруны. Наш – слабоват, кажется. В один из перерывов, увидев Боярского, я коротко передал ему совет: непременно озаботиться получением полномочий от Митр. Агафангела. Он, по-видимому, уже думал об этом, потому что сразу сказал: «Да, да, хорошо». Это было бы примирение и некоторое разрешение вопроса, который, собственно, стоит в тупике и чреват большими последствиями: при неканоничности ВЦУ духовенство будет разделяться в его признании, а отсюда – раскол среди духовенства, раскол среди прихожан, соблазны, аресты и преследование непринимающих и многое тому подобное...

Окончилось все в девятом часу. Но мы до 10 часов толкались еще в комнате: все ждали автомобилей, ибо народу на улице – масса и идти – была бы манифестация. Говорят, Введенскому, который вышел из суда, толпа поранила камнем голову. Это скверно. Я говорил свободным священникам, чтобы в церквах сказали о вредности подобных эксцессов <...>.

13 июня / 31 мая 1922 г. Вторник. 8 ч. утра.

Вчера предполагали выехать в 10 часов, но из-за автомобиля вышли только в 11 часов и уже на полдороге сели. Суд начался около 1 часа и продолжался до 8 часов. Читали обвинительные акты, потом был опрос, признаем ли мы себя виновными, а затем в 6 часов 25 минут приступили к допросу Митрополита и допрашивали ровно час. Несомненно, не кончили и будут еще сегодня продолжать. На все вопросы он отвечал спокойно и дельно, никогда не запутывая. Сущность ответов сводилась к тому, что он всегда власти подчинялся, стараясь постоянно быть в общении с паствой, он осведомлял и осведомлялся в Правлении, письма свои в Помгол оглашал к сведению, писал их сам... Председателю очень хотелось особенно сбить его на двух пунктах: сам ли он составлял и не было ли инспирирования от Правления, и не было ли распоряжения о распространении <...>.

14 / 1 июня 1922 г. Среда. 9 ч. утра.

Вчера поздно вернулись. Целый день мучили допросами Митрополита и только вечером, около часу, Юрия Петровича Новицкого.

Допрос Митрополита производили и суд, и обвинение, и защита. Приехавший из Москвы Смирнов (от обвинения) вел себя настолько хулигански, так издевался, так был настроен разбойнически, что я удивлялся терпению Митрополита. Защитник в одном месте прервал и указал на оскорбительность. После этого несколько тише стал <...>.

Юрий Петрович Новицкий очень подробно и хорошо осветил всю работу Правления. Что-то покажет сегодняшний день? Возможно, что после Новицкого могут вызвать меня, как товарища. Помоги, Господи!

15 / 2 июня 1922 г. Четверг. 10–11 ч. утра.

Вчера опять очень поздно приехали, около 11 часов вечера. Почти целый день допрашивали Ю.П. Новицкого. Потом Елачича. Первый – хорошо, второй – слабо показывал. Сегодня, пожалуй, меня. Как поможет Господь! Дал Гиринскому целый ряд вопросов для себя, чтобы на них я выявил все необходимое для своей защиты. Только неудачный защитник: размазня, вопросов кратко ставить не умеет и это все впечатление портит.

Обвинители несколько стихли, хотя иногда проявляют хулиганские выходки. Как-то поможет мне Господь?!

В суде масса передач, все что-нибудь дают. Третьего дня масса народа стала ждать выхода Митрополита и, увидя его, запела молитву. Курсанты окружили, и всех, около 700 человек – на Шпалерную. Часть выпустили, часть – на принудительные работы... Вообще вечером, при нашем возвращении, по улицам масса войск и конных разъездов. А процесс – выеденного яйца не стоит.

16 / 3 июня 1922 г. Пятница. 10 ч. утра.

Вчера допрашивали меня. С утра продолжался допрос Елачича – слабо. Потом Ковшарова – порядочно, продолжался 2 с половиной часа. Затем блестяще прошел допрос Бенешевича, он поочередно своими ответами «усадил в лужу» каждого из четырех обвинителей, так что даже московские гастролеры стихли. Зал ожил, настроение приподнялось. В конце 8-го часа вызвали меня и полтора часа допрашивали. Волнуясь до допроса, я на самом допросе чувствовал себя совершенно спокойно, отвечал громко, с достоинством, уверенно, с обвинителями даже по временам резко, не давая спуску ни одному из их замечанию <...>.

17/4 июня 1922 г. Суббота. 10 ч. утра.

Вчера пропустили довольно много. Особенно обрадовались обвинители, когда заполучили такого зверя, как архимандрит Шеин – действительный статский советник, член Думы, член Собора, националист. Драницын имел нахальство спросить, по внутренним ли искренним побуждениям он пошел в монахи. На это о. Сергий ответил: «Я считаю подобный вопрос для себя оскорбительным». Как ни возились, но ничего в сущности поделать не могли. Да и вообще, как выясняет следствие, ничего серьезного не вырисовывается.

Мое выступление накануне описано в «Правде» совсем не по правде; пристрастие настолько беспардонно, что я не ожидал: вместо того смелого, открытого и ясного выявления всего хода дела, какой я сделал, тут отпечатано, что я и смущался, и не отвечал, и «расплывался туманно» и т. п. Можно врать, но говорить совсем противоположное как будто и для советской «Правды» должно было бы быть зазорно <…>.

10 ч. вечера.

<...> Защитники (особенно Гуревич) очень умело ставят вопросы и освещают истинное положение дела. Конец сегодняшнего заседания оказался чрезвычайным. Говорил Кедринский. Пытали его, пытали, а в конце концов, когда речь зашла о «Живой Церкви» и отношении к ней, он взял да и выложил дословно фразу, сказанную Введенским на пастырском собрании, о том, что расстрел 5 священников в Москве был ответом на его отлучение, а здешний процесс в исходе будет зависеть от нынешнего пастырского собрания.

Поднялась суматоха, тем более, что Кедринский сейчас же дал такое освещение делу, что это – клевета на Советское правительство. Слова занесли в протокол, обвинение

заговорило о необходимости допроса Введенского, и т. д. Суд ушел для совещания, совещался полчаса. Обвинители вышли оттуда с видом, свидетельствующим о больших дебатах. Решено допросить – в свое время. Хорошо, что клин вбит в дело огромный.

18/5 июня 1922 г. Воскресенье. Около 8–9 ч. вечера.

Сегодня отдых; время проводим в тюрьме, отдыхая от сутолоки, табачного дыму и волнений, вызываемых нашими обвинителями, из которых Смирнов – какой-то дегенерат, нахал и по натуре и по виду – палач. Другой – Красиков, говорят, бывший помощник присяжного поверенного, алкоголик, пропивший совесть и потерявший стыд. Третий, Драницын – из духовного звания, бывший преподаватель, теперь «красный» профессор, дурак порядочный, чванный и тоже бессовестный. Четвертый, Крастин – наиболее приличный и приемлемый из всех <…>.

20/7 июня 1922 г. Вторник. 10 ч. утра.

Сегодня по случаю памяти Володарского и манифестации суда нет и мы свободны <...>.

Вчера суд продолжался целый день. С Правлением и благочинными покончено. Начались более мелкие дела. И подчас удивляешься, для чего люди привлечены, томятся по два месяца в тюрьме, часть из-за какой-нибудь глупой фразы, а то и вовсе без всякой причины.

Печальное зрелище представляют на суде наши старцы, вроде о. П. Виноградова: ничего не помнит, все перепутано, ничего не соображает. А тут еще Красиков специально занят только тем, что сбивает, не дает точно ответить, перебивает вопросы, а Смирнов расширяет смысл ответа, не дает уточнить. Словом, подтасовка и передержка идут во всем... И это-то называется отысканием истины!

Вчера узнал, что по распоряжению из района запрещается какое бы то ни было преподавание Закона Божия до 18 лет: беседы, лекции и проповедь – по представленному за три дня подробному конспекту (а проповеди – как было сказано на словах – и совсем); запрещаются без разрешения проводы покойников; требуется срочное представление описей оставшегося имущества; ежемесячное представление средней посещаемости мужчин, женщин и детей в церкви и ежемесячная отчетность о количестве браков, рождений и погребений. Словом, – стеснение до гонения, и это вопреки смыслу декрета об отделении Церкви от государства. Где же Введенский видит «блестящие перспективы» для Церкви при ее аполитичности и лояльности. Ведь и на «новую» – «Живую Церковь» так же будет распространяться это запрещение проповеди Закона Божия... Приходится только молиться и назидать богослужением <...>.

…Рассказывают невероятные вещи о поведении Белкова. Он с компанией явился к Преосв. Алексию с заявлением, что они – члены епархиального управления. Алексий на это заявил, что он никакого епархиального управления не знает, его не утверждал и на него не согласен. Произошло объяснение. При ссылке Алексия на верующий народ, с которым надо считаться. Белков заявил: «Духовенство мы подвергнем апробации, а народ – черт с ним!» Вот пастыри! Вот новая – «живая» Церковь. Как характерный штрих вчера сообщали из верных источников, что в распоряжение Белкова через Смольный переведено из ЧК 100 миллионов.

23/10 июля, 1922 г. Пятница. Утро.

Вчера много пропустили подсудимых; иных спрашивали по 4–5 минут; к иным обвинение не нашло возможным ни одного вопроса предложить. Люди томятся по 2–3 месяца в тюрьме, а обвинение в конце концов не знает, что им предложить. Обнаружились кошмарные вещи: хватали направо и налево, кого вздумается, били рукоятками револьверов ни в чем не повинных людей, ругали отборной руганью только за то, что человек крестился на церковь, и т. д.

Жена сообщила вчера, что 62-я статья с меня снята будто бы, по словам Гартмана. Все-таки не улыбается сидеть 1–3 года в тюрьме без всякой вины <...>.

27 / 14 июня 1922 г. Вторник. 9 ч. утра.

Вчера в суде было дело с большими инцидентами. Допрашивался свидетель проф. Н.М. Егоров. Рассказал все прекрасно и обвинению не дал ничего. Обмолвился лишь в конце и, как оказалось, сам не сознавая, о воззвании к массам, о котором будто бы было решено на собрании 11 марта у Аксенова. Обвинение отождествило это с вторым письмом, и ввиду того, что Егоров был причастен всему делу приговоров, обвинило его и в активном участии в преступной организации и привлекло к суду, настояв на заключении под стражу. Сколько ни протестовала защита о невозможности такого рода перемены свидетеля в подсудимого, о терроре над священниками, ничто не помогло, и – Егорова арестовали.

Вторым допрашивался Заборовский, показывал хорошо, изложил всю правду относительно посещения Смольного, своей лекции. Обвинению тоже не дал никакого материала. Но в конце что-то намудрил относительно контрреволюционности в Церкви Русской, и хотя Гуревич его вывел потом

Святейший Патриарх Тихон и митрополит Вениамин с группой петроградского духовенства и мирян. 1918 г.

С.-Петербург. Здание б. Дворянского собрания (ныне – Государственная филармония), где проходил процесс 1922 г.

и заставил объясниться, что он разумел Карловацкий Собор, но обвинение все-таки зафиксировало эту «контрреволюционность» Церкви в своих видах.

В конце произошел печальный инцидент. Обвинитель Смирнов (московский), нахал и хам, из булочников, натаскавшийся говорить, хотя и с большими неправильностями («деяния, кодекс, в целях»), конечно, не воспитан и не разбирается в выражениях. Гуревичу он бросил обвинение в передергивании: тот, как и вся защита, протестовал, но ему все нипочем. Он не понимает оскорбления, заключающегося в этих словах, не понимает даже, что этот термин шулерский, как объяснил ему Бобрищев-Пушкин, и в сознании своей «невинности» нагло отстаивал свою правоту и свое право и в будущем прибегать к таким же терминам. Что поделаете с такой публикой...

Суд – сами коммунисты – конечно, в силу партийной дисциплины поддерживает своего, и вот – «справедливость»!.. Где тут святое имя правды? Возможно ли беспристрастие? И можно ли даже думать о том, что наша невиновность может обнаружиться на подобном суде?.. Конечно, нет. Совершенно ясно, что мы все, без тени вины, будем осуждены и осуждены жестоко, как враги пролетариата.

И это я, я – вышедший из народа, сам все лучшие годы жизни употребивший на служение народу, на его просвещение...

Ну, значит, так надо для целей высших. Да будет воля Божия! <...>

7 июля / 16 июня 1922 г. Суббота. Утро.

Вчера нас позорили. Нарочно вход был без билетов, нарочно привели и командировали коммунистов на речь Смирнова. Этот московский гастролер ругался, кричал, стучал, грозил, в конце концов охрип. Кажется, натащил все ругательства. И лжецами, и обманщиками величал, и трусами, и чего-чего только не нашел в нас. Меня обличал в лицемерии и не простил мне правдивого и развязного тона, сказав, что я самым беспардонным, бесшабашным образом пытаюсь доказать то-то и то-то... В конце концов, разобрав Патриарха, Митрополита, Новицкого, Ковшарова, Шеина, Огнева, Чельцова, меня, Богоявленского, Карабинова, Зинкевича, Преосв. Венедикта, Петровского, Бычкова, Бенешевича, Парийского и Елачича, требовал ко всем этим 16 человекам высшей меры наказания. Половина зала аплодировала (что несколько раз делалось и во время речи). Председатель для виду позванивал и тихонько предупреждал о непозволительности аплодисментов… <...>

Крастин обвинял 54 человека. Говорил удовлетворительно, хотя не по-ораторски. Неожиданно я удостоился от него комплимента, который потом повторял и Жижиленко. Говоря об организации, Правлении, он приводил, какими силами кто обладал и – если бы эти силы пошли на другое дело, на службу народу?! «Вот Чуков – человек высокого ума, блестящий оратор, так тонко и красиво умевший показать здесь перед Трибуналом ход дела, что когда он садился на место, я задал себе вопрос, да за что же обвиняют этого человека?.. И вот такими силами обладала эта организация»...

После, вечером, Гиринский сообщил мне, что он беседовал с Крастиным и спросил, как понимать его – в худую или хорошую сторону? «Как угодно, – ответил он и добавил: – Вот действительно светлая личность, вот кому бы быть митрополитом, тогда не было бы таких процессов»... Вот где нашел себе почитателя и защитника!

Сегодня речи защитников, а там и наше последнее слово.

Вчера определенно сказал некоторым священникам – Тихомирову, Петровскому, – что ради спасения Церкви надо признать ВЦУ, надо принять резолюцию благочинных, надо войти в новый строй церковный. Просил пропагандировать <…>.

3 июля / 20 июня 1922 г. Понедельник. Утро.

Вчера суд продолжался с 12 до 7 часов. Выступали защитники <...>.

Новицкого и меня Равич очень хорошо защищал: без излишеств в существенном, но ярко. В конце концов признал, что меня не за что судить, что в Правлении я – «блестящий оратор», никогда не выступал («рта не раскрывал»), что 11 марта Владыка пригласил случайных лиц и в том числе меня, очевидно, разделяя взгляд обвинения на меня, как человека «высокого ума».

И больше о Правлении мне нечего приписать. Как священник, я честно и прямо сказал, что вывесил первое письмо, но указал и цель, и обстановку, и дальше ярко нарисовал, как я вел все дело для выполнения декрета. Как все духовенство, я был между молотом и наковальней, и надо было очень мудро провести это дело, «что и сделал». В результате не в чем обвинять <...>.

5 июля / 22 июня 1922 г. Среда. 1 час дня.

Вчера с утра отвечал Гуревич на реплики обвинителей, сказал сильно и красиво. Затем было предоставлено «последнее слово» подсудимым. Владыка сказал просто и хорошо. Ю.П. Новицкий предложил себя в жертву, если она нужна, чтобы не гибли другие. Бенешевич хорошо ответил Смирнову. Я очень горячо и с волнением сказал свое, так что когда сел, то сразу ударило в голову и началась сильная мигрень, продолжавшаяся до позднего вечера, пока в тюрьме не принял пирамидон. Так что с трудом слушал

дальнейшие речи, из которых Кедринского и Акимова были удивительно неуместны: говорили о плодотворности своей пастырской работы, забывая, что эта-то работа коммунизму и нежелательна...

Перерыв до 6 часов вечера сегодня. Суд удалился на совещание. Забрали в тюрьму и всех тех, кто был на свободе. Защита готовится к выезду в Москву для перенесения дела в Кассационный трибунал, несмотря на то, какое будет вынесено решение, потому что вообще нет состава преступления <...>.

6 июля / 23 июня 1922 г. Четверг. 8 ч. утра. 1-й исправдом.

Совершилась великая несправедливость: мы – 10 человек – осуждены на расстрел...

Взяли нас из 3-го исправдома в 3 часа дня. Ждали мы до 9 часов вечера. Защитники приходили много раз, успокаивали, советовали «не бояться бумаги», «не бояться сегодняшнего дня», убеждали, что «окончательный итог будет более или менее благополучен»...

Наконец, в 8 3/4 часа вечера нас пригласили в зал. Там была масса народа, много охраны. Мы на этот раз тоже вышли не как обычно, а сначала во главе с Митрополитом духовенство, потом миряне...

Трибунал долго читал обвинительный приговор. Уже по началу, по мотивировке было видно, что осудят. Вопрос был только в том, кого и как. Наконец, председатель дошел и до этого. Сначала обмотивировал отдельно – Владыку Митрополита, Новицкого, Ковшарова, Богоявленского и Чельцова. Потом перечислил сразу всех других – Чукова, Плотникова, Елачича, Огнева, Шеина, Петровского и Бычкова, и в качестве обвинения указал, что мы: 1) составляем активную группу членов Правления, 2) принимали активное участие в Правлении, 3) разрабатывали там вопросы о противодействии изъятию церковных ценностей, с целью возбуждения народных масс до ниспровержения Советской власти. И в заключение – сообщил определение Трибунала, что Митрополит, Новицкий, Ковшаров, Богоявленский, Чельцов, Чуков, Плотников, Елачич, Огнев и Шеин – подлежат высшей мере наказания – расстрелу. Другие – кто на 5 лет (Парийский), кто на 3 года (Бычков, Союзов, Кедринский), кто на 6 месяцев. И целая большая группа, в том числе Бенешевич, Карабинов и Зинкевич – или оправданы, или осуждены условно (как Левицкий) и отпущены на свободу.

В зале заседания истерика. Трибунал добавил еще о 48-часовом сроке и прочее тому подобное, и удалился, а нарочно приглашенные разные члены коммунистических курсов и т. п. стали неистово аплодировать смертному приговору! Боже! Надо потерять все высшие человеческие чувства, чтобы приветствовать осуждение на смерть... Вот что воспитывает в массах коммунизм, хвалящийся идеями равенства и братства! Воспитывает чувство гнева и ненависти, отравляет ими нацию (с той и другой стороны), и думает, что этим путем достигается благополучие!.. <...>

В зале были Аня, Коля и Боря. Я знаками показывал Анечке держаться твердо. Но, по-видимому, от нее исходил потом крик «папа, папа», когда мы пошли уже в свою комнату. Бедная девочка! Бедные, дорогие мои! Как им тяжело переживать все это! Я сам спокоен, совершенно спокоен, потому что на совести нет ничего преступного, потому что знаю, что я совершенно невиновен в том, в чем меня обвиняют, что даже стыдно получать ореол какого-то мученичества за то, что ничего не сделал... <...>

Нас – «смертников» – взяли отдельно и отвезли новой дорогой в 1-й исправдом. Сопровождали два автомобиля – с вооруженными солдатами и чекистами. Здесь нас записали, опросили, обыскали и усадили в камеры смертников, в первом этаже, по двое. Мы – с Юрием Петровичем.

Вот провели и первую ночь. Беседовали об этом кошмарном деле, о всей искусственной его вздутости, о полной

Процесс Петроградского духовенства. На судебном заседании при оглашении приговора. 5 июля 1922 г.

невиновности, о бесполезности всей процедуры суда: ведь в обвинительном приговоре упомянуто все, что опровергнуто показаниями, сохранены даже все опечатки и ошибки в датах, в наименовании отдельных лиц (Богоявленский – «благочинный, распространявший по своему благочинию письма Митрополита»!) Словом, полное невнимание ко всему, выявленному в пользу подсудимых, и, наоборот, внесение в приговор того, что не в их пользу – с точки зрения обвинения, – это членство в думе Шеина, сенаторство Огнева и тому подобные глупости, которыми, хотя бы для виду, надо было вздуть обвинение и процесс.

Положительно не ожидал подобного пристрастного одностороннего отношения Трибунала. Зачем тогда было создавать процесс, вести его 25 дней? Инсценировать подобное «правосудие»? Как это недостойно, как это унижает власть… <…>

Первые дни после приговора. Перевод на Шпалерную.

<...> Утром из дому (6-го) мне принесли передачу и вещи из 3-го исправдома (я из суда написал об этом жене заранее), установили кровать, и мы зажили... Сразу же предложили каждому из нас написать «кассацию» в Верховный трибунал, потом принесли копию приговора, который мы по очереди и читали. Прошла и вторая ночь. Наступила пятница, 7 июля / 24 июня. Мы уже поуспокоились. Я записал в дневник все свои впечатления и думы, свои завещания и прощальные пожелания и, кстати, все свои бумаги и дневник отправил с обратной передачей домой, решив пока ничего не писать. И хорошо сделал, как потом оказалось.

Не успели мы пообедать, как появился отделенный Демин и предложил нам собирать вещи и отправляться. Куда? – Неизвестно. Юрий Петрович несколько растерялся, спрашивает: «На полигон? Но ведь днем не возят туда, да и 48 часов еще не истекло, да и кассация подана»... Демин сначала как будто сказал «нет», потом, видимо, сам растерянный, не знал, что говорить. На вопрос Юрия Петровича «брать ли вещи?», даже сказал: «Да оставьте вещи». Видимо, думал, что уже все кончено... Я тем временем собрал все свои вещи, сложил частью и вещи Юрия Петровича, завязал. Пришлось торопиться, ибо Демин все понукал. Наконец, все собрано; вышли. Оказывается, комендант Трибунала в закрытом автомобиле приехал, чтобы перевозить нас всех по двое на Шпалерную <...>.

Петрозаводск. Старый Воскресенский и новый Свято-Духовский соборы. Фото 1910-х гг.

Привезли. Сняли в канцелярии опрос и направили нас в «особый ярус» к отделенному. Тут нас раздели, тщательно обыскали, пересмотрели все вещи со всею скрупулезностью, сняли все неполагающееся: лекарства, карандаш, бумагу. Конечно, ножницы и нож, и мы простились с Юрием Петровичем. Он дважды благословился у меня, расцеловались. «Ну, дай Бог встретиться при более благоприятных обстоятельствах», – сказал он, и мы расстались...

Меня отвели в 134 камеру. <...>

Слышно было, как приводили и рассаживали по камерам остальных. Но я так и не узнал, в какой камере кто поместился, кроме о. Сергия, о котором случайно узнал, что он в 138-й. Наступила ночь. Прошло ведь 48 часов со времени произнесения приговора. Возможно приведение его в исполнение. И вот при каждом шуме на коридоре, при каждом громком приближении шагов, – ждешь, не к тебе ли, не за тобой ли? Не на полигон ли? Жутко было. Особенно было больно и тяжело, что даже и тела не найдут родные, даже и места знать не будут, не придут, не помолятся над могилой <...>.

Так часов до 2-х ночи тревожно лежал я, ожидая каждую минуту, что откроют дверь и – позовут...

Я знал, что отвозят на полигон только около полуночи. Потому под утро я уже засыпал спокойно, зная, что на эту ночь чаша сия пока миновала...

Так прошла первая ночь на Шпалерной. В субботу, 8/25, утром принесли и дали под расписку печатный экземпляр приговора, которым и занялся. После обеда вдруг неожиданно к форточке подбегает потихоньку один надзиратель (кажется) и сообщает по секрету: «Приговор остановлен, расстрела не будет, из Москвы получена телеграмма; только никому ни слова, здесь каждый шаг известен». И скрылся... Господи, какие слезы благодарности я пролил пред иконой, что еще не погибла надежда, что еще возможна жизнь для семьи, для Церкви... На душе стало спокойнее <…>.

14/1 августа 1922 г.

Мы сидим в строгой изоляции, и потому все время проводим в камере, лишены прогулок, книг, газет и даже пользования карандашом и бумагой <...>.

Некоторое разнообразие вносили понедельники и пятницы, когда приходила «передача». «Передача» эта обыкновенно доставлялась нам к вечеру, иногда часов в 7–8. Сначала мне ее приносили, а потом вдруг стали приглашать за ней самого. Тут я догадался, что в судьбе моей, вероятно, произошла перемена. Это и подтвердилось: 20-го июля (старого стиля), вечером, какой-то незнакомый надзиратель открывает форточку и сообщает по секрету, что нас 6 человек помиловали, а о 4-х еще неизвестно... Добрая душа <...>.

25/12 августа 1922 г.

Со вторника, 22/9 августа, мы уже не на Шпалерной, а в Пересыльной, на совершенно новом положении <...>.

Рисунок, сделанный протоиереем Николаем Чуковым в заключении на основании бывшего ему видения в ночь на 13 августа н. ст. 1922 г. перед расстрелом митрополита Петроградского Вениамина и иже с ним убиенных архимандрита Сергия, проф. Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова

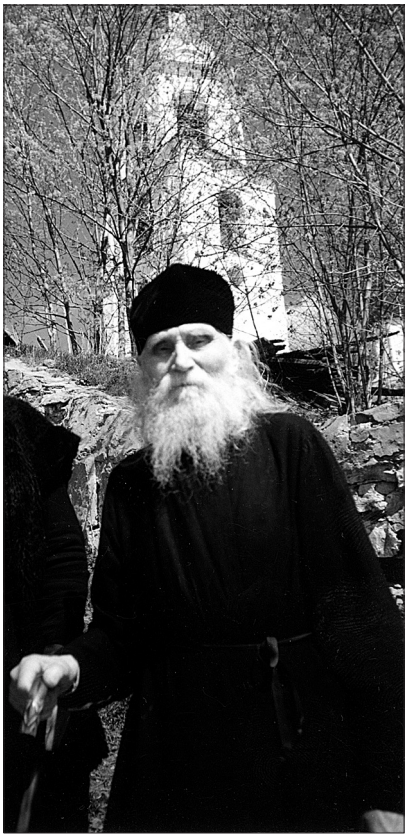
14/1 августа, в понедельник, около 5 часов помощник начальника Бекетов приходит в камеру и читает, что по представлению Верховного трибунала Президиум ВЦИК заменил расстрел заключением на 5 лет. Конечно, радость понятна, но сейчас же хотелось узнать, всем ли 10 человекам это заменено, или нет. Вечером, при передаче, справился у надзирательницы, объявлялось ли Новицкому и Митрополиту; оказывается, что их уже нет с субботы... Где?.. Тут я вспомнил, что около 11 часов вечера в субботу я слышал, как кого-то выводили из камер наших, как один кто-то очень долго справлялся. Вероятно, тогда их и взяли...

Письма из родной Олонии в большинстве случаев шли с оказией. Так, у прот. Н.К. Чукова дома осталось несколько писем, отправленных из Петрозаводска для передачи Владыке Вениамину в конце мая 1922 года. Приходской Совет Свято-Духовского Петрозаводского кафедрального собора в лице прот. И. Машезерского, по благословению Пресвященного Евфимия, епископа Олонецкого и Петрозаводского, «усерднейше просил» владыку Вениамина и прот. Н.К. Чукова с супругой, одного проповедника и одного протодиакона из Петрограда (по усмотрению Владыки) прибыть 12/25 июня 1922 г. на торжества пятидесятилетия со дня построения и освящения собора. Принять участие в молитвенных торжествах в Петрозаводске адресаты не могли; как видно из текста дневника, который митрополит Григорий писал в камере смертника, оба были уже в ведомстве на Гороховой...

© Александрова Л.К., 2004

Редакция извещает читателей журнала о том, что опубликованные в выпусках 21–22 и 28–29 «С.-Петербургских Епархиальных ведомостей» статьи А.В. Воронцова «Академик Б.А. Тураев, староста университетской церкви» и «Братство Св. Софии» составлены по материалам дневников митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), принадлежащих наследникам Владыки Григория, и приносит им свои извинения.

ПОСОШНИК СВЯТИТЕЛЯ ВЕНИАМИНА



Гдовский уезд С.-Петербургской губернии является родиной приснопамятного протоиерея Николая Гурьянова (1909–2002). Родился будущий старец 24 мая 1909 года в дер. Чудские Заходы Ремедской волости, Самолвинского (Кобылье-Городищенского) прихода Гдовского уезда Петербургской губернии в благочестивой семье купца Алексея Ивановича Гурьянова и его супруги, Екатерины Стефановны. Любовь к храму и церковному пению была присуща всем членам его семьи. Отец был регентом церковного хора; старший брат, Михаил Алексеевич Гурьянов, преподавал в С.-Петербургской консерватории. Младшие братья, Петр и Анатолий, также обладали музыкальными способностями, но о них осталось мало известий. Все трое братьев погибли на войне. Будущий о. Николай принял святое крещение в Михаило-Архангельском храме погоста Кобылье Городище. Крестил его настоятель храма священник Сергий Баташев. При следующем настоятеле – протоиерее Константине Григорьевиче Туманове (1865–?), служившем там с 1914 года, Николай стал прислуживать за богослужениями в алтаре. Перед революцией Самолвинский (Кобылье-Городищенский) приход посещал будущий священномученик митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, в ту пору викарный епископ Гдовский (документально известно о посещении им прихода в 1915 году). Он благословил отрока Николая, державшего за богослужением посох святителя и подарил ему свой крест. В 1926 году Николай закончил Гатчинское педагогическое училище, а в 1929 году получил неполное педагогическое образование в Ленинградском Педагогическом институте, из которого был исключен за то, что на собрании высказался против закрытия одного из близлежащих храмов. Некоторое время после отчисления из вуза он исполнял обязанности псаломщика в Никольской церкви пос. Ремда на своей родине, а в 1929 году был арестован и отправлен в ссылку, которую проводил на Украине, в одной из деревень Киевской области. Здесь он был арестован вторично, вероятнее всего, за продолжение церковной деятельности. Его отправили в Ленинградскую тюрьму «Кресты», а оттуда – в Сыктывкар, в исправительно-трудовой лагерь. Выйдя из заключения в 1935 году, Николай работал учителем (преподавал математику, физику и биологию) в школах Тосненского района, так как в городской прописке ему было отказано. Во время войны он не был мобилизован из-за болезни ног, которые повредил себе шпалами на работах в лагере. После того как Тосненский район был оккупирован немецкими войсками, Николай вместе с другими жителями был вывезен немцами в Прибалтику. Здесь, в оккупации, 8 февраля 1942 года в Христорождественском соборе г. Риги он принимает сан диакона, а через неделю – 15 февраля, на праздник Сретения, – рукополагается во пресвитера в том же соборе экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским). По принятии сана священника отец Николай был отправлен для служения в Свято-Троицкий Рижский женский монастырь, где прослужил до 28 апреля 1942 года. После этого он был переведен в г. Вильно (литовск. – Вильнюс) и определен уставщиком при Свято-Духовском мужском монастыре. В обители батюшка принимает постриг в рясофор без перемены имени и готовится к постригу в мантию. (Иноческий постриг над ним был совершен, возможно, еще в 1924 году либо на родине, либо в Петербурге или его окрестностях. Сохранились фотографии этого периода, где батюшка запечатлен в клобуке и с четками, но без мантии.) Однако осуществить свое желание облечься в ангельский чин тогда, 1943 году, ему не удалось, и вот по какой причине. Его мантийное облачение, приготовленное для пострига, хранилось у игумении Нины (Баташовой), настоятельницы обители св. Марии Магдалины. Эта небольшая женская община находилась в десяти минутах ходьбы от Свято-Духовского монастыря. (Батюшку связывали с игуменией Ниной узы духовного родства. Он часто ездил и в советское время в обитель и проводил там духовные беседы с сестрами.) В одну из бомбежек города снаряд попал прямо в корпус, где находилось

приготовленное для пострига облачение батюшки. Корпус сгорел, сгорело и облачение. Отец Николай воспринял это как знак неблаговоления Божия к своему решению и по смирению больше не дерзал предпринимать попыток постричься. Тем не менее, всю оставшуюся жизнь он, оставаясь целибатом, вел подлинно монашеский образ жизни. В ноябре 1942 года священник Николай Гурьянов становится студентом пастырско-богословских курсов, открывшихся тогда же при Виленской семинарии. 16 июля 1943 года отец Николай получил назначение на должность настоятеля Никольской церкви села Гегобросты Поневежского благочиния Виленской епархии. В 1949–1951 годах батюшка обучался на заочном секторе Петербургской (Ленинградской) Духовной семинарии, а в 1951 году был зачислен на первый курс академии, но, отучившись в ней заочно один год, продолжать далее обучение не стал. В 1958 году он принимает решение перейти в Псковскую епархию, в приход на остров Талабск (Залит), на котором и провел остальные сорок четыре года своей жизни. Об этом переходе поближе к родным местам настоятельно просила старца его мама Екатерина Стефановна, которую батюшка беспрекословно слушался все годы своей жизни. Ему очень не хотелось расставаться с Гегобростами, но он подчинился воле матери, желавшей умереть на своей родине. Поехав за советом в Псково-Печерский монастырь к старцу иеромонаху Симеону (Желнину), ныне прославленному в лике святых Русской Православной Церкви, на вопрос о месте своего служения он услышал троекратное: «Талабск, Талабск, Талабск».

Служа в Никольском храме на маленьком рыбацком острове Талабск (Залит) на Псковском озере, он более сорока лет сокровенно нес свой духовный подвиг, став к 1980–1990 гг. известным всей России пастырем-старцем, к которому тысячи людей, зная его прозорливость и молитвенный дар, обращались за духовным советом и молитвой.

Благодать дати восхотев людем твоим, остави посреде нас Жезл твой, посошника твоего, имже досязаеши доселе каменных сердец наших, сею розгою лозы Христовой точаще нам умиление, исторгая источники покаяния, оная же вода живая поет: Аллилуиа.

Акафист священномученику Вениамину Петроградскому. Кондак 11

Когда Батюшке было пять лет, он прислуживал алтарником в храме св. Архангела Михаила в селе Кобылье Городище, где часто любил молиться священномученик митрополит Вениамин Петроградский, у которого он носил посох за богослужением во время посещения святителем их прихода. Владыка на паперти храма обнял Батюшку, поцеловал и сказал: «Какой ты счастливый, что с Господом». Затем, обратившись к настоятелю храма, протоиерею Константину, добавил: «Батюшка, я Вам хотел свой крест благословить, да вот мальчонке Бог благословил вручить», – и возложил пятилетнему отроку Николаю святительский крест на перси. Крест святителя старец пронес благоговейно, мужественно и бережно сквозь мятежное море скорбей, трудов, болезней и испытаний, и пред Господом предстал со святительским крестом в руке. По послушанию и за любовь... «В молитве, труде и науке я видел Бога, полное спасение, – говорил о. Николай, – в страданиях ощущал неземную радость, надежду на лучшее...»

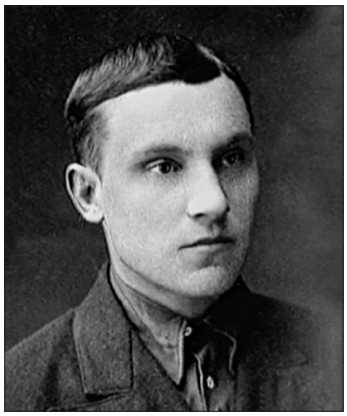
Благоуханный крин Царицы Небесной

Воистину, в жизни каждого человека существуют мгновения, которые являются как бы предначинательными не только предстоящей земной жизни, но и жизни вечной. Некоторые души сподобляются райских блаженств, будучи еще на земле. Подтверждение этому видим в благодатном старце протоиерее Николае Гурьянове.

Пресвятая Дева избрала его к Себе в служители еще с раннего детства. «Она пришла в наш дом и одарила Своею Благодатию, — говорил старец, — распростерла Свой Покров Святый и утешила благословением».

Воспитывала батюшку мать, Екатерина Стефановна, именно ее материнская любовь и молитва возгревали в маленьком сыне ревность по Бозе. Отец, Алексий Иванович, строгий и суровый человек, рано оставил семью: Коленьке было только пять лет, когда почил родитель. На руках вдовы осталось четверо сыновей: Михаил, Николай, Петр и Анатолий. Все три брата отдали жизнь «за други своя», не вернувшись со Второй Ми-

Храм св. архистратига Михаила в погосте Кобылье Городище. Здесь был крещен будущий прот. Николай Гурьянов



Николай Алексеевич Гурьянов. 1920-е гг.

ровой войны в 1942 году. Михаил упокоился на Пискаревском кладбище С.-Петербурга; Анатолий же и Петр пропали без вести, и мать с братом так и не смогли поклониться их могилам. Только молитва и слезы были уделом матушки Екатерины: потерять троих сыновей, которых пришлось поднимать на ноги одной, только уповая на помощь Божию, — это великое испытание. Старец часто вспоминал пророческие слова отца Алексия Ивановича: «Однажды мы сидели за столом и пили чай, помню, что разговаривали. Вдруг отец посерьезнел, отставил чашку и, протянув руку в мою сторону, сказал матери: «Вот этот тебя доглядит». Пророческие были слова. Так и вышло».

Екатерина Стефановна Гурьянова, в девичестве Крылова, была также ангелоподобным человеком. Как-то я спросила батюшкиных клиросных певчих, знавших ее, какой она была. Ответ духовный: «Какой могла быть мать такого подвижника? Конечно ангел!»

Родилась Екатерина 10 января 1883 года, преставилась ко Господу 23 мая 1969 года. Мать свою старец называл только одним ласковым словом: «мамушка». Послушание матери украсило всю его жизнь: во всем брал ее благословение и совет. «Матушка моя была блаженная, разговоров не любила, больше молчала и беседовала с Господом, мысленно. Никогда с Евангелием не расставалась. Была очень религиозная и любила клиросное пение. У нее альт красивый был. Помню, бывало, среди ночи проснусь, услышав ангельское

Храм свт. Николая Чудотворца Ремедского погоста (с. Ремда) Гдовского уезда. Здесь будущий прот. Николай Гурьянов прислуживал за богослужениями в 1920-х гг.

песнопение, и сажусь за фисгармонию, чтобы записать, проиграть, пока не утратил. Разбужу ее, конечно. «Батюшка! Что это ты мне спать не даешь!» – «Матушка, прости, ангельское призвание, не могу я спать». — «Укрепи тебя, Господи, — скажет, — и тут же встанет и сядет рядышком со мной».

Когда матушка почила, старец был долгое время безутешен: служил сорокауст и плакал. Потом вспоминал, что не хотел ехать на остров из Литвы, где подвизался в удаленном от мира месте, Гегобросты, служа в храме святителя Николая, находящемся в пустыньке; но матушка настояла, — и он за послушание поехал, хотя сердце его благословенное не желало. Потом, когда Екатерина Стефановна поняла, на какой Крест она благословила сына, то очень страдала и переживала. «Эти страдания и сократили ее жизнь», — сказал батюшка.

Погребсти себя старец завещал рядом с матерью, на кладбище напротив келии. «Хочу у матушкиных ног лежать!» Такова была воля блаженного отца, которую Господь и благословил исполнить единодушно.

Уже в раннем детстве он приобрел навык молитвы. «И что это было у меня?! — вспоминал старец. — Все время о Господе думал, говорил и беседовал с Ним. Место наше, Чудские Заходы, больше эстонцами населенное. Так вот соберу их всех, еще мальчонкой был, — Луззи, Магда, Сальма, Эдвард, — и говорю: «Давайте с крестным ходом пойдем. Возьмем кресты, иконы». Так и ходили, а я впереди шел и пел по-эстонски: «Иссэнт хэй да арму» — «Господи, помилуй»... А потом, когда оставался один, пробирался в баню, прихватывал с собой накидушку с подушек, накрывал плечи и начинал служить литургию. Даже кадило сам делал. И плакал, славя Господа. Всегда любил ночную молитву, потому что среди ночи небеса отверзаются, и ангелы внемлют... В раннем детстве явился мне Сладчайший Спаситель мира Иисус Христос и благословил меня. Всю мою жизнь я был в послушании у Господа и на все брал у Него благословение... Вы понимаете меня? Только веруйте в Господа, живите свято... Я зрел Господа, и беседовал с Ним, и осязал». Благословенный старец взял мою руку и повторил: «Осязал вот так».

Монах

«Меня в детстве все монахом называли, — как-то сказал старец. — А я рад, я действительно монах. Никого кроме Господа не знал и не искал. Ведь это награда от Господа — монашество, призвание Божие; такая небесная радость служить Небесному Жениху. «Се Жених грядет в полунощи, и блажен муж егоже обрящет бдяща...» У меня своя келия была, так и называли: не комната, а келия. Иконочки везде стояли, молитвословы, книги духовные. Огромные царские портреты во весь рост. Однажды, уже когда красные бушевали, в окно влетел снаряд и упал возле царских портретов, но не разорвался: вот как

Царские Мученики меня с детства хранили; а я-то как Их любил! Даже сердце останавливалось, как только думал о Них! В восемнадцатом, прибежал домой — плачу и кричу: «Мама! Царя убили!» Она испугалась: «Что ты, молчи, Коля!» А я ни в какую: «Накажет их Господь, окаянных, что Царя загубили, всех накажет». Мне уже тогда Господь открыл то наказание Божие, которое понесет Россия за Царя: войны, разруха, голод и бесчестие. «Царь по нам плачет, — говорил я, — а мы и не думаем о Нем. Он ведь Угодник Божий». (Тогда старцу было девять лет.) «В келию свою монашескую я не пускал никого. На меня даже обижались». Благодатный отец крупицами за все эти годы приоткрывал свой духовный путь: он не любил говорить о себе. Если о чем-то приходилось услышать, то это относилось не непосредственно к его жизни, а к общей беседе. Как-то мы поставили запись проповеди одного из почитаемых молодых московских отцов. Священник долго и пространно говорил на духовные темы, в основном, как выяснилось, о себе. Отец внимательно вслушивался, вдруг резко покачал головой и сказал: «А святые молчат...»

Святые молчат...

Эти слова можно отнести ко всей незабвенной жизни старца...

Однажды он протянул мешочек из сиреневой атласной ткани, расшитый крестами и цветным орнаментом с листьями: «Хочешь взять на память?! Только там все старинное, мое прошлое». Я хотела развязать и посмотреть, что скрыто под мягкой сиреневой тканью, но батюшка остановил меня, сказав: «Посмотришь, когда будешь одна, а расскажешь, когда меня не будет». Вот пришло время...

Помолившись, с глубоким трепетом и страхом развязала узелок и достала содержимое. От мешочка действительно повеяло стариной, духовно значимой и молитвенной. На столе предо мной лежали старинные фотографии, шестнадцать счетом; два помянника и маленькая, меньше фотографий форматом, книжечка, сшитая из старинных тетрадных листов голубоватыми нитками.

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. Фото ок. 1917 г.

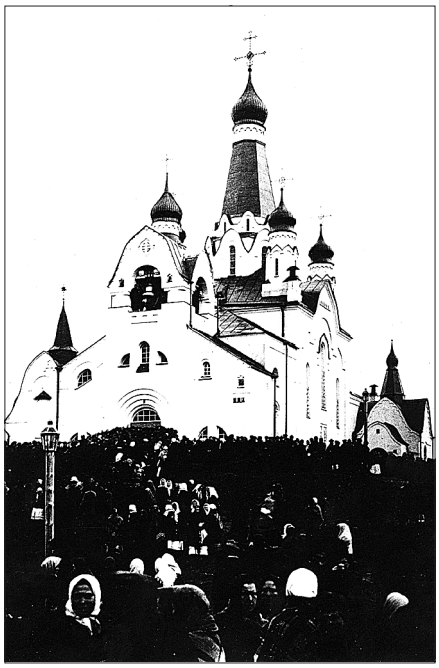
Братья Гурьяновы. Николай – справа во втором ряду. Фото 1930-х гг.

На обложке надпись, наверху: *«Послушника Николая»* — далее, по центру, — восьмиконечный крест,— под ним красивой вязью название: «Слово Жизни»... Внизу год: *1924 года 30 декабря*. Содержимое книжечки состояло всего из двух стихотворений, переписанных рукою Старца: первое — «Христос Воскрес» и второе — «О, Всепетая!»

О, Всепетая,
Дева Вечная,
Дева чудная,
Всесвященная.
Помощь скорая,
Беспомощному,
Радость чудная,
Безотрадному.
Жезл для старого
И усталого;
Кров для странного,
Безпокровного.
Дете сирому,
Безприютному,
Матерь нежная,
Сердобольная.
Я Тебя молю,
Всесвятейшую,
Не отринь мою,
Мольбу грешную.

Преклонись ко мне,
На моление,
Поспеши ко мне
На спасение.
Руку крепкую
Ты простри ко мне,
Милость чудную
Удиви на мне.
Заступи меня,
Беззащитного,
Не покинь меня,
Всем постылого.
Помоги идти
Стезей тесною,
Помоги нести
Ношу крестную.
О, Всепетая,
Я Тебе пою,
Сердобольная,
Услышь песнь мою!

В самом же конце сборника прошение: «Господи, помилуй!»



Освящение епископом Гдовским Вениамином храма свв. бессребренников Космы и Дамиана в погосте Гвоздно Гдовского уезда. 1912 г.

Наставниче монахов

С фотографий на меня взирал кроткий лик благословенного старца во всей смиренной красоте его монашеского подвига... Вот батюшка послушник... Здесь — иеромонах в клобуке, с крестом и четками в левой руке, 1942 год. На самой маленькой батюшка сидит в кресле у стен собора; по обеим сторонам от него – два иподиакона. Пастырь в облачении иеромонаха. Пророческим было возложение на перси пятилетнему отроку Николаю — посошнику, носившему Владычный жезл на богослужении, — святительского креста священномучеником Вениамином Петроградским, прозревшим его великое предстояние в Церкви. И Церковь Земная ныне умиленно воспевает двух светильников Православной веры: митрополита Вениамина и бывшего посошника его старца протоиерея Николая.

Составлено по книге: «Небесный ангел. Светлой памяти старца Николая Гурьянова». 2002 г.

ПУТЬ БОЖИЙ

К Горе Святой, ко Граду Божью
Различных множество дорог,
Но всех начало у подножья
Креста, на коем распят Бог!
И без венца из острых терний,
Без ран, и оцта, и гвоздей,
Без мук сердечных и томлений
До райских не дойти дверей.
Все ж бремя легкое Христово
Не тяжко будет нам нести,
Если сумеем Его слово
Себе на память привести:
Что скорби праведников многи,
Но Он от всех избавит сих,
И что тернистые дороги
Введут в покой и радость их,
Что Царство Божие открыто
Для тех, кто узким шел путем,
И что для нас теперь сокрыто,
Тому разгадку там найдем,
Что там, где вечное сияет
Светило Божией Любви,
Блаженство Рая ожидает
Страдальца – путника Земли.

Протоиерей Николай Гурьянов,
29 апреля 1973 года

Часовня прп. Илариона Гдовского в погосте Озера Гдовского уезда. Современный вид

Валентин Голубев

ПАМЯТКА

Батюшке Николаю Гурьянову

1
Вечный сон спокоен и глубок,
Позабудет боль душа-подранок,
Только прирученный голубок
Будет биться в окна спозаранок.

Кем же был он: наших дней святой
Или просто с Господом посредник?
Не лукавство сказочки седой,
Повесть из времен уже последних.

В баньке на полке – иконостас,
Свет лампадки с темной спорит силой.
Посошнику-мальчику отдаст
Сам владыка свой наперсный символ,

В нем узрев провидческую стать,
Дар, который и для мудрых — тайна:
С белого и чистого листа
Божии читать предначертанья.

Это было: детская игра
В крестный ход; да банька, словно келия,
С матушкой молитвы до утра,
Братьев и подначки, и веселье.

Прошлого не в силах воротить,
Памяткою будет до остатка,
Маячком негаснущим светить
Та из детства первая лампадка.

2
Храмов и святынь не пожалев,
Взвихрив гарь в просторище великом,
Каиновы дети, ошалев,
Будут упиваться русским лихом.

Путь мостя костьми до зимних руд,
Чтоб добыть для домен адских пищу,
Даже с нищих подать соберут,
Выживших сочтут и перепишут.

По юдолям дьявольских утех
Ложь, как лошадь, проведут хромую,
Мучеников Царственных, – и тех
Злом ошеломят и ошельмуют.

Может быть, весь этот бесприют
Принесла, упав, звезда Галлея?
И мальчишке ноги перебьют,
Праведной души не одолея.

Даже в безысходстве выход есть!
В святотатстве жительствовать тошно,
И взойдут священники на Крест
Первыми, как пастырям и должно.

Те года,— потомок, не робей,—
Лишь в душе аукнутся, вернутся,
Памятку оставят по себе —
Мертвые в гробах перевернутся.

3
Бог по силе налагает крест —
Это о душе, а не о теле,
Благостью проверит, кто ты есть,
Хоть прошел кровавые купели.

Усмирять гордыню дай обет,
Клобук твой – пресвитерская митра!
Отрекись от прелестей, сует
И страстей привременного мира.

Ангельская родина – в раю,
Нам — свое скупое светит солнце.
Загрустила душенька в краю
Белоглазой чуди и тевтонца.

Дождь балтийский в окна моросит,
Три старушки слушают молебен...
Посмотреть бы, как там на Руси
Крестный ход на Пасху благолепен.

Ну а здесь, – чужбины холодок,
С матушкой затворные беседки.
Как причастье — родины глоток
В весточках, что стали слишком редки.

Дни, как след, растаяли в песке,
Время помнит лики, а не лица,
Чтоб потом на псковском островке
Памяткой улыбчивой пробиться.

4
Храм поднял из праха до высот
Обретенной радости Пасхальной,
Чтоб для самых сирых из сирот
Батюшкою стать, родней недальней.

Будет мало, сколько ни раздай,
И души, и старческой молитвы...
Раньше — хоть по воздуху летай,
Не дойти сегодня до калитки.

– Ты бы храм присутствием почтил...
Затоскуешь вдруг под взглядом цепким,
Вспомнишь позабытое почти:
– В ребрах, а не в бревнах наша церковь!

Господи, прости «слепых кутят»,
Бедами надломленных и жалких.
Тарабарским гомоном галдят
Внуки черемиса и русалки.

Лучше уж обидные слова,
Гиканье врагов и лжеюродство!
Прелесть — не достоинств похвала,
Лести сатанинской превосходство!

Говорили, видно даже днем
Над его пристанищем сиянье.
Пусть же будет памяткой о нем
Наше перед Богом покаянье.

5

Сколько плакать на ветру свече?
Скоро в высь неведомо какую!
Белый голубочек на плече
Что ему наскажет, наворкует?

Жизнь вела сквозь боли в Благодать
В скорбях и о многих, и о многом,
Чтоб с крестом святительским предстать
Праведнику нынче перед Богом.

Лишь попьет чуток святой воды,
Словно хлеб иной его насытил,
Улыбнется: «Зацвели сады!
Я уже, наверно, небожитель».

Временить с разлукой нет причин,
Легковесна плоть и светел разум.
На исход души прощальный чин
Начали келейницы не сразу...

Прилетели ангелы помочь
С бренным телом душеньке расстаться,
Чтобы ей не камнем падать в ночь,
А парить над радугой цветастой.

Уходил, печалясь о судьбе
Тех, кто в гладе и в душевной требе.
Памятку оставил по себе:
«Дома помолюсь о вашем хлебе».

6

Неужели Батюшкина жизнь
Промыслом кому не угодила?
Как в отместку: кровь и кутежи,
И раздоров скорбная година.

Может быть, и наша есть вина,
Просто Божий гнев давал отсрочки...
И «Бывали хуже времена...» —
Вспомнятся некрасовские строчки.

Кто ты? Чей? Иным недорога
Память в окаянной обезличке.
Принимая брата за врага,
Каиновой доли не накличьте!

Каждым человеком мир велик,
Для любви задумал нас Создатель.
Не дадут, чтоб сгинул наш язык,
Собственная мать и Богоматерь.

Божий дар, главенствуй и вершись!
Имена детей подскажут святцы,
Будем дальше жительствовать жизнь,
Куличом на Пасху разговляться.

Никогда народ не выйдет весь!
Наши дети, коль не сможем сами,
Памятку пошлют: «Еще мы есть!» —
Батюшке с попутными гонцами.

Храм свт. Николая Чудотворца на острове Талабск (Залит), где более 40 лет священствовал протоиерей Николай Гурьянов

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. 1917 г.

С.А. Болховитинов

ВОСКРЕСЕНСКО-ПОКРОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В НЕЖАДОВЕ

Обычно русскую историю XIX века рассматривают как историю безудержного распространения революционно-демократических идей, что в конечном итоге привело страну к долгожданному свержению самодержавия и к кровавой смуте. По мнению многих историков, ничто не могло противостоять этому процессу, имевшему абсолютно неизбежный характер и руководимому «передовой» интеллигенцией. Все слои русского общества якобы жадно впитывали только левую идеологию, в большинстве своем отвергая всё, что напоминало о монархии и Православии. В так называемом освободительном движении участвовали и князья, и фабриканты, и профессора, и простонародье. С правительством и Православной Церковью оставались – утверждают «прогрессивные» ученые – исключительно отсталые, темные и забитые люди. К сожалению, вопреки очевидным фактам, это мнение все еще популярно, ибо его насаждают и в постсоветской России.

Факты же говорят о том, что большинство русского общества придерживалось традиционных православно-национальных ценностей и воплощало их в разных сферах жизни, начиная от административной и кончая семейной. В среде либеральной интеллигенции не все шли в оппозицию и заражались атеизмом. В ней имелись охранители государственных начал, убежденные патриоты и глубоко верующие люди. Правда, названная среда быстро выталкивала из себя этих инакомыслящих и относилась к ним насмешливо или презрительно. Однако, как показала история, именно эти «отщепенцы» из либерального лагеря стали вскоре стойкими противниками той системы, которая принесла этому лагерю унижение, изгнание и уничтожение. И в годы наступивших гонений из них также вышли ревностные защитники Православной веры. Яркий тому пример – жизнь и судьба матушки Марии Константиновны Арсеньевой (впоследствии – игум. Евфросинии), основательницы и настоятельницы Воскресенско-Покровского женского монастыря в деревне Нежадове Лужского уезда Петербургской губернии.

Воскресенско-Покровский монастырь. Общий вид. Фото 1915 г.

Мария Константиновна Арсеньева родилась в 1881 году, в Царском Селе, в семье известного русского либерального деятеля Константина Константиновича Арсеньева (1827–1919), крупного юриста и литературного критика. Семья Арсеньевых не принадлежала к старинному дворянству. Дворянский титул был дарован деду Марии Константиновны – Константину Ивановичу (1789–1865), видному географу и историку. Сын сельского священника Костромской епархии, он получил педагогическое образование в Петербурге и стал преподавать географию в Главном инженерном училище, где привлек к себе внимание Вел. Кн. Николая Павловича. Когда Великий Князь взошел на престол, он в 1828 назначил Арсеньева обучать Цесаревича Александра Николаевича статистике и истории. Будучи в молодости масоном, Арсеньев старался внушить будущему Императору либеральный образ мыслей, в чем весьма преуспел. Он сопровождал Цесаревича в ознакомительных поездках по России и до самой своей смерти пользовался его покровительством. Женат Арсеньев был на немке Марии Карловне Баумгартен (1800–1862), которая всю жизнь оставалась лютеранкой.

Константин Иванович Арсеньев (1789–1865)

Константин Константинович Арсеньев (1827–1919)

Поскольку К.И. Арсеньев уже в 1835 получил от Государя разрешение пользоваться государственными архивами, он обогатил русскую историю несколькими основательно документированными исследованиями (Царствование Петра II. 1839. Царствование Екатерины I. 1856), которые до сих пор сохранили научную ценность. Большую роль ученый сыграл также в развитии отечественной статистики и географии. В 1845 он стал одним из основателей Географического общества и членом Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Столь же успешно развивалась карьера младшего сына Арсеньева. Константин Константинович закончил в столице в 1855 престижное Училище правоведения, до 1863 служил в Министерстве юстиции, затем уехал в Бонн, где слушал лекции в местном университете. После судебной реформы молодой либерал стал присяжным поверенным, шесть лет состоял членом совета поверенных в Петербурге и написал несколько трудов о судебно-адвокатской практике (*Заметки о русской адвокатуре. 1875*). Своими выступлениями в суде Арсеньев (он, в частности, участвовал в Нечаевском процессе) заслужил славу вдумчивого, добросовестного и красноречивого адвоката, который стремился не к внешним эффектам, а к строгому выяснению истины.

С 1880, продолжая заниматься юриспруденцией, Арсеньев сосредоточился на литературной критике и публицистике, помещая свои статьи главным образом в «Вестнике Европы», ведущем органе либеральной оппозиции. В 1882–1905 он вел в журнале отдел общественной хроники, а в 1909 принял на себя общее редактирование. В журнале печатались и критические эссе Арсеньева о современных русских и западных писателях (*Критические этюды по русской литературе. 1888*), написанные с позиций культурно-исторической школы. Он был членом и некоторое время председателем комитета Литературного фонда, одним из редакторов известной энциклопедии Брокгауза и Эфрона. В 1900 Академия наук избрала его почетным академиком по разряду изящной словесности.

Успевал Арсеньев, человек очень собранный и энергичный, заниматься и общественной работой. В разные годы он был уездным и губернским гласным, почетным мировым судьей, членом училищных советов, депутатом городской думы и т. п. На «вторниках» и «земских беседах» в его доме собирался цвет «прогрессивной» интеллигенции: А.Ф. Кони, П.Д. Боборыкин, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич, чтобы обсуждать вопросы политики, государственных реформ, литературы. Арсеньев некоторое время входил в руководство кадетской партии и был одним из основателей партии демократических реформ. В своем доме он создал масонский кружок, в который вошли также члены его семьи. Арсеньев всегда оставался «прямолинейным и последовательным либералом» (А.Ф. Кони), верным заветам «шестидесятников», откровенным западником и упорным противником самодержавия, атеистом и вольнодумцем, неспособным к духовному совершенствованию. В конце жизни действительный статский советник увидел победу своих идей, но не узнал, к чему они привели в скором будущем[1].

Женился К.К. Арсеньев поздно, в 1871, на Евгении Ивановне, урожденной д'Альвеню фон Гогенданс (1849–1931), немецкой аристократке, которая приняла Православие и усердно занималась благотворительностью. Уже в 1875 она входила в Общество для пособий бедным женщинам Петербурга. Евгения Ивановна была гораздо моложе мужа, пережила его и, приняв по примеру дочери монашество, скончалась в ссылке в Муроме. Незадолго до смерти бывшая светская дама была пострижена в схиму с именем Василиса. По своему характеру, чувствительному и тонкому, она была прямой противоположностью мужу.

С 1878 супруги проводили лето в благоприобретенном имении Покровское на окраине деревни Нежадово Бельского прихода Лужского уезда, где Константин Константинович с увлечением отдался хозяйству и земской работе. Двухэтажный деревянный барский дом был обставлен старинной мебелью и имел богатую библиотеку. Он стоял в окружении английского парка и к нему вела

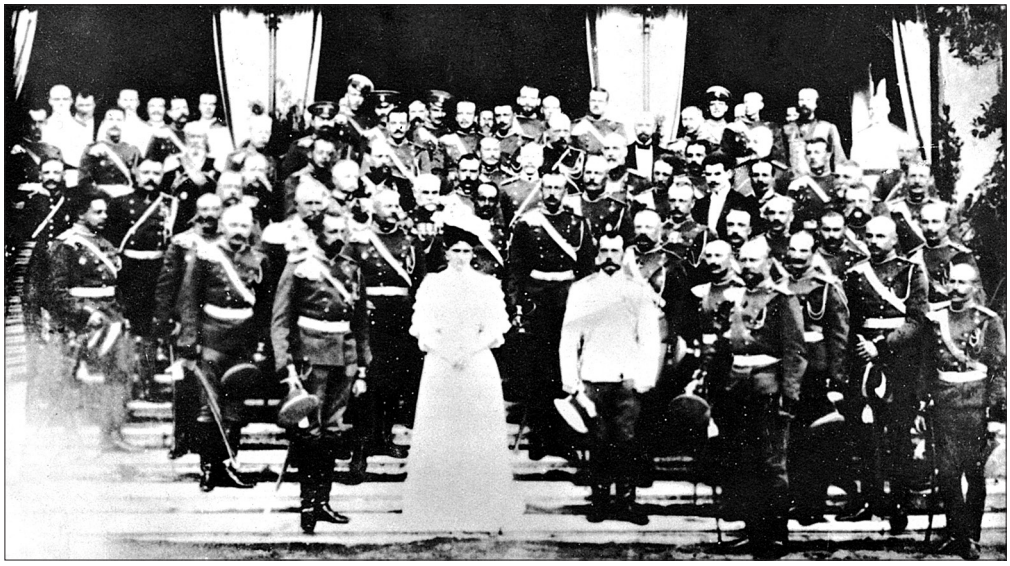
Игумения Евфросиния (Мария Константиновна Арсеньева)

главная аллея. Между другими аллеями располагался фруктовый сад. В северной части парка был пруд с запрудой. До имения добирались за шесть часов из Царского Села, где предпочитали жить, хотя имели квартиру в Петербурге, на Мойке, 13. Отдельные летние месяцы семья отдыхала на популярных немецких курортах.

Местность, в которой находилось имение, была в древности заселена славянами (от них сохранилось множество курганов) и входила в средние века в состав Новгородской республики, отчего в Лужском уезде преобладали дворяне-землевладельцы из русских, а не из немцев-остзейцев, как в соседнем Ямбургском уезде. Правда, владения их были невелики и сами помещики богатыми не были. Зерновые и лен не приносили больших доходов, приходилось приторговывать лесом. Однако Арсеньевы в основном использовали имение как дачу, благо живописная природа и микроклимат края отличались оздоровительными свойствами. Древний ледник оставил после себя цепь прозрачных озер и песчаные холмы, поросшие лесом.

В старинном уезде насчитывалось около 40 церквей и 130 часовен. На близлежащем озере Сяберо до середины XVIII века действовал мужской Спасский монастырь, в селе Посолодине, к югу от имения Арсеньевых, – Успенская обитель с пещерами. Приходская Димитриевская церковь в Бельском погосте возникла до 1581, несколько раз возобновлялась, но до наших дней не сохранилась – сгорела в начале 1960-х годов. В ней, несомненно, молились и верующие члены семьи помещиков Арсеньевых, хотя сам Константин Константинович к религии относился критически. Летом 1916 мон. Мария пригласила в Покровское епископа Ямбургского Анастасия, чтобы «путем беседы Владыки с ее родителем-либералом <…> приблизить его к Православной Церкви». Неизвестно, удалась ли эта попытка. Однако похоронен «столп русского либерализма» на кладбище монастыря, основанного его единственной дочерью (могила не сохранилась).

Мария Константиновна Арсеньева, закончив гимназию в Царском Селе и женский закрытый институт, получила диплом домашней учительницы. По другим сведениям, она воспитывалась заграницей в католическом монастыре, что, однако, кажется маловероятным. Девушка рано стала помогать матери в благотворительном обществе «Единение», собирая средства для сельского детского приюта «Затишье» на станции Плюсса. Очень рано, в 1905, она решила посвятить себя Богу и создать в отцовском имении монастырь. Скорее всего на это решение повлияли сестры Мансуровы: Екатерина Борисовна (мон. Сергия) и Наталья Борисовна (мон. Иоанна), с которыми Арсеньева подружилась. Бывшие фрейлины, духовные дочери оптинского старца Анатолия, стали монахинями и основали в 1901 в Риге Троице-Сергиевский монастырь и Преображенскую пустынь под Митавой. После революции их судьба была драматичной.[2] Духовным наставником Марии стал старец Алексий (Соловьев) из Зосимовой пустыни.



Император Николай Второй и Императрица Александра Феодоровна посещают лейб-гвардии Уланский полк. Среди офицеров полка – ротмистр Евгений Константинович Арсеньев (1872–1938)

У Арсеньевой было трое братьев: двое стали офицерами, один дипломатом. Старший, Евгений Константинович (1872–1938), закончил университет, Офицерскую кавалерийскую школу в Петербурге и служил ротмистром в л-гв. Уланском полку. В 1900 он участвовал в подавлении в Китае боксерского восстания в составе отряда генерала Ренненкампфа и, отличившись в боях, получил Георгиевский крест. В русско-японскую войну Арсеньев снова в Китае, в чине есаула он командует сотней Верхнеудинского казачьего полка. В 1906 назначен флигель-адъютантом, то есть оказался при Дворе.

Храбро боевой офицер воевал и в Первую Мировую, будучи командиром л-гв. Кирасирского Ея Величества полка, позже командовал 2-й гвардейской кавалерийской дивизей, а с 1917 года – Кавалерийским корпусом. Он был награжден несколькими боевыми орденами и Георгиевским оружием.

Его сестра Мария писала 12 августа 1915 Императрице: «Меня тронуло до глубины души, что Ваше Императорское Величество разделяет нашу радость, что брат мой так отличается.

Выразить всю глубину моей признательности за брата, за то, что беззаветная храбрость его оценена и за то, что Ваше Императорское Величество радуется его доблести вместе с нами, любящими его».[3]

В 1918 в Петрограде свитского генерал-майора по кавалерии Е.К. Арсеньева арестовали большевики, но вскоре выпустили, после чего он бежал к генералу Н.Н. Юденичу в Эстонию и возглавил 2-й Кавалерийский корпус Северо-Западной армии, который, наступая на Лугу, проходил близ родного Покровского. Там брат и сестра повидались, очевидно, в последний раз.

В эмиграции генерал Е.К. Арсеньев жил в Париже. Он умер в старческом доме в Сент-Женевьев де Буа и похоронен на местном русском кладбище.

Другой брат – Константин Константинович – сотник конвоя Его Императорского Величества, был убит в 1900 в Китае при подавлении боксерского восстания.

Борис Константинович (1870-е – 1925) в 1896 окончил Александровский лицей и поступил на дипломатическую службу: был генеральным консулом в Бейруте, вторым секретарем в миссии в Токио и Афинах, первым секретарем посольства в Пекине. Умер в эмиграции в Париже.

Как было сказано, мысль создать женскую общину в отцовском имении, которое с юга примыкало к Нежадову, появилась у Арсеньевой в 1905, когда в стране нарастало революционное брожение. Зимой 1907–1908 митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) благословил подготовку создания общины. Благословил начинание также св. прав. Иоанн Кронштадтский «и пожертвовал на построение новой обители три рубля». Переехав из столицы в Покровское, Мария и еще одна послушница поселилась в деревянном домике, положив основу монашеской жизни.

Воскресенско-Покровский женский монастырь. Храм Воскресения Христова (интерьер). Фото 1910-х гг.

Учредительница 15 августа 1912 сообщала Государю следующее о начале новой общины: «Решив отдаться делу созидания монастырской обители в августе 1907 года построением небольшой домовой церкви во имя Воскресения Христова, я положила первый почин Воскресенско-Покровской общине в с. Покровском, на земле, подаренной мне отцом моим действительным статским советником Константином Арсеньевым. При этой домовой церкви сразу было устроено небольшое помещение для будущих насельниц пустыни. С момента освящения этой маленькой церкви Покровское стало духовным средоточием местного населения»[4].

Упомянутая домовая церковь была в течение трех месяцев пристроена к домику сестер на средства соседских помещиц Марии Валериановны и Любови Александровны Половцовых и 23 ноября 1908 освяще-

Валериан Викторович Половцов (29.06.1862 – 17.11.1918), владелец имения в Нежадове, профессор ботаники, биолог, благотворитель Воскресенско-Покровского монастыря. На средства его семьи сооружался монастырский храм Воскресения Христова Фото 1895 г.

на. Церковь была покрыта дранкой, жестяные купола украшены деревянными крестами, стены внутри оклеены клеенкой, снаружи обшиты тесом. Три маленьких колокола висели на березах, их звон был еле слышен даже в ближайших деревнях. Средств на содержание церкви едва-едва хватало.

Уже в день ее освящения собралось множество окрестных крестьян, которые с того дня стали усердно посещать новый храм. В первую зиму служить приезжал приходской священник, а в Великом посту и Пасху – иеромонах Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря. На лето 1909 митрополит Антоний, покровительствовавший задуманной общине, отправил иеромонаха Христофора, который три-четыре раза в неделю совершал в ней Божественную литургию[5].

В марте 1910 сестра Мария обратилась в епархию с официальным прошением о желании создать общину « с религиозно-просветительной и благотворительной целью» и обещала передать ей участок в «75 ? десятин земли и постройками: домовой церковью на 200 человек, часовней, 2 жилыми корпусами для 25 сестер, молочной, помещением для рабочих, прачешной, баней, курятником, 3 сеновалами, хлевом на 100 голов рогатого скота, каретным сараем, 7 амбаров, гумном, водогрейкой, свинарником, ледником, парниками». Это было обширное и хорошо налаженное хозяйство.

Созданной дочерью общине отец разрешил «пользоваться лугами и полями, находящимися в его имении» в селе Покровском. В случае закрытия общины земля возвращалась владельцу. Епархиальные власти потребовали, однако, передать землю не в пользование, а в собственность, и возвращать не благоприобретенное, а наличное на 1912 имущество, на что Арсеньева дала свое согласие. Ей было даровано право на пожизненное проживание в общине[6].

Сестры Мансуровы: Екатерина Борисовна и Наталия Борисовна, основательницы Рижского Троице-Сергиева монастыря. Фото 1890-х гг.

Весной 1910 начался прием сестер и уже к лету в общине собрались уже 10, а к осени – 12 человек. Они жили рядом с церковью в одноэтажном домике, где размещались: восемь келлий, трапезная, канцелярия и рукодельная. В помощь новоначальным сестрам из Троице-Сергиевского женского монастыря в Риге на три месяца были присланы три монахини: регентша, церковница и трапезница. Они стали обучать сестер церковному пению и чтению, печению просфор. Названный монастырь, управляемый игуменией Сергией (Мансуровой), оставался целое десятилетие духовным наставником новой общины. Очевидно благодаря бывшим фрейлинам Мансуровым матушка Мария Арсеньева приобрела доверие Императрицы Александры Феодоровны и многократно могла пользоваться ее помощью (в переписке настоятельницы с Ведомством Императорского Двора по различным вопросам обустройства обители м. Мария упоминается как «лично известная Ея Величеству» и то, что она – «сестра флигель-адьютанта Арсеньева». – *Ред.*)

Воскресенско-Покровская община и ее «временные правила» были утверждены синодским постановлением 9 ноября 1910 «с таким числом сестер, какое община в состоянии будет содержать на свои средства». Перед февральским переворотом их было 42 человека. 26 ноября того же года Арсеньевой было поручено исполнять должность начальницы, но только 21 августа 1913 Синод утвердил ее в этой должности «в виде изъятия из установившегося порядка». 5 сентября того же года она была пострижена в рясофор. 4 августа 1917 игумения Мария стала мантийной монахиней с именем Евфросиния[7].

Открытие новой монашеской общины приурочили к празднику Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Так как «испытывалась особая необходимость в заступничестве Пресвятой Владычицы», то 19 ноября 1910 из Псково-Печерского монастыря в обитель была принесена чудотворная икона Божией Матери «Умиление». Икона прибыла в сопровождении настоятеля архимандрита Никодима и нескольких монахов. На станции Плюсса ее встретило множество народа. Хотя стояла зима, толпа богомольцев от станции до Покровского в крестном ходе сопутствовала иконе 25 верст.

Из обители вышел встречный крестный ход. Оба хода объединились и двинулись с пением молитв дальше, остановившись для краткого молебствия в лесу, перед святыми вратами. Сразу после прибытия иконы, архимандрит Никодим отслужил в домовой церкви всенощную, а на следующее утро – обедню. В проповеди после литургии он подчеркнул значение торжества открытия общины, на которое в тот же день, 20 ноября, прибыл викарный епископ Гдовский Вениамин (Казан-

ский), будущий митрополит Петроградский, растрелянный в 1922 большевиками после судебного фарса.

К архиерейскому богослужению собрались 17 священников и диаконов из местных приходов. Богомольцев было столько, что им пришлось стоять на улице. «За всенощной Преосвященный Вениамин сказал проповедь о Покрове Божией Матери и том, какая радость для открывающейся обители, что к этому торжеству прибыла чудотворная икона Царицы Небесной, чтобы освятить эти столь важные для обители дни вступления в новую жизнь».

21 ноября со станции Плюсса неожиданно прибыла и другая икона – прп. Сергия Радонежского, которая была заказана в Троице-Сергиевой лавре и три недели не могла попасть к сестрам, ибо затерялась на железной дороге. Это маленькое событие сильно поразило сестер – они увидели в нем особую милость и благословение угодника Божия.

Водосвятный молебен и литургию епископ Вениамин отслужил соборне с архимандритом Никодимом и благочинным о. Николаем Тихомировым. После этого последовал предначинательный молебен, во время которого Владыка поздравил с открытием монастырской общины. Посреди молебствия был совершен крестный ход вокруг обители с осенением ее крестом с четырех сторон. По окончании Владыка обратился к матушке Марии Арсеньевой с архипастырским наставлением и благословил ее иконой Воскресения Христова, а сестер – крестиками Киево-Печерской лавры с изображением вмц. Варвары, что знаменательным образом предсказывало их дальнейшую судьбу.

Чудотворная икона Божией Матери еще несколько дней находилась в Покровском. В полночь сестры читали перед ней акафист, причем молитва завершалась пением «Се Жених грядет в полунощи»[8].

В следующем 1911 году в общине подвизались уже 15 сестер. «Когда имеется время и возможность, сестры собираются для беседы, во время которой они знакомятся ближе с требованиями монашеской жизни...» говорится в годовом отчете правящего архиерея. Для обучения церковному пению из Свято-Троицкого монастыря в Риге приехала монахиня, помогавшая также устроить монастырское благочестие, из Псково-Печерского монастыря был прислан старик-уставщик, хороший регент.

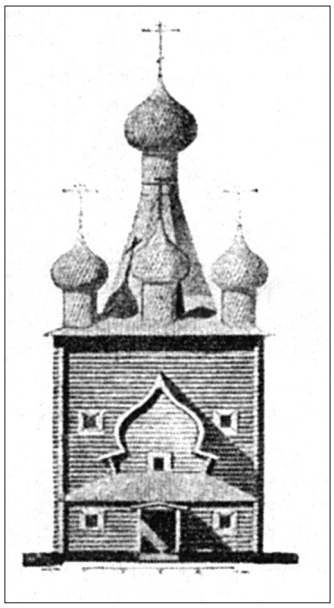
Богослужебная жизнь в обители свершалась строго по уставу. Например, после вечерних молитв читался большой помянник и акафист: по понедельникам и средам – Божией Матери, по вторникам и четвергам – Спасителю, по воскресеньям – прп. Сергию Радонежскому, по пятницам – Покрову Пресвятой Богородицы. В этот вечер икона Покрова медленно опускалась перед иконостасом с пением «Не имамы иныя помощи» и «Избранный Предвечным Царем».

Воскресенско-Покровский женский монастырь. Сестры обители с девочками-сиротами. Фото 1910-х гг.

«При вступлении в общину никаких вкладов от сестер не требуют. Сестры не имеют никакой собственности и получают от обители пищу, обувь, одежду, отопление, освещение, вообще всё, что дается инокам общежительных монастырей. Трапеза и одежда в общине – для всех одинаковые, никому никаких привилегий не делается…»

Так как «ввиду малочисленности общины» обитель могла содержать только одного священника, литургия в ней служилась лишь по средам, пятницам, праздникам и воскресеньям. Когда бывало много работ в будние дни, то для облегчения сестер утреня присоединялась к вечерне. В 1911 служащим священником был иеромонах Антоний из Псково-Печерского монастыря. На Страстную и Светлую седмицы из этого монастыря ради большей торжественности богослужений приезжал иеродиакон. По словам епархиального отчета за вышеуказанный год, «...окрестное население все более охотно посещает храм общины, так что по праздникам

Воскресенско-Покровский монастырь. Сестры обители возле монастырского приюта. В центре – игумения и священник Григорий Дмитриев (?). Фото 1910-х гг.



Храм св. Илии Пророка в Чухчерме. Западный фасад. Проект

в него не вмещаются все молящиеся». Несмотря на это, «материальное положение общины к лучшему не изменилось: скудость и бедность содержания ее остались прежними», хотя у общины был огород, покосы, скот и разная живность.

8 января 1911 Синод разрешил открыть вакансию священника в общине с окладом 300–400 рублей в год, повысив его 31 января до 600 рублей. Однако только 11 июня 1915 ее занял постоянный батюшка – бывший диакон Дмитриевского собора в Гдове Григорий Дмитриев, до этого служили командированные епархиальным начальством или присланные настоятелем Псково-Печерского монастыря[9].

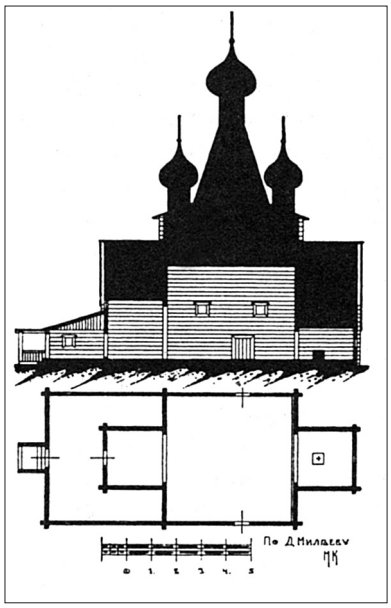
Хотя обитель была очень бедна, монахини мечтали устроить при ней женскую богадельню, маленькую амбулаторию, странноприимницу, общество трезвости, читальню. Не всем этим мечтам удалось сбыться… Сумели только оказывать амбулаторную медицинскую помощь крестьянам: давать им врачебные советы, лечить по лечебнику, покупать лекарства. Дом крестьянских девушек открыл курсы ручного труда.

Кроме бедности обитель поначалу сильно страдала от тесноты, отчего некоторым сестрам пришлось жить в соседнем помещичьем доме. Отсутствие жилья не позволяло принимать и новых сестер. Не вмещала молящихся домовая церковь. «Ввиду того – писала Арсеньева Государю – что во всем Лужском уезде нет ни одного женского монастыря и вообще по соседству с названной общиной мало церквей, народ отнесся чрезвычайно сочувственно к зарождающейся убогой маленькой общине. Скоро домовая церковь оказалась слишком тесной для вмещения притекающих богомольцев. Явилась неотложная необходимость в построении второй церкви, более вместительной».

Храм св. Илии Пророка в с. Чухчерме Холмогорского уезда Архангельской губ. – прообраз Покровского собора Воскресенско-Покровского монастыря в Нежадове. Фото 1910-х гг.

Ее решили посвятить памяти войны 1812 года и 300-летию Дома Романовых.

Вот как звучало обоснование: «Убогая обитель наша горит желанием потрудиться над созиданием одной лишней маленькой крепости духовной против вражьего стана современных пагубных течений, не менее опасных нашествия бывшего на Россию «двунадесяти языков» и тем самым принести хотя бы скромную лепту на пользу дорогому Православному народу».



Храм св. Илии Пророка в Чухчерме (план).

На строительство более нового храма и келейного корпуса Министерство земледелия отпустило 4670 бревен. Денежные средства пришлось испрашивать у Синода и Государя – своих у сестер не было. Решением от 23–24 сентября 1911 Синод выделил 10 тыс. руб. из капитала, завещанного А.А. Вакуловским-Дощинским, владельцем имения в селе Мёдуши в Царскосельском уезде, 12 октября следующего года – дополнительную тысячу рублей. Государь 22 августа 1912 пожаловал от себя 1,5 тыс. руб., а несколько ранее – 5 тыс. руб. 27 декабря 1913, исполняя волю Императора, Министерство финансов отпустило 3800 рублей[10].

Настоятельница неоднократно получала щедрую поддержку на строительные нужды обители главным образом благодаря участию Императрицы Александры Феодоровны. Та обращалась к Государю, а он давал указание Синоду. В результате, Синод 23 октября 1915 выделил 2 тыс. руб., 7 декабря того же года – 6 тыс. руб., 25 марта 1916, «в виду затруднительного материального положения монастыря» – 8 тыс. руб., в феврале 1917, перед февральским переворотом, – еще столько же. Фактически монастырь был выстроен при царском содействии[11].

Строительный комитет по сооружению собора в Покровском возглавил епископ Гдовский Вениамин, в него вошли известные зодчие: проф. М.Т. Преображенский и А.В. Щусев. 4 мая 1912 матушка Мария приехала в столицу, чтобы добиться утверждения проекта деревянной церкви с колокольней («ввиду того, что уже строительный сезон в разгаре <…> дабы мы могли сразу приступить к постройке и закладке»). Проект уже через сутки одобрил Губернский строительный комитет, 7 мая – Технико-строительный комитет Синода.

Закладку нового храма, стоявшего на крутом берегу речки Мшанки, неподалеку от впадения ее в Песковатку, произвел 3 июня 1912 епископ Вениамин. Прибыв 14 июня снова в столицу, настоятельница сообщала помощнику обер-прокурора Св. Синода Петру Степановичу Даманскому, который ей очень помогал: «постройка храма и корпуса для сестер в разгаре», и снова умоляла о субсидии, так как «без внутренней отделки храма, т. е. иконостаса, икон и пр. утвари, нам не хватает на церковь и на корпус 11 тыс. руб., которые, если не получим в течение лета, просто не знаю, откуда и взять».

24 июля Арсеньева вновь в Петербурге на сей раз с просьбой к Технико-строительному комитету Министерства Внутренних дел дать официальное разрешение на строительство, которое шло уже полным ходом: «Не успеем мы закончить церковь и корпус, придется приступить к постройке второго корпуса, просфорни, св. ворот, ограды, гостиницы, дома для причта с хозяйственными постройками и пр. А на окончание церкви и корпуса еще нехватает около 10 тыс. руб. <…> Чем скорее нам удастся обстроиться, тем скорее можно будет сосредоточиться серьезно внутренним устроением обители и на ее просветительной деятельности».

Монахиня Вероника (Варвара Степановна Котляревская, 1885–1950), знавшая матушку Марию, под ее влиянием обратившаяся к вере, рассказывала интересный эпизод из истории строительства. «Как-то в самую страдную летнюю пору на станцию прибыл строительный материал и кирпич. Требовалось немедленно разгрузить вагоны. Необходимо было достать много подвод, а где их взять, когда каждая лошадь на счету, в поле.

Молодая матушка-игумения все же отправила сестер сказать крестьянам об их нужде. Но надежды, что кто-нибудь откликнется и придет им на помощь, у нее не было.

На рассвете следующего дня целая вереница подвод потянулась на 20–30 километров на станцию. Вагоны были разгружены во время, и всё было доставлено в строющуюся обитель».

Благодаря усилиям настоятельницы и поддержке Императрицы новый храм был возведен всего за один строительный сезон и уже в конце 1912 Св. Синод послал своего архитектора А.А. Полещука для его осмотра. Автором проекта высокого деревянного храма был молодой зодчий И.В. Экскузович (1882–1942),

Воскресенско-Покровский женский монастырь. Покровский собор. Фото 1910-х гг.

незадолго до этого окончивший в Петербурге Институт гражданских инженеров. Этот храм и каменная церковь свт. Алексия, Митрополита Московского в Тайцах, выстроенная тоже в неорусском стиле, – лучшие из его немногочисленных известных нам творений. После Октябрьского переворота Экскузович увлекся театром и занимался главным образом реконструкцией театральных зданий. Умер он в блокадном Ленинграде[12].

Своим видом и сложным силуэтом храм напоминал деревянные церкви XVII–XVIII веков на русском Севере. Они стали примером для творческого подражания весьма частого в неорусском направлении модерна. Зодчий взял за основу одну из деревянных церквей в Архангельской губернии (Ильинскую церковь в селе Чухчерма Холмогорского уезда. – *Ред.*). Основной четверик стоит на подклете, увенчан шатром и 8 куполами-луковками. В храм ведет высокое крытое крыльцо. Внутреннее убранство тоже было стилизовано под старину. Например, иконы в латунных рамках подражали новгородским, утварь – старомосковским образцам.

Монахиня Вероника (Врасская-Котляревская). Фото конца 1940-х гг.

Монахини и воспитанницы Воскресенско-Покровского монастыря с детьми-сиротами из приюта. Фото 1910-х гг.

В 1913 приступили к отделке и украшению строящегося храма. 5 апреля матушка получила согласие Императрицы Александры Феодоровны на отпуск из арсенала 500 пудов старой пушечной меди для отливки восьми колоколов на заводе А.С. Лаврова в Гатчине. 31 декабря того же года Главное артиллерийское управление по распоряжению Императрицы отпустило «на сооружение иконостаса <…> 300 пудов лома латуни в стреляных гильзах». Эта латунь пошла на обрамление икон в двухъярусном иконостасе.

До устройства постоянного иконостаса настоятельница попросила 4 июня 1913 передать в новый храм временный иконостас, изготовленный по эскизу кн. Михаила Сергеевича Путятина осенью 1906 для подворья Серафимо-Дивеевского монастыря в Старом Петергофе. «Этот иконостас подходит по стилю церкви». Просьба была удовлетворена 23 июля 1913. Церковь в Нежадове была освящена епископом Вениамином. На торжество прибыли две чудотворные иконы: Божией

Митрополит Вениамин совершает освящение Никольского храма-часовни подворья Воскресенско-Покровского монастыря на станции Плюсса. 1915 г.

Матери «Умиление» (это был день ее праздника) из Псково-Печерского и апостола и евангелиста Иоанна Богослова из Череменецкого монастыря. Храм был задуман двухпрестольным. Второй (боковой) придел, по меньшей мере к 1918 году, так и не был освящен.

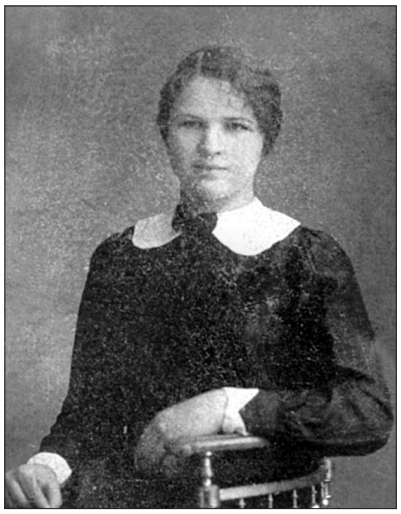
В 1913 кроме храма был завершен двухэтажный деревянный корпус для сестер с трапезной и домовой церковью прп. Сергия Радонежского, такой же дом для детского приюта и шатровая церковь[13]. Таким образом, в монастыре (к 1917) было три храма: Покровский собор, две домовые церкви: во имя Воскресения Христова в кельях сестер и прп. Сергия Радонежского в трапезной; и две часовни: во имя свт. Николая Чудотворца в ограде обители и прп. Серафима Саровского в Серафимо-Саровской пустыньке в лесу в восьми верстах от монастыря.

Дело в том, что Арсеньева в 1908 приютила в общине 17 девочек-сироток, присланных по ее просьбе из столицы вышеупомянутым обществом «Единение», ставившее целью «воспитание сирот в семейных очагах». Оно сохранило о сиротах материальное попечение, передав сестрам духовное. Обучением девочек занималась казначея м. Александра, которой помогали две послушницы. «Они (дети) принимают участие в богослужении, поют на клиросе, читают в церкви, выносят подсвечник, по очереди подают богомольцам свечи и пр.». Девочки носили синие платья, белые передники и платочки. Поначалу они жили в доме, состоявшем из пяти комнат, кухни и ванной.

После постройки в 1913 отдельного деревянного корпуса приют-школа сильно расширился и стал вмещать около сотни девочек. В 1915, в результате войны, был открыт еще один – смешанный приют, куда принимали осиротевших детей солдат и беженцев. К 1916 в этом приюте находились 120 детей[14].

В 1913 в обители жили две монахини, 4 послушницы и 36 сестер. «С увеличением числа сестер жизнь общины стала входить в более монашеско-церковный строй. Службы стали более полными, строго уставными. С осени 1913 г. установилось чтение Псалтири».

В том же году на станции Плюсса открылась Никольская шатровая часовня с переносным антиминсом, устроенная в честь 300-летия Дома Романовых. Стояла она рядом с вокзалом, у самих рельс, имела помещение для иконной лавки. Плюсса была «расположена в самом центре сектантского гнезда пашковцев, которые ведут свою пропаганду самым усиленным образом», как писал в Синод 2 июля 1915 г. митрополит Владимир. Часовня была заложена в июле, а 9 сентября 1914 г. уже освящена. При ней по очереди жили две сестры[15]. На строительство часовни 1000 рублей дал сам Император Николай II. Освящение ее как постоянной церкви на монастырском подворье совершил поздней осенью 1915 г., 21 ноября, на Введение, епископ Гдовский Вениамин. В 1920-е в этой церкви служил прот. Николай Соколов, высланный в 1930 вместе с матушкой в Муром. По-



Екатерина Васильевна Кириллова-Плисткина, в 1910-х – 1920-х гг. – послушница Воскресенско-Покровского монастыря

следним настоятелем подворского храма на станции Плюсса стал служивший здесь до 1937 священник Анатолий Шамонин, родной брат известного петербургского пастыря-исповедника протоиерея Владимира Шамонина. О. Анатолий служил здесь до своего ареста, отсюда его увезли в Ленинград, где он был расстрелян.

20 ноября 1914 община – «из-за наплыва желающих» – была преобразована в общежительный монастырь. «С преобразованием в монастырь община получит, – писала церковная пресса, – более твердую почву для своей дальнейшей работы; духовное значение ее в глазах простого народа, сохранившего благоговейное отношение к обителям, еще более усилится». Однако в декабре того же года случилась беда – сгорели все хозяйственные постройки, отчего настоятельнице пришлось просить казну выдать единовременное пособие «на приобретение хозяйственного инвентаря взамен уничтоженного». 20 февраля 1915 ей, по указанию Государя, из Синода было выдано восемь тысяч, а 8 января следующего года – полторы тысячи рублей на «окончание хозяйственных построек вместо сгоревших», которые строились «более скромных размеров, чем прежние»[16].

28 августа 1915 была открыта вакансия второго священника с окладом 600 рублей, ее в начале декабря получил священник-беженец с Волыни о. Николай Богданович. Об этом просила матушка Мария: «одного не хватает: необходимо установить ежедневную службу (что при одном священнике невозможно), необходимо установить службу в праздничные дни в нашей часовне-церкви на ст. Плюсса; кроме того, теперь много работы законоучительской при колонии для солдатских сирот, которую мы устроили при нашей обители».

Валентина Ивановна Гостева (справа), монахиня Воскресенско-Покровского монастыря. Фото 1910-х гг.

В 1916 кроме колонии для солдатских сирот обитель содержала также питательный пункт для пассажиров на станции Плюсса. Сестры оказывали трудовую и медицинскую помощь беженцам из оккупированных немцами губерний, вели в Покровском и Плюссе беседы о религии и трезвости. Несколько месяцев в обители провели эвакуированные из Риги и Митавы сестры монастырей, которыми управляли игумения Сергия и игумения Иоанна Мансуровы. Затем их перевели в Новгород в Савво-Вишерский монастырь.

В начале 1915 в монастырь послушницей поступила Вера Васильевна Розанова (1896–1919), дочь известного философа и публициста, окончившая гимназию Стоюниной. Особой она была психически неустойчивой, либералкой, общавшейся с декадентами. В монастыре чахоточная Вера провела четыре года, после чего игумения исключила ее, скорее всего, за несоответствие

Воскресенско-Покровский монастырь. Вид на Покровский собор и здание монастырского корпуса. Справа – звонница-часовня. На переднем плане – монахини с девочками-сиротами из монастырского приюта. Фото 1915 г.

Игумения Сергия и игумения Иоанна (Мансуровы). Перед эвакуацией из Риги в Плюссу. 1915 г.

Покровский собор. Фото 1920-х гг. Справа видны кресты на могилах трех нежадовских юношей-мучеников, убитых красными в 1919 г., и над местом погребения К.К.Арсеньева († 1919), отца игумении Евфросинии

монастырским требованиям. Жизнь девушки окончилась трагически – она повесилась вскоре после смерти отца[17].

В 1916 монастырь трижды: в январе, июле и 21 ноября посетил епископ Гдовский Вениамин. «Особенной торжественностью отличалось архиерейское богослужение 21 ноября, в праздник Введения, <...> по случаю годовщины открытия монастыря. <...> Почти ежегодно Преосв. Вениамин в этот день совершал в монастыре богослужение, а потому народ стекается в монастырь к этому дню в громадном числе». В июле от станции Плюсса через Модолицы был совершен крестный ход в Серафимовскую пустыньку монастыря, которая отстояла в 8 километрах от обители по дороге на станцию Серебрянка. Он вышел в 8 вечера и к часу ночи пришел в Модолицы, откуда в шесть утра пошел в пустыньку, прибыв в нее в 10 часов. На открытом воздухе была отслужена литургия. «Устроенный над престолом навес, иконостас и все иконы были красиво убраны кумачом и зеленью. Совершенная при такой обстановке литургия оставила неизгладимое впечатление». Под дождем пошли в монастырь, а на следующий день после обедни Владыка уехал из него в Петроград.[18]

Крестный ход в день закладки Барградского подворья в С.-Петербурге. На первом этаже здания, откуда выходит крестный ход, с февраля 1917 г. помещалось столичное подворье Воскресенско-Покровского монастыря

После освящения в Петербурге своего храма Императорское Палестинское общество предоставило монастырю для подворья часовню и помещение при ней на углу 2-й Рождественской улицы и Калашниковского проспекта. Часовня Петербургского подворья была освящена в 1917, в роковой день февральского переворота.

В 1917 управляющая монастырем старшая монахиня Мария (Арсеньева) была пострижена в рясофор (4 августа) и позже возведена в сан игумении... Трагический Февраль, а затем приход к власти большевиков, коренным образом изменили жизнь в России. Неизбежно это отразилось и на жизни обители.

Гражданская война. Нежадовские мученики. 1919 г.

Все лето 1919 г. фронт, разделявший белые и красные войска стоял неподалеку от монастыря, в нескольких верстах западнее Нежадова. Красными специально были сооружены линии укреплений, проходившие по окраинам деревень, лежащих в непосредственной близости от обители. Сам Воскресенско-Покровский монастырь и имение Покровское оставались в тылу красных войск. Белыми войсками на этом участке фронта (1-й дивизией, а позже – 2-м стрелковым корпусом Северо-Западной армии ген. Н. Н. Юденича) командовал брат игумении Евфросинии, генерал-лейтенант Евгений Константинович Арсеньев. Части под его командованием летом-осенью 1919 г. вели наступление на Лугу.

В августе-сентябре 1919 г. в окрестностях Нежадова трагически погибли трое юношей: Валерий Половцов, единственный сын владельца соседнего имения, профессора ботаники; а также Сергей Тепеницкий и Николай Павлов, – оба дети нежадовских крестьян. На праздник св. Илии пророка они отправились в лежавшую в 5 верстах от монастыря деревню Островно, где в это время по случаю праздника бывала ярмарка. Кто-то донес

красным, что юноши направляются туда, чтобы перейти фронт и попасть в Белую армию. Неподалеку от деревни Вяжище, в местности Осанов ручей, когда они шли по лесу, их остановил красноармейский патруль. Красные стали вызывающе грубо разговаривать с ними, и будто бы крикнули им: «Кто такие? Не дворяне ли?» Валерий Половцов ответил: «Дворяне». Тут же последовали выстрелы и все трое были убиты. Было им всем по 17–18 лет.

На общем сходе жители села, возмущенные зверским и бессмысленным убийством троих юношей, решили похоронить их за алтарем Покровского собора – как мучеников. После отпевания всех троих похоронили возле собора, при стечении всех жителей села. До этого захоронений, кроме погребенного здесь в марте 1919 г. мирно скончавшегося в своем имении отца игумении К.К. Арсеньева (22.03.1919), в монастыре не было.

Позже, в 1920-х гг. здесь был похоронен умерший в юном возрасте племянник свящ. Григория Дмитриева Павлик Родионов, воспитывавшийся в его семье, а также несколько монахинь. Местное сельское кладбище, где хоронили жителей, находилось в стороне от монастыря, на другом берегу реки Мшанки, на Сорочьей горе.

Вскоре после этих трагических событий Белая армия освободила Нежадово (7/20.10.1919). Генерал Е.К. Арсеньев вел в 1919 г. наступление на Лугу как раз через места, где располагалось родовое имение и монастырь сестры. Через 10 дней после освобождения Нежадова им была взята Луга. Еще через две недели белым войскам пришлось ее оставить. Больше ему не пришлось бывать здесь. Е.К. Арсеньев умер в эмиграции в Париже 3 мая 1938 года (похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа).

За могилой трех юношей-мучеников ухаживали сестры обители и родные, вплоть до закрытия монастыря и высылки из Нежадова вдовы В.В. Половцова – матери убиенного Валерия, и семьи Тепеницких. До настоящего времени могила их сохраняется благодаря семье Павловых и местным жителям.

И.П.

Священник Феодор Михайлов, начавший свое служение диаконом Воскресенско-Покровского монастыря в Нежадове. Фото 1920-х гг.

Советская власть официально закрыла монастырь в 1919 году, сразу после ухода Белых войск генерала Н.Н. Юденича, но сестры не разъехались и в 1922 организовали трудовую артель или сельхозкоммуну. «Образ жизни мы вели монашеский, носили монашеские одежды и питались из одного котла. Помимо этого, все мы посещали монастырскую церковь…», – вспоминала монахиня Валентина Ивановна Шкаталова (1889–1952), приехавшая в 1927 в Нежадово. В это время в обители проживало 46 человек.

«Энергичная, умная, – вспоминала монахиня Вероника об игумении, – не раз отстаивала она монастырь от грозившей ему напасти разгрома. Присланная сюда для наблюдения ответственная коммунистка вскоре обратилась к Богу, была пострижена и умерла в мантии <…> (Имеется, очевидно, ввиду мон. Евфимия (Евгения Александровна), б. чекистка, приехавшая в 1925 закрывать обитель (см. статью С.Л. Щеглова). – *С.Б.*)

Николай Павлов, один из трех юношей, убитых красными близ Нежадово († 1919)

Воскресенско-Покровский монастырь перед закрытием. Сестры обители. Фото 1920-х гг. Вторая справа – мон. Анна Пронина

Гатчина. Соборная улица. Фото начала XX в.

Однажды целая комиссия приехала на обследование. Ночью, когда все члены ее спали после сытного ужина (из деревни специально для них доставили кур и мясо), – во время полунощницы читался акафист свт. Тихона Задонского при нахождении скорби. А потом потихоньку, чтобы не разбудить незванных гостей, крестным ходом обносили иконы и хоругви вокруг всей обители <…> и спасли тогда от разорения монастырь горячие молитвы сестер.

Не раз ездила матушка в Москву, не раз беседовала с великими мира сего, и при том никогда не снимала она своего монашеского облачения, никогда не опускала при входе в любое официальное учреждение крестного знамения»[19].

По словам самой игумении на допросе, приведенным в статье С.Л. Щеглова, она, отстаивая сельхозкоммуну от закрытия, «раз пять была во ВЦИК у Смидовича <…> и два раза у Енукидзе. Привозила от них документы и монастырь продолжал действовать – до конца 1929 года. В декабре 1929 его закрыли». Землю и имущество передали колхозу «Безбожник» (после войны – «Родина»).

Игумения несколько ошиблась. Трудовая артель в Нежадове была окончательно закрыта в июле-августе 1928 после появления брошюры «Черный колхоз», в декабре же 1929 монахинь заставили покинуть место, где они подвизались более двадцати лет. В 1931 Покровский собор уже не действовал, но в домовой Воскресенской церкви службы еще были. По воспоминаниям А.А. Епанчиной, «из сестер были: мон. Мария Нежадовская, м. Екатерина, мон. Наталия-церковница, кто-то еще».[20]

Гатчина. Покровский собор (б. подворье Пятогорского монастыря), в приходе которого проживали ссыльные монахини. Фото начала XX в.

Интересно отметить многократный прием игумении М.В. Смидовичем, родным братом известного писателя В.В. Вересаева и крупным партийным деятелем. Как теперь известно, Смидович, будучи большевиком, состоял до революции в масонской ложе и, по-видимому, бывал в петербургском доме масона К.К. Арсеньева. Не там ли он познакомился с будущей монахиней?

После закрытия Воскресенско-Покровской обители 10 монахинь переехали в Гатчину, где жила семья Надежды Алексеевны Епанчиной (1890–1968), сестры милосердия в годы войны, которая в 1920 поступила в монастырь. В квартире ее отца отставного генерал-лейтенанта Алексея Алексеевича Епанчина на ул. Шмидта (б. Георгиевской), 7 и поселилась игумения Ефросиния, прожив здесь до лета 1930 года. Младшая дочь генерала – Анна, не раз бывала у своей сводной сестры в Нежадове и оставила частично опубликованные воспоминания о тамошней жизни. Матушку сменили игумения Иоанна (Мансурова) – сестра игумении Сергии, и монахини: Августа (Александра Бородина, † 1964) и Прасковья Ефимова, послушница Наталья (Самуйловская), которых через два года выслали в Казахстан.

О том, как жили нежадовские монахини в Гатчине, рассказала 18 февраля 1932 в своих показаниях следователю Надежда Епанчина: «Продовольственный котел был общий и пища готовилась у монахинь, которые жили на Вокзальной ул., 13 <…> Весь свой заработок мы отдавали одной из монахинь – Венецкой (мон. Татиане. – *С. Б.*), а потом Бутырской. Таким образом, в г. Красногвардейске (Гатчине. – *С. Б.*) ликвидированный монастырь продолжал существовать, но в меньшем размере и не было своей церкви. Зато посещали кладбищенскую церковь (Всех Святых. – *С. Б.*) <…> и возили туда на богослужения игумению Арсеньеву…». Для заработка сестры стирали, шили, стегали одеяла, работали на огородах.

После высылки игум. Евфросинии (Арсеньевой) в Муром (летом 1930. – *С. Б.*) с ней поехали 5 человек, причем одна из них – Кудрицкая (Анна Ивановна, 1888–1966. – *С. Б.*), по специальности доктор <…>; на жизнь игуменьи и обслуживающих ее монахинь присылали деньги, которые собирались между всеми (по 50–100 руб.). Я также была с Арсеньевой, а когда умерла ее мать (в 1931. – *С. Б.*), вернулась обратно, и с ней осталась только Кудрицкая, которая поступила врачом в городскую больницу. В данное время в Красногвардейске проживают 7 монахинь нежадовского

Протоиерей Феодор Михайлов
Фото 1950-х гг.

Монахиня Воскресенско-Покровского монастыря м. Анна (Пронина) после закрытия обители. Фото 1930-х гг.

монастыря <…> После ареста Арсеньевой ее (в Гатчине. – *С. Б.*) заменила Венецкая, а после ее отъезда в Нежадово – Бутырская». Несомненно, нежадовские сестры знали в Гатчине схимонахиню Марию (Лелянову), которая славилась в народе своим даром утешения.

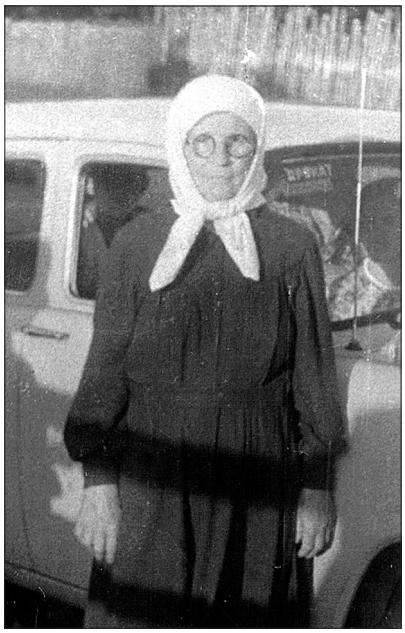
Все семь вышеупомянутых сестер были арестованы в Гатчине 18 февраля 1932 во время общесоюзной акции ОГПУ по «изъятию монашествующих» и были приговорены к трем годам ссылки в Среднюю Азию. Из следственного дела можно узнать биографии пяти из них. Елизавета Николаевна Читалина (1897 – ?) была родом из псковских крестьян и с 15 лет жила в Нежадовском монастыре. Малограмотная, она работала по хозяйству. Прасковья Ефимовна Никандрова (1898–1947) окончила сельскую школу и в 1915 поступила в монастырь. Марина Матвеевна Савельева (1885–1950) тоже была из крестьян и малограмотной. В монастыре жила с 1914 года.

Самой образованной в гатчинском уединении была Валентина Павловна Шкаталова, дворянка по происхождению. Она закончила в 1916 Бестужевские курсы и преподавала химию и физику в так называемом Зиновьевском университете в Петрограде. «Мать моя была очень религиозной <…> Когда мне было 13 лет, я сказала матери, что хочу идти в монастырь, но она меня тогда не отпустила… После смерти матери мои религиозные настроения несколько изменились и я стала увлекаться науками. Окончательно я решила уйти в монастырь в 1919 г., но разные личные причины мешали мне это сделать <…> Ушла я в монастырь только в 1927 году...» После ссылки монахиня Валентина, как и многие из бывших «нежадовских», поселилась неподалеку от Мурома, чтобы быть ближе друг к другу[21].

Летом 1930 игумения Ефросиния с несколькими сестрами разогнанной обители была выслана из Гатчины в Муром, где четыре года спустя создала тайный монастырь,

Воскресенско-Покровский монастырь после закрытия. Учителя и учащиеся местной школы. Пинерская линейка в парке возле собора. 1930–1940-е гг. Нежадовская школа. 1933 г.

Закрытый Покровский собор. 1950-е гг.



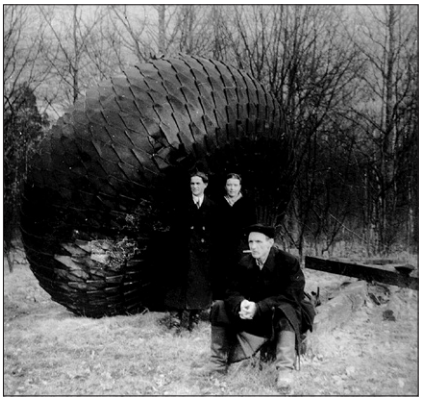
Последняя насельница Воскресенско-Покровского (нежадовского) монастыря монахиня Мария (Мария Васильевна Васильева (Соколовская), 1892, д. Палкино Псковского уезда – октябрь 1984, Нежадово). Похоронена на старом кладбище в Нежадове

который объединил многих съехавшихся сюда насельниц нежадовского монастыря. Все они признавали юрисдикцию митрополита Сергия (Страгородского). 28 ноября 1937 игумения была расстреляна в Нижнем Новгороде (тогда – Горьком); жившие с ней сестры были отправлены в лагеря или в ссылку. Часть из них выжила. Скончались они уже годы спустя после гибели своей настоятельницы. Жизнь в Муроме монахинь и их игумении документально описана в статье С.Л. Щеглова, помещенной в этом же номере журнала.

Деревянный Покровский храм, именовавшийся сестрами и крестьянами собором, в годы оккупации был открыт для богослужений и вокруг него возникла маленькая общинка из уцелевших и проживавших в окрестностях монахинь. Обслуживал приход священник, позже – протоиерей Феодор Михайлов (1903–1959), уроженец Плюссы, служивший здесь в 1920-х годах в монастыре диаконом, позже – священник храма Спаса-на-Крови, иосифлянин. После ареста в 1930 он находился в заключении до весны 1941. После освобождения вернулся на родину, где проживал в деревне Манкошев Луг в окрестностях Плюссы. Был благочинным Плюсского округа (до 1943), служил в храмах Лужского и Гдовского уездов, в том числе в Покровском соборе в Нежадове. Позже служил во Пскове. Позже – эвакуирован в Ригу. В эмиграции в Германии, позже – в США. Служил настоятелем храма Христа Спасителя в Нью-Йорке. Скончался 5.11.1959 г. в Нью-Йорке. Похоронен на кладбище Свято-Тихоновского мужского монастыря в Пенсильвании.

Летом 1944 в собор назначили служить о. Александра Максимова, рукоположенного из диаконов. Священник приезжал в храм и в 1949, который вскоре был закрыт, а по прошествии десяти лет, в 1958 – время хрущевских гонений, власти приказали его разобрать. Церковные купола еще долго лежали в долине реки Мшанки. Некоторые иконы попали в местную школу, откуда в 1990-е их передали в Историко-художественный музей в Пскове. Другие монастырские постройки погибли в 1944 при отступлении немецких войск. Дом Арсеньевых сгорел тогда же, уцелел только помещичий дом Половцовых, использовавшийся под больницу.

Школа в с. Нежадове, выстроенная в конце 1950-х гг. из бревен разобранного Покровского собора. Сгорела в 2001 г.



Разрушение Покровского собора. Один из куполов, сброшенный на землю. 1 мая 1958 г.

Нежадово. Туевая аллея около места Покровского собора. Современный вид

Дом Половцовых в Нежадове, впоследствии – здание больницы. Фото 1990 г.

Нежадово. Вековые дубы в б. имении Арсеньевых. Современный вид

В наше время Нежадово, большое и оживленное село, находится в Псковской области, на самой границе с Ленинградской. (Место, где была Серафимо-Саровская пустынька монастыря, находится в пределах С.-Петербургской епархии). В октябре 1984 в нем умерла последняя монахиня – Мария Васильевна Васильева (Соколовская). Ей было 92 года и она каждый год ездила на богомолье в Псково-Печерский монастырь. Матушка Мария не была репрессирована, как остальные сестры, по очень простой причине – она была глухонемой.

Не осталось в живых ни одной монахини Воскресенско-Покровского монастыря, не осталось и следов самой обители, кроме кладбища. Но почти все жители села знают и помнят о ней. Глядя на старые фотографии, трудно представить, что на них изображена реальная жизнь, существовавшая 90 лет назад на пустынном ныне месте. И с печалью спрашиваешь себя, возродится ли она в будущем, хотя бы в более скромном виде, или окончательно ушла в небытие?

Примечания:

[1] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. С. 107–109. В ЦГАЛИ СПб (ф.40) хранятся 280 тетрадей дневника К.К. Арсеньева за 1855-1919 гг., но его содержание интересно только с документальной точки зрения (Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978).

[2] РГИА, ф. 796, оп. 196 (2 отд. 2 ст.), д. 509; Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 211.

[3] РГИА, ф. 525, оп. 2 (216/2714), д. 136а, л. 24.

[4] РГИА, ф. 799, оп. 26, д. 981, л. 12; Мон. Вероника (Котляревская). Воспоминания монахини. Сан-Франциско, 1992. С. 17 (перепечатка – Русский паломник. 2002. № 25).

[5] (М.И. Макаревский). Воскресенско-Покровская женская община. СПб, 1911. С. 13.

[6] РГИА, ф. 796, оп. 191 (2 отд., 2 ст.), д. 617.

[7] Там же, ф. 796, оп. 196 (2 отд.2 ст.), д. 509, л. 1; Макаревский. Цит. соч., С. 3-5.

[8] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 102, д. 7; Макаревский. Цит. соч., С. 5-8

[9] РГИА, ф. 796, оп. 191 (2 отд. 2 ст.), д. 617, л. 1, 10; оп. 200 (2 отд. 2 ст.), д. 196, л. 7.

[10] Там же, ф. 796, оп. 194, д. 2409; оп. 442, д. 2473, л. 163-164; ф. 799, оп. 26, д. 981, л. 12-14, 22: Прибавление к «Церковным ведомостям». 1914. № 8. С. 456; № 45, С. 1896.

[11] Там же, ф. 796, оп. 200 (2 отд. 2 ст.), д. 196, л. 9, 18.

[12] Там же, ф. 796, оп. 200 (2 отд. 2 ст), д. 196, л. 15-16; ф. 799, оп. 26, д. 981, л. 4-5; Мон. Вероника. Цит. соч. С. 17; Б. М. Кириков. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. СПб, 1996. С. 347.

[13] РГИА, ф. 525, оп. 2 (216/2714), д. 136 а, л. 19, 9; ЦГИА СПб, ф. 256, оп. 30, д. 540; Известия по С.-Петербургской епархии. 1913. № 14. С. 14.

[14] Макаревский. Цит. соч. С. 7; РГИА, ф. 796, оп. 200 (2 отд. 2 ст), д. 196, л. 5.

[15] РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 2598, л. 48-49; оп. 200 (2 отд.2 ст.), д. 196, л. 6; ф. 273, оп. 11, д. 333, л. 159-170; ЦГИА СПб, ф. 256, оп. 32, д. 263.

[16] Там же, ф. 796, оп. 200 (2 отд. 2 ст.), д. 196, л. 1,11; Прибавление к «Церковным ведомостям». 1914. № 45. С. 1896.

[17] То же, л. 3. Литературоведческий журнал. 200. № 13–14; В.В. Фаусев. С русской бездной в душе. СПб – Кострома. 2002. С. 539, 544.

[18] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 109, д. 56, л. 56 об–57.

[19] Архив УФСБ по СПб и Ленинградской обл., д.8894, т. 1, л. 210; Мон. Вероника. Цит. соч. С. 17-18.

[20] Наследие монастырской культуры. Статьи, рефераты, публикации. Вып. 1, СПб, 1997. С. 16.

[21] Архив УФСБ по СПб и Ленинградской обл., д. 8894, т. 1, л. 219, 253-266; т. 2, л. 389-394.

Выражаю большую благодарность Т.И. Ганф и И.В. Попову, которые любезно поделились со мной своей информацией по теме данной статьи.

Судьбы нежадовских монахинь

Нежадово. Покровский собор. 1949 г.

Монахиня Анна Федоровна Пронина (Лышницкая)

Приемная дочь Лышницкого крестьянина Федора Пронина. Родилась около 1895 г. В 17 лет ушла в монастырь. Родители ее отговаривали, но она настояла на своем. Пела в церковном хоре. После закрытия монастыря жила в Лышницах. В 1937 г. была осуждена и выслана вместе с другими монахинями. Примечателен такой факт. Накануне дня отъезда все монахини, которые оставались в Нежадве* и окрестных селениях, собрались в доме родственника Анны на одном из хуторов на речке Песковатке. В последний раз собрались вместе сестры закрытой обители, чтобы проститься с монастырем, друг с другом, впереди их ждала неизвестность. По воспоминаниям племянницы мон. Анны (Лышницкой), Александры Дмитриевны Андреевой, которой в ту пору было восемь лет, такого церковного пения ей в жизни не доводилось больше слышать, и не мудрено, ведь многие из монахинь пели в монастырском хоре.

Вернулась в Лышницы Анна Федоровна лишь в 1941 г., сразу после прихода немцев в июле 1941. Как вспоминает Александра Дмитриевна, около 1947 г. Анна Федоровна ездила в Муром, встречалась с оставшимися в живых после войны монахинями. А уже примерно в 1952 г. уехала на жительство в Муром. После этого приезжала пару раз навестить младших сестер, племянников, сходить на могилки родителей. В одном из последних писем монахиня Анна писала:

– Наши нежадовские понемногу «уходят», нас осталось двое, скоро и наш черед.

В последнее время письма за нее писала работница почты, так как в конце жизни Анна Федоровна плохо видела.

Потом письма перестали приходить. Умерла монахиня Анна в 1970-е годы в селе Юрове Владимирской области.

(На фотографии «Монахини у собора» (с.101), юная монахиня Анна – вторая справа)

Монахиня Татьяна Сергеевна Сергеева

Родилась в деревне Погорелка Псковской губернии, близ Елеазаровского монастыря, в 30 км от Пскова. В семье, помимо нее, были еще: сестра Прасковья Сергеевна и брат Петр Сергеевич. Дети рано остались без родителей. Петр Сергеевич жил на родине. Сестры перебрались в Нежадву. Татьяна поступила в Воскресенско-Покровский монастырь. После закрытия обители уехала вслед за игуменией Евфросинией в Муром (Жила в с. Чудь).

Проходила по делу Арсеньевой.

После войны писала сестре Прасковье.

В 1960-е годы была жива, от нее в Нежадву приходили письма.

Монахиня Мария (Нежадовская) (Мария Ивановна Данилова)

Родилась в 1890-х годах в Нежадве в крестьянской семье. Отец – Иван Иванович Данилов, мать – Екатерина Гавриловна.

Семья состояла из четырех братьев: Александра, Петра, Федора, Василия и Марии.

В начале 1930-х годов ей было около 40 лет.

В монастыре пела в хоре. Занималась шитьем. После закрытия монастыря осталась в Нежадве. В начале 1930-х годов ездила в Казахстан. (В это время были первые высылки Нежадовских сестер в ссылку из Гатчины и она, по всей вероятности, ездила туда навестить кого-либо из сестер Воскресенско-Покровского монастыря.)

Летом 1937 г. была выслана из Нежадвы вместе с оставшимися сестрами обители.

По воспоминаниям племянника Н.Ф. Данилова, монахинь отправляли в Плюссу, а оттуда в спецваго-

* Нежадва – старинное название с. Нежадово.

Монахини нежадовского монастыря. Справа – монахиня Татиана (Сергеева). Окрестности Мурома, с. Чудь, Владимирская область. 1950-е годы

не – в Лугу, а затем – в Ленинград. Брат монахини Марии Федор жил на хуторе близ Нежадова. Узнав, что сестру выслали и отправили поездом, он верхом на лошади прискакал в Лугу, где догнал еще стоявший на станции поезд. Здесь он успел попрощаться с сестрой, которая поняла, что в ссылке ее ждет тяжелый и изнурительный труд, и передала ему швейную машинку, взятую с собой.

С этапа от нее пришло домой несколько писем. Больше никаких известий о Марии не было.

Монахиня Елена Гапонек

Родилась в 1890-х годах на Украине (?). После закрытия монастыря жила в Нежадве. Вернулась в годы войны в Нежадово, где жила в небольшом домике. Держала коз, занималась огородничеством. Жители ласково называли ее Ленушка. В конце жизни жила в няньках у учителей. Умерла в 1960-е годы. Похоронена на Нежадовском кладбище.

Монахиня Валентина (Гостева Валентина Ивановна)

Родилась в 1895 г. в С.-Петербурге. Из семьи инженера Гостева. Семья была большая. Получила образование в гимназии. В совершенстве владела французским языком. После закрытия монастыря, осталась в деревне Звягино. До войны жила на Тарасовом хуторе в маленьком домике. И до войны, и после войны всегда держала коз. В 1937 г. выслана не была, вероятно, по причине инвалидности (горбатенькая). В Ленинграде у нее жила родная сестра Мария – учительница, и подруга детства Надежда, которые приезжали к ней в Звягино, в двух километрах от Нежадово. Местные жители дер. Звягино уважали Валентину Ивановну за ум и за любовь к людям. Она пасла коз и овец. Умерла Валентина Ивановна в 1971 г. Похоронена на старом кладбище. Могилка ухожена, за ней смотрит Нина Георгиевна Серякова.

(В 1960-е годы сестрам Гостевым приходили письма из Америки от кого-то из братьев или сестер).

Послушница Кириллова-Плисткина Екатерина Васильевна

Родилась в 1897 г. в семье нежадовского крестьянина Василия Кирилловича Кириллова. Закончила школу (училище) при монастыре и была воспитателем. В середине 1920-х годов оставила монастырь и ушла в мир. Вышла замуж за директора вновь образовавшейся Нежадовской школы Тимофея Семеновича Плисткина, обвенчалась в Петербурге. В начале 1930-х годов уехала в Ленинград с двумя детьми к мужу, который, по воспоминаниям родственников, буквально бежал из Нежадова, так как начальство преследовало его, и к тому же жена была верующей.

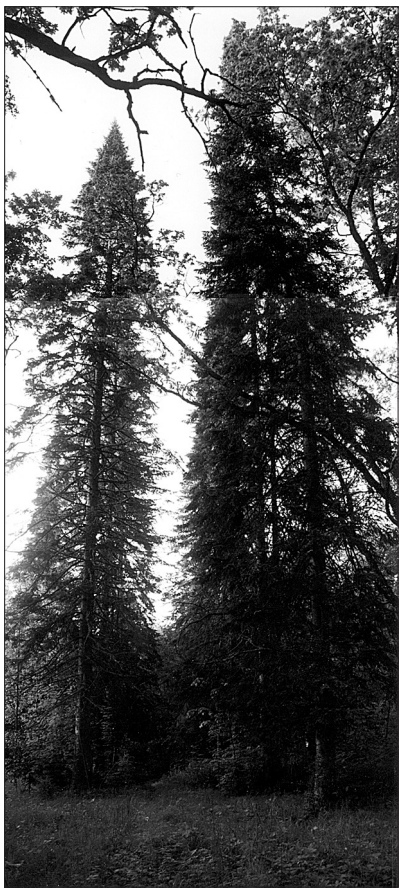
В Ленинграде Екатерина Васильевна работала в школе в начальных классах. Тимофей Семенович закончил Ленинградский строительный институт, служил в армии, воевал на Халхин-Голе.

Во время войны, в 1942 г., при эвакуации в Ярославль эшелон, в котором ехала Екатерина Васильевна, разбомбили, два сына погибли.

В Ярославле Е.В. Кириллова работала учительницей в школе и посещала церковь, но работу пришлось оставить, так как директор поставил условие – либо школа, либо церковь. Кириллова оставила школу, жила шитьем.

После войны Екатерина Васильевна вернулась в Ленинград и до пенсии работала учительницей. Умерла в 1972 г. Похоронена вместе с мужем на Богословском кладбище в С.-Петербурге.

В.П. Лукьянчиков

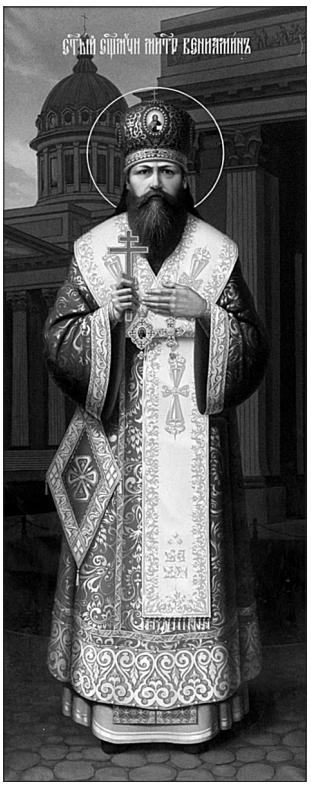


Нежадово. Вековые ели в монастырском парке (возле места, где стоял Покровский собор). Фото 2003 г.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

«ДЕЛО» МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА

В субботу 10 июня 1922 года, возле здания бывшего Дворянского Собрания на углу Михайловской и Итальянской улиц, где должны были проходить заседания Петроградского революционного трибунала, собралась огромная толпа. Несколько десятков тысяч людей в благоговейной тишине ждали появления конвоя с митрополитом. Едва показалась передняя конная стража, люди стали на колени и запели: «Спаси, Господи, люди Твоя...» Митрополит со слезами на глазах благословил народ.



Трибунал заседал меньше месяца и 5 июля 1922 года присудил к расстрелу десять человек: митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Ю.П. Новицкого, И.М. Ковшарова, епископа Венедикта, прот. Н.К. Чукова, прот. Л.К. Богоявленского, прот. М.П. Чельцова, Н.Ф. Огнева и Н.А. Елачича. После ходатайств перед ВЦИК о помиловании, последним шести подсудимым расстрел был заменен на долгосрочные тюремные заключения.

Данные, положенные в основу обвинительного акта по так называемому делу петроградских церковников, в общих чертах сводятся к следующему.

В связи с изданием декрета об изъятии церковных ценностей патриархом Тихоном 15 февраля ст. ст. было издано известное послание «Ко всем верным чадам Российской Православной Церкви», направленное против изъятия ценностей. Это послание было преподано митрополитом Вениамином духовенству как директива высшей церковной власти. Для выяснения условий практического проведения декрета в жизнь митрополит вступил в переговоры со Смольным, причем предъявил ряд требований, на исполнении которых настаивал, как путем личных переговоров и переговоров через особо уполномоченных лиц, так и путем посылки писем. 6-го марта было послано первое письмо в Помгол, в котором, в виде условий, перечислялись эти требования;

13 марта – второе письмо с шестью ультимативными пунктами. Между прочим, в одном из писем насильственное изъятие ценностей признавалось актом «кощунственно святотатственным».

Эти письма были использованы как орудие пропаганды, переписывались, распространялись, оглашались в некоторых церквах. Одно из них было оглашено на лекции священником Заборовским.

Кроме того, митрополит в конце февраля произнес в Лавре речь, которая была признана контрреволюционной, а 5 марта в алтаре Исаакиевского собора созвал особое совещание все по тому же вопросу.

Соглашение со Смольным было заключено, после чего было приступлено к изъятию ценностей, которое, однако, не везде прошло благополучно.

Так, 15 марта у Казанского собора собралась большая толпа народа, которая, узнав о предстоящем изъятии, стала волноваться, грозить, были случаи антисоветской агитации.

14 апреля у Иоанновского монастыря 2-тысячная толпа ворвалась в келии, начала бомбардировать комиссию по изъятию ценностей камнями, некоторые забрались на колокольню и стали бить в набат.

26 марта у Рождественской церкви толпа была рассеяна лишь воинской силой.

21 апреля у Князь-Владимирского собора совершено насилие над членами комиссии, то же самое 26 апреля у церкви Покрова и у Андреевского собора.

14 марта толпа бушевала у церкви Скорбящей Божией Матери.

16 марта на Сенной площади, близ церкви Спаса многочисленная толпа произвела беспорядки, был избит представитель милиции.

30 марта у Знаменской церкви в толпе велась агитация против изъятия ценностей, сопровождавшаяся избиением милиции.

4 мая трехтысячная толпа бесчинствовала около Путиловской церкви, причем были избиты члены комиссии».

Следственная власть, остановившись на предположении, что все беспорядки носят организованный характер, направила свои силы на установление той организации, которая играла в этом деле руководящую роль. В результате следствие пришло к заключению, что.такой организацией является Правление Союза православных приходов, близко соприкасающееся с митрополитом Вениамином. По заключению следственной власти, это Правление в лице его активной группы, совместно с митрополитом вырабатывало текст его писем в Помгол, созывало собрания, причем протоколов не вело. Эти письма распространяло в целях агитации и пропаганды. Помимо обычных собраний, предусмотренных уставом, было собрание на квартире Аксенова, где обсуждались вопросы, связанные с изъятием ценностей. Результатом этой деятельности явились беспорядки и бесчинства у церквей и ряд случаев противодействия изъятию в различных формах.

На основании этого привлечены к ответственности по 62 и 119 статьям нового уголовного кодекса, предусматривающим применение высшей меры наказания, следующие лица:

1) митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский), 49 лет;

2) бывший присяжный поверенный Иван Михайлович Ковшаров[1], 44 года;

3) профессор уголовного права Юрий Петрович Новицкий[2], 39 лет;

4) секретарь Правления православных приходов Николай Александрович Елачич[3], 50 лет;

5) профессор богословия Владимир Николаевич Бенешевич, 47 лет;

6) настоятель Казанского собора протоиерей Николай Кириллович Чуков[4], 52 года;

7) священник Исаакиевского собора Стефан Иванович Зинкевич, 37 лет;

8) епископ Кронштадтский Венедикт[5] (в миру Виктор Васильевич Плотников), 50 лет;

9) настоятель Троицкого собора протоиерей Михаил Павлович Чельцов[6], 52 года;

10) профессор богословия Иван Алексеевич Карабинов, 44 лет;

11) настоятель Исаакиевского собора протоиерей Леонид Константинович Богоявленский[7], 51 год;

12) профессор военно-юридической академии Дмитрий Фролович Огнев[8], 59 лет;

13) архимандрит Сергий (в миру Василий Павлович Шеин[9]), 56 лет;

14) староста Казанского собора, член Общества православных приходов Константин Михайлович Сапетов;

15) протоиерей Симеоновской церкви Сергий Иванович Бычков;

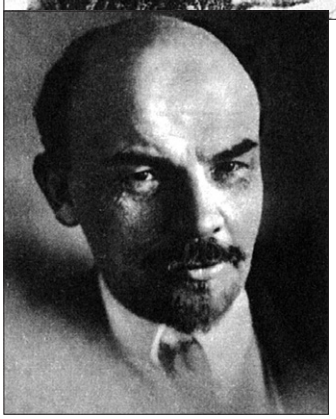
16) настоятель церкви Спаса-на-Сенной протоиерей Александр Васильевич Петровский;

17) помощник секретаря канцелярии митрополита, ассистент политехникума Лев Николаевич Парийский.

Заключительная часть предъявленного им обвинения говорит о том, что митрополит Вениамин, состоя главой Православной Церкви в Петрограде, а остальные из перечисленных лиц – членами Православного Общества церковных приходов, добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, «для чего использовали свою организацию, действуя тем самым, заведомо для себя, в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, чем содействовали той части международной буржуазии, которая стремится к свержению рабоче-крестьянского правительства,– то есть в преступлениях, предусмотренных статьями. 62 и 119 уголовного кодекса».

Кроме того, по ст. ст. 72, 73, 77, 86, 119, 150, 180, 185 привлечены следующие лица: протоиерей и благочинный

Процесс петроградского духовенства, по которому были осуждены митрополит Петроградский Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин), Иоанн Ковшаров и Юрий Новицкий



Строго секретно

Товарищу Молотову для членов Политбюро

«…Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий.

...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»

В. Ульянов (Ленин)

19.03.1922

9-го округа М.Ф. Союзов, настоятель Владимирской церкви П.А. Кедринский, священник церкви при консерватории А.М. Толстопятов, ктитор той же церкви С.М. Ляпунов, священник Спасо-Колтовской церкви К.Н. Флеров, настоятель церкви Скорбящей Божией Матери С.С. Никиташин, свящ. В.П. Семенов, прот. Н.А. Комарецкий, настоятель церкви Покрова В.А. Акимов, настоятель Спасской церкви М.В. Тихомиров, П.П. Виноградов, А.М. Борисов, М.И. Перепелкин, Е.И. Закржевская, В.И. Изотов, А.Г. Антонов, М.В. Кравченко, Бессалов, свящ. церкви Волкова кладбища Н.В. Никольский, Козеинов, Пешель, Филатов, Абдалов, Емельянов, Зальман, Янковский, Дубровицкий, прот. М.П. Дымский, Янковская, прот. М.П. Ливенцов, врач-хирург Соколов, настоятель Знаменской церкви прот. П.П. Козьмодемьянский, свящ. церкви Знамения Соколов, Сенюшкин, Высокоостровский, Гурьянов, Миронов, Смирнов, зав. 29 убежищем престарелых Черняева, Кудрявцева А., Кудрявцева Е., Попов, Травин, Пестовой, Киселев, П. Чельцов, Островский, Касаткин, настоятель церкви Скорбящей Божией Матери прот. К.В. Ивановский, Дмитриев, Жабров, Федоров, Корчагина, Низовцева, Маркин, Пилкина, Власова, Поздняков, настоятель церкви Покрова на Боровой прот. Л.В. Дьяконов, Королев, И.Н. Орнатский, настоятель церкви Марии Магдалины на Малой Охте прот. Бобровский, Петрова, настоятель Рождественской церкви на Песках прот. П.П. Левицкий, Гусаров, Пикленок, В. Соустов, Ананьев, Герасимов, Беззаботкин, Смирнов и Савельева.

Из числа подсудимых группа лиц – директор института глухонемых Янковский, его жена Янковская, преподаватель Дубровицкий, священник Дымский, ктитор церкви при институте Зальман – обвинялись в сокрытии и хищении церковных ценностей, для чего проникли в опечатанное помещение при церкви.

По делу вызывалось 43 свидетеля. Весь следственный материал составил огромное «дело» в нескольких томах, и в процессе судебного разбирательства это дело еще более распухло.

Из данных обвинительного акта видно, что в один судебный процесс, в сущности, соединен ряд дел со слабой взаимной связью,– настолько слабой, что временами эта связь имела механический характер и страдала даже хронологическая последовательность. Так, события, вызвавшие дело «о сокрытии и хищении церковных ценностей» в институте глухонемых, произошли в декабре 1920 года, – до издания декрета об изъятии,– тогда как большинство дат обвинительного акта в отношении других дел относятся к апрелю – маю 1921 года и связаны с проведением в жизнь декрета.

Слабую зависимость между собою отдельных групп подсудимых в свое время усиленно подчеркивала защита, указывавшая, между прочим, что в одном и том же процессе много лиц, обвиняемых в тягчайших преступлениях, и лиц, которых можно было бы привлечь разве только за нарушение общественной тишины и спокойствия, если бы соответствующая статья имелась в уголовном кодексе...

Эта разнородность преступлений очень ярко сказывалась в той пестроте возрастов, социального положения, уровня интеллектуального развития, которая резко бросалась в глаза при первом взгляде на скамьи подсудимых...

Состав трибунала: председатель Н.И. Яковченко, члены – Семенов и Каузов, заместитель – Смирнов, секретарь Давыдова.

Общественное обвинение: Смирнов, Красиков, Крастин, Драницын.

К общественной защите допущены проф. Жижиленко, Гурович, Гиринский, Равич, Элькин, Павлов, Генкен, Бобрищев-Пушкин, Масинзон, Ольшанский, Гамбургер, Гартман, Энтин, Рауш.

Рассмотрение дела началось 10 июня. Порядок заседаний: утреннее – с 12 ч. до 3–4, двухчасовой перерыв и вечернее – до 10–12 ч. ночи.

Заседания революционного трибунала происходили в большом зале филармонии (б. Дворянское собрание). На эстраде – стол с красным сукном, внизу, по бокам эстрады, – два стола для стенографисток и для печати. Рядом – двое часовых под ружьем. Против, посредине зала, –

небольшой столик, тоже под красным сукном, к которому вызываются подсудимые и свидетели. Сзади него – двое часовых. Слева – стол обвинения, справа – стол защиты, сзади которого, возвышаясь ярусами, – несколько рядов скамей для обвиняемых. Вся остальная часть зала, ложи, балкон отведены для публики.

Первый и часть второго дня процесса были уделены обычным формальностям.

Много времени заняло чтение обвинительного акта, напечатанного на 70 с лишним страницах.

На поочередном допросе о виновности все подсудимые заявляют:

– Нет, не виновен.

Лишь благочинный девятого округа протоиерей М.Ф. Союзов признал себя виновным в частичном распространении воззвания митрополита, а бывший красноармеец Семенов – в сопротивлении при аресте.

Подсудимая Савельева покорно заявляет:

– На ваше усмотрение.

Судебное следствие начинается с допроса митрополита Вениамина.

– Подсудимый гражданин Казанский, – вызывает его председатель.

В зале сильное движение.

Бывший митрополит Вениамин поднимается со своего места и размеренным шагом, не спеша, опираясь одной рукой на посох, а другую приложив к груди, выходит на средину зала. На лице его нет признаков ни волнения, ни смущения. Чувствуется привычка двигаться и говорить под устремленными на него глазами масс. Он скуп в движениях, скуп в словах, не говорит ничего лишнего, отвечает по существу. И только иногда, в силу большой разницы во взглядах на содержание определенных понятий, в силу разницы психологии, в силу той пропасти, которая отделяет представителя монашествующего духовенства от мирянина, к тому же антирелигиозного, в его ответах чувствуется как будто уклончивость, а они не удовлетворяют допрашивающих, создается взаимное непонимание.

Председательствующий одним из первых задает вопрос:

– Как вы относитесь к Советской власти?

– Мое отношение к ней – отношение к власти. Все ее распоряжения и все декреты по мере своего разумения исполняю и принимаю к руководству.

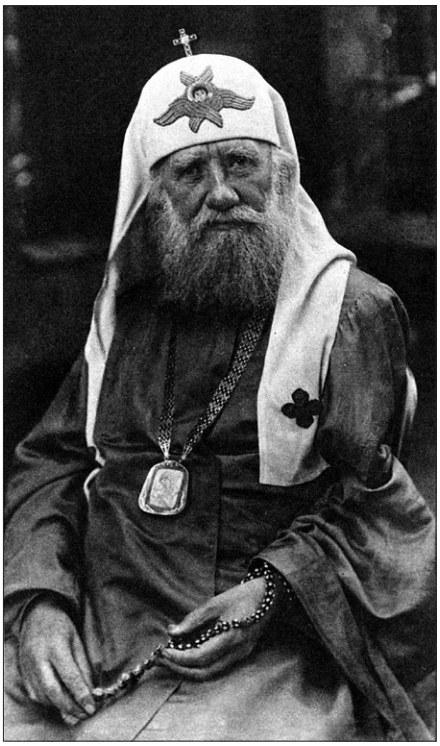
– Ну да, это так. Но признаете ли вы ее?

– Признаю, как и всякую гражданскую власть.

Далее трибунал переходит к центральному пункту обвинения – к двум письмам митрополита в Помгол (помощь голодающим) в Смольный.

Митрополит подробно рассказывает историю возникновения писем в связи с изданием декрета и желанием безболезненного проведения его в жизнь. Вопрос об изъятии для церкви и ее верующих – большой вопрос, к разрешению которого нужно было подходить особенно осторожно, особенно если принять во внимание психологию масс молящихся. Эти письма являлись результатом осторожного подхода к данному вопросу.

«...Необходимо всем, кто только может, помочь страдающему от голода населению. ...Мы вторично обращаемся ко всем, кому близки и дороги заветы Христа, с горячей мольбою об облегчении ужасного состояния голодающих. ...Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, деля с ними кусок хлеба и одежду по заветам Христа. ...Призывая на всех благословение Божие, молю православный русский народ, чад Церкви Христовой откликнуться на этот наш призыв».



Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея России 24.01/6.02.1922

– Вы их как писали,– посоветовавшись с кем-нибудь или самостоятельно?

– Я писал их сам. Я сам решил, что их нужно послать.

– А в Правлении православных приходов эти письма не подвергались обсуждению?

– Нет. Составлял я их самостоятельно.

– Ну, а затем, после того как они были посланы, вы сообщили их Правлению?

Епископ Гдовский Вениамин. Фото 1910-х гг.

Святейший Патриарх Тихон и митрополит Вениамин. Петроград. Александро-Невская лавра. Весна 1918 г.

– Да, я довел их до сведения Правления.

– Правление их обсуждало?

– Нет, просто приняло к сведению.

– Зачем же вы сообщили о них, и вообще, зачем вы бывали в Правлении? .

– Я находил возможным сообщать Правлению о своих переговорах со Смольным, хотел знать мнение членов Правления, но мои шаги в этом случае не являлись предметом обсуждения.

– А ваши мнения являлись обязательными для всех членов церкви?

Подсудимый не понимает вопроса.

– Рассматриваются ли ваши мнения, хотя бы высказанные в этих письмах, как обязательные к руководству и исполнению, и вообще, все ли ваши предписания должны были исполняться?

– В области административной, как распоряжение по митрополии, мои предписания обязательны к исполнению. Письма же не являлись предписаниями.

– А ваши канонические взгляды?

– Поскольку они опираются на каноны, обязательные для всех верующих сынов православной церкви.

– А в случаях разногласий?

Святейший Патриарх Тихон и митрополит Петроградский Вениамин. Петроград. Весна 1918 г.

– Мои мнения как главы Петроградской церкви являлись авторитетными. Но бесспорными являлись лишь административные предписания.

К этому вопросу неоднократно возвращались при допросе как представители общественного обвинения, так и защиты.

– Каким образом распространялись ваши письма?

– Я не могу сказать. Я их не рассылал по митрополии.

– Тем не менее они получили широкое распространение.

– Не знаю. Знаю, что одно письмо было оглашено на лекции священником Заборовским, и слыхал, что на оглашение этого письма он получил словесное разрешение при переговорах в Смольном.

При дальнейшем допросе много времени уделяется вопросу об отношении к деятельности зарубежного духовенства.

В этой части допроса митрополит неоднократно заявляет о своей слабой осведомленности.

– Но ведь все это вас как главу Церкви должно было интересовать? – удивляется обвинение. – О Карловацком соборе ведь слышали?

– Да. Мне передавали о нем частным образом.

– Почему же такая неосведомленность? Ведь вы так недавно были администратором заграничных церквей.

– Формально был. Но затем связь с заграничными церквами была утрачена.

– Кто теперь заступает ваше место?

– Моим правопреемником является архиепископ Евлогий.

– Каким образом состоялось замещение?

– Я получил об этом извещение в порядке управления церковью. Подробностей не знаю.

– Политическая физиономия Евлогия вам известна?

– Лично меня вопросы политики не интересуют.

Упорному анализу подвергалась криминальная фраза в письме о том, что насильственное изъятие является актом кощунственно-святотатственным. Обвинители Красиков и Драницын не раз сводили допрос на каноническую почву, и тогда допрос принимал характер богословского диспута; на эту плоскость митрополит Вениамин становился с видимой неохотой и воздерживался от пространных суждений, несмотря на то, что и защита иногда становилась на этот путь. Обвинение, видимо, осталось не удовлетворенным теми ответами, которые давал подсудимый, о примирении тех противоречий, которые иногда могут быть между велениями гражданской власти и власти церковной, между требованиями закона и требованиями религии.

На этой почве произошел инцидент. Обвинитель Смирнов по поводу занимаемой подсудимым в этом вопросе позиции выразился:

– Митрополит сидит между двух стульев.

Защита выразила протест против таких заявлений. Затем часть защиты протестовала против расширения рамок процесса введением богословских мотивов.

Со своей стороны, представитель обвинения Крастин выразил протест против метода допроса защиты, благодаря которому вместо вопросов и ответов ведется рассказ, и подсудимому, таким образом, подсказывается благоприятный для него ответ.

В вопросе об отношении к прогрессивному духовенству, письму 12-ти священников и к организации высшего церковного управления митрополит становится на формальную точку зрения. Письмо 12-ти являлось самочинным выступлением части духовенства, и в Правлении православных приходов оно вызвало недоброжелательное отношение потому, что этим письмом 12 священников отмежевывались от всего духовенства, выставляя тем самым остальных в неблагоприятном освещении; что же касается привлечения протоиерея Введенского к высшему церковному управлению, то оно состоялось без соблюдения целого ряда формальностей, и действия протоиерея можно было рассматривать как самочинные. «Отлучения» Введенского от церкви, как это понимает обвинение, не было. Было сделано лишь предупреждение с угрозой отлучения.

Интересовалось обвинение отношением митрополита к той части духовенства, которое покинуло Советскую Россию в момент отступления ген. Юденича.

Митрополит в этом вопросе также стал на формальную сторону. Он получил известие, что часть духовенства оставила свои приходы, а потому было дано распоряжение о том, чтобы эти приходы считать вакантными и на пустующие места назначить заместителей.

Допрос митрополита длился в течение полутора дней – 11 и 12 июня.

После митрополита допрашивался профессор уголовного права Ю. П. Новицкий и др.

<...>

4 июля подсудимым предоставляется последнее слово, выслушанное в глубоком молчании. Первым встает митрополит Вениамин:

– Народ судит меня во второй раз. Первый раз я предстал перед народным судом пять лет тому назад, когда в Петрограде происходили выборы митрополита.

Тогда собралось несколько тысяч рабочих и крестьян – тех, которые послали вас сюда судить меня.

Несмотря на то, что я не был официальным кандидатом и не был угоден ни правительственным, ни высшим церковным кругам, они избрали меня.

После этого я все время работал при Советской власти, причем всюду, куда я ни являлся, куда ни приезжал, вначале власть меня встречала подозрительно, но когда узнавала, отношения резко менялись. Представители власти убеждались, что я не враг народа, не враг народной власти.

Митрополит приводит несколько примеров, подтверждающих эту мысль, и продолжает:

– Теперь меня судят во второй раз представители народа. Я ни в чем не виноват перед теми рабочими, которые вас, судьи, послали судить меня. Я аполитичен, живу только интересами Церкви и народа и во всем исполняю веления Господа. Не виноваты и другие. Здесь старались выяснить вопрос, был ли подсудимый Бычков на собрании у Аксенова. Перед раскрытой могилой призываю имя Божие и заявляю: не был.

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. 1917 г.

Каков бы ни был ваш приговор, я буду знать, что он вынесен не вами, а идет от Господа Бога, и что бы со мной ни случилось, я скажу: Слава Богу.

Митрополит осеняет себя крестным знамением и садится.

Подсудимый Новицкий свое последнее слово, в котором он заявляет о своей невиновности, о том, что он никогда не был врагом народа, предателем его и изменником, чему доказательством служит вся его жизнь и деятельность, кончает просьбой, обращенной к революционному трибуналу:

– Если все-таки нужна жертва в этом процессе, возьмите мою жизнь, но пощадите остальных. Хотя после меня и останется 14-летняя девочка...

Ковшаров вспоминает, как во время своей адвокатской практики ему приходилось выступать в военных судах, когда он как защитник, отстаивая жизнь подсудимых перед суровыми, непреклонными судьями, исполнителями воли власти, требовал строгого соответствия между преступлением и наказанием. Здесь также приходится говорить о том, что грозящее наказание никак не может находиться в соответствии с теми данными, которыми располагает обвинение. Общественный обвинитель Смирнов неоднократно называл нас здесь лжецами, лицемерами, обманщиками. Но он нас должен бы был назвать сумасшедшими, если бы мы вздумали начать войну с Советской властью с целью ее свержения с армией баб и подростков. И это после того, как эту власть не могли свергнуть вооруженные организованные армии Колчака, Деникина, Юденича, поляков.

Разбирая доводы обвинения, Ковшаров свое последнее слово кончает заявлением:

– Для братской могилы в 16 человек материала для обвинения мало.

Архимандрит Сергий (Шеин) говорит, что ему будет поставлена и ставится в вину его принадлежность к фракции националистов в Государственной Думе. Но он в Думе не занимался политической борьбой, а работал исключительно в церковной комиссии. Монашество он принял не для того, чтобы скрыть под клобуком свое политическое прошлое, а по своим религиозным убеждениям; никакой борьбы с Советской властью не вел, вел только борьбу с самим собой. Смерть он встретит спокойно, зная, что она, как и все,– от Бога.

Правом последнего слова воспользовались все подсудимые, в котором они заявляли о своей невиновности.

Революционный Трибунал объявляет прекращение судебных заседаний и удаляется на совещание для постановления приговора.

Совещание продолжалось около суток.

5 июля здание филармонии было закрыто до 3 часов; публика впускалась к вечеру, только после тщательной проверки входных билетов, вместе с документами, удостоверяющими личность. Образовался огромный «хвост».

К моменту вывода подсудимых большой зал филармонии был наполнен публикой. В 8 ч. 55 м. выходит Революционный Трибунал.

Председатель Яковченко оглашает приговор, чтение которого занимает 45 минут.

В частности, виновность *Казанского (митрополита Вениамина), Новицкого, Ковшарова, Богоявленского, Чельцова, Елачича, Чукова, Огнева, Шеина, Плотникова, Бычкова и Петровского* установлена в том, что они совместно с митрополитом Правлению приходов Православной Церкви придали характер деятельности, поставившей себе целью борьбу с Советской властью, обратив таким образом Правление указанной активной группы в боевой штаб, действующий на основе директив, выработанных в духе послания Патриарха Тихона, для чего и действовали всяческими способами.

На основании вышеизложенного упомянутую активную группу в лице Казанского, Новицкого, Ковшарова, Елачича, Чукова, Плотникова, Богоявленского, Огнева, Шеина, Чельцова М.– подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять[10].

Бычкова и Петровского лишить свободы с применением строгой изоляции сроком на три года, Парийско-го – на пять лет, Кедринского, Союзова, Акимова и Ивановского – на 3 года, Никольского, Флерова, Никиташина, Дьяконова, Виноградова, Орнатского и Левитского – к принудительным работам без содержания под стражей сроком на 2 месяца; Борисова, Пешель, Соколова С., И. Королева – на 2 года строгой изоляции; Сенюшкина, Изотова, Антонова, Козеинова, Высокоостровского, Киселева, Касаткина, Жаброва, Федорова, Гусарова, Ананьева, Беззаборкина, Смирнова Ф. и Смирнова Я. лишить свободы на 6 месяцев; Гурьянова, Пестову, Перепелкина, Кудрявцеву А. и Кудрявцеву Е., Черняеву – тоже на 6 месяцев, но условно; Дмитриева от наказания освободить, Петрову и Корчагину – на 7 дней принудительных работ без содержания под стражей; Толстопятова, Ливенцова –

Процесс Петроградского духовенства, на котором был осужден большевиками митрополит Вениамин и иже с ним пострадавшие. Петроград. Зал б. Дворянского собрания (ныне – Большой зал филармонии).1922 г.

строгой изоляции на три года; Ляпунова лишить свободы на 6 месяцев, но условно; Янковского и Зальман – на 3 года строгой изоляции; Дубровицкого и Емельянова – к принудительным работам на 3 месяца.

Бенешевича, Зинкевича, Карабинова, Комарецкого, Тихомирова, Закржевскую, Кравченко, Филатова, Абдамова, Козьмодемьянского, Соколова А., Миронова, Попова, Чельцова П., Островского, Низовцеву, Пилкину, Власову, Позднякову, Бобровского, Соустова, Савельеву, Дымского, Герасимова и Травина считать по суду оправданными.

Срок наказания осужденным к лишению свободы и принудительным работам считать со дня их ареста.

Судебные издержки возложить на осужденных за круговой их ответственностью.

В отношении бывшего патриарха Тихона возбудить уголовное преследование.

Дело священника В. Семенова за смертью прекратить.

Приговор был встречен аплодисментами.

При слове «расстрелять» с кем-то в зале случилась истерика...

Подсудимые выслушали приговор спокойно. На их скамьях была тишина.

Председатель тотчас же вызывает на средину зала оправданных, осужденных условно и тех, чей срок тюремного наказания по приговору покрывается предварительным заключением, и объявляет их освобожденными из-под стражи.

Затем Трибунал удаляется.

Охрана просит очистить зал.

<...>

Свидетель последних минут жизни казненных рассказывал: «Новицкого угнетала мысль, что остается круглой сиротой его единственная 14-летняя дочь, и он плакал, просил передать ей на память прядь своих волос и серебряные часы; Ковшаров издевался над палачами; отец Сергий громко повторял молитву «Прости им, Боже, не ведают бо, что творят»; митрополит Вениамин тихо молился, крестясь...»

Насильственное изъятие церковных ценностей и погромы церквей вызвали народную волну сопротивления. Советская власть ответила репрессиями: две тысячи судебных процессов собрали урожай – расстреляно более десяти тысяч верующих и сотни тысяч отправлено в лагеря. Русская Церковь украсилась сонмом мучеников и исповедников, возносящих молитвы о спасении России перед Престолом Небесного Царя.

Из книги И. Авдиева «Дело митрополита Вениамина»

Примечания:

[1] И. М. Ковшаров, бывший присяжный поверенный, юрисконсульт Александро-Невской лавры. Расстрелян по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922.

[2] Ю. П. Новицкий, профессор уголовного права Петроградского университета, председатель Общества объединенных петроградских приходов. Расстрелян по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922.

[3] Н. А. Елачич, бывший действительный статский советник, секретарь Правления православных приходов, преподаватель военно-броневой автомобильной школы. Приговорен трибуналом к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. Погиб в 1933 на Беломорканале.

[4] Прот. Николай Кириллович Чуков, настоятель Казанского собора, ректор Богословского института. Постановлением ВЦИК приговор к расстрелу был заменен тюремным заключением. С сентября 1942 г.– епископ Саратовский, затем архиепископ Псковский. С 1945 – митрополит Ленинградский и Новгородский. Скончался 5 ноября 1955.

[5] Венедикт (Плотников), епископ. Родился 25 октября 1872. В 1893 окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию и определен псаломщиком Петрозаводского кафедрального собора и учителем пения Духовного училища. 15 августа 1894. – рукоположен во священники того же собора. 1902 – окончил Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. 1902–1907 – священник Петербургской церкви убежища слепых. 1907–1918 – законоучитель и настоятель церкви Петроградского Павловского женского института и законоучитель разных учебных заведений. 1918–1919 – настоятель Кронштадтского Никольского морского собора. 1919–1920 – ключарь Исаакиевского кафедрального собора. 15 августа 1920 – пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. После осуждения (приговорен трибуналом к расстрелу, который был заменен затем тюремным заключением) и тюремного заключения с февраля 1924. управлял Ленинградской, а с 25 октября 1924 – и Олонецкой епархиями. С 18 декабря 1925 – епархией не управлял. С 1931 – управляющий Вологодской епархией, но именуется епископом Кронштадтским. 4 апреля 1933 – возведен в сан архиепископа. С 16 июня 1933 – архиепископ Вологодский. С 5 октября 1933–архиепископ Новгородский. В августе 1936 – уволен на покой. 7(20) декабря 1936 – архиепископ Казанский и Свияжский. 28 февраля 1937 арестован в Казани. 11.08.1937 приговорен к расстрелу. Расстрелян 3/16 августа 1937 в Петербурге. Место погребения неизвестно (очевидно, окрестности Петербурга). См. ЖМП, 1931. № 1, с. 5. ЖМП, 1933, № 16–17, с. 9. ЖМП, 1936, № 23–24, с. 1. Газ. «Правда» от 4 июня 1924., статья «Право на фирму» Вестник Священного Синода, 1926, X» 7, с. 5–6 Митрополит Мануил (Лемешевский). Цит. ист., с. 98–106.

[6] Прот. Михаил Павлович Чельцов, настоятель Троицкого собора. Приговорен трибуналом к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. После нескольких лет заключения вернулся к своей пастве. Вновь арестован и расстрелян в конце 1930 г.

[7] Прот. Леонид Константинович Богоявленский, настоятель Исаакиевского собора.

[8] М. Ф. Огнев, профессор Военно-юридической академии, сенатор Временного правительства.

[9] Архимандрит Сергий (Шеин В. П.), бывший член Государственной Думы. Расстрелян по приговору трибунала в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

[10] Митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий были расстреляны на станции Пороховые по Ириновской ж. д. Боясь волнений в Петрограде, большевики распустили слух, что осужденных увезли в Москву. Перед казнью были обриты и одеты в лохмотья, чтобы нельзя было узнать духовных лиц.

Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 31 октября 1990 года под председательством Меркушова А.Е. приговор Петроградского Революционного Трибунала от 10 июня / 5 июля 1922 года и определение кассационной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК от 26 июля 1922 года в отношении [далее перечислены фамилии осужденных.– *Ред.*] отменены и уголовное дело производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. (См.: Наука и религия, 1991, № 5, с. 5–9.)

А.К.Галкин

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Новомученик протоиерей Борис Клеандров (1882 – 1918) – питомец св. митрополита Вениамина по Самарской Духовной семинарии

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, в сане иеромонаха и архимандрита в течение 12 лет состоял на духовно-учебной службе, зажигая своих питомцев примером самоотверженной любви, стремясь «всегда и всюду оказать помощь, руководство и воздействие»[1]. Его выдающиеся педагогические таланты не были случайностью – и по отцовской (Казанские), и по материнской (Смирновы) линиям он происходил из духовенства, оставившего глубокий след в развитии народного просвещения[2]. Несомненно, что о. Вениамин оказал определяющее влияние на формирование пастырского идеала у многих сотен семинаристов Риги, Холма, Самары и Петербурга, имевших возможность тесно общаться со своим наставником, инспектором, ректором. Один из петроградских священников 1910-х годов, духовно близких святителю, относился к числу самых ревностных его учеников еще по Самарской семинарии. Это был о. Борис Клеандров, павший в Петрограде жертвой «красного террора».* Всем своим коротким, но ярким служением Церкви о. Борис оказался достойным своего учителя.

Свящ. Борис Клеандров

Протоиерей Борис Клеандров родился 19 июня 1882 года[3] в Самарской епархии в семье священника. Начальное образование он получил в Николаевском духовном училище (г. Николаевск – ныне г. Пугачев Саратовской обл.). Училище Борис закончил в 1897 году по 1 разряду, третьим по списку[4], и был зачислен в Самарскую духовную семинарию «без предварительного поверочного испытания» (всего в тот год в нее поступило 74 человека). Тем же летом, по Определению Святейшего Синода от 16–18 июля 1897 года, ректором семинарии стал ее же выпускник, настоятель самарского Казанского собора, магистр богословия протоиерей Николай Боголюбский. 23 августа новый ректор совершил в семинарской церкви молебен пред началом учения, обратившись к своим 372 питомцам со словами: «Желал бы от души, возлюбленные воспитанники, видеть вас юношами религиозными, к церкви Божией благоговейно расположенными, всегда благоприличными, любознательными и готовыми на самоотверженный труд»[5].

При ректоре протоиерее Н. Боголюбском Самарская семинария много изменилась к лучшему и заняла видное место в глазах общества. О. Николай вывел семинаристов «на свет и на воздух»[6], уделяя большое внимание внеклассной работе. Воспитанникам впервые доверяют проповедовать в храмах города, устраивать публичные религиозные чтения. Летом, в каникулы, были организованы насыщенные впечатлениями экскурсии – на Соловки (1899) и в Крым (1900). В «Самарских епархиальных ведомостях» появляется все больше материалов о жизни семинарии. В одной из заметок впервые упомянуто имя воспитанника 5 класса Бориса Клеандрова – 21 февраля 1902 года за литургией в семинарской церкви он произнес «нарочито приготовленное слово» о значении Н.В.Гоголя как писателя и как христианина[7].

В годы учения Б. Клеандрова в Самаре город посетили два выдающихся духовных деятеля, ныне прославленные в лике святых, – митрополит Московский Владимир (Богоявленский) и протоиерей Иоанн Кронштадтский. Митрополит возглавил торжества по случаю 50-летия открытия Самарской губернии и епархии (14–15 мая 1901)[8]. Визит был официальным, но самарцы встречали высокого гостя с редким энтузиазмом: 10 годами ранее Владыка был их правящим епископом, оставив по себе самую добрую память. О. Иоанн нахо-

---

* О прот. Борисе Клеандрове см. также: Иеромон. Нестор (Кумыш). Новомученик Борис Клеандров, пресвитер Петербургский // Церковный вестник. СПб, 2002. № 12. С. 56-60

дился в городе 19–20 января 1902 года – это был уже его третий приезд в Самару. По приглашению протоиерея Николая Боголюбского кронштадтский пастырь побывал в семинарии. В ее переполненном храме он обратился к юношам с назиданием: «Достигайте, дорогие питомцы, совершенства во Христе. Это главная цель вашего образования. <…> Именем Господа всех вас благословляю. Да поможет благодать Его во всей вашей жизни». «При выходе из семинарии, на десятках ступеней узкой лестницы столпились все четыре сотни учеников», – писал очевидец[9]. В Петербурге о. Борису Клеандрову предстоит устроить в своем храме придел во имя св. Иоанна Рыльского в память о «всероссийском батюшке», носившем имя этого святого, и служить под омофором митрополита Владимира (1912–1915).

В конце марта 1902 года протоиерей Н. Боголюбский получил назначение в Москву – профессором богословия Сельскохозяйственного института[10]. Семинаристы тепло провожали его. Трем воспитанникам выпала честь говорить прощальную речь о. Николаю от лица всех учащихся – одним из них был Борис Клеандров[11]. 10 апреля в Самару прибыл новый ректор – архимандрит Вениамин (Казанский), а на следующий день, в Великий Четверг, он уже совершал первую литургию в семинарской церкви. Во вступительном слове о. Вениамин обратился к ученикам не как высокий начальник, а как человек, всецело посвятивший себя служению их интересам: «Своим старанием, доверием ко мне вы помогайте мне успешнее и полезнее служить вам… Мы с вами делаем одно общее дело: приготовляем годных для жизни людей вообще, для того звания, к которому они предназначаются, в частности… Внимательного, добросовестно относящегося к своему делу человека везде ценят, а к пастырскому делу без этих качеств и приступать нельзя»[12].

Архимандрит Вениамин поддержал и преумножил лучшие традиции, заложенные его предшественником. Свои педагогические взгляды он сформулировал так: «Мне кажется необходимым, чтобы будущие пастыри, изучая в теории все относящееся к их служению, видели бы применение теории в жизни здесь же, при школе»[13]. Стремясь «вдохнуть в дело воспитания семинарского дух животворящий», новый ректор завел будничную службу в домовой церкви – по средам, пятницам и субботам[14]. Небывалым в истории Самары крестным ходом ознаменовалась закладка нового семинарского храма. Он был организован о. Вениамином 12 мая 1902 года, через месяц после вступления в должность. Храм начали строить на краю города, куда предполагалось перевести и саму семинарию. Возглавлял шествие, в котором приняла участие вся корпорация и воспитанники, епископ Самарский и Ставропольский Гурий (Буртасовский). 65 семинаристов старших классов были одеты в стихари, собранные ради такого случая из всех городских церквей. Многие самарцы, заслышав мощное пение пасхального канона, невольно присоединялись к процессии, которая росла на глазах. «В промышленном городе <…> это был, кажется, первый день <…>, когда полутысячная толпа едиными усты и единым сердцем исповедовала громогласно, на людной улице, имя Христово – исповедовала с глубокой верой и юношеским одушевлением»[15].

1902/1903 учебный год – последний год семинарской учебы Бориса Клеандрова – окажется самым плодотворным в ректорской деятельности архимандрита Вениамина. Уже в 1904 году на жизнь всей страны наложит отпечаток начавшаяся и бездарно проигранная Русско-японская война, а затем вихрь революции 1905–1906 годов потрясет даже духовные школы – учащиеся многих из них примкнут к забастовкам…

Опираясь на собственный петербургский опыт, о. Вениамин взял на себя руководство подготовкой семинаристов старших классов к внебогослужебной проповеди и религиозному просвещению народа вне храма. Образцовая школа при Самарской семинарии стала местом проведения воскресных вечерних чтений. Вход на них был свободным. Для города, где культурно-просветительная работа практически отсутствовала, эти еженедельные чтения быстро получили широкую известность. Открывая их 15 сентября 1902 года, о. ректор в слове перед молебном отметил: «Вы услышите повествования о св. угодниках Божиих <…> Будут вам читать описания святынь, которые разбросаны по России <…> Будут здесь у вас пение, музыка, которые будут также способствовать устроению вами спасения»[16]. Каждое чтение длилось около двух часов; в их программу входили несколько рассказов с демонстрацией «туманных картинок», декламация художественных произведений, исполнение духовных песнопений, игра на музыкальных инструментах. Борис Клеандров выступал уже на первом чтении и в дальнейшем оставался их постоянным участником. 13 октября, когда о. Вениамин

Самара. Общий вид с Волги. Здесь новомученик свящ. Борис Клеандров окончил Духовную семинарию и был рукоположен во священный сан

Преосвященный Вениамин, епископ Гдовский. Фото 1910 г.

впервые праздновал свои именины в Самаре, среди слушателей чтений присутствовал сам епископ Гурий. В тот день Б. Клеандровым было прочитано стихотворение архиепископа Херсонского Иннокентия «Не унывай». А «после чтений все принимающие в них участие ученики прошли в квартиру ректора и провели оставшийся вечер в мирной беседе за чайными столами»[17]. Даже в день своих именин о. архимандрит отдавал все свободное время воспитанникам.

Внебогослужебные беседы в 1902/1903 году открылись 24 ноября и были объединены темой «Учение Христово и жизнь по нему». Они проходили в семинарском храме, после воскресной вечерни. В начале беседы читалось по-русски очередное Евангелие. Толкование прочитанного текста давал сам ректор. Затем один из воспитанников предлагал заранее подготовленное поучение. Почетное право произнести проповедь за первой же беседой о. Вениамин предоставил Борису Клеандрову[18].

А вечерами в первые четыре воскресенья Великого поста архимандрит Вениамин с особой торжественностью совершал «последования страстей Христовых» (пассии). Эти службы, давно привившиеся в юго-западном крае, в других частях страны еще почти не были известны. Семинаристы под руководством о. ректора подготовили к пассиям цикл проповедей о значении для верующих слов, произнесенных Господом с Голгофского креста. Борис Клеандров изъяснил третье слово с креста: «Жено, се сын Твой». На последнюю пассию собралось уже столько народа, что небольшой семинарский храм был переполнен. Один из самарцев, вероятно, впервые молившийся за подобной службой, так выразил свои мысли: «Дай Бог, чтобы юные кандидаты священства все больше расширяли свою деятельность. Большое спасибо и о. ректору, что он своей неустанной деятельностью побуждает юношество работать на пользу церкви»[19].

Выпуск 1903 года составил 55 воспитанников. Борис Клеандров окончил семинарию по первому разряду, 15-м по списку[20]. 7 июня выпускники в последний раз собрались в семинарском храме на молебен. В прощальном слове архимандрит Вениамин подчеркнул: «Курс ваш по количеству весьма большой, какого еще ни разу не выпускала самарская семинария. Выдающийся он и по тем силам и дарованиям, которые скрыты в нем и которые вы отчасти уже успели проявить в разных отношениях вне школы… Идите же вы на ниву Божию, тщательно и усердно возделывайте ее»[21].

Вскоре Борис Клеандров был рукоположен во священника. Его служение проходило в селе Константиновка (Барсуковка) Николаевского уезда, в 80 км к югу от Самары, на реке Большой Иргиз. В холерную эпидемию 1892 года крестьяне этого села дали обет устроить в храме придел св. великомученика и целителя Пантелеимона. Исполнение обета совершилось только через 12 лет, в настоятельство о. Б. Клеандрова.

По приглашению своего бывшего ученика на сельское церковное торжество 21 октября 1904 года прибыл ректор семинарии архимандрит Вениамин[22]. После вечернего богослужения духовенство собралось в доме о. настоятеля. «О. ректор разговаривал с о. Борисом, о чем им завтра говорить проповедь. О. Борис показал черновую запись проповеди на освящение придела. Приятно было видеть тетрадь, в которую молодым батюшкой немало было занесено говоренных им проповедей. На разные темы они говорились; но всюду было заметно, что пастырь сердечно относится к делу и вкладывает в него свою душу». Итак, первым храмом, где священномученик Вениамин сам возглавил освящение престола, стал скромный храм в селе Константиновке.

В 1907 году священник Б. Клеандров поступил в С.-Петербургскую духовную академию (курсом старше учился его одноклассник по семинарии священник Вадим Ястребов). В тот год исполнилось 20 лет с того времени, когда студентам столичной академии предоставили возможность участия в деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. В числе студентов-проповедников все 4 года обучения в академии ревностно трудился святитель Вениамин[23]. О. Борис, в пору студенчества, также активно включился в духовно-просветительскую работу – к ней он был подготовлен еще на семинарской скамье. В одной только церкви на Варгунинской писчебумажной фабрике он провел 23 вечерние беседы[24].

Общество распространения религиозно-нравственного просвещения имело несколько храмов, построенных на пожертвованной ему земле. Один из них, каменный Воскресенский, был торжественно освящен в декабре 1908 года на Обводном канале, у Варшавского вокзала. Предшествующие 14 лет «у Варшавки» служили во временном деревянном храме, который ранее стоял в центре города, на Стремянной улице. На Обводный канал его перенесли после возведения в камне «коренного» храма Общества – Троицкого. Теперь появилась возможность использовать деревянный храм на третьем месте, еще дальше от центра столицы. Землевладельцы Овсянниковы, имя которых и сегодня носит Новоовсянниковская улица за Нарвской заставой, передали Обществу небольшой земельный участок в нескольких сотнях метров к западу от Петергофского шоссе, вблизи Путиловского завода.

Летом 1909 года была организована комиссия по постройке церкви на подаренном участке. Ее возглавил чертежник И.Т. Соколов († 30 ноября 1911), бескорыстными трудами которого на окраинах столицы был построен не один храм. Обязанности делопроизводителя комиссии взял на себя студент-священник Б. Клеандров[25]. Закладка храма состоялась 8 ноября 1909 года[26]. Новый, восьмой храм Общества, решено было посвятить преподобному Серафиму Саровскому (имя этого святого уже носили 2 храма Общества – за Невской заставой и на станции Графской). Строительство «начиналось без средств, в неизвестной местности, трудами людей, сошедшихся с разных сторон, незнакомых друг с другом, объединенных лишь желанием помочь святому делу»[27]. Однако с помощью Божией и благодаря редким организаторским способностям о. Бориса оно шло быстро и успешно.

Главный престол Серафимовской церкви за Нарвской заставой освящал ректор С.-Петербургской Духовной академии епископ Ямбургский Феофан (Быстров) 24 января 1910 года. Ему сослужили председатель совета Общества митрофорный протоиерей Философ Орнатский, делопроизводитель протоиерей Павел Кульбуш (священномученик Платон, епископ Ревельский), настоятель Воскресенского храма у Варшавского вокзала протоиерей Петр Миртов. «Священником в новый храм назначен временно студент Духовной академии о. Борис Клеандров. Пока храм беден и нуждается в пожертвованиях», – сообщалось в епархиальном журнале[28].

В тот же день в Александро-Невской лавре состоялось посвящение архимандрита Вениамина во епископа Гдовского, викария С.-Петербургской митрополии. С самого начала своего епископского служения владыка Вениамин проявлял неизменное внимание к Серафимовской церкви и к о. Борису. Уже через две недели после хиротонии, 6–7 февраля 1910 года, он совершал здесь всенощное бдение и литургию и освятил правый, Пантелеимоновский, придел[29]. 18 июня, накануне первого престольного праздника в жизни храма – дня памяти преподобного Серафима, Владыка служил в нем всенощное бдение, с крестным ходом за литией. Освящение левого придела храма во имя св. Иоанна Рыльского 10 октября 1910 года также возглавил епископ Вениамин. Имя этого святого носил о. Иоанн Кронштадтский, благословивший постройку Серафимовской церкви и внесший первое пожертвование. За службой о. Иоанну была провозглашена «вечная память». Слово о значении храма в жизни христианина произнес сам Владыка[30].

Напряженное пастырское служение о. Борису Клеандрову полтора года пришлось сочетать с обучением в академии. Он не ограничился отправлением положенных служб, а весь отдался делу сплочения народа вокруг храма. Серафимовская церковь стала поистине «училищем веры и благочестия». Одних только поучений в 1910 году в ней было произнесено 563, из них 363 сказал сам о. Борис. Важнейшей обязанностью священника он считал борьбу с народным пьянством. Не случайно при новоосвященном храме сразу же было открыто Серафимовское общество трезвости. Эта инициатива нашла полную поддержку у владыки Вениамина, и полгода спустя, 29 июля 1910 года, он специально прибыл к местным трезвенникам, чтобы совершить «молебное пение об укреплении воли трезвящихся», с акафистом преподобному Серафиму[31]. Большое внимание о. Борис уделял церковному пению, видя в нем мощное средство для развития религиозного чувства. Он сам руководил народными спевками. Первого регента пришлось уволить. В мае 1910 года в храм пришел новый регент, Александр Петрович Андрианов, который, как и о. Борис, относился к исполнению своих обязанностей с любовью и редким трудолюбием. В результате у Серафимовской церкви появился замечательный хор, о котором один из архиереев, посетивших храм, отозвался так: «Это величайшее сокровище, которое вы приобрели».

Серафимовский церковно-народный хор через два года после своего создания, в мае в 1912 года, насчитывал 67 участников – подростков, мужчин и женщин, в основном из рабочей среды[32]. Для развития церковного пения 24 октября 1910 года было учреждено попечительство о хоре, председателем которого стал о. Борис. Правой рукой священника в попечительстве, как и во всех хозяйственных вопросах, являлся Михаил Иванович Заседателев. Он был одним из членов комиссии по постройки церкви, а после ее освящения стал церковным старостой. М.И. Заседателев имел специальность агронома-лесовода и служил в министерстве земледелия.

В октябре 1910 года в храм приглашают второго священника: окрестный люд стремился сюда к службам

Митрополит Петроградский и Ладожский Владимир (Богоявленский). Фото 1915 г.

ежедневно, утром и вечером. За ранними литургиями было введено общенародное пение. В Петербурге тогда еще не получили большого распространения пассии (едва ли ни первым в столице их стал регулярно совершать святитель Вениамин), а в новой церкви за Нарвской заставой они сразу же вошли в обиход. Уроки, усвоенные о. Борисом Клеандровым в Самарской семинарии, позволили ему сделать свой храм особо притягательным.

Заботясь о повышении религиозного образования постоянных богомольцев, о. Борис еженедельно устраивал в церкви внебогослужебные чтения. Однако «жизнь, далеко ушедшая от церкви, предъявляла свои запросы, которые затрагивать с церковной кафедры не принято». Кроме того, прихожан о. Бориса отличал повышенный интерес к вопросам сельского хозяйства. Священник и здесь сумел придти им на помощь. По совету М.И. Заседателева о. Борис обратился в департамент земледелия с просьбой о дотации на устройство соответствующих чтений. Средства были выделены, и о. Б. Клеандров с конца ноября 1911 года организовал воскресные сельскохозяйственные курсы в зале Нарвского общественного собрания. Каждое занятие он предварял религиозно-нравственной беседой[33].

21 ноября 1910 года при Серафимовском храме была открыта бесплатная библиотека-читальня. Этот же день стал и днем рождения детского кружка. Два раза в месяц для его участников совершалась «детская литургия», за которой пели, читали, прислуживали сами дети[34]. На основе кружка через год сложилась церковно-приходская школа. Занятия в ней начались 1 октября 1911 года. Сначала школа могла принять всего 35 человек и размещалась на частной квартире[35]. О. Борис, кроме Закона Божиего, преподавал русский язык, уроки пения давал А.П. Андрианов. На должность учительницы русской истории была приглашена жившая неподалеку от храма гимназистка 7 класса Евлампия Голубихина - по окончании гимназии она осталась здесь работать постоянно. Свое редкое имя Е.П. Голубихина получила неслучайно – ее отец занимался торговлей лампадным маслом. В 1912 году в Серафимовской школе было уже 76 учеников. К церковно-школьному образованию о. Борис относился с особой ревностью, и всего за 6 лет школа при его храме достигла уровня женского епархиального училища. Священник умел приниматься за сложные дела, находясь в самых стесненных условиях. Очень скоро находились и энтузиасты, и жертвователи, и добрый плод не заставлял себя ждать.

В сентябре 1911 года в Белгороде состоялось открытие мощей святителя Иоасафа (Горленко; † 10 декабря 1754). О. Борис, готовя прихожан к предстоящему всецерковному торжеству, уделил святителю несколько внебогослужебных бесед. Он также предложил соорудить для храма образ святого ко дню его прославления, что и было исполнено. Затем священник подал рапорт Совету Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, в котором высказал пожелание как можно торжественнее освятить образ, с участием всех церквей Общества. Епархиальная власть усилила значимость события и распорядилась взять икону в кафедральный Исаакиевский собор для общегородского поклонения, с последующим перенесением в Серафимовскую церковь. Утром 4 сентября в Исаакиевский собор, к образу святителя Иоасафа Белгородского, с разных концов столицы направились три величественных крестных хода. Их вели три епископа – Туркестанский и Тургайский Димитрий, Гдовский Вениамин и Нарвский Никандр. Крестный ход из-за Нарвской заставой возглавлял епископ Димитрий. После литургии тот же преосвященный сопровождал шествие – уже с новосооруженным образом – в обратном направлении. До самого позднего вечера в Серафимовской церкви продолжались в тот день службы св. Иоасафу, а молебны с акафистом святителю стали совершаться в ней впредь еженедельно, по четвергам[36]. Так Иоасафовские торжества в Петербурге сделали неприметную деревянную церковь за городской заставой с ее настоятелем студентом-священником о. Б. Клеандровым известными повсюду в столице.

В 1911 году о. Борис Клеандров успешно, со степенью кандидата богословия, окончил Духовную академию. 27 ноября он был официально определен на вакансию священника к Серафимовской церкви[37], где прослужил к этому времени уже почти два года. Почти сразу же, 6 декабря, его награждают скуфьей «за отлично-усердную службу»[38]. А еще через несколько дней, 11 декабря, литургию в храме совершал епископ Вениамин. Накануне отмечалась память святителя Иоасафа (день его преставления), и в слове перед молебном

Владыка говорил о новом угоднике Божием, называя его русским Николаем чудотворцем[39].

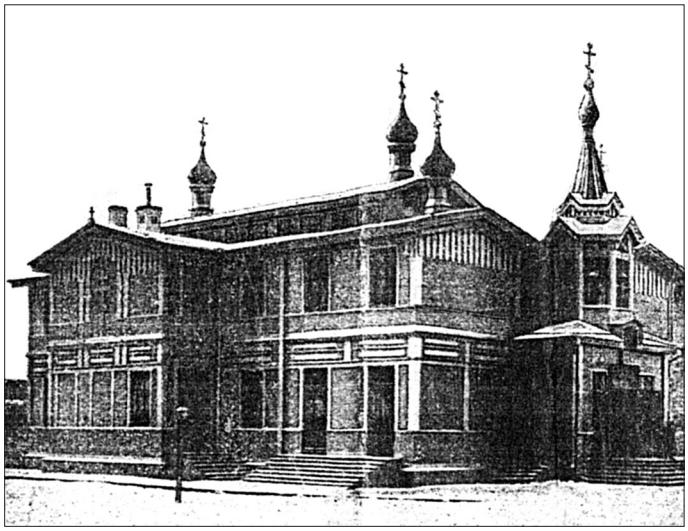
Беда, как всегда, пришла неожиданно. 27 июля 1912 года приход справил один из престольных праздников, день св. Пантелеимона, а в ночь с 28 на 29 число храм сделался жертвой пожара. В огне погибла почти вся его утварь, включая чтимый образ святителя Иоасафа, написанный к открытию его мощей. О. Борис Клеандров, извещенный о пожаре, успел с опасностью для жизни вынести только часть Св. Даров[40]. 29 июля он служил на пожарище молебен св. Серафиму. А через 5 месяцев здесь уже стоял новый храм, правда, не трехпрестольный, как сгоревший, а двухпрестольный. Его воздвигала, прежде всего, общая решимость окрестного населения возродить свой любимый дом молитвы. Большое значение имели также энергия и строительный опыт протоиерея Философа Орнатского. Совет Общества распространения религиозно-нравственного просвещения постановил передвинуть за Нарвскую заставу деревянный барак, имевшийся при каменном храме Общества на Выборгской стороне. Строительную комиссию возглавил церковный староста М.И. Заседателев, план здания исполнил губернский архитектор П.П. Трифонов, он же безвозмездно и заведовал работами. Радостный день окончания отделки временной церкви настал под самый новый 1913 год. В воскресенье 30 декабря о. Борис Клеандров с множеством богомольцев встречал владыку Вениамина. Викарный епископ прибыл в возрожденный из пепла храм, чтобы освятить его главный, Серафимовский, престол (боковой престол во имя св. Пантелеимона освятили еще 9 декабря).

При пожаре сохранился образ Тихвинской Богоматери, и, по желанию богомольцев, в новом храме стали отмечать торжественным служением день явления этой иконы – 26 июня. В 1913 году накануне праздника всенощное бдение с акафистом здесь совершал епископ Вениамин. На службу, оповещенные повестками, собрались местные трезвенники. «После Евангелия на утрени Владыка пред иконой прочитал молитву Божией Матери с прошением укрепить волю трезвящихся и обратить погибающих в пьянстве к трезвой жизни»[41].

Интересно, что и тот барак, из которого на пожарище собрали новый Серафимовский храм, на старом месте также какое-то время был церковью. В 1898 году Общество устроило на Выборгской стороне деревянный Предтеченский храм, но он очень скоро сгорел. Было решено возводить каменный, а на время работ использовать как храм соседнее помещение для воскресных собраний трезвенников. Закладка временного храма в бараке состоялась 9 декабря 1899 года. В ней участвовал инспектор столичной духовной семинарии иеромонах Вениамин[42] – будущий Петроградский святитель.

С самого начала 1913 года у прихожан о. Бориса Клеандрова «установилось твердое, ровное настроение, которое производило впечатление, как будто бы и не было в жизни церкви тяжелого события – пожара. Как и раньше, ежедневно совершалось богослужение, ежедневно произносилось поучение, и ежедневно на зов колокола стекались благочестивые богомольцы, особенно по вечерам, когда колокол церкви преподобного Серафима в окружности один призывал на молитву»[43].

Восстановив храм, о. Борис с удвоенной энергией взялся за совершенствование Серафимовской церковно-приходской школы. В 1913 году ее педагогический персонал составляли три учителя общеобразовательных предметов, учительница рукоделия, учитель пения (регент церковного хора А.П. Андрианов), а также учитель сельскохозяйственных дисциплин – Тимофей Александрович Гужавин[44]. Последний служил в С.-Петербургской уездной земской управе инструктором по садоводству и огородничеству[45]. «Агрономический уклон» школы вполне соответствовал потребностям местных жителей. Среди прихожан о. Бориса большим успехом по-прежнему пользовались религиозно-нравственные чтения (к их участию стали привлекать и воспитанников духовной семинарии) с отделом по сельскому хозяйству. Сверх того, к заслугам о. Б. Клеандрова следует отнести открытие с 1 октября 1912 года Серафимовских сельскохозяйственных курсов с практическими занятиями, на которых читались не только специальные, но и общеобразовательные дисциплины. Финансирование курсов шло по линии департамента земледелия. Их программа с каждым учебным годом расширялась. 20 июня 1914 года курсы посетил владыка Вениамин. Он с любовью осматривал пчельник, помещенный в школьном саду, побывал на образцовом курином дворе и огороде. «В этот день для дорогого гостя был открыт улей, и пред Владыкой был демонстрирован аппарат для выкачивания меда из



С.-Петербург. Храм прп. Серафима Саровского за Нарвской заставой, где настоятельствовал свящ. Борис Клеандров. Фото 1910-х гг.

сотов и мед был подан владыке к чаю»[46]. Начавшаяся через месяц Мировая война остановила деятельность курсов: большинство руководителей и слушателей ушло на фронт.

В конце 1913/1914 учебного года в Серафимовской церковно-приходской школе состоялся первый выпуск. Юбилеи 1913 года вывели ее на сцену общественного служения. 21 февраля, в день празднования 300-летия царствования Дома Романовых, после литургии, которую пели сами дети, в школе состоялось литературное утро. На него были приглашены родители и родственники учащихся. Вскоре, по просьбе Л.Э. Чеховской, начальницы расположенной поблизости польской гимназии, ученицы рукодельных классов устроили для гимназисток праздничное музыкально-литературное чтение. Оно было посвящено истории России за последние 300 лет, причем сам о. Борис Клеандров выступил на нем с докладом «Цари из Дома Романовых и славянские народы».

15 сентября о. Борис организовал в своей церкви и школе совместное празднование 1600-летия Миланского эдикта всеми церковными школами Нарвской заставы. Утром в Серафимовскую школу прибыл преосвященный Вениамин, откуда он в сопровождении духовенства и школьников шествовал «со славою» в церковь преподобного Серафима. Сюда же крестным ходом пришли ученики двух других школ. Архиерейская литургия была отслужена при пении сводного хора школьников. После нее епископ совершил молебен кресту и воздвижение креста под открытым небом. Днем в здании Общественного собрания состоялось чтение в присутствии Владыки. Праздник креста закончился насаждением деревьев вокруг Серафимовской церкви – детьми руководил их учитель Т.А. Гужавин[47].

Выпускники Серафимовской школы, поддержанные своими родителями, выражали желание пополнить полученное образование. Это натолкнуло о. Бориса Клеандрова на мысль создать при школе дополнительный класс. По его ходатайству Епархиальный училищный совет, состоявший под председательством епископа Гдовского Вениамина, 17 ноября 1914 года преобразовал Серафимовскую одноклассную школу в двухклассную и разрешил открыть при ней дополнительный класс «по более широкой программе» церковно-приходских школ. В 1914/1915 учебном году этот дополнительный класс начал действовать, и в него были приглашены преподаватели с высшим образованием[48]. Сам о. Борис вел уроки педагогики, а его брат Михаил преподавал в младших классах Серафимовской школы математику и природоведение[49].

31 августа 1915 после литургии, совершенной в Серафимовской церкви епископом Вениамином в сослужении митрофорных протоиереев Александра Дернова и Философа Орнатского, епархиального наблюдателя церковно-приходских школ протоиерея Алексия Западалова и местного священника Павла Яценко состоялось освящение нового здания Серафимовской двухклассной церковно-приходской школы. За литургией теплое слово, обращенное к детям, сказал заведующий школой священник Борис Клеандров. Школа, где обучалось уже 160 человек, получила соответствующее ее потребностям здание из семи классных комнат, обширного зала и квартир для учителей. В школьном саду имелись огород и пасека[50].

Война не только привела к закрытию Серафимовских сельскохозяйственных курсов, но и сказалась на церковно-народном хоре. Многие из его участников были призваны в армию. Это заставило организовать постоянный хор из детей-школьников, который трудами А.П. Андрианова к концу 1914 года вполне заменил народный хор. В 1915 году, к пятилетию существования Серафимовского храма, при нем на основе общества трезвости было создано Братство во имя св. Серафима. Руководил братством о. Б. Клеандров, а председателем комитета и казначеем стал А.А. Васильев – владелец мебельного магазина на Петергофском шоссе, 43[51]. Осознавалась необходимость заменить временный деревянный храм каменным, но по обстоятельствам военного времени даже закладка его откладывалась на будущее.

Освящение восстановленного после пожара храма Общества распространения религиозно-нравственного просвещения за Нарвской заставой, равно как преобразование церковно-приходской при нем школы в двухклассную и строительство обширного школьного здания происходили в годы пребывания на С.-Петербургской – Петроградской кафедре св. митрополита Владимира (Богоявленского). Святитель с большим вниманием относился к деятельности Общества, которое с неподдельной скорбью восприняло известие о его неожиданном перемещении в Киев 23 ноября 1915 года. 4 декабря в зале Общества на Стремянной улице состоялись проводы митрополита Владимира. Председатель Общества протоиерей Философ Орнатский доложил о принятом советом Общества постановлении: 1) наименовать Серафимовскую школу Общества за Нарвской заставой школой имени митрополита Владимира, 2) устроить во вновь сооружаемом каменном храме Общества за той же заставой придел в честь соименного владыке св. князя Владимира[52]. Второй пункт этого постановления так и остался нереализованным. Более удивительно другое: синодальное утверждение первого положения последовало только после Февральской революции. Определением Святейшего Синода от 7 июня – 5 июля 1917 Серафимовской двухклассной церковно-приходской школе, за Нарвской заставой в Петрограде, было присвоено имя преосвященного митрополита Владимира, пожертвовавшего на нужды школы до 10000 руб.[53]

Даже после оставления Петроградской кафедры митрополит Владимир продолжал оказывать покровительство инициативе о. Б. Клеандрова и кружка прихожан по повышению учебного уровня Серафимовской школы. «В настоящее время [1916/1917 учебный год – *авт.*] на частные средства при этой школе под наблюдением священника Б.М. Клеандрова функционируют три дополнительных класса, но со временем эти классы решено преобразовать по типу и программе епархиальных женских училищ и войти в Учебный Комитет с ходатайством об учреждении при Серафимовской церкви первого частного епархиального женского училища, в котором и будут продолжать образование ученицы местной двухклассной церковно-приходской школы имени митрополита Владимира»[54].

Труды о. Бориса вне храма получили высокую оценку в речи многолетнего делопроизводителя Общества распространения религиозно-нравственного просвещения протоиерея Павла Кульбуша. Эта речь, произнесенная в самом конце 1916 года, была посвящена значению церквей Общества в жизни столичного населения. «Район за Нарвской заставой имеет много своеобразного. Живой отклик деятелей на местные запросы вызвал к бытию не только привычные для храмов Общества органы религиозно-приходской жизни – общество трезвости, хор, библиотеку, народное пение, но и нечто новое – школу, ныне имени митрополита Владимира, которая готова очевидно сложиться в чисто церковное среднее учебное заведение, притом с практической складкой, в роде дополнительных курсов по пчеловодству, сельскому хозяйству, огородничеству и т.п.»[55].

Формальное преобразование дополнительных классов Серафимовской двухклассной церковно-приходской школы в полноправное среднее учебное заведение при царском правительстве так и не произошло. Поскольку к весне 1917 года программа епархиальных женских училищ ученицами выпускного класса школы была пройдена, вставал вопрос о получении ими установленного аттестата. Совет Общества обратился в Святейший Синод с ходатайством о разрешении совету петроградского епархиального женского Исидоровского училища подвергнуть питомиц о. Бориса Клеандрова испытаниям за полный курс и аттестовать их. Это ходатайство было удовлетворено[56].

Открытие Серафимовского женского Духовного училища состоялось лишь к началу 1917/1918 учебного года, в первые месяцы после избрания святителя Вениамина на Петроградскую архиерейскую кафедру. Определением Святейшего Синода от 26–27 октября [в первый день после октябрьского переворота! – *Авт.*] избранный советом Петроградского Серафимовского женского Духовного училища священник Борис Клеандров был допущен к исполнению обязанностей законоучителя и инспектора классов этого училища, с возведением в сан протоиерея[57]. Несколько ранее, к 29 июня 1917 года, по представлению архиепископа Вениамина о. Борис был награжден наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым.

В Неделю о Страшном суде, 25 февраля (10 марта) 1918 года, Серафимовское женское духовное училище праздновало 200-летие со дня рождения великого поборника православия архиепископа Могилевского Георгия Конисского. Постановление о всероссийском чествовании этой даты было вынесено на Поместном Соборе. Митрополит Вениамин служил литургию в церкви Путиловского завода, сделав этот день праздником всего Занарвского благочиния. В 3 часа дня в зале

Серафимовский церковно-народный хор. В центре (с академическим значком) – свящ. Борис Клеандров. Фото 1912 г.

Серафимовского училища в присутствии митрополита состоялось торжественное собрание. Речь памяти архиепископа Георгия сказал протоиерей Борис Клеандров. В ней он провел мысль о том, что «на долю Российской церкви выпало самое тяжелое искушение – это искушение воли. Бороться с этими искушениями можно только укреплением воли своей в заповедях Божиих. Яркий пример такой борьбы о. Клеандров видит в трудах и деятельности «апостольского трудника» Белоруссии архиепископа Георгия Конисского, проявившего необычайную твердость в борьбе <…> за целость и неприкосновенность православия»[58].

Декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный в январе 1918 года, предусматривал преподавание общеобразовательных предметов только в учебных заведениях системы Наркомпроса, где безусловно запрещалось обучение религии. С начала 1918/1919 учебного года «диктатура пролетариата» уже загнала все народное образование в прокрустово ложе названного декрета. Урон, который понесла при этом отечественная культура, невозможно оценить. Жертвой декрета стали в первую очередь духовно-учебные заведения. Тот факт, что Серафимовское женское духовное училище создавалось исключительно на частные, а не на казенные средства и по инициативе «снизу», не имел для властей никакого значения.

Приговорив к уничтожению юное духовное училище, созданное трудами о. Бориса Клеандрова в гуще рабочего района, большевики не могли обойти вниманием и самого священника. Высокий авторитет и разносторонние таланты о. Бориса делали его неизбежной мишенью «красного террора», впервые развязанного по всей России в сентябре – октябре 1918 года. «Петроградская правда» в назидательных целях печатала списки расстрелянных «за период времени от убийства т. Урицкого до 1 октября» якобы «за систематическую агитацию против советской власти с целью поднять восстание против нее». Под № 39 в них значится: Клеандров Борис Макарьевич, священник[59]. Его учитель, митрополит Вениамин, дополнил число «убиенных за слово Божие» *(Откр. 6, 9)* меньше, чем через четыре года.

Примечания:

[1] *Вениамин,* иеромонах. Поучение на 9-е сентября… // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, 1899, № 40. С. 502.

[2] *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Родственные связи св. митрополита Петроградского Вениамина // Из глубины времен. [Вып.] 8. СПб, 1997. С. 147-160; *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Род Казанских в истории Олонецкой епархии // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 5-17.

[3] Российский государственный исторический архив [РГИА]. Ф.802. Оп.16. Д.513. Л.75. (Благодарю А.А. Бовкало за предоставленную возможность опубликовать обнаруженную им дату).

[4] Разрядный список учеников Николаевского духовного училища, составленный после годичных испытаний, бывших в мае и июне месяцах 1897 года // Самарские епархиальные ведомости [СЕВ]/ 1897, № 13 и 14. Приложение. С.1.

[5] Епархиальная хроника // СЕВ. 1897, № 19. С. 860.

[6] *П.И.П.* Проводы бывшего ректора Самарской духовной семинарии, протоиерея Н.И. Боголюбского // СЕВ. 1902, № 9. С. 404.

[7] Гоголевский юбилей // СЕВ. 1902, № 6. С. 264.

[8] Праздник пятидесятилетия Самарской епархии (1851-1901) // СЕВ. 1901, № 11. С. 693-647.

[9] *Казанский К.* Отец Иоанн Кронштадтский в Самаре // СЕВ. 1902, № 3. С. 91-92.

[10] С 1911 протоиерей Н.И. Боголюбский был профессором богословия Московского университета и настоятелем университетской Татианинской церкви. В 1922 уклонился в обновленчество. См. о нем: *Сорокин В., проф.-прот., Бовкало А.А., Галкин А.К.* Духовное образование в Русской православной церкви при святейшем патриархе Московском и всея России Тихоне (1917-1925) // Христианское чтение (СПб). 1992, № 7. С. 22, 40.

[11] Епархиальная хроника // СЕВ. 1902, № 8. С. 385.

[12] *Вениамин, архимандрит.* Вступительное слово // СЕВ. 1902, № 9. С. 395-399.

[13] См.: *Бовкало А., Галкин А.* Священномученик Вениамин – ректор Самарской Духовной Семинарии // Духовный собеседник (Самара). 1998, № 2. С. 119-133.

[14] *Бовкало А., Галкин А.* Священномученик Вениамин – ректор Самарской Духовной Семинарии // Духовный собеседник (Самара). 1998, № 2. С. 121.

[15] Закладка нового семинарского храма // СЕВ. 1902, № 10. С. 494-495.

[16] Семинарская жизнь // СЕВ. 1902, № 19. С. 927.

[17] Семинарская жизнь // СЕВ. 1902, № 21. С. 1029.

[18] Внебогослужебные беседы в духовной семинарии // СЕВ. 1902, № 24. С. 1218.

[19] Семинарская жизнь. Богослужение // СЕВ. 1903, № 3. С. 384-386.

[20] СЕВ. 1903, № 13. С. 111-112.

[21] *Вениамин, архимандрит.* Речь, сказанная воспитанникам Самарской Духовной Семинарии при окончании ими курса // СЕВ. 1903, № 13. С. 679-681.

[22] *Один из участников.* Церковное торжество в селе Константиновке // СЕВ. 1904, № 22. С. 1082-1087.

[23] *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Студенческие годы св. митрополита Вениамина в Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 1997, вып.14. С. 80-87.

[24] *Простосердов А., свящ.* Четверть века в борьбе за трезвость. Пгр., 1915. С. 27.

[25] Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви в С.-Петербурге. Отчет о деятельности Общества за 1910 г. (существования Общества тридцатый). С приложением списков членов. СПб, 1911. С. 36. [*далее* - Отчет … за 1910 г.].

[26] Закладка храма во имя св. Серафима Саровского // Ведомости СПб градоначальства. 1909, № 241 (12 ноября). С. 2.

[27] Отчет … за 1910 г. С. 113.

[28] Епархиальная хроника. А) Освящение храмов // Известия по С.-Петербургской епархии. 1910, № 3. С. 11.

[29] Освящение придела в храме св. Серафима Саровского // Петербургский листок. 1910, № 38 (8 февраля). С. 2.

[30] Торжество в Серафимовской церкви // Петербургский листок. 1910, № 279 (11 октября). С. 3.

[31] Отчет … за 1910 г. С. 118.

[32] Годовщина серафимовского церковно-народного хора // Петербургский листок. 1912, № 133 (17 мая). С.1 4.

[33] Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви в С.-Петербурге. Отчет о деятельности Общества за 1911-й г. (существования Общества тридцать первый). С приложением списков членов. СПб., 1912. С. 111. [далее – Отчет … за 1911 г.].
[34] Там же. С. 101-102.
[35] Там же. С. 105.
[36] Там же. С. 94-96.
[37] Известия по С.- Петербургской епархии. 1911, № 23. С. 1.
[38] Там же. № 24. С. 2.
[39] Отчет … за 1911 г. С. 96.
[40] К пожару церкви св. Серафима // Петербургский листок. 1912, № 207 (30 июля). С. 3.
[41] Отчет о деятельности Высочайше утвержденного 4-го апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви за 1913 и 1914 г.г. (существования Общества 33-ий и 34-й). Пгр., 1915. С. 164. [далее - Отчет … за 1913 и 1914 гг.].
[42] Городская жизнь // Ведомости СПб градоначальства. 1899, № 265 (12 декабря). С. 2.
[43] Отчет … за 1913 и 1914 гг. С. 146.
[44] Весь Петербург на 1914 год. СПб., 1914. Стлб. 581.
[45] Там же. Стлб. 310.
[46] Отчет … за 1913 и 1914 гг. С. 159.
[47] Там же. С. 151-154.
[48] Там же. С. 155-156.
[49] Весь Петроград на 1917 год. Пгр., 1917. Стлб. 537.
[50] Освящение 2-классной церковно-приходской школы // Известия по Петроградской епархии. 1915, № 35. С.5-6.
[51] Весь Петроград на 1917 год. Пгр., 1917. Стлб. 979.
[52] Проводы митрополита Владимира // Петроградский листок. 1915, № 334 (5 декабря), С. 4.
[53] Определения Святейшего Синода // ЦВ. 1917, № 35. С. 296.
[54] Частное епархиальное женское училище // Колокол. 1916, № 3155 (30 ноября). С. 4.
[55] *Кульбуш П., протоиер.* О построении первого храма Общества религиозно-нравственного просвещения и значение этого события для дела религиозного просвещения // ЦВ. 1917, № 3. (Прибавления). С. 63.
[56] В Серафимовской двухклассной церковно-приходской школе в Петрограде // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917, № 17 (21 января). С. 2.
[57] Определениями Святейшего Синода // ЦВ. 1917, № 46-47. С. 423.
[58] Из жизни дух. учебн. заведений // Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918, № 3. С. 3.
[59] От чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией // Петроградская правда. 1918, № 228 (18 октября).

Свящ. Борис Клеандров

ГИБЕЛЬНОСТЬ СКВЕРНОСЛОВИЯ

Проходя по улицам наших больших городов, особенно заселенных простым рабочим народом, вы на каждом шагу услышите скверные, бранные слова. Ругается извозчик, ударяя кнутом свою изможенную клячу; ругается носильщик, поднимая тяжесть на свою больную спину; ругается торговец, когда не удалось ему что-либо выгодно продать; ругается фабричная девица, проклиная тяжесть фабричного труда; как поток мутной воды льется скверная брань из уст подгулявшего рабочего; наконец, ругаются дети, – те, которые должны быть земными ангелами и своей простотой, своей чистосердечностью будить во взрослых стремление к царству небесному. И эта скверная брань огромной волной разливается по нашей необъятной родине, где только есть русский человек. Наша родина населена ста одиннадцатью народами. Здесь живут представители почти всех рас, всех племен, а скверную брань вы услышите только на русском языке. Многие из инородцев не умеют говорить по русски, но ругаются все сто одиннадцать народностей по русски. И мы, русские, мы, носящие святое имя православных христиан, мы, родина которых изначала носит имя святой Руси, мы равнодушно смотрим на эту скверную привычку и своим равнодушием даем ей силу укореняться в нашей жизни, не задумываясь о том, что она из себя представляет. А между тем, мы, призванные к святости, должны строго следить за духовными проявлениями своей жизни. Ведь в жизни христианина нет безразличия; его помышлениям, его словам, его делам могут быть только два пути; «узкий, ведущий в царство Божие» и «широкий путь погибельный»; наши помышления, наши слова, наши действия суть шаги шествия по тому или другому пути. Вот почему и апостол Павел призывает к внимательности, когда говорит: «Блюдите како опасно ходите» *(Ефес. 5, 15)*.

Будем же внимательными учениками апостола и рассмотрим, что из себя представляет «сквернословие», какой это шаг, куда он ведет. Что представляет из себя человеческое «Слово»? Так как человек создан по образу Божию, то для понимания проявлений человеческой души лучше всего обратиться к Первообразу. Священное Писание открывает перед нами, поскольку мы можем понять, сущность Божественного Слова: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу и Слово бе Бог» *(Ин. 1, 1)*. «И Слово плоть бысть и вселися в ны»

(Ин. 1, 14). Эти слова Священного Писания, как вы, братия, знаете, относятся к Иисусу Христу, нашему Спасителю, Который и есть Божественное Слово.

Послушайте, что Он говорит, и вы поймете сущность слова. Он исповедует Себя пред учениками Своими равным Отцу: «Видевый Мене виде Отца *(Ин. 14, 9)*. Отец Мой доселе делает и Аз делаю *(Ин. 5, 17)*. Отсюда нужно думать, что и слово человеческое равно сказавшему его. Поэтому с нас взыщется на Страшном Суде и за каждое праздное слово, так как праздные слова свидетельствуют о праздности человека, о пустоте его души. А скверные слова о чем свидетельствуют? А сквернословие из какого источника изливается? Вытекает ли мутная вода из чистого источника, и чистая вода из загрязненного?

Прислушаемся же к брани и вникнем в ее значение, в ее сущность, как сущность печати, отображающей в себе всего человека. Вот идете вы по улице. Прислушайтесь к ругани. Прежде всего, ваш слух уловит слово «мать». Разберем это слово, попытаемся понять его сущность. Мать!... И пред глазами каждого человека встают два дивных и дорогих образа. Один из них земной, близкий образ той женщины, которая в муках рождения дала ему жизнь, которая во время его болезни, в детстве, целые ночи просиживала у его колыбели с глазами полными слез, ловя каждый вздох, каждый стон своего дорогого дитяти. Кому не дорог этот образ? Чье сердце не исполняется святыми чувствами, произнося это слово? Но этого недостаточно. Слово «мать» вызывает в нашей душе еще более дорогой, более святой образ – образ «Страстной Богоматери», с мечами в груди. Вот Она, Пречистая Дева, стоит у Креста Сына и Бога своего. Что испытывает Она, загляни в ее душу! Ее Сын, свет Ее очей, страждет на Кресте. Уже предсмертная дрожь пробегает по Его Божественному телу... Прислушайся вместе с Матерью Приснодевой, и ты услышишь, друг, с Креста следующие слова: «Жено, се сын твой... се Мати твоя» *(Ин. 19, 26 – 27)*. Хотя последние слова и относились к Иоанну, но в лице Иоанна они относились к каждому христианину. Она, Пречистая Дева, брат христианин, и твоя, и моя Мать. О, какой любовию, какой славою мы должны окружить ее! Она дала нам Спасителя, из Ее плоти соткалась плоть Христа, которой мы непрестанно питаемся. Вот почему все верующие величают Ее Честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим. Вот почему и «ангелы вхождение Пречистыя зряще удивишася, како Дева вниде во Святая Святых». А окружает ли любовию и славою Ее, Пречистую Заступницу рода христианского, тот кто сквернословит? Послушай, какие скверные слова изрыгают его уста рядом с именем Мать. Послушай, брат христианин, и ужаснись, послушай и вострепещи, послушай и возненавидь сквернословие, послушай и исполнись состраданием и жалостью к ругателю, послушай и загляни в его душу. Загляни не как священник иудейский и левит, которые, взглянув, прошли мимо, а как милосердый самарянин, который возлил на раны масло и вино. Если самарянина возбудили к милосердию раны тела, то тем более тебя должны тронуть гнойные раны души сквернословца. Как тело, покрытое ранами, издает зловоние, так и эти скверные слова ругателя есть ничто иное, как зловоние, исходящее из его погибшей души, умершей для спасения. Подумай, брат христианин, над словами сквернословца. Он произносит слово «мать» и, рядом с этим святым словом – скверные, срамные слова. Он как бы обнажает ту, которая родила и вскормила его, и ее, нагую, выводит на показ праздным людям и здесь издевается над ней. Если Хам, посмеявшийся над обнаженным отцом, проклят Богом, то не это ли же проклятие тяготеет еще больше над тем, кто обнажает и ругается над своею матерью! И не только над матерью, родившей его, но и над Той, Которая есть Мать Бога и Спасителя его. Вместо того, чтобы устами своими величать Ее, песнословить Ее, он злословит Ее, он ругается над Ней, он ставит Ее, чистейшую и святейшую, среди порочнейших и грязнейших и здесь поносит Ее. Велика злоба и гордость диавола, велико его противление Божественному величию, но и он никогда не дерзал злословить Ее, Честнейшую Херувим, никогда со своею гордостью и злобою даже не приступал к Ней. А что делает сквернословец? Жив ли он, осталась ли в нем хоть искорка жизни? Нет, он труп, разлагающийся, гниющий труп... Но если труп, что же я сделаю, скажешь ты? Могу ли я воскресить его? Можешь и – тысячу раз скажу – можешь, ибо это говорю не я, а говорит Христос: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» *(Ин. 14, 12)*. А Он трупы смердящие разве не воскрешал? А Лазаря? А Магдалина Мария, разве она не была по своей душе, бывшей во власти семи нечистых духов, трупом смердящим, а посмотри на нее! Сколько в ней жизни – святой жизни, которая плачет у гроба Христа, а потом с радостию возвещает о Его воскресении. И мы, други мои и братия, верующие в Господа Иисуса Христа, верующие в Его неложные слова, что Он с нами «во вся дни до скончания века» *(Мф. 28, 20)*, выйдем с Его помощию на борьбу со сквернословием, на исцеление погибающих душ. Словом убеждения, с лаской любви обратимся к сквернословцам. При помощи Божией сделаем великое дело, очистим уста их от скверны и научим их молиться непрестанно, – непрестанно иметь на устах молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Пусть эта молитва, в которой, по словам свв. отцов церкви, заключается все Евангелие, будет маслом и вином, умягчающим, исцеляющим струпы души сквернословцев. Распространим и эти листки, назначенные к пробуждению сквернословца, усыплем ими все наши улицы и места, где есть сквернословие, непрестанно будем стучать в двери сердца и, по милости Божией, может быть, сердца сквернословцев откроются и вздохнут не смрадом, а Духом Святым, произнося молитву Иисусову.

РЖЕВСКИЙ МОРСКОЙ ПОЛИГОН – МЕСТО РАССТРЕЛА МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА

На северо-восточной окраине С.-Петербурга, за основанными еще в петровское время Охтинскими заводами, вот уже 125 лет существует артиллерийский полигон, именуемый в народе Ржевским или Охтинским. Основанный в июле 1878 г. как «Главный артиллерийский полигон на Охтинском поле», он приказом Военного министра графа Д.А. Милютина был объявлен опытно-испытательным, где с этого времени стали испытывать почти все образцы отечественной сухопутной и морской артиллерии и боеприпасов к ним.

Менее чем через год после октябрьского переворота 1917 г. место это по причине своего удачного расположения (недалеко от города, удалено от населенных пунктов, изолировано и недоступно для случайных посетителей) стало использоваться для расстрелов жителей Петрограда. Полигон был удобен для большевицких палачей, вероятно, еще и тем, что здесь постоянно гремели взрывы и звучали выстрелы при испытании оружия. Таким образом, по замыслу чекистов, залпы, слышные при расстрелах, не должны были привлекать особого внимания окрестных жителей.

Сюда привозили на расстрел горожан, арестованных в качестве заложников в период «красного террора», а также «классово чуждые» пролетариату «элементы». Приемущественно это были представители сословий, которые советская власть объявила вне закона: дворяне, интеллигенция, ученые, чиновники, бывшие офицеры Императорской армии, православное духовенство. Позже захватившие власть большевики привозили сюда для расстрела также восставших кронштадтских матросов, рабочих и крестьян.

Обреченных доставляли сюда по ночам из тюрьмы Чека на Гороховой, из «Крестов», из дома предварительного заключения на Шпалерной. Последним местом их пребывания перед расстрелом был так называемый накопитель, – бывший пороховой погреб, мрачные красно–кирпичные глухие стены которого по сей день багровеют среди леса.

Определенно известно, что первые послереволюционные расстрелы на Ржевском артиллерийском полигоне происходили в 1918–1921 гг. в так называемом Ковалевском лесу, местности, примыкающей к деревне Старое Ковалево (ныне не существующей) в непосредственной близости от Ириновской железной дороги.

В 1921 году здесь, на Полигоне, были расстреляны несколько десятков человек, осужденных по делу «Петроградской боевой организации» (делу профессора Таганцева), в том числе поэт Николай Степанович Гумилев. В 1922 году здесь же , за Пороховыми, в лесу, примыкающему к Ириновской железной дороге, был расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин и иже с ним убиенные архимандрит Сергий (Шеин), профессор Ю.П. Новицкий и юрисконсульт Лавры И.М. Ковшаров.

Расстрелы продолжались и позже. Их тоже связывают с этим местом, но судя по всему, они были перенесены куда-то в глубь полигона (в район пустоши Койранкангас и другие места). Расстрелы продолжались и в конце 1920-х, и в 1930-х годах, – вплоть до «Большого террора» 1937–1938 гг. Возможно, бессудные казни продолжались здесь и позже. Однако, вряд ли живы свидетели этого: перед Финской войной в 1939 г. все местное финское население окрестных деревень было депортировано в Сибирь. Вернувшиеся же в 1960-х в родные места из ссылки очевидцы достоверно свидетельствуют о довоенных расстрелах 1920–1930-х годах. Они хорошо запомнили колонны грузовиков с выключенными фарами. В кузовах машин были видны люди. Позже из-за сосен доносились выстрелы. Будучи еще детьми, они запомнили и места, где были захоронены убиенные.

В 1990-х годах поисковики «Мемориала» обнаружили несколько мест погребения расстрелянных здесь в 1920–1930-х годах людей. Предположения подтверждены первыми результатами раскопок. Мы верим, что территория Ковалевского леса и пустошь Койранкангас получат статус, равный статусу Левашовской пустоши под Петербургом.

Где-то, в нашпигованной рваным металлом земле Ржевского полигона, находятся второпях зарытые палачами тела расстрелянных здесь священномученика митрополита Вениамина, иже с ним убиенных сщмч. Сергия, мчч. Юрия и Иоанна, и еще тысяч безвестных мучеников. Где-то здесь лежит поэт и филолог Н. С. Гумилев и погибшие одновременно с ним. Сказать правду об их гибели, найти места их погребения и почтить это место установлением креста и молитвой – наш долг.

И.П.

РАССТРЕЛЫ НА РЖЕВСКОМ ПОЛИГОНЕ

Расстрелы в Петрограде 1918–1921 годов шли волнами, из которых самыми значительными были казни периодов осени 1918 («красный террор»), лета 1919 (время наступления ген. Н.Н. Юденича на Петроград), весны 1921 (расстрел моряков восставшего Кронштадта) и осени 1921 (расстрелы по «делу Петроградской боевой организации»),

Всего, по доступной официальной статистике, расстреляно в Петрограде в 1918 году 1169 человек (из них непосредственно за контрреволюционную деятельность 754 человека), в ходе «красного террора» 457 человек; в 1919 году 677 человек (за контрреволюцию 226 человек). По 1920 году официальных сведений нет. В 1921 году по делу Кронштадтского восстания было приговорено к расстрелу 2103 человека. Разумеется, эта статистика не учитывает бессудных казней, проводимых местными совдепами и чрезвычайками (когда топили бывших офицеров и вообще контрреволюционеров в Фин-

Карта окрестностей Петербурга (1910-х гг.), на которой изображен район Ржевского полигона. Кружком обведено здание б. порохового погреба, место массовых растрелов

ском заливе в 1918 и 1919 годах, мстили за смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург расстрелами Великих Князей в Петропавловской крепости в январе 1919-го и так далее).

Этих людей казнили небольшими группами в самых разных местах, выявить которые пока не удалось. Но даже если ограничить задачу поиском мест исполнения казней по официальным приговорам и постановлениям, то мы оказываемся в достаточно сложной ситуации, так как сегодняшние хранители документов утверждают, что о расстрелах 1918–1921 годов им ничего не известно. По этой причине поиск места казней 1918–1921 годов приходится вести, опираясь исключительно на воспоминания и свидетельства современников и доступный картографический материал. Особую окраску этой проблеме придает то, что в августе 1921 вместе с другими арестованными по делу Петроградской боевой организации (ПБО) был расстрелян Николай Степанович Гумилев, и нахождение места его казни является общенациональной задачей.

Свидетельства о месте расстрелов того времени можно распределить на несколько групп. Во-первых, это свидетельства современников. Их много, они рассеяны по многочисленным эмигрантским источникам, но, как правило, непротиворечивы.

«Ночью разбудили его [фельдшера И.Н. Роптина], посадили в автомобиль и повезли на полигон по Ириновской железной дороге и заставили его, в качестве «медицинского персонала», присутствовать при расстрелах. «Понимаете ли, одних расстреливают, а другие уже голые у костра жмутся ... женщины, мужчины, все вместе. Женщины еще мужчин утешают».

«Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской ж.д. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться. ... Часть обреченных была насильно столкнута в яму, и по яме была открыта стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей».

«В три часа ночи из гаража чрезвычайки во двор Гороховой, 2 подается пятитонный грузовик ... по списку скованных попарно выводят во двор и сажают в автомобиль. На закрытые борта грузового автомобиля тесным кольцом садятся вооруженные коммунары, машина трогается и катит на артиллерийский полигон на Ириновской железной дороге. Две легковые машины сопровождают грузовик с арестованными.

Зимою в 1921 г. расстрелы на артиллерийском полигоне Ириновской железной дороги прекратились, и арестованных стали отправлять на полигон Царского Села. На первом полигоне по Таганцевскому делу были расстреляны две крупные партии: одна в 61 человек, другая в 17 человек. На втором – восемь человек».

В этой группе свидетельств место расстрела обозначается устойчивым словосочетанием, как ***«артиллерийский полигон на Ириновской железной дороге»***. Процедура казни включает перевозку осужденных на автомашинах до места расстрела, раздевание на месте казни и расстрел у выкопанных там ям.

В интересующее нас время линия Ириновской железной дороги действительно проходила вдоль Рябовского шоссе, служащего (как и сегодня) южной границей полигона. К территории полигона прилегали отрезки пути между платформами Военная и Полигон и далее между станциями Ковалево и Приютино (затем дорога поворачивала на восток и шла в направлении нынешней станции Бернгардовка), причем, между платформой Военная (8-я верста) и станцией Ковалево железнодорожный путь шел через застроенную территорию, а на участке между Ковалево (10-я верста) и Приютино (12-я верста) вдоль кромки леса.

Таким образом, описываемой источниками территории «артиллерийского полигона на Ириновской железной дороге» в наибольшей степени соответствует пустынный лесной участок Ржевского

артиллерийского полигона, прилегающий к Рябовскому шоссе между бывшими станциями Ковалево и Приютино. Этот лес представляется тем более вероятным местом проведения казней, что он не только отделен от внешнего мира охраняемой внешней границей полигона, но и от самой территории полигона изолирован долиной реки Лубьи.

Пустынность и изолированность этого леса в свое время привлекла внимание руководства полигона, и в центре участка, примерно в 300 метрах от Рябовского шоссе, близ берега Лубьи, был построен обвалованный двухэтажный кирпичный пороховой погреб с караульным помещением и подъездной дорогой. Исходя из имеющихся описаний процедуры проведения расстрелов, можно достаточно обоснованно предположить наличие в районе проведения казней какого-то центрального стационарного помещения (для хранения инвентаря, складирования снятой одежды и возможного использования в качестве накопителя для временного размещения осужденных), а также подъездной дороги, ведущей в глубь расстрельной территории. Всему этому идеально отвечает по месторасположению как сам уединенный пороховой погреб, так и караульное помещение перед ним.

Вторая группа имеющихся свидетельств – те, что собраны современными краеведами. Здесь, прежде всего, следует отметить публикации А. Голева и Н. Солохина. По мнению А. Голева, расстрелы производились в районе железнодорожных платформ Корнево и Проба, куда осужденных привозили по железной дороге. Однако использование этих мест для проведения регулярных расстрелов Петроградской ЧК маловероятно. В отношении конспирации (а это было одно из необходимых условий в выборе места казни) участки, расположенные рядом с жилыми поселками, явно проигрывали по сравнению с охраняемой и пустынной территорией полигона. Использование для транспортировки осужденных железной дороги требовало промежуточной пересадки заключенных из грузовиков в вагоны на одной из станций Ириновской железной дороги, что, очевидно, не имело смысла при возможности довезти их на машинах до самого места расстрела. Н. Солохин считает утверждение А. Голева спорным и полагает наиболее достоверным местом расстрелов «место в пойме реки Лубьи за Приютиным».

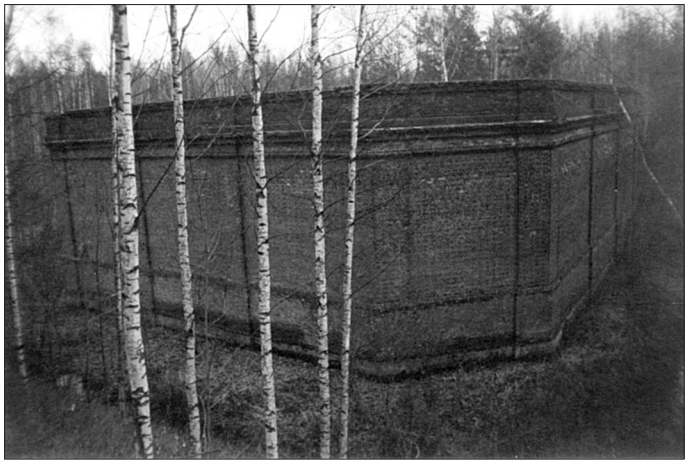
Неопубликованные разыскания краеведа В. Фудалея, хранящиеся в архиве «Мемориала», суммируют свидетельства старожилов Ковалева и Ржевки. По этим свидетельствам, места расстрелов были: *«в оврагах и на болотах между Ковалево и Приютино»*. Заслуживает упоминания и свидетельство В.Т. Будько:

«Говорили старики о пороховом погребе у Приютино, что он был накопителем, т.е. туда привезут, а потом выводят на расстрел. Так он стоит до сих пор, это точно. Но ввязываться я в это дело не хочу».

По свидетельству А.А. Богуцкой (со слов ее отца А.М. Чиркова, служившего в 1920-х годах на полигоне), осужденных кронштадтских моряков привозили на машинах на артиллерийский полигон, затем их снова грузили на машины и увозили к месту расстрела, *«вблизи Старого Ковалева»*. В данном случае местом расстрела служила территория, лежащая южнее Рябовского шоссе, в настоящее время отошедшая под Ковалевское кладбище. Тем не менее, тяготение палачей к району Старого Ковалева можно считать уже сложившейся практикой.

Третья группа источников связана с поиском места захоронения Н.С. Гумилева и опирается на свидетельства Анны Ахматовой.

«Их расстреляли близ Бернгардовки, по Ириновской дороге. У одних знакомых была прачка, а у той дочь – следователь. Она, то есть прачка, им рассказала и даже место указала со слов дочери.



Ржевский полигон. Здание бывшего порохового погреба, использовавшегося в 1918–1920 годах как место содержания заключенных перед расстрелом

Н.С. Гумилев

Туда пошли сразу, и была видна земля, утоптанная сапогами. А я узнала через 9 лет и туда поехала. Поляна, кривая маленькая сосна...»

С районом станции Бернгардовка, также со ссылкой на Ахматову, соотносит предполагаемое место расстрела Гумилева А.С. Федоров. Однако И.Н. Пунина, вспоминая совместную поездку с Ахматовой на автомобиле, указывает совершенно иное место – район Пороховых.

«А.А. всегда четко говорила о смерти Николая Степановича 25 августа и считала, что место казни было на окраине города в стороне Пороховых. Она искала и помнила это направление, но точно и она не могла знать. Ей рассказал рабочий».

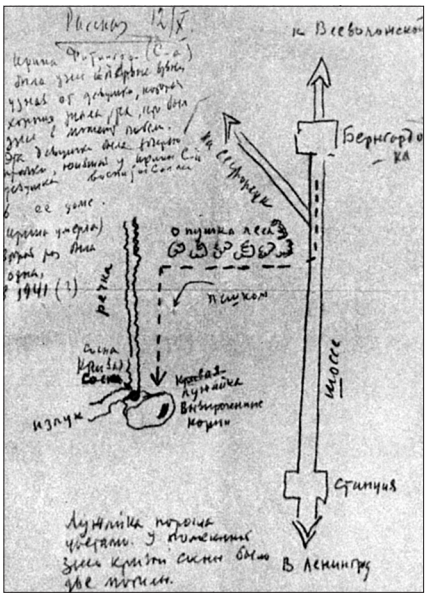
И, наконец, свидетельство Л.В. Бермана, записанное В. Сажиным в 1974 году, объединяет эти две версии самым фантастическим образом.

«По словам Бермана, через некоторое время ему передали просьбу Ахматовой помочь отыскать место казни: связи Лазаря Васильевича с автомобилистами-военными были известны, и надеялись, что он отыщет человека, который вел машину с приговоренными. Эти расчеты оправдались. Нашли шофера, он указал на так называемый Охтинский пустырь (признанный сейчас наиболее вероятным местом казни район деревни Бернгардовка примыкает к Охте)».

Как видим, эти версии, восходящие к безымянному следователю, безымянному рабочему и безымянному шоферу, соотносят место казни с началом и концом отрезка Ириновской железной дороги между станциями Охта и Бернгардовка (расстояние между которыми составляет 15 км), исключая его среднюю часть, примыкающую к Ржевскому артиллерийскому полигону, наиболее вероятному месту расстрела. Единственное разумное предположение, которое можно сделать при анализе свидетельств этой группы, что они отражают усилия Петроградской ЧК дезинформировать население относительно места именно этой казни (дезинформация касалась также и даты расстрела).

В то же время истинное место расстрела осужденных по делу Петроградской боевой организации вполне могло быть выявлено, прежде всего, потому, что оно должно было находиться в районе обычного исполнения казней. И по мнению многих, был человек, который это место знал. Это писатель П.Н. Лукницкий. «Я уверен, что точную дату и место гибели Гумилева знал П.Н. Лукницкий, который, по убеждению Льва Николаевича Гумилева, занимался жизнью и творчеством поэта по заданию ЧК и лично знал тех, кто приводил в исполнение приговоры», – считает М. Эльзон.

С учетом этих сведений можно приступить к анализу широкоизвестного документа «План места, где был расстрелян Н.С. Гумилев. Записан П.Н. Лукницким по рассказам А.А. Ахматовой». На первый взгляд, этот документ поражает своей неконкретностью. Развилка дорог, где от шоссе Ленинград-Бернгардовка ответвляется дорога на Сестрорецк (?!), уже известная ссылка на дочку прачки, как на источник информации с указанием, что Ирина С. (Фитингоф), которой это было рассказано, уже умерла, помета о посещении А. Ахматовой этого места в 1941 году. Все это придает рисунку крайне недостоверный характер, плохо вяжущийся с тем значением, которое придавалось этому документу.



Место расстрела осужденных по «делу Таганцева», в том числе Н.С. Гумилева. Рисунок П. Лукницкого

Однако, если признать, что местом расстрела Н.С. Гумилева был Ржевский артиллерийский полигон, то несообразности нарисованного плана становятся легко объяснимыми. Фактически рисунок П. Лукницкого изображает план участка территории охраняемого военного объекта, т.е. по логике органов безопасности раскрывает военную тайну. Какими бы ни были отношения П. Лукницкого с органами НКВД–МГБ, хранить такой рисунок означало подвергать себя серьезной опасности. Но в существующем виде его невозможно соотнести с реальной картой, поэтому можно сделать разумное предположение, что план фиксирует реальную топографическую ситуацию, выявленную П. Лукницким известными лишь ему способами, а надписи сделаны для безопасного хранения рисунка. У плана Лукницкого есть один действительно серьезный недостаток – топографические привязки к таким плохо сохраняющимся географическим реалиям, как «граница леса», «лужайка» и т. п., что

чрезвычайно затрудняет задачу соотнесения его с сегодняшним состоянием этой местности. Единственная возможность – это «наложить его план на аэрофотоснимок данного района, сделанный в те же или близкие к ним годы. В качестве такой картоосновы нами был использован разведывательный снимок германских «Люфтваффе», сделанный 30 мая 1943 года. Данный снимок исполнен весной, что позволяет выявить границы лесных массивов, а также уверенно отличить хвойные деревья от лиственных. При совмещении масштабов обоих изображений (плана Лукницкого и аэрофотоснимка) с использованием в виде центральной точки ответвления дороги (идущей, разумеется, не на Сестрорецк, а через полигон), на вышерасположенной карте серой линией обозначена ныне существующая дорога, ведущая через полигон к Токсово и далее в сторону Парголово, т. е. к Сестрорецку (!), выявляется совпадение прямого участка реки с руслом Лубьи на местности, а в излучине реки в конце этого участка действительно хорошо просматривается отдельно стоящее хвойное дерево.

Таким образом, точка, которую П. Лукницкий обозначил как место расстрела и захоронения Н.С. Гумилева, достаточно точно может быть нанесена на карту Ржевского артиллерийского полигона. Если сегодня пройти по маршруту, нанесенному на план, то при сопоставлении снимка 1943 года с современной географической ситуацией следует отметить следующие изменения. Все пустые пространства и лужайки в настоящее время заросли смешанным лесом, а по тропе Лукницкого, идущей к реке, сегодня проходит трасса газопровода. Тем не менее, излучины реки в целом сохранили свои очертания, и прямой участок Лубьи сохранился. Сама точка Лукницкого представляет собой низкую излучину, заросшую деревьями. И хотя захоронение на низком берегу у самой воды, вообще говоря, вызывает сомнение, то поднимающийся в десятке метров от края воды высокий покатый берег образует обычный расстрельный ландшафт, известный нам по другим регионам (предпочтение обычно отдавалось песчаным склонам, более удобным для выкапывания траншейных ям и для последующей их засыпки). Если же подняться на самый верх, то мы оказываемся на достаточно плоской вершине холма, по которой проходят неглубокие ложбины, а в 100–150 метрах западнее мы увидим сквозь деревья красно-кирпичные стены порохового погреба, с обнаружения которого мы и начали поиск. И тут уместно добавить, что старый пороховой погреб хорошо известен среди местных жителей под необъяснимым с их точки зрения названием. Со слов своих отцов они называют это здание – «тюрьма».

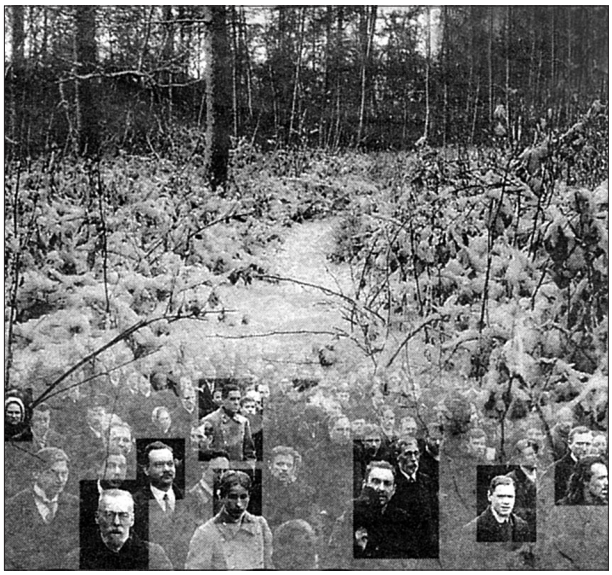
Поселок Старое Ковалево, от которого вверх по Лубье идет расстрельный лес полигона, не сохранился. Место бывшего поселка теперь отмечено лишь развилкой, где от Рябовского шоссе отходит дорога на Ковалевское кладбище. Здесь близко к шоссе подходит и долина Лубьи. Судьба распорядилась так, что в этом живописном месте в честь детей блокадного Ленинграда был установлен «Цветок жизни». Учитывая все вышеизложенное, мы вполне можем считать его памятником и тем нашим согражданам, которых молодая советская власть сочла необходимым привезти в эти места, в Ковалевский лес, чтобы убить первыми.

В. Иофе,

«Звезда», № 8, 1997. Исторические чтения. Первая кровь (Петроград, 1918–1921)

Панихида по погибшим на Ржевском полигоне. 7 ноября 2003 г. Молятся прихожане храма св. Илии Пророка на Пороховых.

Предполагаемое место захоронения Н.С. Гумилева. Фото С.П. Лукницкого



КОЙРАНКАНГАС

Опустись в обитель Калмы,
Вниз, в распухший дерн могильный,
И в ископанную землю,
Где народы погрузились,
Где лежат большие толпы.

«Калевала», руна 17

Собачье место

Бетонка перекрыта шлагбаумом: запретная зона. Солдатик на обочине махнул рукой, и черно-белая перекладина поднялась. Мы въехали на территорию Ржевского артиллерийского полигона, одного из самых старых в стране, основанного еще при царе. Сегодня нет стрельб и тихо. По сторонам – поросшие лесом холмы. До войны на вершинах этих горок были финские деревни. Их жители видели, как тянулись вечерами из города по этой самой дороге со стороны Ржевки машины, а потом слышались крики и выстрелы.

– Все, приехали. Вот он, кангас, – сказал историк Алексей Крюков.

«Кангас» по-фински – песчаная пустошь или редколесье, поросшее вереском. Конкретно это редколесье финны прозвали Койранкангас – Собачья пустошь. Низкий, чахлый вереск, редкие сосны, березки. Под ногами – ржавые осколки снарядов, вокруг – воронки и ямы, присыпанные землей. Майор *Валерий Лукин,* историк Ржевского полигона, слышал от ветеранов рассказы, как из развороченной шальным снарядом земли выскакивали черепа и кости. Сам, правда, не видел. Койранкангас – не мишень, по нему никто специально из пушек не палит, но над Собачьей пустошью проходит директриса – линия стрельб, снаряды иногда врезаются в деревья.

В это жуткое место уже третий год ездят активисты «Мемориала». Металлическими щупами обследуют землю – метр за метром, потом буравят подозрительные места самодельным буром, копают, рискуя потревожить неразорвавшийся снаряд и взлететь на воздух. В августе «мемориальцы», наконец, наткнулись на яму с человеческими останками. На свет Божий были явлены черепа с аккуратными дырками в затылках и выбеленные временем человеческие кости.

Свидетели

Герой «Калевалы» Вяйнямейнен построил лодку с помощью волшебных чар и по доброй воле спустился в царство мертвых. Жители финских деревень Киурумяки и Конкколово обнаружили царство мертвых рядом со своими домами. В марте 1942 все они, до единого человека, были выселены в несусветную даль – на север Якутии, к Ледовитому океану, на погибель. Казалось, та тайна навсегда похоронена. Но нет... некоторые вернулись.

«*Году в 1929-м или 1930-м я с другими детьми пасла коров на Койранкангасе. Вдруг коровы страшно замычали. Мы обнаружили в кустах яму, в ней много трупов. Взрослые обратились в токсовскую милицию, но там им посоветовали не соваться не в свое дело. С тех пор мы, дети, стали наблюдать за этим местом.*

Вечерами приезжала машина, очень часто, почти каждый день, и слышались выстрелы. (***Анна Айрикайнен***, 1918 года рождения)

«*Примерно в 1935–1936 годах я с другими подростками обнаружил в кустах у дороги, ведущей из Токсова во Всеволожск, торчащие из земли черепа и кости. Со стороны Всеволожска к этому*

месту часто подъезжали машины. Из деревни был слышен звук выстрелов и виден свет фар. Все взрослые в деревне хорошо знали о месте расстрелов, но детям старались не говорить». (***Давид Пелконен,*** 1925 года рождения)

Десять лет назад нас возил на Койранкангас *Иван Иванович Федоров,* бывший житель Киурумяки. Он хорошо помнит, как вместе с другими детьми бегал смотреть на расстрелянных «буржуев». Федоров сообщил удивительную вещь: оказывается, в Финляндии о расстрелах на Койранкангасе даже книжка вышла! Издана в Хельсинки, называется «Огни Питера», автор Юхани Конкка, уроженец Конкколова. Герой книги – финский юноша из этой деревни, однажды летней ночью 1919 года возвращаясь с танцулек, услышал выстрелы со стороны Койранкангаса и увидел два удаляющихся по дороге автофургона. На следующее утро пошел на пустошь и нашел небрежно присыпанный песком окоп, откуда торчала чья-то рука и ступня. А потом наткнулся на окровавленного человека. Раненый оказался петроградским профессором. В книге подробно описана история его спасения и бегства в Финляндию вместе с героем повествования.

Юхани писал, что траншеи на Койранкангасе были выкопаны в 1919, на случай каких-то боев, потом заброшены, но ненадолго. Чекисты решили использовать их под могилы. Место удобное: дорога из Питера хорошо накатана, можно привозить людей прямо к краю ям. К тому же легкие песчаные почвы «кангаса» хорошо берутся лопатой. Легче, чем тяжелый грунт в районе поселка Ковалево, близ Ириновской железной дороги, где поначалу производились расстрелы.

Что дальше?

Сколько же народу лежит в этих ямах? Точной цифры не назовет никто. Активисты НИЦ «Мемориал» уверены, что ФСБ и военные будут все скрывать и препятствовать работам на полигоне.

– Нам нет никакого смысла скрывать сведения о более ранних захоронениях, в то время как было признано более позднее – в Левашове, – говорит заместитель начальника архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области *Сергей Чернов.* – Документальных данных о захоронениях на Ржевском полигоне или где-то еще, кроме Левашовской пустоши, у нас нет. Возможно, все делалось на основании устных распоряжений.

Можно, конечно, не верить. Думать, что если хорошенько порыться в архивах, то в каком-нибудь тайном ящичке все и найдется. Редактор Книги памяти «Ленинградский мартиролог» *Анатолий Разумов* работает в этих архивах уже несколько лет. Он считает, что никогда, к сожалению, сын или внук расстрелянного не узнает точно, лежит ли родной человек в Левашове, на Преображенском кладбище, в засыпанных песком ямах на Койранкангасе или в другом, неизвестном еще тайном могильнике. Нет таких данных. Нет...

– Мы не против того, чтобы на полигоне проводились поисковые работы, – говорит зам. командира полигона полковник *Владимир Сладкевич.* – Но отношения должны строиться цивилизованно. Доступ в закрытую зону возможен только с разрешения командования.

«Мемориальцы» официальным путем не пошли. Они проникали на полигон тайно, по-партизански (территория полигона большая, на каждую лесную дорогу кордон не поставишь, вот и ходит народ в запретную зону, и гибнет, бывает). Между тем еще в 1997 году уполномоченный по правам человека Ленинградской области А. Писаревский делал запрос в Москву, в Главное ракетно-артиллерийское управление по поводу захоронений на Ржевском полигоне, и военные ответили, что командование готово оказать содействие в проведении поисковых работ.

Может, не случайно именно сейчас открылся этот тайный могильник в глубине полигона? И смысл в том, что страна все-таки изменилась, привычная схема «бодался теленок с дубом», то бишь энтузиасты-правозащитники с государственным монстром, устарела? И решать, что делать с этими ямами, надо как-то иначе, цивилизованно?

Возможно, когда-нибудь на чахлых березках и соснах появятся красные ленточки, обозначая границы могильника. Когда-нибудь здесь, наверное, поставят памятник. А пока, во избежание партизанщины, военные перекопали ведущие на полигон дороги: машина не проедет, а добираться на Койранкангас пешком – ноги стопчешь.

Ямы на Собачьей пустоши заметает ранний снег.

Наталия Одинцова,
«Аргументы и факты – Петербург», № 44, 2002 г.

ПЛАЧ ПО ВЕНИАМИНУ

Быстрое чтение и спешащее вслед за глазами перо к концу дня превращали меня в переписывающий механизм. Душа немела от горя. Ноша бесконечного сострадания ей была не по силам – равно как и постоянный сухой жар мучительной ненависти. Но по ночам душа оживала и щемящие сны посылала мне. Так однажды приснился мне один из восьмидесяти пяти обвиняемых – карлик Дмитриев, чьи ноги, когда он сидел на скамье, не доставали пола.

Неполноценность тела помогла ему избежать наказания: «...ввиду резкого физического недоразвития, отражающегося на его душевном состоянии».

Между тем, как удалось мне выяснить впоследствии, во время поездки в Ленинград, в малое тело Дмитриева вместилась великая вера. Представьте: он даже горевал, что власть сочла его несоразмерным какой бы то ни было каре. Его сокровенным желанием была мученическая смерть во славу Господа вместе с Вениамином, неподалеку от которого, скрестив свесившиеся детские ножки и сложив на груди ручки, он сидел все двадцать шесть дней суда.

Он разбудил меня, тронув за плечо своей крошечной лапкой.

Он стоял у постели, и его голова с большим, расширяющимся кверху лбом, была почти вровень с моей, еще покоящейся на подушке. Я приподнялся, оперевшись на локоть, и теперь мы смотрели друг другу прямо в глаза.

У него были припухшие веки и длинные ресницы.

Я слышал его голос, несколько напоминающий птичий щебет, но не мог понять ни слова, – будто бы он и в самом деле заговорил со мной на языке синиц и щеглов. Я прервал карлика с досадой: «Не понимаю». Он всплеснул ручками, и его старое, желтое лицо жалко сморщилось.

«Не плачь», – сказал ему я.

Он еще раз попытался мне объяснить нечто, судя по всему, чрезвычайно важное – по крайней мере, с его, карлика, точки зрения – но я, словно какому-нибудь китайцу, бессмысленно ему внимал. Тогда он поманил меня за собой. Я встал и, не одеваясь, пошел вслед за ним. Оглянувшись, я увидел следы моих босых ног на свежем снегу и мимолетно удивился тому, что не испытываю холода. Дмитриев мелко и быстро семенил впереди и уже несколько раз торопил меня нетерпеливыми взмахами руки.

Куда он меня вел? Зачем я был ему нужен? Ничего мне толком не объяснив... Раздражение вдруг охватило меня, и я решил вернуться, не сомневаясь, что найду дорогу по следам, оставленным мною на снегу. Однако вместо фотографически-отчетливых отпечатков моих ступней с характерным дефектом на правой в виде довольно крупной полиартритной шишки возле большого пальца, я увидел не истоптанный ни моими, ни карлика ногами ровный белый покров. С гневом обратившись к Дмитриеву, я потребовал немедленно вернуть на снег мои следы.

Одновременно с этим я мучительно пытался припомнить некогда случившуюся со мной историю, в которой точно так же присутствовала тема возвращения по следам.

Я забыл, чем это все тогда кончилось.

Осталось, однако, ощущение угрозы, исходящей от человека в красной вязаной шапочке с топором в руке.

Мы вступили в лес, карлик бежал передо мной, быстро и мелко перебирая ножками. Тщетными были все мои попытки его догнать.

Чрезвычайно унылой показалась мне окружающая нас местность. Редкие чахлые сосенки, насыпь, с которой ветер сметал снег, обнажая желтые проплешины глины, узкая колея по-видимому заброшенной железной дороги, свисающие с покосившегося столба оборванные провода – все вызывало во мне глубочайшую тоску. Карлик Дмитриев, догадывался я, умышленно привел меня сюда. Он хотел, чтобы я осознал тщету моих надежд на грядущее восстановление всей полноты правды.

Процесс 1922 г. Справа – митрополит Вениамин; второй слева – Дмитриев

Чтобы отчаяние задушило меня.

Совсем не ко времени выплыла на серое небо луна, и в ее ровном мертвом свете я увидел Дмитриева – упавшего ничком на пожелтевший снег. Крупными буквами с ним рядом он сам или кто-то другой вывел одно слово: ВЕНИАМИН. Меня осенило. Истинные намерения бедного карлика мне стали понятны, и я испытал и стыд, и жалость, и сострадание к нему. Вовсе не ради того, чтобы погубить меня безысходным отчаянием, вел он меня сюда! И место это, хотя и уныло, и пусто вовсе не является заповедником Смерти. Здесь погребен Вениамин; здесь истинная его могила, и сюда должен быть перенесен крест с Никольского кладбища, под которым лежит сейчас только память о нем. (Позднее я узнал, что он был арестован двенадцать лет спустя после гибели Вениамина и умер в заключении). Скорее всего, он хотел, чтобы я запомнил это место и, возвратившись, оповестил народ о том, где именно покоится прах митрополита-мученика.

На следующий день, сидя в подвале и с лихорадочной поспешностью переписывая в тетрадь стенограмму заседаний ревтрибунала, я обдумал и решил, что мой сон есть некий сообщенный мне Господом знак, свидетельствующий не только о важности и своевременности предпринятого мною дела, но и о сочувствующе-пристальном внимании, с каким наблюдают за моими трудами жители небесной России. Живущие в обителях Вечной Истины, они, должно быть, с грустью видят, как искажается здесь дорогая им правда их земных судеб. С некоторых пор они знают, что Святая Русь поистине существует – только не у нас на земле, а у них, на Небе. Она вся вместе с ними ушла туда и к нам вернется тоже вместе с ними: когда мы или те, кто нам наследует, станем другими. А записки мои, быть может, внесут посильную свою лепту в чаемое и великое Преображение. Не сразу переменяется человек – я по себе знаю. И далеко не всякая душа легко покидает от рождения пленившего ее ветхого Адама. Но свет и слово правды, но чистый образ наших мучеников и святость принесенной ими жертвы – разве не помогут они духовному обновлению, разве не пробудят дремлющую душу дивным звуком зовущего к молитве благовеста, разве не заронят в честное и взыскующее сердце неотступное стремление к переменам?

Так будет; я в это верю и усердно тружусь.

Александр Нежный

Крест в память сщмч. Вениамина, митрополита Петроградского, на Никольском кладбище Александро-Невской лавры

«Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие».

Мф. 27.27-31

«В детстве и отрочестве я зачитывался Житиями Святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и от чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страдании избыточествует и утешение от Бога. <...> Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование смерти, (под) якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и тому подобное, беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже за самою Церковь».

«Страдания достигли своего апогея, но увеличивалось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее иметь надо нам, пастырям. Забыть свои самонадеянность, ум, ученость и силы и дать место благодати Божией».

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин

С.Л. Щеглов

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ИГУМЕНИИ ЕВФРОСИНИИ И ЕЕ СЕСТЕР

Обнародованная теперь тайная директива главы ЦК ВКП(б) Сталина от 3 июля 1937 года партийным органам и наркому внутренних дел Ежову – в пятидесятидневный срок представить в ЦК составы чрезвычайных внесудебных троек и количество граждан, подлежащих расстрелу и заключению в лагеря, поступила в главные города всех союзных и автономных республик, краев и областей СССР, в том числе и в Горький*, на следующий же день. А вслед за «высокой» телеграммой Ежов разослал «на места» столь же секретный приказ № 00447, по которому республиканские наркоматы и управления НКВД обязывались немедленно начать операцию по выполнению партийной директивы. К приказу приложен был список: сколько в каждой республике, области и в каждом крае надо расстрелять («репрессировать по первой категории») и сколько посадить в ИТЛ («исправительно-трудовые лагеря») – «репрессировать по второй категории». На Горьковскую область было «занаряжено»: к расстрелу – 1000 человек, в лагеря – 3500[1].

Мы пока не знаем, пришла ли ужасная разнарядка и в райцентры, в том числе и в один из древнейших городов русских, – Муром**, искони православный, наполненный церквами, имевший несколько монастырей. Или же просто поступило указание арестовать как можно больше «антисоветских элементов».

Большинство храмов и все монастыри в ходе богоборческой кампании были уже закрыты, но духовная жизнь в былинном граде еще теплилась – ее поддерживали священнослужители и миряне.

В конце июля пошли массовые аресты. В числе первых были заключены в тюрьму священники, монахини и просто верующие люди, активно посещавшие храмы. Вот один из начальных списков: протоиереи Павел Добровольский, Борис Грибовский, Константин Лавров, Алексий Лепорский, Александр Постников, Павел Устинов, архимандрит Феодорит (Кудрявый), священник Георгий Галицкий, игумения Евфросиния (Арсеньева), прихожанки храмов: Анна Кудрицкая, Александра Каратаева, Глафира Лужина, Татьяна Добрынкина, Александра Бородина, Елена Цон, регент церковного хора Петр Крекшин, несколько десятков

Муром. Общий вид города с Богородицким собором (взорван в 1940 г.). Фото начала XX в.

муромских жителей. На первом же допросе всем было объявлено, что они – участники подпольной «церковно-фашистской диверсионно-террористической антисоветской организации».

Следователи местного НКВД начали усиленно «работать» с арестованными. Последовали новые аресты. Посадили в тюрьму благочинного прот. Иоанна Гладышева, протоиереев Максимина Йеменского, Михаила Гусева, протоиерея Димитрия Арцерова, Павла Кузнецова, священников Анатолия Смирнова, Иоанна, Алексия Вознесенского, Сергия Цветкова, Василия Никольского, Василия Радиксова, бывшую игумению Выксунского монастыря Маргариту (Петрову) и ее послушницу монахиню Ирину, протодиаконов Николая Милославского, Николая Иванова, диакона Ивана Шустова, прихожан Михаила Блинова, Тимофея Нюхалова, Николая Мошнина, Горшкова, Анну Дровнину, Ивана Иванова и его жену Татьяну Иванову.

Игумения Евфросиния (в миру Мария Константиновна Арсеньева), основательница Воскресенско-Покровского монастыря, что в окрестностях села Покровского в Лужском уезде С.-Петербургской губернии, была выслана в Муром летом 1930 года вместе с несколькими сестрами разогнанной обители. В те годы древний русский город на Оке, несмотря на близость к столице государства, еще использовался для размещения по политическим мотивам. Таких людей скопилось в нем довольно много. Тут значились дворяне, интеллигенты, политические деятели: эсеры, меньшевики, троцкисты и

---

* Нижний Новгород.

** Муром, до 1917 – уездный город Владимирской губ. (ныне Владимирской обл.), в 1930-е относился к Горьковскому краю.

прочие оппозиционеры советской власти. Но особенно много было священнослужителей и монахинь.

Дед Марии Арсеньевой, Константин Иванович Арсеньев (1789–1865), был известным историком, географом и статистиком, основателем Русского географического общества, академиком Петербургской Академии наук с 1841 г., профессором С.-Петербургского университета (в 1821 г. его отстранили от преподавания за то, что он осуждал крепостное право).

Отец, Константин Константинович[2], был известным русским просветителем и общественным деятелем. Писатель и литературовед, публицист и литературный критик, почетный член С.-Петербургской Академии наук с 1900 г., он редактировал знаменитый Словарь Брокгауза и Ефрона, был сотрудником, а с 1909 года главным редактором крупнейшего литературно-общественного журнала «Вестник Европы». В 1906–1907 гг. являлся одним из руководителей партии демократических реформ в России, с 1867 г. член, а в 1889–1891 гг. председатель комитета литературного Фонда России. Ему принадлежат книги о М.Е. Салтыкове-Щедрине, Глебе Успенском, Н.А. Некрасове, Вс. Гаршине, статьи о творчестве В. Гюго, Г. Флобера, Э. Золя, А. Додэ и других классиков литературы. Умер Константин Константинович 22 марта 1919 года. Последние годы жизни провел в семейном имении в селе Покровское, был похоронен у алтаря монастырского собора. После разрушения собора крест на могиле Константина Константиновича был снесен.

Мать Марии Арсеньевой, Евгения Ивановна (1849–1931), в молодости была великосветской дамой, вращалась в обществе друзей и знакомых мужа, литераторов и общественных деятелей, слушала стихи Некрасова в его исполнении. В семье было три или четыре сына[3], а дочь одна, причем, самая младшая из детей.

Анна Алексеевна Епанчина, написавшая воспоминания о игумении Евфросинии, сообщает, что Мария воспитывалась за границей, в католическом монастыре. Вернулась на родину, познакомилась и сдружилась с дочерьми генерала Мансурова. «В то время обе они уже были монахинями в основанном ими монастыре в Митаве», – пишет Анна Алексеевна.

Все братья Марии погибли в Первой Мировой войне. Мария приняла монашество в 1912 г. (в мантии – с 4 августа 1917) и основала возле родового имения монастырь. «Двухэтажный помещичий дом, – продолжает Анна Алексеевна, – так и остался в своем прежнем виде: с огромной библиотекой, старой мебелью. А небольшой одноэтажный дом стал Воскресенской церковью <…> Около, между двумя деревьями, была прибита деревянная доска и на ней вроде куска рельса, в который ударяли и звонили вместо колокола. Позже были построены домик «Татьяновский» и двухэтажный корпус, в котором жили «сестры» – монахини, а на втором этаже

Воскресенско-Покровский монастырь близ Луги. Монахини и девочки-сироты из приюта в поле

была маленькая церковь в честь преподобного Сергия Радонежского. Корпус был обнесен тыном из больших бревен с заостренными верхушками, и кругом росли кусты шиповника <…> А дальше стоял собор. Он был построен по типу северных деревянных церквей, вроде Кижей, – высокий и узкий. Окна в два света – маленькие стекла в деревянных рамках, хоры в задней части, иконы в медных узких рамах, написанные в древнем стиле <…> За собором был крутой спуск к реке Песковатке. Пели в соборе монахини, пели чудесно. Лучшей регентшей была мать Марфа. Сестры работали и в поле, и на сенокосе, и в огородах, и по «домашности» – шили одежду, чинили обувь. По воскресеньям игумения собирала сестер и читала им отцов Церкви».

Порядки в обители были строгие. «Сестры жили в корпусе по двое в келии, но не постоянно, а часто менялись, чтобы не привыкли к келии, к сожительнице. Двое, по очереди, были на подворье на ст. Плюса, в 18 верстах от обители. Письма сестрам все отдавались матушке,

Игумения Евфросиния (в центре) со священником и сестрами монастыря возле одного из зданий обители в Нежадово. Справа от игумении, вероятно ее мать, Евгения Ивановна с одной из девочек-сирот на руках

Игумения Евфросиния. 1920-е (?) годы

она читала их раньше адресатов и потом отдавала им. В праздники не работали, в малые – работали. Одевались бедно, питались плохо. Ели все вместе в трапезной, и одна из сестер читала в это время Жития Святых».

Приняла монашество и жила в монастыре вместе с дочерью и Евгения Ивановна Арсеньева.

«Обитель закрыли и разогнали зимой 1929–1930 годов, – продолжает А.А. Епанчина. – Почти все сестры перебрались по линии Варшавской железной дороги – Сиверская, Карташевка, Гатчина. Мать Евфросиния с «бабушкой» (Евгения Ивановна Арсеньева. – *С.Щ.*) и четырьмя сестрами поселилась в нашем доме в г. Гатчине. Со стороны моих родителей это было большим риском, за такое гостеприимство можно было и нам «уехать в дальние края».

«В 1930 году мать Евфросинию выслали в Муром. У нас поселилась мать Иоанна (Мансурова), откуда приехала – не помню, интеллигентная, изящная, образованная монахиня. В марте 1932 года ее, «Нянечку» (сестра Анны Алексеевны Епанчиной, монахиня Надежда; пояснение сына Анны Алексеевны – Александра Александровича Епанчина. – *С.Щ.*), мать Александру Бородину и мать Марину Морозову арестовали ночью и отправили в тюрьму в Ленинград, продержали месяц и выслали в Казахстан. Арестованных и высланных было очень много со всей Ленинградской области. Многие не вернулись, умерли там. В 1936 году вернулась из ссылки в Бек-Буди «Нянечка» и поехала к матушке в Муром. В 1937 году матушку арестовали, увезли в Нижний Новгород, и затем она исчезла. Видимо, была расстреляна. Оставшиеся сестры жили: кто на Выксе, кто в Муроме, кто в Ундоле (село, потом г. Акинск Владимирской области. – *А.А. Е.*). Их было всего 48 человек».

В воспоминаниях А.А. Епанчиной много имен, фамилий, подробностей быта и порядков в обители м. Евфросинии (Арсеньевой), где Анна Алексеевна проживала с матерью и сестрой в 1922, 1928 и 1929 годах. Воспоминания опубликованы в журнале «Новая провинция». Из подробностей, особенно важных для нашего рассказа отметим следующие.

В Муроме игумения Евфросиния вместе с матерью и несколькими сестрами сняла комнату в доме Клавдии Ивановны Антоновой (Советская ул., 35). Евгению Ивановну Арсеньеву (ей шел восемьдесят первый год) сразу же по приезде в Муром постригли в схиму с именем Василиса. «Она была пострижена, – пишет Анна Алексеевна, – благодаря видению, бывшему о ней Муромскому архиерею». Епископом в Муроме был тогда Макарий (Звездов). Схимонахиня умерла в следующем году. Похоронили ее на Напольном кладбище, на окраине города. Кладбище существует и ныне, но закрыто для новых захоронений.

Арестовали м. Евфросинию, по свидетельству Анны Алексеевны, в селе Дедово, возле Мурома. Возможно,

Бывшие фрейлины Ея Величества, основательницы Рижского монастыря, сестры – инокиня Екатерина (впоследствии – игумения Сергия и инокиня Наталия (впоследствии – мон. Иоанна) Мансуровы с матерью, Марией Николаевной Мансуровой, рожд. княжной Долгорукой († 29.01.1914)

она приехала туда по каким-то делам или погостить у кого-либо из сестер.

На роль руководителя мифической «церковно-фашистской организации» выбрали благочинного о. Иоанна Гладышева. Протокол из его допросов хранит следующий ответ обвиняемого на вопросы следователей Кострынина и Нестерова:

«В основу своей деятельности, кроме вербовки, мы включали создание повстанческих ячеек и подготовку их к восстанию в момент интервенции против Советской власти, подготовку кадров для совершения диверсий и террористических актов, воссоздание ликвидированных монастырей, пропаганду против вождя ВКП(б) и членов Советского правительства, – все это вытекало

Монахиня Сергия и монахиня Иоанна (Мансуровы) (в центре) с сестрами Рижской обители (перед эвакуацией в Нежадово). 1915 г.

Епископ Макарий (Звездов)

из установок, полученных от местоблюстителя Патриаршего престола Сергия Страгородского»[4].

«Вы сказали, что вовлекли свыше 20 человек, – спрашивал следователь. – *Назовите всех членов контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации».*

И в протоколе записан покорный ответ:

«Арсеньева Евфросиния Константиновна, бывшая игумения Воскресенско-Покровского монастыря. Кудрицкая Анна Ивановна, постриженная в монахини в 1928 году, помощница игумении Арсеньевой, работает врачом в Муроме (...). Добрынкина Татьяна Леонтьевна, активная церковница, дочь купца. Бородина Александра Васильевна, монашка. Коротаева Анна[5] *Ивановна, монашка, тайно постриженная. Цон Елена Магнусовна, монашка».*

И записано еще двенадцать названных Гладышевым лиц. Далее в протоколе следует подробный рассказ о деятельности «диверсионно-террористической организации». Есть в нем и такие строчки:

«Под руководством бывшего игумена Феодорита Кудрявова[6] *участниками организации Петровой и Арсеньевой создан подпольный монастырь, в который вовлечено до сорока пяти чел. бывших монахинь. Под руководством бывшего белого офицера Крекшина создана диверсионно-террористическая группа из 10 чел. Кулак Горшков в 1935 г. в момент торжественного заседания накануне годовщины Октябрьской Революции поджег сарай гор. больницы (...). В том же году накануне 1 Мая участниками организации были подожжены поликлиника, городской совет и районная библиотека, но огонь быстро был потушен».*

Цитируя выдержки из протокола допроса (он отпечатан на машинке), я сохраняю орфографию и пунктуацию. Внизу каждой страницы четкая подпись: *Гладышев*. Но ни на минуту не покидает ощущение подложности документа. Сам стиль вопросов и ответов убеждает, что составлял их следователь, а обвиняемый подписывал не по доброй воле.

И здесь я должен сообщить читателю, что судьба определила мне редкую возможность рассказывать о людях, которых я знал и помню; даже в какой-то степени я был участником тех событий. В 1937 году мне шел шестнадцатый год, и уже шесть лет я жил в Муроме с матерью, той самой Александрой Ивановной Каратаевой, которая упоминается как одна из монахинь в подпольном монастыре игумении Евфросинии (Арсеньевой). Несколько лет подряд я встречался и с м. Евфросининей, и с Кудрицкой, и с другими перечисленными в протоколах людьми и в церквах, и в их квартирах. Хорошо помню о. Иоанна Гладышева, регента хора Петра Ивановича Крекшина, его милую супругу и архимандрита Феодорита; участвовал в богослужениях, в качестве отрока-прислужника помогал епископам и архиепископам Муромским, о. Иоанну Гладышеву, протодиаконам, диаконам и иподиаконам муромского кафедрального собора и других церквей. Из дальнейшего рассказа вы узнаете, что единственный сын Александры Ивановны Каратаевой упоминается в ее деле и приговоре, а также в протоколах допросов и в приговорах игумении Евфросинии, Анны Ивановны Кудрицкой как живое доказательство их антисоветской деятельности.

И о. Иоанн Гладышев, и Петр Иванович Крекшин остались в моей детской памяти людьми мужественного вида, даже суровыми, и никак не вяжется с их обликом покорное согласие с теми чудовищными обвинениями, которые им предъявлялись следователями, тем более, когда они так услужливо называли своих «сообщников», священнослужителей и мирян, мужчин и женщин, заведомо понимая, что обрекают не только себя, но и их на верную смерть. Мог ли крепкий мужчина, протоиерей, не старый еще человек, к тому же благочинный, т.е. руководитель других священнослужителей, наставник мирян, образец нравственного христианского поведения, так унизительно наговаривать на себя и на свою паству? Невероятно!

Явная надуманность сообщений о поджогах в большевистские праздники больничного сарая, поликлиники, библиотеки и горсовета подтверждается в моих глазах тем, что не было в то время в Муроме, в небольшом городе, где почти все друг друга знали и где всякое происшествие становилось общеизвестным, никаких поджегов. Двадцать лет спустя, когда был самими же советскими руководителями разоблачен культ Сталина, и началось оправдание некоторых жертв былых репрессий, отсутствие каких-либо поджогов в Муроме вынуждена была зафиксировать прокуратура, проводя повторное расследование уголовных дел муромских узников тридцать седьмого года.

Все только что сказанное крайне важно для доказательности нашего рассказа об описываемых событиях и облике людей, обвиненных в преступлениях самых невероятных. Да, большинство этих граждан не признавало советскую власть законной, не симпатизировало ей, пассивно сопротивлялось ее мероприятиям. Что касается священнослужителей и их единомышленников мирян, они, естественно, отстаивали свои религиозные и патриотические убеждения. Но отстаивали не с оружием в руках, не в составе контрреволюционной подпольной организации. Полагать такой организацией всю Русскую Православную Церковь (а заодно и все другие вероисповедания) – это и значило развязывать геноцид поистине средневекового масштаба, что, впрочем, вполне укладывалось в рамки революционной теории и практики. («Кто не с нами – тот против нас» и «Если враг не сдается – его уничтожают»). Вот и пришлось уничтожить значительную часть того самого народа, который потом так героически отстоял родину и свой дом от иноземных захватчиков – фанатиков другой бесчеловечной идеи.

Но вернемся к нашему рассказу, к трагической судьбе игумении и ее духовных сестер и соратников.

Итак, исторические документы, сохранившиеся в архивах, показывают удручающую картину, как православный благочинный скрепляет своей подписью следовательскую клевету, тем самым вынося себе смертный приговор, отягченный позором лжесвидетельства. Увы, не беспредельны силы человеческие. Вспомним библейского Иова. Когда его постигла мучительная болезнь, отнявшая последние остатки сил у измученного несчастьями человека, он проклял день своего рождения и ночь зачатия и возопил: «На что дан страдальцу свет и жизнь огорченным душою, которые ищут смерти?» Можно себе представить, какие средства применяли нестеровы и кострынины к муромскому Иову, чтобы вынудить его клеветать на себя, на своих прихожан и сподвижников по церковному служению.

Сохранившиеся архивные документы, впрочем, показывают, что не все подследственные покорно признавали навязанную им вину. И первой в когорте таких героев предстает ***игумения Евфросиния.***

Из протокола ее допроса:

«Контрреволюционной деятельностью я не занималась и не занимаюсь, – отвечала м. Евфросиния следователю. – *Отстаивала монастырь от закрытия, в 1922 году преобразовала его в сельхозкоммуну* (было на то разрешение советского правительства в свое время. – *С.Щ.*). *В 1926 году ее закрыли. Отстаивая ее от закрытия, я раз пять была во ВЦИК у Смидовича Петра Германовича* (известного революционера – сподвижника Ленина звали Петр Гермогенович. Скорее всего отчество исказила не игумения Евфросиния, а малограмотный следователь, записавший ее показания. – *С.Щ.*)

Муром. Благовещенская церковь, где молились сестры общины игумении Евфросинии

и два раза у Енукидзе. Привозила от них документы, и монастырь продолжал действовать – до конца 1929 года. В декабре 1929 его закрыли».

Вот объективный честный рассказ об истинной церковной работе, которую вела игумения. Она решительно отвергает обвинения в контрреволюционной деятельности. Что – не пытали нестеровы брошенную в застенок женщину? Или как выдержала она пытки не в пример о. Иоанну Гладышеву, бывшему офицеру Крекшину и другим? Остается тайной. Возможно, имеются где-то в архивах бывшего КГБ и другие протоколы, в которых и м. Евфросиния подписывала противоположные показания. Возможно, найдем со временем протоколы, в которых и Гладышев первоначально отрицал показания, подписанные позже.

Но и в том протоколе, который нам знаком, записаны показания игумении Евфросинии Арсеньевой, которых

Из анкеты игумении Евфросинии (Арсеньевой) в следственном деле муромских мучеников:

Родилась 22 апреля 1881 г. в б. Царском Селе, теперь Детское Село Ленинградской области. Из дворян, у родителей было крупное имение и 500 десятин лесу. До революции – игумения Воскресенско- Покровского монастыря, организатор его. Образование среднее, окончила гимназию. Беспартийная. Русская. Судима в 1930 г. по ст. 58-10. Срок отбыла. Два брата: Арсеньев Борис Константинович и Арсеньев Евгений Константинович, где – не знает.

В протоколе допроса относительно братьев записан такой ответ: эмигрировали в Германию в начале революции.

Муром. Николо-Набережная церковь, где молились сестры общины игумении Евфросинии

и добивался следователь, чтобы доказать необходимое ему существование подпольной антисоветской организации.

«В 1934 г. я организовала монастырь в Муроме вместе с моей сожительницей Кудрицкой. (Но разве могла игумения назвать свою духовную сестру во Христе сожительницей? Не ее это терминология – жаргон следователя! – *С.Щ.*) *В него входили также Бородина Александра Васильевна, Цон Елена Магнусовна, Алексеева Наталия Алексеевна, Осипова Устинья, Николаева Александра, Зайончковская Наталия Андреевна, Алексеева Анна, Путырская Александра Ивановна, Матвеева Марина Гавриловна, Яковлева Прасковья, Бакушева Валентина, Никандрова Прасковья, Иванова Марфа Ивановна, Павлова Ольга, Матвеева Елена Варфоломеевна, Сергеева Наталия, Лебедева Прасковья».* Всего игумения назвала 17 женщин.

Вновь обратимся к воспоминаниям Анны Алексеевны Епанчиной, дабы сохранить для потомков хотя бы крохи сведений о безвестных страдалицах за веру Христову.

В составе хора Воскресенско-Покровской обители Анна Алексеевна упоминает: первые голоса: Марфа, регент – Александра Бородина, Александра Путырская, Валентина Шкаталова, Мария Нежадовская, Александра (регент); вторые голоса: Татиана (Огородница), Елена (Толстая), Ульяна, Параскева-скотница, Устиния (Завхоз); альты: Валентина Бакушева (Регент), Аграфена, Татиана (Маленькая), Параскева Феофиловская, Елена Цон; басы: Елисавета (Регент), Анна Лышницкая, Наталия, Аграфена.

Как уже было сказано не все покровские сестры перебрались вместе с игуменией в Муром. Установим тех, кто разделил в Муроме судьбу м. Евфросинии.

Вот еще некоторые сведения из воспоминаний Анны Епанчиной.

«Наша Наденька вернулась в Гатчину 21/XII 1931, а 17/IX 1932 г. вместе с матерью Иоанной (сестра игумении Рижского монастыря матери Сергии), Мариной Савельевой и еще кем-то была арестована и, после месяца в тюрьме на Шпалерной ул., выслана в Среднюю Азию, где и провела 3 года. Сестры были взяты и из других городов вместе с целым рядом монахинь и монахов. В ссылке очень многие умерли, в т.ч. м. Иоанна, м. Татиана (Венецкая), м. Аграфена, м. Наталия (сестра Наташа), м. Ульяна и другие.

В августе 1931 г. мы с Варенькой ездили на неделю в Покровку. Собор был закрыт, в корпусе жили колхозники, а мы помещались в Воскресенском домике. В Воскресенской церкви службы были. Из сестер были: м. Мария Нежадовская, м. Екатерина, м. Наталия (Церковница), кто-то еще. Больше мы туда не ездили.

Зимой и весной 1933 г. мы ездили на Сиверскую, где жили м. Марфа, м. Ольга, м. Татиана (Маленькая). Летом они уехали в Муром, затем поселились в с. Липня около ст. Навашино. Летом 1936 г. Варя одна была в Муроме, повидала живших и в самом городе, и в соседних деревнях. Летом 1938 г. мы ездили в Муром вдвоем, видали м. Марфу, м. Ольгу, м. Наталию Зайончковскую и других. В 1939 г. также ездили и также повидали всех живущих там.

В 1943 г. я приехала в Муром одна, а м. Надежда приехала на следующий день – 10/IX. В Муроме жили тогда м. Наталия Зайончковская и м. Параскева Феофиловская. М. Надежда поселилась с ними, и я, живя на Советской, 35 у Клавдии Ив. Антоновой, бывала у них на Красноармейской ул. ежедневно».

Эти воспоминания важны тем, что раскрывают судьбу некоторых сестер Воскресенско-Покровской обители. Как видим, кое-кто уцелел в «чистке» тридцать седьмого года.

Вот еще некоторые подробности.

«***Схимонахиня Анна (Анна Ивановна Кудрицкая),*** 1888–1966. Старшая с 1937 г. Врач, назначена игуменией после последнего ареста. Из санкт-петербургских дворян. Жила на Выксе Нижегородской обл. (надо понимать: после освобождения из лагеря. – *С.Щ.*)

Монахиня Валерия (Валентина Бакушева). Регент. Воспитанница м. Татианы (Венецкой). В 1930-х гг. жила в Ленинграде, служила бухгалтером, с 1940 на Выксе, затем в селах Владимирской области Тучково (Селивановского района), Юрово (Собинского р-на).

Монахиня Евфимия (Евгения Александровна). Умерла после 1925 г. Служила в ЧК в Ленинграде и была прислана закрыть обитель, где обрела веру и постриглась в 1925 г.

Монахиня Елена (Елена Матвеевна Матвеева (Толстая). Умерла в 1970-е гг. Была в ссылке, затем жила в с. Дуброво Селивановского района Владимирской обл.

Монахиня Елена (Елена Магнусовна Цон). Умерла в 1973 г. До пострига служила в ЧК в Ленинграде. Сидела 18 лет на Соловках. В мантии с 1953 г. До 1967 г. жила на Выксе, затем в Муроме.

Монахиня Михаила (Александра Эдуардовна Отто, 1867–1942). Казначея. Принимала участие в создании обители, затем благочинная. Из санкт-петербургских немок. Жила в Муроме.

Монахиня Сергия (Марфа Ивановна). Умерла в 1966 г. Регент. Жила на Сиверской, в с. Липня (ныне вошло в состав г. Навашино Нижегородской обл.), в с. Дуброво.

Рясофорные монахини:

Монахиня Александра (Александра Николаева) (Дубровицкая). Умерла в 1958 г. Регент. Жила в Муроме.

Монахиня Александра (Ашман). Умерла в 1986 г. Из городских. Была в ссылке, затем монахиня Свято-Троице-Сергиева Рижского монастыря, с 1957 в мантии – Вероника, в схиме – Александра.

Монахиня Анна (Лышницкая). Умерла в 1970-е гг. Жила в Лышницах, затем в Юрове.

Монахиня Анна (Кучерова). Умерла до 1986 г. Жила в доме матери игумении и ухаживала за ней. Затем – монахиня Свято-Троице-Сергиева Рижского монастыря Агния.

Монахиня Валентина (Шкаталова). Умерла в 1952 г. в городе Павлово Нижегородской обл.

Монахиня Екатерина (Гагарина). Умерла в начале 1970-х гг. Скотница. Жила в Нежадове, затем в Юрове, Дуброве.

Монахиня Елена (Елена Федоровна Ауерган). Умерла в 1965 г. Начинала как учительница в приюте, созданном в революцию. Жила на Выксе. Горбатенькая.

Монахиня Марина (Савельева). Умерла в 1950 г. Из Санкт-Петербурга. Прислуживала в церкви. Жила на Выксе.

Монахиня Надежда (Надежда Алексеевна Епанчина, 1890–1968). Из дворян Нижегородской губернии. В обители с 1920 г. Постриг 17 января 1924 г. Была в ссылке в Средней Азии, затем жила в Муроме.

Монахиня Наталия (Наталия Андреевна Зайончковская, 1890–1958). Дочь генерала Андрея Мадардовича Зайончковского. Была в ссылке. Жила в Муроме. До 1917 г. была большевичкой.

Монахиня Параскева (Лебедева) (Скотница). Умерла в 1962 г. Ушла в мир. Жила в с. Чудь Навашинского района.

Монахиня Параскева (Параскева Ефимовна Никандрова) (Феофиловская), 1898–1947). Умерла в Муроме.

Монахиня Татиана (Венецкая). Из санкт-петербургской интеллигенции. Умерла в 1932 ?, 1935 ? гг. в ссылке.

Монахиня Татиана (Татиана Александровна Гаврилова) (Маленькая). Из крестьян Псковской губ. Постриг в 1929. Жила в с. Липня, затем в г. Навашино, где работала на железной дороге «на кипятке». В начале 1980-х переехала в Пермь к племянницам.

Монахиня Вера Розанова (дочь философа В.В. Розанова ?). Послушница. Страдала недержанием мочи и спала на досках. До 1917 г. ушла из обители и покончила с собой.

Монахиня Елена (Егорова). До 1922 г. перешла в Вохановский монастырь (в 18 верстах от Гатчины), где постриглась.

Монахиня Любовь (Любовь Александровна Барышева), 1874–1954. Умерла в Муроме.

Сообщает А.А. Епанчина также о датах смерти Александры Путырской (1966 г., Выкса), Александры Бородиной (монахини Августы, 1964, Выкса) и других монахинь и послушниц. Из упоминаемых ею священников обители отметим брата Елены Магнусовны Цон иеромонаха Власия (Владимир Магнусович Цон (Соловецкий) (?). В обители был недолго, умер в 1922 г. лет 30-ти с небольшим. Протоиерей Николай Соколов служил на подворье на ж. д. станции Плюсса. В 1930 г. выслан с женой Ниной Ивановной в Муром, «где был арестован и пропал, а Нина уехала куда-то к родным».

Отбывавшая ссылку в Муроме ленинградка Александра Флегонтовна (сидит слева) и ее родственники. Фото 1930-х гг.

Остается изложить некоторые детали последних дней крестного пути игумении Евфросинии и ее сподвижников.

Ордер № 3126 на арест **Анны Ивановны Кудрицкой** был выписан сотруднику Муромского районного отдела НКВД Кузнецову. Подписал клочок судьбоносной бумажки начальник Муромской опергруппы лейтенант госбезопасности Шишкин, 29 июля 1937 г.

Из анкеты, заполненной на арестованную:

Родилась в 1888 году в Ленинграде. (Хотя город назывался в предыдущем веке по-другому, советская власть признавала только Ленинград. – *С.Щ.*). *Адрес настоящего местожительства: г. Муром, ул. Советская, 35. Врач Муромского тубдиспансера. Дочь личного дворянина. Окончила медицинский институт. Беспартийная. Русская. В 1930 г. судима по ст. 58-10 и 11, срок отбыла. Одинокая.*

Из протокола допроса **А.И. Кудрицкой** 31 июля 1937 г.:

«Ни в какой контрреволюционной организации не состою и к.р. деятельностью не занимаюсь».

Анна Ивановна повторяет это под напором вопросов следователя **четырежды**. *«Показания Арсеньевой не верны»,* – утверждает Кудрицкая, когда допросчик пытается опереться на них.

В такой стойкости перед ложными обвинениями сказывалась, надо полагать, и высокая образованность Анны Ивановны, и ее прошлый опыт противоборства со следователями; знала мученица: положи им в рот палец – руку отхватят. Нельзя верить видимости объективности этих людей. У них одна цель: обвинить.

Такой стойкости, к сожалению, не хватало многим из арестованных.

Постановление от 30 июля 1937 г. о предъявлении обвинения **А. И. Каратаевой** (подписали сотрудник РО (районнного отдела) НКВД Кузнецов, нач. РО Кольцов, прокурор Муромского района – фамилия неразборчива): Каратаева состоит в к/р подпольной организации, ведет активную работу, направленную против существующего строя. Своего сына готовит немецким шпионом-переводчиком. Содержать под стражей в Муромской тюрьме по I категории.

По I категории! Значит – на расстрел. Еще бы – сына в немецкие шпионы готовит!

Ни единого слова, ни намека малого за все мои годы жизни с мамой не высказывала ни она, ни ее подруги и знакомые о борьбе с советской властью, а тем паче – о возможности сотрудничества с фашистами, если они нападут на СССР (о таком нападении вообще речи не заходило у нас в доме), ни единого слова, ни малейшего намека!

А вот в школу, действительно, мама меня не устраивала. И не скрывала, почему. Все разговоры, все беседы в доме – мамы со мной, и с теми, кто приходил к ней, – были о Боге, об Иисусе Христе, о Богоматери, апостолах и прочих святых. Посты, церковные обряды и праздники, исповеди, причастие, всенощные, обедни ранние и поздние. А в школе учат безбожию. Мама хотела, чтобы ее сын вырос верующим в Бога, мечтой ее было увидеть его священнослужителем. И она радовалась, что послушный мальчик не противится ее намерениям, ходит с ней в церковь, помогает старшим в богослужениях, надевает парчовый стихарь. В пятнадцать лет я был удостоен обряда посвящения в стихарь, а затем и возложения ораря. Обряд был совершен в кафедральном соборе в торжественной обстановке Муромским епископом. Это были счастливейшие дни одинокой сорокасемилетней женщины, посвятившей себя Богу.

Сама бывшая учительница, выпускница гимназии, Александра Ивановна, заботилась о том, чтобы сын ее вырос образованным человеком. Она давала мне возможность читать все книги: от церковных – Библии, Псалтири, Четьи-Миней – до светских. В молодости увлекалась русской художественной литературой, перечитала всю классику, пережила и увлечение Горьким, революционными идеями. В квартире нашей хранились подшивки журналов «Нива», «Пробуждение», «Вокруг света», «Мир Божий», сочинения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Достоевского, Гончарова, Глеба Успенского, Григоровича, Короленко, Куприна, Боборыкина.

Русский язык, литературу и арифметику мама преподавала мне сама. Уроки по алгебре, физике, химии, иностранному языку просила давать своих подруг по гимназии, учительниц по этим предметам. И я охотно ходил к этим пожилым женщинам на квартиры, получал задания, решая задачки и примеры, отвечал на вопросы по учебникам. Мне нравилось приобретать знания.

Иностранным был немецкий – именно этот язык преподавала одна из маминых подруг. Вот и весь «шпионаж». Вот и вся «контрреволюционная деятельность» А.И. Каратаевой. Вот и вся ее «первая категория».

Я не слышал от мамы, чтобы она проходила монашеский постриг. Носила обычное мирское платье, не было у нас в доме ни подрясников, ни других монашеских одеяний. Каждая отлучка мамы из дому была мне известна, ничего тайного от меня не было в ее аскетической жизни.

Дома за швейной машинкой, приход заказчиц на шитье, примерки и церковь. Вот и все.

Из анкеты **арестованной А.И. Каратаевой:**

Родилась 13 апреля 1888 г. в с. Новоселки Вачского района Горьковской обл. Учительница. Без определенных занятий <...> Из крестьян-середняков. Образование среднее – гимназия. Беспартийная. Русская. Не судима. Сын – Сергей Львович Щеглов-Каратаев, 1921 г. р.

Из протокола допроса **обвиняемой А.И. Каратаевой** 3 ноября 1937 г. (вели пом. оперуполномоченного 7 отделения 4 отдела УГБ управления НКВД по Горьковской области Нестеров и курсант Волков).

«Являюсь членом к/р церковно-диверсионно-террористической организации, проводила а/с работу, направленную на дискредитацию Сов. власти и ее руководителей. До революции 1917 г. работала учительницей, но в 1919 г. в знак протеста существования Советской власти эту работу бросила <...> В 1926 г. развелась со своим мужем Л.Л. Щегловым по той причине, что он продолжал работать учителем и этим приносил некоторую помощь Советской власти, а я этого не желала <...> В 1936 г. в мае месяце вошла в а/с подпольный монастырь, являвшийся одним из филиалов церковной диверсионно-террористической организации на территории Муромского района».

Эти показания А.И. Каратаева дает 3 ноября, арестовали же ее 9 августа. Не может быть, чтобы арестованную держали в тюрьме три месяца без допроса. Но в деле других протоколов нет. Вывод напрашивается сам собой: были более ранние допросы, более ранние показания, но их почему-то не подшили к делу. Убедительным доказательством такого предположения являются следующие слова подследственной в том же протоколе от 3 ноября:

«После моего некоторого запирательства перед следствием я решила рассказать о своей а/с деятельности полностью, не скрывая ничего. Не стала обучать своего сына в советской школе, боясь того, что его могут воспитать в советском духе, а стала учить на дому. Мне посоветовали обучать его немецкому языку с тем, чтобы в случае войны и победы Германии над СССР у нас был бы свой человек, способный оказывать помощь Германии. Посещая преподавателя немецкого языка монашку Попковскую, он познакомился с бывшей игуменией Ленинградского монастыря Арсентьевой и Кудрицкой, проживающих в одном доме с Попковской. Арсентьева и Кудрицкая моего сына стали обучать закону Божьему, готовя из него архиерея. Я знала об этом, но препятствий не чинила».

Так записаны показания А.И. Каратаевой три месяца спустя после ареста.

А вот выдержки из протокола допроса **Елены Магнусовны Цон** 31 июля (сразу после ареста):

«Вы обвиняетесь в активной к/р деятельности, дайте показания», – требует гебист.

«К/р деятельностью не занималась».

«Следствию известно, что ...» (излагается обычная допросная формула).

«К/р деятельностью не занималась», – повторяет узница.

«Вы говорите неправду, следствию известно, что <...> Требую дать правдивые показания», – твердит допросчик.

Александра Ивановна Щеглова-Каратаева 1917–1918 гг. Муром

«К-р деятельностью не занималась, о подпольном монастыре в Муроме мне ничего не известно <...> я, монашки Арсеньева, Зайончковская, Кудрицкая, Отто, Бородина, две Алексеевых, Епанчина, Путырская, Сергеева, Лебедева, Матвеева, Осипова и Николаева проживали группами по двое, по три, ведем образ жизни монашеский, но вместе никогда не собирались. Арсеньева для меня является авторитетом, я обращаюсь к ней за всеми советами в нашей монашеской жизни».

Из протокола допроса **Бородиной Александры Васильевны** 1 августа.

«Виновной себя в к/р деятельности не признаю. Признаю, что состою членом подпольной монастырской организации».

И Александра Васильевна перечисляет:

«Арсеньева, Кудрицкая, Цон, Алексеева Наталья, Алексеева Анна, Зайончковская Наталья Андреевна, Сергеева Татьяна (с. Чудь), Путырская Александра Ивановна, Гаврилова Татьяна, Епанчина Надежда».

«Кто являлся руководителем подпольной к/р монастырской организации ?»

«Руководителем подпольной монастырской организации является Арсеньева»

В протоколе повторного допроса **Татьяны Леонтьевны Добрынкиной** 3 ноября 1937 г. гебист Нестеров вынужден был записать только отрицательные ответы обвиняемой. Вот как по-разному вели себя мученики.

Однако, это не имело существенного значения для подлинных создателей мифической организации. В ноябре 1937 г. Нестеров завершил часть своей работы и составил обвинительное заключение по следственному делу № 11363 на Гладышева, Крекшина, Добровольского, Галицкого, Арсеньеву, Кудрицкую, Коротаеву, Цон, Бородину, Добрынкину. В этом многостраничном документе подробно и обстоятельно была изложена деятельность «контрреволюционной церковно- фаши-

Сергей Каратаев-Щеглов. Муром. 14 ноября 1937 г.

стской диверсионно-террористической организации», якобы созданной в Муроме в начале 1934 г. по заданию митрополита Московского Сергия Страгородского сформулированы и обвинения каждому из участников и их признания.

Об игумении **Евфросинии (Арсеньевой)** записано: *«Виновной себя признала частично, но показаниями обвиняемых уличается полностью».*

О Кудрицкой: *«В лечении применяла «святую воду» против туберкулеза. Воспитывала вместе с Арсеньевой несовершеннолетнего Коротаева Сергея, готовя его на архиерея. Виновной себя не признала, но показаниями свидетелей и соучастников изобличается полностью».*

О Каратаевой: *«Являясь монашкой подпольного а/с монастыря <...> активно проводила а/с [антисоветскую] работу <...>, имеющегося сына не учит в Советской школе, а воспитывает его на архиерея. Виновной себя признала».*

Нестеров постановил направить дело № 11363 на рассмотрение тройки УНКВД по Горьковской области. В отношении остальных пятидесяти одного обвиняемого материал был выделен в особое производство. Скорее всего, такое разделение объясняется тем, что

Сергей Каратаев-Щеглов. Фото из личного дела арестованного. Москва, Лубянка, июнь 1941 г.

следователей торопило начальство. Тех, с кем успели завершить необходимые формальности, подготовили к осуждению, с остальными «работа» продолжалась.

Выписка из протокола № 32 заседания тройки Управления НКВД Горьковского края от 20 ноября 1937 г. По докладу того же Нестерова:

Гладышева Ивана Ивановича <...> **расстрелять.**

Крекшина Петра Ивановича <...> **расстрелять.**

Добровольского Павла Алексеевича <...> **расстрелять.**

Галицкого Георгия Даниловича <...> **расстрелять.**

Арсеньеву Евфросинью Константиновну <...> **расстрелять.** Лично принадлежащее ей имущество конфисковать.

Последний пункт формулы обвинения повторял то, что написал Нестеров в обвинительном заключении: «Арсеньева вместе с Кудрицкой обучала несовершеннолетнего Коротаева Сергея на архиерея».

Кудрицкую Анну Ивановну <...> **заключить в ИТЛ сроком на 10 лет.**

Последний пункт формулы обвинения: «В лечении применяла «святую воду» против туберкулеза, воспитывала вместе с Арсеньевой несовершеннолетнего Коротаева Сергея, готовя его на архиерея».

Коротаеву Александру Ивановну <...> **заключить в ИТЛ сроком на 10 лет** <...>. Последний пункт формулы обвинения: «Имеющегося сына не учит в Советской школе, а воспитывает его на архиерея».

Цон Елену Магнусовну <...> **заключить в ИТЛ сроком на 10 лет».**

Добрынкину Татьяну Леонидовну <...> **заключить в ИТЛ сроком на 10 лет.**

Финал трагедии:

Акт, 28 ноября 1937 г.

«Я, комендант УНКВД по Горьковской области ст. лейтенант ГБ Соловьев Н.Д., в присутствии пом. коменданта УНКВД т. Русанова И.Г. и пом. коменданта УНКВД т. Бобкова М.И. на основании предписания от 26.XI.37 начальника УНКВД Горьковской области майора ГБ тов. Лаврушина 28.XI.37 в 15 час. привел в исполнение приговор над осужденной Особой Тройкой при УНКВД Горьковской обл. ***Арсеньевой Евфросиньей Константиновной,*** *1881 г. р.».*

В точности такие же акты, подписанные теми же лицами, того же числа, месяца и года, засвидетельствовали исполнение приговора над остальными осужденными.

Я вот думаю: в тех девяти граммах свинца, которыми палачи оборвали жизнь игумении Евфросинии, может быть и какой-то грамм за «воспитание» несовершеннолетнего Сергея Щеглова-Каратаева.

Но уже через год после ее гибели, когда допрашивал меня муромский кагебешник, воспитывала ли меня Ку-

дрицкая и Арсеньева, я сказал: нет! И был честен перед всеми: ведь не было на самом деле такого. Воспитывала меня только моя мать.

17 декабря 1937 года та же горьковская тройка вынесла приговор второй группе муромских церковников. К расстрелу присудили 14 человек. Их прикончили через несколько дней. Остальных же заключили в лагеря. Большинство там и умерло.

Все расстрелянные по обоим делам зарыты в общих могилах на Бугровском кладбище в Горьком (Нижнем Новгороде).

Задание товарища Сталина горьковские и муромские чекисты исправно выполнили. Через небольшое время многих из них, начиная с главного исполнителя – майора Лаврушина, – бывшие соратники по указанию великого вождя наградили за выполнение приказов теми же девятью граммами покорного металла.

А потом пришел март 1953-го. Смерть скосила и самого диктатора. В результате борьбы за власть между его наследниками грянуло разоблачение былых преступлений. Начались пересмотры политических дел, именовавшихся уголовными. В мае 1956 г. было пересмотрено и дело муромских мучеников. Все они были реабилитированы.

А как сложилась жизнь того мальчика, которого мать вместе с игуменией Евфросинией и ее духовными сестрами якобы готовила в архиереи и немецкие шпионы?

Он был арестован по обвинению в антисоветской агитации 23 июля 1941 года, осужден Особым совещанием НКВД на пять лет лагеря и всю войну работал на строительстве Норильского медно-никелевого комбината. В 1959 году был реабилитирован.

Такова одна из правдивых историй тех давних горьких времен.

Примечания:

[1] Данные опубликованы в газете «Труд» 4 июня 1992 г.

[2] Советский энциклопедический словарь. М, 1980. Краткая литературная энциклопедия, т.1. М, 1962.

[3] Воспоминания Анны Алексеевны Епанчиной (5 мая 1913–1995). Написаны в 1987–1994 гг., перепечатаны на машинке ее сыном Александром Александровичем Епанчиным († 1998 г. в Муроме). Ксерокопия машинописи подарена С.Л. Щеглову Ниной Сергеевной Епанчиной (вдовой Александра Александровича) в Муроме 14 мая 2002 г. Хранится в архиве С.Л. Щеглова (Тула).

[4] Все выписки и цитаты извлечены автором из архивно-следственного дела № 11363 (3156 – П), хранящегося в УФСБ Владимирской области.

[5] Так в подлиннике. В действительности – Александра. В документах, подшитых в деле, подобных неточностей и разночтений в фамилиях и именах упоминаемых лиц немало. Следователи часто были небрежны и невнимательны. А.И. Каратаева фигурирует иногда как Коротаева, Е.М. Цон именуется Цан, Арсеньева – Арсентьевой и т.д.

[6] В иных документах – Кудрявый. См. прим. 5.

И.А. Бунин

Шепнуть заклятие при блеске
Звезды падучей я успел,
Да что изменит наш удел?
Все те же топи, перелески.
Все та же полночь, дичь и глушь...
А если б даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды наших темных душ,
И что с того?
Уж нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то.
Потерь не счесть, не позабыть.
Пощечин от солдат Пилата
Ничем не смыть – и не простить,
Как не простить ни мук, ни крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как не принять грядущей нови
В ее отвратной наготе.

28 августа 1922

Георгий Иванов

Несколько поэтов, Достоевский...
Несколько царей, орел двуглавый...
И державная дорога – Невский!
Что мне делать с этой бывшей славой?

Бывшей, падшей, изменившей, сгнившей
Широка на Соловки дорога...

Но царю и Богу изменивший
Не достоин ни царя, ни Бога.

И тридцать лет спустя мы спорим –
Кто виноват и почему?
Так, в страшный час над Черным морем
Россия рухнула во тьму.

Гостинодворцы, царедворцы,
Во всю спасались рысь и прыть.
Безмолствовали чудотворцы,
Не в силах чуда сотворить.

И наступил героев нищих
Голгофский путь и торжество –
Непримиримость всех простивших,
Не позабывших ничего.

СВЯТЫНИ ГДОВСКОГО КРАЯ

А.Н. Кирпичников

ГДОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Старинный город Гдов Псковской области находится в 125 км к северу от Пскова на реке Гдовке (ранее р. Гдова), в 2-х километрах от ее впадения в Чудское озеро. Свое название балтийского происхождения город, по всей вероятности, унаследовал от одноименной реки. Гдов и его край имеют богатое событиями прошлое, еще во многом не раскрытое и мало известное.

Территория, на которой возник Гдов, – Восточное Причудье, входила в состав западных районов Новгородской (позднее Псковской) земли. Древности того периода представлены здесь курганами, оставленными славянским и славяно-финским населением. В 1899–1900 гг. в ближайших к Гдову деревнях Калихновщине, Верхолянах, Бакине Конце было раскопано много погребений с вещами, датированными XI–XIV вв. В 1998 году к ним добавилась необычная находка, о которой автору этих строк рассказал со слов местного жителя научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук С. Попов. В районе д. Калихновщина, по-видимому из захоронения, извлекли меч с отделанной серебром рукоятью, два наконечника копья, топор. Их вероятная дата – вторая половина X–начало XI вв. Удалось посмотреть сами вещи, попавшие в частную коллекцию, и расчистить клинок меча. При этом открылось написанное латинскими буквами имя мастера ULFBERHT (Ульфберт) и знак из перекрещенных полос. Такие мечи в X столетии считались лучшими в Европе. Их изготовляли в области Рейна и развозили по всему европейскому континенту. Обнаруженные изделия явно принадлежали дружиннику, владевшему дорогим, совершенным для своего времени, оружием, они являются древнейшими, найденными в могильниках бывшего Гдовского уезда.

Письменная история края начинается с известия о великом подвиге. Здесь, на льду Чудского озера, как сообщает летопись, «на узмени у Воронея камени» 5 апреля 1242 года русская рать под водительством князя Александра Невского разгромила немецкое рыцарское войско, что спасло Северо-Западную Русь от захвата иноземными захватчиками.

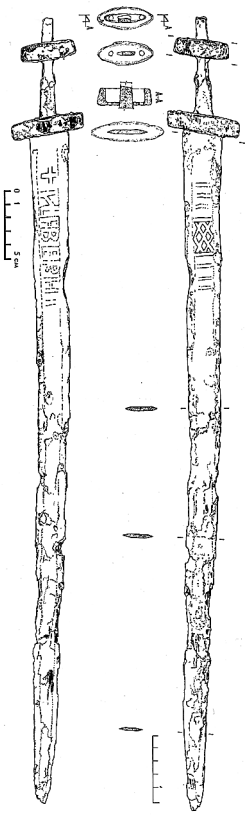
Гдов. Крепость. Современный вид

Гдов, названный «городком», впервые упомянут в летописи в 1323 году. Вероятно, он был основан не позже 1300 года, ибо еще в конце XIII века часть его территории занимали нивы псковского Иоанно-Предтеченского монастыря. Существование в то время «городка» подтверждает археология.[1]

Итак, данные письменных и археологических источников устанавливают существование гдовского поселка

[1] В 1978 году во время раскопок, которые проводились Псковской областной архитектурно-археологической экспедицией Института истории материальной культуры Российской Академии наук (под руководством автора этих строк), с наружной стороны Кушельского захаба Гдовской крепости (о нем речь пойдет ниже) была обнаружена редкая бронзовая прорезная бляха с рельефным изображением барса. Финский исследователь М. Торвинен собрал данные о подобных украшениях, и оказалось, что две из них найдены в Северной Финляндии в местах, где издавно живут лапландцы — саамы, а одно происходит из городища Княжа Гора Киевской области на Украине. Эти бляхи производились в русских городах в XIII веке (экземпляр из Княжой Горы датируется до 1240 года), вывозились за пределы Руси и использовались в уборе женского костюма. Датировку гдовской бляхи XIII века подтверждают и обломки глиняной посуды, найденные в раскопках на территории крепости. Часть из них с плавно отогнутым горлом и внутренним валиком, по наблюдению археолога В. Кильдющевского, относится к XIII—первой половине XIV вв.

на рубеже XIII–XIV вв. и в начале XIV века. Полагаю, что и в дальнейшем это поселение, несмотря на войны и немецкие набеги, продолжало развиваться. Этому способствовало его ключевое пограничное положение на берегу Чудского озера, разделявшего Русь и Ливонию. Кроме того, находясь на важнейшей сухопутной дороге к Пскову, Гдов прикрывал его северные подступы. С течением времени город на реке Гдове выдвинулся как крупный населенный пункт и, одновременно, как крепость на западных рубежах Руси. Военно-оборонительное значение Гдова особенно выросло в XV веке.



Меч (IX в. ?), найденный вблизи Гдова

В этот переломный период в усовершенствовании военно-инженерных сооружений и произошло возведение новой Гдовской крепости (находились ли на этом месте укрепления предшествующей поры, сказать затруднительно). Несомненно, в это время был выработан план ее полной постройки, но осуществить его удалось не сразу.

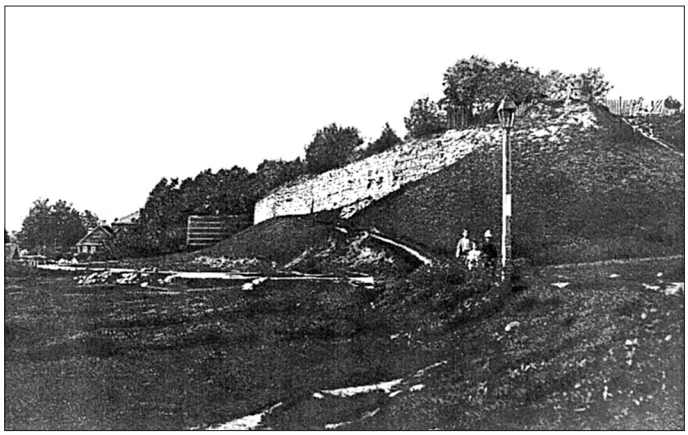
В 1431 году, по сообщению Псковской первой летописи, псковская власть «наяша мастеров 300 муж и заложиша город новый на реце на Гдове, половину стены камену и иную половину древяну». Псковская вторая летопись так конкретизирует эту работу: «И дахоут тогды триста рублев Пскову в камену стену; а единого лета доспеша с приступа, а по иным сторонам и деревяну стену». Из этого следует, что в 1431 году смогли соорудить в камне только приступную юго-восточную стену, получившую наименование «глухое (т. е. не имевшее проездов) застенье». Другие, видимо, более укрытые и труднодоступные части крепости выполнили в дереве. Сооружение стен Гдова явилось дальновидной акцией правительства Псковской республики – в предвидении военных действий был основательно защищен важнейший город Псковской земли. Возводилась крепость аврально. За один строительный сезон на месте прежнего, вероятно, небольшого городка появилась твердыня, полностью закрывавшая своими стенами пространство около 4 га. Внимание, которое уделили новой стройке, выразилось в том, что в ней участвовала, скорее всего, практически вся многочисленная артель псковских каменщиков, считавшаяся одной из самых квалифицированных на Руси.

Возведенное с чрезвычайной быстротой полукаменное, полудеревянное укрепление рассматривалось, понятно, как незавершенное и недостаточно обороноспособное, поэтому вскоре, в 1434 году, псковичи, по сообщению летописи, «укрепиша стену» и «привалы к стене учиниша». Скорее всего, деревянную половину стены тогда заменили на каменную. Что же касалось «привалов», то они обозначали земляную насыпь для усиления городской стены. В данном случае, однако, речь шла не просто о земляных присыпках, а о необычных для своего времени самостоятельных огневых сооружениях, тип которых, как будет сказано ниже, поддается расшифровке.

Крепость, какой ее устроили в 1431–1434 гг., была снабжена тремя каменными и двумя деревянными «привальными» башнями. Проделанные в стене входы, очевидно, имели дополнительные деревянные заграждения или башни. Архитектурный облик и инженерное устройство первоначальной твердыни невозможно в полной мере оценить и увидеть, так как она сохранилась лишь частично. Ныне полуразрушенные стены оконтуривают в виде неправильного четырехугольника пространство 150 х 250 м^2. С двух сторон укрепление обтекала река Гдова (совр. Гдовка), с третьей – ручей (в древности река) Старица. Лишь четвертая, юго-восточная сторона, была напольной, то есть наиболее доступной для нападения. Не случайно, здесь перед стеной сооружен ров шириной 14 м и глубиной не менее 3,5 м. В одном месте, где некогда находились главные Псковские ворота, в 1853 году соорудили кирпичные пилоны. Они поддерживают рушащуюся кладку прилегающих древних стен. Эти стены, толщиной около 4 м, сложены из чередующихся рядов валунов и девонского плитняка. Местами они сохранились до уровня боевого хода и вместе с несохранившимися зубцами достигали высоты 7,5– 8 м. Даже в полуразрушенном виде эта преграда выглядит монументальной, а в древности казалась и вовсе несокрушимой.

Обращает внимание, что на месте предполагаемых башен Гдовского кремля находятся земляные холмы. Считается, что они возникли по повелению Петра I, который, посетив Гдов в 1706 году, приказал присыпать стены землей для их лучшего усиления. Возможно, что земляные холмы благоустраивались еще в XIX веке

Гдовская крепость. Юго-Западная (Круглая) башня и Псковский захаб. Современный вид



Гдов. Крепость. Фото начала XX в.

при разбивке на крепостном дворе парка. Эти холмы как бы законсервировали ряд важнейших сооружений крепости. Дошедшие до нас описания XVI–XVII вв. рисуют ее, однако, иной, насыщенной разнообразными башнями и воротами. Ставшее загадочным устройство твердыни помогли раскрыть раскопки, проведенные, как упоминалось, в 1978 году археологической экспедицией под руководством автора этих строк и его помощников В. Назаренко и А. Песковой. Итак, приступная сторона крепости, какой ее воздвигли в 1431 году, имела одну средистенную башню. Возможно, что таковые имелись и в других частях крепости, но, как и прилегающие к ним стены, были деревянными.

Обращает внимание план Гдовской твердыни 1431 года. Она строилась с попарно равновеликими прямолинейными стенами. Лишь ее северо-восточная сторона в соответствии с рельефом местности была скруглена. Фактически перед нами регулярная крепость. Такого типа преграды начали спорадически возводить на Руси в середине XIV века, но свое полное развитие это новшество получило в конце XV века. Следовательно, гдовское укрепление отражает наиболее передовые и даже опередившие свое время достижения долговременной фортификации.

В строительстве Гдова проявились с одной стороны, градостроительная традиция, восходящая к еще редким образцам русского оборонного зодчества более раннего времени, с другой – определенное влияние крепостной архитектуры Ливонского ордена, где укрепления прямоугольных или квадратных очертаний с односторонними полукруглыми башнями использовались в XIV–XV вв. Подчеркнем при этом, что и по своим внушительным размерам, технике слоистой кладки и другим деталям Гдовская крепость отличалась от прибалтийских бургов. К тому же, она была не частновладельческой, а государственной.

Сооружение 1431 года, спустя три года, как упоминалось, подверглось существенной достройке. По всей вероятности тогда были возведены в камне северо-восточное, северо-западное и юго-западное прясла стен с Псковскими, Кушельскими и Маленскими воротами. На северо-западном отрезке стены в подражание Петелинской была устроена круглая Середняя (Тайницкая) башня. Еще одна скругленная Псковская башня была обнаружена в юго-западном углу крепости. Боевая функция башни, видимо, дополнялась сторожевой и дозорной, ведь она находилась рядом с главными Псковскими воротами. Наружная часть башни была разрушена шедшим откуда-то снизу взрывом. Следами этого же взрыва являются глубокие трещины в кладке, пороховая копоть на камнях, углистые прослойки от сгоревших деревянных конструкций. В руинах башни найдено 9 обломков железных гранат и ядер и одно целое каменное ядро диаметром 9 см, весом 7,6 кг. Все это, несомненно, следы одной из осад, которым Гдов подвергался в XVII столетии.

Происхождение насыпей, закрывавших Петелинскую и Псковскую башни, по-видимому, связано не с разбивкой парка в XIX веке, а с земляными присыпками к этим сооружениям, которые фиксируют документы конца XVI–XVII вв., в тот период подобные насыпи усиливали каменные преграды, так как в земле неприятельские ядра как бы «тонули», не причиняя вреда каменному панцирю. Таким образом, по крайней мере, некоторые парковые горки в Гдове первоначально в своей основе являлись основаниями деревянных башен (возможно, со срубами, заполненными грунтом), помещавшихся на углах и у ворот каменной крепости. Теперь можно утверждать, что гдовские «привалы» 1434 года предвосхищали появившиеся в XVI веке дерево-земляные бастионы и для своего времени явились новацией, опередившей свою эпоху.

Скорее всего, в том же 1434 году на северо-восточном изгибе стены были устроены Малые (в дальнейшем Маленские) ворота. По свидетельству описи 1584–1585 гг., «а над вороты башенка малая, а из башни верхнего бою одно окно над вороты, да подошвенного бою два окна». Это описание позволяет представить устроенный над воротами на уровне боевого хода стены консольный эркер или, как называют такую надстройку, седловидную башню. Подобные известны, например, в крепости Висби (не ранее 1300 года). В Гдове такую «башенку» можно считать балтийским инженерным заимствованием.

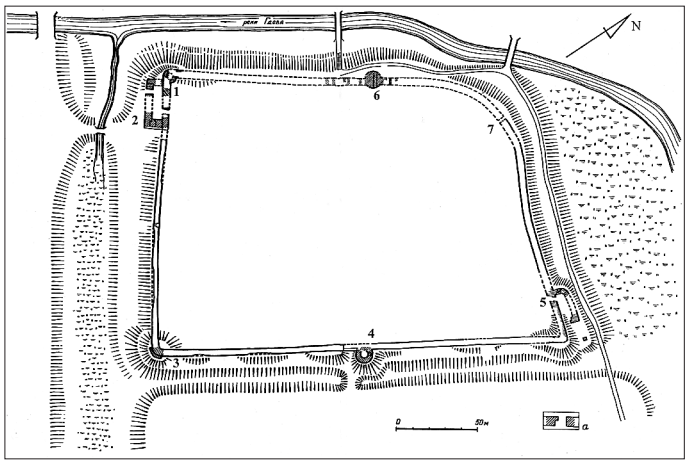
Примерно во второй четверти или середине XV века состоялось новое усовершенствование Гдовской крепости. Возле ее Псковских и Кушельских ворот были выстроены дополнительные заграждения – захабы, затруднявшие прямой подход к этим воротам. Они представляли собой одноярусные удлиненные каменные пристройки, П-образные в плане. Прежде чем войти в крепость, человек, делая крутые повороты, должен был пройти двое (а то и больше) ворот и простреливаемый сверху коридорный проход.

Конструктивные решения, которые были использованы при создании Гдовской твердыни 1430–1450 годов, оказались настолько эффективными, что в период радикальной перестройки многих северо-западных крепостей в конце XV – начале XVI вв., в связи с решающим влиянием артиллерии на оборонительные сооружения, она не претерпела заметных изменений.

В 1510 году Гдов, как и вся Псковская земля, вошел в состав Московского государства. Первая половина XVI века для Гдова была временем его наивысшего за весь период средневековья подъема. Тогда в городе, по данным описей XVI века, насчитывалось 290 тяглых и 54 не облагаемых податями дворов, в которых проживало не менее 1700 человек. Он являлся крупнейшим центром Псковского края. Крепость окружали Псковский, Кушельский и Маленский посады, а также Стрелецкая и Пушкарская слободы. В посадских районах существовало три монастыря и одна церковь. В самом кремле находились 5 улиц, переулок и 80 дворов, 25 лавок, 9 клетей, 13 житниц. Свидетельством экономического благосостояния города было строительство в крепости нескольких каменных церквей. В 1520–1530 гг. здесь был возведен один из самых значительных из строившихся тогда в Псковской земле четырехстолпный, трехапсидный, одноглавый собор Св. Димитрия Солунского. Как явствовало из храмозданной изразцовой надписи на барабане, его сооружали старосты храма и «приходящие люди», при великом князе Василии Ивановиче (года правления 1505–1533). По соседству с собором в 1560–1570 гг., возможно по заказу царя Ивана IV, был сооружен уникальный в практике древнерусского зодчества комплекс, включающий две небольших церкви: Успения Богородицы и Св. Михаила, объединенные вместе находящейся между ними многоярусной колокольней высотой не менее 50 м. Внутри ее столпа, во втором ярусе, помещалась церковь Преображения Господня, а в первом – оружейный склад. Если малые храмы следовали традициям псковского зодчества, то столпообразная колокольня была центрально-русской новацией XVI века. Столь контрастное сочетание разностильных сооружений наводит на мысль – не был ли, по крайней мере, один из храмов создан еще в XV веке, если не раньше.

Последовавшая в 1568 году опричнина, царские репрессии против северо-западных городов и беды Ливонской войны (1558–1583 гг.) непоправимо подорвали экономику города и его округи. По данным описи 1584–1587 гг., из 344 дворов, тех, в которых жили люди, осталось лишь 54. Однако, именно в кризисные годы последовали самые существенные изменения крепости, что было связано с растущей угрозой вражеского нападения и осадой Пскова в 1581–1582 гг. польско-литовско-венгерскими войсками под командованием польского короля Стефана Батория. Укрепления того периода описывает лучшая по информативности и подробностям опись города «письма и меры» Ивана Васильевича Дровнина «с товарищи», составленная в 1584–1585 гг. Обмеры, приведенные в этой описи, а они производились по внутренним объемам башен, захабов и по внутреннему периметру стен, необычайно точны. Читая этот документ и сопоставляя его сведения с аналогичными фортификационными работами, проведенными тогда в Пскове, можно с большой долей уверенности вычленить те усовершенствования и изменения, которые выполнили в то время и которые резко усилили обороноспособность Гдовского кремля. Все работы осуществлялись с помощью дерева и земли и соответствовали возросшей ударной силе артиллерии, снаряды которой пробивали каменные, но «увязали» в дерево-земляных преградах. Особое внимание было уделено основным узлам обороны кремля и нижним частям укреплений. При этом писцы дважды заметили, что башни обкладывались дерном на высоту среднего боя. Широко применялись срубы-тарасы, заполненные землей и обложенные дерном. Перечень возможно осуществленных в тот период оборонительных работ поражает своим размахом, тщательностью, большими трудовыми затратами. Были надстроены и снабжены раскатами Псковский и Кушельский захабы. Их усилили тарасами и дерном. Перед Малыми (Маленскими) воротами возник Г-образный срубный захаб. Кушельский захаб дополнили деревянной воротной башней. Углы крепости и Малые ворота усилили внутренними пушечными раскатами. Псковская, Середняя (Тайницкая) и Петелинская башни были прикрыты землей и дерном, и, в одном случае, тарасами. У Костерского угла построили две отводные башни, одну из них с раскатом. Внутри обвода крепостных стен возвели сплошной ряд рубленых стен высотой более 4 м. Возможно, что в это же время в нескольких местах крепости по направлению к «загородью» устроили дополнительные нижние бойницы и подземные «слухи» для контрминной борьбы.

Писцы насчитали тогда по башням и стенам 207 бойниц, из которых 122 предназначались для пушек, а 85 «верхнего боя» – для ручного огнестрельного оружия. Гарнизон Гдова в военные годы мог насчитывать около 300–500 стрельцов, пушкарей, воротников и посадских людей, способных носить оружие. Весь внушительный военный потенциал и проведенные приготовления оградили город от захвата польско-литовско-венгерскими войсками в 1581–1582 гг. В конце Ливонской войны Гдов был едва ли не самым защищенным городом Северо-Запада страны.



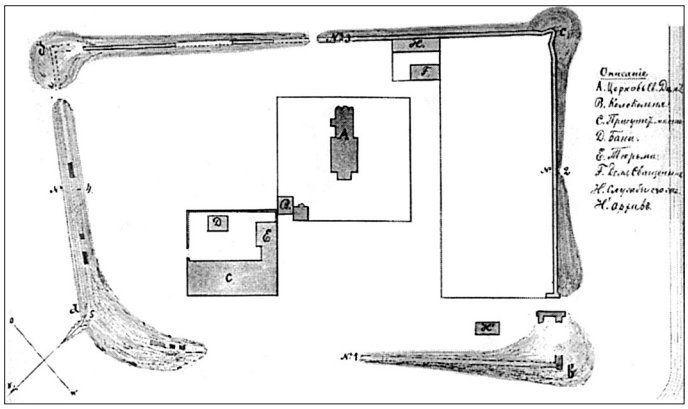
Гдовская крепость. План.

1 – Круглая башня, 2 – Псковский захаб, 3 – Безымянная башня (Костерский угол), 4 – Петелинская башня, 5 – Кушельский захаб (Кушельские ворота), 6 – Тайницкая башня, 7 – Безымянный захаб (Малые ворота, Маленской раскат)

Гдов. Общий вид города с колокольни Димитриевского (крепостного) собора. Фото начала XX в.

Тяжелые испытания выпали на долю Гдова в начале XVII века, в период польско-шведской интервенции. В 1611–1614 гг. шведские войска пять раз подступали к Гдову. Их настойчивость объяснялась желанием завладеть крупным стратегическим населенным пунктом для дальнейших военных действий в России. По отзыву шведского писателя – автора «Истории шведско-московской войны» (издана в Стокгольме в 1672 г.) Иоганна Видекинда, Гдов «был очень важной крепостью как для наступления на Псков, так и для обороны Лифляндии от нападения (русских)». В 1613 году шведам удалось захватить город, но он был вскоре освобожден. В следующем году осадой руководил сам шведский король Густав II Адольф, раздосадованный предшествующими неудачами. К Гдову были стянуты крупные силы. Предпринято два штурма. С помощью мин для подрыва стен и башен, а также петард, вышибающих ворота направленным взрывом, и проломной артиллерии, пробившей бреши в стенах (включая самую большую шириной 20 сажень у Петелинской башни), шведы сломили сопротивление осажденных. Крепость была взята. Подробности борьбы города впервые могут быть теперь опубликованы. Этот документ, скопированный с более раннего подлинника, случайно заметили в XVIII веке среди бумаг в казенной палатке собора Св. Димитрия, находящегося в центре Гдовской крепости. Процитируем его по тексту, хранящемуся в архиве С.-Петербургского отделения Института Российской истории. «Оный город (Гдов), говорится в этом документе, был от свейского короля во 121-м (1613) по 123 (1615) год в пяти осадах, а во 122 году (1614) июля в 5 день приступ к городу был шесть недель день и ночь и в семи местах проломан был же и две отводные башни збиты до основания, а две подкопами подорваны и город был взят и находился во владении (шведов) семь лет, а во 129-м (1621) августа в 28 день от свейского владения освобожден». Последняя дата может быть пояснена. По Столбовскому миру, заключенному в 1617 году, к России отошли Новгород Великий, Старая Русса, Порхов, Ладога. Значится в этом списке и Гдов. В руки русских передан он был действительно в 1621 году.

Годы шведского владычества в Гдове (1614–1621) отличались осторожностью и осмотрительностью завоевателей по отношению к местному населению. «Сразу же после взятия города его величество (король), – как пишет Видекинд, – разрешил боярам и стрельцам, и всем желающим перебраться в Псков или куда захотят, но большинство местных купцов, мещан, а также крестьян по окрестностям, остались». Чтобы закрепиться в новозавоеванной крепости, шведский король в 1616 году специально предписал наместнику города подготовиться к обороне, не пускать в него посторонних, «стараться изучить русское право, законы и обычаи, чтобы производить правильный суд, оберегать жителей от всяких насилий и притеснений, не назначать новых и пошлин, и налогов». Насколько эти гуманные меры были воплощены в жизнь, сказать затруднительно. Ясно, однако, что шведское правительство пугало возобновление военных, в том числе партизанских, действий, и оно стремилось расположить на свою сторону население края. Между тем, шведские военные заняли лучшие дома в городе, воспользовались значительными запасами захваченного продовольствия. Каких-либо серьезных работ по починке крепости не проводилось. Укрепление зияло проломами около Костерского угла, Псковских ворот, у Тайницкой и Петелинской башен. Немало было и других повреждений. Заделка проломных мест досталась русской власти. Эти места в 1620-х годах «зарубались деревом». Восстановление же каменных стен откладывалось из года в год, несмотря на многочисленные тревожные обращения в Москву местных воевод. Но даже будучи в таком несовершенном



Гдовская крепость. План XIX в. В центре – Гдовский Димитриевский собор

виде, крепость в 1657 году выдержала еще одну осаду восьмитысячного войска шведского полководца Магнуса Делагарди.

К концу XVII века военное значение Гдова стало снижаться. Количество крепостных орудий с 26 в 1668 году снизилось до 11 в 1698 году. Пожар, опустошивший в 1686 году крепость, оказался настолько сильным, что, например, в Псковской башне «пищаль медная растопилась», а у Псковских ворот на раскате у трех железных пищалей «станки (лафеты) и колеса в пожар згорели». В лишенных кровли башнях «мосты (деревянные поярусные перекрытия) сгнили и обвалились». В течение первой половины XVIII века Гдовский кремль окончательно утратил прежнюю боевую направленность. Стены стали разбирать на строительный материал. Сохранением древнерусской твердыни мы обязаны высшим лицам государства. В 1781 году Императрица Екатерина II во время кратковременного пребывания в Гдове выразила желание восстановить Гдовский кремль, но необходимая для этого сумма оказалась слишком значительной, и ничего сделано не было. Правда, ломка крепости на время прекратилась. В течение XIX века вопрос о разборке крепости, уже лишившейся части своих стен, периодически возникал в связи с наклоном береговых стен и оползанием берега р. Гдовки, прокладкой улицы и проходов и, наконец, безопасным доступом в крепость. Этим делом занимались Петербургский губернатор, Министерство внутренних дел, гдовский градоначальник. По этому поводу в Гдов в 1875 году был послан инженер-архитектор Феофиловский, который снял план крепости. Неизвестно, чем кончилась бы эта история, если бы на одном из документов Александр II, 30 января 1876 года, не написал резолюцию: «Стен не ломать, но оставить в том виде, в каком находятся». На укрепление ветхих кладок было ассигновано 1614 руб. 19 коп. Приведенный пример, связанный с защитой архитектурного наследия, думаем, поучителен и актуален в наши дни.

Стены Гдовской крепости, которые стоят почти шесть веков, ныне, увы, продолжают разрушаться. Из кладки выламывают валуны, раствор разрушают разросшиеся деревья. Реставрация, конечно, требует немалых средств, поэтому ее можно проводить поэтапно, например, начать с юго-западной стены. Здесь преграда сохранилась до уровня боевого хода, уцелели основания некоторых зубцов. Имеются все данные для достоверного восстановления всего замечательного и редкого памятника русского оборонного зодчества и боевой славы нашего Отечества. Здесь не все безнадежно. Приведем один волнующий пример.

В феврале 1944 года при отступлении немецких войск Гдов был почти полностью разрушен. При этом были взорваны все каменные храмы и другие строения, находившиеся в кремле. Чудом уцелели крепостные стены. Преследовалась цель лишить русский народ не только жилищ, но и памяти, уничтожить его прошлое. Но разрушители просчитались. В послевоенные годы в Гдове произошли два «чуда». Был заново возрожден город, а в 1990–1991 гг., по инициативе священника Михаила Женочина, в Гдовской крепости восстановили на прежней основе, в достоверно первоначальных формах собор Св. Димитрия. В архиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук отыскались обмерные чертежи собора, выполненные в 1906 году архитектором П.П. Покрышкиным. По этим чертежам архитектор И.А. Хаустова смогла выполнить проект восстановления уничтоженного сооружения. В 1989 году археологическая экспедиция во главе с автором этих строк и научным сотрудником Л. Большаковым раскопала древний фундамент здания. После этого точно на старых камнях стали восстанавливать храм. 8 ноября 1994 года возрожденный собор, центральный придел которого освящен во имя Державной Божией Матери, был освящен и полностью открыт для богослужения. Он имеет звонницу и два придела Святого Димитрия Солунского и священномученика Вениамина, митрополита Петроградского. Так, в Гдове, если так можно выразиться, зажглась духовная свеча, а городу возвращен исторический символ и «архитектурное лицо». По мнению же горожан, это вполне оправдано. Отметим, что восстановление памятника архитектуры в древних формах произошло в Гдове едва ли не раньше, чем где-либо в России.

Земля Гдовщины в годы Великой Отечественной войны обагрена кровью почти 5000 воинов, партизан, мирных жителей. Добавим к этому еще один скорбный, ранящий душу факт. Во время раскопок Димитриевского собора собрали множество человеческих костей. Они в беспорядке находились в потревоженных взрывами погребениях, но в большинстве прямо под дерном. Обнаружены простреленные черепа и перерубленные кости. Антропологи подсчитали, что здесь находилось более 300 погибших людей. Старожилы рассказали, что в крепости устраивались массовые казни в Гражданскую войну, в 1920–1930 гг. (здесь была тюрьма НКВД), в 1941–1944 годах расстреливали оккупационные власти. Останки заполнили 6 гробов. В них оказались вместе «белые и красные», богатые и бедные, гражданские и военные, отцы и матери, горожане и крестьяне, друзья и враги. Все эти люди честно служили Отечеству и были загублены по злой воле. Останки были отпеты, а над могилой у южной апсиды собора поставили скромный крест. Братская могила в Гдове достойна стать общеевропейским мемориалом жертв XX столетия, жертв, которые как бы призывают всех живущих к борьбе со злом и насилием.

В судьбе Гдова удивительным образом переплелись события древней и недавней истории русского народа. Запечатлены они в древних камнях Гдовской крепости – замечательном памятнике истории и архитектуры государства Российского.

Протоиерей Михаил Женочин

ГДОВСКИЕ ХРАМЫ

Не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда, но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх.
Иов 5, 7

Пророческие страдания и слава Иова в полной мере исполнились на Спасителе Иисусе Христе. Мученический венец и прославление у Господа Славы несут в себе и наши небесные покровители великомученик Димитрий Солунский и священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский, вслед за которым взошла на Голгофу в 1920–1940-е годы и вся его Гдовская кафедра.

Один из древнейших малых городов Руси – Гдов расположен на берегах легендарного Чудского озера в 230 км от С.-Петербурга, и входит ныне в состав Псковской епархии. Трудно встретить в истории город, соизмеримый с ним по масштабу трагедии, происшедшей на этой земле. Крестовые походы, немецкую оккупацию, шествие «красного колеса» испытали на себе подобные уездному Гдову Порхов, Изборск, Остров, Опочка и многие другие небольшие соседние города. На них также обрушились безбожные сатанинские силы: бомбила авиация, стреляли орудия, проводился геноцид, но все-таки там сохранилось хоть несколько храмов. Гдов же был уничтожен полностью. От всех его шести великолепных церквей не осталось даже руин. Три церкви были уничтожены до Второй Мировой войны, три – при загадочных обстоятельствах взорваны во время войны. Сохранившиеся стены древней крепости на живописном холме у ручья Старицы и реки Гдовы, к сожалению, не пробуждали духовных чувств у местного населения. Святыни русской славы были осквернены устройством на их месте эстрадных и танцевальных площадок, установкой монументов вождям революции. Поругание святых и священных мест несло за собой безнравственность и духовное опустошение. На полвека здесь было попущено дьявольское пророчество А. Розенберга: «Достаточно уничтожить памятники народа, чтобы во втором поколении нация уже перестала существовать».

К счастью, врата ада не победили Церковь, и сегодня каждому, посетившему город, мы твердо можем сказать: «Смотрите, как отступает тьма!»

На берегу реки Гдовы. Один из многочисленных древних крестов Гдовской земли

История Гдова уходит корнями в глубокую древность. По преданию Гдов являлся уделом вдовствующей княгини Ольги, родившейся около 885 года в селе Выбуты под Псковом. Княгиня Ольга после мученической смерти князя Игоря приняла на себя управление Русским государством. В числе ее вотчин был и порубежный Гдов, в просторечии Вдов. В последующее время топонимика этих мест изменилась. Город Вдов – Гдов, Вдовчий – Гдовский, река Вдовья – Гдова. Замечательный русский историк В.Н. Татищев писал, что Ольга обошла весь русский Север с проповедью Евангелия, везде устрояя погосты, храмы, кресты. «Ольга, оставя в Киеве (947) во управление сына своего, со многими вельможами пошла к Новугороду по Мсте и по Поле погосты строити и по Луге оброки и дани уложи и ловища ее суть по всей земли, а сани ее стоят в Плескове до сего дни». *(Татищев В.Н. «История Российская с самых древних времен СПб. 1784. Кн. 4. С. 40–41)* Со времен кнн. Ольги, Святослава, Владимира все Причудье и Принаровье до XIII века входило в состав Древнерусского государства. В Гдовском уезде, заселенном преимущественно славянами, водью и чудью, кроме самого названия города Вдов, о княгине Ольге напоминает деревня Скамья, где на берегу Чудского озера, в устье реки Наровы, во время следования ее в Псков была поставлена для отдохнове-

ПЛАНЪ

г.о.р.о.д.а.

ГДОВА.

Масштабъ въ англійск. дюймѣ 100 саж.

100 50 0 100 200 300 Саж.

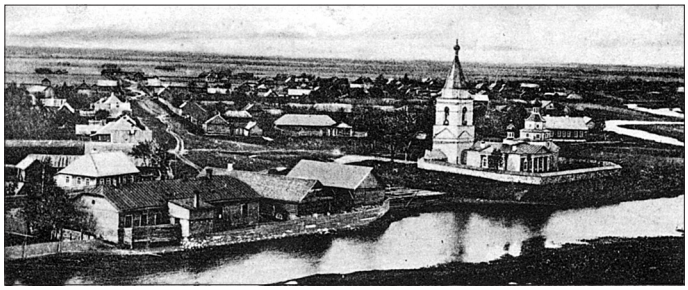
Гдов. С.-Петербургский проспект. Фото начала XX в.

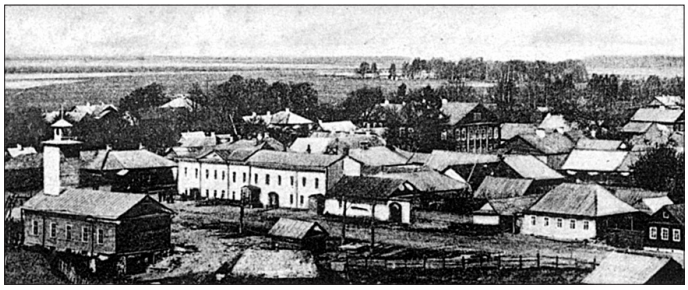
Гдов. Набережная реки Гдовы. Фото начала XX в.

ния скамья. Ниже по течению – местечко Ольгин крест с церковью святителя Николая, взорванной в 1944 году. Рядом – Ольгин остров, возле которого на левом берегу расположена эстонская деревня Кунинга-кюла. (Это калька с русского – «Королевская деревня», по-русски она издавна называется Князь-село.) У самого города Нарвы о великой русской княгине напоминает название деревни Ольгино и Занаровский Ольгин камень. В 10 километрах от Гдова на пути к Чудскому озеру, в деревне Кануновщина о Святой Ольге приветливо вещает нам древняя, ныне возобновленная часовня, посвященная равноапостольной княгине. Древнейшая Гдовская земля, с ее языческими и воинскими христианскими курганами, ждет еще своих новых научных археологических и исторических открытий.

Гдовский край, расположенный на самом рубеже северо-западных границ, постоянно подвергался нападению враждебных соседей. Война здесь практически никогда не прекращалась. Посему и дату строительства каменной крепости – 1431 год, и первое, известное нам, летописное упоминание – 1323 год, нельзя назвать точкой отсчета основания города.

Летопись 1323 года доносит до нас, что немецкие рыцари избили псковичей на Чудском озере и рыбаков на реке Нарове, «*а берег и городок Гдову взяша*». По этим сведениям можно судить о том, что Гдов уже существовал. Слово «город» означает укрепленное место, так что городом считалось все, что было укреплено крепостной стеной. Место для строительства Гдовской твердыни было выбрано весьма удачно. Это для здешней местности относительно возвышенный, почти прямоугольный холм, с трех сторон омываемый естественной водной преградой. У приступной стены вырыт глубокий ров, также заполнявшийся водой. Ограждена была крепость первоначально частоколом, за которым в небольших избах-полуземлянках жили стрелецкие семьи. Своими размерами Гдовская крепость превосходит соседние крепости Изборска, Порхова, Опочки, Копорья и другие. К примеру, территория Гдовской крепости – 4 гектара, а Порховской – всего 1,3. К XV веку Гдовская крепость оделась валунным камнем (местный строительный материал), местами чередующимся с псковской известняковой плитой – плинфой. Ливонская хроника собщает о том, что «*русские построили на Чудском озере замок с монастырем, который называется «Волдов», а на их языке – Овдов*». Облаченная в камень Гдовская крепость сердцем своим имела величайшую святыню – собор в честь покровителя воинов великомученика Димитрия Солунского. Внутри стен могучего форпоста воздвигается необыкновенная церковь, своими размерами превосходящая даже основные псковские храмы того времени. Необычайно сложным было строительство такого величественного храма, взять хотя бы даже материал, из которого он построен. Ни в Гдове, ни в его окрестностях плинфы нет. Водным путем из Пскова нужно было привезти огромное количество известковой плиты для стен двухметровой толщины и высотою до креста – 30 метров. Кроме главного собора в крепости,





Панорама Гдова с колокольни Димитриевского собора. Вид на Пятницкую церковь и Вознесенскую улицу. Вид на центральную часть города

строится уникальный комплекс церковных зданий. Это не типичная для Пскова колокольня московского стиля, высотой 52 метра, и прилегающие к ней две крохотные бесстолпные церкви – святого Михаила Архангела и Успения Божией Матери.

В посаде, за кремлевскими стенами, возникают два монастыря. К устью реки Гдовы – мужской Никольский, а почти у крепостных стен, напротив Псковских ворот, – женский, в честь святого Афанасия Александрийского. Во времена Екатерины II монастыри будут упразднены, а храмы станут приходскими. Позднее в трехстах метрах к северу от крепости будет построена церковь в честь св. вмц. Параскевы Пятницы, а в 1850 году на городском кладбище – церковь святой Марии Магдалины. Этому благоприятному времени еще предстоит быть. Мы же вернемся к многочисленным гдовским курганам и славному боевому прошлому, за которым не камни, а живые люди, положившие по Евангелию «душу своя за друзи своя».

Ныне существующая мемориальная доска у входа в крепость сообщает:

«*Гдовская крепость основана в 1431 году вольным городом Псковом в деле защиты западных рубежей России.*

За многовековую историю выдержала большое количество осад.

В 1480 – осада города ливонцами.

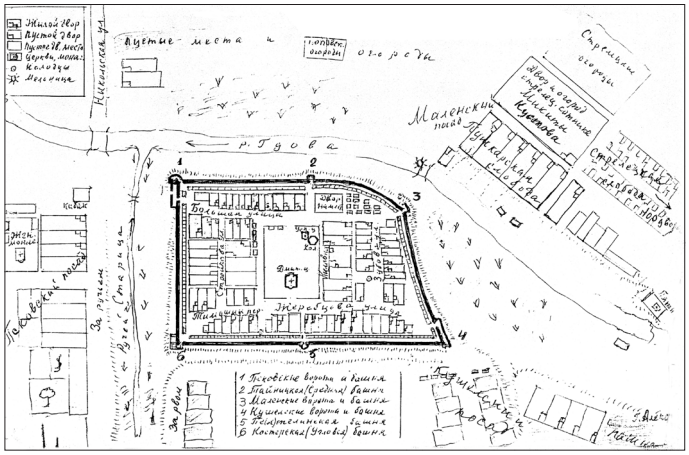
В 1581 – многочисленная осада войсками польского короля Стефана Батория.

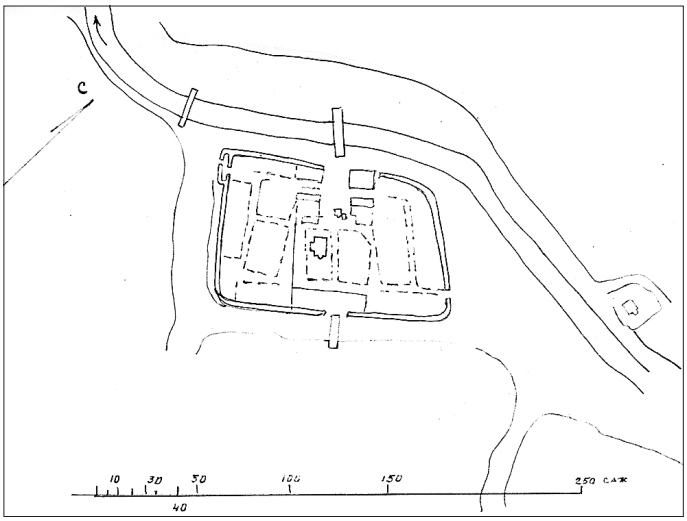
С 1611 по 1614 – пять раз шведские войска осаждали крепость. 1614 – взятие города шведским королем Густавом Адольфом. 1621 – возвращение Гдова России.

1656 – безуспешная осада шведами.

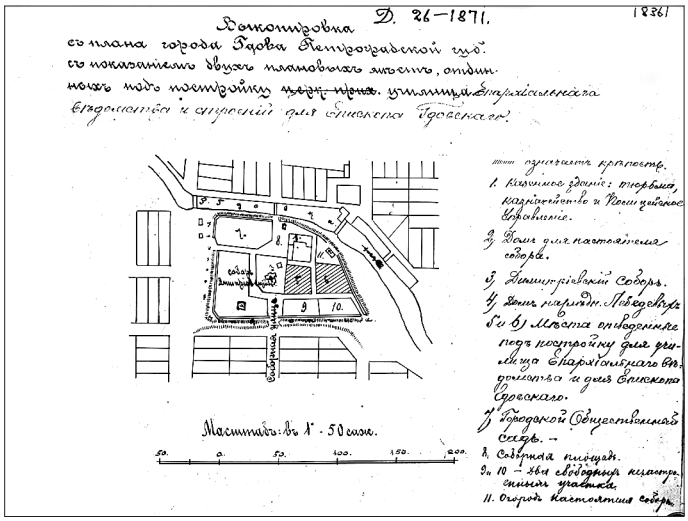
1721 – с окончанием Северной войны Гдов утрачивает стратегическое значение и развивается как купеческий город.

1781 – Гдов становится уездным центром Санкт-Петербургской губернии.


Жилой двор
Пустой двор
Пустое м. место
Церковь, монас.
Колодцы
Мостики
Пустые места
Маленкий пояс
р. Гдовка
Большая улица
Тяжелая улица
Жерсыбая улица
Псковская дорога
Кушельская дорога
1 Псковские ворота и башня
2 Тайничная (Средняя) башня
3 Маленкие ворота и башня
4 Кушельские ворота и башня
5 По



План Гдова Псковского наместничества. 1781 г.



План Гдова С.-Петербургской губернии. 1871 г.

1000 человек. В сентябре вражеское войско под командованием Магнуса Делагарди и Бента Горна, Христофора Горна и еще двух генералов начали штурм Гдова. Несколько приступов, сопровождавшихся пушечной атакой не сломили гдовских защитников. Князь Иван Хованский выступил из Пскова на помощь осажденным. Враги стали отступать к деревне Скамья. В устье реки Черма, в 10 километрах от Гдова, головной русский отряд в 12 сотен под командованием Венедикта Змеева и Дениса Фанвисина настиг шведов. О героическом сражении и поражении неприятеля по сегодняшний день напоминают нам курганы на берегу Чудского озера.

Дважды через Гдов на Ливонскую войну проходил с отрядами царь Иоанн Грозный.

В 1705 году Гдов встречал победителя шведов Петра I, который проявил заботу об укреплении Гдовской крепости.

11 января 1781 года именным Указом Императрицы Екатерины II весь Гдовский уезд причислен к губернии и, следовательно, и епархии Санкт-Петербургской.

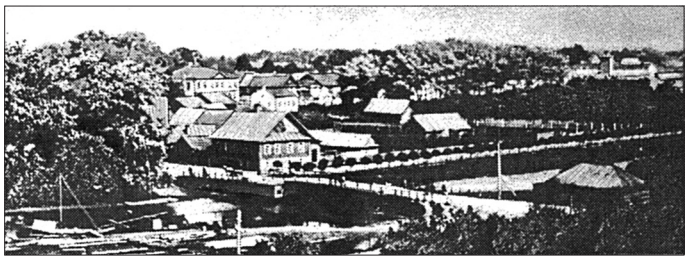
За высокие заслуги городу был пожалован герб. От Псковской епархии во исполнение Императорского Указа к Санкт-Петербургу были причислены 48 церквей и 340 часовен. Священников в уезде – 54, дьяконов – 23, причетников – 88, просфирен – 33, сирот заштатного духовенства – 184. Прихожан – около ста тысяч. Из них мужского пола – 48 тысяч, а женского – 52 тысячи. Усадеб, сел, деревень – около 1200. Дворов – около 13 500.

В самом Гдове три священника, один диакон и пять причетников. Прихожан – 2166 мужского пола и 2308 – женского пола.

До революционного переворота 1917 года и связанного с ним геноцида русского народа, количество храмов, священников и прихожан увеличивалось на радость Державе Российской и страх врагам Отечества.

Красный террор нанес Гдовской кафедре, возглавляемой будущим священномучеником Вениамином (Казанским) сокрушительный удар, от которого гдовичи не могут полностью оправиться по сегодняшний день. К середине 1930-х годов все церкви, за исключением храма святителя Афанасия Александрийского, были закрыты, а священнослужители и ревностные православные миряне – репрессированы. Уничтожены усадьбы известных дворянских родов: князя Салтыкова, графов Коновницыных, князей Дондуковых-Корсаковых, Голенищевых-Кутузовых и других. Потомка героя Отечественной войны 1812 года и историка графа Алексея Ивановича Коновницына отряд красных солдат вынесет на простынях из больницы в Гдове и расстреляет. Единственной его «виной» станет давнее членство в «Союзе русского народа». Казнью графа Алексея Ивановича будет командовать Яков Ветров, именем которого ныне названа одна из улиц города Гдова. Память же о великом и славном роде Коновницыных будет сужена до малень-

Гдов. Вид города и крепости



Панорама набережной р. Гдовы. Фото начала XX в.

Гдов. Крепость. Колокольня Димитриевского собора и храм Успения Пресвятой Богородицы. Фото начала XX в.

Гдов. Храм свт. Николая Чудотворца (б. Никольский монастырь). Фото начала XX в.

кой лесной церкви села Кярово. Граф Алексей Иванович Коновницын похоронен в крепости возле собора св. Димитрия Солунского, на месте стоявшего здесь и уничтоженного в 1918 году большевиками памятника Императору Александру II с надписью «*Царю-освободителю благодарные крестьяне*». В своей основе эти добрые простолюдины, местное купечество, служилое дворянство были строителями и попечителями всех гдовских церквей.

Свято-Никольская церковь (б. Никольский мужской монастырь)

Николаевская набережная (ул. Лазника)

Напротив современной гдовской больницы в окружении вековых деревьев, на самом берегу Гдовы находится место, где с XVI века располагался Свято-Николаевский мужской монастырь, построенный Псковским степенным посадником Николаем Павловичем около 1424 года. В обители находились церкви Преображения Господня и святителя Николая, о чем свидетельствует древний монастырский синодик. В числе благодетелей, давших свои вотчины монастырю, упоминаются Псковские посадники Леонтий и Зиновий, а также Елисей (1475). Обитель имела владения у Кушельской губы, и по упразднении обители в 1764 году получала с местных крестьян (к тому времени их было 333 души) до 1000 руб. оброка. Никольский погост, или Поля, в прежнее время составлял монастырское село, и крестьяне этого прихода, почти все, принадлежали Николаевскому монастырю.

Первым настоятелем Гдовской Никольской обители были архимандрит Пахомий и игумен Иннокентий. До разорения монастыря шведами в XVII веке им управляли в течение двух веков двадцать игуменов и два архимандрита. В обители спасались схимники, и к ней благоговел весь край. Впоследствии она была приписана к Псковскому архиерейскому дому, и до упразднения своего управляема была строителями. Последним строителем ее был иеродиакон Варлаам, после многих трудов восстановивший из пепла уничтоженную пожаром обитель. При нем, в 1764 году, с учреждением штатов Императрицей Екатериной II, монастырь был упразднен.

Последняя существовавшая здесь на протяжении XVIII–XX вв. церковь святителя Николая была перевезена сюда из села Вейно около 1750 года, в связи с сооружением там в это время каменного храма. Она была деревянной однопрестольной, построенной крестообразно, со светлым куполом и колокольней. В Вейно она простояла до этого около 10-15 лет, сооружение ее, таким образом, можно датировать 1735–1740 годами. В 1753 году иеродиаконом Варлаамом она была поставлена на настоящее место. Тогда же в ней был устроен иконостас. В нижнем его ряду помещались замечательные иконы, оставшиеся из прежней обите-

Гдов. Крестный ход в праздник свт. Николая Чудотворца в Никольском храме. В центре – протоиерей Алексий Грацианов.1920-е гг. Публикуется впервые

ли, тяжелые серебряные кресты со святыми мощами, в серебряном окладе Евангелие издания 1677 года, подписанное рукою Псковского митрополита Маркела. Церковь была приписана (указом консистории от 8 августа 1872) к Димитриевскому собору. Особо торжественные богослужения в храме приходились на день памяти святителя Николая Чудотворца. В начале XX в. (с 1904 по 1930-е) – более тридцати (!) лет здесь служил настоятель Гдовского собора митрофорный протоиерей Алексий Грацианов, благоговейный пастырь, любимый своею паствою. В 1930-е годы церковь была закрыта и полностью уничтожена.

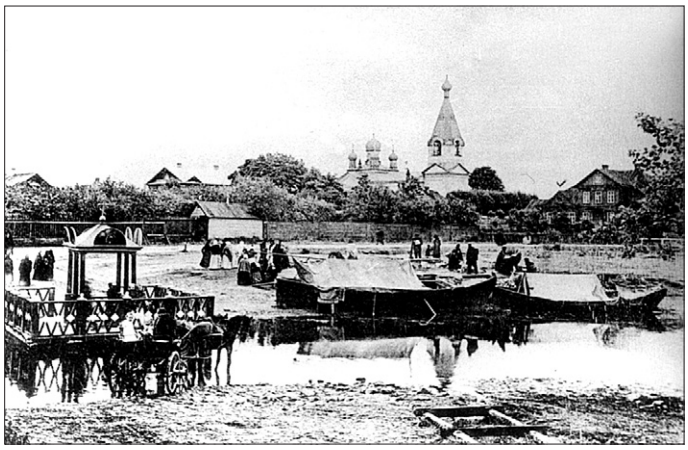
На месте монастырского кладбища ныне стоят одноэтажные дома, жители которых, копая огороды, еще натыкаются на могильные плиты. От сего монастыря остались заросшие монастырские пруды и вековые дубы. Срезанный безбожниками с купола храма изящный кованый крест, десятилетиями хранившийся у благочестивых прихожан, жителей Гдова, и ныне благоговейно сохраняется в возрожденном крепостном соборе.

Церковь святителя Афанасия, архиепископа Александрийского (б. Ивановский женский, он же Афанасьевский девичь монастырь)

Афанасьевская улица (Школьный переулок)

Храм святителя Афанасия, архиепископа Александрийского находился на месте бывшего женского монастыря в честь святого Иоанна Крестителя, основанного в 1434 году Псковским посадником Иоанном Сидоровичем. Во время нападения на Гдов немецких рыцарей в 1479 году, в январе месяце город был избавлен от них, в деле памяти свт. Афанасия, архиепископа Александрийского *(память 18/31 января)*. Память святого с этого времени стала неизменно праздноваться во Гдове, в благодарность за избавление от захватчиков. Под 1583 годом Ивановский женский монастырь упоминается в летописях Псковских. (В документах того же времени (1585–1587) мы находим его под именем «Офонасьевского девичь монастыря»). Он имел вотчины и крестьян. В начале XVII века обитель была опустошена шведами. После Смутного времени восстановлена. Деревянный храм, сооруженный прихожанами в царствование Алексея Михайловича, простоял более двухсот лет, до 1858 года. После упразднения монастыря церковь была самостоятельной, позже (с 1833 по 1849) была приписана к Гдовскому Димитриевскому собору.

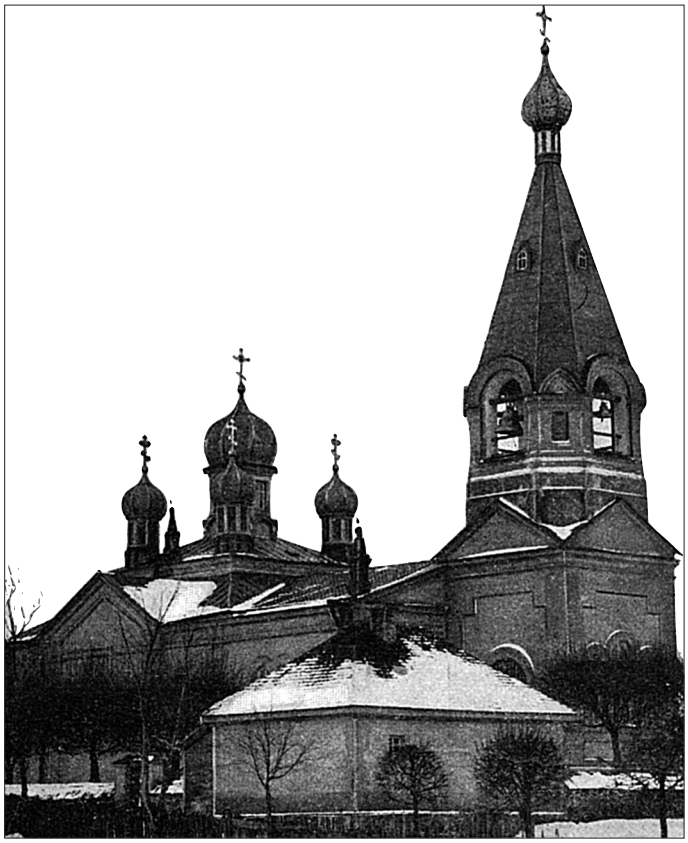
В 1851 году рядом с древним храмом строится новая каменная пятиглавая церковь по плану архитектора Лескова. За постройкой, кроме архитектора, наблюдали: техник Михаил Чернышев, благочинный Гдовский протоиерей Феодор Быстреевский, губернский секретарь Алексей Мартынович Турчанинов, впоследствии инок Черменецкого монастыря монах Авраамий; из купцов



Гдов. Иордань на реке Гдове. Вдали – Афанасиевская церковь. Фото начала XX в.

участвовали: петербургский купец Мартемьян Якимов и гдовский купец Василий Трофимович Свешников. Жертвователями на храм были петербургские купцы Петр Денисов и Никифор Елисеев.

Строилась церковь около семи лет, до 1858 года. Главный алтарь ее был освящен 27 сентября 1855 года во имя святителя Афанасия, боковые приделы – в честь Преображения Господня (освящен 25 сентября 1856) и святого Иоанна Предтечи – 12 января 1858 года (в память бывших прежде в Гдове обителей). Храм был теплый, имел пять куполов, высотой 10 сажен (прибли-



Гдов. Церковь свт. Афанасия, архиепископа Александрийского. Фото начала XX в.

Святые врата Афанасиевской церкви после разрушения храма. Февраль 1944 г.

зительно 22 метра). Длина – 8 сажен (около 18 метров). Каменная восьмиугольная колокольня высотой около 25 метров была крыта листовым железом. Храм венчали кованные вызолоченные кресты. Церковь украшал трехъярусный иконостас, иконы в него были написаны Михаилом Ивановичем Чернышевым.

В храме были замечательны: древняя икона св. Афанасия Великого в серебряной ризе, древняя икона Феодоровской Божией Матери, старинные образа Преображения Господня и Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». Запрестольный образ Святой Троицы в главном алтаре был пожертвован А.М. Турчаниновым.

В конце XIX – начале XX вв. настоятелем Афанасиевской церкви служил священник Симеон Молчанов. К храму была приписана церковь-школа во имя св. пророка Илии в дер. Черме, храм владел 8 десятинами 400 кв. саженями земли. При храме действовали церковно-приходское попечительство и церковно-приходская школа. Дети прихожан учились в городской школе и участвовали в церковном пении и чтении.

Церковь в советский период не прекращала своего служения. Следует помнить, что к началу Второй Мировой войны почти все храмы на Псковщине были закрыты, действующими оставались всего пять церквей: одна – в Пскове, одна – в Гдове и три – в сельской глубинке. Храм Афанасиевского Гдовского прихода был одним из немногих, остававшихся незакрытыми. Во время немецкой оккупации духовная жизнь в Гдове восстанавливалась и укреплялась при активном участии благочинного Гдовского округа протоиерея Иоанна Лёгкого. Выдающийся проповедник и жертвенный пастырь, он был членом Православной Псковской миссии и служил в храмах Гдова в 1941–1943 годах. Скончался он в 1995 году в США в сане епископа Русской Зарубежной Церкви. По сегодняшний день сохранилась Похвальная грамота незабвенному протоиерею от благодарных гдовских прихожан.

28 января 1944 года Свято-Афанасиевский храм при загадочных обстоятельствах был взорван. Сейчас на его месте на Псковской улице выстроен безликий жилой двухэтажный дом. От прежних построек сохранилась переоборудованная под жилье сторожка и церковный дом (Псковская улица, 10) построенный в 1900 году, где проживали последние священнослужители, и который по сей день власти города не передают законному владельцу – Русской Православной Церкви.

Церковь святой великомученицы Параскевы Пятницы

Пятницкая улица, угол Вознесенской улицы (ул. Никитина, угол ул. Богданова)
Пятницкая пл. (пл. 25 октября)

К северу от крепости на высоком холме живописно обтекаемом рекой Гдовой, издавна располагалась церковь во имя святой Параскевы Пятницы. Церковь «Пятницы святыя, что во Гдове» упоминается впервые в известных нам источниках под 1585–1587 годами. В середине XVIII века на месте древней была поставлена новая деревянная церковь вмц. Параскевы, построенная «по единому плану с церквами в Павлове (сгоревшей)

Дом причта Афанасиевской церкви. Современный вид

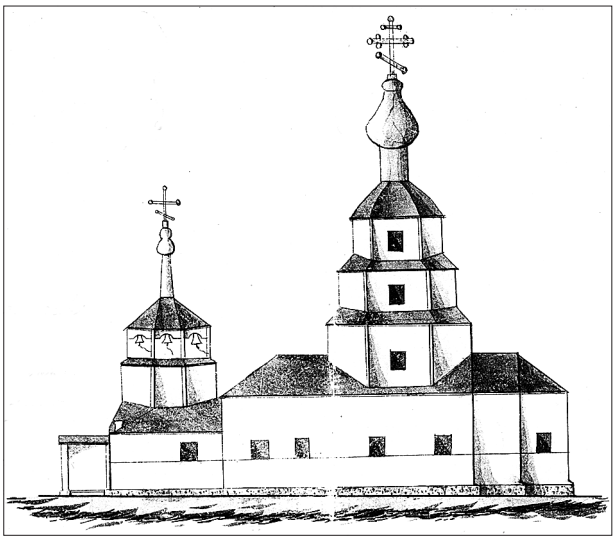
Гдов. Пятницкая церковь. Фото начала XX в.

и Каменном [Конце], и им современная». Она имела вотчины, вместо которых получала впоследствии 100 р. оклада. Иконостас в ней был устроен в 1795 году, живописные иконы «искусной работы» были поновлены в нем в 1849 году известным исследователем гдовской старины Ефимом Андреевым, крестьянином села Выскатки и многолетним старостой Выскатской церкви.

В церкви существовал придел (теплая деревянная церковь) во имя Вознесения Господня, упомянутая в 1826 году. В 1847 году ветхий Параскевинский храм XVIII века был сломан (возможно, частично?) и перестроен в 1847–1850 годы на сборную сумму и на пожертвования губернского секретаря Алексея Мартыновича Турчанинова и петербургского купца Никифора Елисеева.

В 1850 году новый деревянный, стоявший на каменном фундаменте храм, с каменной же колокольней был освящен. Центральный придел его был посвящен по-прежнему вмц. Параскеве Пятнице, боковые приделы были освящены во имя Вознесения Господня и святых мчч. Флора и Лавра. Антиминс главного престола был освящен митрополитом Антонием (Рафальским) 28.05.1844 году, Вознесенского придела – митрополитом Михаилом (Десницким) 3.11.1816 года, придела свв. мчч. Флора и Лавра – митрополитом Никанором (Климентьевым) 13.03.1849 года. Главный храм был холодным (летним), приделы – теплыми. Потолки приделов были украшены росписью, изображавшей херувимов. Сам храм и купола были крыты железом, так же как и двухъярусная колокольня, увенчанная восьмигранным шпицем с золоченым шаром и крестом. Высота колокольни составляла 15 саженей (более 33 метров). На ней было семь колоколов.

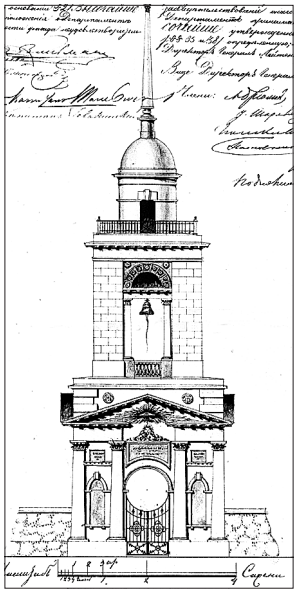
Иконостас главного алтаря имел четыре яруса,

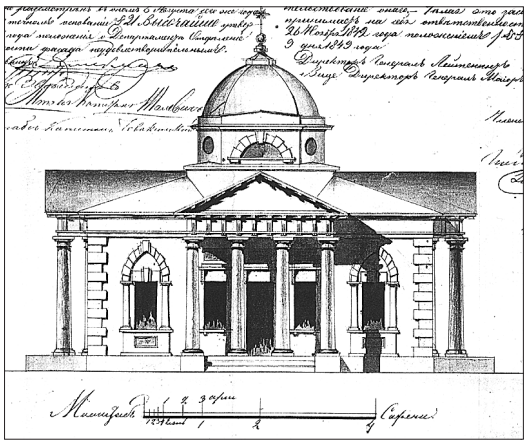


Гдов. Пятницкая церковь, выстроенная в середине XVIII в. С плана натуральной съемки. 1842 г.

иконостасы боковых приделов – два. На горнем месте главного алтаря было изображено снятие Господа с креста, в Вознесенском – образ Воскресения Христова, в приделе мчч. Флора и Лавра – Богоматерь во славе.

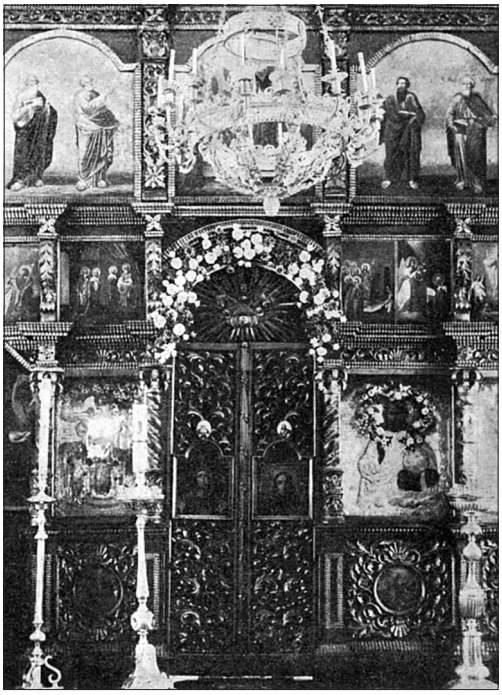
В благодатные для страны времена церковь посещали от 50 до 200 человек, а в большие праздники – от 300 до 600 человек. В конце XIX– начале XX вв. настоятелем Пятницкой церкви служил более четверти века священник Василий Васильевич Лебедев. Псаломщиком на рубеже веков был Александр Феодотович Боротинский. Из прихожан церкви было составлено два хора – мужской и женский. К храму была приписана (с 1872) кладбищенская церковь св. Марии Магдалины и две часовни – в деревнях Ермакове и Липичах. Кроме горожан к приходу относились жители 18 окрестных деревень и шести усадеб. При





Проект постройки колокольни и теплого придела (храма) Вознесения Господня при Пятницкой церкви. Проект арх. Ломова(?) 1849 г.

Пятницкая церковь. Иконостас. Фото начала XX в.



храме действовало церковно-приходское попечительство. За неимением собственной земли, причту храма с 1872 года позволено было пользоваться третьей частью земельных владений Гдовской Николаевской церкви; церкви принадлежали также в Гдове два дома с надворными постройками.

В 1930-е годы храм был закрыт, святое место осквернено дешевым кинематографом с танцами. (Некоторые бывшие «танцоры», ходившие в закрытый храм развлечься, дожили до наших дней и ныне раскаиваются в соделанном прежде.) В годы немецкой оккупации храм-кинематограф, как возмездие за грехи, стал тюрьмой для советских военнопленных. Прежде прекрасный и благодатный, и после войны он, в искаженном виде, со спиленными крестами и сломанными куполами, все еще стоял посреди Гдова немым укором безбожию. Казалось бы, страдания, перенесенные людьми в годы войны, должны были побудить местное население возродить его для богослужений, тем более что он единственный чудом уцелел из всех храмов города. Однако, в 1959 году крепкие бревна храма разбирают на хозяйственные постройки. Здесь как нельзя лучше вспоминается поговорка, что храм должен быть не в бревнах, а в ребрах. Сейчас на месте алтаря установлен монумент одному из вожаков революции Яну Фабрициусу, рядом находится коммунистическое кладбище, где все покойники в отличие от православного обычая похоронены лицом не к востоку, а к северу.

Церковь св. равноап. Марии Магдалины

Гдовское городское кладбище (Пограничная ул.)

На гдовском городском кладбище усердием помещика генерал-майора Василия Григорьевича Тишина над могилой его родных в 1850 году была построена каменная церковь. Изначально предполагалось освятить ее во имя Святой Троицы, но освятили ее во имя небесной покровительницы безвременно почившей супруги храмоздателя – в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. Церковь была «каменная, холодная, с деревянным притвором и открытым куполом». Купол был восьмигранным, деревянным, обшитым тесом, с четырьмя просветами для окон. Высота церкви с крестом составляла более 12 метров. Колокольни при храме первоначально не было: с южной стороны от церкви была устроена звонница с пятью небольшими колоколами. Позже была сооружена над входом в храм одноярусная колокольня. Под алтарем храма находилась «катакомба» – склеп, в котором покоится прах строителя храма и его супруги.

Гдов. Храм св. равноап. Марии Магдалины на Гдовском кладбище. Фото начала XX в.

Иконостас в храме был одноярусным, столярной работы, окрашенным белой краской, с позолотой. Над иконостасом, на карнизе, помещались три иконы, пожертвованные строителем храма генералом В.Г.Тишиным: мч. Василия, св. царицы Елены и преподобномученицы Евдокии. Антиминс храма был освящен и подписан митрополитом Никанором 13 марта 1849 года. Престол и жертвенник были дубовыми. На горнем месте помещался лик Бога Саваофа. В архиве храма хранился проект каменной колокольни, составленный помощником архитектора Колитовичем.

Богослужения в храме совершались причтом гдовской Пятницкой церкви. Содержание храма поддерживалось благодаря участию семейства помещиков Тишиных и за счет продажи кладбищенских земельных участков, разделенных на 4 разряда.

Кладбище делилось на три неравные части. В первой от центра города хоронили людей лютеранского вероисповедания, самая значительная центральная часть принадлежала православным, а в западной части находилось небольшое и ныне заброшенное иудейское кладбище, которое в революционные и военные годы превращено в братское захоронение.

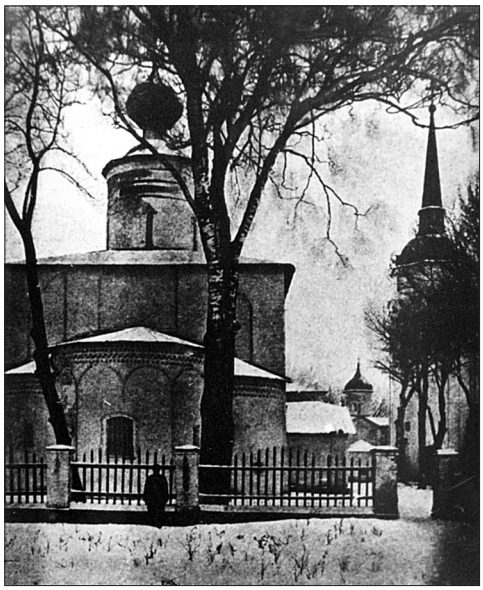
В настоящее время место, где находилась православная церковь св. Марии Магдалины, и где захоронен прах ее строителей, засыпано горой мусора. Сохранились несколько семейных купеческих усыпальниц из черного мрамора, огражденных решетками художественной ковки. Многие современные могилы имеют антирелигиозный вид, большинство крестов и надгробий пребывают в плачевном состоянии.

В углу кладбища до 1970-х годов находилась сторожка, впоследствии оборудованная под часовню, где приезжие священники могли совершить чин отпевания. Ныне от сторожки не осталось даже воспоминаний, а каменная церковь уничтожена еще в 1930-е годы.

Святыни Гдовской крепости

Крепость, Крепостная улица,в створе Соборной улицы (ул. Ветрова, в створе ул. Освобождения)

Ни с чем не сравнима историческая и архитектурная значимость Гдовской крепости. Но не стоит забывать о том, что она была и духовным центром края, сви-



Гдов. Крепость. Ансамбль Димитриевского собора (в центре) и храма Успения Пресвятой Богородицы

Царские врата Успенской церкви

Церковь Успения Пресвятой Богородицы и здание присутственных мест в гдовской крепости

детельницей подвигов русских людей во имя Веры и Отечества. За ее боевыми стенами, о которые крошились ядра ненавистников Православия и Руси, хранится множество нераскрытых тайн и легенд. От эпохи равноапостольной Ольги до наших дней изменялись и совершенствовались постройки, быт, вооружение, тактика войн, но неизменной оставалась Вера и жертвенная любовь к Родине.

Чтобы узнать, что мы потеряли, сохранили и возродили, обратимся к письменным источникам конца XIX–XX веков. Увидим кафедральный собор глазами священномученика Вениамина, неоднократно бывавшего и служившего здесь и расстрелянного по «делу о церковных ценностях» в 1922 году. Величественный каменный собор великомученика Димитрия Солунского был построен в 1540 году на земский сбор, о чем свидетельствовала надпись на древней иконе Святой Троицы. На Полиелейном колоколе было написано: «*Сии колокола пожертвованы милостию блаженных создателей храма Святого Димитрия при державе благоверного и христолюбивого царя великого князя Иоанна Васильевича всея России*».

Всего в соборе было три колокола времени Иоанна Грозного. Кроме приведенной надписи, на них изображены двуглавые орлы и лик святого Димитрия. Самый большой колокол, перелитый на Валдае в 1839 году, весил 104 пуда. Высокий пятиярусный иконостас резной столярной работы, вызолоченный в сребропозлащенных ризах. На иконе святого Димитрия было написано: «1737 года написаны сии образа по обещанию господина Григория Ивановича, сына и жены его Евфимии Кирилловны Коновницыных». За престолом – икона Знамения Божией Матери прекрасного письма, старинная в серебряной, кованой ризе. Из икон особенно примечательным был образ святого Иоанна Предтечи «с деяниями». В низу ее подпись: «*1340 года из Пскова ходили воевать 50 человек за Нарову....По сему случаю, икона и создася, и перенесена в город Гдов*». Чтилась также икона св. великомученика Димитрия Солунского, в правой руке его крест, а в левой – пика. Семь старинных экземпляров Евангелий, изданных в Москве в 1677, 1694 и пр. годах. Множество старинных серебряных сосудов. На одном серебряном подсвечнике надпись: «Усердием боярина Михаила за упокой души супруги его Ольги». Невозможно перечислить всех тех духовных и материальных богатств, веками собираемых в крепостном соборе, до основания уничтоженном в январе 1944 года.

Гдов. Проволочные заграждения у стен крепости. 1944 г.

Гдов. Храм Успения Пресвятой Богородицы и колокольня Димитриевского собора в крепости. Фото начала XX в.

А.К. Галкин

ГДОВСКИЙ ДИМИТРИЕВСКИЙ СОБОР – кафедральный храм священномученика митрополита Вениамина

Всем привычный титул правящего архиерея северной столицы – Санкт-Петербургский и Ладожский – впервые прозвучал лишь в 1892 году. Сама Петербургская епархия была открыта ровно 150 годами ранее и первоначально занимала совсем небольшую территорию. Кроме самой столицы, она ограничивалась Кронштадтом и 4 отвоеванными от шведов уездами – Копорским, Ямбургским, Шлиссельбургским и Выборгским. Даже Ладожский уезд до 1764 года относился к епархии Новгородской. Еще позже, в 1780 году, когда границы столичной губернии отодвинулись на юг, под омофор С.-Петербургских архиереев перешла северная часть Псковской земли (Гдовский уезд) и северо-западная – Новгородской (Лужский уезд). С того времени старинный псковский «пригород» Гдов на полтора столетия оказался тесно связанным с С.-Петербургом – Петроградом – Ленинградом. Свои современные очертания Ленинградская область получила в 1944 году, при этом Гдов с районом вошел в состав вновь образованной Псковской области.

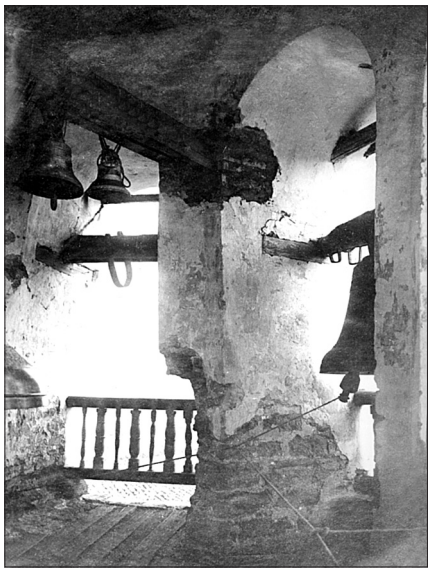
Вышепомянутый 1892 год открыл новую страницу и в церковной истории Гдова – в тот год в С.-Петербургской митрополии было учреждено Гдовское викариатство. Древний Димитриевский собор Гдова стал кафедральным. Епископы Гдовские стремились по возможности чаще служить в нем, и каждый приезд архиерея был памятным событием в однообразной жизни гдовичей. Гдовское викариатство просуществовало четверть века. В мае богатого на перемены 1917 года на Петроградскую и Ладожскую кафедру взошел епископ Гдовский Вениамин (Казанский), избранный свободным голосованием клира и мирян столичной епархии. Однако титул «Петроградский и Ладожский» владыка Вениамин носил меньше месяца – 14-17 июня 1917 года епархиальный титул был изменен на «Петроградский и Гдовский». Соответственно, и Димитриевский собор Гдова занял почетное положение второго, после Исаакиевского собора в Петрограде, кафедрального храма святителей Петроградских.

Таким образом, все двенадцать лет служения священномученика Вениамина в сане епископа, архиепископа, митрополита его архиерейская кафедра оставалась в Димитриевском соборе Гдова. А в наши дни эту связь навеки запечатлел Вениаминовский придел собора, устроенный при втором рождении гдовской святыни.

Гдов. Димитриевский собор. Фото начала XX в.

История Гдова уходит в глубину веков. По одной из легенд, город существовал еще до основания Пскова и получил свое название Гдов (Вдов), когда был отдан во владение св. великой княгине Ольге († 869) после того, как она овдовела. Первое же летописное упоминание города относится к началу XIV века. Гдов стал северным форпостом Пскова и в XV–XVII веках представлял собой первоклассную порубежную крепость.

Лишь в Петровское время, когда в ходе войны со Швецией к России были присоединены Эстляндия и Лифляндия, город оказался вдалеке от внешних границ страны и потерял всякое оборонительное значение. Но еще долго, вплоть до середины XIX века через Гдов проходила оживленная дорога, связывавшая С.-Петербург с юго-западными губерниями европейской России. (Киевское шоссе через Лугу на Псков – Опочку было проложено только в 1849 году). Во время Северной войны 1700–1721 годов в Гдове не раз бывал проездом Петр Великий. Так, в июне 1706 года царь «из Петербурга путь свой восприял на Украину к войску» через Нарву, откуда «поехал до Гдова сухим путем, а от Гдова до Пскова водяным путем на шнаве»[1]. От Пскова тракт в южном направлении вел к Великим Лукам и Смоленску. В декабре того же года Петр вновь отправился «к войску в Киев чрез Луки Великие на



Колокола на звоннице Гдовского Димитриевского собора. Фото акад. П.П. Покрышкина. 1912 г.

Смоленск» из Нарвы[2] – следовательно, также через Гдов. Останавливалась в путевом дворце Гдова в мае 1780 года и Екатерина II во время своего путешествия в Могилев[3]. В ее царствование город получил сугубо мирный герб: «В верхней части щита герб Псковский. В нижней – усеянное льняными снопиками золотое поле, чем окрестности сего города изобилуют». Исключенный из числа боевых крепостей гдовский кремль к концу XVIII столетия лежал в развалинах, и из всей его застройки остался лишь внушительный каменный собор во имя святого воина-мученика Димитрия Солунского с отдельно стоящей колокольней.

Самый знаменитый из древнерусских Димитриевских соборов был сооружен в 1190-х годах во Владимире-на-Клязьме (его формы повторял петербургский храм Спаса-на-Водах, построенный в 1910–1911 годах на берегу Невы, на Новом Адмиралтействе). Полувеком ранее первый каменный храм поднялся в Пскове, «в Домантове стене»: он также посвящен св. Димитрию[4]. На Руси, как и в других славянских странах, к этому святому прибегали за помощью в ратном деле при нашествиях иноплеменников.

Долгое время Гдовская крепость оставалась деревянной, затем из камня вывели стену «на приступной стороне» – с юго-востока. Строительство каменного кремля в Гдове датируется самым концом XV века. Его стены сложены из огромных гранитных валунов, ряды которых чередуются с рядами известкой плиты – обычного строительного материала этого края. В плане крепость приближалась к прямоугольнику, она имела трое ворот и 4 башни. Главным въездом в город служили Псковские ворота, расположенные в западном углу крепостных стен[5]. Вслед за возведением мощных укреплений, в Гдове был сооружен и новый каменный собор. Как установил доктор искусствоведения В.В. Седов, Димитриевский собор построили в 1520-е годы в традициях псковских «кончанских» храмов рубежа XV–XVI веков. «И план, и объемная композиция, и структура его интерьера практически совпадают с храмами Богоявления с Запсковья и Успения с Пароменья. Единственной деталью, свидетельствующей об эволюции внутри школы, является керамическая храмозданная надпись на барабане собора»[6]. Подобная же надпись была помещена на барабане одноименного псковского собора, поставленного в 1524 году «в Домантове стене», на фундаментах храма XII века. Таким образом, в центре Пскова и в Гдове практически одновременно поднялись два собора-близнеца, посвященных св. Димитрию Солунскому.

Гдовский Димитриевский собор поставлен почти в центре кремля и доминирует в его пространстве, что придает храму еще большую представительность. В других крепостях Северо-Запада соборы или смещены к самой стене, «запирая» въезд через главные ворота (Изборск, Остров, Порхов), или укрыты в наиболее безопасной части крепости (южной – в Ладоге, восточной – в Орехове), или кажутся крохотными на фоне крепостных стен и башен (Ивангород). Таким образом, статус кафедрального, который Димитриевский собор получил через 370 лет после постройки, вполне соответствует его высоким композиционным и градостроительным особенностям.

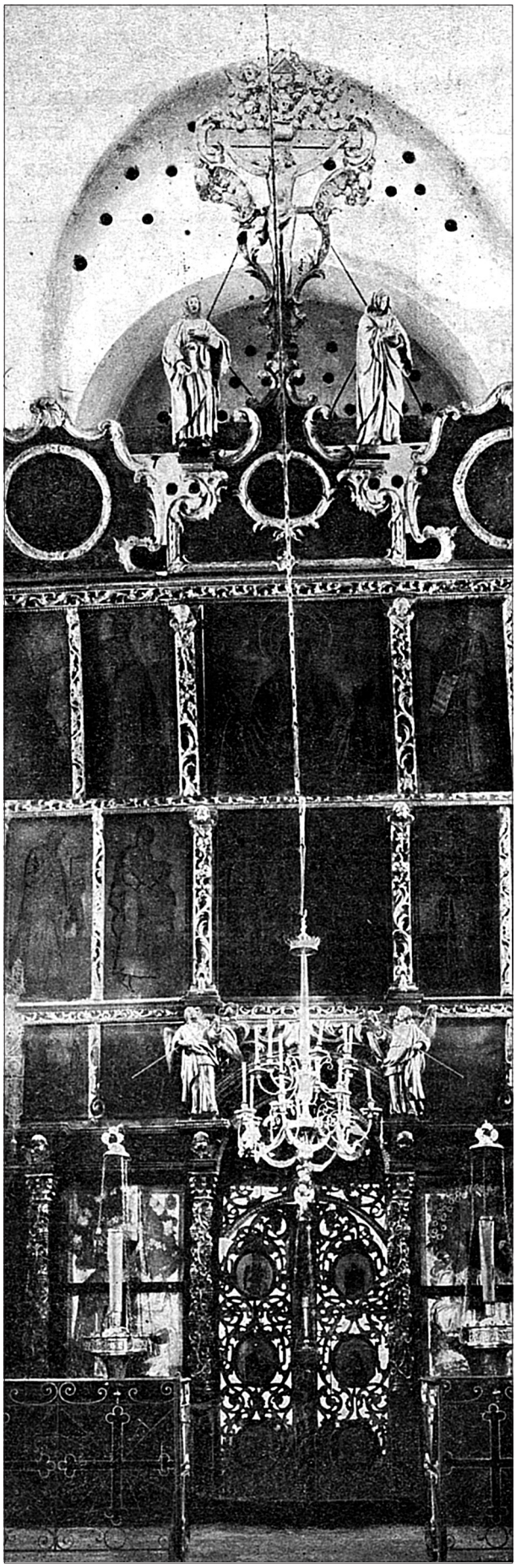
Примерно через полвека после строительства гдовского собора рядом с ним была возведена колокольня, своим декором подчеркнуто подражавшая верхнему столпу Ивана Великого в Московском Кремле. «Здесь к восьмигранной столпообразной церкви «под колоколы» (во втором ярусе восьмерика находилась церковь Преображения Господня) с двух сторон примыкали два симметричных придела Успения Пресвятой Богородицы и Михаила Архангела. Эта удивительная композиция не имеет прямых аналогов ни в псковской архитектуре, ни в русской архитектуре XVI века вообще»[7]. В.В. Седов предполагает, что заказчиком такого уникального сооружения «был сам царь Иван Грозный: вряд ли в этом небольшом городке воевода или прихожане создали бы этот монументальный комплекс явно мемориального значения»[8]. Теперь по числу и разнообразию престолов соборный комплекс Гдова превзошел прочие псковские «пригороды». Выразительный язык архитектуры свидетельствовал, что за этой порубежной крепостью стоит «вся великая Москва».

Величественному внешнему виду гдовского собора прекрасно соответствовал его иконостас, поднимавшийся до самых сводов. Он состоял из четырех ярусов – местного, праздничного, деисусного и пророческого. В эпоху барокко, в XVIII веке, большинство старинных многоярусных иконостасов было реконструировано, с устройством пышных рам («тела»), представлявших сложное архитектурное произведение. При этом утрачивалось единство горизонтальных рядов икон: декоративная сторона брала верх над смысловой. К счастью, в Гдове этого не случилось. Один только местный ряд здесь был выделен витыми колоннами и широким карнизом. Иконы трех верхних ярусов сохранили характер сплошной

стены – их разделили всего лишь подчеркнуто легкими горизонтальными и вертикальными тягами. Древние иконописцы предусмотрели эффект обратной перспективы: в пророческом чине иконы были крупнее, чем в деисусном, и поясное изображение Богоматери Знамение с обращенными к Ней пророками, написанными в рост, представляло собой как бы гдовскую Оранту. Иконостас венчало громадное резное Распятие с предстоящими; меньшие по размерам фигуры ангелов «охраняли» царские врата на уровне праздничного чина. Средства на устройство новой рамы гдовского соборного иконостаса пожертвовала чета местных помещиков Коновницыных, Григорий и Евфимия. Это было в 1737 году[9].

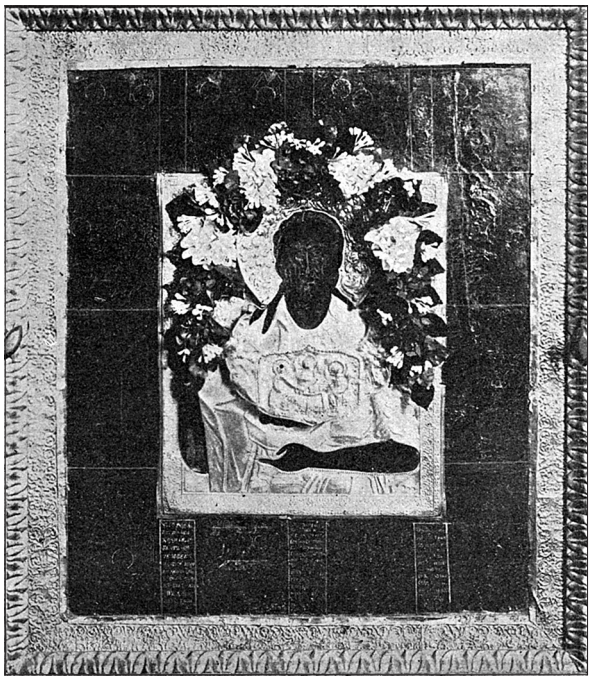
Среди соборных святынь выделялись икона великомученика Димитрия в местном ряду иконостаса, икона св. Иоанна Предтечи с деяниями, а также икона Святой Троицы с припадающими св. Димитрием Солунским и св. Всеволодом-Гавриилом Псковским. Последняя была снята с главных городских ворот, когда их пришлось разобрать по ветхости. Три колокола собора (всего их было 10) относились к царствованию Ивана Грозного, а большой колокол весом в 104 пуда отлили в 1839 году.

К началу XIX века причт гдовского собора состоял из протоиерея, священника, диакона, 2 дьячков и 2 пономарей. Среди соборного духовенства можно было видеть выпускников не только С.-Петербургской, но и Псковской и даже Новгородской семинарий (географически Гдов равноудален от С.- Петербурга и Новгорода), а один из настоятелей собора первой четверти XIX века, протоиерей Петр Николаевич Стейшин, имел высшее духовное образование – он окончил Александро-Невскую академию. В 1826–1831 годах соборный клир возглавлял протоиерей Иоанн Петрович Кедров († 31 августа 1860), выпускник С.-Петербургской Духовной семинарии первого выпуска (1811). Он был сыном священника с. Керстово Ямбургского уезда[10]. (Деревянная Скорбященская церковь этого села, построенная духовником Императрицы Елизаветы Петровны протоиереем Феодором Дубянским, послужила образцом для первой Троицкой церкви лейб-гвардии Измайловского полка. Каменный Троице-Измайловский собор был сооружен в 1828–1835 годах «по подражанию деревянной»). После перевода о. Иоанна Кедрова к Преображенскому собору г. Нарвы настоятельское место при гдовском соборе занял его младший брат, о. Константин Несвитский, возведенный в сан протоиерея (иногда случалось, что при определении в Духовные школы родные братья получали разные фамилии). О. Константин окончил столичную духовную семинарию на 10 лет позже своего брата Иоанна и в 1821–1831 годах священствовал в Покровской церкви с. Кярова под Гдовом. Эта церковь в родовой вотчине Коновницыных первоначально, в XVIII веке, числилась приписной к гдовскому собору. В августе 1822 года скончался один из героев войны 1812 года граф П.П. Коновницын, и о. Константин



Гдов. Иконостас Димитриевского собора. Фото 1900-х гг.

участвовал в погребении его тела в кяровском храме. Здесь же, в Кярове, в 1829 году у о. К. Несвитского родилась дочь Елизавета. Ее детство и отрочество прошли в Гдове, затем она жила в Кронштадте, куда переместили о. Константина. В 1855 году протоиерей К. Несвитский вышел на покой, а 26-летнюю Елизавету выдали замуж за будущего всероссийски чтимого пастыря и праведника о. Иоанна Кронштадтского – тогда всего лишь молодого кандидата богословия И.И. Сергиева. Елизавета Константиновна на полгода пережила мужа. 4 мая 1909 года она справила свое 80-летие, а 22 мая тихо скончалась.



Икона св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна «в житии», сооруженная в память битвы при Кушельском озере в 1341 г. Хранилась в Гдовском Димитриевском соборе. Фото начала XX в.

Настоятелем гдовского собора о. К. Несвитский прослужил 17 лет (с 1831 по 1848). О его пастырской ревности здесь долго напоминал и стопудовый колокол, перелитый из старого, меньшего веса, и серебряная риза, украсившая житийную икону св. Иоанна Предтечи – древнейшую в Гдове. Младшим соборным священником при о. Константине 10 лет состоял о. Феодор Андреевич Быстреевский, выпускник столичной семинарии 1823 года. Ранее, в 1825–1838 годах, он был настоятелем церкви Быстреевского погоста Гдовского уезда, где, вероятно, и родился. С 1848 года о. Ф. Быстреевский, в сане протоиерея, занимал настоятельское место при Димитриевском соборе, пока в 1863 (или 1864) году не вышел за штат[11].

В эти годы Гдов и его уезд пережили настоящий «храмостроительный бум». В самом городе почти одновременно строятся 2 каменные церкви – Афанасиевская (1851–1855) и кладбищенская св. Марии Магдалины; несколько ранее, в 1847–1850 годах, деревянную Пятницкую церковь расширяют устройством трапезной с 2 приделами. В январе 1860 года в Моцком погосте была освящена новая каменная Георгиевская церковь, в 1854 году к древней церкви Кобыльего Городища пристраивается трапезная и колокольня. Обновляются и храмы двух бывших монастырей, упраздненных в 1764 году: в 1850–1853 годах сооружают деревянную церковь на месте Сяберского монастыря и, наконец, в 1871 году каменный Покровский храм воздвигают в селе Озера, над мощами преподобного Илариона Гдовского. Строительством и благоукрашением всех этих храмов занимался Алексей Мартынович Турчанинов – впоследствии игумен Череменецкого монастыря Авраамий (1801 – 8 декабря 1882). «После бурной жизни, проведенной в служении винному откупу», он посвятил себя богоугодному делу восстановления церквей в Гдовском уезде. В этом всемерно способствовал А.М. Турчанинову петербургский купец Мартиниан Якимов (он же – Мартемьян Екимов), уроженец с. Озера и староста местного храма[12].

Тогда же был расширен и городской собор Гдова. Своей реконструкцией он обязан купцу Якову Григорьевичу Гаврилову, соборному старосте. К середине XIX века Димитриевский собор имел один боковой придел – подобно соборам Изборска и Острова, – посвященный Спасу Нерукотворному. Вместо него к западному фасаду собора сделали обширную пристройку с двумя алтарями – правым Спасским и левым во имя св. Митрофана Воронежского. «Проект на распространение собора» датирован 24 апреля 1854 года и подписан архитектором В. Морганом.

Плодовитый петербургский зодчий 1830 – 1850-х годов Василий Егорович Морган оставил след и в церковном строительстве. Его работы несут печать провинциального классицизма. В 1839–1840 годах им была расширена двумя приделами (один из которых посвящен св. Митрофану Воронежскому) Введенская церковь на Петербургской стороне и возведена ее каменная колокольня. В 1842–1844 годах В.Е. Морган очень удачно распространил трехнефную Тихвинскую церковь – теплую при Ямской Крестовоздвиженской, – превратив ее в пятинефную. Ранее, в 1840 году, им был исполнен новый проект и самой Крестовоздвиженской церкви в стиле «существующей колокольни», не принятый к исполнению[13]. В 1849–1851 годах он же построил каменную Успенскую церковь в с. Лезье Шлиссельбургского уезда[14].

В результате реконструкции собор превратился в большой продолговатый храм, вмещающий до 1000 чел. Зодчий XIX века отнесся к памятнику старины с возможной бережностью. Древний храм не был заслонен с боковых сторон. Пристройка имеет сугубо функциональный характер. Она подчеркнуто невысока и лишена «архитектурных излишеств». И внутри гдовская святыня сохранила исторический облик. Староста Я.Г. Гаврилов в 1859 году осуществил реставрацию соборного иконостаса (в то время в России еще не существовало законов

об охране художественных древностей, и при ремонтах храмов сплошь и рядом уникальные иконостасы XVII–XVIII веков заменяли на современные, трафаретно-ремесленные). Даже иконостас старого Спасского придела был сохранен – его перенесли в обновленную крепостную Успенскую церковь, примыкавшую к соборной колокольне. Эта церковь вместимостью не более 60 человек была освящена 10 сентября 1860 года. Служба в ней совершалась только раз в году – на престольный праздник.

В новых теплых приделах собора установили трехъярусные иконостасы, иконы для которых написал художник Михаил Иванович Чернышев; он же исполнил иконостас гдовской Афанасьевской церкви. М.И Чернышев был учеником академика живописи Н.А. Майкова (1794–1873), отца знаменитого поэта. Как иконописец Н.А. Майков пользовался большой славой – его привлекали к работам в Троице-Измайловском соборе, соборе Зимнего дворца, Исаакиевском...

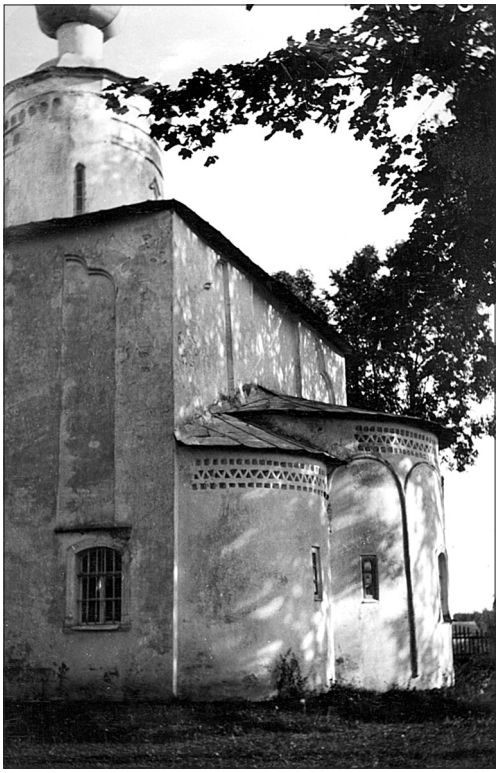
В 1860 году на главной улице города, в начале аллеи, ведущей к мосту через Гдовку к крепости, воздвигли каменную часовню, которая была приписана к собору. Ее проект составил в 1858 году К.И. Брандт, бывший в 1853–1860 годах петербургским епархиальным архитектором. Этот же зодчий участвовал в реконструкции Никольской церкви в селе Ильеши Ямбургского уезда (1854–1864 годы), где хранилась широко почитаемая явленная резная икона св. Параскевы Пятницы. В Ильешах с 1852 года четверть века прослужил священник Феодор Орлов († 11 мая 1877), в 1849–1852 годах состоявший вторым священником гдовского собора[15].

В 1863–1879 годах настоятелем Димитриевского собора был маститый священник Феодор Феодорович Крамаренко[в], уроженец Харьковской епархии и выпускник Харьковского коллегиума. После многих лет служения на родине он получил назначение в Финляндию, в г. Або (Турку), а оттуда – в Гдов. Здесь о. Феодор в 1878 году отметил 50-летие священства, в связи с чем удостоился награждения орденом св. Владимира 4-й степени. Вскоре после юбилея он вышел за штат.

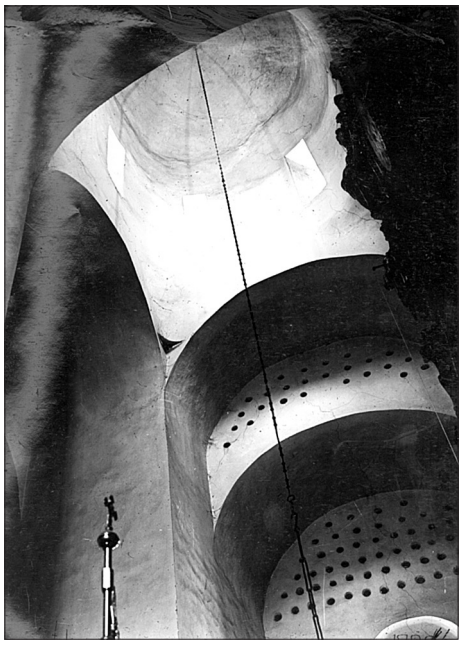
Начиная с о. Ф. Крамаренко в течение 40 лет настоятели Димитриевского собора имели сан священника, тогда как раньше эта должность по штату была протоиерейской. А когда в 1872 году второго соборного священника Михаила Виноградова перевели в с. Кярово, в соборе остался один священник – настоятель. В том же году к Димитриевскому собору была приписана небольшая деревянная церковь в западной части Гдова – Никольская. В ней стали служить всего 2 раза в год, а чтимую храмовую икону перенесли в собор.

На рубеже XIX–XX веков в гдовском соборе почти два десятилетия прослужил священник Димитрий Андреевич Федоров[16] (17 октября 1856 – 26/13 июня 1921[17]), в феврале 1903 года награжденный саном протоиерея. Он окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию в 1882 году и до назначения в Гдов 29 мая 1885 года три года священствовал в Кобыльем Городище. В 1886 году о. Д. Федорову довелось встречать в Димитриевском соборе Великого Князя Владимира Александровича, посетившего с супругой Гдов 28-29 июня. Высоким гостям особенно понравился иконостас собора «со старыми иконами греческой живописи и фигурной вызолоченной резьбой»[18]. В том же году при соборе открыло свои действия приходское попечительство. О. Димитрию как председателю Гдовского отделения епархиального училищного совета принадлежит видная роль в развитии народного образования в крае. Благодаря его усилиям Гдовский уезд по числу церковно-приходских школ вышел на первое место в епархии. При Гдовском соборе такая школа была учреждена в 1886 году, а через 9 лет в приходе появилась вторая школа – в деревне Портиловы Луги. Гдовско-Димитриевская школа помещалась в доме диакона, который был в ней и законоучителем, и учителем. Соборным диаконом с 1881 года около 20 лет состоял Алексий Павлович Бобровский – автор единственного печатного очерка о соборе древнего Гдова. Этот обстоятельный труд о. Алексия опубликован в 10-м томе «Историко-статистических сведений о С.-Петербургской епархии». В ноябре 1900 года диакон А. Бобровский был перемещен в Новоладожский уезд[19]. Скончался он в сане священника 23 декабря 1905 года.

С особой гордостью гдовичи справляли престольный праздник своего собора в 1892 году – двумя днями ранее, 24 октября, состоялось открытие Гдовского викариатства взамен прежде существовавшего Ладожского. При этом город Гдов из всех уездных городов губернии занимал последнее место по населению (по переписи 1897 года



Гдов. Димитриевский собор. Вид с юго-востока. Фото начала XX в.



Своды Гдовского Димитриевского собора. Фото начала XX в.

в нем жило всего 2250 чел. – почти вдвое меньше, чем в Ямбурге или Новой Ладоге и в 10 раз меньше, чем в Царском Селе). А из трех приходов Гдова собор имел наименьшее число прихожан (1400 человек, включая жителей окрестных деревень, против 2426 человек в Афанасиевском приходе и 1657 – в Пятницком)[20]. Получение собором статуса кафедрального не давало ему никаких привилегий, и его настоятель еще 10 лет оставался в сане священника.

При о. Димитрии Федорове зародилась традиция паломничества школьников из Каменного погоста в Гдов, приуроченного ко дню памяти святых Кирилла и Мефодия, 11 мая. Первый раз оно было совершено в 1902 году, в нем приняло участие до 130 детей. Юные паломники, пройдя 15 верст, молились в Димитриевском соборе за литургией. Совершал ее о. Димитрий в сослужении с уездным наблюдателем церковно-приходских школ, настоятелем гдовской Афанасиевской церкви священником Симеоном Молчановым и священником Каменного погоста о. Иоанном Николаевским. Затем был отслужен молебен святым Кириллу и Мефодию с акафистом и панихида по Н.В. Гоголю и В.А. Жуковскому. Детей накормили в чайной общества трезвости, они погуляли по Гдову и после отдыха двинулись в обратный путь[21]. Через 10 лет паломничество в Гдов в день «первоучителей Словенских» объединяло уже почти тысячу школьников и множество взрослых богомольцев[22].

В сане протоиерея о. Д. Федоров оставался в Гдове недолго – 9 марта 1904 он был перемещен, по прошению, настоятелем Казанской церкви в селе (ныне – город) Тосно Царскосельского уезда. А еще через три года он перешел на место старшего священника Иоанновского женского монастыря в С.-Петербурге, которое и занимал до кончины. В последние полтора года земной жизни о. Иоанна Кронштадтского о. Димитрий неоднократно сослужил «всероссийскому батюшке» в соборе основанной им обители. Таким образом, жизненный путь двух настоятелей Димитриевского собора Гдова, протоиереев Константина Несвитского и Димитрия Федорова, тесно свел их с о. Иоанном – в самом начале и в самом конце его пастырского служения.

В марте 1904 года прихожане гдовского собора встречали нового настоятеля – им стал протоиерей Алексий Иоаннович Грацианов. Выпускник Новгородской Духовной семинарии, о. Алексий предшествующие 30 лет служил в Георгиевской церкви Моцкого погоста Гдовского уезда. Там он уже занимал и пост благочинного, и был возведен в сан протоиерея. В Гдове его нагрузка еще возросла: ему пришлось совмещать обязанности благочинного, председателя уездного отделения епархиального училищного совета, законоучителя городского мужского училища. Вероятно, о. А. Грацианов стал хлопотать о помощнике, и 9 сентября 1906 года к Димитриевскому собору был причислен, сверх штата, священник Алексий Абакумов, с назначением уездным наблюдателем церковно-приходских школ. Алексий Григорьевич Абакумов вышел из народа. Получив образование в Новгородской учительской семинарии, он начинал свой трудовой путь учителем, а в 1890 году был рукоположен во диакона. С 1892 года его служение проходило в селе Старополье Гдовского уезда[23]. Здесь он выдерживает экзамен по богословию и принимает сан священника. Годы революционной смуты (1905–1906) укрепили его волю, закалили характер – он испытал на себе бесчеловечное отношение людей, проникнутых революционной пропагандой. Свой талант и любовь к школьному делу о. Алексий смог в полной мере раскрыть в должности уездного наблюдателя церковных школ. Он занимал ее 11 лет, заслужив репутацию энергичного и идейного труженика. Его заботами почти половина школ уезда получила собственные прекрасные здания. Он сам вел все делопроизводство, которое было признано образцовым. Круг дел о. А. Абакумова еще увеличился, когда 27 апреля 1910 года он был назначен благочинным 1-го округа Гдовского уезда, сменив протоиерея Димитрия Федорова, который оставался в этой должности и после отъезда из Гдова.

Святитель Вениамин впервые побывал в своем кафедральном городе в конце августа 1910 года, через 7 месяцев после хиротонии во епископа Гдовского. Выехав из столицы 23 августа, владыка к вечеру прибыл со станции Нарва в с. Поля (ныне в черте г. Сланцы), где его ожидало множество прихожан и многочисленное духовенство во главе с гдовским соборным протоиереем А. Грациановым и благочинным священником А. Абакумовым. После всенощного бдения, продолжавшегося три с половиной часа, епископ обратился к богомольцам с назиданием и выразил радость «по поводу того религиозного подъема, какой он сам испытывал во время молитвенного общения с народом». Сын местного настоятеля, священника

Николая Кузнецова, иеромонах Алексий (впоследствии – архиепископ Сарапульский; расстрелян в Ижевске 18 ноября 1938) опубликовал об этом архипастырском посещении Полей небольшую заметку[24]. Сам же о. Николай, служивший здесь с 1891 года, выстроивший в селе новый величественный храм и открывший в приходе 5 школ, в 1911 году, по представлению епископа Вениамина, будет избран почетным членом епархиального братства Пресвятой Богородицы. Переночевав в Полях, Владыка на другой день совершил литургию в Павловском погосте, а вечером был в Гдове. Обозрению гдовских городских церквей он посвятил 25 августа[25]. В столицу Владыка вернулся по Варшавской железной дороге со станции Плюсса[26].

К сожалению, церковной жизни далекого Гдовского уезда столичные издания уделяли очень мало внимания. Известно, что епископ Вениамин возглавил освящение Космо-Дамиановской церкви в с. Гвоздно, воссозданной после пожара. Оно состоялось 8 октября 1912 года. А на другой день святитель уже служил литургию в Малой Ящере под Лугой. «Здесь необходимо отметить неутомимую деятельность Владыки, которому после продолжительной пятичасовой службы в Гвоздненском храме почти сразу же пришлось выдержать 70-верстный путь на лошадях по проселочной дороге до ст. Струги-Белая (ныне Красные Струги – *авт.*) и бодрствовать всю ночь с тем, чтобы поспеть ко времени в Малую Ящеру»[27]. Есть упоминание, что в 1915 году владыка Вениамин снова ревизовал Гдовский уезд, в том числе и село Ремду[28]. Более подробно описаны его поездки по уезду за 1916 год. Первая из них была приурочена к престольному празднику Афанасиевской церкви Гдова, 18 января.

По дороге в Гдов епископ задержался в Нарве, чтобы посетить раненых воинов. Своим вниманием он не обошел даже военнопленных[29]. В субботу 16 января он прибыл в свой кафедральный город и совершил в Димитриевском соборе всенощную и панихиду по убиенным на поле брани. Воскресную литургию владыка служил в Пятницкой церкви и затем возглавил освящение вновь построенного здания Пятницкой церковно-приходской школы. Обратившись к детям, Преосвященный «выразил пожелание, чтобы занятия в школе шли также прекрасно, как прекрасно представилась школа в день освящения». В торжестве участвовал и епархиальный наблюдатель церковных школ протоиерей Алексий Иосифович Западалов, часто сопровождавший Владыку в его поездках. (Епископ Вениамин как председатель Епархиального училищного совета осуществлял общее руководство церковно-школьным образованием в епархии). В Афанасиевской церкви ради престольного дня архиерейским чином были совершены и всенощное бдение, и литургия. Пробыв в Гдове три дня, епископ Вениамин, напутствуемый праздничным трезвоном всех городских церквей, отбыл в село Лосицы[30]. Там 19 января предстояло освятить

Протоиерей Димитрий Федоров, служивший настоятелем Димитриевского собора почти 20 лет, с 1885 по 1904 гг.

новую школу, по размерам не уступавшую и городским. Она была выстроена благодаря трудолюбию и энергии местного священника Павла Романского. «Строителям, попечителям, учащим, учащимся и организатору школы о. Павлу было произнесено многолетие самим архиереем, после чего он благословил батюшку, учащих и 3 выборных от прихода: К. Родионова, П. Амосова и Н. Антонова, привезенной им иконой Спасителя, в память переживаемого торжества». В этом глубинном селе, отстоящем на 70 верст от Гдова, Владыка положил начало и «Лосицкому подвижному музею», пожертвовав на него весьма крупную сумму – 75 рублей[31].

А 20 октября 1916 года «неутомимый Владыка прибыл со ст. Нарва, совершив 112 верст, почти не отдыхая» ко всенощной в Покровскую церковь с. Озера. Здесь под спудом почивали мощи преподобного Илариона Гдовского, память которого отмечается 21 октября. В Озерской церкви в 1913–1917 годах служил младший брат епископа Вениамина, священник Григорий Казанский. После литургии был совершен крестный ход к часовне, где на

Протоиерей Алексий Грацианов, настоятель Гдовского Димитриевского собора в годы святительства сщмч. митрополита Вениамина

невысоком холме любил молиться преподобный Иларион. «Стара, убога и мала часовня. Начато дело о постройке новой, но скудны местные средства. С покосившегося крыльца ее в конце молебна Владыка обратился вновь с речью к народу»[32]. За десятилетия, прошедшие с того дня, сколько твердынь рассыпалось в прах, сколько великих держав кануло в Лету! А убогая часовня в Озерах, с крыльца которой проповедовал святитель Вениамин, и сегодня встречает паломников как символ силы Божией, совершаемой в немощах ...

Гораздо чаще, чем священники, в Димитриевском соборе менялись в начале XX века диаконы. С 28 ноября 1900 года соборным диаконом состоял Евгений Григорьевич Любимов, который 26 мая 1906 года был определен священником к церкви села Черма под Гдовом. На его место рукоположили псаломщика гдовской Афанасиевской церкви Иоанна Алексеевича Фортунатова. 1 марта 1911 года он был перемещен в Петербург, а впоследствии служил в Тихвинской церкви села Путилово. Там диакона Иоанна арестовали, и в декабре 1937 года он претерпел мученическую кончину[33]. 12 мая 1911 года на вакансию штатного диакона при соборе был определен старший учитель Скамейской второклассной школы Гдовского уезда Григорий Васильевич Дмитриев. Он стал первым из церковных учителей, получивших диаконское место в поощрение за многолетние педагогические труды. Учителем Г.В. Дмитриев проработал 17 лет, из них в Скамье – 11[34]. В числе его учеников был Николай Владимирович Иванов – один из создателей краеведческого музея в Гдове в 1919 году и инициатор его возрождения после Великой Отечественной войны. После 4 лет службы в Гдовском соборе диакон Г. Дмитриев был определен священником к церкви Воскресенско-Покровского монастыря близ деревни Нежадва, Лужского уезда. С закрытием монастыря его храм стал приходским, и о. Григорий продолжал служить в нем. Известно, что он священствовал в Нежадве еще весной 1937 года. В том же году он был арестован и декабре 1937 г. расстрелян...* Новым соборным диаконом 8 июля 1915 года был назначен о. Леонид Павлович Студийский, перемещенный из села Щепец Гдовского уезда. «Большой террор» 1937 года застал диакона Леонида в штате Воскресенского собора Луги. 17 ноября он был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей[35].

В сентябре 1916 года Димитриевский собор Гдова стал свидетелем единственного в своей истории события – единодушного чествования духовенством, земством и всеми сословиями о. Алексия Абакумова по случаю 30-летия его учительства, 25-летия священства и 10-летия наблюдательства[36]. Ранее в том же году о. Алексий был возведен в сан протоиерея, а за год до того – утвержден почетным членом епархиального братства Пресвятой Богородицы как заявивший себя «особо ревностной деятельностью в пользу церковных школ». Литургию в соборе в юбилейный для о. А. Абакумова день служило 17 иереев во главе с прибывшим в Гдов епархиальным наблюдателем протоиереем А. Западаловым. Виновнику торжества – церковно-школьному инспектору, благочинному, гласному уездного земского собрания – поднесли золотой наперсный крест, икону, адреса, ценные подарки... Этот день можно считать лебединой песнью приходской школы в Гдовском уезде. Не пройдет и года, как Временное правительство примет решение о передаче общеобразовательных школ духовного ведомства в министерство народного просвещения.

---

* Синодик новых мучеников Российских, православных клириков и мирян, расстрелянных в 1937 году // С.-Петербургские Епархиальные ведомости. Вып. 15. СПб. 1996. С. 110.

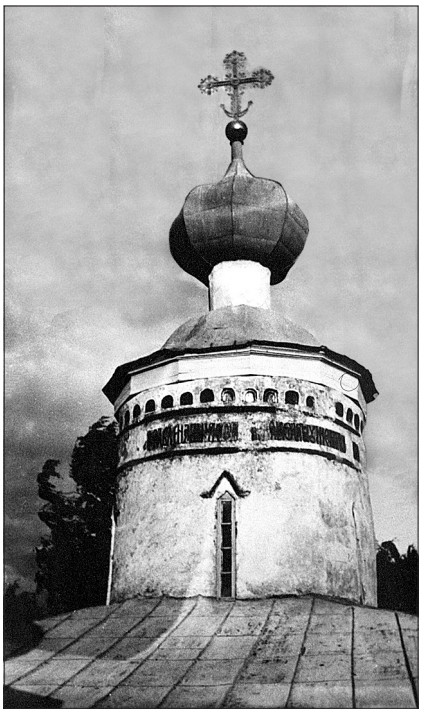
Гдов. Крепость. Духовенство Гдова и Гдовского уезда после крестного хода из уездных храмов в собор в праздник свв. Кирилла и Мефодия. Фото начала XX в.

В связи с этим решением митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин резолюцией от 30 ноября 1917 года, не освобождая епархиального и уездных (бесприходских) наблюдателей от должности, предоставит им места при кладбищенских церквях Петрограда[37]. Протоиерей Алексий Абакумов будет вынужден проститься с Гдовом, где прошло самое плодотворное десятилетие его жизни, чтобы занять место приписного священника Смоленского кладбища. После гибели митрополита Вениамина он окажется в рядах обновленцев и даже будет возведен в сан протопресвитера (не позже 1935). Его миновал террор 1937–1938 годов, который целенаправленно выкосил почти всех «служителей культа». Протопресвитер А. Абакумов скончался настоятелем обновленческого Преображенского собора в первые месяцы блокады Ленинграда – 19 декабря 1941 года.

История Димитриевского собора Гдова в послереволюционные годы известна лишь в самых общих чертах. В начале 1918 года, когда Эстония была занята кайзеровскими войсками, город стал прифронтовым, а затем на 22 года – пограничным. Независимость Эстонии началась с провозглашения в ноябре 1918 года «Эстляндской Трудовой Коммуны». Один из первых декретов местных коммунаров объявлял представителей духовенства всех исповеданий контрреволюционерами и предписывал им покинуть пределы «свободной Эстляндии» в 24 часа[38]. Поскольку никто из духовных лиц не пожелал бросить свою паству, для приведения декрета в жизнь понадобились палачи. Среди пострадавших за Христа был и протоиерей Знаменской церкви в Ивангороде Димитрий Чистосердов – многолетний наблюдатель церковно-приходских школ Ямбургского уезда, соседнего с Гдовским. Протоиерей Алексий Грацианов не мог не знать его по совместной церковно-школьной работе.

В Петроградской губернии подобной резни не произошло, но ее жители познали все прелести «красного террора» и «военного коммунизма». Поэтому не удивительно, что приход белых пробуждал надежды на мир и справедливость, которые тоже, к сожалению, оказывались тщетными. Гдов 13 мая 1919 года на 6 месяцев был занят отрядом С.Н. Булак-Балаховича. Крестьяне «спешили избавиться от большевиков и с распростертыми объятиями, под звон колоколов встречали батьку Балаховича. Гдовичи ликовали...»[39] Советская власть была вновь установлена в Гдове 7 ноября 1919 года – в 3 часа пополудни в город вошел коммунистический отряд. Это случилось перед всенощной под престольный праздник городского Димитриевского собора. Так что и красных здесь пришлось приветствовать звоном «во вся».

Богослужения в гдовском соборе продолжались до середины 1930-х годов, и его настоятелем по-прежнему оставался протоиерей Алексий Грацианов. По свидетельству потомственной гдовички Анфисы Николаевны Завьяловой, 1930 года рождения, которую крестил о. Алексий Грацианов, власти «12 раз закрывали собор», но жители города каждый раз отстаивали свое право молиться в нем. Протоиерей А. Грацианов был известен далеко за пределами Гдова и пользовался исключительной любовью и уважением верующих. Прослужив в Димитриевском соборе 30 лет, он отметил редчайший юбилей – 60-летие священства. В конце концов заслуженный 90-летний пастырь был выслан с дочерью из Гдова... О том, что случилось дальше, нетрудно догадаться. «Большевики старались всюду осквернить памятники старины. В Гдовском Кремле они устроили местную Лубянку и оттуда наводили ужас на жителей. Храм св. Димитрия был закрыт»[40].



Купол Гдовского Димитриевского собора. Фото акад. Покрышкина (начало XX в.)

В автобиографическом очерке В.А. Десятникова, сына советского офицера-пограничника, есть несколько строк, посвященных гдовскому собору. Впечатления автора относятся к 1938 году. «В крепости находился штаб 8-го пограничного отряда Ленинградского военного округа. Когда мы приехали

Гдов.Крепость. Памятник Императору Александру II. Фото начала XX века

Гдов. Руины Димитриевского собора после взрыва 27 января 1944 г.

в Гдов, пришлось ночевать в крепостной церкви, так как другого жилья нам предоставить не могли. Церковь к тому времени не действовала. Было такое впечатление, будто люди только что ушли, оставив все на своих местах – толстые книги в кожаных переплетах, дорогие одежды, расшитые крестами, иконы в стеклянных ящиках-киотах. В храме была звенящая тишина... Нам с сестрой нравился медовый запах свечей, и мы попросили пододвинуть наши лавки ближе к свечному ящику. Никого, кроме нас, в храме не было, но все почему-то разговаривали шепотом»[41].

Восьмилетний мальчик, конечно, не знал, что 125 годами ранее, при нашествии Наполеона, многие русские храмы пережили подобное испытание. Богослужебные напевы в них сменила звенящая тишина. «Если они умолкнут, то камни возопиют», – сказал Господь *(Лк. 19, 40)*. Исполнение этих слов началось 22 июня 1941 года.

Примечания:

[1] Журнал, или Поденная записка, Блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Часть 1. СПб, 1770. С. 124.

[2] Там же. С. 144.

[3] Камер-фурьерский журнал 1780 года. СПб, 1888. С. 292-294.

[4] Построена в 1143, с 1453 – Димитриевский собор (Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М., «Наука», 1985. С. 203-205).

[5] Косточкин В.В. Древние русские крепости. М., «Наука», 1964. С. 45-52.

[6] Седов В.В. Псковская архитектура XVI века. Автореф. М., 1997. С. 6.

[7] Там же. С. 37.

[8] Седов В.В. Псковская архитектура XVI века. М., 1996 (Общество историков архитектуры. Архив архитектуры. Выпуск VIII). С. 230.

[9] Бобровский А.П. Собор св. великомученика Димитрия Солунского в Гдове // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып.10. СПб, 1885. С. 127.

[10] Скроботов Н.А. Памятная книжка окончивших курс в С.- Петербургской Духовной семинарии. С 1811 по 1895. СПб, 1896. С. 2-3.

[11] Там же. С. 23.

[12] Андреев Е. Краткие историко-статистические сведения о церквах и приходах Гдовского уезда // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб, 1885. С. 168-169.

[13] Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. СПб, 1994. С. 161, 162-163.

[14] Земля Невская православная. Краткий церковно-исторический справочник. СПб, 2000. С. 84.

[15] Скроботов Н.А. Цит. соч. С. 73.

[16] Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 678. Оп.2. Д. 17. Л. 54 об—55 об.

[17] Шкаровский М.В. Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь. История обители. СПб, 1998. С. 119. (Дату кончины протоиерея Д. Федорова автор приводит по старому стилю – 13 июня, а дату погребения – по новому, 30 июня).

[18] Летопись общественной жизни за прошлую неделю в России и заграницей // Церковный вестник. 1886. № 27. С. 435.

[19] С.-Петербургский духовный вестник. 1900, № 46. С. 573.

[20] Памятная книга по С.-Петербургской епархии. СПб, 1899. Стлб. 279-281.

[21] С.И. Н-ий. Наше паломничество в Гдов. (Корреспонденция) // Известия по С.-Петербургской епархии. 1902, № 13-14. С. 19-21.

[22] 30-летний юбилей пастыря // Петербургский листок. 1913, № 141 (25 мая). С. 5.

[23] Памятная книга по С.-Петербургской епархии. СПб, 1899. Стлб. 300.

[24] Алексий (Кузнецов), иеромонах. Посещение Епископом Гдовским Вениамином села Полей, Гдовского уезда // Известия по С.-Петербургской епархии. 1910, № 18. С. 25-27. Поездка еп. Вениамина на ревизию // Колокол. 1910, № 1329 (26 августа). С. 3.

[26] Приезд епископа Вениамина // Нарвский листок. 1910, № 97 (24 августа). С. 3.

[27] Храмовой праздник в селе Малая-Ящера, Лужского уезда // Известия по С.-Петербургской епархии. 1912, № 21. С. 10-11.

[28] Сиротин М., свящ. Школьное торжество // Известия по Петроградской епархии. 1916, № 15. С. 7-8.

[29] Посещение преосвященным Вениамином больных и раненых воинов // Нарвский листок. 1916, № 12 (19 января). С. 2.

[30] Ласкеев М., свящ. Дни церковных торжеств в г. Гдове // Известия по Петроградской епархии. 1916, № 6. С. 2-4.

[31] Исаков Г. Торжественное архиерейское освящение Лосицкой двухкл. цер.-пр. школы // Известия по Петроградской епархии. 1916, № 13. С. 7-8. О строительстве Лосицкой школы см. также: Алпатов Ал. Гдовщина // Русская провинция. 1992, № 3. С. 55-56.

[32] Казанский Г., свящ. Церковное торжество // Известия по Петроградской епархии. 1916, № 48. С. 6-7.

[33] Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. Изд. 2-е. СПб, 2002. С. 246.

[34] Редкая хиротония // Петербургский листок. 1911, № 139 (23 мая). С. 4.

[35] Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. Изд. 2-е. СПб, 2002. С. 230.

[36] Участник торжества. Труженик на ниве народной // Известия по Петроградской епархии. 1916, № 44. С. 7-8; № 45. С. 6-8.

[37] Распоряжения Епархиального Начальства // Известия по Петроградской епархии. 1917, № 51. С. 2.

[38] Изгнание духовенства из пределов Эстляндии // Северная коммуна. 1918, № 179 (14 декабря).

[39] Романов А. 1919 год в Гдове // Известия Гдовского Уездного исполнительного Комитета и Уездкома Р.К.П. (больш.). 1922, № 38 (4 ноября). С. 3.

[40] Назаров С. В старинном городе // За Родину (Псков), 1943, № 159 (12 июля). С. 3.

[41] Десятников В.А. Устоять под лавиной нигилизма // Молодая гвардия. 1989, № 9. С. 5.

Протоиерей Михаил Женочин

ВОССОЗДАНИЕ ГДОВСКОЙ СВЯТЫНИ

СВЯТО-ДЕРЖАВНЫЙ ДИМИТРИЕВСКИЙ СОБОР

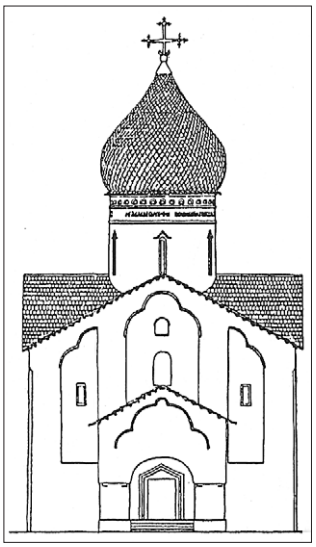
Величайшим событием для Гдовского края в XX веке является постройка великолепнейшего собора в крепости на месте полностью уничтоженного храма XVI века. В тот период, когда наша страна и весь православный народ торжественно отмечали юбилей 1000-летия Крещения Руси, когда за внешней помпезностью по всей России, как раны на теле Христа стояли еще полуразрушенные поруганные храмы и монастыри, мы из небытия возрождали приход на нашей древней земле. Еще даже не возникали инициативы организованных движений по восстановлению храма Христа Спасителя, Казанского собора на Красной площади, еще антирелигиозными музеями в Санкт-Петербурге были Казанский и Исаакиевский соборы, еще деревенские батюшки мучались от притеснений уполномоченных КГБ по делам религий, а у нас в Гдове поистине великое совершилось в малом. Восстанавливать нам было нечего, от всех церквей не осталось даже руин. Совершая пастырское служение в маленькой церкви села Кярово, я наткнулся на письмо, написанное карандашом председателю Совета Министров Косыгину. В нем около 500 человек слезно умоляли разрешить строительство церкви в Гдове. Никого из этих людей давно уже нет в живых, но я, пробираясь на приход по пояс в снегу, совершая богослужение при температуре минус 17 градусов, мечтал о построении храма в Гдове. Эту мою мысль поддержал и местный весьма богатый священник, обещая материальную поддержку. Сегодня мы уже привыкли к новым миллионерам и миллиардерам.

Гдов. Восстановленный собор Державной иконы Божией Матери и вмч. Димитрия Солунского. 1990-е гг.

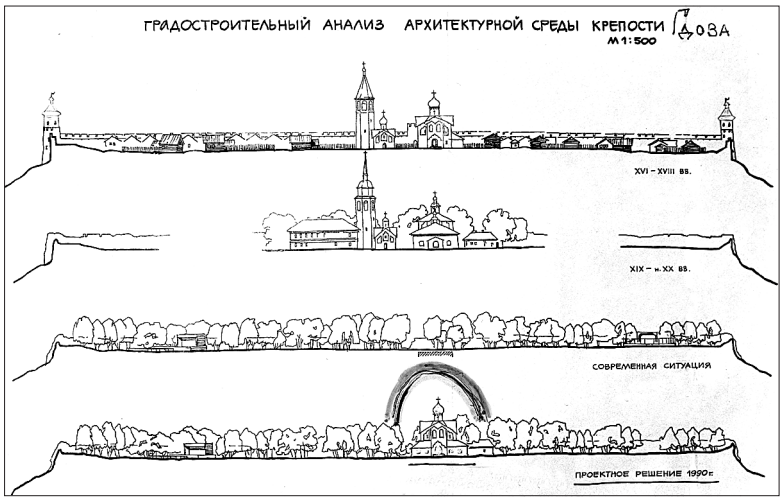
Но тогда, «во время всеобщего равенства», деньги было иметь очень опасно. Вспомним множество процессов, когда людей за несколько сот тысяч рублей приговаривали к смертной казни, как это случилось с московским директором Елисеевского магазина, который был расстрелян в советский период за 300 тысяч рублей, невзирая на то, что был участником Великой Отечественной войны.

Не за деньгами, а духовным советом я поехал к старцу Николаю Гурьянову на остров Залита (Талабск). Вместе со мной было два священника с прихода Кобыльего Городища – о. Владимир С. и о. Сергий К. Батюшка

Молебен и крестный ход из домового храма в крепость в день закладки воссоздаваемого собора. 1989 г.



Гдовский Димитриевский собор. Проект восстановления храма в его историческом виде, с рисунка акад. Покрышкина. 1900-е гг.



Изображение ансамбля храмов Гдовской крепости (XVI–XX вв.) к проекту воссоздания собора. 1988 г.

приветливо встретил нас, усадил за самоварчик, и когда я еще не произнес ни одного слова, он неожиданно для всех нас спросил: «А храм-то во Гдове строится?» От такого вопроса мы чуть не потеряли сознание. Настроение было необычайно возвышенное, ибо явно присутствовали при чуде дара прозорливости старца. Он ушел в свою маленькую комнату и, вернувшись, дал мне пожелтевший пакет, в котором лежала одна тысяча рублей (по курсу того времени – более одной тысячи долларов). Я принял его с верою, как залог того, что храм будет, и деньги не оскудеют, как масло в кадке Наинской вдовы времен Илии Пророка. Возвращаясь к самовару, старец неожиданно насыпал мне в кружку до самого верха сахара. «Что, батюшка, горького много будет мне в жизни?», – спрашиваю я, – что так усладить хотите». Внешняя уверенность старца укрепляла мои силы.

Формируя общественное мнение, я часто говорил, что на строительство храма уйдет не менее одного миллиона рублей. Промыслом Божиим добрая местная учительница Вера Владимировна Белякова написала письмо профессору А.Н. Кирпичникову, который многократно производил археологические раскопки в нашей крепости. В письме учительница написала, что отец Михаил хочет построить в крепости церковь, и у него есть один миллион рублей. А.Н. Кирпичников пригласил меня к себе в институт, очень благожелательно встретил и обещал оказать авторитетную поддержку, ибо местный райисполком не хотел слышать просьб наших прихожан. Анатолий Николаевич вспоминал, как работая на раскопках Гдовской крепости, сожалел, что все безвозвратно утеряно. Со своим «миллионом» в кармане я вселял в него уверенность, что церковь обязательно будет, хотя к тому периоду у меня была лишь тысяча рублей талабского старца о. Николая, в пророчество которого я твердо уверовал. Анатолий Николаевич пишет обоснованное письмо в Гдовский райисполком, в Москве получает разрешение на раскопки (ибо крепость – памятник федерального значения), дает мне в помощь археолога Льва Николаевича Большакова (ныне он – священнослужитель Русской Православной Церкви) и просто говорит: «Лев Николаевич, есть дело Божие. Этому священнику надо помочь». С помощью местных прихожан и наемных рабочих мы начали искать фундамент нашего погибшего собора. Срывая пласты земли, чувствовали, что пришло время «собирать камни».Так мы обнаружили древний фундамент XVI века, и почти в центре – другой, еще более древний, который подтверждал нашу гипотезу, что здесь уже во времена Александра Невского была церковь. Множество человеческих костей мы собрали с археологиче-

Фундаменты Димитриевского собора (план раскопок и раскоп академика А.Н. Кирпичникова). 1989 г.

В день закладки воссоздаваемого собора 30 июля 1989 г.

Идет строительство храма. Лето 1990 г.

ского раскопа. Древние захоронения лежали правильно: лицом к востоку. Возможно, это были воины или священнослужители, но прямо под дерном мы собирали останки 1930-х годов, которые были наспех прикопаны землей, ибо в эти годы в крепости производились пытки и расстрелы людей, так как здесь располагалась тюрьма НКВД. Всего около 500 фрагментов человеческих тел захоронили мы в семи переполненных гробах. Так, в Гдове возник уникальный мемориал, где в одной могиле оказались люди нескольких эпох.

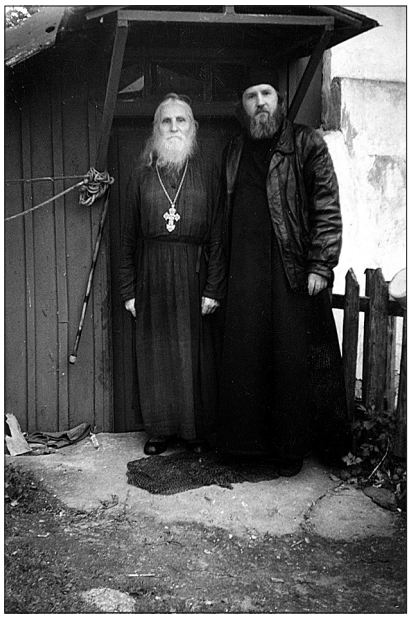
Тюрьма в крепости находилась еще с незапамятных времен и была предназначена для разбойников, подобных легендарному Авдоше. В петровский период здание перестраивается. С этого времени оно служит также и для полицейского управления, учрежденного для поддержания порядка в городе. После революционных событий 1917 г. ее узником стал граф Николай Алексеевич Коновницын (скончался в Аргентине). Узниками становились мастеровые труженики, «кулаки» из трудолюбивого крестьянства, и все те, кто «шел не в ногу» с советской властью. Автору строк приходилось слышать страшные воспоминания гдовички Марии Яковлевны Никифоровой (1905–2000), в 1930-х гг. – уборщицы здания тюрьмы, уделом которой было мыть окровавленные полы после пыток НКВД. Она вспоминала, как молодые, хорошо одетые парни, поставленные лицом к стене, просили: «Маша, дай пить». По воспоминаниям других очевидцев: Михаила, по прозванию Томас, хутор которого находится у Чудского озера, пытали битьем и бессонницей, заставляя признаться в шпионстве, а следователь искалечил ему руку.

Немцы в войну также использовали это здание по прямому назначению. Жительница города Сланцы, Любовь Трофимовна Буракова, когда посетила уже восстановленный наш собор, вспоминала: «Мне очень хочется рассказать о моей жизни в период 1942–1943 гг., когда я находилась в тюрьме Гдовской крепости с родителями и братом. Как известно, тюрьма вплотную примыкала к собору, было в ней 16 камер, плотно набитых арестованными, которых было примерно 100 человек. За 8 месяцев, проведенных в крепости, мы видели, как утром подъезжала крытая машина, «ворон», людей, приговоренных полевой комендатурой, вызывали и увозили в неизвестном направлении. В крепости во время нашего пребывания никого не казнили, за исключением двух русских солдат из армии Власова. Их, расстрелянных у крепостной стены, тут же в гробах вывезли на кладбище». Здание тюрьмы было уничтожено одновременно со всеми храмами. На это место чиновники из райисполкома заставили верующих людей перенести гнилую эстраду, прежде находившуюся на месте взорванного собора. После расчистки фундамента древнего собора найденные здесь фрагменты останков более 500 человек были погребены за алтарем будущего храма. Так у алтарной стены над многочисленными вековыми захоронениями ныне возник могильный поминальный крест Русской Голгофы, перед которым мы все вместе в покаянии должны склонить головы.

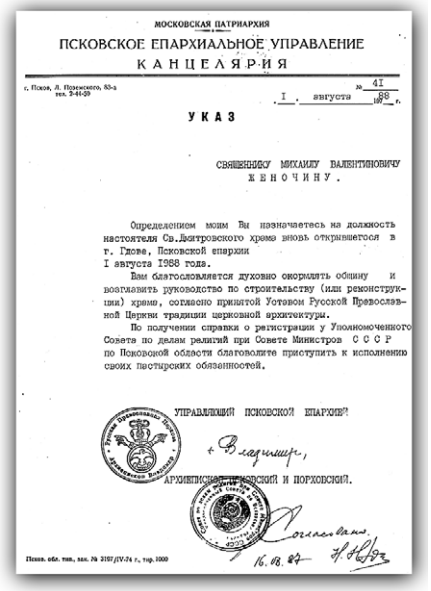
Протоиерей Михаил Женочин

Перезахоронение останков погребенных при соборе

Свящ. Михаил Женочин и община воссоздаваемого храма



Прот. Николай Гурьянов и свящ. Михаил Женочин



МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

ПСКОВСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КАНЦЕЛЯРИЯ

г. Псков, Л. Поженского, 83-а
тел. 2-41-39

№ 41
1 августа 1988 г.

УКАЗ

СВЯЩЕННИКУ МИХАИЛУ ВАЛЕНТИНОВИЧУ
ЖЕНОЧИНУ.

Определением моим Вы назначаетесь на должность настоятеля Св.Дмитровского храма вновь открывшегося в г. Гдове, Псковской епархии
1 августа 1988 года.

Вам благословляется духовно окормлять общину и возглавить руководство по строительству (или реконструкции) храма, согласно принятой Уставом Русской Православной Церкви традиции церковной архитектуры.

По получении справки о регистрации у Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Псковской области благоволите приступить к исполнению своих пасторских обязанностей.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

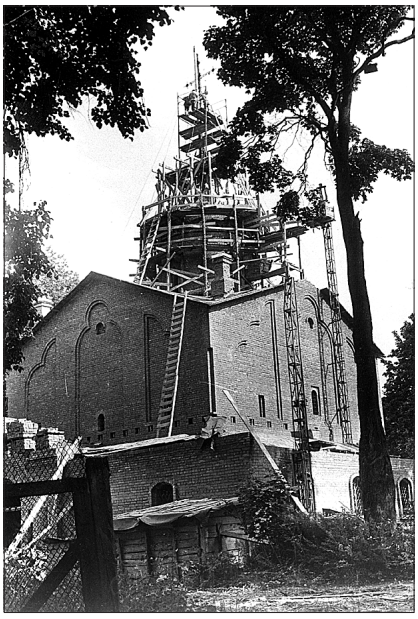
+ Владимир,

АРХИЕПИСКОП ПСКОВСКИЙ И ПОРХОВСКИЙ.

16.08.88

Псков. обл. тип., зак. № 3107/IV-74 г., тир. 1000

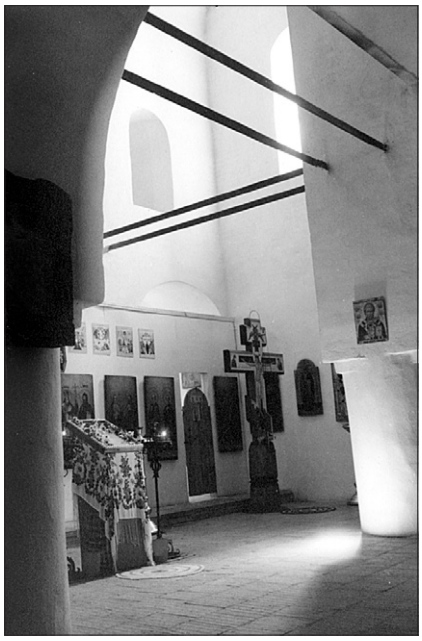
Указ о назначении настоятеля в воссоздаваемый храм



Восстановление собора

Что касается внешних работ, то трудности возникали во всем. Это и отсутствие средств, квалифицированных мастеров, материалов и механизмов. Начиная с проектирования, мы задавались вопросом, каким должен быть наш храм. Всякое искусство, так или иначе, в советский период имело свое развитие и становление. Лишь искусство церковного зодчества было утрачено, казалось, навсегда. Никакие новшества для подобного уникального строительства не годились. Здесь, как в иконе, должен был быть соблюден канон. Поэтому мы и делали все, оглядываясь на традиционное прошлое Святой Руси.

Советские государственные служащие никогда не оказывали нашему приходу материальной помощи, намеренно игнорируя все наши добрые духовные побуждения. Значительных личных пожертвований ни в Гдове, ни в окрестностях не было, в основном, по причине бедности местного населения. В 1989 году, по завершении археологических раскопок, экспертизы, проектных работ и устроения по всему периметру ленточного фундамента уже областные чиновники запретили нам продолжать работы. Я с прихожанами был вызван в Псковское управление культуры. Главным поводом запрета было неверие большинства работников учреждения в то, что мы сумеем малыми силами воссоздать в крепости памятник архитектуры в стиле XVI века, ибо таких попыток в России еще не было. После долгих нервных дискуссий с недоброжелателями выступила наша защита со стороны писателя Валентина Яковлевича Курбатова, протоиерея Владимира Попова, старожила города Александра Ивановича Тяхта и других. Мне, возглавившему строительство по благословению правящего архиерея, дано было последнее слово. В облачении священнослужителя я встал у светской кафедры и уверенно сказал: «Мне все равно, какое решение вы сейчас примете – поддержать верующих, или запретить. Только знайте, что храм в гдовской крепости непременно будет. Даже если Вы примените к строителям слезоточивый газ и брандсбойты. Вы будете разгонять, а мы будем строить».



Интерьер восстановленного собора. В центральном приделе

Теперь на многих псковских интернет-сайтах мы неоднократно можем видеть наш воссозданный из праха храм, по непонятным до сих пор причинам, письменно не обозначенный, что это и есть тот самый возрожденный Свято-Державный Димитриевский собор.

Главным строительным материалом был кирпич, которого требовалось около одного миллиона штук. Возвращаясь мысленно в советский период, мы вспомним, как простому рядовому труженику невозможно было без подписи начальника райисполкома на личные гроши купить кирпич даже на ремонт печки. А тут требуется один миллион, т.е. сорок железнодорожных вагонов. Нигде в Советском Союзе частному лицу такого количества не

Архиепископ Евсевий совершает освящение восстановленного храма. Возрожденная святыня. Фото 1996 г.

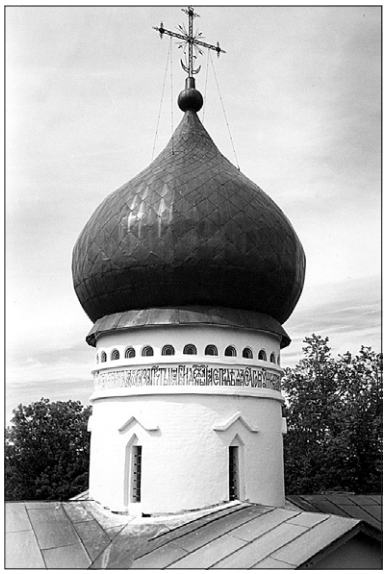
продавали. Границы с Прибалтикой были еще открыты, и в Кохтла-Ярве на Азерском заводе мы арендовали цех, который во вторую рабочую смену выпускал для нас кирпич отличного качества. КАМАЗ за КАМАЗом въезжали в крепость, где верующие в любую погоду выгружали и складировали кирпичи вручную. Сосед-благодетель давал нам деньги, но когда наступали искушения, и карман закрывался, я вновь ехал к талабскому старцу. Показывал ему фотографии начавшегося строительства, священнослужителей и мирян на молебне, и однажды о. Николай, указывая на одного из них, спросил: «А это кто?» Я растроганно ответил: «Это, батюшка, мешок с деньгами». Всмотревшись, о. Николай неожиданно крестит фотографию со словами: «Ну, мешок, раскрывайся!» И к великому изумлению, мы вновь получали помощь. Собирали деньги и по приходу, отдавали всю выручку от служб. Пять тысяч пожертвовал Псково-Печерский монастырь, шесть тысяч – город Остров. Три тысячи поступило из церкви Архангела Михаила, что в селе Кобылье Городище. Две с половиной тысячи пожертвовал архиепископ Владимир, нынешний митрополит Санкт-Петербургский.

Самую большую материальную помощь оказал архимандрит Лев (Дмитроченко). Четыре тысячи долларов – граф Андрей Иванович Стенбок-Фермор из Парижа. Около 10 тысяч рублей было получено от настоятеля Никольского храма в Любятово прот. Владимира Попова. Были и другие пожертвования. Государственные же деньги в то время не попадали на строительство храма, как это порой делается теперь, собор полностью был восстановлен только на пожертвования верующих.

Хочется рассказать о таком случае. Восстановление собора шло полным ходом, необходимо было изыскивать средства для строительства. Однажды одна моя прихожанка (Зинаида Веревкина, и ныне здравствующая, хотя и тяжело сейчас болеющая) пригласила меня к себе. «Мама моя хранила, и мне отдала. Большой кусок золота – слиток. Я берегла его на черный день... Хочу его пожертвовать Вам, батюшка, на храм», – сообщила она мне, когда я пришел к ней в дом. При этом она достала из укромного места тяжелый сверток, который был бережно завернут в тряпицу. Когда она развернула сверток, то я увидел, что в нем был спрятан слиток...латуни, который эта простая женщина хранила многие годы, и вот теперь отдала на строительство храма, как самое дорогое, что было в ее доме. Я сердечно поблагодарил ее и мне подумалось: «Быть может, Господь, действительно, вменит ей это в золото», и этот кусок латуни, как лепта евангельской вдовы, возможно, является самым большим пожертвованием на строительство собора и может оказаться в очах Божиих больше всех других даров, принесенных нашему храму.

Пока в Гдове работали археологи и строители, в Петербурге трудились над составлением проектной документации архитекторы Ирэна Александровна Хаустова и Артемий Петрович Конов, крестившийся первым в еще недостроенном храме. Параллельно со строительством мы два года проводили богослужения в тесной душной избе. По благословению архиепископа Владимира, мы 22 октября 1988 года совершили в Гдове первую за 50 лет Божественную литургию. 15 ноября наше молитвенное здание уже горело. Неизвестные злоумышленники, тайно проникнув в дом, облили его керосином и подожгли.

Для храма отлит новый колокол



Купол восстановленного Гдовского собора

Три пожарные машины мгновенно потушили пламя. Удивительно, что огонь прекратился возле диванчика, накрытого ковриком о. Николая. Как-то в очередной мой приезд на остров, батюшка подарил мне коврик, сказав: «Может быть, где-нибудь пригодится». Теперь его, обгоревший, я храню как драгоценную реликвию. За отсутствием необходимого количества средств, мы «осваивали» храм в несколько этапов. 28 августа 1991 г. был освящен и установлен на куполе собора крест. В день престольного праздника собора, 8 ноября 1991 г. начались постоянные богослужения в северном приделе вмч. Димитрия Солунского. Два года служили в тесном сыром приделе великомученика Димитрия. Когда был подготовлен второй придел, перед нами стал вопрос, в честь кого его освящать. Приехав на остров, я спросил мнение отца Николая, и он ответил: *«Освящайте в честь священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. Ведь я был у него посошником, и когда Владыка приезжал на Гдовщину, я старался везде его сопровождать, держа посох»*. «Батюшка, а как вам запомнился священномученик Вениамин?», – спрашиваю я. Вспоминая, отец Николай ответил: «Владыка нежно погладил меня по голове и сказал: *«Счастливый ты, Коля, что в Бога веруешь!»* Освящение придела сщмч. Вениамина было совершено архиепископом Псковским Евсевием 8.11.1993 г. Освящение центрального придела и полное освящение собора архиерейским чином было совершено им же 8 ноября 1994 года.

Так, по благословению Владыки Евсевия, по совету старца, через теплоту рук священномученика Вениамина и мы, гдовичи, стали счастливыми, имея такого небесного покровителя.

Строительство храма проходило при нескольких архиереях. Рукоположивший меня митрополит Иоанн (Разумов) словесно благословил. Официальное же благословение и указ были получены от архиепископа Псковского Владимира, а ныне управляющий Псковской Епархией Владыка Евсевий, освятил собор в честь Державной иконы Божией Матери. Старец Николай подарил нам Ее икону, пребывающую ныне в храме.

Наш гдовский кремль, как малый аналог московского Кремля. Там тоже первая церковь была в честь великомученика Димитрия Солунского, позднее перестроенная псковичами и посвященная Успению Божией Матери, и в ней множество знаменитых захоронений. У нас также прежняя Димитриевская церковь, окруженная множеством мощей, посвящается Божией Матери, иконе Ее Державной с приделами великомученика Димитрия Солунского и священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского.

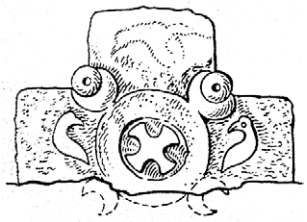
Гдовскому собору милостию Божией первому суждено было возродиться на Святой Руси. Мы реальные очевидцы чуда воскресения из мертвых. Как человека можно истязать, унизить и убить, а душа всегда будет принадлежать Богу, так и наш храм, прежде поруганный, оставленный, оскверненный, по образу самого Христа воскресает из мертвых. Враги и ненавистники взорвали стены собора, но благодать с новой и еще большей силой излилась на каждого человека.

Не нам, не нам, а имени Твоему!

За храмы, что мы воздвигали,
В лютых дебрях диких лесов,
За иконы, что мы писали,
Как молитвы очей без слов,
За древний распев величавый,
Что мы пели сквозь гибели тьму.
Да не будет нам в мире славы, –
Только имени Твоему!
За страну, что мы созидали,
В упорной и тяжелой борьбе,
За опору, что ей давали,
Посвящая ее Тебе.
За суровых подвигов чашу
И за праведных житие
Да не славится имя наше,
Но имя Святое Твое!
За муку, что мы принимали
Как венец в жестоком бою,
И за жизнь, что мы отдавали
Как жертву за душу свою.
Да не будет ложной осанны
На земле твоей никому
И не нам, не нам, окаянным, –
Только имени Твоему!

Л. Глухова

«Православная Русь». № 1, 1950 г.



Поклонный крест XIII века. Гдов

С.Г. Зирин

КЯРОВО. ГРАФЫ КОНОВНИЦЫНЫ

Неподалеку от Гдова, в 8 верстах к северу, лежит небольшое село Кярово, которое на протяжении XVI–XX веков неразрывно связано с именем знаменитого дворянского рода графов Коновницыных. Небольшой каменный храм Покрова Пресвятой Богородицы является усыпальницей рода. Неподалеку от храма, на лугу, стоял усадебный дом графов Коновницыных, в стенах которого несколько веков протекала жизнь представителей этой фамилии. Рядом на кладбище, подле церкви, погребались также представители других известных дворянских родов: князей Дондуковых-Корсаковых, Кребер и Евреиновых. В храме, выстроенном в 1788–1789 гг. Григорием Ивановичем Коновницыным, находилась особо почитаемая народом икона Покрова Пресвятой Богородицы в серебряной вызолоченной ризе со множеством драгоценных камней, устроенной графами Коновницынами и помещиками Евреиновыми (икона, хранившаяся в советское время уже без ризы, украдена из храма в 1979 году), сохранялись также четыре иконы, пожертвованные сюда Императрицей Екатериной II из Аничкова дворца в Петербурге. В 1821–1831 гг. в храме Покрова служил настоятелем прот. Константин Петрович Несвицкий, тесть св. прав. Иоанна Кронштадтского. Супруга всероссийского пастыря, Елизавета Константиновна Сергиева, урожд. Несвицкая, родилась здесь, в Кярово, в 1829 г. Место это связано со многими историческими событиями русской жизни. Здесь завершилась земная жизнь замечательного полководца, героя Отечественной войны 1812 года графа Петра Петровича Коновницына. Трагические события революции и Гражданской войны не обошли стороной и Кярово: здесь был арестован внук героя, историк граф Алексей Иванович Коновницын († 1919), претерпевший мученическую кончину. Судьбе рода Коновницыных, в том числе в эти годы, посвящен предлагаемый читателю материал.

«Желаю только бессмертного»

Родовой девиз

Род Коновницыных был вписан в самые ранние родословные книги, в том числе Государев Родословец (1555–1556) и Бархатную Книгу (1687), куда вносились знатные и именитые боярские фамилии.

Дворянский род Коновницыных был внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги С.- Петербургской губернии (1792) и во 2-ю часть дворянской родословной книги Вологодской губернии (1843). Высочайше утвержденный дворянский герб внесен в 1-ю часть «Общего гербовника» под № 39. Графский род Коновницыных внесен в 5-ю часть дворянских родословных книг Киевской (1881), С.-Петербургской (1834), Тульской (1906) и Харьковской (1837) губерний. Высочайше утвержденный герб графов Коновницыных внесен в 10-ю часть «Общего гербовника» под № 7.

Коновницыны — дворянский и графский род. По преданию происходит от Гланды Камбилы Дивоновича*, сын которого А.И. Кобыла – родоначальник многих других российских родов, в том числе Боборыкиных, Колычевых, Романовых, Шереметевых и других. Его потомок – Иван Семенович Лодыгин, по прозвищу Коновница (5-е колено от А.И. Кобылы), живший в первой трети XVI века – родоначальник. Само прозвище Коновница происходило, вероятно, от военного строя: «конь» по В.И. Далю – это ряд, порядок, а коновной – это начальный, коренной. Отсюда «коновница», или начальник, или тот, с кого начинается строй.

В данной статье мы рассматриваем ветвь рода, происходящую от Петра Петровича Коновницына (1743–1796), генерал-поручика. Службу начал в лейб-гвардии Преображенском полку, в начале 1770-х годов – полковник Сло-

Кярово. Покровская церковь. Усыпальница графов Коновницыных

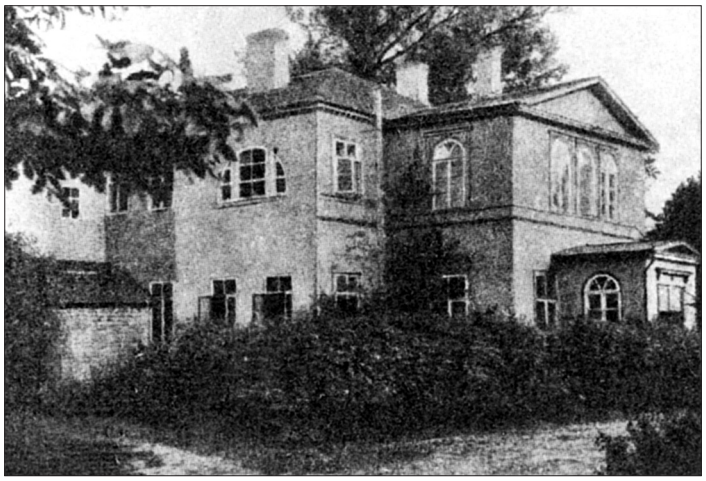
бодско-Украинского Ахтырского полка и провинциальный воевода. Позднее назначен на должность правителя Тамбовского наместничества, с 1784 года – на аналогичной должности в Новгороде. С 1785 по 1793 годы – петербургский гражданский губернатор. В 1793 году – архангельский и олонецкий генерал-губернатор. Член Всероссийского Экономического общества, автор ряда статей, опубликованных в издании общества «Труды».

Граф Петр Петрович Коновницын, герой Отечественной войны 1812 г. С портрета Дж. Доу из «Галереи 1812 года» в Эрмитаже

Его единственный сын Петр Петрович (1764–1822), генерал-от-инфантерии (1817), генерал-адъютант (1812), родился 28 сентября от брака с Анной Еремеевной Родзянко. Учился в Артиллерийском и Инженерном корпусах. Действительную службу начал 1 января 1786 года в лейб-гвардии Семеновском полку. Участник Русско-Шведской войны. В 1791 году – служба у князя Г.А. Потемкина в Южной армии. На должности командира Старооскольского мушкетерского полка принял участие в польской кампании, за битву при Слониме был Высочайше награжден орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени. В 1798 году в чине генерал-майора вышел в отставку. В 1808 году принят на службу с назначением дежурным генералом в армию генерала графа Ф.Ф. Буксгевдена, в рядах которой принял участие в финляндской кампании, за бои при осаде Свеаборга награжден орденом Св. Георгия 3-й степени с назначением командиром пехотной дивизии. Особо отличился в Отечественную войну 1812 года. Под Смоленском был ранен в руку. Под Бородином, возглавляя арьергард русской армии, был контужен ядрами в руку и поясницу. 6 сентября назначен помощником М.И. Кутузова. За бои в Вильне награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Награжден рядом российских и иностранных орденов. Командуя гренадерским корпусом, под Люценом был тяжело ранен в ногу. В числе двенадцати русских генералов получил звание – «Герой Отечественной войны 1812 года». В боевых походах Петр Петрович возил с собою икону св. Николая Чудотворца с надписями: «Напутствовал в войнах», «Не нам, не нам, но Имени Твоему!» 2 декабря 1815 года назначен военным министром, а 25 ноября 1819 года – главным директором военно-учебных заведений. 2 декабря того же года – член Государственного Совета. 12 декабря 1819 года Высочайше возведен с нисходящим потомством в графское Российской Империи достоинство. Был обвенчан с Анной Ивановной Римской-Корсаковой, в браке имел четырех сыновей и одну дочь. Скончался 28 августа 1822 года в родовом поместье в селе Кярово, Гдовского уезда, Петербургской губернии. Прах его был погребен слева у алтарной части внутри Покровского храма в Кярово. 26 августа 1912 года Копорский пехотный полк (в 1812 году входил в дивизию генерала Коновницына) наречен 4-м пехотным Копорским генерала графа Коновницына полком.

Будучи глубоко верующими людьми, Коновницыны, по дошедшим до нас сведениям, построили на свои деньги три церкви: Покровскую каменную, на месте бывшей деревянной – в селе Кярово, Казанскую деревянную – в Святых (Пушкинских) горах на Тимофеевой горке, и не сохранившуюся Покровскую каменную в селе Поляны (совр. Пушкиногорского района).

Третий ребенок Петра Петровича – Иван (1806–1867, 1871?), родился 16 сентября, окончил в 1825 году Пажеский корпус и был зачислен прапорщиком в конно-артиллерийскую роту, позже переведен в батарейную роту лейб-гвардии Конной артиллерии. В декабре 1825 года был арестован за сопротивление, оказанное при присяге Императору Николаю I, но вскоре был освобожден и направлен к месту службы в артиллерию на Кавказ. Участвовал в боях с горцами и в Русско-Турецкой кампании 1828–1829 годов. В 1836 году вышел в отставку в чине капитана с запрещением проживать в столицах. Запрет был снят в 1842 году. С 1843 года – директор конторы Харьковского коммерческого банка, с 1854 года – гдовский уездный предводитель дворянства.



Кярово. Усадьба графов Коновницыных. Фото нач. XX в.

У Ивана Петровича было два сына, младший Алексей Иванович (1855–1919) родился 30 марта, окончил Морской корпус в 1875 году. Служил в Гвардейском экипаже русского флота, участвовал в Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов, в составе экипажа военного корабля совершил

кругосветное плавание. В 1880 году в чине лейтенанта вышел в отставку. С 1881 по 1891 годы – предводитель васильковского уездного дворянства. Служил в Русском обществе пароходства и торговли в Одессе. Современник вспоминал рассказ, переданный ему Алексеем Ивановичем с негодованием и дрожью в голосе: «Среди гогочущей толпы евреев в Одессе шла собака, увенчанная императорской короной на голове, и к хвосту ее был прикреплен русский национальный флаг!» Этот случай, как и многие иные случаи глумления евреев над чувствами русских, был напечатан в местных газетах. Подобные инциденты подвигли Алексея Ивановича в конце 1905 года на создание отделения «Союза Русского народа» в Одессе. Одновременно, возглавив отделение Союза, (до 1911) Алексей Иванович создает радикальную правую газету «За Царя и Родину» и становится ее редактором. Им инициируется также создание артелей портовых рабочих, находившихся под контролем Союза, и организация боевых дружин. Позже в эмиграции, в далекой Аргентине, сын его Александр Алексеевич вспоминал разговоры отца: «Он говорил, что «Союз Русского народа» – это первая попытка опереться на массы, попытка создания защищающего трон народного движения. Но это движение скомпрометировали, сделали из его членов так называемых чернорубашечников, спаивали их и т.п. И виноват в этом был, главным образом, Витте, он боялся создания монархического политического движения в России. Витте был против того, чтобы дать русскому народу возможность развиваться в исторически-традиционном направлении». В 1912 году А.И. Коновницын написал и издал в Петербурге труд «Подвиги славных предков в годину Отечественной войны» с ценными сведениями по истории своего рода. С началом Первой Мировой войны, в 1914 году, Алексей Иванович организовывает сбор пожертвований и вносит свою лепту в пользу Русской армии. Вскоре он в должности начальника санитарного поезда, созданного на средства московского дворянства, отправляется на фронт.

В 1917 году семья собралась в родовом имении в селе Кярово. В конце ноября 1918 года их мирный покой был нарушен чекистами, нагрянувшими с обыском. Были захвачены Алексей Иванович и его старший сын Николай. Советской властью им вменялось в вину хранение оружия (маузер, браунинг, сабля, кинжал и бинокль), а также участие Алексея Ивановича в деятельности «Союза Русского народа». «Бывшего графа Алексея Коновницына и его сына Николая Коновницына, бывшего поручика – расстрелять», – так гласила резолюция из чекистского дела № С-5820, от 5 января 1919 года. Николаю Алексеевичу чекисты предлагали поступить в Красную армию военным инструктором, но он отказался. Как это ни странно, но гдовские чекисты, не в пример своим подельникам на местах, побоялись расстреливать заключенных своим решением и обратились за утверждением приговора к губернскому начальству. Жители четырех деревень Ужово, Копылово, Минково и Петровское обратились в гдовскую ЧК с ходатайством об освобождении графов,

Семья графов Коновницыных. Сидят: Мария Николаевна, Иван Петрович, Анна, Эммануил. Стоят: Григорий, Петр, Александр, Николай. На руках у родителей (в центре) сын Алексей, будущий гдовский мученик. Фото конца 1850-х гг.

приводя в пример их всегда доброе отношение к крестьянам, предлагая их взять на поруки. Алексей Иванович, не вынеся тюремных условий, тяжело заболел. Заведующий тюрьмой доносил в гдовскую ЧК: *«Сообщаю Чрезвкому, что арестованный Алексей Иванович Коновницын, обвиняемый в контрреволюции, 10 сего января был отправлен в гдовскую советскую больницу, где и оставлен доктором в больнице на излечении, почему прошу снестись с командиром советской роты об усилении конвоя при больных арестованных Исправительного дома, находящихся в больнице на излечении».* Вскоре пришла резолюция губернского ЧК: «Расстрел бывших графов санкционируем. Скороходов, Лобов, Ратнер, Леонов». Дело также было передано для вынесения заключения уполномоченному ЧК, который подытожил:

«Коновницыны хранили оружие из любви к нему, что на пролетарском языке означает, что ждали удобного случая, чтобы выступить с ним в защиту своих «братьев». К тому же имеется и большая заслуга Алексея Коновницына: состоял в «Союзе Русского народа», – а посему приговорены к расстрелу правильно».

26 марта 1919 года Николай Алексеевич, не отдавая себе полностью отчет о сущности новой власти, пишет чекистам из тюрьмы письмо: «Истекло четыре месяца после моего ареста и последующего заочного приговора

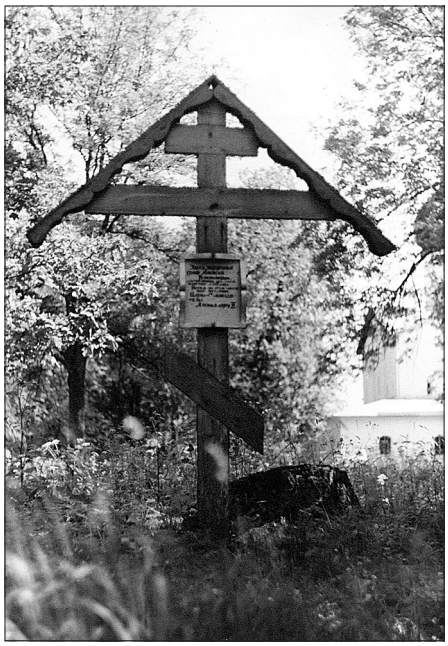
Гдов. Общий вид города. Фото нач. XX в.

к смертной казни, я же пребываю по-прежнему в тюрьме. Прошу ускорить разрешение моего дела и представить мне свободу для служения Родине». 5 апреля 1919 года от неминуемой смерти его спас внезапный храбрый рейд на Гдов отряда под командованием подполковника С.Н. Булак-Балаховича. Чекистам удалось до занятия города белыми убить нескольких заключенных. В числе их жертв оказался и старый граф. Обессиленного болезнью Алексея Ивановича чекисты вынесли из больничной палаты на простыне и, застрелив, бросили тело в придорожную канаву. Прах графа А.И. Коновницына в присутствии сына Николая белые успели похоронить с воинскими почестями на территории Гдовской крепости.

В 1990-х годах настоятелем крепостного храма во имя иконы Державной Божией Матери протоиереем Михаилом Женочиным и прихожанами был изготовлен и воздвигнут на месте погребения графа А.И. Коновницына крест-голубец, с памятным текстом.

Николай тут же вступил добровольцем в Конный полк Булак-Балаховича.

После ухода отряда белых в Эстонию, вернувшиеся в Гдов красные отрядили группу чекистов в Кярово. Ночью в имении Коновницыных были арестованы Софья Макаровна, супруга убитого Алексея Ивановича, средний сын Петр и младший Александр. Отсидевшим более месяца в гдовской тюрьме Коновницыным, было объявлено, что они будут как заложники сосланы в Соловецкий концлагерь. Преследуя цель личного обогащения, трое чекистов доставили арестованных в их родовое имение Кярово, где допытывались от Софьи Макаровны о спрятанных драгоценностях. Обеспокоенный судьбой своих родных,



Гдов. Крепость. Крест на месте захоронения убиенного графа Алексея Ивановича Коновницына († 1919)

Николай Алексеевич чудом узнал от «языков», что семья ночует под арестом в родном Кярово, и ночью с двумя конниками пробрался из Эстонии в имение. Двух из чекистов они убили, третий убежал. Семью переправили к верному лесничему, а позже – в Эстонию.

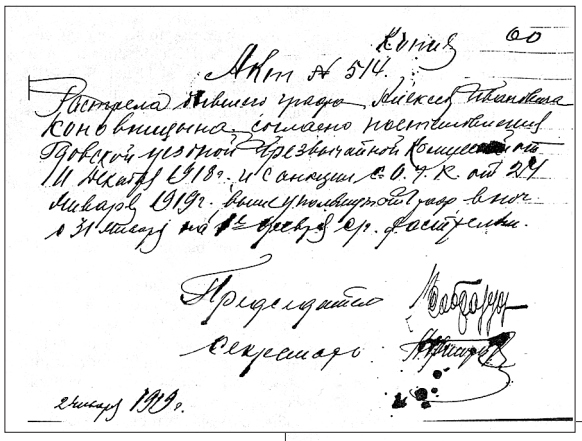
У Алексея Ивановича и Софьи Макаровны было четверо детей.

Старшая дочь Наталья окончила Смольный институт. В годы Первой Мировой войны пошла на фронт сестрой милосердия и попала в немецкий плен со всем лазаретом. В годы Гражданской войны в Крыму – сестра милосердия в Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

Старший сын Николай (1896–?) – выпускник Пажеского корпуса, поручик лейб-гвардии Драгунского полка. Участник Первой Мировой войны, награжден орденами Св. Анны 4-й степени с мечами и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В Северо-Западной Добровольческой армии (СЗДА) генералов Н.Н. Юденича и А.П. Родзянко в Конном полку Булак-Балаховича, дослужился до чина ротмистра. В годы Второй Мировой войны вступил добровольцем в ряды Русского охранного корпуса в Югославии, в котором служил в чине лейтенанта в 4-м полку. Командовал конным взводом. Ранен 21 февраля 1945 года.

Средний сын Петр (24.09.1901–29.07.1965) окончил шесть классов Пажеского корпуса, поступил добровольцем в Северо-Западную армию. Позже проживал и скончался в США.

Младший сын Александр (1905–1998) – кадет Александровского и Пажеского кадетских корпусов. Вольноопределяющийся 1-го Георгиевского полка Северо-Западной армии. Участник Петроградских походов, Александр Алексеевич вспоминал: «Я имел эту честь… Я чувствовал, что исполнял свой долг:



Копия

Акт № 514.

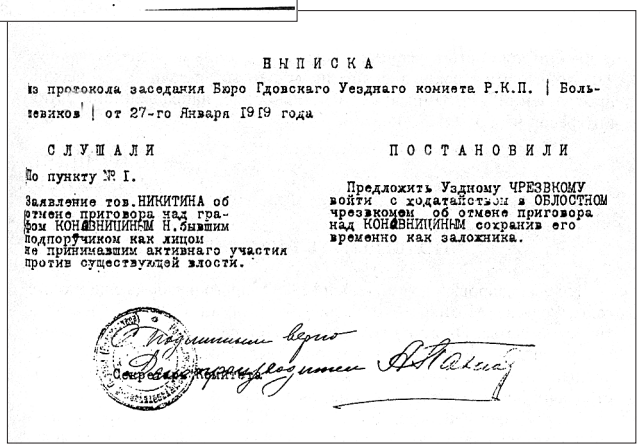
Расстрелян бывший граф Алексей Иванович Коновницын согласно постановления Губернской чрезвычайной Комиссии от 11 января 1919 г. и с анкетой № 0.7.К. от 22 января 1919 г. Выше упомянутый граф в ночь с 31 марта на 1 апреля 1919 г. расстрелян.

Председатель

Секретарь

январь 1919 г.

Акт Гдовской ЧК о расстреле гр. А.И. Коновницына



ВЫПИСКА

из протокола заседания Бюро Гдовскаго Уезднаго комитета Р.К.П. | Большевиков' | от 27-го Января 1919 года

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
По пункту № I. Заявление тов.НИКИТИНА об отмене приговора над графом КОНОВНИЦИНЫМ Н.бывшим подпоручиком как лицом не принимавшим активнаго участия против существующей власти.	Предложить Уездному ЧРЕЗВКОМУ войти с ходатайством в ОБЛОСТНОМ чрезвкомом об отмене приговора над КОНОВНИЦИНЫМ сохранив его временно как заложника.

Подлинный верно

Секретарь

Выписка о приостановке приговора о расстреле подпоручика гр. Н.А. Коновницына и «сохранении его временно как заложника»

Граф Николай Алексеевич Коновницын. Фото 1930-х гг.

отдать свою жизнь за Веру Православную, за Царя и Отечество! Как только я увидел эту возможность, я поступил в Армию. И моя мать меня благословила». После исхода Армии в Эстонию, чудом остался жив, бежав из тифозного барака. Из Эстонии переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия). В 1920-е годы выехал во Францию, где зарабатывал себе на жизнь в Биаррице и других европейских городах, давая уроки игры в теннис и выступая в балалаечном ансамбле. Решив продолжить борьбу с левыми, при оккупации значительной части Франции вермахтом сотрудничал с немцами. В 1944 году был вынужден бежать от преследований французскими властями коллаборационистов в Южную Америку. Поселился с дочерью в Аргентине. Преподавал французский язык и служил декоратором. Под именем «А. Ведов» играл в постановках Общества друзей русского театра. Был деятельным участником культурной и общественной жизни русской колонии в Аргентине. Старейший член Объединения кадет Российских кадетских корпусов за рубежом. Последний паж. Последний северо-западник. Александр Алексеевич скончался 23 марта 1998 года на 93-м году жизни в провинции Буэнос-Айрес, Аргентина.

Граф Александр Алексеевич Коновницын. Фото 1920-х гг.

Потомки славного российского рода посещают родовое имение. Так, в 1994 году в Гдов и Кярово приезжал граф Николай Сергеевич Коновницын. В фондах Гдовского музея хранятся портрет и «Записки» С.Н. Коновницына, скончавшегося недавно в Перу. Летом 2000 года родовые места навещали А.П. и П.А. Коновницыны, последний проживает в Калифорнии и служит церковным старостой в одном из приходов Русской Православной Церкви Заграницей. Впечатление от современной России (Москва, Петербург) они вынесли тягостное и, по их словам, лишь здесь в Кярово «их души оттаяли».

Примечания:

* В действительности легендарное происхождение родов «выезших из Прус» в Москву в царствование Великого Князя Василия Димитриевича, сына Донского, каковых насчитывается более двухсот, восходит, по убедительному свидетельству известного генеолога, действительного члена Императорского Русского археологического общества П.Н. Петрова (приводимому в «Истории родов русского дворянства», т. I, СПб, 1886. С. 9-23) к древним родам северо-запада Руси (новгородским и псковским), нашедшим приют в Москве с начала XIV в.

Роды эти ведут свое начало от «мужа честна» Радши (Ратислава), в крещении Стефана, упоминаемого под 1146 г. в Новгороде. Роды, ведущие свое начало от Радши-Ратислава «выезжего из немец» – коренные новгородские и псковские и, возможно, происходят, как и линия Рюрика, из юго-западной Прибалтики (южной Ютландии и земель полабских славян, либо коренные новгородские); на это указывают и славянские имена их. Потомки линии рода Ратши-Ратислава занимали высокое положение в Новгороде и Пскове. Среди них следует упомянуть прп. Варлаама Хутынского, героя Невской битвы Гаврила Алексича, ряд новгородских посадников, будущих бояр Романовых и представителей Царствующего Дома Романовых.

Источники и литература:

1. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 6. Репринт – М., Большая Российская Энциклопедия – Экономическая газета. 1997. С. 165.
2. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. СПб, 1995. С. 201-202, 503-505.
3. Иванов Е.П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 7-9, 15 и далее.
4. Отечественная история. БРЭ. Т. 3. М., 2000 г. С. 11-13.
5. Меньшиков М.О. Письма к русской нации (Пути русского имперского сознания) / Сост., вст. ст. и примеч. М.Б. Смолина. М., 1999. С. 64.
6. Панчишин И., Пузанов А. Графское дело // Новости Пскова. 1999. 15 марта.
7. Ар-ский К. [Аренсбургер К.Е.] Генерал-партизан Булак-Балахович. // Часовой. 1983, октябрь (№ 645). С. 28-30 (Брюссель, Бельгия); см. также Русская Жизнь. 1982, 24-26 августа (Сан-Франциско, Калифорния, США).
8. Осокин П.Г. Гдов. Исторический очерк. – Л., 1981. С. 77.
9. Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 // Прим. И.Б. Иванова. СПбГУ. 1999. С. 409.
10. Интервью графа А.А. Коновницына Н.И. Казанцеву (1995). Буэнос-Айрес, Аргентина [Фонотека]. Личный архив автора.
11. Казанцев Н.Л. Пятнадцатилетний доброволец // Наша Страна. 1997, 10 мая. № 2439-2440 (Буэнос-Айрес, Аргентина).
12. День Непримиримости на Аргентинском телевидении // Наша Страна. 1997, 22 ноября. № 2467-2468. Буэнос-Айрес, Аргентина.
13. Некролог // Наша Страна. 1998, 28 марта. № 2485-2486.
14. Переписка с Н. Л. Казанцевым.
15. Переписка с директором Гдовского музея Н.Л. Сингатулловой и ст. н. сотр. В.К. Федоровой.
16. Сообщение А.Л. и О.И. Никитиных (СПб).
17.Фотография гр. А.А. Коновницына любезно предоставлено автору Н.Л. Казанцевым (США).

И.В. Попов

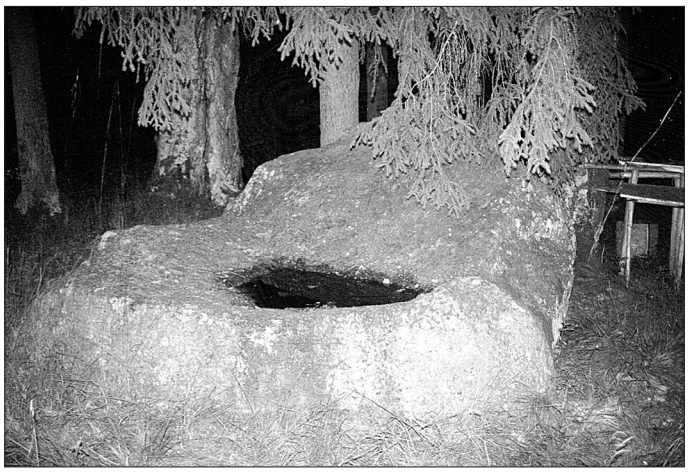
Храм блаженной Ксении Петербургской в Должицах. Посолодино – Новые Печоры

В южной части С.-Петербургской епархии, среди живописных холмов Лужской возвышенности, на границе б. Гдовского и Лужского уездов лежит старинное селение Должицы. Исторически дер. Должицы административно относилась ко Гдовскому уезду, в церковном же отношении принадлежала к приходу старинной Входоиерусалимской церкви села Посолодино (б. Лужского уезда), в древности (XVI–XVIII вв.) бывшего почитаемым всей округой пещерным Посолотиным Успенским мужским монастырем и именовавшимся «Новые Печеры». С давних пор народным почитанием пользуется место в лесу неподалеку от Должиц, где по преданию явилась в древности великомученица Параскева Пятница.

Последние три столетия эти места тесно связаны с Петербургом и не только потому, что земли эти почти два века входили в состав С.-Петербургской епархии, но и в силу того, что с северной столицей России связана судьба служивших здесь пастырей-храмоздателей, – протоиерея Петра и его сына сщмч. протоиерея Николая Кулигиных, выстроивших над местом древнего пещерного монастыря на рубеже XIX–XX вв. величественный каменный храм. С Петербургом связаны судьбы служивших здесь в 1920-е и 1940-е годы протоиерея Алексия Вознесенского († 1945) и протоиерея Феодора Михайлова († 1959), ставших в эпоху безбожия и гонений исповедниками православной веры.

Ныне духовная жизнь возрождена здесь благодаря вновь учрежденному в Должицах в 1995 году православному приходу во имя св. блаженной Ксении Петербургской. Маленький храм, инициаторами открытия которого стали проживающие здесь петербуржцы, стал центром духовной жизни Должиц и окрестностей, благодаря ему начато восстановление церковной жизни и в старинном, бывшем монастырском селе Посолодино.

Места эти древние, эпические, издавна почитаемые народом из-за бывшего здесь в давние времена явления св. великомученицы Параскевы Пятницы. Явление это, по народному преданию, произошло, неподалеку от Должиц, в сыром еловом лесу. На сохранившемся и лежащем здесь большом валуне местные крестьяне показывают след стопы великомученицы Параскевы. Сверху, в центре огромного камня, существует углубление, во всякое время наполненное водой, не пересыхающей здесь даже в самые жаркие дни. Вода эта, скапливающаяся в ложбине, а, возможно, и поступающая откуда-то из расселины в камне, почитается святой. В Ильинскую пятницу (последнюю пятницу перед Ильиным днем, память св. пророка Илии 20 июля/2 августа) сюда из Должиц и окрестных селений, расположенных даже на значительном расстоянии, приходит множество богомольцев, духовенством служится молебен св. вмц. Параскеве, люди разбирают освященную воду.



Должицы. Камень на месте явления св.вмц. Параскевы Пятницы

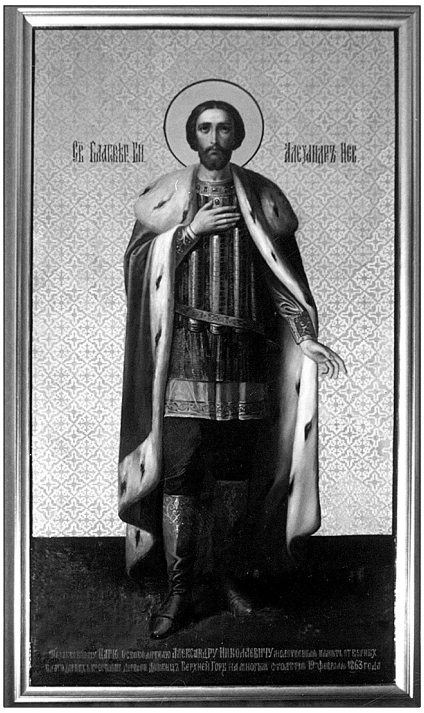
Место это, надо полагать, почитается более тысячи лет. Известно, что здесь, на Северо-Западе, места, связанные с явлениями Пресвятой Богородицы и вмц. Параскевы Пятницы,[1] обычно указывают на чтимые народом источники и, порой, на камни-следовики*. Обычно такие места превращались в места «съездов и гощений», – погосты[2], постепенно становившиеся локальными церковными (приходскими) и административными центрами в крае. Впоследствии некоторые такие центры церковной и административной жизни выросли в селения и даже города, иные – остались почитаемыми

* Археологи датируют Должицкий камень-следовик второй половиной I-го тысячелетия по Р.Х.

народом урочищами, вокруг которых сейчас нет жилых селений, но память об их древней славе живет в народе. К таковым урочищам следует отнести и то место, где лежит Должицкий камень св. Параскевы. Находится оно в 300 метрах к северо-западу от окраины села.

Вероятно, со временем, центр церковной округи был перенесен от почитаемого источника у камня в Должицах на лежащий в пяти верстах к югу пещерный Богородицкий Успенский Посолотин мужской монастырь с его пещерами и чтимым по сию пору, находящимся в пещере источником Божией Матери. В древности здесь явилась икона Пресвятой Богородицы Одигитрии «Тихвинской», находившаяся в селе до 1940-х гг., и, по свидетельству местных жителей, после закрытия храма увезенная во Псков.

Село Посолодино находится «в двухстах верстах от С.-Петербурга и в 60-ти – от Луги» и расположено «на краю ложбины при реке Черной, впадающей в реку Плюссу». Ближайшей к Посолодину станцией является ст. Плюсса Варшавской железной дороги, расположенная в 16 километрах от села.



Икона св. блгв. князя Александра Невского в храме блж. Ксении Петербургской в Должицах, сооруженная в память освобождения крестьян Императором Александром II. Надпись на иконе: «Незабвенному Царю Освободителю Александру Николаевичу молитвенная память от верных благодарных крестьян деревни Должиц Верхней Горы на многия столетия. 19 февраля 1863 года»

Бывший пещерный мужской Посолотин монастырь, известный с XVI в., (впервые упомянут в летописи под 1579 годом, т. е. 425 лет назад) был отделен от села крутыми оврагами. В древности здесь были две церкви: одна – располагавшаяся у подножия горы (или в толще горы?), считавшаяся каменной, – во имя Успения Пресвятой Богородицы, а другая – деревянная, во имя свт. Николая Чудотворца. В монастыре, в девяти келиях, жили игумен и 12 братий.

О разорении монастыря литовцами в писцовых книгах 1581–1585 гг. говорится: «*В Хмерском же погосте Посолотин монастырь Новые Печеры на речке на Черной, выжгли литовские люди. А в монастыре церковь, в горе, Успения Пречистые Богородицы, да другая церковь деревянная Николая Чудотворца клетцки верх; престолы же в обеих церквах разорены, а сосуды церковные, а свечи местные и книги поимали литовские люди. А келей в монастыре было, келья игуменская, да восемь келей братских, а в них было двенадцать братов старцов, а на пожарище остался в келье игумен Пимин, да четыре кельи братских, а в них пять братов черноризцов. Да за монастырем двор был конюшенный, сожгли литовские люди, да за монастырем же – слободка монастырская, не зжена, а воевана, а в ней двор слуги монастырский Гриша Данилов, да бобыльских дворов...(три двора), да пять дворов пусты, да место дворовое. А тех пустых дворов людей побили и в полон поимали литовские люди. Пашни паханные монастырские лесные роспаши круг монастыря, четыре четверти в поле, а в дву потомуж; сена ста копен. А в прежних писцовых книгах и в выписи написано 79 году Семена Федоровича Нагова, да князя Ивана Андомского с товарищами: дано к монастырю игумену с братиею, круг того монастыря, лесу по двенадцати десятин, на*

Пещеры на реке Черной: бывший Успенский Посолотин монастырь. Фото 1992 г.

Посолодино. Вход в пещеры бывшего Посолотина монастыря «Новые Печеры»

Посолодино. Храм над пещерами

все четыре стороны, каменного и черного лесу, бору и болота, по речке по Черной в верх и вниз, а за речку за Черную, против монастыря, промеж деревень: деревни Волосова, Захонья и Овинца и Терешиной и Посолотина. А вотчины к тому монастырю и руги, и денег, и хлеба нет».

Но и после разорения монастырь существовал, с двумя церквами: деревянной – во имя свт. Николая и каменной – Покрова Богородицы. Из хранившегося в Петербургской Духовной Консистории, от 14 января 1743 г. за № 2315, указа видно, что церковь свт.Николая сгорела в феврале 1736 г. на сырной неделе*. В тридцатых годах XVIII в. служили в каменной Покровской церкви, о которой сохранилась, в церковном архиве подробная опись, составленная в октябре 1741 г. строителем монастыря, иеромонахом Феофилактом и им подписанная. Эту опись в июле 1742 г. по указу архиепископа Новгорода и Великих Лук Амвросия, поверял Хмёрского погоста поп Елисей Михайлов. Кроме перечня церковного имущества, в описи было сказано: «*В 1742 г. в монастыре были келья строителя с перерубом, сенями и чуланом, четыре братских кельи, трапеза братская с черною печкою, келья хлебная, поварня, квасная, четыре хлебных амбара, из коих три запечатанных с хлебом. В 1738 г. октября 1-го дня по указу от подполковника*

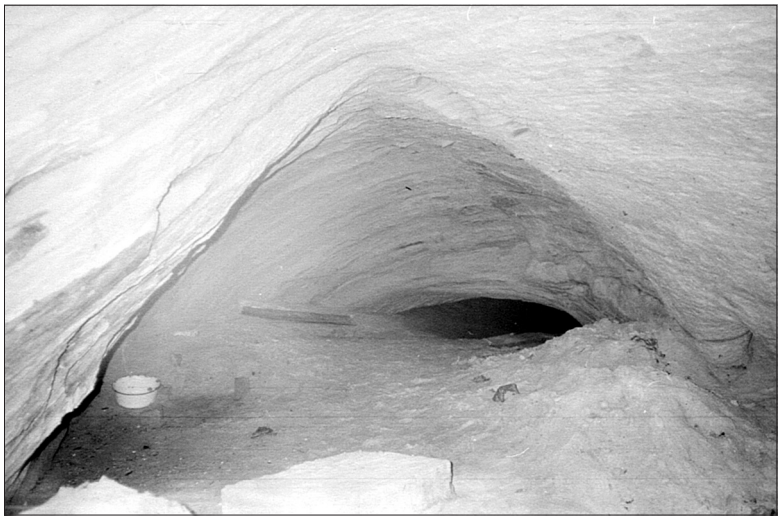
* Историко-статистические сведения по С.-Петербургской епархии. Выпуск 3. СПб. 1885. С. 46

Из описи старой деревянной Входоиерусалимской церкви села Посолодино. 1887 г.

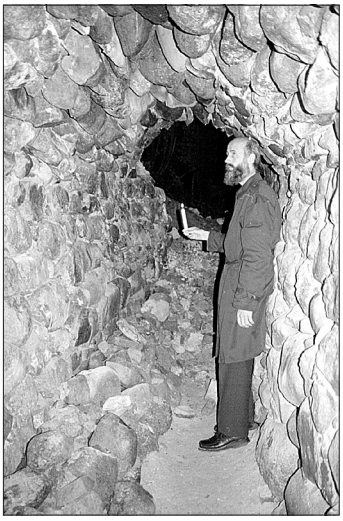
В храме достопримечательны: 1) сребропозлащенный киот с частицами мощей: Германа и Варсонофия Казанского, мученика Василия, Иоанна Новгородского, архидиакона Стефана и митрополита Ионы; 2) Чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, со следующей надписью: **«сия Чудотворная икона Спорутчицы Богородицы Одигитрии новых пещер Посолотина монастыря Новгородской области. А обложен бысть сей образ благословением перваго архиепископа Иоакима Псковского и Изборского, в лето 1626 г., после немецко-литовского разорения, при державе Государя и царя Великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца».** На иконе изображены: Святая Троица, Вознесение Божией Матери на небо, Рождество и Покров Пресвятой Богородицы и четыре Евангелиста. Икона уважается прихожанами и посторонними богомольцами. Прихожане уверяют, что их поля никогда не страдали от градобитий и приписывают это милости, исходящей от св. иконы; 3) Евангелие в лист (Москва 1657 августа 29-го), поставленное на 1 месте в описи 1741 г.; 4) Евангелие праздничное (Москва 1753), со следующей надписью: «сие святое напрестольное Евангелие Шелонския пятины, Залесской половины, Посолотина монастыря, куплено в Москве на казенные деньги, 1758 г. марта <...> дня, при строителе того монастыря Иеромон. Гаврииле»; 5) Евангелие повседневное (Москва, 1753), пожертвованнное в 1754 г. генерал-майором Симеоном Ивановым Мордвиновым. 6) Колокол в 33 пуда 12 фунтов с надписью: « 1799 марта 12-го дня колокол в Лужский уезд, в бывший уничтоженный Посолотинский монастырь». 7) Колокол в 11 пудов с надписью: Anno 1638 nile Ivan Cosmich Zilber».

В архиве хранятся: две описи монастыря (1741 и 1742 гг.), планы и межевые книги на церковную землю, отмежеванную в 1885 г., метрические книги с 1780 г. и исповедные – с 1820 г.

Историко-статистические сведения по С.-Петербургской епархии. 1887 г.



Посолодино. Пещеры. Источник Пресвятой Богородицы. Фото 1992 г.



Грот при входе в пещеру

Якова Дурнова, посланным от него капралом Семеном Дятковым, да в том же монастыре имеется монашеского чину один монах Макарий, который по сказке бывшего управителя Иесафа, что оной монах прислан в подначальство, да отставной морского флота боцман Михайло Кожевников, трудник Прокофей Нестеров, больше никого не явилось».

После литовского разорения монастырь еще раз пострадал при бироновщине (1730-1740): хлебные амбары его запечатывались, а иноки – убегали. Тем не менее, монастырь еще владел крестьянами. Он был не богат, но к 1744 г. имел 149 душ крестьян. В 1764 г., с учреждением монастырских штатов Императрицей Екатериной II, обитель была упразднена, а церковь Покрова Пресвятой Богородицы стала приходской. В церковной ограде, под крутым оврагом, до начала XX в. сохранялись остатки древней каменной колокольни и келии, под которой шел каменный вход к источнику, находящемуся в пещере. Здесь, по преданию, явилась в древности икона «Споручицы Богородицы Одигитрии» (Тихвинской), почитавшаяся чудотворной. Выше по реке Черной находилась еще одна пещера с источником «Федосеев ключок». Возможно, там некогда подвизался какой-либо инок Феодосий (вероятно, Посолотина монастыря).

Посолодино. Входоиерусалимский храм. Современный вид

В 1743 году на месте сгоревшей Никольской была построена новая, также деревянная, церковь, освященная во имя Входа Господня в Иерусалим. Инициатором ее возведения был настоятель обители строитель иеромонах Феофилакт. В январе 1743 года он просит у архиепископа Новгородского Амвросия разрешения построить, *«в погорелом месте, вновь деревянную церковь, вместо сгоревшей Никольской»*. Освящена она была при архиепископе Новгородском Стефане и простояла до начала XX века. С 1786 г. храм стал относится к Лужскому уезду С.-Петербургской губернии. В 1822 г. в церкви были устроены приделы во имя свт. Николая и Тихвинской иконы Божией Матери, сооруженные усердием Лужских помещиков Татищева и Тишкова. (Антиминсы главного и Тихвинского приделов были освящены 5 апреля 1842 г., а Никольского – в 1815 г.) Храм был небольшим и довольно тесным: длина его без алтаря составляла 8 саж., ширина – 5 саж. и 1 арш., высота 2 саж., в куполе 3.11 саж., длина и ширина алтаря 2 саж. 1 арш.) Главный храм, ставший

Приход села Посолодино состоит из тринадцати деревень, из коих при церкви находится: Посолодино и Овинец, в трех верстах от церкви – Захонье и Терешинка, в 5 – Обрядиха, Дубровка и Должицы, в 6 – Быково, Михеевка и Багонье, в 7 – Трошково, в 10 – Зеленско, в 11 – Волково. Всех прихожан, с военными, мужского пола 1209, женского – 1340.

Соседние приходы: Бобровский (Гдовского уезда), Модолицкий и Хмерский. Из деревень здешнего прихода, Посолодино, Овинец, Захонье, Терешинка, Обоядиха, Быково, Зеленско и Волково, принадлежали к Хмерскому приходу, Дубровка и Багонье – к Бельскому, Должицы к Лядскому (Гдовского уезда). Деревни: Посолодино, Захонье, Дубровка, Овинец, Терешинка и Волково упоминаются в писцовых книгах.

В приходе есть небольшое Должинское озеро и реки: Черная, с притоком Низкою и Должанка, впадающие в Плюссу. Церковь отстоит от станции Плюссы в 15 верстах; проселочная людная дорога в Гдовский уезд идет через деревни Захонье, Терешинку и Должицы. Кроме земледелия прихожане заняты извозом в Петербурге.

Прихожане усердны к церкви. От декабря до Троицы храм бывает полон молящихся; в обыкновенные воскресные дни бывает человек 400 и более.

Сельские праздники суть следующие: Покрову празднуют в Овинце, Обрядихе, Быкове, Дубровке, Захонье, и Трошкове; Тихвинской Божией Матери – в Посолодине, Овинце, Обрядихе, Быкове; Николаю Чудотворцу – в Посолодине, Терешинке и Багонье, и Должицах, Флору и Лавру – в Терешинке и Должицах, Анастасии и Положению риз Богоматери – в Волкове и Зеленске, Преображению – в Дубровке, Успению – в Захонье, Димитрию – в Багонье.

При деревнях Быкове и Зеленске есть старые кладбища, с каменными на могилах крестами. О дер. Быкове передают, будто бы здесь была когда-то церковь Успения, которую разрушили враги православия; имущество церковное, будто бы скрыто в озерке при дер. Обрядихе. На земле посолодинских крестьян, на пустоши Горка есть курган. При дер. Должицы недавно один любитель древности раскапывал два кургана. Один оказался христианским кладбищем, в другом найден был человеческий череп, будто бы монгольского типа.

Попечительство открыто по указу духовной консистории от 22 марта 1873 г. за № 990. Заботы попечительства направлялись, главным образом, на поддержку храма. По текущий 1884 год всего было собрано 1278 руб. 29 коп. Председатель его священник. Членов за последнее трехлетие было 30 человек.

Упраздненного Посолотина монастыря Входоиерусалимской церкви настоятель, благочинный, священник Петр Кулигин. 28 апреля 1884 года.

Священномученик протоиерей Николай Петрович Кулигин родился в 1870 году в селе Посолодино Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. Отец его был священником местной Входоиерусалимской церкви. В 1884 году Николай поступает в Петербургскую Духовную семинарию и по окончании ее в 1892 году становится студентом первого курса академии. Через четыре года, в 1896 году, Николай заканчивает ее со степенью кандидата богословия, которую ему присваивают за диссертацию «Св. Василий Великий как моралист». Вскоре после этого, в 1897 г., он был рукоположен и определен на священническую вакансию своего отца, в храм родного села Посолодино, где протекали первые пять лет его пастырского служения. В эти годы молодой иерей заканчивает строительство нового храма в Посолодине, возводить который начал еще его отец. Прежний храм был деревянный, и к концу XIX века пришел в ветхость. Это побудило настоятеля и прихожан взяться за постройку каменной трехпрестольной церкви. Завершение этого ответственного и трудоемкого дела легло на плечи отца Николая.

Священномученик Николай Кулигин

«*30 июля,* – сообщал «Санкт-Петербургский духовный вестник» (1901 г., с. 361), – *происходило торжественное освящение вновь сооруженного храма в с. Посолодине. Новый храм, расположенный на высоком холме, виден со всех сторон издали и имеет весьма величественный вид. Постройка храма начата по инициативе покойного местного священника о. Петра Кулигина. Благодаря щедрым пожертвованиям прихожан и других благотворителей, а также энергии и неутомимым трудам теперешнего священника Н.П. Кулигина, работы по постройке шли все время безостановочно, продолжаясь всего 8 лет*». За успешное завершение строительных работ отец Николай Кулигин был награжден скуфьей. Говоря об этом периоде пастырской деятельности отца Николая, следует сказать и о том, что служение в Посолодине он совмещает с исполнением обязанностей благочинного храмов 2-го Лужского округа.

Образованный и деятельный пастырь (священники со степенью кандидата богословия не так уж часто встречались на сельских приходах), 9 октября 1902 года был переведен митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) из села в столицу и назначен настоятелем Большеохтинской Свято-Духовской церкви. Через три года, поменявшись приходами со знакомым священником, он с 5 февраля 1905 г. переводится на место настоятеля Покровской церкви села Рыбацкое Петербургского уезда. В Рыбацком о.Николай прослужит безвыездно всю свою оставшуюся жизнь, — более 30-ти лет, — вплоть до расстрела в 1937 году.

К моменту ареста о. Николая, последовавшему 26 июня 1937 года, Покровская церковь в Рыбацком была уже закрыта. Службы к тому времени совершались в кладбищенском храме Казанской иконы Божией Матери. Как и многих других, отца Николая обвинили в контрреволюционной пропаганде среди населения села Рыбацкое. О. Николай провел в тюрьме полгода, так и не признав, после четырех допросов, к которым арестованного пастыря долго и усиленно «готовили», за собой никакой вины.

7 октября 1937 г. особой тройкой управления НКВД по Ленинградской области ему был вынесен приговор о высшей мере наказания. 14 октября 1937 года, в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы, — престольного праздника той церкви, в которой прошло земное служение этого пастыря, удивившего своей стойкостью лики ангельские, протоиерей Николай был расстрелян.

7 мая 2003 г. постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви , во исполнение соответствующего Деяния Архиерейского Юбилейного Собора 2000 г., сщмч. Николай Кулигин, пресвитер села Рыбацкое, сопричислен сонму новомучеников и исповедников Российских, пострадавших во времена гонений на Церковь.

Иеромонах Нестор (Кумыш)

Посолодино. Храм Входа Господня в Иерусалим, выстроенный в 1893–1901 гг. прот. Петром и прот. Николаем Кулигиными. Интерьер храма. Современный вид

с 1868 г. теплым, был отделен от холодных приделов капитальной стеной. В 1876 г. он был перестроен и украшен на средства приходского попечительства иконами в резных позолоченных киотах.

Причт храма в XVIII веке составляли: священник, диакон, дьячек, пономарь и просвирня. Старшим из священников был Матвей Михаилов († 1793). В конце XIX в. причт включал священника, псаломщика и просвирню. Из шести служивших здесь в разное время священников трое были благочинными…

К концу XIX века при церкви числилось 54 десятины пахотной, усадебной и сенокосной земли. Церкви принадлежали два деревянных дома со службами для помещения причта. Капитал церкви наличными и в процентных бумагах составлял более пяти тысяч рублей.

Храмовая икона блж. Ксении Петербургской в церкви, освященной в ее честь, в пос. Должицы

В приходе было восемь часовен. Причт состоял из священника и двух псаломщиков и помещался в церковных домах. При церкви имелось приходское попечительство, в приходе действовали одна церковно-приходская школа и четыре училища. *(«Памятная книга по С.-Петербургской Епархии». СПб. 1899 г., с. 456–457).* Такое положение сохранялось до рубежа веков.

Деревянная церковь Входа Господня в Иерусалим, выстроенная в 1741 г., просуществовала до конца XIX в., когда при настоятельстве протоиерея Петра Кулигина, а затем его сына о. Николая, был выстроен новый каменный храм (1893–1901), арх. А.Д. Фиалковский (?). Местные жители еще помнят как их родители принимали деятельное участие в сооружении этого храма: покупали и привозили, а также обжигали на месте кирпичи для постройки церкви, как торжественно происходило освящение ее в 1901 году, какие шумели ярмарки на поле перед храмом, и как торжественно всегда и многолюдно было здесь в праздник Тихвинской иконы Божией Матери 26 июня / 9 июля.

В 1910 году крестьяне Посолодинского прихода и окрестных деревень принимали участие в многолюдных грандиозных крестных ходах, совершавшихся от станции Плюсса Варшавской железной дороги в Воскресенско-Покровский женский монастырь, совершавшихся с участием викария С.-Петербургской епархии Преосвященного Вениамина, епископа Гдовского, позже ставшего митрополитом Петроградским. Настоятелем храма в эти годы служил (с января 1903 г.) свящ. Алексий Вознесенский. В 1916 году сохранившуюся старую деревянную колокольню прежней Входоиерусалимской церкви решено было не сносить, а приспособить под «зало для собеседований» на религиозные темы. Удалось ли это сделать, учитывая происшедшие в России в 1917 г. трагические события, неизвестно.

В годы Гражданской войны через село дважды проходил фронт. Осенью 1919 года во время боев за село погиб молодой белый офицер (его имя осталось неизвестным). Похоронен он был под горой, возле пещер на старом кладбище в Посолодино, и за могилой его все советские годы ухаживали местные крестьяне, сохранив ее и память о погибшем воине до настоящего времени.

В 1920-х годах в храме с. Посолодино служил священник Алексий Константинович Вознесенский (1879–1945). Уроженец с. Поречье Шлиссельбургского уезда

Должицы. Храм блж. Ксении Петербургской. Внешний вид. Интерьер

У входа в Должицкий храм

С.-Петербургской губернии, к 1920-м гг. он настоятельствовал в Посолодино и после издания «Декларации» 1927 г. примкнул к «иосифлянам», находясь в подчинении архиепископа Гдовского Димитрия. О нем у жителей села осталась добрая память. К 1931 г. он был переведен служить в Стрельну, куда и переехал, окормляя здесь иосифлянскую общину. С момента ареста архиепископа Димитрия и причта храма «Спаса-на-Крови» служил тайно. 12 июня 1931 г. был арестован по делу Ленинградского филиала «Истинно-Православной Церкви». Обвиняясь в том, что «... скрывался от ареста, устраивал тайные богослужения, вел контрреволюционную агитацию». 18.11.1931 г. был приговорен к заключению в концлагерь на три года, которые и провел в Соловецком лагере (г. Кемь). 22 июля 1933 г. был досрочно освобожден и поселился в Новгороде, где служил во время войны (Новгород был до 1944 г. занят немецкими войсками). Вновь арестован 21 февраля 1945 г. (без предъявления обвинения). 1 марта 1945 г. был переведен в тюремную больницу, где и скончался «от сердечной недостаточности» 18 июля 1945 года в возрасте 66 лет.

Храм в Посолодино действовал до конца 1930-х годов. Совершались еще службы в самой церкви, народ также ходил молиться в пещеры, на источник, в Должицы и на «Федосеев ключок», располагавшийся на берегу реки Черной, выше села. К тому времени «Федосеев ключок» совсем иссяк, но несмотря на это духовенство по традиции продолжало ходить туда и служить молебны. Известна реакция местных крестьян, которые приходили к иссякшему ключу из смирения и почтения к духовенству, говоря между собою: «Да там ничего не было, у попа придумано было».

Закрытый в 1937 или 1938 г., храм был разорен, а служившие здесь пастыри – репрессированы.

В годы войны (1941–1943) в храме недолго совершались богослужения жившим неподалеку прот. Феодором Михайловым (1903–1959), священником Псковской миссии. Уроженец здешних мест, служивший с 1924 года диаконом в Воскресенско-Покровском женском монастыре в Нежадово, а позже ставший священником, о. Феодор после 1927 г. примкнул к «иосифлянам», служил с 5 марта1928 г. священником в храме «Спаса-на-Крови», в 1929 г. был арестован, осужден, находился в концлагере на Колыме. Перед войной, в марте 1941 г. был освобожден, вернулся на родину в Плюссу, где жил у родных. После прихода немецких войск начал служить, вошел в состав Православной Псковской миссии. Совершал богослужения в храмах Лужского и Гдовского уездов, примыкавших к месту жительства (дер. Манкошев Луг близ ст. Плюсса). С 1943 г. служил в Пскове, был эвакуирован в Ригу, позже – в Германию. После войны проживал в США, где служил настоятелем в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке. Скончался в 1959 г. Похоронен на кладбище Свято-Тихоновского мужского монастыря в Пенсильвании.

После войны, очевидно, какое-то время посолодинский храм числился действующим, богослужения в нем совершали «входящие» священники из близлежащих, остававшихся открытыми приходов. С возобновлением гонений на веру, повидимому, уже во второй половине 1940-х гг., он был закрыт.

До 1960-х гг. местные крестьяне продолжали ходить в Ильинскую пятницу в Должицы. Порой богомольцы составляли целую процессию, направляясь туда крестным ходом. Когда однажды в 1960-е гг. такой крестный ход шел в Ильинскую пятницу к камню в Должицах, на горе, неподалеку от поселкового магазина, ему навстечу выехал председатель местного колхоза. Возмущенный проведением открытой «религиозной процессии» на подведомственной территории, он запретил совершать крестные ходы. Но люди и позже продолжали приходить молиться в Должицы, в пещеры и в закрытый храм в Посолодино. Иконы и другие святыни из разоренного храма были сохранены в крестьянских домах, часть их увезли во Псков.

До начала 1990-х гг. еще находился на храмовой колокольне последний церковный колокол, который в 1992 г. был украден какими-то злоумышленниками и по слухам в качестве цветного лома увезен ими в Литву. Православных жителей в приходе осталось немного, их постепенно стали вытеснять мигранты чеченцы, обосновавшиеся в здешних местах и начавшие активную вырубку лесов вдоль Варшавской железной дороги.

В 1995 г. по инициативе проживающих в Должицах петербуржцев, в первую очередь Марии Викторовны Кузнецовой, здесь был создан приход во имя св. блж. Ксении Петербургской. Общине был передан небольшой домик, в котором была освящена домовая часовня во имя св. блж. Ксении Петербургской, позже обращенная в домовую церковь. Освящение часовни было совершено благочинным Плюсского округа игуменом Романом (Загребневым), в 1997 г. в общину был назначен

настоятелем священник Олег Жук, приехавший сюда из Шлисельбурга; 12 февраля 1997 г. он был во Пскове архиепископом Евсевием рукоположен во священника и назначен окормлять приходы в Плюссе и Должицах. 24 декабря 1999 г. свящ. Олегу Жуку был выдан антиминс для Ксенинского храма в Должицах и дано благословение совершать Божественную литургию в этом маленьком храме со скромным иконостасом и бумажными, по преимуществу, иконами. Таким образом домовая часовня в Должицах была обращена в домовый храм. Иконостас был сделан местными жителями. Недавно в храм была пожертвована находившаяся до 1960-х гг. в местной часовне (разрушенной в хрущевское время) икона св. блгв. кн. Александра Невского, сооруженная в 1863 г. должицкими крестьянами в благодарность Императору Александру II в память освобождения крестьян. Сохраненная местными жителями Николаем и Тамарой Папушкиными, ныне она отреставрировна и составляет достояние общины. Сам батюшка проживает при храме с помогающими ему за богослужениями сыновьями. В Ильинскую пятницу в Должицы собирается немало богомольцев, принимающих участие в крестном ходе на камень с источником св. вмц. Параскевы Пятницы.

Камень на месте явления св.вмц. Параскевы Пятницы в Должицах

С 2001 г. регулярными стали богослужения в стенах Посолодинского храма. Здесь свящ. Олегом Жуком, приезжающим из Должиц, совершается молитва (в храме служатся молебны и заупокойные литии). Пастырь, возносящий молитвы в этом скромном храме, надеется, что по молитвам храмоздателя св. священномученика Николая Кулигина выстроенный им в начале XX века храм возродится к новой жизни.

Примечания:

[1] По свидетельству известного русского этнографа XIX века С.В. Максимова: «Начиная с крайних границ болотистой Белоруссии, от берегов Десны и Киева до далеких окраин Великороссии и Белого моря – поклонение образу Параскевы-Пятницы... остается до сих пор неизменным и всенародным. Точно таким же образом всюду на этом громадном пространстве земли, населенном православным людом, целебные родники-криницы и святые колодцы поручены особому покровительству святой Пятницы. Эта связь имени Пятницы с источниками текучих вод не ограничивает силы народных верований в нее как защитницу вообще воды...»

Почитание св. вмц. Параскевы (св. Пятницы) восходит к первохристианским временам на Руси, когда обращение в христианство было большею частью внешним и пользовалось готовыми формами старой веры, более или менее удачно видоизменяя или приспособляя к ним обрядовую часть церковного чина.

«Пятница – пятый день в седмице, считая от воскресения. Этот день по преданию церковному православные христиане проводят в посте, в воспоминание страстей и распятия на кресте Господа Иисуса Христа. В пятницу многие по суеверию ничего не делают (т. е. «празднуют»), вследствие того, что этот день в древности (преимущественно в литовско-русских, балтийских и северо-западных землях. – *Ред.*) был посвящен богине Сиве (лит. seewa – богиня плодородия). Культом Сивы объясняется суеверное уважение, питаемое русскими простолюдинами к пятнице как дню, посвященному этой богине». Аналогично и у соседних, германских народов, пятница (нем. Freidag, англ. Friday, шведск. Fredag) была днем, посвященным Фрейе (Freia), также богине плодородия .

Кто в пятницу дело начинает, у того оно, по пословице, будет пятиться <...> Особенно же уважаются в народе издревле двенадцать пятниц, которыя бывают перед большими праздниками <...> До сих пор хранят и переписывают старинное сказание о двенадцати пятницах, почитаемое старообрядцами наравне со Священным Писанием.

Во время неурожаев, засухи и сильных дождей, вредных для посевов, а равно по случаю падежа скота и появления червей были празднуемы «обетные» пятницы, в XVI веке писались в таких случаях целым миром заповедные записи. <...>

Константинопольский патриарх окружною грамотою 1589 года к литовско-русским епископам запрещал праздновать день пятницы наравне с воскресеньем. Стоглав свидетельствует, что в его время ходили «по погостам и по селам, и по волостем лживые пророки, мужики, и жонки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им являются св. Пятница и св. Анастасия (имя это греческое и значит – воскресение, первый день недели, названный в христианскую эпоху воскресением, у язычников был посвящен солнцу – dies solis, sonntag) и велят им заповедати хрестьяном каноны завечивати; они же заповедают крастьянам в среду и в пятницу ручного дела не делати и женам не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иные заповедают богомерзкие дела творити».

Действительно, часто в церквах можно видеть иконы, где одновременно изображены вмц. Параскева (греч. – пятница) и мц. Анастасия (греч. – воскресение), отразившие эту древнюю традицию перехода празднования на Руси воскресного дня (дня, в который совершилось событие Воскресения Христова) вместо пятницы.

[2] Слово «погосты» (возможно, от финского «питеаес», сарматского «пигисе» – святыня; «поесят» – погребение) издревле означало административный центр, округ, волость, где позднее появился храм и было место погребения. Митрополитом Псковским Евгением (Болховитиновым) значение этого славянского слова объясняется как съезжее место, сборный пункт жителей сельской местности, окрестных деревень, общины, волости, где при этом была гостьба, торжки, базары. По введении христианства на местах этих были сооружены церкви и назначены кладбища.

Подобные места, сравнит. «погостина» (чешск.) – съезжее место, «Gästdorf» – гостиные, торговые деревни, предусматривали гощение, т.е. пребывание гостей, – чужеземных и приехавших издалека купцов. Иногда означало место остановки и княжеской стоянки или гощения. Позднее эти избранные съезжие места были определены навсегда и на их месте учреждены погосты. Там были оставлены княжеские приказчики – тиуны, а впоследствии на таких местах (часто бывших прежде местами общественного языческого богослужения, святилищами и местами исполнения обрядов) по традиции продолжали устраиваться торги, были построены и церкви.

Л.П. Василенко

ХРАМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВЕНИАМИНА, МИТРОПОЛИТА ПЕТРОГРАДСКОГО, В МЕТАЛЛОСТРОЕ

В 1953 году в поселке Металлострой по решению Министерства Внутренних Дел СССР была построена Исправительно-трудовая колония № 5 для содержания мужчин, осужденных к лишению свободы.

По своей территории эта колония – одна из самых крупных в европейской части России. Изначально выстроенные каркасно-засыпные бараки за полувековой период своего существования были полностью перестроены на современные кирпичные корпуса.

На базе колонии функционирует предприятие по изготовлению мебели: (офисная, ученическая, мягкая и торговое оборудование). Директором данного предприятия с 1972 года является полковник внутренней службы Валентина Герчикова. Под ее руководством сформировано ядро высококвалифицированных специалистов своего дела. Это подтверждает и то, что лучшие образцы мебели неоднократно выставлялись на ВДНХ СССР, где занимали призовые места.

В 1989 году, на заре перестройки, в колонию пригласили протоиерея Владимира Сорокина прочитать лекцию. «Православие – это не лекция, – сказал тогда о. Владимир, – это исповедь, молитва и причастие Тела Христова». Слова священнослужителя оказались услышанными. В следующий раз отца Владимира пригласили в колонию уже отслужить молебен. А потом заключенные решили строить храм.

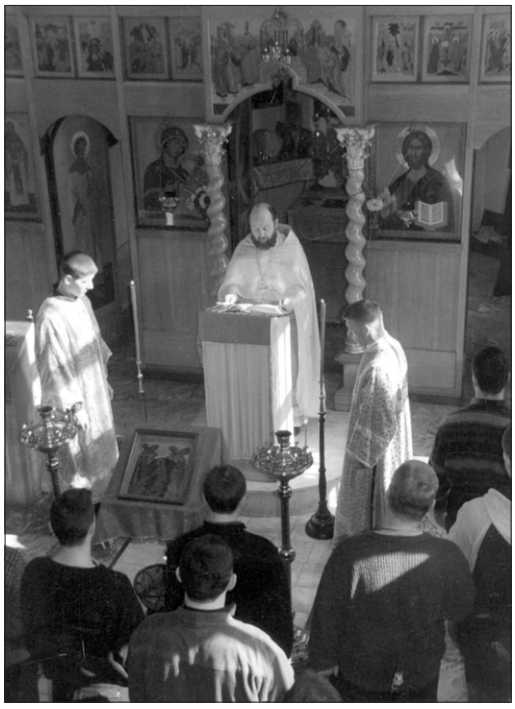
Вскоре митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (нынешний Патриарх Московский и всея Руси) совершил закладку храма, и в 1991 году строительство полностью было завершено. 11 сентября 1991 года чин освящения храма во имя священномученика Вениамина, митрополита Петроградского, совершил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Так, спустя десятилетия гонений на Русскую Православную Церковь со строительства храма в ИК-5, а постепенно и во всех учреждениях пенитенциарной системы, началось православное служение. Настоятелем этого храма стал профессор Духовной академии, протоиерей Владимир Сорокин.

Службы в храме совершаются два раза в месяц.

На молитву братия общины собирается ежедневно. Утренние и вечерние правила осужденные выполняют сами. Неподалеку от храма выстроен небольшой деревянный дом, где расположены библиотека с читальным залом и трапезная.

Храм сщмч. Вениамина, митрополита Петроградского, в Металлострое



За богослужением в храме сщмч. Вениамина. Благая весть

А.А. Александров

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ (в С.-Петербургской и Псковской епархиях)

В житиях св. Ольги ее родиной называют древнюю весь Выбутскую, что находится вверх по течению реки Великой близ Пскова. Белая церковь во имя св. Илии Пророка поднимает купола за зеленью деревьев. Маленькое сельское кладбище с низенькими оградками. Несколько новоотстроенных домиков церковного причта и еще неосвященный деревянный храм свт. Николая. Памятный знак – огромный гранитный валун с табличкой, обозначающий место погоста Выбуты (неподалеку от места, где стоял выстроенный в начале XX. величественный храм св. Ольги, разрушенный в 1930-х гг).

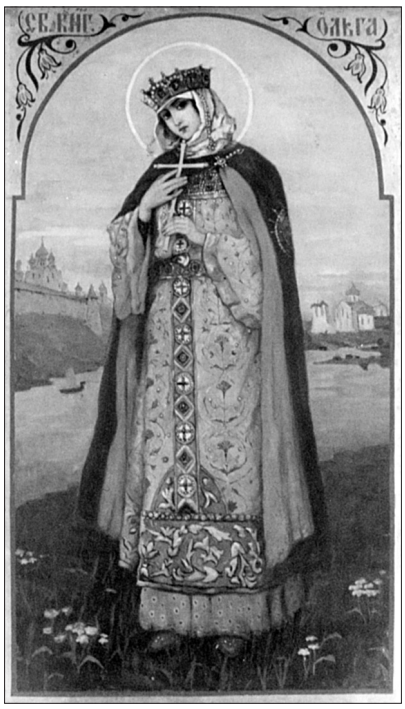
Река Великая все также величаво несет свои воды в белом ложе обрывистых известняковых берегов и перекатывается на порогах. Несколько древних курганов на берегу, их видела еще сама княгиня Ольга. На другом берегу – родник с чистейшей водой под старым колодезным срубом – Ольгин ключ. Целебная вода – лечит глаза.

Повсюду память о прошлом. Деревня, рядом с которой был родник – Волженец (Ольженец). Под ногами черный слой селища. Обрывистый берег подмывается рекой, и каждый год часть прошлого уносит вода. И так вот уже 1100 лет. А может, и больше.

Если идти по правому берегу реки к Пскову, то по дороге – несколько деревень – Паничьи Горки, Ерусалимская, Ерошиха. В первых двух на исходе XIX века еще помнили предания о княгине Ольге.

На реке Нарове, в пределах С.-Петербургской епархии сохранилось еще одно место, связанное с памятью равноап. княгини Ольги – б. погост Ольгин Крест, один из старейших погостов Северо-Запада. Древний храм, стоявший здесь, разрушен в 1944 г.

Много преданий, но мало памятников оставила по себе святая великая княгиня Ольга на родине своей, в селе Выбутах или Лыбутах (Псковской губернии и уезда). Да и те немногие существующие памятники обязаны своим археологическим интересом не всегда достоверному источнику – народному преданию, ибо только предание и сказание местных старожилов указывают на тот или другой предмет, как на Ольгин камень, Ольгины ворота, Ольгину церковь и т.д. Ни история, ни псковские летописи не упоминают и не указывают на эти памятники. Следовательно наименования, придаваемые этим памятникам, основаны исключительно на легендах, передаваемых из поколения в поколение и еще сохранившихся в памяти «стариков». Замечу, между прочим, что работа с краеведческими материалами – это тоже одна из исторических методик. Уверен, что далеко не все со мной согласятся, тем не менее, остаюсь при своем мнении.



Итак, в окрестностях Выбут имеются 19 мест, связанных преданиями с княгиней Ольгой. Предания эти были записаны разными людьми и в разное время.

Первое место на родине княгини Ольги – это место бывшей «веси» – деревни Выбуты. Здесь стоит каменная церковь XV века во имя св. пророка Илии. Когда-то рядом с ней был теплый придел во имя Николы Чудотворца. Интересно, что по местному преданию, первая выбутская церковь «тремя годами старше самого Пскова». Имеется в виду, конечно, какая-то ранняя церковь, предшественница нынешней. И основание этой ранней церкви предание приписывало княгине Ольге. По другому же преданию, в Выбутах хранились сани княгини. Возможно, к этой более ранней церкви могли относиться икона пророка Ильи XIII века и бронзовый посеребренный хорос с изображениями кентавров и львов XIII–XIV веков. В 1883 году отмечено, что «Из вещей церковных обращает на себя

Выбуты – родина св. равноап. кн. Ольги. Справа – храм св. Илии Пророка

внимание висящее среди храма медное паникадило, работы, по отзывам знатоков, итальянских мастеров IX или X в.» Судя по всему, это тот же самый хорос. Датировку IX–X веками оставляю на совести «знатоков». Местное предание, записанное в 1990 году, сообщает, что до постройки каменной церкви поблизости стояла деревянная. Когда была построена каменная церковь, народ по-прежнему ходил в деревянную и, в конце концов, ее сожгли, так что всем пришлось ходить в каменную церковь.

Со временем и каменная церковь стала недостаточно вместительной для наплыва народа. И вот тогда, в 1914 году 11 июля, то есть в Ольгин день, был заложен каменный храм в честь благоверной княгини Ольги Российской. При закладке храма присутствавали Преосвященнейший Епископ Евсевий, все руководство города и губернии во главе с губернатором камергером бароном Медемом и Великая Княгиня Ольга Константиновна, в замужестве – королева Эллинов. С ней были также Великие Князья Константин и Игорь Константиновичи. Храм был не только заложен, но и сооружен. Но в связи с началом Первой Мировой войны работы

Выбуты. Бывший Никольский придел храма св. Илии Пророка. Вдали – Ольгины Слуды на реке Великой

по отделке были приостановлены. В таком виде храм достоял до 30-х годов, а затем был разрушен. Его руины и частично вскрытые фундаменты и сейчас можно видеть рядом с церковью XV века.

Само название «Выбуты» В.Д. Смиречанский объяснял тем, что выше по течению от церкви, близ д. Волженец, песчаное дно реки сменяется известняковым, и что здесь выступает, выбивается из земли каменная порода, и дно поднимается на этом участке на 2–3 сажени, то есть на 4–6 метров. Это каменистое возвышение тянется по дну реки мимо выбутской церкви далее вниз по течению на полверсты (500 метров) и кончается подводным обрывом, после которого опять идет песчаное дно. Вниз по течению от острова на 3 версты «<...> плитняк дна реки постоянно пластами (слюда) отрывается, дно понижается и образует выбои, пороги, ступни, водопады, ямы, завалы. Вода, пробегая по этим уступам и преградам, бушует, шумит, рвется вперед с огромной силою, побеждая препоны».

Сейчас известно, что названия типа «выбуты» встречаются и в других местах. По писцовым книгам конца XVI века выявлен ручей Выбута. Известна пустошь Выбутова в бывшем Крестецком уезде Новгородской губернии. В «Толковом словаре» В.И. Даля название Выбуты производится от слова «выбут» – «бутить, заваливать яму, ров или воду камнем и землей».

Встречается и другое объяснение названия Выбуты. Тот же В.Д. Смиречанский отмечает: «Из приведенной топографии сел. Выбут будет понятно, что вы-бои, ямы, рытвины, камни в реке Великой, делающие постоянный сильный бой волн и шум, дали означенной местности и само название «Выбуты», а народ изменил его в «Любуту» (любопытное место)».

А пока от «веси Выбутской остался только храм, да на старой гравюре видны несколько домиков причта – все, что осталось от этой деревни к началу XX века.

Несколько строений причта появилось ныне, в связи с возобновлением службы в храме. Святое место пусто не бывает – древняя «весь» Выбуты понемногу возрождается.

В Выбутах и их ближайших окрестностях с именем княгини Ольги связывали несколько реально существовавших или существующих объектов. Так, по сведениям местных жителей, немного выше по течению от выбутской церкви, у кладбища, под обрывом берега реки, лет 50 назад лежал Ольгин камень – валун по размерам приблизительно вдвое меньше того, что известен у д. Бабаево. На этом камне был выбит «след Ольги» примерно 36 – 37 размера – отпечаток босой ступни с изображением пальцев ноги. Размер был такой, что можно было поставить детскую ногу в этот след. Сейчас этот камень не сохранился.

Существует изображение некоего Ольгиного камня на литографии 1882 года с подписью внизу: «Ольгин

Храм-памятник св. равноап. кн. Ольги в Выбутах

После трагических событий Русско-Японской войны и революции 1905 года королева Эллинов Ольга (Вел. Кн. Ольга Константиновна) стала инициатором и главным организатором строительства двух замечательных храмов: Спаса-на-Водах в С.-Петербурге (1910—1911) и храма во имя св. Ольги в Выбутах (1913—1917). Рескриптом от 27.09.1906 года она ходатайствует о Высочайшем соизволении на повсеместный сбор пожертвований для постройки храма на родине вел. кн. Ольги Российской в пог. Выбуты близ Пскова.

Еще ранее ею и Вел. Кн. Ольгой Александровной был поставлен в известность об этом Св. Синод, который, «в виду выраженного Августейшими особами: королевой Эллинов Ольгой Константиновной и Вел. Кн. Ольгой Александровной намерения о восстановлении храмов на родине вел. кн. Ольги», 1.05.1907 года запросил Псковского архиепископа Арсения. Преосвященный Арсений счел необходимым изучить вопрос о достоверности сведений о родине св. Ольги, о состоянии храма в Выбутах, потребностях прихода и возможности ремонта или нового строительства.

Справка прот. В. Смиречанского (в сокращенном варианте опубликована позже в «Псковских Епархиальных Ведомостях») не подтверждала и не опровергала версию рождения Прекрасы-Ольги в Волженце (погосте Выбуты). Он предлагал оставить бесплодные споры по этому земному вопросу, а сделать все возможное для сохранения ветшающих памятников старины. Обер-прокурор Св. Синода запросил мнение известного историка проф. Платонова, который, сославшись на справку прот. Смиречанского и работу Васильченко «Время основания Пскова», также считал, что на основании известных исторических источников нельзя ни доказать, ни опровергнуть народное предание о родине св. Ольги-Елены. «Необходимо со вниманием отнестись к многовековой традиции и ко всему, что предание связывает с именем св. Ольги». Преосвященный Арсений отмечал также, что «если решено будет строить новый храм, то средства на него необходимо собрать по всероссийскому сбору, поскольку местные жители не имеют для этого средств».

По поручению обер-прокурора Св. Синода церковь пог. Выбуты обследовал художник-архитектор В.М. Андросов[15] и 16 августа 1907 года представил отчет. Он обнаружил, что здание находится в аварийном состоянии: кладка стен и фундамента слабая, от времени и плита, из которой сложены стены и фундамент, и известковый раствор частично выкрошились так, что можно отдельные плиты вынимать из стен без усилий. Трещины в абсиде и алтарной арке старые, доходящие шириной до вершка, угрожающие целостности здания, которое, видимо, сползает к реке. Не помогли укреплению стен и выстроенные 30 лет назад контрфорсы, поскольку причина кроется в грунте, где известковая плита наклонно уходит к реке. Как одну из причин аварийного состояния церкви архитектор назвал и действие подземных вод: саженях в 15-20 от церкви в береге реки — ключ, возможно, подмывающий грунт.

Выводы арх. В.М. Андросова: первоначальная церковь (XIV–XV вв.) св. прор. Илии — древняя, каменная, однопридельная с главкой, холодная, с отдельно стоящей колокольней — замечательный памятник русского зодчества Псково-

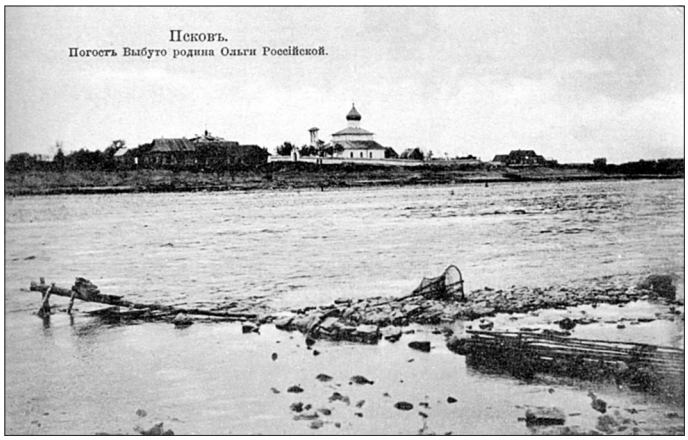
Выбуты. Храм св. кн. Ольги, заложенный в 1914 г.

Новгородского стиля, нуждающаяся в тщательном капитальном ремонте, консервации. Пристроенный к ней в начале — середине XIX века теплый придел свт. Николая, расширенный в 1875 году, арх. В.М. Андросов считал необходимым снести, поскольку он изменил конфигурацию кровли, форму барабана, общие пропорции здания. Новая штукатурка, роспись стен «под мрамор» также не соответствовала псковским традициям. Первоначальную однопридельную церковь св. Илии нельзя ни переделывать, ни расширять, ни надстраивать. Поскольку она тесна для современного прихода, необходимо строить другую церковь неподалеку, сообразуясь с архитектурными достоинствами существующей и рельефом местности.

Этот квалифицированный и аргументированный отчет был принят к сведению и был создан строительный комитет по сооружению нового храма во имя св. Ольги. Королева Эллинов Ольга приступила к выбору возможного архитектора, а также круга лиц, которые могли бы войти в строительный комитет, к исследованию возможности сбора средств, технических и художественных проблем строительства.

В комитет вошли, прежде всего, ее близкие: члены семьи Константиновичей: братья – Вел. Князья Константин и Димитрий, в юные годы участвовавшие в раскопках неподалеку от храма в Выбутах, ее племянники, среди которых был князь Иоанн Константинович, восприятый от купели в день св. Ольги

Выбуты. Развалины храма св. кн. Ольги. Современный вид



Выбуты. Фото начала XX в.

(в 1886). Вице-президентом Комитета стала Вел. Княгиня Ольга Александровна.

Еще в сентябре 1906 года Королева ходатайствовала о Высочайшем соизволении на повсеместный сбор средств на строительство храма св. Ольги, которое и последовало 26.10.1907 г. Одновременно Всероссийское общество св. Ольги 12.02.1907 г. зарегистрировало свой устав и обратилось с воззванием к православным с просьбой отозваться на сбор средств по увековечиванию памяти этой величайшей из российских жен.

После 1-й и 2-й Балканских войн и гибели короля Греции Георга I (в марте 1913 года он был убит террористом) овдовевшая Королева Ольга переезжает на родину для постоянного жительства. Она тут же активно принимается за строительство храма св. Ольги. К январю 1913 года на его строительство было собрано 2342 рубля, в том числе: от Вел. Кн. Димитрия Константиновича — 1000 рублей; от Королевы Ольги Константиновны — 1000 рублей; от Невского 1-го пехотного королевы Эллинов полка — 242 рубля; от 12-го Ахтырского Е. И. В. Вел. Кн. Ольги Александровны полка — 100 рублей. Чуть позже поступило от Вел. Княжны Ольги Николаевны — 500 рублей и от Вел. Кн. Ольги Александровны — 500 рублей.

Решительное разделение целей Комитета по строительству храма и Общества св. Ольги (состоявшего под председательством дворцового коменданта В.Н. Воейкова, которое также было создано в это время и занималось общегуманитарными проектами, позволило в 1913 году более энергично заняться строительством и собрать за год около 32000 рублей.

24 октября в Мраморном дворце состоялось первое заседание Высочайше утвержденного комитета по сооружению храма, под председательством Ее Величества Королевы. Проект храма был разработан замечательным архитектором-художником Марьяном Марьяновичем Перетятковичем (1872—1916)*. Каждый вносил свою лепту, например, любимый брат Королевы — Вел. Князь Константин Константинович способствовал участию возглавляемой им Академии наук в деле увековечивания памяти св. Ольги. В 1910 году в помещениях и при покровительстве Академии наук была устроена выставка картин художника Г.П. Кондратенко «Памяти св. Ольги», на которых он запечатлел современные ему виды окрестностей Пскова с воссозданными событиями жизни княгини.

Некоторые организационные вопросы, связанные с тем, что место будущего храма было занято огородами и хозяйственными постройками служителей Ильинской церкви, были решены весной и летом 1913 года.

На фотографии видно, что двухэтажный дом причта и другие здания находились в некотором отдалении от церкви к западу, вдоль реки. Земля, принадлежавшая сиротам предыдущего священника — о. Николая Троицкого, отходила под храм, а детям было предложено на выбор два участка и 2000 рублей на постройку отдельного дома. Участок, занятый сараем и домом просфирни также был освобожден, с предоставлением другого подходящего участка и выплатой 400 рублей на перенос дома.

На следующем заседании строительного комитета выслушали отчет о заключении В.Н. Воейковым подряда на земляные, каменные, плотницкие, столярные, штукатурные, печные, кровельные, стекольные работы с Горюшкиным и Зубченковым. Эти подрядчики обязались по смете за 78316 рублей возвести храм, притвор, звонницу и оштукатурить их. Сроки работ обеспечивались неустойками. Фундамент необходимо было начать 15.04.1914 года и закончить к 11.07.1914 году. К этому же сроку — возвести стены до окон, кроме алтарной части, в фундамент которой в день св. Ольги должны были заложить мощи св. Арсения Печерского, и после совершения закладки — продолжить работы по графику.

Торжество освящения колоколов и закладки храма привлекло десятки тысяч людей. Началось оно праздником во имя св. блгв. кн. Ольги во многих учебных, научных, благотворительных организациях, музеях и библиотеках. Почти каждое светское учреждение Псковской губернии посильным образом приняло участие в празднике.

Церковное торжество началось накануне всенощным бдением в древнем храме, за многолюдством паломников вынесенном на площадь перед храмом св. прор. Илии. Сослужили: епископ Псковский Евсевий, архимандрит Псково-Печерского монастыря Никодим, ректор Псковской Духовной семинарии прот. А. Лепорский, местный благочинный свящ. Нил Успенский и местный настоятель о. Григорий Пономарев. Несмотря на обилие молящихся, сам епископ Евсевий до 11 часов вечера помазывал всех желающих.

Наутро, 11.07.1914 года, поездом в Псков прибыли высокие гости — члены строительной комиссии и главная гостья, Королева Эллинов Ольга с двумя племянниками, кн. Игорем и кн. Константином. Прежде всего, они заехали в Псковский кафедральный собор, приложились к чудотворным иконам, поклонились св. мощам Всеволода-Гавриила, Псковского чудотворца. Затем на шести машинах отправились в Выбуты по тяжелой песчаной дороге. К 11 часам кортеж достиг Выбут, а на протяжении всего пути гостей приветствовали жители, кадеты Псковского кадетского корпуса, учащиеся гимназии св. Ольги и приюта ее имени, местных школ — во имя св. кн. Владимира и

---

* Очевидно, знакомство и взаимная симпатия Великокняжеской семьи и арх. М.М. Перетятковича возникла еще во время работы группы архитекторов и художников во главе с ним над храмом «Спас-на-Водах». В работе над проектом, кроме М.М. Перетятковича, участвовал также помогавший ему инженер С.Н. Смирнов, знаток и любитель русской церковной старины. Среди последних работ М.М. Перетятковича: храм-памятник морякам Спас-на-Водах (1910–1911, не сохранился), храм-усыпальница в им. Осташево Московской губ. (на могиле погибшего на войне кн. Олега Константиновича, не освященный), храм св. Ольги в Выбутах (не освященный, не сохранился) и неосуществленный храм Воскресения Христова в Татое (Греция) – усыпальница греческой королевской семьи.

св. кн. Ольги. Сплошной ковер цветов и ароматных трав устилал путь с трудом передвигавшихся по песку машин.

К Выбутам подъехали по окончании литургии, и сам Владыка встретил гостей на паперти св. крестом и св. водой. Епископ, приветствуя именинницу, Августейшую попечительницу королеву Ольгу, отметил ее труды: «лишь только Вы изволили стать во главе дела строительства, с мая до нашего дня построены: звонница, храм — почти до крыши».

На месте будущего алтаря, где строительные работы были задержаны на уровне фундамента, произведена была закладка мощей св. прп. Арсения Печерского, Трудолюбивого, в Дальних (Феодосиевых) пещерах нетленно почивающего (память 8 марта и 28 августа, местнопочитаемый). Как знать, не покоится ли этот серебряный ковчежец до сего времени под курганом из строительных обломков. В любом случае, место пребывания мощей свято во век.

О. Григорий освятил 9 колоколов, самый большой из которых весил 105 пудов. Они тут же плавно были подняты на звонницу нового храма. Два крестных хода проследовали к Пскову, второй, дойдя до Ольгиной часовни, вернулся в Выбуты. После исполнения русского и греческого гимнов высокие гости посетили местные школы.

22 июля 1914 года должно было состояться открытие XVI археологического съезда во Пскове, к которому тщательно готовились. Была оформлена выставка, подготовлены материалы для публикаций. Но 17 июля была объявлена мобилизация, а 19-го — началась Первая Мировая война. Несмотря на начавшиеся военные действия, строительство, по возможности, продолжалось. 16.11.1914 года был поднят крест, покрыта крыша над всем храмом, купола окрашены зеленой краской, главный купол покрыт, как и главка звонницы — медным листом с кружалами. Стены были выложены плитой, внутри — кирпичная кладка, как на сводах и столбах. Цементные полы составили 10,99 кв. сажени, деревянные — 24,6 кв. сажени.

В 1915 году оштукатурили звонницу и храм внутри, сняли все леса — внутри и снаружи. Перетяткович, совместно со Смирновым и акад. Н.В. Покровским, готовили проект иконостаса, внутреннего убранства, росписи стен и сводов на основании Византийских источников (Э.И. Успенский предоставлял свою главу из второго тома «Истории Византийских Империй» и все снимки с рукописи Манасии в Ватиканской библиотеке). Некоторые сомнения вызвало желание архитектора и художников поместить изображение св. кн. Ольги в алтарной абсиде, что не соответствовало церковным традициям, помещающим здесь только изображения мужские, за исключением Богородицы. Знаток православного искусства Н.В. Покровский нашел, что канонических воспрещений на изображение св. Ольги нет, а устоявшаяся традиция в данном случае может быть нарушена, если разрешит Св. Синод.

К январю 1916 года на строительство храма было собрано всего 60134 руб., что было недостаточно для завершения внутренней отделки храма. В 1917 году храм практически был готов, за исключением иконостаса и святых икон. Из-за последовавшей революции, германской оккупации и гражданской войны он так и стоял незавершенным вплоть до Второй Мировой войны, когда сделался объектом обстрела советской артиллерии. Немцы, отступая из Выбут в 1944 году, решили уничтожить заметную цель и взорвали оба храма. Ильинский храм постадал меньше, полностью был утрачен Ильинский придел. Ольгинских храм превратился в руины.

Местные жители с чувством вины рассказывали, что после войны приходили добывать кирпич на печи, поскольку кирпич нельзя было ни купить, ни достать. Правда, его можно изготовить, были бы песок да глина. Но власти не позволяли, «а то все печи понастроят, обеды будут готовить, огороды да скотину разведут».

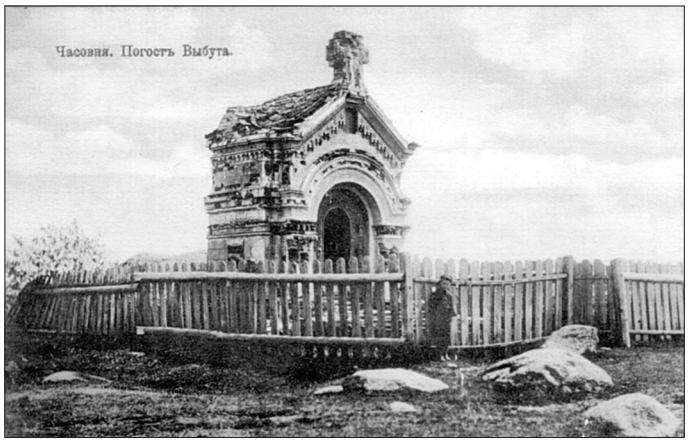
Печальна не только ранняя, безвременная кончина автора проекта храма арх. М.М. Перетятковича († 1916), но и участь самого храма, как и судьба участвовавших в его строительстве. Прот. Григорий Пономарев, живший в двухэтажном доме рядом с церковью , был вместе с семьей выслан из Выбут в 1930-х годах, дальнейшая судьба его неизвестна. Королева Ольга скончалась в изгнании, в Риме, потеряв только в России в годы смуты 18 человек родных – мучеников Царского рода.

Многое мы еще не прочли — и скрытого в летописях, и схороненного в курганах, и начертанного на камнях: все уведомления и предуказания св. Ольги, св. Владимира и сонма последующих русских святых и подвижников.

Помолясь да благословясь, бережно разберем святой холм в Выбутах, состоящий из обломков храма св. Ольги. Постараемся прочесть и понять волю Божию. Построив и освятив храм, будем в нем молиться и приносить бескровную жертву, со страхом Божиим вспоминая десятилетия кровавых жертв революции, коллективизации, репрессий, раскулачивания, войн, пьянства, наркомании. И да оживет земля Псковская, а за ней и прочие веси и города, почитающие своих праведников.

Т.И. Ганф

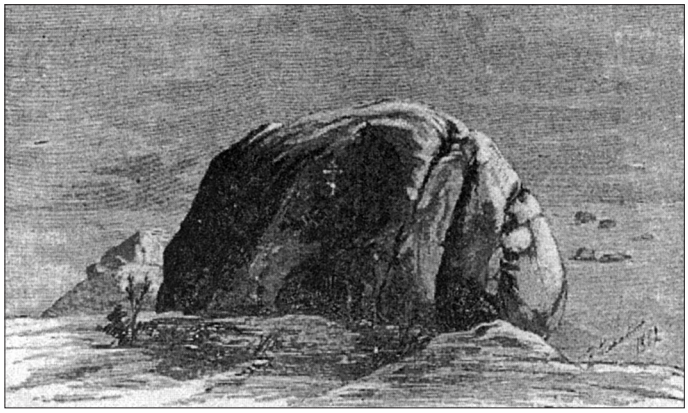
Выбуты. Храм св. кн. Ольги (слева) и св. Илии Пророка с Никольским приделом перед разрушением. Фото 1930-х гг. Публикуется впервые



Выбуты. Часовня св. Ольги на «Ольгином камне». Фото начала XX в.

камень в Выбутах близ Пскова». На боковой поверхности камня видно высеченное изображение креста. Судя по деталям на этом изображении, выполненном, кстати, довольно тщательно, видно, что это Ольгин камень у д. Бабаево, над которым стояла часовня. На заднем плане, за камнем, на литографии – ровное пространство с несколькими выступающими камнями – поле и всхолмления и слабо обозначенная, но все-таки различимая кромка луга и поля. Этот главный Ольгин камень расположен в полукилометре от реки. На другой литографии по каталогу 1908 г. рядом с этим камнем для масштаба изображены люди, и видно, что он много выше человеческого роста.

В трехстах метрах к северу от юго-западной окраины современной деревни Бабаево, за дачными участками и строениями близ южной границы выбутского карьера, и находятся остатки этого разрушенного главного Ольгиного камня – традиционного места поклонения местных жителей. По старым картам и спискам здесь находилась небольшая деревня Беклеши, носившая параллельно еще и два других названия – Першино и Веригино. Позднее эта деревня вошла в состав деревни Бабаево. Поэтому все старые упоминания Ольгиного камня обычно даются с ориентацией от деревни Беклеши.



Ольгин камень в Выбутах. С литографии XIX в.

Впервые описание этого места в 1873 году дал известный псковский краевед и историк Н.К. Богушевский:

«Не более как в 150 саженях к северо-востоку от Выбут – за деревенькой Беклеши – на пустынном низменном лугу, окруженном с трех сторон песчаными холмами, покрытом огромными обломками и изрытом глубокими ямами, возвышается громадная гранитная глыба – продолговатой формы, имеющая в длину до восьми, а в высоту и ширину до трех аршин. Глыба эта считается святою и называется «Ольгиным камнем». Почему эта громадная скала считается святою и носит имя Ольги, – я никак не мог узнать. Ежегодно во время крестного хода в память святой Ольги – из Псковского Троицкого собора в село Выбуты – у камня совершается молебствие и открывается небольшая ярмарка. Тут же предполагается со временем устроить часовню во имя святой великой княгини».

В.Д. Смиречанский упоминает еще одну легенду о камне: он будто бы принесен Ольгой во время построения храма в знак ее желания, чтобы храм был на другом месте. На каком – легенда не говорит.

В 1878 году, в связи с пребыванием в районе Выбут Великих Князей Сергея и Павла Александровичей и Константина и Дмитрия Константиновичей, также упоминается Ольгин камень. Великие Князья решили перед тем как проводить раскопки курганов в районе д. Ерусалимская, посетить Ольгин камень: «По окончании литургии Великие Князья присутствовали при молебне, который был отслужен всенародно на сельской площади, пред церковью, а затем они последовали за крестным ходом до Ольгиного камня, т.е. до того места, до которого пришедшие из Пскова иконы, провожаются местными из Лыбутской церкви. За тем Их Высочества переправились на противоположный берег р. Великой для исследования курганов...»

Во всяком случае, в 1914 году при закладке храма во имя княгини Ольги в Выбутах, «От Ольгинской часовни на камне, на котором, по преданию сидела св. Ольга и на котором показывают следы ее стоп, до самого воздвигающегося нового храма стоял народ, еще накануне пришедший к Ольгиному дню с крестным ходом из Пскова ...»

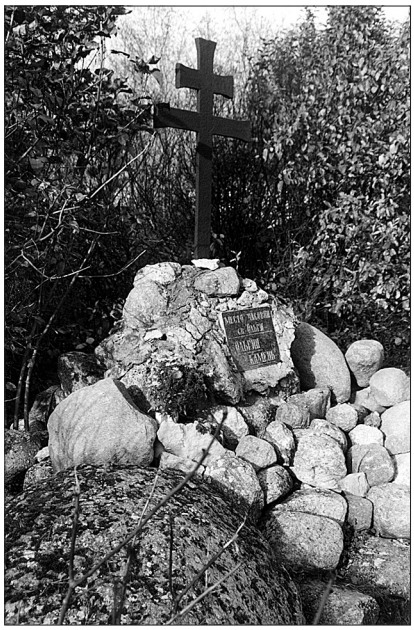
А вот первый крестный ход из Пскова до Выбут был учрежден и совершен еще в 1868 году – накануне и в память 900-летия со дня кончины Ольги в 969 году.

В 1886 году Псковским археологическим обществом в память 1000-летнего юбилея рождения княгини Ольги, отмечавшегося трем годами раньше, над камнем была построена кирпичная часовня. И вот, с того времени это место стало называться не только «Ольгин камень», но и «Ольгин крест».

Часовня над Ольгиным камнем видна на двух дореволюционных псковских открытках. При этом на той из них, где часовня видна в проекции сбоку,

различима и небольшая часть самого Ольгиного камня. Сейчас от этого высокого камня сохранилась только его нижняя часть. Это серого цвета гранит с темными и белыми включениями большого количества кварца. Самое интересное то, что согласно геологическим наблюдениям, самый знаменитый из Ольгиных камней валуном не является, а представляет собой выступ гранитной скалы, пробившей снизу известняки и вышедшей на поверхность выше уровня дерна.

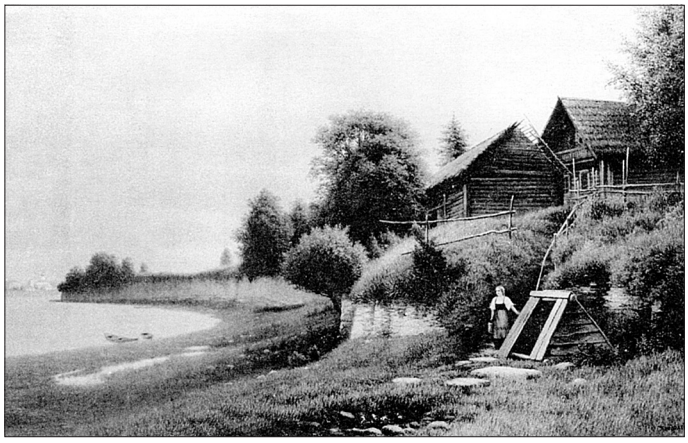
Вот здесь я хочу обратить внимание на одно существенное для моего рассказа обстоятельство. Дело в том, что гранитные выступы скал, пробивающиеся из-под дерна, такие как этот Ольгин камень, совершенно не типичны как для окрестностей Пскова, так и для русского Северо-Запада в целом. Зато они являются очень типичным элементом ландшафта в Швеции и Норвегии. Как известно, княгиня Ольга имела и отца, и мать «от рода варяжского», то есть скандинавов, да и само ее имя, как в передаче императора Константина Багрянородного, с которым она встречалась лично, так и на фреске XI века в Софии Киевской, – Helga – Хельга, что и было затем переделано в славянизированную форму Ольга. После того, как увидишь пейзажи Швеции и снова постоишь на Ольгином камне, начинаешь понимать, что оседая на Руси, пришельцы-скандинавы испытывали острую ностальгию по родному пейзажу, и, конечно, они обратили внимание на единственную в округе гранитную скалу, которая затем получила название Ольгин камень. И, между прочим, в 1,5 км к востоку, на правом берегу Великой, расположены сопки – крупные курганы, часть из которых была раскопана, и в них выявлены элементы скандинавской погребальной обрядности. А рядом с этими сопками при раскопках поселения первой половины X века, к югу от деревни Ерошиха, была найдена игла от кольцевидной скандинавской фибулы – застежки. Полтора километра через реку наискосок – это совсем немного, в пределах прямой визуальной видимости ...



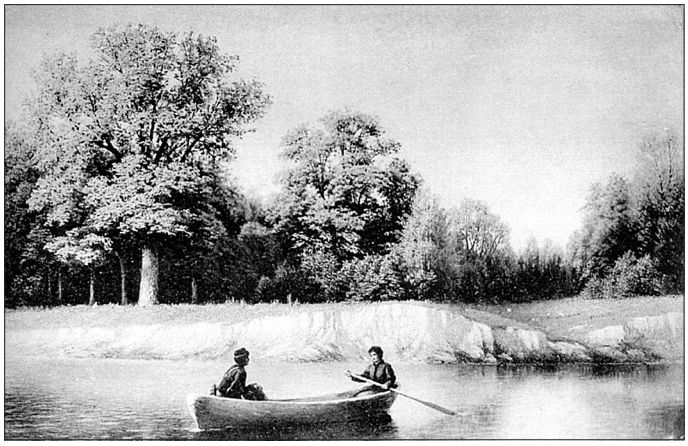
Выбуты. Крест на Ольгином камне. Современный вид

По воспоминаниям местных жителей, еще один Ольгин камень находился на западной окраине д. Бабаево. Размеры его, по рассказам, были невелики, и он в дальнейшем, в ходе земляных работ, был смещен в сторону главного Ольгиного камня. Действительно, если идти от дачных участков к главному Ольгиному камню, то слева от тропинки в группе передвинутых откуда-то камней можно увидеть небольшой валун – типичный камень-следовик с имитацией отпечатка следа небольшой ноги. Возможно, это и есть тот самый камень с окраины Бабаево.

Вот уже в третий раз в описании выбутских окрестностей я упоминаю камень с имитацией отпечатка следа человеческой ноги или, как еще называют такой тип камней, камень-следовик. Культовые и исторические камни представляют особую разновидность историко-археологических памятников, которые широко распространены на землях Латвии, Литвы, северной Белоруссии, а также в соседних с Псковской Ленинградской, Новгородской и Тверской областях (Также – в Финляндии. – *Ред.*). В ряде случаев эти камни предания связывают с христианской традицией – след на камне считается следом Богородицы или какого-либо святого (св. пр. Илии, вмц. Параскевы Пятницы и др.) Над не-



Ольгин ключ в дер. Волженец. С рисунка конца XIX в.



Переправа кн. Игоря на челноке через реку Великую (Встреча кн. Игоря с Ольгою). С рисунка Г.П. Кондратенко. 1910 г.

которыми из таких камней ставились часовни. Сейчас в Псковской области известно не менее 214 культовых камней, из числа которых 90 – это камни-следовики. Думаю, что со временем их будет выявлено много больше. Традиция почитания таких камней – не славянская. Она восходит первоначально к языческим представлениям балтийских народов – предков современных латышей и литовцев. Известно, что какие-то группы балтийского населения проживали на территории Псковской области. Наверняка, во времена кн. Ольги в здешних глухих местах еще можно было услышать балтийскую речь. Часть балтийских традиций была воспринята и местными славянами, в том числе и отдельные элементы почитания культовых камней. Затем христианская традиция «выжгла» язычество, и на местах поклонных языческих мест воздвиглись христианские святыни. Думаю, что так произошло и с Ольгиными камнями.

Однако, вернемся к описанию ольгинских памятных мест в районе Выбут. Одно из них находилось вверх по левому берегу от выбутской церкви. К юго-западу от ныне существующей деревни Покрутище когда-то находилось село Покровское: «В четырех верстах выше Выбут, на берегу реки Великой, живописно расположено село Покровское. По преданию это село составляло частную собственность («отчину») Святой Ольги. Тут стоял когда-то монастырь, ею же основанный, который будучи осквернен «Литвой поганой», был смыт рекою или провалился в реку. Достоверно то, что в часовне села Покровского сохранилось много древних икон, перенесенных туда из монастырской церкви перед разрушением ее рекою, а в самой реке часто находят каменные кресты, тесаную плиту и проч.»

В полутора километрах ниже Выбут по обе стороны острова, называемого в дореволюционной литературе Богдановский или Шацкой, известны: слева от острова – речная протока Ольгины слуды, а справа от острова – протока Ольгины ворота или иначе Ольгин Рукав. Впервые их упоминает Е.А. Болховитинов в 1831 году: «Село Выбутское, или у народа именуемое Лыбутское существует и ныне, а ниже оного в полутора верстах на реке Великой двумя рукавами около лежащего посреди острова обтекающей один рукав мельче текущий в брод по каменному дну, называется до ныне Ольгиными слудами (слуда значит подводный камень) другой же рукав поглубже Ольгиными воротами».

В 1861 году путешествовавший в этих местах И.К. Отто, также отметил, что «Ниже Лыбуты на реке лежит остров, с одной стороны в реке наполненный каменьями, которые зовутся Ольгиными слудами, с другой стороны река глубже и называется Ольгиными воротами».

В 1858 году иеромонах Иосиф (Баженов) не преминул заметить об обоих протоках: «Названия этих мест слишком ясны, чтобы их понимать как либо в другом значении и не относить к кн. Ольге».

Самое же подробное и интересное описание дает, как всегда, Н.К. Богушевский: «Несколько ниже Выбут по р. Великой находится небольшой скалистый островок, поросший травою, носящий название Шацкого. Остров этот разделяет реку на два протока. Один из них называется «Ольгиными слудами (т.е. подводными камнями), а другой «Ольгиными воротами». В этом месте – по преданию, святая Ольга, бывшая еще крестьянкой, перевезла в челноке через реку великого князя Игоря. В окрестностях Выбут по реке Великой, – начиная от дер. Вольжинец, до дер. Бабаевой (две версты ниже Выбут), прохожих и теперь перевозят через реку в челноках особенной конструкции, выдолбленных из толстых стволов осин. В таком челноке могут поместиться не более 2-х человек. Управляет челноком рыбак или перевозчик – одним веслом или багром». Как могла происходить переправа князя Игоря на таком челноке, показывает изображение на старой открытке.

Гребень X в. с изображением ладьи, найденный в окрестностях Пскова

* Итак, географическая этимология слов «слуда», «слудка» объясняется как «выход коренных пород, обнажающихся в возвышенностях или долинах рек <...> крутой берег реки, обрыв. Др.-рус. слудъва, слуда – «скала». «утес»; слудяный – «скалистый» <...> «Слуда – высокий, бугристый, поросший лесом берег большой реки» <...> «крутой песчаный берег», «гряда, заросшая сосновым лесом»; «высокий гористый берег реки, заросший лесом» <...> Этимология неясна, возможна связь со словом слуд – «пойменный луг, наслуд – «наледь», слудь – «наст» <...> «Сближается с норвеж. sludd, датск. slud – снег и дождь вперемежку, ислан. sludda – ком, слюна, сопли; верхненемец. Schlutt – грязь, оттепель» Названия этого типа есть в Ленинградской обл. – Слудицы, в Вологодской – Слудно, а также на Оке, в Коми, в Пермской и Кировской обл. и близ Оренбурга.

В связи с возможностью выхода на первоначальный пласт ольгинской топонимики Выбут, интересно посмотреть на этимологию слова «слуды».*

Выше острова в реке показывают еще один Ольгин камень. О нем упоминает только Н.К. Богушевский:

«Около Шацкого острова, сажень за двадцать от его верхней оконечности, выдвигаются из воды несколько гранитных камней. Один из них называется «Ольгиным». Предание говорит, что когда святая Ольга купалась в реке, то после купанья, камень этот служил ей местом отдохновения». Таким образом, этот камень относится к числу не археологических, а исторических объектов.

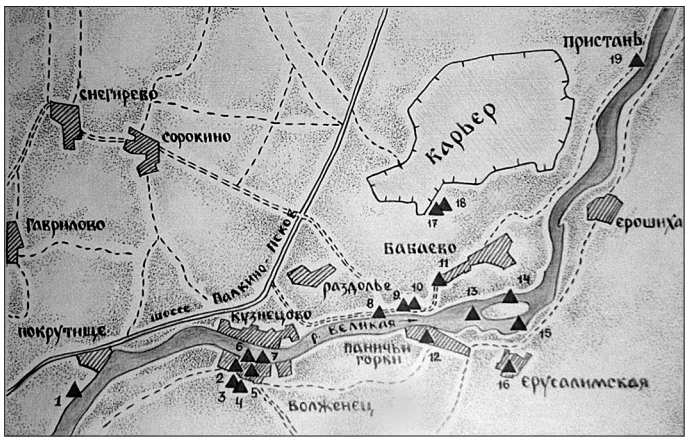
Однако самое большое количество преданий связано с д. Волженец (Ольженец) на правом берегу р. Великой. Именно здесь, между деревней Волженец на правом берегу и деревней Кузнецово – на левом, и поныне существует главный брод через реку, который в конце XIX века назывался Литовским. В 1873 году Н.К. Богушевский отметил: «Народное предание указывает на две местности в Выбутском приходе, как на места, где родилась святая Ольга: на деревню Гору или Горку, расположенную на правом берегу реки Великой, против Выбутской приходской церкви, и на деревню Выдру (Волжино, Ольжино) – деревню, находящуюся в двух верстах (вверх по течению реки) выше Выбут.

В деревне Горка «память» о святой Ольге далеко не так распространена как в дер. Выдре, потому что в Выдре (Волжиной тож) сохранились различные предметы, носящие имя св. Ольги, а в Горе их совсем не оказалось, поэтому я считаю более справедливым признать за дер. Волжиной честь называться родиной св. Ольги. К тому же самое название деревни «Вольжино» есть явное искажение слова «Ольгино». По сказанию священника села Выбут Николая Троицкого, в Выбутских метрических книгах конца прошлого столетия – деревня Выдра называется иногда «Ольгиной», а иногда «Вольгиной и Вольжиной». Выдрой называется только с недавнего времени, а именно с той поры, когда деревня Волжино распространившись вдоль берега реки, соединилась с маленькой деревенькой Выдерой или Выдрой; с этого время стали деревни Волжину и Выдру называть одним, общим именем. Жители бывшей Выдры – однако и теперь называют себя «Выдерскими», а жители деревни Вольжиной говорят: «Мы с Вольжиной», когда их спрашивают: откуда они?

В районе деревни Волженец сохранилось довольно много микротопонимики, связанной с именем княгини Ольги. Рядом с деревней во времена Богушевского видны были еще остатки фундамента какой-то постройки, носившей название «Ольгина церковь» или «Ольгин дворец». «На крутом правом берегу реки Великой, в 25 или 30 саженях, вниз по ее течению, от д. Вольжиной, на деревенском поле видны полузасыпанные землею развалины древнего, грубо из ручного известняка сложенного фундамента. Здание, от которого сохранились эти развалины, имело очевидно форму правильного параллелограмма, узкие стороны которого обращены к востоку и западу, а внутренность разделена на пять отделений, из них два больших и три маленьких. Длина всего здания около восьми, а ширина около шести сажень.

Крестьяне считают это место святым, не распахивают его, хотя оно находится посреди поля, и намереваются устроить на развалинах часовню в честь святой благоверной великой княгини Ольги, дворец которой (а по сказанию иных церковь ее, разоренная «поганой Литвой») стояла на этом месте. Тут же где-то находился сад и погреба великой княгини, «наполненные золотом и серебром», но найти или видеть их можно только в ночь на Ольгин день (11 июля)...» Далее предание сообщает, что святая Ольга была великая волшебница «<...> и наложила на свои сокровища и сады чары, превратившие ее «любимую усадьбу» в «усадьбу невидимку».

По новому стилю Ольгин день приходится на 24 июля. В ночь накануне этого дня желающие провести бессонную ночь, могут попробовать увидеть ольгины усадьбу, сады и погреба. Может быть, кому-то повезет. Все-таки, как-никак, первая русская святая. И чудеса на ее могиле в Киеве происходили. Но для этого надо очень сильно верить. Впрочем, продолжу прерванный этой ремаркой рассказ Богушевского о местной микротопонимике: «Неподалеку от развалин «дворца» находится древнее кладбище и группа могильных насыпей (курганов), в которых иногда находятся черепа, кости и обломки доспехов и оружия. На берегу реки

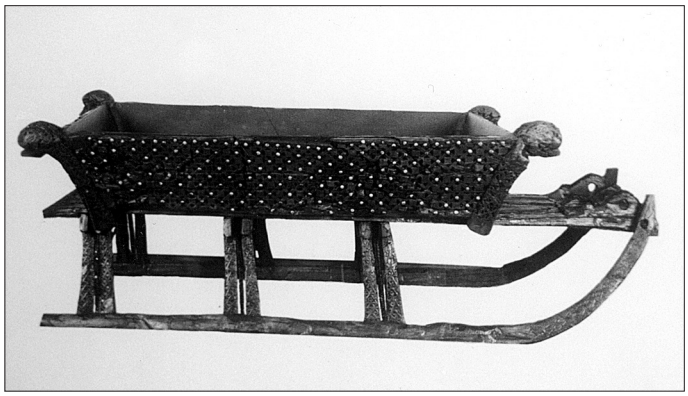


Карта Ольгинских мест в районе «Веси Выбутской».
1 – сельцо Покровское и Ольгин монастырь; 2 – деревня Ольжино (Ольженец, Волженец); 3 – Ольгины сады; 4 – Ольгины погреба; 5 – Ольгин дворец; 6 – Ольгинский берег; 7 – Ольгин ключ; 8 – Ольгин камень близ Выбут; 9 – «Весь Выбутская»; 10 – Ольгина церковь; 11 – Ольгин камень у дер. Бабаево; 12 – дер. Паничьи Горки (Горки, Гора); 13 – Ольгин камень в реке Великой; 14 – Ольгины слуды; 15 – Ольгины ворота или Ольгин Рукав; 16 – дер. Ерусалимская; 17 – Ольгин камень; 18 – Ольгин камень, нижняя сохранившаяся часть, место часовни; 19 – дер. Пристань

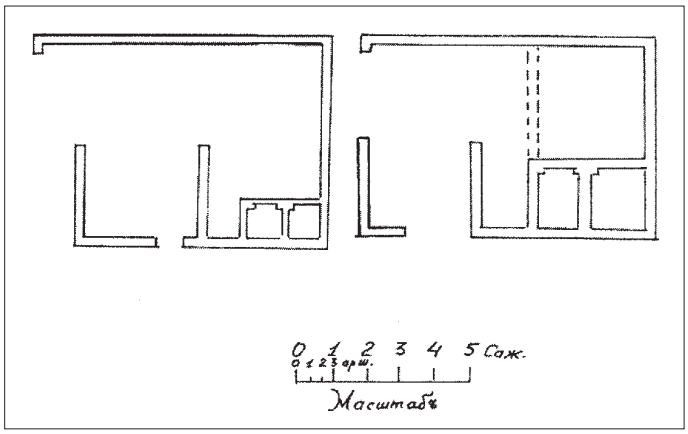
из-под отвесной известковой скалы струится прозрачный, как хрусталь, и холодный, как лед, источник: так называемый «Ольгин ключ». Сюда по преданию – святая, будучи еще крестьянской девицей, ходила за водой и умывала в нем каждое утро «свое светлое личико». С той поры источник приобрел дивное свойство: исцелять верующих, умывших в нем лицо и глаза и опустивших в его светлые струи какую-либо медную или серебряную монету, от всевозможных глазных недугов и даже от слепоты. Лет двадцать тому назад к источнику приходило ежегодно множество богомольцев и больных. Польза от этого наплыва народа была для жителей «Ольгиной родины» немалая: в виде вознаграждений («благодарений») за гостеприимство, собирания лепты благочестивых поклонников святого источника и т.д.

Но число верующих в чудесные свойства «Ольгиного ключа» с каждым годом уменьшается и очень может быть, что в недалеком будущем память о целебных его свойствах совершенно изгладится из мира народных преданий».

Что касается фундамента, описанного Богушевским, то сохранилось два дореволюционных обмера «Ольгиного дворца», на которых приведены планы прямоугольной постройки: на одном плане 5,5 х 8,5 саженей, т.е. 11,7 х 18,1 м, а на другом 6 х 8,5 саженей, т.е. 12,8 х 18,1 м. Постройка располагалась, согласно обоим планам, в 46 саженях (98 м) к востоку от д. Выдра-Волжина и в 38 саженях (81 м) к юго-юго-востоку от ключа святой Ольги, и в 79 саженях (168 м) к северу от «древнего кладбища». Но к 1910 году почитание этого места, по-видимому, прекратилось, судя по описанию этого времени: «По преданию св. Ольга родилась в деревне Ольгине, ныне Ольженец, близ погоста Выбуты, в 12-ти верстах от Пскова. По сие время указывают в деревне на остатки фундамента дворца святой, занятого постройкою крестьянина. Длина фундамента была около восьми сажен, а ширина около шести». Тем не менеее, по местному преданию, все, что строилось на этом святом месте, сразу же исправно сгорало. Так оно и стоит не застроенное до сих пор.



Сани. IX–X вв. Норвегия. Такого рода «сани св. Ольги» сохранялись на ее родине



Ольгин дворец в Выбутах (Волженец). План

К 1914 году здесь стали постепенно забываться и предания, как это явствует из рассуждений В.Д. Смиречанского относительно родины княгини Ольги: «Теперь остается выяснить: действительно ли Выбута была родиной Ольги и известное нам место та ли Выбута, или под Выбутой разуметь надо целый край: погост, уезд. Настоящая Выбута лежит на левом берегу Великой, а в «Степенной книге» она указана на правом берегу (по верхнему течению). Может быть, исторической Выбутой было нынешнее селение на правом берегу Великой под названием «Волженец»? Своим названием оно напоминает имя Ольги и находится около версты вверх по Великой от Выбуты. Здесь существует перевоз в брод на лошадях и экипажах через реку Великую. Отсюда же дорога идет к Пскову и к Острову. У брода берега отлогие. В нынешней Выбуте еще недавно стояло 5 дворов, в Волженце же их было 25. В последнем селении, несмотря на невежество жителей, слышны остатки смутного предания, что родом Ольга отсюда. Здесь существуют ключи, теплые зимой. На берегу, называемом Ольгинским, недавно видно было основание большого здания. Может быть, тут была церковь или часовня во имя Ольги, все это забыто старожилами».

Известно, что Ольгин ключ назывался также «колодезем»: «Деревня Вольжениц (Ольженец) находится на р. Великой недалеко от Выбут в 20 верстах от Пскова, при ней колодезь с именем Святой Ольги».

Этот источник, бьющий из-под обрывистого известнякового берега Великой рядом с деревней Волженец и оформленный в виде сруба, существует и поныне. Со стороны деревни, находящейся на высоком берегу, к нему ведет крутая ступенчатая лесенка.

На территории деревни Волженец, а также к востоку и западу от нее, встречается древнерусская круговая керамика – следы средневекового селища XI – XIII веков. Раскопки здесь не проводились, поэтому в будущем вполне можно встретить и более ранние находки, залегающие ниже.

Еще одно предание гласило, что родиной св. Ольги являлась деревня Ерусалимская – та самая, рядом с

которой находятся сопки, в которых были обнаружены захоронения со своеобразным погребальным обрядом, имеющим скандинавские аналогии, и вещами X века, раскопанные в 1878 и 1912 годах. В семи из восьми раскопанных курганах были найдены погребальные обожженные камеры на вершинах насыпей. Найдены железные ножи, бронзовые спирали-накосники, железные трубочки для трута, бронзовый наконечник ремня с орнаментом пальметкой и два горшка, один из которых – лепной. Четыре кургана были раскопаны здесь и в 1976–1977 годах. Они содержали остатки сожжений с немногочисленным инвентарем: обожженная стеклянная бусина, два обломка костяных бусин, бронзовые кольцо и спиральки, фрагменты лепного и раннекругового сосудов. Датируются они X веком.

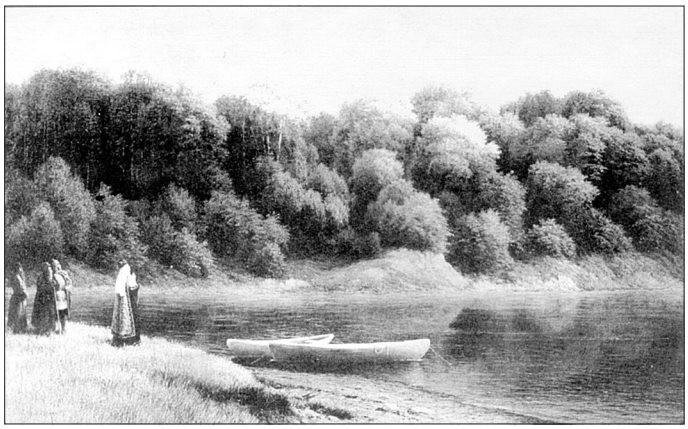
Если к этому описанию добавить еще Ольгину Гору, упоминавшуюся в летописи, то описание ольгинских мест выбутского изгиба Великой можно считать более или менее завершенным.

Следует особо отметить, что на этом изгибе реки ольгинская топонимика замыкает все три имеющиеся здесь брода через Великую. Очевидно, что эти броды должны были охраняться не только в позднее время – в эпоху Псковской вечевой республики, что известно, но и в более раннее время.

Итак, еще один топоним – Ольгина гора. Он интересен тем, что относится к концу XIV века и упомянут достаточно случайно. В Псковской летописи под 1394 годом сообщается, что новгородцы пришли ко Пскову с большим войском, стояли у города восемь дней, а затем ночью побежали прочь от Пскова, бросая стенобитные орудия. В одном списке летописи значится: «И тогда оубиша копорского Иоана* под Олгиною горою, а инех многых избиша на Выбуте, а инех руками яша».

Другой список уточняет, что «... иных бояр много на Выбуте избиша»

Учитывая, что именно в районе Выбут находятся три ближайшие к Пскову брода через Великую, то есть единственное в здешних местах скрещение водного и сухопутного путей, становится понятным, что здесь в 1394 году стояла какая-то псковская стража, которая эти броды контролировала, и которая наверняка сообщила в Псков о пути движения новгородского войска. Здесь, в условиях пересеченной и лесистой местности, тяжело вооруженное новгородское войско испытало наибольшие затруднения и понесло потери. Здесь же оно вынуждено было бросить стенобитные машины – «<...> а пороки и пущичи пометоша». По-видимому, именно в этом месте произошел бой, и именно здесь псковичи настигли задержавшихся в районе брода новгородцев – ясно, что не ночью они организовали погоню, а ранним



Картина Г.П. Кондратенко «Три луча», посвященная памяти св. кн. Ольги и основанию Пскова. 1910 г.

утром – это в самом лучшем случае. Дело-то было 15 августа, когда ночи уже темные. Но тогда, по всему выходит, что и посадник Иоанн был убит, скорее всего, где-то неподалеку от Пскова. Итак, войско двигалось по правобережью. Но тогда летописные выражения «на Выбуте» и «на Выбуте у Броду» надо понимать широко, как весь четырехкилометровый изгиб реки близ Выбут. Здесь, в районе деревень Ерусалимская и Паничьи Горки на прибрежной части старый изгиб русла Великой, образующий две балки, создает трудности для передвижения любой техники и поныне. Очевидно, что здесь застряло со своими стенобитными орудиями и новгородское войско – тащить тяжело, а бросить жалко. Вероятнее всего, что здесь и настигли их псковичи. И тогда Ольгина Гора летописи – это деревня Гора (Горка, Паничьи Горки). Вероятно, она могла быть названа так по сопке на берегу. Как сказано выше, деревня эта, наряду с другими тремя, претендовала на роль родины княгини Ольги, то есть связана напрямую с ольгинской топонимикой. Видимо, в 1394 году она именовалась как Ольгина Гора. Здесь находился третий брод и здесь Ольга, по преданию, перевозила в челноке князя Игоря. При этом, от идеи городища в X веке «на Выбуте» в широком смысле я не отказываюсь – такому месту оно

Ольгинская набережная во Пскове. Часовня св. кн. Ольги и Троицкий собор. Фото 1914 г.

* Иоанн – копорский посадник – выборный руководитель одной из крупнейших новгородских крепостей – Копорья.

положено по статусу, но где оно могло быть – это тема отдельного размышления.

Есть ольгинская топонимика и к северу от Пскова. Справа от гдовского шоссе есть деревня Ольгино Поле, в которой имеется часовня с «ольгинским» камнем-следовиком – древним священным камнем с двумя следами ступней на нем, которые, по преданию, оставила княгиня Ольга, когда шла воевать и наступила на этот камень. Рядом, по преданию, был ключ, но засорился, так что когда-то под камнем была вода. Рассказывали, что был здесь и крестный ход. В 1913 году упоминается «<...> маленькая деревянная часовня в деревне Ольгино Поле (Верхолинского прихода), каменный крест и камень находящийся в ней...»

Еще севернее, слева от этого же шоссе, напротив деревни Спасовщина, известен святой источник – Ольгин ключ.

Дальше к северу расположен город Гдов, который по легенде, изложенной В.Н. Татищевым, был дан Ольге по вдовстве и получил название Вдов или Гдов. Хорошо известно, что название Гдова – иного, куда более раннего происхождения, однако, легенда дает здесь еще один крайне ценный для нас ольгинский топоним, не известный больше ни по каким данным.

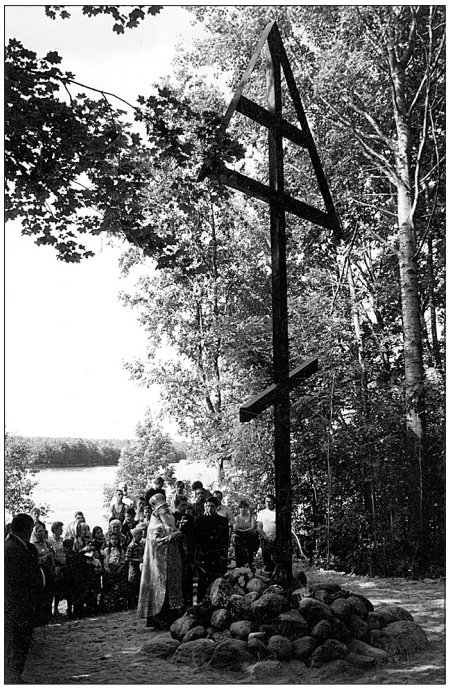
Св. кн. Ольга. Барельеф Ольгинской часовни во Пскове

К северу от Гдова есть сведения о старой часовне в селе Кануновщина, на месте которой была построена новая. Вероятно, это та же часовня, что у деревни Сырой Лес, однако местная легенда утверждает, что княгиня Ольга останавливалась здесь.

В 200 – 300 метрах севернее, также близ берега Чудского озера, расположена деревня Сырой Лес, а близ нее – старинная Ольгина часовня; ныне на месте старой часовни построена новая. В старой часовне хранилась икона святой Ольги.

Еще в 0,5 км севернее находится деревня Каменный Конец, где существует предание о том, что именно здесь княгиня Ольга получила весть о гибели князя Игоря и горько причитала у большого камня: «Вот и пришел конец».

От деревень до линии берега Чудского озера здесь немного более километра. Судя по прибрежным болотам, береговая линия здесь могла колебаться или быть более извилистой, то есть в X веке означенные места современных деревень могли находиться гораздо ближе к кромке воды.



Установка и освящение поклонного креста на б. погосте Ольгин Крест на реке Нарове. 1998 г.

Но это все водные пути. А вот по сухопутной цепочке ольгинской топонимики, идущей в направлении север – юг, можно предположить также существование некого сухопутного пути от Пскова до истока реки Наровы, и этот сухопутный путь идет параллельно водному – по Псковскому и Чудскому озерам.

То, что водный путь в X веке пролегал именно вдоль восточного, а не западного берега Псковского и Чудского озер, доказывает, между прочим, наличие крупного курганного могильника у д. Залахтовье, приблизительно посередине пути от устья реки Великой до истока реки Наровы. Во время ведения археологических раскопок здесь было найдено и довольно заметное число скандинавских вещей этого времени – наконечники копий с серебряной насечкой, меч, круглые характерные фибулы-застежки. Рядом имеется удобный для стоянки судов залив, и это место явно служило базовой стоянкой на большом озерном пути.

Дальше, при истоке реки Наровы из Чудского озера на правом берегу расположена деревня Скамья, которая названа так будто бы, потому, что при проезде на ладье из Чудского озера княгини Ольги местные жители вынесли ей скамью – посидеть. Однако, в 1629 году деревня эта называлась несколько иначе – Камья. По местным преданиям, в этой деревне некогда процветал ладейный промысел. Здесь же десятками останавливались на отдых проплывавшие по озеру и реке ладьи.

Затем, на правом берегу Наровы расположен погост Ольгин крест, или Волгин крест. Впервые он упомянут в писцовых книгах 1585–1587 годов. При погосте на реке существовали пороги, представлявшие значительную опасность для судоходства. Узкий и труднопроходимый фарватер с подводными камнями и сильным течением требовал большого умения и ловкости, чтобы провести судно. Против течения в этом месте невозможно подняться на веслах и, как писал С.В. Рацевич, была «<...> нужна бурлацкая хватка», то есть ладьи тащили на веревке, идя по берегу. Одно из наиболее опасных мест на Нарове начиналось именно в этом месте, у берегов Большого острова, где река поворачивала под прямым углом и где из-за плохой видимости часты были столкновения ладей. По преданию, здесь на одном из порогов

перевернулся челн княгини Ольги, но она выплыла на правый берег и в честь своего спасения велела поставить крест, а затем и церковь. По местному преданию, крест был поставлен Ольгой в память о ее погибшем дружиннике. Согласно другому преданию, первоначальный Ольгин крест был установлен княгиней на острове Большом, который с тех пор стал называться также Ольгин остров. Предание говорит также, что в древние времена Ольгин остров был полуостровом и являлся частью правого берега реки Наровы, и что где-то здесь, на полуострове, княгиней Ольгой был основан погост (поселение). И в более позднее время каменный крест, связываемый с именем Ольги, стоял на Ольгином острове и только в 1885 году был установлен в Николо-Ольгинской церкви в Ольгином Кресте, где и находился до 1918 года. До 1944 года здесь существовал построенный в XV веке Никольский каменный храм с приделом святой Ольги с вмурованным в его стену закладным Ольгинским каменным крестом. В 1903 году известный археолог А.А. Спицын видел этот крест: «Погост назван Ольгиным по имени «Ольгиного» креста, вделанного в стену церкви и водруженного на берегу Наровы, по преданию, св. Ольгою. Крест этот имеет в вышину до 1 арш. и совершенно похож на обычные кресты, в обилии встречаемые на местных жальниках». Это значит, что к XIX веку там уже стоял крест не времени княгини Ольги, а позднейший, как и храм.

Речь здесь может идти только о традиции внутри нарвского очага репродуктивности, воспроизводства ольгинской топонимики. Впрочем, рядом при церкви имелась «<...> деревянная часовня во имя св. Ольги с каменным памятником в виде седалища. Часовня была поставлена над камнем. Тут будто бы отдыхала равноапостольная княгиня». Известно, что в Смутное время часовня была разрушена и затем восстановлена в 1622 году. В 1841 году был сделан даже рисунок «<...> часовни (в Гдовском уезде) и снимок с камня, на котором отдыхала Великая Российская Княгиня Ольга, во время путешествия чрез эти места ...» К сожалению, рисунок не был опубликован, а сам камень доныне не сохранился. Возможно, что речь здесь идет о древнем языческом поклонном камне с выемкой, действительно напоминающей сиденье. На эту выемку язычники клали жертвоприношения. Такие жертвенные камни известны на территории Прибалтики. Затем, так же, как это произошло в Выбутах, христианская традиция освятила этот камень и включила его в число святынь, связываемых с именем княгини Ольги.

Местные легенды сообщают, что Ольга даровала местным жителям большие льготы. В преданиях упоминаются также имена князя Владимира и его дяди Добрыни. Сейчас на месте храма в Ольгином кресте установлен и освящен семиметровый металлический поклонный крест.

Погост Ольгин Крест (упоминается 957 г., когда св. Ольга утвердила здесь крест). Церковь свт. Николая Чудотворца (XV в.), с приделом св. Ольги (XIX в.). Разрушена в 1944 г.

По старым данным 1880-х годов, в 200 – 300 саженях к северу от церкви в Ольгином Кресте показывали место под названием Ольгин Зверинец. По-видимому, это место называлось также Ольгины Ловли. Еще одно местечко «Зверинец» показывали несколько в другом месте – на нарвских порогах в том месте, где в реку Нарову впадают Теплый и Каменный ручьи. Это место также связывалось с преданиями о том, что Ольга забавлялась здесь ловлей зверей, и что именно здесь, на этих ловлях, а не на порогах погиб тот легендарный дружинник, в память о котором был поставлен Ольгин крест.

Ниже по течению на правом берегу расположена деревня Степановщина; с этой деревней также связана история с именем княгини Ольги.

По левому берегу Наровы находится деревня с многозначительным названием Князь-Село или, по-эстонски, Кунингакюля (Kunnigeküla). Здесь было записано предание, что княгиня Ольга, прежде чем переехать реку по пути на погост Ольгин Крест, останавливалась в шалаше на горушке, где в 1920-х годах стояла школа. А еще в середине XIX века, по воспоминаниям, вокруг были дремучие леса ... Известно, что в самом селе при

Освящение воды на реке Нарове с «Ольгина Камня» на б. погосте Ольгин Крест. 1998 г.

постройке школы и народного дома находили какие-то монеты и металлические ковши. За Князь-Селом сохранился интересный топоним – местность там называлась Добрыня, что живо перекликается с преданиями в Ольгином Кресте. Как известно, во времена княгини Ольги – Добрыня – это не только дядя, но и воспитатель княжича Владимира, затем князя киевского, крестителя Руси. Рядом с деревней расположена группа курганов. Далее, ниже по течению, уже на эстонской территории, расположен Нарвский погост: «Память св. благоверной княгини Ольги здесь свято чтится. Окрестные жители собираются к божественной службе и к молебнам в часовню, где хранится, из древности, камень, на котором, по преданию, имела отдохновенье (сидела) св. Ольга, во время обозрения сей страны, тогда дикой и пустынной».

Тип камня не указан. Однако, здесь надо учесть, что почти все предыдущие ольгины камни связываются с первоначальной языческой традицией, что автоматически отодвигает их датировку ранее конца X века, то есть, ко временам князя Владимира, княгини Ольги и раньше.

К северо-западу от Нарвского погоста, в стороне от реки, также на эстонской территории, расположена деревня Ольгино, предания о которой мне не известны. А дальше река Нарова впадает в Балтийское море.

Если посмотреть на карту, то видно, что ольгинская топонимика маркирует часть водного пути от Выбут до Балтийского моря, и этот путь проходил вдоль восточного побережья Псковского и Чудского озер. Судя по археологическим данным, эта водная дорога стала активно функционировать не позднее X века, но была известна и ранее.

Места, где встречается ольгинская топонимика, расположены неравномерно: из всех 47 используемых мной топонимов и микротопонимов на карте Псковской области (стр. 147) большая часть сосредоточена в районе Выбут – 19 мест, затем идет псковский узел этой топонимики – 7, и затем уже по реке Нарове – более разреженный – нарвский, насчитывающий 10 топонимов. Всего вместе с течением Наровы – 57 таких мест. Три скопления ольгинской топонимики, как я уже показал, в разное время обладали свойством продуктивности, самовоспроизводства названий, что определялось живущей традицией. Летопись под 947 годом упоминает, что ольгинских топонимов по всей русской и новгородской землям очень много, но конкретно она называет только сани (или сени?) Ольги в Плескове, которые еще существовали во времена летописца. Затем при случайных обстоятельствах упоминается под 1394 годом Ольгина Гора и затем в 1585–1587 годах – Ольгин Крест на Нарове. Два очага – псковский и нарвский – перестают быть продуктивными где-то к XIX веку, а третий, выбутский, продуктивен и поныне. В связи с таким своеобразным поведением ольгинских топонимов, встает естественный вопрос о том, какой могла быть ольгинская топонимика во время жизни самой княгини Ольги. Летопись перечисляет традиционно сохранившиеся к летописному времени ольгинские ловища, знаменья, места, погосты. Села же могли носить – и в ряде случаев носили – какие-то другие названия; в качестве отъименного упомянуто только село Ольжичи близ Киева. Сюда же относится принадлежавшая Ольге весь Будутина. Точно так же, любые названия могли носить установленные Ольгой на севере погосты; предание сохранило на Луге название одного из них – Сабле или Ольгин Погост. Иными словами, в раннее летописное время явно преобладала микротопонимика – были известны широко распространенные названия урочищ, отражавших владельческую принадлежность тех или иных угодий княжеской администации и частных владельцев, тогда как населенные пункты носили старые традиционные названия. То есть, если что-то и уцелело из ольгинской топонимики X века, то это будут названия типа Ольгины Слуды, Ольгины Ворота и т.д. Так, Ольгина Гора 1394 года – явно микротопоним. Но все же, несмотря на все оговорки и граничные условия, ольгинская топонимика и предания о Святой Равноапостольной Княгине Ольге, с ней связанные, являются той живой ниточкой, которая – прямо или опосредованно – связывает нас через столетия со сложным и драматическим временем образования и становления раннего русского государства – со временем княгини Ольги.

Псков. Памятник св. равноап. кн. Ольге, открытый летом 2003 г. к 1100-летию города

ПРОПОВЕДЬ

Сщмч. Вениамин, митрополит Петроградский

ЖАТВЫ МНОГО, А ДЕЛАТЕЛЕЙ МАЛО (*Мф. 9, 37*)

Братие христиане! При созерцании собравшихся здесь в большом количестве труждающихся посредственно или непосредственно на ниве народной мне припоминается одна евангельская картина. Иисус Христос однажды ходил по Галилее, уча в синагогах, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях *(Мф. 9, 35)*. Собрались вокруг Него целые толпы народа «изнуренного». Евреи в то время в политическом отношении находились под властию чужеземцев-римлян; в духовном над ними тяготело иго книжников и фарисеев, которым до духовных потребностей и нужд народа и дела не было, так как они их за ним совсем и не признавали. Народ изнемогал от духовного голода. Слыша, что где-нибудь появлялся учитель, он массами устремлялся к нему. Христос, видя изнуренные толпы народа, сжалился над ними. Обращаясь к своим ученикам, Он сказал: жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою *(Мф. 9, 37-38)*.

Все это было давно и имело место в далекой от нас стране. Перенесемся мыслию в наше время и обратим внимание на родной для нас народ. Страна наша велика и обильна, как заявляли наши предки, и всяких богатств естественных в ней множество. Но среди этих богатств русский народ живет бедняком, для своего существования нуждается в заграничных произведениях, т.к. пользоваться своими природными богатствами он не умеет.

От природы наш народ наделен сметливым, острым умом. Но этот ум остается в своем первоначальном естественном виде, не развивается и не обогащается теми познаниями, которые можно бы получить, знакомясь с данными науки и жизненного опыта других людей. Среди нашего народа процент необразованных и даже неграмотных весьма и весьма значительный. Русский человек по большей части «темный», как постоянно называют себя неграмотные простолюдины. Темный, слепой человек многому ли может поучиться? Много ли может сделать для своего развития? Натолкнется он на какой-нибудь предмет, ощупает, приобретет понятие о внешней форме его. Но такой, ведь, способ изучения предметов весьма и весьма недостаточный. Не вполне да и не все предметы можно изучать слепому. А главное то, ведь, необходимо, чтобы попался ему в руки тот или другой предмет, чего слепой собственными силами, вполне сознательно и независимо сделать не может.

Добрым сердцем отличался русский народ еще тогда, когда он был языческим. Добродушие одна из коренных черт его характера. Между тем приходится встречаться с такими фактами в его жизни, которые трудно примирить с его прирожденным добродушием. В газетах попадаются известия о том, что в одном месте крестьяне целым миром погубили женщину, подозреваемую в колдовстве, в другом скопом избили до смерти заподозренных в краже лошадей и т. п. Не мало можно наблюдать и других преступлений против христианской нравственности. Главная причина этих невзгод нашего народа в материальном, умственном и нравственном отношениях коренится в недостатке просвещения, в невежестве его.

Все народолюбцы заботились и заботятся о просвещении народа. Заботы о том, чтобы дело просвещения народа поставить надлежащим образом, побудили устроить особые курсы для народных учителей. На открытие одних из них и мы собрались сегодня. Любовь к делу просвещения народа привлекает на эти курсы людей науки и опыта. Последние из богатой своей сокровищницы сообщают разнообразные знания курсистам, чтобы они по силе и по возможности пользовались ими для успешного исполнения своей миссии и делились ими с народом.

Большинство присутствующих здесь составляют курсисты, непосредственные труженики на ниве народной. К вам, скромные делатели, я обращаю особенное слово. Не буду говорить о потребности народа в просвещении, об этом вы, стоящие лицом к лицу с ним, знаете больше нас. Не нахожу нужным трактовать о том, чтобы вы были внимательны к сообщаемым вам знаниям.

Мне представляется благовременным обратить ваше внимание на одно обстоятельство весьма важное, именно на отношение ваше к народу и его духовной жизни. В св. Евангелии говорится, что члены синедриона – книжники и фарисеи – говорили про народ: он невежда <…> проклят он *(Ин. 7, 49)*. Духовных потребностей у народа они не признавали, на заявления о них не обращали никакого внимания. От такого отношения к народу, конечно, да избавит вас Господь.

При обращении с народом вы много встречаете суеверий, предрассудков, ложных убеждений в его взглядах. Но это не значит еще, что нужно признать несостоятельной всю духовную жизнь народа и поставить на ней раз

навсегда крест. Опустошить содержание души народной легко, но наполнить ее новым трудно и даже невозможно. Отрицательным отношением к духовной жизни народа, правда, мы устраним те недостатки, которые вкрались в нее, но вместе с этим мы устраним и все доброе, дорогое, чем жил доселе народ. В числе других добрых сокровищ мы лишим его той веры в Бога, которая помогала русскому народу во всех невзгодах общественной жизни, утешала и укрепляла каждого частного члена его в личных несчастиях. Нет, труженики на ниве народной, нельзя опустошать душу народную. Необходимо только удалять, очищать и исправлять те недостатки в духовной жизни, с которыми придется вам иметь дело. Просвещение, духовное развитие народа совершается постепенно. Невольно припоминается притча Спасителя: бросает человек семя в землю, земля производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе *(Мф. 4, 28)*. Нельзя собирать зерна прежде, чем появится зелень и колос с полным зерном.

Просвещение народа не ограничивается только сообщением ему знаний. Нужно действовать на сердце и укреплять волю. Тогда человек просвещается, духовно развивается, когда ум его обогащается знаниями, сердце проникается любовию не только ко всем людям, но к животным и даже к неодушевленной природе и ее произведениям; воля укрепляется в борьбе со злом.

Трудное и сложное дело просвещение народа. Светочем путеводным на этом поприще пусть будет для вас Христос, свет духовный, просвещающий каждого человека, грядущего в мир *(Ин. 1, 9)*. В Нем вы найдете для себя совершенный идеал, в Его учении способ осуществления, а в жизни Его и самое осуществление идеала.

Примером духовно-просветительной деятельности среди народа на началах учения Христова может служить деятельность св. Стефана Пермского. Он не только просветил учением Христовым диких пермяков, но изобрел для них азбуку, перевел книги на их язык, положил среди них начало мирной общественной жизни и всеми мерами способствовал процветанию ее. Пример, достойный подражания, для всякого деятеля на ниве народной.

Делатели на ниве народной, сейчас мы молимся о том, чтобы Господь помог нам с пользой усвоять преподаваемые вам учения. Обогащенные новым запасом нужных для вашей деятельности сведений потрудитесь с новой энергией на пользу отечества и во благо нашего народа, никогда не забывая, что истина, путь и жизнь вашей деятельности – Христос *(Ин. 14, 6)*.

Поучение, сказанное на молебне 4 июня 1902 г. перед открытием педагогических курсов для учителей и учительниц народных начальных школ.

Самарские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 573-577.

ВОЙДИ В РАДОСТЬ ГОСПОДА СВОЕГО

Чрез несколько минут, возлюбленные братия, вы приступите к св. Чаше, вкусите Тела и Крови Христовой. Чрез это вы теснейшим образом соединитесь со Христом. Он сам засвидетельствовал: «Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем... Я живу Отцом: так и ядущий Меня будет жить Мною» *(Ин. 4, 56-57)*. Это единение со Спасителем в данное время и в настоящем месте весьма знаменательно и должно быть памятно для вас. Мы находимся в таких местах, где на каждом шагу встречаем напоминания, что люди совершили и могут совершить со Христом и во имя Христово. Сколько раз мы были поражены и приходили в изумление пред тем, что сделано и делает братия обители Валаамской! Они препобедили самую природу, имея в суровом, холодном климате богатые фруктовые сады и на бесплодных скалах искусственно выращивая целые рощи деревьев. Они сумели справиться сами с собою, оставив те взгляды, которые прочно укоренились среди людей. Начальствующие среди них не пользуются никакими удобствами жизни по сравнению с подчиненными: та же одежда, та же пища и то же жилище у тех и других; только на первых лежит больше обязанностей, больше ответственности применительно к их силам, следовательно, больше и трудов. Забота о себе, своих выгодах и удобствах, изгнана из их обихода. Никто не работает для себя и не ищет своих удобств, а все работают на братство и стараются об удобствах других даже чужих для них людей, какими являются паломники, во множестве посещающие их обитель. Обитель этих удивительных, поистине самоотверженных тружеников не распадается и не уничтожается, как было с колониями толстовскими – общинами опростившихся интеллигентов, а живет и процветает. Количество тружеников не уменьшается, и выбывшие за смертью замещаются вновь приходящими. Главных деятелей по устроению этой общины нет уже в живых. Подле св. храма, в котором мы сейчас присутствуем, находятся памятники блаженному старцу Назарию (Саровскому постриженнику) и игумену Дамаскину. Первый был устроителем внутренней духовной жизни: он научил братию, как с своими страстями, чувствами, желаниями и мыслями справляться и к Богу их направлять, одним словом, как духом Господу служить. Второй был организатором внешней стороны монастырской жизни, поскольку она способствует процветанию внутренней, он ввел устав общежития, устроял церкви, часовни, скиты, много сделал по ограждению монастыря от всякого рода соблазнов, заносимых из мира, и выработал правила для посетителей монастыря и т.п. На смену Назарию и Дамаскину явились другие руководители, но они устрояют жизнь обители на тех же самых началах, которые положены в основу ее ими. Устойчивость общины, какою является Валааамская обитель, и успех делания ее тружеников зависят от того, что они все делают со Христом и во имя Христово. Сила их – Христос. Без Него они не совершают ни одного дела, большое или малое оно – все равно. Подавая блюдо с пищей, они творят молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»; выражая благодарность за малую услугу, даже за ласковое слово, произносят: «Спаси тебя Христос». При помощи Христа и непреодолимые препятствия являются преодолимыми и непосильные труды – исполнимыми.

Братья мои возлюбленные. Не одно изумление должны вызывать в нас подвиги этих тружеников, но и подражание. Ведь и нам сила-то их – Христос – не чужой, мы – Его и Он – наш; Он может быть в нас и мы в Нем. Поэтому и хотелось мне, и предлагал я вам, чтобы вы сознание нашего единения со Христом запечатлели именно здесь, где вы видели очевидные доказательства всей силы и значения его, реальным объединением с Ним в таинстве приобщения Тела и Крови Его. Да не смущается сердце ваше тем, что вы на этот раз не могли попоститься и поговеть так, как вы привыкли обычно делать. Все вы знаете, что не любочестив наш Владыка. Он принимает пришедшего и в одиннадцатый час так же, как делавшего и от первого часа. Постившегося и непостившегося – всех приглашает св. Отец войти в радость Господа своего. Войдем и мы по этому приглашению не дерзновенно, а смиренно. Восполним, насколько можем, недостаток поста и говения сознанием своего убожества и искреннейшим желанием соединиться со Христом. Веруем, что Господь, Который блудницу, со слезами пришедшую к Нему, не отогнал, мытаря покаявшегося не отверг, даже разбойника, познавшего царство Его, не отогнал и гонителя не оставил и нас всех, от покаяния к Нему пришедших, в лике другов своих вчинит и с обычным человеколюбием внидет в душу каждого из нас, и просветит помраченный помысл ее.

Други мои, дорогие слушатели, придет время, когда вы разойдетесь по разным путям жизни. На них встретится вам много препятствий, много всякого рода трудностей, которые вам нужно преодолеть. Главная из них та, чтобы суметь справиться с самим собою, заставить себя забыть про себя и жить не ради себя, а ради блага [тех], кому служишь и ради пользы дела, которое ты должен исполнять. Трудно будет, тяжело ... невыносимо. Вспомни, что есть сила, которая может и помочь, и подкрепить, и утешить – это Христос. Перенесись мыслию в этот пустынный храм, восстанови в своем воображении совершившееся в нем приобщение св. Таин, объединение со Христом, которое всегда должно напоминать тебе, что никакие труды, препятствия и лишения не страшны и не невозможны для человека, если он со Христом, и всякое дело исполняет во имя Его. Приступите же, братия, со страхом Божиим и верою к св. Чаше и да исполнится на вас неложное слово Спасово: «Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем... Я живу Отцом: так и ядущий Меня жить будет Мною» и да на самом деле вы познаете всю силу и значение в жизни и деятельности этого единения со Христом.

Слово, сказанное 20 июня 1903 г. за литургией в церкви Преподобных отцов, в посте и молитве просиявших, на Игуменском кладбище Валаамского монастыря

Самарские епархиальные ведомости, 1904, № 3, с. 229-232.

СВОБОДА НУЖНА, ЧТОБЫ С ЛЮБОВЬЮ СЛУЖИТЬ ДРУГ ДРУГУ

Днесь благодать Святаго Духа нас собра и вземше крест Твой, глаголем:благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних.

(Стихира на Господи воззвах)

Эта церковная песнь не раз повторялась за службами в нынешний праздник Вербного Воскресения. «Днесь благодать Св. Духа нас собра» в храм Божий, и мы берем на себя крест Христов, чтобы нести его. Взять на себя крест Христов значит принять на себя обязанность любить друг друга такой братской любовью, которая заставляет отречься от себя, забыть себя, свои интересы. Такую любовь имел Господь Иисус Христос, распятый за нас на кресте и заповедавший нам любить ближнего так, что если бы потребовалось, положить – лишиться жизни ради нашего ближнего. «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» *(Ин. 15, 13)*. Такую любовь имеют христолюбивые наши воины, которые стоят на страже нашей страны, чтобы жестокий немец не вторгся далее в пределы нашего отечества и не внес еще больше разорения и смерти. Такую любовь имели и те, убиенные за благо и свободу народную, которых торжественно хоронили в общей могиле в центре города 23 марта. Православная Церковь молилась за воинов, на поле брани души своя за други своя положивших, молится она теперь и за убиенных за благо и свободу народную, как тоже по любви великой жизнь свою за благо других отдавших. Молитесь и вы за погибших из любви к вам на улицах нашей столицы. Месяц уже исполняется, как водворилась и утверждена в России свобода. «К свободе вы призваны, братие, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу» *(Гал. 5, 13)*. Св. Апостол Павел поучает, что к свободе все призваны, но свобода нужна не для того, чтобы угождать плоти, а чтобы с любовью служить друг другу. «Дела плоти известны: распутство, идолослужение, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное» *(19-21)*. Не для таких дел вы призваны к свободе, говорит Св. Апостол, а для того, чтобы устроять общее благо, служа друг другу любовию. Что же это значит? Как это можем мы, призванные к свободе, любовию служить друг другу? Примерно так. Теперь свобода собраний, вы можете везде собираться, говорить, рассуждать обо всем, о чем болит душа ваша. Собирайтесь, рассуждайте, доказывайте друг другу, даже оспаривайте друг друга, если это надо, но во всем этом поступайте с христианской любовию: когда говорит один, слушай со вниманием и с любовью, будь терпелив к мнению другого, свое мнение высказывай спокойно, без гнева опровергая мнение противных. Во имя той же любви не забывайте тех, кто там, в окопах, защищает родину. Вам здесь живется трудно. Неприятно стоять на улице в хвостах, трудно добывать пищу, но не так это тяжело, как воинам, которые своей грудью защи-

щают отечество. Они рады были бы быть здесь, принять участие в общем ликовании, вместе с вами, посмотреть – как жизнь налаживается в свободной России, но долг им не позволяет уйти с своих мест. Если они уйдут, то немец пойдет за ними. Стоять им очень трудно, ибо надо не только стоять, но еще не пускать врага, воевать с ним. А чтобы воевать, надо иметь достаточно снаряженья. Уже дошли до нас известия об отходе наших войск на р. Стоходе. Окрасилась вода в этой реке кровью наших дорогих братьев. Не десятки и не сотни, а тысячи их там погибло. – Неужели же мы их забудем? Ведь вы видели, как убивали здесь на улицах людей. Содрогалось при этом ваше сердце. Пожалейте же и воинов, постарайтесь, чтобы у них было достаточно снаряженья, необходимого для борьбы с врагом. Примитесь вы, братья рабочие, за свои работы усерднее. Стучите молотками сильнее, стойте за своими станками неотступнее. Не время теперь спорам и распрям. Не время рассуждать о часах, о том, кто больше работает, кто меньше. Готовьте скорей все необходимое для наших воинов. Каждый помышляй, что своей работой ты спасаешь жизнь воинов, которые вернутся к своим семьям, к своей земле, к своему мирному труду. А если теперь ты не постараешься, то из-за этого погибнут многие, в которых так нуждается наша свободная ныне страна.

Все теперь должны не покладая рук работать: и заводской рабочий, и пахарь, и торговец. И отцы духовные должны неустанно об этом говорить в своих речах. Согласно словам св. ап[остола] Павла, будем все с любовью служить друг другу. А не будет этой любви, – не будут блага и при свободе. Тот же Апостол предостерегает: «Если же друг друга угрызаете и съедаете. берегитесь. чтобы вы не были истреблены друг другом» *(15)*. Зачем же спорить и враждовать между собою, чтобы враг наш имел возможность разорять нашу землю? – Ведь мы носим на себе крест Христов и должны думать не только о себе, но и о других!

Господь наш Иисус Христос, Который по любви страдал за людей, да вдохнет эту самоотверженную любовь и в нас, чтобы, призванные к свободе, служа любовию друг другу, мы устрояли общее благополучие страны нашей и общими усилиями победили бы всех врагов ее внутренних и внешних. Аминь.

Слово Преосвящ[енного] Вениамина прихожанам церкви Путиловского завода на пассии 26-го марта

Путиловский приходской листок, 1917, № 5-6, С. 2-4.

АРХИПАСТЫРСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ к духовенству, членам приходских советов и ко всем православным христианам

Тяжелые испытания послал нам Господь.

Скорби великие переживает Церковь святая, родина наша, народ русский и все мы.

Внимая призыву своего архипастыря в минувшие дни Великого поста, во множестве собирались вы, православные люди, в храмы Божии на пассии, богослужения, посвященные воспоминанию спасительных страстей Христовых.

Окружая водруженный посреди храма св. Крест и с верою взирая на распятого на нем Начальника веры и Совершителя ее Иисуса, вы укреплялись, чтобы с терпением проходить ниспосланный нам от Бога подвиг современных жизненных испытаний.

Внимая евангельским повествованиям о страданиях Христовых, верующие помышляли о претерпевшем ради нас грешных людей и ради нашего спасения такое поругание, чтобы не ослабеть и не изнемочь душами своими среди теперешних ужасов жизни, среди этого поругания всего святого, дорогого сердцу человеческому.

Духовно ободренный, утешенный выходил народ из храмов после этих служб.

Но эти службы, на которых, как бы по частям, воспоминались страдания Христовы, были только подготовлением к должному, спасительному, утешительному провождению страстной седмицы.

Наступает и сия святая седмица, к наименованию каждого дня которой приурочивается слово «великий»: великий понедельник, великая среда, великая пятница...

В храмах Божиих совершаются умилительные богослужения. Верующие приглашаются принять участие в Тайной вечере Господней и, подобно ученикам Христовым, просветиться.

Церковь убеждает детей своих бегать «несытой души», которая, «сребролюбием недуговав», омрачается, доходит до предательства Иуды и кончает удавлением.

С каким вниманием, благоговением, трепетом сердечным должна проводиться Страстная неделя!

Между тем, эти дни святой скорби, великого умиления, дни дорогие для христиан, хотят сделать и делают днями шумных празднеств, собраний, зрелищ, всевозможных развлечений, все для того, чтобы люди были не в храмах Божиих, а на площадях, на улицах и во всевозможных, но только не христианских собраниях.

Христианин, да еще православный, где твое место?

Около ли Христа, Который не только по воспоминаниям, но в лице Своей Церкви и на самом деле теперь тяжко страждет от всевозможных хулений, издевательств, поношений?

Или твое место среди предводительствуемых Иудой-предателем врагов Его, желающих взять и погубить Его, среди людей, некогда кричавших «Распни, распни Его», а теперь подтверждающих и приветствующих всякое издевательство, кощунство, глумление над верой в Него криками «Правильно, правильно!»

Или твое место среди той мимоходящей праздной толпы, которая то глумилась и издевалась над страждущим и умирающим Спасителем, то любовалась из интереса зрелищем позора и страдания Невинного.

Где твое место, христианин? Т а м и л и з д е с ь? Огненными буквами да напишется этот вопрос в сердце твоем и встанет пред совестию твоею. Дай на него ответ решительный и определенный.

Ответ может быть один, если только сколько-нибудь

теплится в душе твоей вера во Христа, если сердце твое способно еще чувствовать радость воскресения и ждет ее.

Ответ один: с о Х р и с т о м, у креста Его, вместе с матерью Его и другими любящими Его.

Для христианина, если он желает быть таковым не по имени только, нет места на увеселениях, зрелищах, собраниях и всевозможных празднествах и торжествах мирских в дни страстной, или, как говорит народ, «С т р а ш н о й н е д е л и».

Пастыри православные, отцы духовные, за службами Вербного воскресенья разъясняйте это свои чадам духовным, своим пасомым и всем православным.

Просите, увещевайте, молите, заклинайте их именем Христовым не омрачать душ своих оставлением Христа страждущего, отступничеством от Него в эти великие дни и чрез это не лишать себя участия и в радости Воскресения Христова.

Кто не участвует в страданиях Христовых, тот не имеет части и в Воскресении Его.

Все члены причта церковного, регенты, чтецы, певцы с великим вниманием, усердием, благоговением совершайте службу церковную, чтобы души молящихся умилялись, проникались благоговейным восторгом и не в состоянии были бы покинуть храм Божий и трогательную службу его.

Члены приходских советов, союзов, братств, ревнители веры и все боящиеся Бога и чтущие Его: просите, убеждайте, умоляйте, влеките православных в храмы Божии и удерживайте их от участия в увеселениях всяких празднеств и мирских шумных собраниях в эти дни.

Ко всем, всем, всем чадам церкви Православной обращаюсь архипастырски с мольбой, просьбой, увещанием: побудьте, хотя эту неделю, со Христом и около Него. Вы знаете, как велики страдания Христа и теперь. Вы болеете душой вашей, слыша и видя все это восстание на Бога и на Христа Его, на церковь, на веру и на все святое.

Ответь совести своей, православный, как ты, если оставишь Христа страдающего и в эти великие дни, станешь в ряды врагов Его, ответь совести твоей – как ты можешь чрез несколько дней радостно воскликнуть: «Христос Воскрес».

Не лишайте же себя, православные, великой радости пасхальной, особенно нам потребной среди переживаемых нами тяжелых скорбей.

По-православному, по-христиански проведите дни страстной недели в храме, в молитве, чтении св. Евангелия, в делах христианского милосердия, в посте.

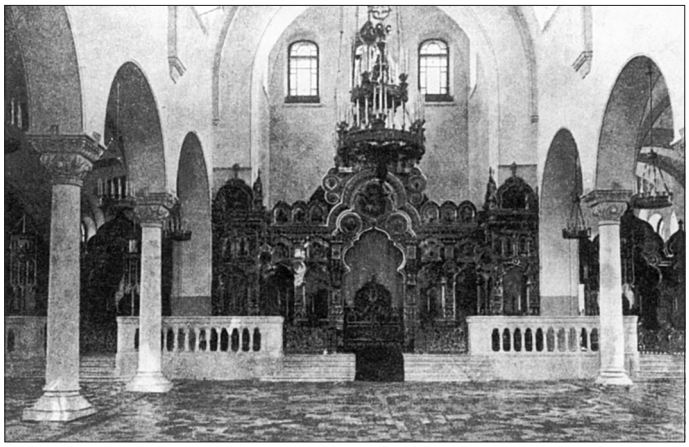
Ограждая себя крестом Христовым, мужественно противляйтесь соблазнам врагов Христовых, не боясь их козней и лаяния.

Поклонимся страстям Христовым!

Поклонимся страстям Христовым и святому воскресению Его, да плач наш в радость Воскресения Господь преложит. Аминь.

Вениамин, Митрополит Петроградский

Петроградский церковно-епархиальный вестник, 1918, № 8, с. 1



Церковь Путиловского завода. Интерьер

Народ судит меня во второй раз. Первый раз я предстал перед народным судом пять лет тому назад, когда в Петрограде происходили выборы митрополита. Тогда собралось несколько тысяч рабочих и крестьян – тех, которые послали вас сюда судить меня. Несмотря на то, что я не был официальным кандидатом и не был угоден ни правительственным, ни высшим церковным кругам, они избрали меня. После этого я все время работал при Советской власти, причем всюду, куда я ни являлся, куда ни приезжал, вначале власть меня встречала подозрительно, но когда узнавала, отношения резко менялись.

<...> Теперь меня судят во второй раз представители народа. Я ни в чем не виноват перед теми рабочими, которые вас, судьи, послали судить меня. Я аполитичен, живу только интересами церкви и народа и во всем исполняю веления Господа. Не виноваты и другие <...>

Каков бы ни был ваш приговор, я буду знать, что он вынесен не вами, а идет от Господа Бога, и что бы со мной ни случилось, я скажу: «Слава Богу».

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. *4 июня 1922 г.*

А.К. Галкин

«ИДЕЖЕ БЕ ВОСПИТАН...»
Нименгский погост – родина св. митрополита Вениамина

Нименгский* погост, где прошло детство священномученика митрополита Вениамина, где он воспитывался, «возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости» (*Лк. 2, 40*), в XIX – начале XX вв. относился к Андреевской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии и епархии. С 1937 года старинный волостной центр – деревня Андреевская, вблизи которой располагались утраченные ныне деревянные храмы погоста, входит в состав Няндомского района Архангельской области.

За последние 10-15 лет выведены из забвения родные места многих новопрославленных русских святых. Ярким примером подобной ревности историков, реставраторов, благотворителей стало восстановление и освящение каменной Воскресенской церкви погоста Клин, вблизи Великих Лук – родины св. Патриарха Тихона[1]. К сожаленью, для Каргополья и, в частности, для «Нименской земли», уроженцем которой был один из величайших русских святых первой четверти XX века, благоприятное время еще не наступило. Даже для консервации уникального деревянного храма в Большой Шалге под Каргополем, где служил диаконом дед Петроградского митрополита-священномученика, не хватает ни воли, ни средств…

Митрополит Вениамин происходил из старинного духовного рода Олонецкой епархии. Многие из его родственников священствовали в селах Каргопольского и соседнего Вытегорского уездов. На Каргополье и были заложены основы светлого христианского мировоззрения будущего митрополита, воспитанного в традициях подвижнического служения простому народу.

Каргополь – этот «маленький, но цельный образчик древней Руси»[2], во многом представляет собой город-загадку. Достоверно неизвестно ни время его основания, ни происхождение названия. Необыкновенен герб Каргополя, изображающий «древнее жертвоприношение, а именно: в голубом поле овна, возложенного на костер горящих дров для всесожжения» (на память приходит эпитет автора книги о митрополите Вениамине Александра Нежного – «агнец-Вениамин»[3]). О былом расцвете и величии города к началу XX века свидетельствовали его 16 церквей (не считая двух домовых и кладбищенской) и два монастыря. Даже теперь, когда в Каргополе уничтожены монастырские ансамбли и четвертая часть храмов, а внутреннее убранство большинства оставшихся погибло полностью, город своими памятниками архитектуры громко «хвалит Господа».

Каргополь. Христорождественский собор

С начала XVIII века Каргополь оказался крупнейшим городом на тракте, связавшем Санкт-Петербург с Архангельском (через Вытегру). На полпути между Вытегрой и Каргополем находился храм упраздненной в 1764 году Казанской пустыни. В нем имелась чтимая икона, поклониться которой считали долгом многие проезжающие по тракту. При упразднении пустыни ее храм получил самостоятельный причт в составе священника, дьячка и пономаря, хотя прихожан здесь

* Существует два варианта написания названия Нименгского погоста: Нименгский и Нименский. В разговорной речи «г» часто опускается. Старинное название погоста – Нименьгский, по реке Нименьге.

и не было. К этому храму в 1794 году митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Гавриилом (Петровым) был определен в пономари пономарский же сын 13-летний Федор Матфеев – прадед св. митрополита Вениамина. Федор Матфеев прослужил пономарем Казанской пустыни более полувека, до самой кончины в 1847 году. Его сыновья, обучаясь в Каргопольском Духовном училище, получили фамилию Казанских, – очевидно, по месту служения отца.

Старший сын пономаря Казанской пустыни, Иоанн Федоров Казанский, в 1820 году стал пономарем Боросвидской Георгиевской церкви (ныне село Бор, или Давыдово Каргопольского района, на реке Свидь). В административных границах того времени это село относилось к Кирилловскому уезду Новгородской губернии. После того, как в 1828 году была учреждена самостоятельная Олонецкая епархия, Иоанн Казанский постарался перевестись в нее – там оставались все его родные. 5 апреля 1831 года первым епископом Олонецким и Петрозаводским Игнатием (Семеновым) он был рукоположен во диакона к Большешальской Христорождественской церкви Каргопольского уезда, где и прослужил 15 лет. Здесь, в Большой Шалге, у о. Иоанна Казанского и его жены Ульянии Николаевой родился сын Павел (31 октября 1840 – 5 декабря 1903) – отец св. митрополита Вениамина. В 1846 году диакон Иоанн Казанский был перемещен в значительно более многолюдный Тихмангский приход Вытегорского уезда[4].

До наших дней не дошел ни деревянный шатровый храм Казанской пустыни 1675 года постройки, ни каменные храмы Тихмангского погоста. Стоящая на левом берегу реки Свидь в селе Бор каменная Георгиевская церковь датируется 1862 годом. «Маленькая церковь эта при всей своей непритязательности наделена благородством облика и хорошо рисуется в пейзаже»[5]. Но как постройка относительно позднего времени, она не имеет непосредственного отношения к роду митрополита Вениамина. Таким образом, самым древним и уже потому бесценным памятником на Каргопольской земле, напрямую связанным с двумя поколениями рода Казанских – дедом и отцом святителя, – становится чудом уцелевший ансамбль Большешальского погоста.

Большая Шалга находится в 9 верстах к востоку от Каргополя по Шенкурскому тракту. Современный ансамбль погоста сложился около 150 лет назад и состоит из более древнего деревянного храма и каменного, выдержанного в формах классицизма. Главный престол деревянной шатровой церкви посвящен Рождеству Христову (как и городской собор Каргополя), в теплой трапезной устроен Благовещенский придел. Эта церковь принадлежит к типу «восьмерик на четверике», но отличается от других подобных храмов редкой динамичностью пропорций. «Высокий башнеобразный объем храма соответствует его постановке в глухом лесу вдали от дорог среди высоких елей»[6]. Деревянная церковь Большой Шалги датируется 1745 годом[7], но ее западная половина с теплым приделом в действительности еще старше. Готовый сруб «по рассказам старожилов привезли из Каргополя от Николы»: в городе к тому времени деревянный Никольский храм заменили на каменный[8]. Потолок трапезной части Христорождественской церкви поддерживали два украшенных резьбой столба, один из которых (перед иконостасом придела) был впоследствии удален. Стоящая к юго-востоку от деревянной каменная Покровская церковь сооружена в 1857 году. Судя по архитектуре, эта дата относится к окончанию строительства храма, которое в условиях бедных северных приходов нередко растягивалось на 20-25 лет. Боковые приделы каменного храма (во имя священномученика Антипы Пергамского и во имя святителя Николая)[9] могли быть подготовлены к освящению лет на 10-15 раньше, чем «настоящая церковь». Не исключено, что в них успел послужить диакон Иоанн Казанский.

Из Большой Шалги происходит поясная икона свт. Николы первой половины XVI века (очевидно, храмовый образ Никольского придела), которая ныне хранится в Русском музее[10].

За последние 10 лет каменная церковь Большешальского погоста выведена из запустения, отремонтирована и освящена. Однако возродившийся приход демонстративно отгородился от деревянного шатрового храма, бросив его на произвол судьбы. Надо полагать, нынешним наследникам строителей замечательного церковного ансамбля не по силам содержать оба храма. Но как можно вообще отказаться от ответственности за сохранность древней святыни! Ведь бревна, доски, гвозди найдутся в любом дворе, а постоянная забота как правило требует минимальных расходов. В итоге в то время как Покровская церковь приукрашалась, как невеста, рядом стоящая Христорождественская пришла в аварийное состояние. Ее более старая и конструктивно

Каргополь. Здание Духовного училища (второй этаж надстроен в советское время). Современный вид

Большешальский погост под Каргополем. Каменный храм Покрова и деревянный (шатровый) Рождества Христова. Современный вид

ослабленная западная часть готова рассыпаться, что приведет к гибели всего здания. Нужно бить в набат, чтобы не допустить катастрофы. Государственные органы, церковные инстанции, спонсоры (благотворители), мастера-плотники обязаны срочно объединить усилия для спасения храма-памятника, в котором был крещен и воцерковлялся отец св. митрополита Вениамина.

В 1861 году Павел Казанский окончил в Петрозаводске полный курс Олонецкой Духовной семинарии. Как и многие ее выпускники, до принятия священного сана он получил место наставника (учителя) одного из сельских училищ – Нименского, в родном Каргопольском уезде. Крестьяне Олонии не знали крепостного гнета, и народное образование получило здесь развитие раньше, чем в других регионах России. Первый опыт широкого приобщения крестьянских детей к грамоте относился еще к 1830-м годам, когда архиепископ Игнатий (Семенов) предписал духовенству епархии заняться учебным делом «домашним способом»[11]. Инициатива открытия сети сельских училищ в уездах Олонецкой губернии принадлежала палате государственных имуществ. В Каргопольском уезде еще в 1851 году возникло 4 таких школы, одна из них – в деревне Андреевской Нименского прихода. Приходским священником в то время там был о. Александр Васильевич Смирнов (около 1818 – 8 июня 1857), дед св. митрополита Вениамина по матери. После ранней кончины о. Александра заботливый архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий (Федоров) перевел в Нименское брата его вдовы, священника Косьму Охотина. Таким образом, осиротевшие дети о. Александра остались в родном доме. Старшей из них, Марии, было всего 13 лет[12].

В Нименском приходе в середине XIX века проживало немало старообрядцев, а как писал архиепископ Аркадий, «без особенного усмотрения и примерного испытания не единожды не назначался священник в приход, зараженный расколом»[13]. Павел Казанский учительствовал в Нименском Андреевском сельском училище два года, а затем архиепископ Аркадий благословил его на брак с Марией Смирновой и 27 июля 1863 года рукоположил во священника к местному храму. Следовательно, владыка был уверен в его «способности и благонадежности <…> к полезному служению во священном сане при Нименской церкви». Он не ошибся: о. Павел, «пастырь по глубокому убеждению и призванию»[14], усердно и успешно священствовал в этом приходе 40 лет, до последнего вздоха. В семье о. Павла и Марии Казанских выросли три сына и дочь. Василий (так звали в миру священномученика митрополита Вениамина) был старшим ребенком, – он родился в Нименском 17 апреля 1873 года.

От времени жизни святителя на его родине уцелела единственная мемориальная постройка – здание школы в деревне Андреевской, которой исполнилось 125 лет. Из них 115 лет она использовалась по своему прямому назначению. Эту школу освящал отец митрополита, он же много лет законоучительствовал в ней.

При освящении здания о. Павел Казанский сказал глубоко прочувствованное слово, указав в нем на «те заботы правительства, земства и частных лиц, которые предпринимаются для образования народного»[15]. Действительно в истории строительства скромной сельской школы как в капле воды отразилась эпоха великих реформ Императора Александра II, желавшего видеть своих подданных свободными и просвещенными людьми.

На рубеже 1850–1860-х годов казне пришлось урезать расходы на школьное дело, которое легло на плечи сельских священников. Первые 8 лет пастырства о. Павел совмещал службу на приходе с прежней своей должностью наставника местного училища. Подобная картина, очевидно, стала правилом. Так, старший брат о. Павла, Петр Казанский, в 1857–1859 годах учительствовал в селе Река Каргопольского уезда, а затем был рукоположен во священника к Речно-Георгиевской церкви, с оставлением на учительской должности[16]. Только в 1871 году в школах этих приходов вновь по-

явился учитель в светском звании, а священник занял положение законоучителя. Сельские школы перешли тогда в ведение новых органов местного самоуправления – земств.

Наставником Нименского земского училища в 1871–1874 годах трудился выпускник Олонецкой Духовной семинарии Петр Скородумов (впоследствии – священник в Каргополе; † 30 ноября 1916[17]). Он и стал восприемником младенца Василия Казанского при его крещении в церкви Нименского погоста 22 апреля 1873 года[18] – в Неделю свв. Жен Мироносиц.

Вопрос об учреждении образцовых одноклассных училищ был поднят Олонецким губернским земством в 1873 году. В Каргопольском уезде таких училищ предполагалось открыть два, одно из них – в Нименском приходе. Прихожане о. Павла, крестьяне деревни Андреевской, уступили под школу десятину земли. Денежные средства на строительство и содержание школьных зданий складывались из сумм, отпущенных как земскими собраниями 1875 и 1877 годов, так и министерством народного просвещения. Поступали и частные пожертвования. Один из жертвователей, непременный член Каргопольского уездного по крестьянским делам присутствия П.Э. Мудров, оплатил «вывозку лесных материалов для постройки дома для Нименского образцового училища»[19]. Он же организовал и успешное строительство школы хозяйственным способом, причем был выбран самый лучший проект: классная комната имеет окна в двух стенах.

Нименское земское училище не случайно предназначалось к преобразованию в образцовое. Оно входило в число лучших училищ уезда[20]. «За отличное усердие и примерное исполнение учительских обязанностей» его законоучителю священнику Павлу Казанскому и учителю Николаю Лебедеву в 1878 году была вынесена благодарность от управления учебного округа[21].

Освящение образцового училища в деревне Андреевской состоялось 19 сентября 1878 года. Участники торжества, взрослые и дети, собрались в храм на Нименский погост, отстоящий на версту от деревни. Оттуда в школу направилось многолюдное шествие с училищной иконой «среди живописной местности, чисто швейцарской, по горам между озерами, при тихой и ясной погоде»[22]. О. Павел совершил в школьном здании водоосвящение и молебствие. В новой школе он продолжал оставаться законоучителем до самой кончины, и 3 марта 1901 года удостоился награждения орденом св. Анны 3-й степени «за 25-летние труды по народному образованию»[23].

С конца 1880-х годов о. Павел Казанский открывает по деревням своего прихода 5 церковных школ. «Первое время учителями в них были воспитанники о. Павла, которые и трудились под его руководством, – писал в некрологе отца святитель Вениамин. – Двое и теперь еще остаются: один даже состоит учителем церковно-приходской школы и на хорошем счету, хотя он окончил только начальное училище»[24]. Очевидно, речь идет о многолетнем учителе деревни Яковлевской Якове Евдокимовиче Зарубине, который упоминается в школьном отчете за 1890–1891 год[25] и оставался в должности еще в 1908 году[26]. Иеромонах Вениамин (Казанский) с 22 декабря 1899 года состоял попечителем церковно-приходских школ Нименского прихода, сохранив за собой это звание и после хиротонии во епископа в 1910 году. От пяти школьных зданий до наших дней уцелело одно – в деревне Шултус, «обветшавшее, но не разграбленное»[27].

Нименский погост занимал живописный пригорок у Шенкурского тракта в том месте, где к нему подходил рукав Борового озера[28]. При прокладке современного шоссе трасса была несколько спрямлена, и от деревни Андреевской до погоста сохранился участок старого грунтового тракта. Таким образом, и сегодня можно пройти по проселку, освященному стопами будущего Петроградского архипастыря. С последнего поворота открывалась лучшая панорама погоста, в которой оба храма были обращены к путнику с юго-востока.

На плечи о. Павла Казанского в начале его служения

Дер. Андреевская. Школа (Нименское образцовое училище), где законоучительствовал иерей Павел Казанский, отец Владыки, и где бывал его сын Василий (будущий митрополит Вениамин). Мемориальная доска на здании школы

Панорама Нименского погоста с юго-востока. Слева направо: священнический дом (за оградой погоста), холодная Никольская церковь 1870-х годов постройки, теплая Преображенская церковь XVII в. Фото начала XX в.

в Нименском легло строительство нового летнего Никольского храма с колокольней и реставрация теплого храма XVII века, Преображенского. При этом зимняя церковь сохранила оригинальное кубоватое завершение, распространенное только на Каргополье. Ее грузные формы удачно уравновешивали силуэт нового храма. Большой священнический дом на погосте также был построен о. Павлом. «Дом его был открыт для всех, – вспоминал святитель Вениамин. – Проезжающие, проходящие, особенно духовного звания, находили себе ласковый, даже родственный прием. Зато и знали о. Павла по всей округе»[29]. С 1888 года священник Павел Казанский состоял благочинным 5-го округа Каргопольского уезда. В благочиние, кроме Нименского, входило еще 7 приходов. Когда же была проведена железная дорога Вологда-Архангельск, в 10 верстах от Нименского погоста при станции Няндома вырос крупный поселок.

Нименский погост. Слева – Никольская церковь, справа – Спасо-Преображенская. Фото 1918 г.

В 1901 году там открыли приход, который пополнил благочиние о. П. Казанского.

Средний сын о. Павла Александр (16 августа 1880 – 1937), окончивший Каргопольское Духовное училище, на рубеже XIX-XX веков получил назначение псаломщиком в родной приход, а 8 сентября 1901 года был рукоположен во диакона.

В ноябре 1903 года о. Павел тяжело заболел. К его одру собрались все дети – 3 сына и дочь. Сыновья – архимандрит Вениамин (в то время – ректор Самарской Духовной семинарии), диакон Александр и семинарист Григорий – совершили над умирающим таинство елеосвящения. 7 декабря архимандрит Вениамин возглавил погребение усопшего пастыря. Из-за громадного стечения народа литургия и отпевание были совершены не в теплом, а в холодном храме. Заботливая рука прихожан устроила склеп из кирпича, чтобы земля не давила гроба (по этой примете, очевидно, можно будет установить место погребения о. П. Казанского).

Памяти своего отца архимандрит Вениамин посвятил обширный некролог. По богатству автобиографического материала это произведение не имеет себе равных – мало кто из русских святых оставил рассказ о своем детстве. Не случайно очерк «На службе Божией» вошел в один из томов указателя «История России в дневниках и воспоминаниях».

Настоятельское место в Нименском после смерти о. Павла предоставили о. Сергию Тихомирову, который до рукоположения во священника 11 января 1904 года состоял диаконом-псаломщиком в Няндоме. Священником же на диаконской вакансии с лета 1910 года служил у себя на родине о. Александр Казанский.

В сентябре 1912 года Нименскую землю посетил епископ Гдовский св. Вениамин. 10 сентября он отслужил молебен на начало учение в Яковлевской школе, которой заведовал его младший брат. О поездке епископа Вениамина «на родину в Олонецкую губернию» сообщалось также в августе 1915 года. Возможно, с этим

Нименский погост. Вид на сгоревший храм со стороны старинного Шенкурского тракта.

Никольская (зимняя) церковь Нименского погоста после пожара. Фрагмент фасада. Фото 2000 г.

его пребыванием в Нименском связаны воспоминания местного старожила П.М. Богданова (1909–1993). Панфил запомнил, как в детстве он получил благословение епископа и печатный образок святителя Питирима Тамбовского (канонизирован 28 июля 1914).

После открытия железной дороги через Няндому Нименский погост стал «воротами в Каргополье». Сама Няндома отстроилась в несколько лет и по единому проекту. Лучшее место в поселке заняла деревянная церковь свв. Зосимы и Савватия Соловецких. Она была освящена 21 января 1902 года местным благочинным священником Павлом Казанским[30]. Настоятелем нового храма стал священник Александр Хотеновский, переведенный из Каргополя. После смерти о. П. Казанского он получил назначение окружным благочинным.

19 октября 1917 года нименский священник Сергий Тихомиров был уволен за штат в связи с поступлением в Казанскую Духовную академию. В приходе продолжал служить о. Александр Казанский. В начале 1920-х годов, после мученической кончины св. митрополита Вениамина, его младший брат оказался среди обновленческого духовенства[31]. Насколько известно из устных свидетельств, он овдовел, имея трех детей, и вступил во второй брак (что допускалось обновленцами). В этом браке в мае 1925 года у него родилась дочь Вера.

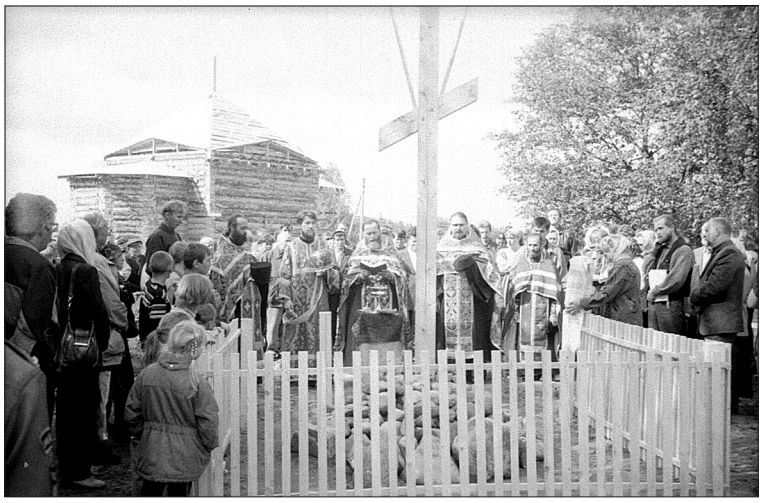
Надолго «задобрить коммунистов» обновленцам не удалось. В 1929 году в СССР была развернута яростная антирелигиозная кампания, жертвами которой стали все верующие и духовенство всех юрисдикций и конфессий. В марте 1929 года в Няндоме, с вопиющем нарушением даже куцего «советского законодательства», была разгромлена и перестроена под суд и прокуратуру Зосимо-Савватиевская церковь[32]. Няндомский горсовет своим постановлением отверг распоряжение высшего органа государственной власти – ВЦИК – «о сохранении церкви за верующими до решения президиума ВЦИК»! Верующим Няндомы какое-то время удавалось пользоваться наспех оборудованным молитвенным домом, но затем был закрыт и он[33].

Из Няндомы направлялись «безбожные походы» по всему Каргополью, причем одной из главных мишеней был Нименский приход (Андреевский сельсовет). «Шефство» над этим сельсоветом взяла на себя «комсомольская группа содействия партии при гарнизоне г. Няндомы»[34]. Не удивительно, что вскоре на огороде о. Александра Казанского нашли винтовку, закопанную в землю. Священник был арестован и заключен в концлагерь Липово на территории родного прихода. Репрессированных использовали здесь как бесплатную рабочую силу на экспортных лесозаготовках. В лагере о. Александр и скончался[35].

На Нименском погосте древнюю Преображенскую церковь раскатали на дрова, а Никольскую, построенную о. Павлом Казанским, переоборудовали под «Дом отдыха ударника-лесоруба имени 18-й годовщины Октябрьской революции» (впоследствии дом отдыха «Боровое»). Открытие Дома отдыха состоялось 7 ноября 1935 года. Он просуществовал чуть более 50 лет и со временем стал одним из крупнейших в Архангельской

Няндома. Зосимо-Савватиевская церковь (здание перестроено до неузнаваемости в 1929–1930 гг.). Современный вид

Нименский погост. Освящение поклонного креста в память сщмч. Вениамина, митрополита Петроградского. Август 2002 г.



области. В начале 1990-х годов прекрасно оборудованный Дом отдыха был закрыт, разграблен и брошен на произвол судьбы. Его старейшая постройка, некогда бывшая церковью, сделалась жертвой пожара. Черный обгорелый остов больше 5 лет возвышался на месте древнего погоста. Почти одновременно с пожаром на Нименском погосте школа в деревне Андреевской была переведена из старинного здания в другое, новое. Местная администрация отнеслась к историческому дому Нименского образцового училища как к ненужной обузе и выставила его на торги.

Священномученика митрополита Вениамина в его родном краю впервые открыто и благоговейно вспомнили в связи с канонизацией. Каргопольская и Няндомская районные газеты опубликовали его биографические очерки[36]. Позднее материалы о митрополите и его родственниках начал собирать няндомский краевед В.В. Родин, член Союза журналистов. В октябре 1992 года в Няндоме была зарегистрирована православная религиозная община. Вскоре верующим даже вернули Зосимо-Савватиевскую церковь. Но восстановление обезображенного здания потребует многолетних трудов – при перестройке 1930-х гг. первым делом снесли алтарную абсиду, световой купол, колокольню… Богослужения стали совершать на соседней улице, в малом храме, престол которого был освящен во имя священномученика Вениамина, митрополита Петроградского. Так святитель почти через 75 лет после гибели вернулся во славе на древнюю каргопольскую землю.

В 2000 году Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (директор – Л.И. Севастьянова, зам. директора по научной работе – И.В. Онучина) проводил VI Каргопольские научные чтения на тему «Христианство и Север». В конференции принял участие автор этих строк, представивший подготовленный совместно с А.А. Бовкало доклад о Нименском погосте – родине св. митрополита Вениамина. На 2002 год музей-заповедник запланировал очередные научные чтения «Святые и святыни северорусских земель». В связи с тем, что в тот год исполнялось 80 лет со дня мученической кончины и 10 лет церковного прославления святителя Вениамина, музей выступил с инициативой посвятить конференцию памяти митрополита-священномученика. Это предложение было поддержано Архангельской епархией, администрацией Каргопольского и Няндомского районов. За два года удалось сделать многое, чтобы вывести родину великого архипастыря из «мерзости запустения».

В «Вениаминов день», 13 августа (31 июля ст. ст.) 2002 года едва ли не вся деревня Андреевская высыпала на дорогу у здания старой школы. Сюда собрались представители местных и районных властей, сюда же прибыли из Каргополя участники VII научной конференции.

Под общие аплодисменты глава районной администрации В.М. Сивков открыл установленную на фасаде школы доску с надписью: «В этом здании с 1878 года размещалось одноклассное сельское училище. Основатель – священник Павел Казанский». Для памятника истории юбилей пришелся очень кстати – его сняли с торгов и передали на баланс отдела культуры. Теперь решается вопрос о постановке его под охрану, о выделении средств на ремонт и об использовании под музей и библиотеку.

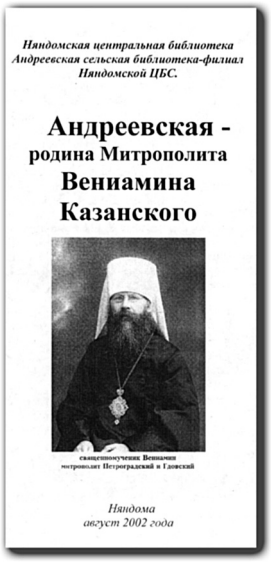
От школы хозяева и гости направились на холм, где 70 лет назад высились храмы Нименского погоста, а на рубеже второго и третьего тысячелетия от Рождества Христова чернели одни обгорелые бревна постройки, в которой уже трудно было угадать ее первоначальное назначение. Участников процессии ждала удивительная картина – холм как бы помолодел на несколько столетий. Теперь его венчал свежий сруб недостроенной Преображенской часовни, перед которой поднимался к небу высокий поклонный крест. Следы хозяйничанья на святом месте тех, кто «богател не в Бога» и оставил по себе лишь головешки, были стерты с холма, и на нем

зазвучала церковная молитва. Может быть, это случилось впервые со дня ареста о. Александра Казанского. Много веков назад первопоселенцы края, закладывая здесь дом Божий, столь же усердно молились, чтобы он простоял до скончания века. Спираль истории вышла на новый виток…

В благоустройстве территории Нименского погоста, которое возглавил начальник РСУ Н.И. Муха, в строительстве часовни приняли участие практически все промышленные предприятия Няндомы. Поклонный крест по старинным образцам изготовили умельцы столярного цеха локомотивного депо.

Освящение поклонного креста возглавил настоятель Ильинского кафедрального собора города Архангельска митрофорный протоиерей Владимир Кузив. Он передал землякам святителя Вениамина благословение епископа Архангельского и Холмогорского Тихона (Степанова) и пожелал, чтобы милость Божия была со всеми, кто будет «с добром сюда подходить, молиться и брать отсюда благодать в свои души, в свои семьи, в свой край»[37]. Настоятель няндомского прихода протоиерей Олег Ежов, обращаясь к собравшимся под сенью новоосвященного креста, сказал: «Этот крест необычен своей историей. Пять лет назад мы устанавливали первый крест на месте будущего храма в честь митрополита Вениамина. Второй крест был поставлен при освящении построенного храма. И этот, третий, установлен как память о присутствии на этой земле этого святого»[38]. На память о торжестве Няндомская центральная библиотека издала буклет «Андреевская – родина Митрополита Вениамина Казанского», который раздавался всем, кто пришел почтить его память.

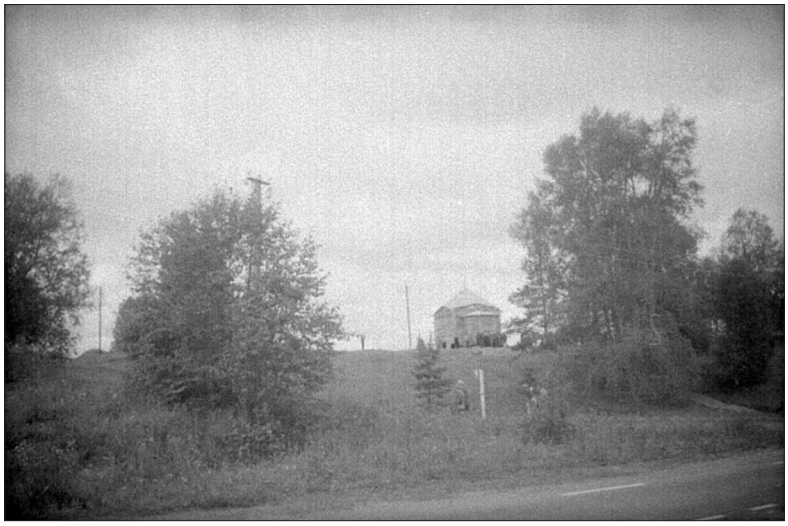
Летом 1916 года епископ Гдовский св. Вениамин, вернувшись в Петроград из Тобольска, где он был участником всецерковного прославления святителя Иоанна Тобольского, особо подчеркнул «народный дух» этих торжеств[39].Тот же народный и задушевный характер



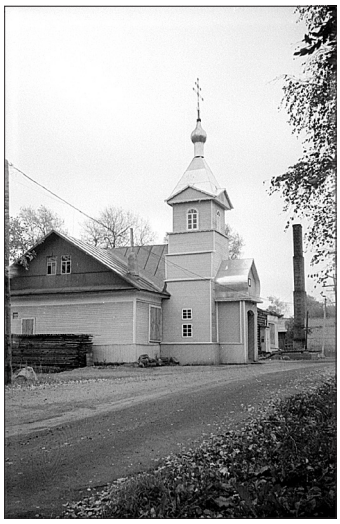
Издания, посвященные св. митрополиту Вениамину, увидевшие свет на его родине

имело совсем скромное первое празднование памяти священномученика-митрополита на его родине. Оно как нельзя лучше соответствует духовному облику самого архипастыря, избранного народом на Петроградскую кафедру. Не зря же на судебном процессе 1922 года про митрополита Вениамина говорили «простой, немудрящий сельский попик». Непритязательны и знаки, отметившие место его появления на свет: деревянная часовня, пока еще отстроенная только вчерне, и Голгофский крест. На внутреннюю отделку часовни не нашлось средств, и она остается неосвященной.

Но горы движет вера, а не деньги. Святое усердие к своему пострадавшему за Христа земляку, проявленное няндомскими и каргопольскими ревнителями его памяти, привело к результатам, которые еще 3-4 года назад казались «бессмысленными мечтаниями». Дивен Бог во святых Своих!



Нименский погост. Недостроенная Преображенская часовня на месте разрушенных храмов. 2002 г.



Няндома. Храм сщмч. Вениамина, митрополита Петроградского. Современный вид

Примечания:

[1] *Новиков Н.С.* Колыбель опального патриарха. Псков, «Робин», 1999.
[2] *Докучаев-Басков Ф.К.* Каргополь. Архангельск, 1913. С. 3.
[3] *Нежный А.* Плач по Вениамину // Звезда. 1996. № 4. С. 63.
[4] *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Родственные связи св. митрополита Петроградского Вениамина // Из глубины времен. Вып. 8. СПб, 1997. С. 147-148; 151.
[5] *Гунн Г.П.* Каргопольский озерный край. М., «Искусство», 1984. С. 36.
[6] *Алферова Г.В.* Каргополь и Каргополье. М., Стройиздат, 1973. С. 128.
[7] *Федоров Б.Н.* Каргополь и его окрестности. Л., «Художник РСФСР», 1978. С. 66.
[8] *Уткин Н.Н.* Церковно-архитектурная топография города Каргополя XVIII – середины XIX вв. // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002. С. 56.
[9] Посещение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Назарием, епископом Олонецким и Петрозаводским, приходов Большешальгского, каргопольского уезда, и Рубежского, вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости [ОЕВ]. 1898, № 6. С. 21.
[10] *Дурасов Г.П.* Каргополье. Художественные сокровища. М., «Советская Россия», 1984. Илл. 34.
[11] *Галкин А.К., Бовкало А.А.* Опыт обучения «поселянских детей» Олонецкой губернии в николаевское время // Философский век. Альманах 6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПБ, 1998. С. 143-159.
[12] *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Родственные связи... С. 154-155.
[13] *Вениамин (Казанский), иеромонах.* Преосвященный Аркадий, архиепископ Олонецкий, как деятель против раскола. Петрозаводск, 1901. С. 132.
[14] *Кенорецкий Н., свящ.* 40-летний юбилей свящ. о. Павла Иоанновича Казанского // ОЕВ. 1904, № 1. С. 18.
[15] *N.N.* Открытие Нименского и Ловзангского одноклассных сельских училищ // Олонецкие губернские ведомости [ОГВ]. 1878, № 89. С. 1077.
[16] О народных учителях и школах в Речно-Георгиевском приходе, Каргопольского уезда // ОГВ. 1875, № 49. С. 543-545.
[17] ОЕВ. 1916, № 36. С. 710.
[18] Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 42. Ед. хр. 311. Л. 114 об.-115.
[19] Объявление благодарности // ОГВ. 1876, № 83. С. 912.
[20] О ходе народного образования в Олонецкой губернии // ОГВ. 1876, № 93. С. 1041.
[21] Изъявление благодарности // ОГВ. 1878, № 65. С. 775.
[22] *N.N.* Открытие Нименского и Ловзангского одноклассных сельских училищ // Олонецкие губернские ведомости [ОГВ]. 1878, № 89. С. 1077.
[23] ОЕВ. 1901, № 7-8. С. 226-227.
[24] *Вениамин, архимандрит.* На службе Божией. (Некролог) // ОЕВ. 1904, № 3. С. 68.
[25] ОГВ. 1892, № 30. С. 317.
[26] Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год. Петрозаводск, 1908. С. 145.
[27] *Светланин Н.* Деревня Шултус // Авангард. Няндомская районная газета. 2002, № 64 (14 августа). С. 3.
[28] *Галкин А.К., Бовкало А.А.* Нименский погост – родина митрополита Вениамина // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002. С. 85-93.
[29] *Вениамин, архимандрит.* Цит. соч. С. 71.
[30] *М.* Корреспонденции. Станция Няндома, Моск.-Яросл.-Арх. железной дороги // ОГВ. 1902, № 21 (16 февраля). С. 3.
[31] Фонд Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея- заповедника. Архив милиции 1918–1929 гг. Дело с материалами о регистрации союзов, объединений и религиозных общин. Л. 31 (1925 г.). Приношу благодарность главному хранителю фонда О.Б. Пригодиной за предоставленные сведения.
[32] Безбожник. 1929, № 16. С. 1.
[33] Ответ мракобесам // Лесной рабочий (Няндома). 1931, № 42 (17 апреля). С. 4.
[34] Берем шефство над Андреевским сельсоветом // Лесной рабочий (Няндома). 1930, № 213 (26 января). С. 2.
[35] Материалы В.В. Родина († 1999), краеведа из Няндомы.
[36] *Бовкало А., Галкин А.* Служил своему народу // Каргополье. Газета районного Совета народных депутатов. 1992, № 90 (4 августа). С. 2, № 91 (6 августа). С.3; *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Священномученик митрополит Вениамин // Авангард. Няндомская районная газета. 1992, № 80 (5 августа). С. 2.
[37] *Светланин Н.* Обретение утраченного // Авангард. Няндомская районная газета. 2002, № 64 (17 августа). С. 1.
[38] *Иванова Ю.* Время собирать камни // Северная широта. Информационный еженедельник [Няндома]. 2002, № 33 (16 августа). С. 1.
[39] Еп. Вениамин о Тобольских торжествах // Петроградский листок. 1916, № 177 (30 июня). С. 4.

Автор приносит искреннюю благодарность проф. протоиерею Владимиру Сорокину за многолетнюю разностороннюю помощь в работе по сбору материалов к жизнеописанию сщмч. митрополита Вениамина

Панорама Нименского погоста с руинами Никольской церкви. Фото 2000 г.

БОЛХОВСКАЯ СТАРИНА

Путевые заметки

Поехать в это паломничество съемочную группу Православной студии С.-Петербурга благословил протоиерей Василий Ермаков, настоятель Серафимовского храма, с целью снять фильм о святынях Орловской земли.

Центральное место в поездке занимал город Болхов – родина отца Василия. Я сначала и не видела иного смысла в этом путешествии, кроме того, как посетить места, где родился и вырос один из самых любимых паствой и почитаемых священников Санкт-Петербургской епархии, духовный отец работников нашей студии, дорогой батюшка о. Василий. Но эта поездка открыла мне и совсем другой смысл…

Ижицы

Поселок Ижицы находится в 270 километрах от С.-Петербурга. Автобус остановился на шоссе у самой кромки леса. Песчаная тропинка среди деревьев вела в темную глушь. Мы прошли минут семь, и перед нашим взором открылась поляна, на которой стоял деревянный крест с иконой. Справа от креста – источник. Когда приближаешься к этому месту, слышно, как шумит вода.

Народная память сохранила предание о том, что здесь было явление Казанской иконы Божией Матери. А в самом поселке стояла часовня, где и пребывал явленный образ Богородицы.

Паломники стали молиться: «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды…» Пошел сильный дождь, но он никого не смутил и не испугал… Шум дождя сливался со звуком воды источника и с молитвой. На душе было радостно.

Богомольцы обливались из ведра целебной водой. Вода ледяная, даже обжигает. Но потом становится тепло и телу, и душе. Молитвы слышны далеко. Пение разносится по лесу и… Идет дождь.

Совершенно мокрые, но довольные, мы вернулись в автобус …

Обитель на Валдае

В Иверский монастырь мы приехали вечером.

Вошли в собор в честь Успения Божией Матери. Древняя живопись на стенах собора практически не сохранилась. Великолепный шестиярусный резной барочный иконостас стоял в соборе более двух столетий и погиб в послереволюционный период.

Мы приложились к списку чудотворной иконы, к частицам мощей святых, в большом числе пребывающих

Валдай. Иверский Святоозерский Богородицкий мужской монастырь

в монастыре; видели древние фрески, которые, видимо, восстановить уже невозможно. Когда смотришь на иконы древнего письма, древнюю настенную живопись, замирает сердце, чувствуется вековая намоленность храма. Новописанные иконы сильно отличаются от древних. Невольно в голову приходят мысли – «неужели все утеряно безвозвратно? Та красота, и святость, и молитвенность Святой Руси»…

Валдайский Иверский Святоозерский Богородицкий мужской монастырь был основан патриархом Никоном на одном из островов Валдайского озера в XVII столетии. Монастырь был задуман как повторение Иверского Афонского монастыря. В декабре 1656 года патриарх Никон привез в Иверскую обитель список Афонской Иверской иконы Божией Матери. Список впоследствии прославился чудотворениями.

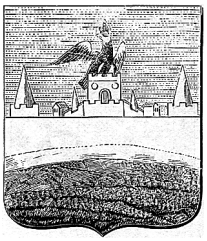
В XX столетии, в годы гонений за веру православную обитель была закрыта и разорена. В 1991 году монастырь был возвращен Церкви, началось его восстановление.

Все подали поминание в храме и пошли к озеру, на дно которого, как гласит церковное предание, патриарх Никон при основании обители опустил Евангелие и крест. И с тех пор озеро называется Святым.

На берегу была трапеза. Солнце медленно заходило за горизонт, оставляя золотую тропинку на темной поверхности воды… Здесь мы сняли прекрасные кадры – первые в этом путешествии.

Впереди предстояла дорога в целую ночь до неведомого мне доселе города Болхова…

Знакомство с Болховом



Болховъ. В верхней части щита – гербъ Орловскій. В нижней – в серебряномъ пол , засеянное гречихой поле; в знакъ его онымъ изобилія

Утром нас разбудило яркое солнце. Из окна по обе стороны дороги были видны бескрайние разноцветные поля. Белые – гречихи, голубые – льна, золотые – пшеницы, зеленые – ячменя. Недалеко от Болхова мы видели гнездо аистов с птенцами…

Вот такая, наверное, и была, в моем представлении, Русь с широкими полями, реками, густыми лесами…

А вот и Болхов. Перед нами предстал небольшой уездный город. Деревянные домики с резными оконными окладами, подвесные мосты на реке Нугре… Разместившись в городской гостинице, расположенной рядом с базаром, мы отправились знакомиться с городом…

Город Болхов расположен между холмами Орловского Полесья, в самом сердце центральной России. По преданию, город под названием Девягорск (будущий Болхов) был основан не позднее XIII в. на берегу реки Нугря – притока Оки. Есть легенда и о потаенном пребывании в Болховском крае мощей уроженца этих мест, Киево-Печерского инока, святого преподобного Кукши (1110 – начало 1120-х), убиенного за проповедь веры Христовой язычниками-вятичами. В Орловских землях недалеко от города Мценск есть колодец св. прп. Кукши. Название «Болхов» произошло, вероятно, от прозвища «Болх», которое носил князь Иван Звенигородский, владевший этими землями. Построенная в 1556 году в Болхове деревянная крепость защищала южные пределы Руси. В 1565 она выдержала осаду Девлет-Гирея и привлекла благоволение царя Ивана Грозного, на следующий год посетившего Болхов.

В июне 1706 по пути в Киев посетили Болхов Петр I с царевичем Алексеем.

Этот город был великой крепостью духа. Известно, что Антиохийский патриарх Макарий III в 1656 году встречал Пасху в одной из Болховских церквей.

Называли Болхов вторым Суздалем – за «многолюдство благочестивого народа» и множество храмов (до революции их было 28), по которым именовались улицы: Большая Никольская, Воскресенская, Архангельская, Петропавловская, Ивановская, Сергиевская, Никитские...

Город был знаменит и своими двумя монастырями – Троицкий Оптин мужской монастырь и Всехсвятский женский.

Но наступили времена гонений. Мученическую кончину приняли настоятель Троицкого Оптина монастыря, епископ Болховский Даниил (Троицкий), родной брат священномученика Илариона (Троицкого), и сотни других священнослужителей. В начале 1920-х годов территорию женского монастыря заняла коммуна «Спартак», куда насильственно сгоняли жителей. К 1923 году был закрыт Оптин монастырь, в его зданиях разместились колхозный скотный двор и конюшни.

Город Болхов, расположенный на р. Нугре, есть один из древних городов рассматриваемой области. Полагают, что он существовал уже в XIII веке. Действительно в XIII в. были князья Болховские, которых считают Ольговичами, но владения их находились по дороге из Галича в Киев, в нынешней Подольской губернии, и вероятно ничего общего с городом Болховом Орловской губернии они и не имели. Во второй половине XVII в. мы видим Болхов уже во владении Ивана Грозного. Он был в то время хорошо укреплен земляным валом и деревянной крепостью. В 1565 г. хан крымский Девлет-Гирей подступил под него с сильным войском и пушками. Защищавшие Болхов воеводы сделали удачную вылазку и даже не дали Гирею сжечь посада, и хан, узнав, что на выручку города идут князья Бельский и Мстиславский со значительным войском, бежал.

«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Под ред. П.П. Семенова. СПб. 1902

Болхов. Большая Никольская улица. Никольская, Вознесенская, Успенская, Алексиевская (1701), Христорождественская (1690-е) церкви. Фото начала XX в.

Весною 1608 г. под стенами Болхова произошла значительная двухдневная битва (10 и 11 мая). Второй Лжедмитрий, благодаря храбрости своего гетмана кн. Рожинского и атамана Заруцкого, одержал решительную победу над царскими войсками, бывшими под начальством царского брата — нерешительного кн. Дмитрия Шуйского и кн. Вас. Вас. Голицына.

... После гибели тушинского вора, Болхов постигла одинаковая с Орлом участь. Он присягнул королевичу Владиславу, но был выжжен теми же польскими шайками, которые опустошили Орел и все окрестные местности.

Еще и в царствование Михаила Феодоровича Болхов подвергался нападениям врагов. В 1613 г. он был взят литовцами и черкасами, а в 1616 г. посланные против литовцев воеводы Мих. Самс. Дмитриев — один из храбрых сподвижников кн. Пожарского, и Дмитрий Скуратов бились под Болховом с литовцами. Неприятели были разбиты, но М.С. Дмитриев пал в сражении, а на его место был послан кн. Ив. Андр. Хованский, дед более знаменитого кн. Ивана Андреевича, прозванного Тараруем. С того времени Болхов уже не видал под своими стенами врагов. В половине XVIII в. город был постигнут другим бедствием. В 1748 г. он выгорел почти весь (1 500 дворов). В 1778 году Болхов был назначен уездным городом. Остатков старины в городе совсем не уцелело. От его укреплений не осталось и следов, но за местом, на котором они находились, сохранилось название «городища».

«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей».

9 октября 1941 года в город вошли немцы. Уже через неделю открылась Алексиевская, затем Введенская церкви. Бои за город в феврале – марте 1942 оказались безуспешными. Болхов был освобожден только 29 июля 1943 соединениями 61-й армии.

Большинство храмов еще стояли до 1950-х годов. Трудно перечислить разрушения, которыми сознательно уничтожалась история Болхова. Уникальный ансамбль главной улицы города, включавший пять церквей XVIII века: Никольскую, Вознесенскую, Сергиевскую, Успенскую и Николо-Космодамианскую, остался ныне лишь на старых фотографиях. Изуродованная Никольская улица была переименована в улицу Ленина… Последней, в 1972 году, была разрушена когда-то самая многолюдная по числу прихожан церковь св. «Николы Пахотного». На ее месте теперь стоит закусочная, а там, где возвышалась на Красной горе Николо-Космодамианская церковь, стоит памятник вождю, на месте Вознесенской церкви выстроен универмаг. Главную торговую площадь города украшал храм «Николы Торгового» или «Богаделенного», Зарецкую часть города – церкви св. Иоанна Милостивого, Воскресенская и Михаило-Архангельская. Сегодня видны лишь руины трапезной Воскресенской церкви в переулке К. Маркса. А от шести храмов мужского и женского монастырей г. Болхова остался только остов Всехсвятской церкви да разрушенный Троицкий собор в Оптином монастыре.

Болхов. Панорама города. Спасо-Преображенский собор (построен в 1841–1851). Слева – Троицкая церковь (1701–1708, колокольня – 1870-е), справа – Николо-Космодамианская церковь (1768–1774, не сохранилась)

За годы советской власти в Болхове и уезде было уничтожено 33 храма. Несколько уцелевших храмов поражают своим былым величием. Мощные крепкие стены.

Пятиярусная колокольня Георгиевской церкви считается самой высокой в Орловской епархии. Рядом с ней стоит храм, где служил настоятелем сын подвижника этих мест, св. прав. иерея Георгия Коссова.

На ул. Тургенева стоит возрожденная белокаменная Введенская церковь. Она была заложена на месте деревянного казачьего храма в 1792. Храм закрыли в 1932 году и хотели уничтожить в 1961 году, но приходу удалось отстоять церковь. В конце 1950-х годов при церкви жили 9 монахинь, вернувшихся из лагерей и ссылок.

В храме пребывает и особо почитается образ Божией Матери «Троеручица», риза на иконе Пресвятой Богородицы вышита жемчугом. Сохранилась в храме

Болхов. Мост через реку Нугрь. Преображенский собор и Троицкая церковь

Болхов. Георгиевская церковь, настоятелем которой с 1920 по 1929 гг. служил о. Николай Коссов. Современный вид

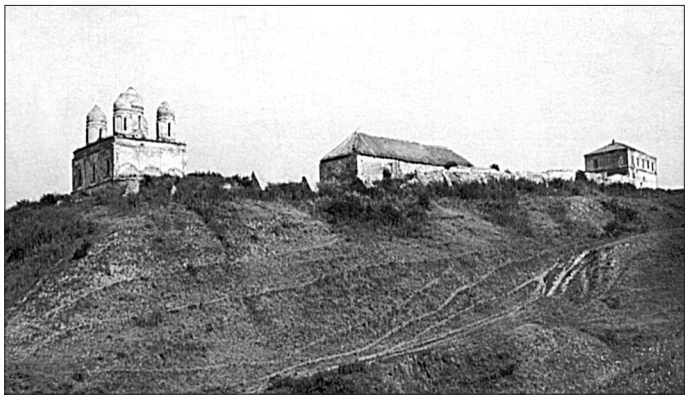
Голгофа, дар поэта А.Н. Апухтина.

Вообще город Болхов был значительным культурным центром. Здесь родились поэт А.Н. Апухтин, церковный художник, академик М.Н. Васильев, сын священника Введенского храма. В городе бывали: А.А. Алябьев, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, А.И. Куприн, И.С. Тургенев, А.А. Фет, Д.И. Фонвизин, П.И. Чайковский и многие другие.

В полутора километрах от Болхова стоит Свято-Троицкий Оптин монастырь, вернее то, что от него осталось. По преданию, раскаявшийся разбойник Опта сначала основал его, а потом уже известную Свято-Ввведенскую Оптину пустынь.

В 16 вер. от города, на р. Нугре находится Оптин Троицкий монастырь. Он был основан в начале XVII в., но в 1608 г. разрушен поляками. При царе Михаиле Феодоровиче, в 1620–1628 гг. он был возобновлен, и ему пожалованы рыбные ловли на р. Нугре. Из двух его церквей соборная Св. Троицы построена иждивением царя Алексея Михайловича и царицы Марьи Ильиничны для поминовения их родственников Милославских, которые погребены здесь.

«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей».



Свято-Троицкий Оптин монастырь близ Болхова

Из болховских уроженцев упомянем известного поэта Алексея Никол. Апухтина, родившегося здесь в 1840 г. и проживавшего в детстве и юности недалеко отсюда, в родовом имении родителей, д. Павлодаре Козельского у. Калужской губ. В эпоху освобождения крестьян Апухтины владели в Болховском уезде более чем 3 000 дес. земли. Старая дворянская фамилия Апухтиных начинается с Фед. Юр. Апухтина, жившего в конце XVI века. В конце XVIII в. Аким Ив. Апухтин был симбирским и уфимским генерал-губернатором.

«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей».

По указу Царя Алексея Михайловича в 1668 году в обители был заложен первый каменный собор. Раньше это был мужской монастырь, но сегодня он возрождается как женская обитель. Пока здесь живет одна монахиня.

От величественного монастыря остались разрушенные монастырская стена, ворота и собор, в котором сквозные дыры и нет полов. С благоговением, тихо заходили в него паломники, боясь нарушить молитвенный дух, который помнят и хранят эти стены.

В этом соборе с 1844 по 1847 годы был настоятелем архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской Духовной миссии, в 2000 году прославленный в лике святых. Его мощи, вероятно, пребывают под спудом на месте разрушенной соборной трапезной. В начале XX в. Троицкий Оптин монастырь считался одним из известнейших среднерусских монастырей. В настоящее время эту обитель государство берет под свою опеку.

Паломники пели. Гулко звучала молитва в пустом разрушенном соборе.

Рядом с собором – любимая скамеечка отца Василия. Монастырь стоит на высоком холме, с которого виден вдали Болхов с его храмами. Пока мы делали съемки монастыря и красот здешних мест, время экскурсии закончилось…

Кривцово

На следующий день наша съемочная группа посетила Кривцовский мемориал. Он поставлен там, где во время Великой Отечественной войны проходила Курская дуга, и тысячи наших воинов сложили свои головы.

Ехать от Болхова до этого памятника минут 30-40. Опять поля, вдалеке лесочек, подъезжаем – березовая роща, белые стволы, но чем-то они отличаются от наших петербургских березок. Они какие-то особенно белые. Только потом я заметила, что веточки, даже самые тонкие, у этих березок тоже белые, а не черные, как у наших. Стволы с небольшими темными полосками, – а у нас на стволах берез широкие черные полосы. Солнце, белые стволы… Ощущение невероятное. А когда входишь в эту рощицу, видишь огромный восьмиконечный крест

и памятник Скорбящей матери воина. Все подобные памятники как будто скопированы с образа Пречистой Богородицы. Многое коммунисты брали из православных традиций: крестные ходы с хоругвями – заменили демонстрациями с флагами, вместо икон выставили портреты вождей… Напротив креста и Скорбящей матери в траве укрыты могильные плиты.

60-я стрелковая дивизия народного ополчения ленинского района города Москвы, 6-я гвардейская стрелковая дивизия, 79-я и 80-я танковые бригады, 420-й и 455-й артиллерийские полки, 6-й гвардейский минометный полк...

И множество имен… Сколько же их, защитников Руси, лежит под этим крестом православным… Здесь в 1942 году не смолкали взрывы, а сейчас тишина, только птицы поют.

«Спите, солдатушки, вечная вам память».

Болхов. Спасо-Преображенский собор

Красная гора

Главная святыня города Болхова – величественный шестипрестольный Спасо-Преображенский собор. Он стоит на Красной горе. Выстроен он был в 1841–1851 годах на месте прежнего деревянного храма. Собор вмещает до 4500 человек. Закрытый в 1930-х годах, он использовался под склад, в годы войны пострадал оттого, что отступающие советские войска подожгли хранившееся там зерно. В 1990-е годы началось его восстановление. Из прежних святынь его уцелел резной образ свт. Николая, перенесенный сюда из Новгорода при Иоанне Грозном.

Главный алтарь ныне действующего нижнего храма освящен в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». Образ мироточит. Несколько прозрачных капель мира поблескивали от возженных перед иконой свечей.

С 2001 года в соборе открыто почивают мощи новопрославленного священноисповедника прот. Георгия Коссова (1855–1928), по благословению св. прп. Амвросия Оптинского 44 года прослужившего в селе Спас-Чекряк под Болховом.

Высокая колокольня собора украшена башенными часами. Звук курантов, отбивающих время каждые полчаса, слышен за 11 километров. Сохранился со старых времен мощный колокол… Подняться на колокольню не так уж и просто. Высокие каменные ступени, – некоторые из них разрушены, – ведут на второй этаж в верхний храм, еще не восстановленный. Дальше ступени деревянные. Крутая лестница поднимается все выше и выше. Усталые, немножко запыхавшись, мы поднялись на площадку, где установлены часы. Оттуда открывается панорама всего Болхова. Простор. Видны дома, купола храмов, извилины реки. Красиво, покойно. Кажется, время замерло, и мысли унеслись далеко… И только бой курантов возвращает к реальной жизни. Часы отбили 4 удара. Снизу сигналит машина, на которой мы приехали, напоминая о том, что время съемок здесь закончилось. Пора ехать дальше, чтобы успеть снять все…

Стоящая рядом с собором Свято-Троицкая церковь (1701–1708), самый известный храм Болхова, украшена «дивным узорочьем» в духе XVII века. После закрытия в 1930-е ее долгое время использовали под склад гудрона, снесли верх колокольни, пристроенной к храму в 1870-е годы, разрушили часовню на месте явления Казанской иконы Божией Матери. В 2002 храм был возвращен Церкви и нуждается в неотложной реставрации.

Через реку от собора на одном из холмов города стоит деревянный дом, где живет удивительный человек – художница Маргарита Ивановна, сотрудник Болховского краеведческого музея. По собственной инициативе несколько лет назад она стала копировать по сохранившимся фотографиям разрушенные храмы Болхова… Выискивала редкие фото. Если у кого найдет редкую фотографию, попросит дня на два и точь-в-точь скопирует. Так сохраняет она память о храмах, изучает и записывает их историю.

Мы побеседовали с ней, сфотографировали ее удивительные рисунки и уже собрались уходить, когда она предложила нам угоститься черной смородиной прямо с куста. Для жителей Петербурга ягоды есть всегда в охотку. В саду у Маргариты Ивановны много разных сортов. Нам больше всего понравилась смородина Петербургская. Сладкая…

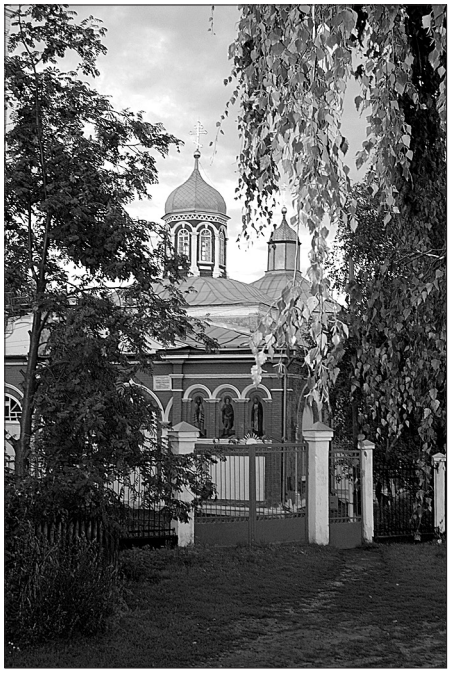
Темные низкие тучи затянули все небо. В Болхове так часто бывает, что целый день светит солнце, а вечером идет дождь. Мы стали собираться идти в гостиницу. Пройдя немного мы увидели небольшую церковь – Афанасьевскую. Тут грянул гром, сверкнула молния, и первые крупные капли стали падать на землю. Через несколько секунд хлынул ливень. Мы какое-то время

стояли под деревьями, а потом решились пойти. Ведь сколько будет продолжаться дождь неизвестно. К тому же нам рассказали немало всяких историй: прошлой грозой убило лошадь, а когда-то человека. Местные жители говорили, что часто людей молнией убивает в Болхове, и надо, видимо, ставить громоотводы… А кто-то сказал, что надо молиться пророку Илии.

Мы бежали по узким улицам Болхова, с горки на горку, а вода бежала вместе с нами сильным потоком. Зонт не спас. Остальные съемки пришлось перенести на завтрашний день…

Богородичный Всехсвятский женский монастырь в Болхове основала С.И. Трубицына, выпускница Смольного института, впоследствии схиигумения София († 1885) – сначала как женскую общину в своем имении. Община в 1851 году переместилась в Болхов, к Введенскому храму, а через два года – за город, к Всехсвятской кладбищенской церкви, что было предсказано преп. Макарием (Глухаревым). При второй игумении Иларии (Козиной) было окончено строительство величественного Ризположенского собора. В этом монастыре по благословению прп. Амвросия Оптинского был написан образ Богородицы «Спорительница хлебов» для Шамординской обители. Епископ Орловский Серафим (Чичагов), будущий священномученик, в 1907 г. подарил обители икону прп. Серафима Саровского с частицей его мощей. К 1910-м годам в обители было три храма, и проживало 245 сестер; действовали училище, живописная, позолотная, резчицкая, золотошвейная, переплетная и башмачная мастерские.

Всехсвятский монастырь расположен на окраине города, на одном из его холмов. Проходя мимо могил, мы увидели среди деревьев огромный разрушенный монастырский храм. Засняли его снаружи, потом зашли внутрь. Храм, конечно, сильно пострадал, нет окон, дверей, купола, но основание и стены крепкие. Увидели какую-то нишу в полу, наверное, вход в подвал, а может быть, и подземный ход, существовавший согласно преданию, между Всехсвятской обителью и Троицким Оптиным монастырем. Крутой спуск, разрушенные ступени…Мы приглядывались к этому ходу, но ступить в темную глубь не решились.



Болхов. Церковь Рождества Христова

На стенах храма в некоторых местах сохранились фрагменты древней живописи. Едва видны очертания святого старца с бородой в синем одеянии. А рядом будто крыло ангела…

Рядом с монастырским храмом – могилы современных болховчан.

Церкви Рождества Христова и свт. Алексия, митрополита Московского, стоящие на высоком берегу реки Нугрь принадлежали Девичьему монастырю, упраздненному при Екатерине II. Церковь Рождества Христова была возведена в 1680-е годы. Ныне здесь хранятся чтимые святыни: Тихвинская икона Пресвятой Богородицы из Оптина монастыря, Смоленская икона Божией Матери, Иерусалимская – мера с иконы Успенского собора Московского Кремля, образы Спасителя, вмч. и целителя Пантелеимона с частицей его мощей. В главном летнем храме сохранились росписи XIX в. Здания Алексиевской церкви и церковно-приходской школы после войны перестроены под жилье.

Когда входишь в Христорождественский храм, взгляд притягивает необычный своими размерами и письмом образ. Большой лик Богородицы с Младенцем – это Иерусалимская икона Божией Матери. Справа от нее – чудотворная Тихвинская, вся в ризе, шитой жемчугом. На ней висят золотые крестики, цепочки, кольца, пожертвованные богомольцами в знак благодарности Пречистой Деве за исцеления. Богородица на иконе в темно-бордовом, расшитым золотом одеянии, в царской короне, на руках Богомладенец. В углу поставлена небольшая скульптура XII века – Христос в узах, рядом скульптура вмц. Параскевы Пятницы. С трепетом подходишь к каждому из образов, прикладываешься.

В этом храме царит особая атмосфера. Именно здесь

Болховский Всехсвятский женский монастырь, основанный в виде общины в 1856 г. и переименованный в монастырь в 1875 г., занимает строения прежнего Рождественского монастыря.

Церквей в городе 18, но особенно древних между ними нет. В эпоху освобождения крестьян в городе было более 18 тыс. жителей, по переписи 1897 г. их оказалось 20 700 жителей. Несмотря на то, что город обойден железными дорогами, он все еще не утратил своего промышленного и торгового значения. Первое поддерживается его кожевенными заводами, второе – торговлею кожами, хлебом и лесом.

«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей».

совершается торжественное богослужение в день главного праздника города – Тихвинской иконы Божией Матери. Сначала Божественная литургия, за которой служили все священники Болхова, приехал благочинный. Множество людей: жители и паломники. После литургии совершается знаменитый Болховский крестный ход с Тихвинской иконой Божией Матери. Шествие двигается от храма по улицам Болхова к Оптину монастырю, месту явления Тихвинской иконы. Люди выходят из своих домов. Кто-то спрашивает: «Что это?» И тут же отвечает себе: «А, Тихвинская». Кто-то крестится и кланяется в след шествию.

Мерно, с песнопениями, по холмам идет крестный ход. Выходит на открытое широкое место – справа река, впереди на горе виднеется монастырь.

Подойдя к подножью самого большого холма, один за другим богомольцы тонкой вереницей поднимались вверх к монастырю, а потом шли на источник, где была явлена Тихвинская икона Божией Матери – покров города Болхова …

Город Орел

На посещение Орла у нас было всего полдня.

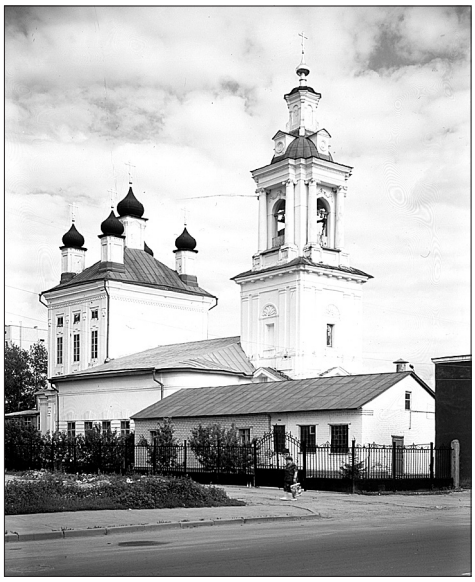
При въезде у дороги стоит белокаменная церковь, построенная в честь Ахтырской иконы Богоматери в XVIII столетии. В настоящее время – это кафедральный собор г. Орла.

Мы вошли в храм. Большой, просторный. Молящихся не было. Темно, только горят лампады у некоторых икон. Рассказали свечнице, что приехали из Петербурга и хотели бы приложиться к чудотворной Ахтырской иконе. По преданию, этот образ был обретен священником в то время, когда он косил траву. На иконе изображен лик Пресвятой Богородицы, а рядом распятие Господа нашего Иисуса Христа.

Свечница позвонила домой настоятелю храма, отцу Владимиру, и через 20 минут он приехал. Высокий, добродушный, улыбающийся батюшка встретил нас очень сердечно: «Я ведь учился в Петербурге. Семинарию и академию закончил. Вы там живете под покровом иконы Богородицы «Знамение», а мы здесь под заступничеством образа, на котором Матерь Божия скорбит у распятого Сына Своего и Господа. Вот такое отличие». Потом батюшка рассказал о приходской жизни, сокрушался, что людей в Орле ходит в храмы мало. «Вот служил я в Курске, там многие ходили, а здесь в воскресный день на службе 5 – 10 человек… Беда просто».

После беседы батюшка вынес из алтаря чудотворный Ахтырский образ Богоматери. Все опустились на колени и стали молиться. Потом приложились к иконе и к честной деснице свт. Тихона Задонского. На прощание батюшка всех помазал маслицем…

Проехали мимо Смоленской церкви: очень большая. В годы советской власти в ней располагался хлебозавод. Сейчас храм реставрируется. Были в Никольском храме.



Орел. Церковь Николы на Песках

Там впервые увидели образ прп. Кукши – покровителя этих мест.

Приехали на Крестительское кладбище, в центре его возвышается храм. На фасаде его привлек наше внимание удивительный мозаичный образ: честная глава Иоанна Крестителя. За храмом – дорога, по которой нас провели к могиле блаженного старца Афанасия Андреевича. На могиле его множество цветов, горят свечи, люди молятся; уходя, целуют фотографию, крест. Собирают песочек с могилы.

Афанасий Андреевич Сайко – подвижник XX века. По примеру древнерусских святых он принял подвиг юродства, чтобы под видом безумия нести людям правду в злое время гонений и беззакония. В 1924 году он был, по-видимому, пострижен в монахи, продолжая жить в миру. Аскетическая жизнь принесла Афанасию Андреевичу широкую известность среди мирян: люди

Блаженный старец Афанасий Андреевич

Жабынь. Мощи и икона преподобного Макария Жабынского

шли к нему за утешением, мудрым советом, учились у него смирению и стойкости. «Молитесь – и вам дастся», – говорил блаженный Афанасий.

Он сидел в тюрьмах и лагерях, в 1932 году, вероятно не без помощи НКВД, он попадает в Орловскую психиатрическую больницу, где проводит 10 лет, испытав на себе все тяготы принудительного «лечения». В 1942 году (в оккупацию) он вышел из больницы, и к старцу по-прежнему шли и шли люди. После войны такое почитание всерьез обеспокоило власти и органы госбезопасности, и в 1948 году его вновь отправли в психиатрическую больницу. В те годы туда пошел целый поток писем и записок, адресованных Афанасию Андреевичу. В мае 1955 года он был выписан под расписку и еще 12 лет служил людям.

Блаженный скончался 5 мая 1967 года и был похоронен в Орле на Крестительском кладбище. В 1994 году Афанасий Андреевич был реабилитирован. А год спустя Орловская областная комиссия по реабилитации получила заключение Независимой психиатрической ассоциации, из которого следовало, что «Сайко в нахождении в больнице не нуждался».

Могила старца весьма почитается верующими.

Отец Владимир, настоятель Ахтырского храма сказал, что вопрос о прославлении старца решается. Он верит, что это только дело времени, и «скоро новый светильник воссияет на нашей земле…»

Жабынь

Мужской монастырь в Тульской епархии в местечке Жабынь. Священноинок преподобный Макарий, Жабынский чудотворец, основал эту обитель в XVI веке. На горке рядом с монастырем – источник. По церковному преданию прп. Макарий ударил здесь посохом в землю, и из нее забила целебная вода. По молитвам святого многие страждущие исцеляются в водах этого источника.

Когда мы вошли в монастырский храм, служили всенощную. Мы попросили благословения на съемку, но иеромонах, находившийся в это время в храме, сказал: «Уходите отсюда с камерой». Привыкшие снимать только с благословения, мы послушно удалились. И вспомнились времена, когда только начинали работать на студии, лет восемь-десять назад многие пастыри не пускали с камерой в храм, не разрешали снимать, и часто, когда получено благословение настоятеля, работающие в храме свечницы да бабушки, следящие за порядком, крестя нас с камерой, говорили – «антихристы»… Сегодня многое изменилось. Мы, твердые в своем желании снять святыни монастыря, отправились искать игумена. После того, как благословение на съемку им было дано, мы вернулись в храм и сняли людей, прикладывающихся к раке святого Макария Жабынского, икону чудотворца, раку с его мощами. Храм в Жабыни прп. Макария, источник – все это войдет в фильм о паломничестве, и многие люди, которые не смогут приехать сюда, смогут увидеть церковную жизнь и святыни этих святых мест русской земли.

После съемки иеромонах подошел к нам:

– Простите меня грешного, что не разрешил снимать.

– И вы нас простите, батюшка, и благословите в добрый путь.

– С Богом, помоги вам Господь в делах ваших.

Кипящие пески

Одно из удивительных мест края – Кипящие пески. Они находятся в Орловском полесье. Около Казанской часовни села Льгов загорожено место. Вода поднимается из-под земли с большой глубины, выбрасывая на поверхность желтый песок, и создается впечатление, что песок кипит. Бросаешь туда камень, и он тонет в песке словно в воде. Есть специальная дорожка, где можно ходить по этим целебным пескам. Температура здесь $+4^0$ С: когда проходишь по дорожке, то от холода начинает сводить ноги. Находились смельчаки в нашей группе, которые ложились в песок трижды.

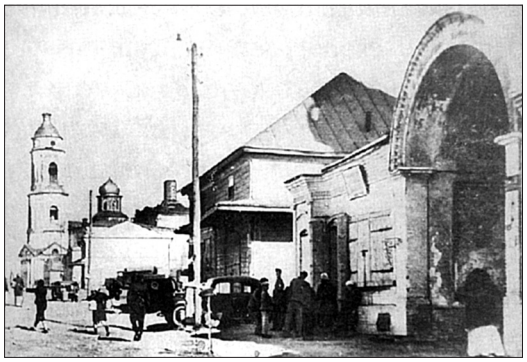
Опять Болхов

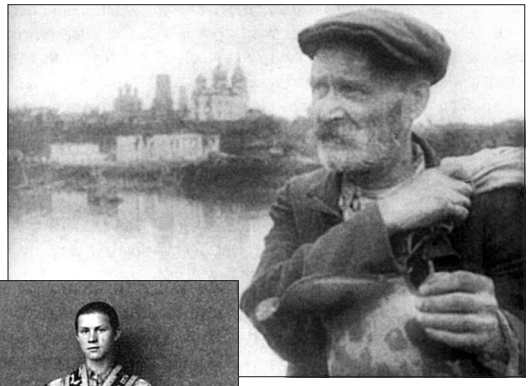
Старинное архангельское кладбище, когда-то на нем был храм. Здесь похоронен протоиерей Николай Коссов. А вот и могила отца и сестры нашего батюшки, о. Василия Ермакова.

Недалеко от кладбища стоит дом пастыря. Красивый, деревянный, он утопает в зелени. В саду беседка. Мы вошли в дом. Светло, уютно, поскрипывают половицы. В красном углу – иконы. На стенах фотографии. Здесь прошло детство отца Василия. Невольно вспомнились рассказы батюшки, как он подростком вместе с отцом слушал по радио сводки о войне, как пришли немцы, и как после работы бежал он домой, а потом в храм на службу.

Отец Василий – очевидец тех далеких событий. Он пережил войну, оккупацию, концлагерь. В тяжелое время советской власти он служил Церкви и людям.

Сейчас батюшка изредка приезжает сюда.





Болхов в годы войны

1942 г. Никольская улица. Виден храм свт. Николая Чудотворца, разрушенный в 1950-х гг.

Берег Нугри в Болхове. 1942 г. Виден Оптин монастырь и колокольня церкви прп. Сергия Радонежского, взорванная летом 1942 г.

Колокольня церкви Георгия Победоносца и немецкое кладбище, где работал 14-летний Василий Ермаков. 1942 г.

Житель Болхова. 30 июля 1943 г.

Иподиакон Василий Ермаков. 1943–1944 гг.

Началась война. И вскоре мы в Болхове стали свидетелями трагического отступления, даже беспорядочного бегства наших войск. В семьи стали приходить похоронки, и тогда пошел крик народной души: «Как же мы так живем, некрещеные, без Бога?»

А 9 октября 1941 года в город вошли немцы. Меня, как и всех от 14 лет и старше, немцы ежедневно стали гонять на работы. Выполнял работы на немецком кладбище, устроенном ими рядом с церковью во имя Георгия Победоносца. Гоняли нас под конвоем, с 9-ти утра до 5-ти вечера. А дальше — комендантский час и запрет хождения по городу.

Вскоре среди оставшихся жителей прошел слух, что немцы разрешили открыть храм во имя свт. Алексия. И уже 16 октября открыли его, бывший монастырский. Где взяли святыни? Ведь все было разграблено, разорено... По рассказам тех, кто принимал участие в открытии: ходили по закрытым храмам, собирали иконы, которые не успели уничтожить. Икона Иерусалимская, чудотворная, два на три метра, как доска была приколочена к полу, и по ней... ходили... Часть икон принесли в церковь жители. Рядом с нашим домом жил отец Василий Веревкин. С 1932 по 1940 годы он отбывал в лагерях Архангельской области на лесоповале и перед войной вернулся домой. Я дружил с его сыном, мы вместе учились в 3-й школе. Вот этот единственный в городе священник и пришел совершить Богослужение. Были и сосуды, и антиминс, облачение (из музея), книги,— все нашлось, и служба началась... Но из-за оккупационного режима в храмы я ходил редко.

Наступил 1942 год, очень трудный: фронт отстоял от нас в 8-ми километрах. Я с родными пошел в храм под Рождество. И, стоя в переполненном храме (второй открыли, Рождества Христова, построенный в конце XVII– начале XVIII века), я увидел горячую молитву, слезы людей. А были это, в основном, женщины в потертых фуфайках, заплатанной одежде, старых платках, даже в лаптях. Но то была молитвенная толпа, и крест – истовый, благоговейный, которым они осенялись, потрясал.

Молитва усваивается, чувствуется, ощущается только душой и Верой, а не умозаключениями!

Протоиерей Василий Ермаков.
«Воспоминаний горькие страницы»

Спас-Чекряк

Это небольшое село лежит в 10 км на север от Болхова.

Мы приехали сюда на автобусе. По широкой дороге среди полей шли к месту, где служил священноисповедник Георгий Коссов.

Отец Георгий построил и окормлял не менее шести школ, больницу, странноприимный дом, приют. Храм, где он служил, был разрушен в 1940 году большевиками. Высоко чтил подвижника св. прав. Иоанн Кронштадтский. К прозорливому «батюшке Егору Чекряковскому», как называли праведного пастыря, ехали со своими бедами люди со всей России. О нем писали С.А. Нилус, М.М. Пришвин.

Священномученик епископ Арсений Жадановский в начале века говорил: «И в настоящее время слышно – то в том, то в другом месте нашей обширной родины, как

О даре прозорливости о. Егора создались целые легенды со слов очевидцев, на себе испытавших силу этого дара.

Как бы то ни было, а о. Егор стал известен не в одной только Орловской губернии, и толпы богомольцев разного звания потекли потоком отовсюду в захолустное, безвестное село Спас-Чекряк Болховского уезда Орловской губернии.

Поток этот вот уже лет двенадцать не только не иссякает, но с годами все более и более усиливается. Особенно возрос он со дня кончины блаженной памяти старца отца Антония Оптинского.

– Батюшки Абросима наследник, – говорят про него в простом народе.

– Милоть Илии на Елисее, – говорят от Писания кто поначитаннее.

И идет, и едет к нему русский человек с полной верой, не мудрствуя лукаво, и с удовлетворенным сердцем возвращается от него по домам, разнося великую и добрую славу про «своего» батюшку по всему простору Руси великой.

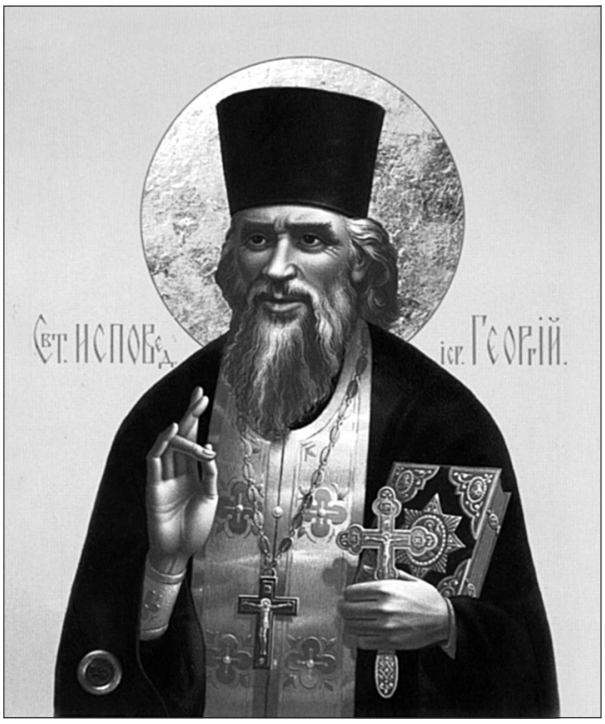
Вся фигура отца Егора поразила меня сходством с тем, кто по преданию рисуется нашему верующему представлению, как «глас вопиющего в пустыне». Та же пустыня окружала отца Егора, но только не та знойная берегов Иордана, а наша холодная, снежная... Правда, со времен Крестителя успел остыть и огонь души человеческой!..

С.А. Нилус. «Великое в малом». 1911 г.

звездочки блещут своим пастырским светом – добрые пастыри. В Одессе – о. Иона, в Харькове – о. Василий Добровольский, в Орловской губернии – о. Георгий Коссов».

Незадолго до праведной кончины отца Георгия возле села забил благословленный им источник. Сегодня день ото дня увеличивается поток паломников, которые едут в г. Болхов к мощам святого Георгия Коссова, и в маленькое село Спас-Чекряк за целебной водой «батюшки Егора Чекряковского». Появились православные люди, которые хотят возродить это святое место.

Спас-Чекряк. Место погребения прав. иерея Георгия Коссова



Икона праведного иерея Георгия Коссова

Уже сейчас Болхов, один из красивейших малых городов России, привлекает к себе паломников благодаря множеству святынь и прекрасной природе.

И, несмотря на то, что следы разорения повсюду заметны на Болховской земле, по словам уроженца города, протоиерея Василия Ермакова, «надо верить и молиться, чтобы Господь помог подняться из руин. Коммунистическая власть считала: от старинных русских городов ничего не должно остаться. Но уверен – есть молодое поколение, добрые люди, которые желают воскресить болховскую красоту, забытые корни нашего народа. Переживите минуты встречи с нашей стариной, поймите былую славу Болхова, то, что Святая Русь еще жива и возродится».

Обратный путь в С.-Петербург

Солнце и дождь. Невольно начинаешь ждать радугу. Вот-вот появится. И ожидания не обманули… Огромная, семицветная, прямо над дорогой. И мы проехали под ней. С правой стороны показалось еще одна, но не такая яркая. Сразу за ней виднелась третья, совсем тонкая, как сквозь дымку. Немного мы проехали, как увидели четвертую, пятую и шестую. В автобусе кто-то сказал: «Ну, это просто край радуг».

Да! Край аистов, разноцветных полей, чудотворных икон, святых подвижников, разрушенных храмов и радуг… Мы покидали этот радужный край, и верилось, что когда-нибудь он поднимется из руин и возродится в своей прежней святости.

Орлова Е.Г. , главный редактор «Православной студии Петербурга»

ДИВНЫЙ ОСТРОВ ВАЛААМ

Из дневника воспитанников Самарской Духовной семинарии за время их летней поездки 1903 года с архим. Вениамином по Северной России*

(Петербург – Валаам – Иматра – Выборг – Петербург)

17 июня. После утренней молитвы и чая экскурсанты собрались в вестибюле семинарского здания и, в сопровождении о. Сергия, двинулись кратчайшим путем, чрез академию в Лавру, к Калашниковской набережной – пристани Валаамских пароходов. Шли пешком. О. Сергий распорядился, чтобы его экипаж был отдан для перевозки багажа воспитанников. Другой был нанят самими воспитанниками, и на нем, вместе с узлами, поместился А. Е-ч.**

В одушевленной беседе путь прошел незаметно. О. Сергий*** ознакомил нас с местностью и давал указания относительно предстоящего путешествия. Мирная беседа, впрочем, на один момент была нарушена каким-то, не то пьяным, не то сумасшедшим рабочим, который пред нами снял фуражку и заорал во все горло – «Спаси, Господи, люди твоя»... Миновав церковь Бориса и Глеба, спустились по набережной к конторке монастырской пристани и перешли на пароход. Согласно условию, здесь нас ожидал помощник инспектора Самарской семинарии К.И. Смагин, приехавший нарочито с утренним поездом для того, чтобы сопровождать нас до Валаама и разделить с нами все остальное путешествие. Наша компания, таким образом, увеличилась еще одним путником.

Прпп. Сергий и Герман Валаамские. Икона из верхнего храма Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря

Обменявшись приветствием и переложив багаж с семинарского экипажа на пароход «Валаам», путешественники остановились в ожидании, пока приедет, другой извозчик. Но извозчик не показывался. По мере приближения часа отъезда, ожидание становилось все более и более напряженным: с пристани поднимались на берег посмотреть, не видно ли вдали где-нибудь знакомой фигуры; делали предположения о том, что А. Е., по незнанию столицы, проехал не на ту пристань. Вновь прибывший помощник инспектора шутил, что «А. Е–ча вместе с узлами в часть забрали».

Наконец уже второй звонок. Отслуживши напутственный молебен, пароходская команда готовится к отплытию. Занимаем и мы свои места. О. Сергий, тревожно посмотрев еще раз с берега по тому направлению, откуда должен приехать запоздавший преподаватель, дает нам обещание направить его следом за нами по Финляндской железной дороге. Затем – прощаемся и, среди многого множества богомольцев, с последним свистком выстраиваемся около борта монастырского парохода. Одновременно с нами едет группа студентов Петербургской академии под руководством своего инспектора о. Феофана****. Вместе с ними и богомольцами составляем общий хор и при отходе от пристани поем тропарь преподобным Валаамским чудотворцам.

Едва успели кончить пение, как один из нас, вооруженный биноклем, торжественно доложил:

– Смотрите, А. Е. едет.

Пароход отошел уже сажен на двести и шел близко к берегу. Хорошим глазом можно было рассмотреть фигуру запоздавшего путника, окруженную со всех сторон узлами. Мы ехали друг другу навстречу: А. Е. на запад, мы – на

* Статья печатается в авторской орфографии.

** А. Е-вич. – преподаватель Самарской Духовной семинарии А.Е. Третьяков.

*** Архимандрит Сергий (Тихомиров), будущий митрополит Японский († 1945).

**** Архимандрит Феофан (Быстров), инспектор С.-Петербургской Духовной семинарии, будущий архиепископ Полтавский († 1940).

восток. Оставалось раскланяться и пожелать счастливого пути. Но на этот раз было не до смеху: все мы оказались «на погорелом положении»: у одного пальто нет, у другого – одеяла и подушки, у третьего – калош, у четвертого – «чайник остался». По счастью наша провизия – в целости и даже с избытком: в Петербургской семинарии нам испекли пироги на дорогу.

– Чисто мамаша хорошая, – замечает по этому поводу один из воспитанников, – и в дорогу-то напекла подорожников...

Наша компания группируется на носовой части палубы, десяток воспитанников готовятся к обозрению достопримечательностей Валаамского монастыря, – сидят и читают книги «Путешествие на Валаам» и «Валаамские подвижники». Другая группа, вооружившись очками и биноклями, рассматривает окрестности. Большинство собралось около якоря и, смотря на заводы и фабрики, расположенные по берегам Невы, слушает рассказ о. ректора о деятельности здешнего общества распространения религиозно-нравственного просвещения.

Это общество захватило своею деятельностью всю столицу. Во всякой церкви Петербурга и почти во всяком месте значительного скопления народа слышится теперь живое проповедническое слово членов-просветителей; на средства общества устраиваются новые храмы (в настоящее время общество строит уже пятую церковь); ведутся чтения, учреждаются воскресные школы, братства трезвости и благотворительности. Во главе дела стоит Петербургское духовенство; ему помогают студенты-проповедники. Раз в год члены общества собираются на общем собрании; несколько раз устраиваются частные собрания, на которых обсуждаются темы проповедей и чтений и все недоуменные вопросы просветительного дела.

Главное внимание членов общества обращено на центры заводской и фабричной деятельности. Почти на каждой фабрике и заводе от имени общества ведутся чтения и внебогослужебные беседы. Беседа обыкновенно приурочивается к окончанию занятий рабочими: или ведется в праздник, или в будни – в вечерние часы. Начинается богослужением – вечерней или молебном, иногда сменяется пением хора и оканчивается общей молитвой. Предметом чтения в большинстве случаев служат недостатки и пороки, наиболее распространенные в среде рабочих. Иногда лектор производит такое сильное впечатление, что тут же находятся слушатели, которые выражают желание изменить свою жизнь. Таким образом, полагается начало братству трезвости, которое потом, постепенно разрастаясь, захватывает собою все больший и больший круг последователей. К рабочим присоединяются мелкие торговцы, извозчики, ремесленники и жители загородных слобод Петербурга. Есть общества, насчитывающие до четырех и более тысяч членов. Почти каждое общество имеет свой капитал, составившийся из мелких, часто 25 копеечных членских взносов. В воскресные дни, после окончания богослужения, с общего согласия выдается пособие беднейшим членам из общественного капитала: иногда пять, иногда восемь или десять рублей. В минувшие годы такая помощь назначалась преимущественно больным, оставшимся без работы, женам, потерявшим мужей и отправляющимся на родину вместе с детьми. Общества трезвенников имеют свой хор; устраивают крестные ходы и общественные богослужения. Иногда даже предпринимают экскурсии на Валаам или в Сергиеву пустынь. У некоторых, наиболее правильно организованных обществ есть свои библиотеки, при которых продаются книги религиозно-нравственного содержания...

На половине речного пути собираются певчие вместе, приглашают регента и, раздобывши где-то ноты, поют «лаврский гимн»:

О, дивный остров Валаам!
Рука Божественной судьбы
Воздвигла здесь обитель рая,
Обитель вышней чистоты,

Обитель чудную, святую,
Жилище избранных людей,
Обитель сердцу дорогую,
Обитель мира от страстей.

Богоизбранная обитель!
Пречудный остров Валаам!
Тебя дерзнул воспеть твой житель,
Прими его ничтожный дар!

Не знаю, как воспеть сумею
Твои долины и поля,
Твои леса, твои заливы,
Твои священные места.

Я о тебе сказать не смею:
Ты так величием полна!
Сложить я песни не умею:
Перед тобой она бледна.

Одно скажу лишь я: без меры
Ты в жертву Богу принесла
Всю чистоту святыя веры
И плод священного труда.

Какое место ты избрала!
Какой воздвигнула алтарь,
И как прилежно воспевала
В нем Бога истинного тварь.

Но было здесь иное время:
Стояло капище богов,
И жизнь греховная кипела
Под оком бдительных жрецов.

Не знаю я, как долго длилась
Та служба мерзостным богам;
Но милость Божия явилась
На сей гранитный Валаам:

Андрей Апостол, – есть преданье, –
Крестом рассеял мрак греха,
Предрекши веры процветанье,
Поста, молитвы и труда.

Сбылося Божье слово верно:
Тот крест прогнал врагов Христа,
И ныне зрим, – как ты священна,
Обитель вышнего царя.

Тебя подвижники святые
Сергий и Герман основали,
Здесь же и мощи их честные
Своим нетленьем просияли:

А души их там в небесах,
В чертогах Божиих витают.

На всех нас грешных – в чудесах
Щедроты Божии являют.

Хвала тебе, обитель славы!
Ты блещешь в юной чистоте,
Храня все строгие уставы
В своем монашеском житье.

Мне перечесть не хватит силы
Святых подвижников твоих,
Но их поросшие могилы
Легко наполнить могут стих.

Одно, одно лишь знаю верно:
Ты много вынесла скорбей,
Терпела много искушений
От злых, завистливых людей.

Тебя не раз опустошала
Толпа неистовых врагов;
Но ты лишь мужество являла
Средь всех лишений и тревог.

И после долгих испытаний,
Опустошений и борьбы,
Как властелин своих желаний,
Во всей красе явилась ты.

Смиренных иноков обитель!
Приют трудящихся рабов,
В духовный мир путеводитель,
От силы вражией покров!

Могу ли я узреть твердыню,
На коей выстроилась ты?
Могу ль воспеть твою святыню
И понести твои труды...

Свое бессилье сознавая,
Чтоб величать тебя в стихах.
Я дальше продолжать не стану
Сама обитель на глазах!

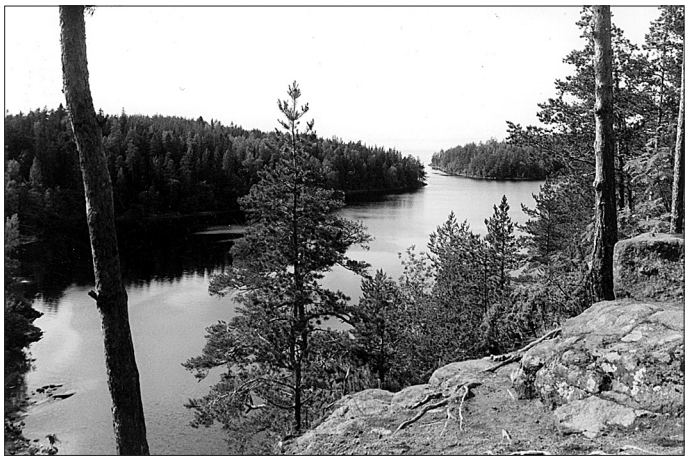
Одной желаю лишь отрады, –
О сем с надеждой я молюсь, –
Прожить в стенах твоей ограды,
Пока за гроб переселюсь!..

Взыграйте, горы Валаама,
Под сенью милости Творца,
От нас хвала Ему и слава
Да будет вечно без конца!»

«Посреде ученик» сидит о. ректор на лапах якоря и, смотря вдаль на речные пороги и красивые берега Невы, внимательно слушает аскетически заунывный мотив. Притихли и остальные: отшельническая музыка производит на всех, видимо, сильное впечатление.

Лаврский гимн сменяется пением знакомых церковных песнопений. Поем «К Богородице прилежно», «Милосердия двери отверзи нам» и «Волною морскою».

Между паломниками немало алкоголиков. Вместе с родными они будут молиться о своем исцелении. Но пока еще не делают никаких усилий для того, чтобы освободиться от пагубной привычки. В самую средину хора врывается один из таких «страждущих» и, рекомендуясь «первым пьяницей», пытается принять участие в общем пении. Вслед за ним подходит к нашей группе солидный господин,



Валаам. Вид Елеонской горы на Никоновскую бухту

с бакенбардами и папиросой в зубах (папироса едва во рту держится), и тоже начинает петь, но тоже неудачно. Лучше их пристает к общему хору старуха-богомолка. Она наслаждается нашим пением: поет на высоких нотах и заливается горючими слезами.

Частые свистки мешают пению. С берега дачники аплодируют певцам и машут платками. Широко рассеивая волны, проходит и обгоняет нас винтовой пароход «Шлиссельбург», на котором А. Е. мог бы нас догнать. С правой стороны Невы высятся три исторических сосны, где когда-то мужик спас Петра Великого и в награду себе выпросил позволение: безданно – беспошлинно пить во всех кабаках. Гранитный памятник с решеткой отмечает это место, а три сосны уже значительно состарились и местами посохли. Ближе к Ладожскому озеру внимание паломников привлечено большим пожаром на лесопилке.

В два часа дня пароход подходит к Шлиссельбургу. При входе к пристани, в виду храма Казанской Божией Матери, паломники встают у борта и молятся, при пении воспитанниками тропаря «Заступнице усердная». Вдали, за Шлиссельбургской крепостью, расстилается синяя даль Ладожского озера.

Наступает время обеда. На этот раз семинарская столовая перенесена в помещение первого класса парохода «Валаам». Собираемся здесь в тесной общей зале, занимаем все столы и, обратившись на восток, поем молитву пред обедом. Председательское место за столом принадлежит о. ректору. Обед скудный: щи с ладожскими снетками и каша. Недостаток питания в значительной степени восполняется игривыми воспоминаниями о сегодняшнем беспокойном утре.

После обеда – чай на палубе, в виду безбрежной дали озера-моря. Небо ясное, и море спокойное, как редко бывает. Воспитанники очень жалеют, что не придется испытать удовольствия морской качки.

К вечеру новая спевка. С трудом собираются усталые певцы, спорят, советуются, держат ноты, рассуждают о том, «кому и как сидеть». Наконец, когда солнце уже начинает клониться к закату, все оживляются вечерней прохладой, и над водами Ладожского озера раздается стройный гимн:

– «Благослови, душе моя, Господа».

Легкий ветер шелестит одеждой пассажиров. Мерно рассекает волны монастырский пароход. Регент стоит без шапки, с нотами в руках, на носу корабля, басы сидят на

Коневец. Рака с мощами прп. Арсения Коневского. Фото нач. XX в.

цепи и на лапах якоря, тенора держатся рукой за веревку мачты. Несколько певцов стоят позади регента и смотрят в направлении заходящего солнца. Вместо аналоя им служит пароходский медный колокол. Задумавшись над волнами, смотрят вдаль авва и отец Феофан... Певчие продолжают петь:

«Господи, воззвах к Тебе, услыши мя»...

Сильно звучат ответным аккордом молодые голоса: «Услыши мя, Го-спо-ди». «Изведи из темницы душу мою»... И кажется невольно на этот раз, что далеко мирская темница, что мы, одинокие, затерявшиеся среди этого безбрежного моря, действительно на свободе служения Господу.

Один за другим все больше и больше теснятся паломники около певчих. Маленькая девочка с большой шалью встала на лавку, чтобы лучше можно было слышать пение. Пригорюнились и погрузились в созерцание две старушки. Набожно стоит и крестится крестьянин, снявши шапку. Наконец, народу набирается столько, что нет возможности пройти дальше.

«Свете тихий святыя славы, – поют юноши при свете заходящего солнца, – ...Видевше свет вечерний», – звучит, выделяясь из общего хора, серебряный тенор одного из воспитанников. Ветер слегка растрепал его волосы, яркие лучи солнца заставляют немного щуриться...

Всенощная идет далее обычным порядком.

«Ублажаем вас, преподобнии отцы наши Сергие и Германе, и чтим святую память вашу», – с одушевлением поют путники в честь и память первых подвигоположников здешнего дикого края...

Хорошо бы вспомнить эту службу после, через десять-двадцать лет. Изломанные жизнью одушевятся ли тогда теперешние путники при воспоминании об этой молитве среди дикой северной природы, при холодном дыхании северного вечера. Вспомнят ли они о своей юности, об идеалах, которые тогда уже растеряны будут на стогнах жизни, и святых намерениях...

Вдали, на восточной стороне озера, виднеется покрытый густым лесом остров, и на нем белеет группа храмов. Это – Коневец. В виду монастыря кончаем спевку гимном Божией Матери: «Взбранной воеводе».

Около восьми часов пароход остановился у пристани Коневца, на расстоянии 180 верст от Петербурга. Здесь предполагается ночлег. Выйдя на конторку, обращаемся к иконе преподобного Арсения Коневского и испрашиваем себе в молитвенном пении благословение Святого Хозяина этого острова. Своеобразную картину представляет собою, в виду окруженного девственным лесом монастыря, хор юношей, с узлами в руках... Помолившись пред св. иконою, всей толпой поднимаемся в гору и мимо цветника, устроенного на камнях, идем в монастырскую гостиницу, а затем, разместившись по номерам, отправляемся на поклонение святыням.

Главная святыня монастыря – св. мощи преподобного Арсения Коневского – переносит нашу мысль к временам Вольного Новгорода. В 1393 году, по благословению архиепископа Новгородского Иоанна, отыскивавший на Ладожском озере место уединения преподобный Арсений был прибит волнами к этому острову и, видя в том указание Божие, построил здесь во имя Пречистой Богородицы деревянную церковь, а затем основал монастырь. Тяжелые дни в первое время переживала св. обитель: голод немногочисленной братии временами доводил ее до решения покинуть насиженное место, но заступлением Пресвятой Богородицы и попечениями Святителя Новгородского Евфимия (постриженника одного монастыря со св. Арсением) эти трудные дни миновали, и обитель благополучно просуществовала до 1610 года. В этот год, после передачи Корельской области шведам, Коневский монастырь был упразднен, а оставшиеся монахи переселились в Новгородский Деревяницкий монастырь. В 1718 году Коневская обитель вновь была возобновлена: построена в ней церковь и возвращена из Деревяницкого монастыря чудотворная икона Коневской Божией Матери. С тех пор монастырь существует непрерывно до настоящего времени.

После молебна пред иконой Божией Матери и поклонения мощам преподобного Арсения, почивающим в нижнем соборном храме, выходим за ограду и, после непродолжительного пребывания в часовне, где сохранилось сказание о явлении Божией Матери ученику Арсениеву Иоанну, – идем сосновым лесом в направлении Конь-камня. Благодатный вечер, в полном смысле; весенний расцвет и ароматный, пропитанный запахом сосны, воздух повышают настроение и делают незаметным пеший путь. Пройдя довольно приличное расстояние, спускаемся среди дремучих сосен несколько под гору. Перед нашим взором открывается, в просвечивающей через ветви сосен озерной дали, часовня, построенная на громадном камне. Когда-то, на этом месте прибрежные язычники Корельской земли, поклонявшиеся светилам небесным, приносили в жертву одного коня, чтобы духи охраняли их скот, оставленный здесь на целое лето. Для входа в часовню устроена лестница с двадцатью пятью ступенями. Несмотря на поздний час, в ожидании богомольцев, часовня освещена огнями. Поднимаемся по лестнице и входим в часовню. Очередной монах продает здесь свечи и картины. Помолившись, часть воспитанников остается в часовне; один из них, с восковой свечей в руках, читает народу священные сказания, вывешенные на стенах; остальные – спускаются под гору и среди вековых деревьев и громадных береговых камней устраивают купанье.

Взору открывается достойная кисти художника картина летнего вечера на Ладожском озере. Необъятная даль, сливающаяся на горизонте с розовым отсветом заката. В ту и другую сторону – берег, покрытый дремучим лесом. По местам одна какая-нибудь громадная старая сосна

выставляется вперед на гранитном утесе. Слышится тихий, ласковый всплеск морского прибоя. А сверху серпик луны светит ярким серебристым светом среди белой ночи. Но лучше всего сочетание цветов озерной дали и горизонта: таких нежных тонов не передаст, нам кажется, и кисть художника.

Уставшие путники не нахвалятся купаньем: нигде доселе не приходилось им встречать такой чистой, прозрачной воды, как в Ладожском озере. Только слишком низка температура, да берег каменистый, надо быть очень осторожным, чтобы не испортить ноги.

По возвращении из обозрения окрестностей монастыря послушники угощали нас ужином. На каждый номер была принесена большая миска щей и блюдо каши. После ужина в одном из номеров поднялась оживленная беседа. Вошел авва. Посидел, помолчал, пока утихли собеседники, потом незаметно вышел.

Все остальные путники спали крепким сном. После утомительной дороги отдых в чистых и уютных монастырских помещениях казался блаженством.

18 июня. Звонок разбудил нас в пятом часу утра. Надо было успеть до отхода парохода отслужить литургию и молебен. О. ректор встал еще раньше нас, в три часа, и служил утреню в верхнем храме монастырского собора. На проскомидии иеродиакон читал наш помянник, литургию пел хор воспитанников. На литургии и молебне молились о здравии уже пятого архиерея – Преосвященнейшего Николая, архиепископа Финляндского и Выборгского. После обедни о. ректор, в сослужении настоятеля и иеромонахов монастыря, служил молебен пред иконой Коневской Божией Матери. По окончании молебна собрались в покоях о. настоятеля. Недолго заставил нас ждать смиренный игумен. Выйдя из соседней комнаты, он в простых, теплых и задушевных выражениях благодарил нас за то, что вспомнили о его пустынном монастыре, и желал нам, как мог и умел, всяких милостей от Господа Бога. Благочестивый старец, видимо, живет одной духовной жизнью. О нем рассказывали, что недавно на предложение выстроить в Петербурге доходное подворье, он ответил отказом: «Подворье построить – надо там людей содержать, а в столице соблазнов много: пойдет туда инок и погибнет из-за нашего монастыря, а мы за него должны будем Богу ответ дать...» Отец казначей провожал нас до пароходской пристани.

Тихое, умиротворяющее впечатление оставила в нас Коневская обитель. Уже самый внешний вид окруженных зелеными соснами белых храмов среди моря невольно привлекает внимание утомленного путника. Еще более усиливается впечатление тогда, когда, сопровождаемые шелестом прибрежной волны, вы вступаете на берег и мимо монастырского цветника идете к гостинице. Цветы на диком севере, почти на камнях – какого труда стоит вырастить хотя бы один из них!.. Чистые, усыпанные галькой дорожки, симметрично расположенные аллеи деревьев почти на самом берегу озера; далее – приветливый послушник у ворот святой обители, внимательные к вашим интересам монахи, безукоризненная чистота помещений, окрашенных в светлые цвета, ветви деревьев вместо ковра и лампады перед иконами... Коневский монастырь не принадлежит к числу таких, которые «не нуждаются в паломниках», его средства очень ограничены. Но здесь нет ухаживания за богатыми и невнимания к бедным. Простота, сердечность обращения, родственное радушие заменяет всякую расчетливость и предварительные соображения. Монахи встречают вас с таким настроением, как будто вы приехали с далекой родной стороны и провожают с сожалением, что «мало побыли», мало интересного рассказали. Будто каждый из них, провожая паломника, уже остается один, теряет своего близкого знакомого. Это впечатление безыскусственно устанавливаемой родственной связи мирянина и монаха, среди обычных холодных настроений и официальной вежливости вполне соответствует привлекательному местоположению обители: условия внешнего быта отражаются, очевидно, и на внутренней жизни.

Еще не ушел провожавший нас о. казначей, а пароход уже дал последний свисток и начал отчаливать. Мы собрались у борта и пели тропарь преподобному Арсению. Монастырский послушник, пришедший на пристань с аппаратом, сделал фотографический снимок!..

Было восемь часов утра. Мы снова разместились на канатах, на якоре, на сундуках и лавочках палубы. Население парохода стихло: вчерашний «первый пьяница» ходил унылый и уже не вступает с нами в беседу. На палубе лежат мужики «крестами»: один служит изголовьем для другого. На целой горе узлов около трубы, в несколько этажей наши юноши спят мертвым сном: один держится за трубу, другой лежит, свесивши голову вниз, третий весь закрыт подушками. Вблизи «гробниц почивших» и потешаясь над ними, другая группа в обществе помощника инспектора и какой-то старухи-богомолки пьют чай и, забывши чины, одушевленно беседуют. «Карпыч» исполняет обязанности «хозяйки». Бережливая старуха, напившись, половину куска сахару возвращает владельцу: «Спаси тебя Бог».

– Не мое, бабушка, Божье, – отвечает помощник инспектора.

После чаю надо отыскать какой-то узел. Разрывают гору багажа, смотрят – человек.

– Ты как сюда попал?

Тот, вместо ответа, таращит удивленные глаза, поворачивается на другой бок и продолжает спать: «еще Валаам далеко».

О. ректор, в стороне, сидит на железной тумбе и, опираясь на своего «монаха»*, читает книгу. Пароходский послушник очень озабочен тем, что авве почти не пришлось спать сегодняшнюю ночь:

Коневец. Часовня на Конь-камне. Фото нач. XX в.

Валаамский монастырь. Никольский скит. Фото нач. XX в.

– Отец архимандрит, не угодно ли отдохнуть вам, для вас приготовлено место в каюте...

Авва благодарит и снова углубляется в книгу.

Подходят воспитанники и с своей стороны начинают убеждать: «О. ректор, у нас на лавочке место есть»!

– Бодрствовать надо, – отвечает им задумчиво авва.

Отец духовник занят в «канцелярии»: разносит по графам истраченные суммы. Его беспокоит, что ученики издержали больше денег в предыдущий день, чем следовало.

Погода тихая, но такая же холодная, как в низовьях Волги бывает осенью; пар заметно, когда дышишь, и солнце тоже какое-то холодное. Восточная сторона озера блестит серебряными искорками, точно инеем.

Рядом с нами сидит на палубе сотрудник журнала «Отдых христианина» и, любуясь светлой далью озера, философствует: «Вот русская-то широкая натура назвала Ладожское озеро озером, такое громадное, – будь это заграницей – назвали бы океаном».

Около двенадцати часов дня показался маяк и за ним – покрытые лесом берега Валаамских островов. Это вторые Жигули, только еще причудливее. Высокие конусообразные возвышения над озером, покрытые хвойным лесом, по местам, кончаются отвесными скалами. На каждом почти острове – часовня или церковь. Пароход входит в залив. Из-за зелени гор показываются уже совсем близко от нас монастырские храмы и здания, – очень высоко над палубой парохода. Едем каким-то коридором. Наш большой пароход кажется совершенно маленьким по сравнению с теми громадами, которые его окружают.

Сделав поворот, пароход останавливается у пристани. Выходим с парохода и у подножья горы, где стоит «Лавра», перед часовней, поем тропарь св. Валаамских чудотворцев. За нами устремляется в молитве все население парохода. Затем, с узлами и корзинами в руках, поднимаемся в гору к монастырской гостинице.

Здесь уже знают о нашем прибытии. О. ректор, отправляясь из Самары, писал настоятелю Валаамского подворья в Петербурге, чтобы 18 июня нам оставили место на пароходе. Получив это письмо, о. настоятель не только распорядился, чтобы нам отведено было место на пароходе, но и дал знать в монастырь.

– Господа, после разложитесь, – встречает нас на крыльце гостиницы послушник, – оставляйте узлы у входа и идите обедать.

Охваченные внезапно монастырской обстановкой, мы не рассуждая, повинуемся приказанию и через пять минут собираемся в общей столовой. Нас так много, что всю столовую, с двумя рядами столов, занимаем сполна. В переднем углу, пред иконой, садится о. ректор и старшие преподаватели; остальное место занимают воспитанники. Перед обедом поем общим хором молитву. После молитвы послушники, ставя деревянные чашки на стол, говорят: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Перед образом, на аналое, лежит Четь-Минея, но почему-то сегодня обед идет без назидательного чтения.

После обеда размещаемся в верхнем этаже монастырской гостиницы. Занимаем четырнадцать номеров, по пяти человек в каждом номере. Преподаватели и ректор находят себе место в одних комнатах с учениками. Помещения, в общем, очень напоминают семинарию: такой же длинный коридор с окнами на конце, только больше чистоты и уютности и меньше простора. В номерах нет ничего лишнего: три-четыре кровати, стол и несколько стульев. Вид из окон на окрестности восхитительный.

Не успели мы обосноваться на своих местах и «отдохнуть после обеда», как вдруг слышим, сзывает всех звонок ехать в окрестности монастыря для осмотра достопримечательностей. Выходим из гостиницы, спускаемся к пристани и занимаем громадную, на пятьдесят пять человек шлюпку, которую сейчас же прицепляют к маленькому пароходу, вместе с другой лодкой, занятой также паломниками. Образуется, таким образом, целый флот, под командой монахов, разместившихся на пароходе... В нашей лодке кормчим – послушник. Едем к устью бухты. Наш «Валаам» по соседству стоит на отдыхе. Над ним высятся зеленые берега и гранитные скалы обрывов. Над заливом возвышаются храмы св. обители и, среди зелени деревьев, монастырские здания. День хмурый, осенний. Слегка накрапывает дождь. Волна тихо плещет в края шлюпки. Монахи начали свой путь молитвой; отъезжая от берега, запели «Достойно» входную. Наши воспитанники, при помощи регента, взяли тот же тон и силою пятидесяти пяти могучих голосов грянули над морским заливом «До-стой-но есть я-ко во-истину». Лодка мерно покачивалась, слегка шумел, аккомпанируя, окрестный лес, и мягко стучал по воде винт парохода.

Окончив «входное», воспитанники взяли ноты. Регент занял средину лодки и все дружным хором начали лаврский гимн: «О дивный остров Валаам». Особенно удался нашим юношам этот мотив: без труда они его разучили, быстро усвоили технику монастырского пения и поют как настоящие монахи.

Итак, наша семинария опять на новосельи. В Самаре каменные стены заменили вагоном, теперь – отдельной лодкой. Едва ли сколько-нибудь пострадала от этого дисциплина и едва ли хуже, при этой новой обстановке, идет урок пения и вместе с ним, другие уроки, которые молчаливо преподаются и окружающей природой, и монастырской жизнью. Стоит ли жалеть о «старых зданиях»? Не целесообразнее ли для дела пастырства, если семинария будет «не на горе; или в Гаризине, а в духе и истине!»

«Флот» приближается к Никольскому скиту, в котором недавно жил на покое Преосвященный Павел, епископ бывший Старицкий. В виду скита, обратившись к храму,

---

* Трость с изображением монаха. Принадлежала когда то С.-Петербургскому митрополиту Исидору, им подарена Преосвященнейшему Арсению, бывшему Рижскому, от него перешла к духовнику иеромонаху Ионе, а от о. Ионы – к о. Вениамину.

всем хором паломников поем тропарь св. Николаю Чудотворцу. Эхо гранитных скал отвечает отзвуком на наше церковное приветствие.

Пароходик вместе с лодками причалил к берегу, и толпа паломников двинулась в гору. Наша партия при подъеме очень похожа на роту солдат: снизу видно только, как движутся шапки и плечи. В скитской церкви, по установившемуся обычаю, служили молебен св. Николаю Чудотворцу и затем гуляли по острову.

С маяка, утвержденного на западном берегу бухты, открывается прелестнейший вид на водную даль Ладожского озера. Невольно кажется, что это море – живое, что оно живет и чувствует, «только не говорит». По временам оно очаровывает зрителя переливами всех цветов радуги, по временам страшно сердится, и тогда боятся корабли к нему подходить близко. Точь в точь старорусский богатырь-витязь:

– Взглянет – искрами точно обмечет...

Теперь оно спит спокойно: не видно впереди грядущей бури. Чуткий слух, правда, может различить вдали глухой шум волн, но это «море дышет».

Ласкающий прибой волны и тихий шелест ее о прибрежные камни располагают к мечтательности. Жутко смотреть с маяка вниз: так и кажется, что сейчас повиснешь в воздухе. Но зато вдаль – далеко, далеко видно... Так тем, кто служить в великом море жизни, тоже трудно смотреть с высоты духовного созерцания. Трудно было преподобному Сергию сознавать гнет татарщины; трудно митрополиту Никону идти с крестным ходом в ряды бунтовщиков; трудно пастырю во время эпидемии смотреть в глаза смерти. Но... далеко видна им заря освобождения, и далеко виден их подвиг потомству. Как бы вторя моей мысли, забравшийся на маяк маленький мальчик говорит:

– А во время тревоги на этом месте человек десять сидит.

...А во время тревоги душевной, в смутное время мысли и жизни, тоже много светочей надо. Мой спутник, математик по природе, чуждый всяких созерцательных настроений, тоже загипнотизирован окрестными видами:

– Эх, на каких мы местах с тобой бываем!..

И нам обоим на момент понятным становится душевное настроение святых подвижников, оставивших все и променявших славу мира на удовольствие этого безмолвного созерцания.

Внизу, под ногами, слышен суетный, праздный говор. Болтают о стоимости пути, о необходимости полиции, об убийствах. Неприятно действует мирская молва в этот момент. Не хочется уходить с этого очаровательного места.

Но у нас есть тоже свой подвиг и свое «послушание» – мы связаны расписанием и звонками. Первый свисток парохода – и мы должны идти в путь, хотя бы бесконечно долго хотелось быть здесь; за ним – второй – еще настойчивее, и, наконец, – третий, когда мы уже должны садиться в лодки.

Едем дальше. Плавно идет наш «корабль». Не слышно в нем ни стука машины, ни всплеска весел. Окрестные виды еще красивее. По обеим сторонам – зеленые стены, точно зимний сад. Очарование дополняют букеты сирени, взятые юношеством с первого острова: здесь весна в полном расцвете.

Быстро подъехали к следующему скиту «Всех Святых» и, по монастырскому обычаю, пред вратами храмов пели тропарь «Иже во всем мире мученик твоих», а в самом храме – краткое молебствие. Из церкви прошли по двору. Братия трудится в тишине; никакой жизни не видно, несмотря на то, что в скиту живет до сорока иноков. Но и во внешней обстановке, и в окружающей природе видна заботливая хозяйственная рука: симметрично расположенная аллея елок пред часовней, водоем, фруктовый сад с вишнями в цвету, гряды клубники и скот на пастбище сделали бы честь любой помещичьей усадьбе. В обратный путь плывем с пением «Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево». Уже значительно устали, ибо был час дня четвертый, а встали мы «с петухами»; многие спали в эту ночь всего два-три часа. Управляемся своими силами. «Митя» сел в руль, сменив послушника; владеет рулем умело. Духовник занял сторожевой пост, о. ректор председательствует на корме. Хорошо ехать в лодке. Теперь мы понимаем, почему послы древлян желали, чтобы их «несли в лодках». Глубина здесь страшная: против пристани восемьдесят сажен, несмотря на то, что бухта чрезвычайно узкая.

По возвращении из скитов воспользовались первым свободным часом для того, чтобы благословиться у о. наместника и получить его разрешение на дальнейшее обозрение обители. Настоятельские келии удивили нас своею скромностью. Войдя в гостиную, мы заняли ее всю, и до такой степени стеснились, что уже нельзя стало больше никого тут поместить. Спросив, откуда мы приехали, сколько нас и долго ли мы находились в пути, о. настоятель благословил всех. Отец ректор, оставшись дольше других, просил позволения отправлять службы в особой церкви и своим служением при пении семинарского хора. Настоятель не только предоставил в наше распоряжение церковь, но для благолепия службы дал и монастырского иеродиакона. Затем указал проводника по монастырю и, благословляя «помолиться во св. обители», просил заходить на прощанье.

Третий раз переступаем порог гостиницы и теперь имеем в своем распоряжении несколько минут для того, чтобы ориентироваться в окружающей нас обстановке. На стене у входа висят правила, определяющие modus vivendi богомольцев.

1) Без особого благословения в лес, пустыни, скиты и в монастырские келии не ходить; никого из живущих в монастыре к себе в гостиную келию не принимать и ни под каким предлогом от них ничего не брать, и им ничего не давать.

2) Частных благотворений никому здесь не оказывать,

Валаамский монастырь. Всехсвятский скит. Современный вид

Валаам. Мощи прпп. Сергия и Германа Валаамских. Фото нач. XX в.

а доброхотное свое приношение полагать в общую кружку, на пользу св. обители, так как по святому закону общежития никто, из живущих в монастыре «стяжавать отдельную собственность не имеет права».

3) Привозимые в монастырь письма и посылки, на имя проживающих в обители, для передачи по принадлежности, отдавать монастырскому начальству.

4) По острову из огнестрельного оружия не стрелять, зверей и птиц не бить, рыб не ловить, лесу не портить и табаку не курить.

5) На стенах и стеклах гостиного дока ничего не писать и на удобосгораемые вещи огня не бросать.

6) По окончании вечернего правила вне гостиной не прогуливаться, так как двери гостиницы в десять часов запираются.

В дополнение к четвертому правилу, кроме того, во втором этаже висит особая доска, на которой написано на четырех языках – русском, финском, шведском и немецком: табак курить воспрещается. Итак, все доброе с благословения настоятеля и... ничего дурного.

После вечернего чая в общей столовой гостиницы под руководством о. Григория, предприняли осмотр монастырских рабочих помещений. Прежде всего, посетили иконописную мастерскую; видели здесь, как десяток послушников копируют иконы с готовых уже оригиналов. Длинным темным коридором затем прошли в кузницу, литейную, слесарную и столярную мастерские и рассматривали, сработанную руками братии, водопроводную машину. При этом, старшим преподавателем математики было дано объяснение устройства водопровода. Многие воспитанники даже влезали кверху для того, чтобы подробнее рассмотреть цистерны, наполненные водой. Более приветливо и радушно нас встретили иноки, работавшие в столярной. Они показывали нам все виды и рисунки тонкой столярной работы, и материал, из которого делается художественная резьба: дерево лимонное, кипарисовое, «баккаут». Объясняя качества каждого дерева, добрый столяр раздавал нам его по кусочку на память. Всех оделил, а о. архимандриту дал всех больше, «самый лучший кусок такого дерева, из которого печатки делают».

Прощаясь с нами, рабочие жалели, что послушание не позволяет им послушать, как мы будем петь всенощную в пустынской церкви.

Уже мы начали спускаться с лестницы, а столяр, все время пред тем соображавший, чтобы еще отдать, догоняет меня, кладет в руку еще кусочек кипарисового дерева и просит передать, «если кому не досталось».

Чрезвычайно милая вышла эта сценка. Жаль мне стало простого русского человека, которому хочется все отдать, а только отдать-то нечего. По монастырскому уставу он сам беднее нищего: нищий имеет и одежду, и копейку про запас, а этот – ничего не имеет; даже то, что родственники пришлют, у него отбирают в общую монастырскую сокровищницу.

Не нам, конечно, указывать назначение послушания иноку, но думается, что этот столяр был бы нужнее в каком-нибудь благотворительном монастырском предприятии: он сумел бы и «алчущего напитать, и жаждущего напоить, и нагого одеть», а еще бы нужнее он был на мирском торжище, где идет беспрерывная война «за блага бренные»...

Далее, на монастырском дворе, мы осматривали гранит, предназначенный для полировки, и посетили библиотеку. Библиотека монастырская древняя: большая часть книг напечатана в начале прошлого столетия и теперь утратила всякое значение. В заключение осмотра монах показывал громадные восковые свечи, найденные в земле на месте языческих мольбищ. Знатоки насчитывают этим свечам больше двух с половиной столетий.

Вечером слушали в верхнем соборном храме вечерню. Древнее столповое пение монастырского хора так понравилось воспитанникам и руководителям, что некоторые в тот же вечер приобрели себе в монастырской лавочке полный обиход.

Вечерня окончилась уже после захода солнца. Собрались в столовой в ожидании ректора. Долго ждали. Наконец, когда уже начало темнеть, с его появлением в дверях все поднялись со своих мест и встретили его стройным пением «Отче наш». Лампада пред иконою, сияющий архимандритский крест и клобук о. ректора и торжественное настроение паломников почему-то очень напоминало предпраздничный вечер. На трапезе послушник читал отрывок из сочинения св. Димитрия Ростовского «Береги время», а мы вкушали пищу в молчании.

На этот раз не надо было предупреждения монастырского устава, запрещающего отлучки после десяти часов вечера. Так вот устали, что после вечерней молитвы поспешили сразу же занять свои койки.

19 июня. Утро начали молитвой пред гробницами свв. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, и ознакомлением с прошлым св. обители.

Слишком скудны и неопределенны сведения о жизни подвигоположников Валаама. Достоверно неизвестно даже, когда они жили. По мнению одних – гораздо раньше основания русского государства, по мнению других – в период северной колонизации, в XIV веке. Еще неопределеннее и спутаннее сведения о первых поселенцах этого пустынного острова. Одно лишь из них совершенно достоверно: Валаам (по-ижорски: Волаа-мо) – земля Волоса, и, что следовательно, здесь первоначально обитали язычники. Устное предание расширяет это известие сообщением, что на Валааме когда-то было языческое капище, и что в

пещерах, теперь наполовину засыпанных, в доисторическое время жили кочевники.

Монастырь, несомненно, существует давно. Думают, что он основан прежде крещения Руси и называют постриженником его св. Авраамия Ростовского. Но более известным монастырь становится в позднейшее время. В XV веке, в последний период жизни вольного Новгорода, он славится не только как училище благочестия, но и как рассадник книжного знания. Его иноки – не только подвижники, но, по тому времени, и люди науки. Здесь жил и трудился, до вступления на кафедру, архиепископ Геннадий Новгородский. Здешними иноками списаны священные книги, сохранившиеся в монастырских библиотеках Северной Руси. За благоустроенность и влияние монастыря в ту пору, его величают, «честною и великою Лаврою», берут оттуда монахов для основания новых монастырей, а некоторые и сами уходят из Валаамской обители, и насаждают монашество в других местах. Известно, что св. Савватий Соловецкий, прежде чем основать монастырь на Соловках, подвизался на Валааме. Это был, кажется, самый цветущий период жизни Валаамской обители. Позднее она уже не была так знаменита, а в начале XVII века и совсем была разрушена шведами, и в течение следующего столетия находилась в совершенном запустении. В начале XVIII века Валаамский монастырь был восстановлен и постепенно, восходя из силы в силу, дошел, наконец, до такого совершенства внутренней организации, что в настоящее время среди всех остальных монастырей может быть назван самым благоустроенным и самым строгим по своему иноческому уставу.

После молебна Божией Матери и святым Валаамским чудотворцам мы снова в распоряжении проводника. На этот раз нами руководит бывший воспитанник Екатеринбургского реального училища, окончивший там полный курс и четыре года тому назад «поступивший в Валаамский институт без конкурсного экзамена». Юноша чрезвычайно красивой наружности, с преобладанием в выражении лица созерцательной духовной жизни. В обители имеет послушание за трапезой. Настолько начитан и развит, что во время пути дает нам объяснения из естественных наук, но и настолько скромен, что в обычном обращении, по-видимому, всеми силами старается скрыть и замаскировать и свой ум, и свою принадлежность к интеллигентному классу. При осмотре он обыкновенно стоит в стороне от нас, сложивши на груди руки, в несколько наклоненной позе. Под его руководством мы осмотрели свечной завод, пекарню, аптеку. В свечном заводе мастера показывали нам выделку больших и малых свечей, в пекарне при нас сажали в печку хлебы. На пути в аптеку мы имели время остановиться на несколько минут около келий схимников и прочитать правило, написанное на двери келии: «Прежде прихода к старцу сначала собери в уме своем все помышления...» Старец, целуя взаимно десное плечо ученика, глаголет: «Христос посреде нас». Так уж, очевидно, расположена монастырская жизнь, что каждый шаг в ней побуждает к внутреннему самоуглублению и отысканию Христа в своем сердце.

Надо заметить, что при осмотре Валаамского монастыря, так же как и других достопримечательностей, у нас сначала не было исторической системы и последовательности. После молебна около гробницы, которая напоминала нам о трудах св. подвигоположников знаменитого острова, нам следовало бы перейти прямо к ознакомлению с трудами их преемников, но, в целях сбережения времени, мы по пути зашли и на монастырские службы. Теперь восстановляется прерванная нить: мы идем в пустыньку, где похоронены современные труженики св. обители. Путь очень интересный. По обе стороны дороги – аллея деревьев, вблизи зеленеющего хлебного поля, на котором колосится рожь. Сама пустынька – в роскошном зеленом саду, несколько в стороне от главного пути.

Сворачиваем с большой дороги и идем по направлению кладбищенской церкви. На пути, направо, останавливает внимание большой каменный крест, поставленный на могиле духовного организатора Валаамского монастыря игумена Назария. «Сей святой крест, – написано на нем, – усердием настоятеля Валаамской обители игумена Дамаскина сооружен в незабвенную память бывшего настоятелем этого же монастыря великого старца игумена Назария и поставлен при его каменной, пустынной келии, в которой он во время своего настоятельства часто уединялся для духовного безмолвия, а после постоянно жил несколько лет. Октября 14 дня 1854 года». Вспомнив о подвижническом житии и прозорливости старца-труженика, мы под сенью величественных деревьев помянули его молитвой, спели над его могилой «со святыми упокой» и «вечную память».

Миновав затем пустынскую церковь, в которой будем сегодня молиться, пришли к могиле внешнего строителя св. обители, игумена Дамаскина. Чудный уголок для безмолвия: аллеи, точно стены зеленые, холеные деревья со всех сторон, цветы кругом и полная тишина, нарушаемая только пением птиц. На памятнике, написано: «Не отъидет память его, и имя его поживет в роды родов».

Отсюда путь под гору, на монастырское кладбище. Здесь под тенью вековых елок спят вечным сном монахи и миряне. Большая часть памятников без всяких надписей: почившие безвестны и по смерти так же как были безвестны при жизни. Но есть памятники, на которых заметны еще невысохшие слезы: отец пишет о своем горе при разлуке с маленьким сыном, послушник просит молитв своих собратьев, вдова утешает себя словами, вложенными в безмолвные уста умершего мужа.

По пути с кладбища посетили старинную келию схимника Николая и могилу его с памятником в виде гроба.

Валаам. Крест на могиле игумена Дамаскина. Современный вид

Памятник весь испещрен надписями, большая часть их уже стерта временем; но на некоторых еще сохранились следы незаживших ран. Например, вчерашняя надпись гласит: «Помолись, преподобный старец, за грешного раба Василия и болящей Александры. 18-го июня 1903 г.» Гробница со всех сторон изъедена зубами недугующих; часть земли с могилы унесена многочисленными паломниками в разные села и деревни Северной России.

В обычный час мы вернулись в монастырь на трапезу. Невидимая благодеющая рука на этот раз устроила стол более обильный, чем обыкновенным паломникам. Ее же усердием в тот же день некоторым из нас была бесплатно исправлена обувь, поизносившаяся за время дороги. На трапезе послушник читал «слово умилительное о покаянии» святого. Ефрема Сирина в похвалу подвижникам. Пищу вкушали в молчании.

После обеда в помещение о. ректора приходил иеродиакон условиться относительно часа вечерней службы, а затем предлагал воспитанникам посмотреть, как в бухте ловят рыбу, и обещал, в случае, если бы было желание принять участие в ловле, достать фартуки и большие сапоги.

Разговор прерван был звонком, призывающим нас к обозрению достопримечательностей. Маленький пароход «Николай» уже давно стоял под парами, когда мы сошли к бухте и стали размещаться в «семинарской лодке». На колокольне играли куранты. После третьего свистка отчалили от берега при пении «Достойно» монастырским хором, поместившимся на пароход. В общей мелодии монахов были слышны серебряные голоса маленьких послушников, а в самом напеве, давно знакомом, была заметна какая-то неуловимая особенность валаамского пения. Над нами высились скалы, покрытые лесом. С высоты неба светилось ясное солнце, при легком движении ветра с горы доносился аромат цветов. Пение входного «Достойно» и величественная обстановка напоминали архиерейскую службу «на всяком месте владычества Божия».

На смену монахам, лишь только они кончили петь, выступил хор богомольцев, стройно и одушевленно, с участием женских голосов, исполнивший «Воскресение Христово видевше».

Проехав под мостом, перекинутым через бухту, флот остановился около часовни во имя Смоленской Божией Матери. Очередной иеромонах встал пред столом и, помолившись, сказал возглас. Это был в полном смысле слова молебен на лоне природы: стол стоял в траве, над ним свешивались три рябины, направо расстилалась лужайка, ожидавшая сенокоса, несколько позади – группа деревьев, и со всех четырех сторон вдали – лес и горы. Молившиеся усердно стояли в траве на коленях; поодаль вправо две-три фигуры стояли в траве едва не до пояса. Картина была настолько интересна, что наши фотографы, не дождавшись конца молебна, отошли на расстояние перспективы и обогатили свою коллекцию новым снимком. Быть может, с течением времени, кто-нибудь из будущих художников передаст его на полотно...

Валаам. У монастырской пристани. Фото нач. 1900-х гг.

Едем дальше. На пароходе в первых лодках поют «Спаси, Господи, люди Твоя». Мы молчим и занимаемся созерцанием окрестных видов. Чем глубже в остров, тем интереснее и привлекательнее горные обрывы и скалы над бухтой, тем причудливее зеленые рощи по обеим сторонам «малого водного пути». Остановившись у плота вблизи скалы, покрытой зеленым мхом и горных возвышений, на которых растут вековые сосны, идем лесной дорожкой к Коневскому скиту и на некоторое время, пока монахи собираются служить молебен, останавливаемся на маленьком мосту, перекинутом через бухту. Здесь такая масса рыбы, и так мало она боится человека, что, без всякого преувеличения, можно ловить ее пригоршнями. Стоит бросить в воду крошку хлеба, и сейчас же за ней устремляется целое стадо. При всеобщем оскудении, при многочисленных жалобах, что «леса вырублены», а «рыба выловлена», это, быть может, единственное место, где тысяча людей кормится на пространстве десятиверстного расстояния острова, да не только сама кормится, а и делится с богомольцами, и не оскудевает от этого остров. Не было бы неурожаев, обмеления рек и недостатка жизненных припасов и на всем остальном пространстве нашей обширной русской земли, если бы также, во имя Божие, запрещалось хищническое уничтожение всякой твари, растений и животных, а брал бы себе человек только то, что необходимо для пропитания, а не для корысти и роскоши. Долго еще, думаем, проживет святая обитель, и останутся нетронутыми выросшие на горах острова лесные чащи, и долго еще будут питаться монахи и богомольцы монастырской рыбой, и не изменится благосостояние великой обители: «не умалится елей в чванце».

От Коневского скита по подгорью, в тени дерев, идем к малой келии игумена Дамаскина. Здесь его тесная молельня, его портрет, книги, по которым он молился, гроб, где он спал... Но и при всей аскетической обстановке: у подножия скалы, окруженная тенью деревьев и обращенная входом к горе, келия бывшего строителя монастыря производит на мирского путника впечатление приветливой уютности, «тихой пристани». Искушая подвижника, можно бы было сказать, что скудное питание и труд в значительной степени восполняются теми красотами девственной природы, которые окружают убогую келию. Сколько здесь безмолвной жизни! Сколько природного богатства!

Как-то невольно замедляется остановка в этом месте. Всем не хочется так скоро покидать красивый уголок. Большинство воспитанников забираются на скалу, которая свесилась над келией, располагаются почти в висячих позах, и о. духовник делает фотографический снимок.

Едем в обратный путь. О. духовник помещается на соседней лодке и снимает «Самарскую Духовную семинарию в лодке» Валаамского монастыря. Монастырские певчие попеременно с нашим хором поют «О дивный остров Ва-

лаам». Обратный путь прошел очень скоро. Через четверть часа мы уже были в виду монастырской пристани. В гавани стояли какие-то шхуны, привезший товарища Министра путейский пароход «Озерной» и пришедший из Сердоболя пароход «Александр».

На берегу нас ожидала интересная новость: около пристани стоял в ожидании нашей группы А. Е. Живейший интерес событию придало неожиданное известие об этом, когда мы причаливали лодку. Кто-то обмолвился: «А. Е. приехал!» Стоило сказать эту магическую фразу, как все, вспомнив треволнения последней минуты отъезда из Петербурга, сразу же повыскакивали на берег и, перегоняя друг друга, бросились в гору бегом встречать А. Е.: жмут руки, аплодируют. Едва успевая отвечать на приветствия, А. Е. стоит и улыбается:

– Оставили меня среди чуди белоглазой!

Нервным настроением юношества заражаются и остальные паломники: остановились, улыбаются:

– Смотрите, как рады!

А. Е. рассказал свою «Одиссею». Опоздав на пароход, он проехал от Петербурга на Сердоболь. Там, по указанию о. Сергия, был радушно принят о. протоиереем Окуловым, переночевал у него ночь и на утро прибыл на Валаам с Сердобольским пароходом. Запоздал потому, что извозчик доставил его не на ту пристань: вместо Калашниковской набережной, провез к стеклянному заводу, откуда пароходы отправляются в Шлиссельбург, а не на Валаам. А. Е. сразу увидел ошибку и велел извозчику ехать к Валаамскому пароходу, но «и конь ленивый, и багажу много, и времени мало»...

В четвертом часу небольшая партия воспитанников ездила на рыбную ловлю. Флот состоял из трех лодок: две с семинаристами и одна с послушниками. Вместе забрасывали невод, но... «не яша ничесоже».

В шесть часов вечера тихий, мелодичный благовест колокола огласил дремучий пустынный лес. Мы уже были все в сборе и ожидали начала всенощной. Кроме нас в пустынской церковке были и некоторые послушники, и посторонние богомольцы, пришедшие послушать семинарских певчих. Разместились так же, как и в семинарии, рядами, по правую и левую сторону входа. Служил о. ректор с иеродиаконом Маркианом. На литию и величание выходили о. духовник и спутник его по Ладожскому пароходу, священник из Уссурийской области о. Владимир Давыдов. Обязанности чтецов исполняли воспитанники: Е. Самуилов, С. Вершинский и Н. Богородицкий.

На левом клиросе монастырский духовник исповедывал воспитанников и руководителей. Уже давно кончилась всенощная, а исповедь все еще продолжалась. Пред образом Богоматери приветливо, в полусвете летнего вечера, теплилась лампада, а со стороны клироса слышен был глухой шепот духовника и кающегося. В храме стояла какая-то особенная, благоговейная тишина, невольно казалось, что «Господь близ».

Поздним уже вечером, со спокойным сердцем и чистою совестью «един по единому» мы возвращались в святую обитель. Наслаждение восстановленной душевной гармонии дополнял благодатный летний вечер, напоенный ароматом колосящейся ржи, дикой фиалки и соснового леса.

В одиннадцатом часу ночи, когда уже все были в гостинице, проходит по коридорам послушник и делает напоминание:

Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь. Фото 1900-х гг.

– Братие, наблюдайте тишину! По келиям расходитесь!..

20 июня. Восстав от сна, снова идем в «семинарскую церковь». Слушаем здесь утреннее правило и литургию, которую служит о. ректор в сослужении тех же духовных лиц, что и на всенощной. Часы и апостол читали воспитанники. На литургии молились за всех, кто оказал нам приют во время пути. Нарочито же молились по случаю тезоименитства за архипастыря, благословившего наше путешествие. В обычное время, пред приобщением св. Таин, о. ректор, применительно к настроению юношей, сказал поучение.*

После приобщения о. ректор сам читал благодарственные молитвы.

По окончании литургии в трапезной нас ожидал утренний чай. Дружно, по-семейному, собрались все вместе и при входе ректора, встав с мест, встретили его одушевленным пением тропаря св. Валаамским чудотворцам: «Евангелия Христова истиннии послушницы явитеся преподобнии…» Помолившись перед образом Богоматери и обратившись к нам с приветствием и благожеланиями, о. ректор поздравил нас «с именинником».

В тот же день после обеда предприняли самую интересную на Валааме экскурсию к Никоновскому скиту. На этот раз нас едет целый флот. К обычной флотилии, состоящей из маленького парохода и двух лодок с паломниками и семинаристами, прицепляются еще две маленьких лодки, где разместились под председательством о. Феофана, приехавшие вместе с нами студенты Петербургской Академии. Большая часть юношества группируется вблизи «помощника инспектора», который в юмористической форме, ведет рассказ о финнах и Финляндии. Вскоре беседа сменяется чтением: воспитатель читает интересную статью, а юношество вокруг него, кто сидя, кто лежа друг на друге, слушает, «навостривши уши». Другая группа сосредоточилась около А. Е., все еще не может забыть его «Одиссеи»... Выехали из бухты в открытое озеро. Погода ясная и тихая; лодки идут совершенно спокойно. На корме жалеют, что качки нет, и мало помалу начинают сами качать лодку, но переходит туда и в молчании садится авва, и все успокаиваются.

* Слово архим. Вениамина произнесенное 20 июня 1903 г. за литургией в церкви Преподобных отцов, в посте и молитве просиявших, на Игуменском кладбище Валаамского монастыря, публикуется на стр. 212–213.

Около скита Иоанна Предтечи встрепенувшийся дружный хор громогласно поет «Память праведного с похвалами». Здесь, в скиту, на самой вершине горы, строится церковь во имя св. апостола Андрея Первозванного. Около пристани разложены кирпичи, только что привезенные из монастыря, и на благочестивой обязанности каждого паломника лежит внести по кирпичу, а кто может и больше – в гору. Первыми выходит на берег население нашей лодки. Дружно осаждают юноши кирпичную кладку и почти все кирпичи уносят вверх. К другой кладке, с теми же благочестивыми целями, подходит партия паломников. Барыни, барышни, девочки, студенты, нищенки – одни с стремительностью, другие – лениво и неохотно берут по охапке кирпичей и несут на построение Божиего храма. На половине горы барыня устала и бросила на дороге свои кирпичи: «Бог с ними!» Достала из кармана платок и начала вытирать руки и отряхиваться от кирпичной пыли. Солидных лет господин, очевидно, попавший сюда по недоразумению, иронизирует над благочестивыми людьми: «Гора крутая, без кирпичей-то не влезешь». Мальчик едва тащит свою ношу: устал, покраснел весь, – не влезти. К нему сбегает с горы семинарист и помогает поднять ношу.

Вверху, рядом с строящимся новым храмом, поют молебен. Служит иеромонах Мелетий, школьный товарищ двоих из наших руководителей.

С успехом окончивший семинарию и образцовый учитель, он по «каким-то внутренним побуждениям» совершенно неожиданно оставил свою школу и, почти никому не сказавшись, ушел в Валаамский монастырь. Так же как и наш вчерашний путеводитель, принятый сюда без конкурсного экзамена, сначала прошел здесь подготовительный к пастырству курс «высшей науки», а потом, по настоянию начальствующих, был посвящен во иеродиакона и иеромонаха.

– Где Бог привел свидеться!.. В детские годы, когда вместе играли в родном селе, думали ли, что когда-нибудь будет такая встреча...

В обратный путь разделяемся на две партии: любители морского плавания отправляются для обозрения дальнейших скитов на лодках, а меньшинство вместе с о. ректором идет прямо в монастырь, вдоль острова, лесом. О. Мелетий взял на себя труд провести нас кратчайшим путем. На пути вели беседу о значении Валаамского монастыря для окрестных селений. Оказывается и здесь, так же как в Соловках, есть обычай приходить в монастырь на послушание и работать «Господа – для», – полгода, год, а иногда и больше. Нет сомнения, что обычай этот имеет громадное воспитывающее значение для всей окрестности: пробывший на послушании, сумевший подчиниться строгому монастырскому режиму, пройдя здесь школу труда и терпения, – уже непременно воротится в семью трезвым работником. С этой точки зрения Валаамский монастырь не только «педагогический институт», но и «врачебница» для больных слабоволием. Об этом назначении монастыря прекрасно знают не только на побережье Ладожского озера, но и в Петербурге. Многие благочестивые матери отправляют сюда сбившихся с пути детей на жительство и получают обратно уже исцеленными.

Валаам. Зимняя гостиница для паломников

Во время беседы старших воспитанники разбрелись по лесу за цветами и ягодами, – собирают незабудки и дикую фиалку. В одном месте вспугнули двух зайцев, но зайцы здесь совсем не трусливые: бежать не торопятся. На наш вопрос, отчего это так, – спутник ответил, что они не боятся людей: их здесь не бьют, и рассказал нам о том, как на острове приходит к схимонаху лисица и получает из рук его пищу.

Это уже совершенно новая черта монастырской жизни. Если бы сильнее и дальше было его влияние на окрестных жителей, – кто знает, быть может гораздо скорее наступило бы давно ожидаемое время, когда люди перекуют «мечи на плуги и копья на серпы».

На дальнейшей остановке вблизи часовни, среди роскошного луга цветов, были свидетелями еще одной особенности монастырской жизни: здесь нет ни замков, ни решеток в окнах; нет собак, которые стерегут «хозяйское добро».

Для новой Руси, которая строится на Востоке, и которая краеугольным камнем своим кладет рубль, было бы чрезвычайно поучительно влияние Валаамских иноков. И надо жалеть, что уже достаточно искусившийся в духовном подвиге монах, все еще продолжает жить в обители среди тысячи братий до самой смерти. Если Валаамский монастырь – духовная школа для подготовки к пастырскому подвигу, к безропотному несению иноческого креста, – то зачем же оставлять здесь «окончивших курс», когда они могут в другом месте учить и лечить, и основывать новые обители, и иметь нарочитое пастырское душепопечение о ближних. «Шедше в мир весь, проповедуйте Евангелие всей твари», – сказал Спаситель. И этот вечный глагол Христов особенно приложим к нашему времени, когда так много христиан стало только по имени, когда язычество, замаскированное гуманными идеями, все больше и больше находит себе последователей. Идите с проповедью по России, Валаамские отцы, оздоровляйте немощных, укрепляйте колена расслабленных, тихо делайте свое дело в новой промышленной России; идите со знаменем креста на заводы и фабрики, устраивайте общества трезвости, лечите, приучайте других к строгой жизни, к которой себя приучили...

С этими мыслями входим в Валаамскую обитель по дороге из дремучего леса. Вид храмов и монастырских зданий отсюда еще привлекательнее.

Ранний вечер пред вечерней и сразу после вечерни одними был посвящен на покупку икон, крестиков и книг в церковной лавочке, другими – на более подробный обзор окрестностей обители и, наконец, третьими – на посещение монастырской колокольни. Колокольня в вышину – тридцать три сажени, – немного менее Ивана Великого. Но зато

подъем гораздо благоустроеннее: лестницы широкие, и начисто вымыты, пролеты светлые. Получается впечатление, будто поднимаешься в верхний этаж какого-нибудь здания. Небольшой группой мы забрались под самый барабан. Под ногами стучат монастырские часы громадных размеров: почти саженный циферблат, пудовый маятник, от пятнадцати до тридцати пудов гири. Отсюда открывается вид «на весь мир»: «Сиди здесь, говорит мой старший спутник; смотри в четыре страны и наблюдай, что где люди делают». К нашим услугам – пара биноклей и громадная зрительная труба, а для удобства – под окошечком столик и табуретка. При некоторых усилиях можно рассмотреть восточный берег озера: селение и две церкви на самом берегу. До них верст тридцать пять. Сердобольский берег видно еще лучше, не только в бинокль, но даже простым глазом. В зрительную трубу можно хорошо рассмотреть парусные суда, которые плывут на расстоянии приблизительно десять верст.

Колокольня для Валаамского монастыря служит обсервационным пунктом. Дежурный послушник зиму и лето в течение суток сидит на вышке под часами, следит за приближением береговых лодок и о каждом приезде незнакомых людей немедленно дает знать монастырю. Это также одно из очень трудных послушаний – день и ночь быть на стороже, одному, на половине пути от земли к звездам, в мороз и непогодь. Есть время размыслить о смысле жизни и своем назначении на этой земле.

После вечерни, в ожидании ужина, почти все воспитанники собрались на крыльце гостиницы и опять разговорились. По слову скажут – пятьдесят пять слов, а по два – будет сто десять... Снова подходит вчерашний послушник:

– Братия, наблюдайте тишину!..

21 июня. Ранним утром, по обычаю, ходил по номерам отец духовник и расталкивал спящих. В некоторых – стучал в дверь, и стук его был подобен стуку морской лебедки, которая поднимает ящик с товаром. Ему замечают, что очень уж энергично будит.

– А то как же? Не молитву же читать по монастырски: хоть сто раз прочитай – не услышите.

После литургии собираемся в соборе – служить прощальный молебен. Пред молебном на несколько минут имею возможность заглянуть в алтарь и прочитать вывешенное на стене наставление настоятеля инокам: «Отцы и братия священнослужители и прочие предстоящие во св. алтаре! Ради святости места, как особого присутствия Божия, здесь, в алтаре, во время богослужения прошу вас посторонних разговоров не производить». На прощальном молебне молимся о Преосвященном Гурии, о строительнице нового семинарского храма, о родителях и родственниках воспитанников.

После молебна собрались одновременно со студентами Петербургской Духовной академии в келиях настоятеля – отдать последний поклон начальнику обители и благодарить его за радушие и гостеприимство. От лица собравшихся о. ректор поблагодарил о. настоятеля в следующих словах:

«Ваше Высокопреподобие! Самарская Духовная семинария в лице здесь собравшихся приносит глубокую благодарность Вам и Вашей обители за тот приют, ту хлеб-соль и то духовное назидание, которые мы получили.

Для нас путников, особенно таких дальних, важен и кров, под которым мы могли отдохнуть, и пища, и питье,

Валаам. Вид с колокольни Спасо-Преображенского собора на Монастырскую бухту

которыми подкреплялись наши силы, и внимательное отношение, благодаря которому мы могли многое осмотреть и удовлетворить свою любознательность.

Но мне кажется, что еще более важно и ценно то, что здесь получил или мог получить наш дух, наша душа.

Самарская епархия новая, молодая. Религиозная жизнь в ней начинает только биться. Пульсы ее св. обителей насчитывают своему существованию только десятки лет. Сообразно с современными обстоятельствами, большинство из них женские, а мужских немного, и по числу братии они малолюдны.

Здесь же мы нашли обитель древнюю, начало которой скрывается в глуби веков, цветущую во всех отношениях. Мы видели, что не только жены, но и мужи в наше время могут жить по духу и ради этой жизни оставить и забыть все. Со Христом они побеждают страсти, убеждения, оставляют взгляды и отношения, господствующие в миру и несогласные с учением Евангельским, видоизменяют на лучшее самую видимую природу.

Все это мы запечатлели в сердце и закрепили единением со Христом в таинстве Причащения. Да процветает Валаамская обитель на многие и многие лета и является градом, в верху горы стоящим, светильником, который, горя и светя, всем показывает, что жизнь по духу, согласно учению Евангельскому, невозможная для людей и возможна для возмогающих о Христе Иисусе, Господе нашем».

– Многая лета о. настоятелю и братии обители Валаамской.

Воспитанники закончили речь о. ректора истовым и одушевленным многолетием.

Выслушав пред образом «многая лета», о. Виталий сказал: Дай вам, Господи, милости Божией – быть полезными для Церкви и общества. Милости просим впредь приезжать»... И затем начал благословлять каждого в отдельности, осведомляясь о происхождении некоторых воспитанников и об их намерении служить святой Церкви. На память каждому о. настоятель подарил по маленькому образку с изображением преподобных Сергия и Германа, Валаамских Чудотворцев. После прощания с воспитанниками о настоятель пригласил руководителей во внутренние келии на чашку чая. Среди скромной обстановки здесь обращает внимание посетителя прекрасный барометр. Очевидно, настоятель раньше всех других должен знать

настроение капризного Ладожского озера и не пускать в путь суда, когда барометр показывает «буря». На этот раз барометр показывал «ясно», и можно было не опасаться за дальнейший путь.

Окончив беседу, мы пригласили о. настоятеля сняться на общей карточке. Из уважения к почетному гостю аппарат был приготовлен с нарочитым усердием, воспитанники – у дверей трапезной – рассажены с особенной тщательностью; кроме того, был дан особый урок фотографу, сколько секунд держать объектив; присяжный фотограф, о. духовник на этот раз пожелал сняться вместе, в общей группе.

После съемки большая часть воспитанников отправилась собираться в дорогу, а меньшинство в ожидании трапезы посетило старое братское кладбище. Немногосложны надписи на могилах иноков: нет здесь скорбных чувств расставания с жизнью, не заметно и прощальных слез. Валаамские монахи умеют молчать и по смерти так же, как молчали при жизни. А между тем, по некоторым штрихам могильных начертаний можно бы было догадаться, что под тем или иным камнем похоронена глубокая драма жизни. Здесь есть, например, купцы, поселившиеся в монастыре и по искушении себя, принявшие монашество, есть схимники и молчальники, полившие землю слезами молитвы... Над всеми ними надписывается одна общая формула: «Отцы и братие, не забудьте и мене, егда молитеся».

«Часто ли, – спрашиваю спутника, – молятся о них?» Отвечает, что каждую субботу и, сверх того, во вселенские субботы, и на трех неделях Великого поста, когда прочитывается весь помянник, от основания обители. Говорят, здесь, в библиотеке, хранится синодик, в котором собственноручно записаны царем Иваном Васильевичем Грозным души казненных. Как жаль, что мы не видали этот автограф царя Грозного!..

Между почившими есть гости, скончавшиеся во время приезда во св. обитель. Здесь многоречивые памятники. На одном из них написано, что исполнилось желание благочестивой женщины – умереть на святом острове. Пишет ей дочь: «Спи, мама дорогая, как пахарь спит усталый»...

Троекратный удар колокола призывает на трапезу. На этот раз мы и студенты обедаем в общей трапезной, вместе с монахами. Трапезная устроена наподобие часовни с иконостасом на передней стене. От нее идут три ряда столов. В конце среднего ряда помещается кафедра, на которой «учиненный чтец» читает «Жития святых». Братия заняла два ряда с правой стороны, мы разместились во всю длину столов с левой стены от входа. В ожидании молитвы все храним молчание. Вошел настоятель и сделал чинно три поклона... За ним вошли певчие и речитативом начали: «Отче наш... Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи помилуй... Благослови». Очередной иеромонах благословляет трапезу, и все садятся обедать в молчании, а послушник читает житие дневного святого. После четвертого блюда все встают, и хор поет заключительные молитвы: «Благословен Бог питаяй нас от юности нашея», «Возвеселил ны еси в делех рук Твоих», «Благодарим тя, Христе Боже наш», «Достойно» «Слава и ныне, Господи помилуй. Благослови». Предстоятель благословляет: «С нами Бог Своею благодатию и человеколюбием, всегда ныне и присно и во веки веков». Певчие поют «аминь», и все уходят.

Спешно после трапезы прощаемся, благодарим монахов за гостеприимство и идем на пристань. На пути встречается дежурный на колокольне послушник с известием, что «Валаам» идет. Наш багаж доставляют к пароходу на монастырских конях.

Осталось ждать более часа. На пристани, в ожидании отъезда, скучно. Пассажиры зевают и смотрят, уставившись в одну точку. Жаркий полдень и томительное ожидание гонят мысль с чела даже серьезных наших спутников. Около пристани собралась группа студентов и с ними маленький восьмилетний мальчик–послушник, в скуфейке и подряснике. Заботливые дядьки учат его в бинокль смотреть. «Ученик» очень доволен уроком своих воспитателей и с уважением смотрит на них, не спуская глаз.

Наступает час прощанья. По нашей просьбе пароход отходит немного ранее расписания, чтобы нам успеть на поезд в Сердоболе. Одна другою сменяются прощальные сцены. Предметом общего внимания служит А. Е., не пожелавший предпринять вторичную поездку к «чуди белоглазой». Он остается на Валааме и завтра едет прямо в Петербург. Воспитанники напутствуют его благожеланиями. Особенно трогательно прощается с ним «помощник инспектора». На самом патетическом месте прощанья наставляют на них с верхней палубы фотографический аппарат и делают моментальный снимок. Снимок выходит настолько рельефный, что даже «слезы видать»...

Студенты с палубы шлют последний привет своему инспектору. О. Феофан облокотился на каменную тумбу, закрыл лицо рукою и смотрит вдаль. Есть нечто трогательное и в одинокой его фигуре, и в заботливом выражении его лица. Будто самых родных, близких людей он провожает. Жалко, что не могу снять или нарисовать это неземное лицо... хотя бы для того, чтобы показать, что есть еще в нашей – богатой дарованиями – духовной школе люди, которые больше отца и матери заботятся о своих богоданных детях.

Дико закричал в последний раз пароход. Сняли сходни, и начал работать винт. Собравшись на палубе, мы прощаемся со святой обителью пением в последний раз тропаря св. Валаамским Чудотворцам.

Через пять минут въезжаем в открытое море. Начинает свежить, и становится холодно, несмотря на полдень. На солнечной стороне играет водная даль серебряными искрами. Далеко позади остаются скалы св. острова, покрытые зеленью вековых деревьев. С противоположной стороны виден финляндский берег. Скоро пароход вступает в морской залив, который местами напоминает одну из больших рек Средней России. Есть возвышения наподобие Царева Кургана, есть горы, сплошь покрытые лесом, наподобие Жигулей. Но и небо здесь другое, и горные очертания резче, суровее: нет той мягкости и простора, которые чувствуются на родной реке...

Суровый край... Его красам,
Пугаяся, дивятся взоры.

Уже и речь здесь не наша: на пароходе добрая половина посторонних пассажиров болтает по-фински. Очень интересны первые моменты встречи двух племен. У борта парохода сидят двое: «старый и малый» – мальчик финн и наш помощник инспектора. Познакомились, расшалились. Оба болтают и смеются, но не один не понимает ни слова из того, что говорил другой.

– В воду выброшу! – шутит воспитатель. Мальчик пищит и жмется в сторону.

В виду «чужой стороны» еще серьезнее и озабоченнее стал о. духовник. В монастыре он наменял финских

денег и накупил провизии столько, что можно бы было накормить половину Финляндии. На этот раз он не доверяет опытности старост: боится, что не сумеют считать по-фински, и сам всем заведует: укладывает припасы, записывает, подсчитывает, соображает. Около него лежит шестнадцать хлебов. Рядом с ними корзина, на которой написано громадными русскими буквами наименование клади и имя владельца.

Руководители нашли себе интересного спутника. Едет в Финляндию Пензенский епархиальный наблюдатель, вместе с учителем одной из второклассных школ. Наблюдатель – академический товарищ одного из наших преподавателей, но... поразительная разница: этот на половину седой, а тот высматривает совсем молодым человеком. Должно быть в Пензе хорошо живется! – Мирно беседуют. Вспоминают академию, старых друзей, перечисляют, кто из них произведен в генералы и делятся друг с другом впечатлениями по поводу нашего «семинарского войска» на берегах Финляндии.

Между горами видно Сердоболь. Это уже совершенно лютеранский город. Центральное положение занимают две большие кирхи, и очень скромное место отведено русской церкви. И дома тоже какие-то, другие, мало похожи на русские.

В четыре часа пароход остановился у пристани. Чувствуем себя истыми пошехонцами, которые приехали в чужую страну и прямо «уперлись в стену». Что дальше? Куда? Надо на вокзал и притом надо пройти спешно, потому что поезд через полчаса отходит, а мы не знаем, и где вокзал, и кого спросить. Толпа вся, кроме нас, говорит по-фински. Нет, здесь «язык не доведет до Киева». Происходит то же самое, что на пароходе у помощника инспектора с мальчиком, только теперь ролями поменялись: финн может пообещать нас «в воду бросить», а мы будем приятно улыбаться и благодарить...

Неприятное чувство «чужой стороны», впрочем, несколько сглаживается тем, что «нас много», что, в случае нерасположения финнов, мы завоюем себе часть земли и поставим свой город... И говорить в нем будем по-русски.

Однако ж, fortes fortuna juvat. Предупрежденные А. Е., на пароходской пристани нас встречают духовные лица, и с первых же шагов о. протоиерей Окулов берет нас под свое покровительство. При быстрой смене впечатлений едва успеваем дать себе отчет в том, что видим. Какая-то стихийная сила несет вперед.

На минуту вглядываясь в интеллигентное лицо о. Окулова, его манеры, поступь, слушаю его речь; и вижу, что – если можно заключить по двум-трем примерам – нет ничего общего между здешним и нашим провинциальным духовенством... Совершенно европейцы!..

Группа молодежи собирается на рельсах соединительной ветви: и, после недолгих колебаний, решает идти до вокзала пешком. Впереди «роты» идет маленький белокурый мальчик, сын о. Окулова, за ним тянется целая вереница путешественников: с чемоданами на плечах, с узлами под мышкой, с корзинами на головах, с палками, с думками. В одном месте на узком мосту через маленькую бухту, вся эта компания растягивается сажен на двести и больше, к удивлению встречных финнов. Насколько успевает глаз сохранить моментальное впечатление города, – Сердоболь производит во всем впечатление тишины и порядка. По дурной русской привычке заглядываю в окно: вместо иконы распятие, – значит дом лютеранский, судя

Сердоболь. Храм свв. апостолов Петра и Павла. Фото начала XX в.

по внешнему виду, и не очень богатый, но какая в нем чистота, и как все приспособлено к требованиям жизни. На финнах и финках, которые нам попадались навстречу, не заметили ни одного грязного костюма: иной и бедно одет, а на одежде ни одной пылинки. Особенно финки отличаются чистотой и изяществом при простоте и не изысканности наряда. Надписи на домах все – или по-фински или по-немецки. Наш маленький руководитель рассказывает своим ближайшим спутникам о городе и учит их говорить на туземном наречии.

Поднявшись в гору, подходим к зданию вокзала. Здесь – все новое, непривычное. Нет крытой платформы, как у нас; на голове начальника станции вместо красной фуражки – кепи с изображением феникса; нет и той грязи, какая в большинстве замечается на русских железных дорогах. Везде цветы: и в буфетной комнате, и в помещениях железнодорожных служащих, и в руках дам, и в петличках молодых финнов.

На железной дороге от Сердоболя к Выборгу очень слабое движение, и потому нам приходится нарочно заказывать себе вагон. Обращаемся с просьбой к начальнику станции дать нам помещение, и получаем ответ, что все уже сделано. Железнодорожное начальство было предупреждено еще накануне о нашем проезде. Вероятно, тот же о. Окулов, без нашего ведома оказал нам эту услугу.

Со вторым звонком занимаем вагон, и снова чувствуем себя в совершенно непривычной обстановке: вагон светлый, окрашенный внутри белой краской; двери стеклянные, для удобства пассажиров умывальник и графин с водой; пол только что вымыт, как перед праздником в русском благочестивом доме. Вместо сальных огарков – электрическое освещение. Вместо грязных реклам – надписи объявлений – на стеклах матовыми буквами. Кондуктор предупредительно вежлив, как и следует чиновнику, одетому в мундир с пуговицами, на которых изображен русский двуглавый орел. По-русски, впрочем, говорит плохо и недостаток запаса слов восполняет жестикуляцией.

Вступаем в страну «тысячи озер». Природа очень напоминает север России: тот же ковер цветов с той и другой стороны железного пути, с той только особенностью, что почти на каждой версте встречаем какие-нибудь заливы

или озера. Иногда озеро тянется несколько сажен, иногда на целую версту, иногда уходит в глубь и закрывается близлежащим лесом. Чаще попадаются полосы гранита, время от времени мелькнет река в гранитных берегах: по ту и другую сторону пути вдали тянутся горы. По местам идут луга и травы.

Здесь уже сенокос во всем разгаре. На скошенной поляне виднеются конусообразные финские копны: сено сложено вокруг воткнутого в землю суковатого дерева и открыто действию воздуха гораздо больше, чем в наших стогах или копнах.

Едем уже несколько верст, а все еще не видим деревни: здесь, оказывается, нет общинного землевладения: каждый живет на своем участке. Вместо деревень – отдельные усадьбы: домик с надворными службами, иногда два, и около них весь хозяйственный инвентарь и вся земля, которой владеет хозяин. И на всем пространстве – ни одной церкви.

На ближайшей станции знакомимся с финским населением: покупаем у маленьких девочек морошку и землянику. Ягоды уложены на тарелку, сделанную из бересты, по углам береста искусно связана прутиком.

– Сколько?

– Десять пенни! (на наши деньги $2^1/_2$ копейки).

– Даем пятак, – не берет. Как быть? Финских денег нет, а ягоды хорошие. Вопросительно смотрим сначала друг на друга, потом на девочку и отдаем гривенник (25 пенни). Продавщица молча кладет его в карман и передает нам одну тарелку с ягодами. За пятиалтынный и другая тарелка поступает в наше распоряжение.

Еще комичнее полунемые сцены на платформе. Приходит пассажир. Один из экскурсантов, забывший, что финн ничего не понимает по-русски, начинает доказывать, что этот вагон только «для учащихся», и что остальные пассажиры должны помещаться в соседнем вагоне, что у нас и без того страшно тесно, а там всего лишь два человека сидят. Финн слушает и смотрит с недоумением. Видя, что не помогают слова, оратор прибегает к жестам: берет его одной рукой за плечо, а другой показывает на соседний вагон. Но и эта мера оказывается бессильной. Тогда юношество прибегает к помощи «аналогичных действий». Думая, что «финн боится», один за другим начинают показывать, как переходить площадку. Цель достигнута: пассажир ушел в соседний вагон и поместился с удобствами. Еще курьезнее был разговор с каким-то проходимцем: тоже ничего не знает по-русски, и тоже объясняется посредством жестикуляции: колотит по щеке – дают ему хлеба. Оказывается – не то... Так и не поняли...

На ст. Ааккима поезд стоит пятнадцать минут, идем осматривать здание вокзала. И здесь тоже – удивительная чистота и уютность. В буфете дело ведется совершенно на других началах, чем в России: нет никаких официантов, кушанья стоят на столе: заплатите марку и кушайте холодное на quantum satis, за полторы марки – горячее; за две с половиной – то и другое. Количество провизии определяется вашим аппетитом. Если бы такие порядки были в России, то очень невыгодно было бы содержать буфет.

На ступенях при входе на станцию сидит финский мальчик с корзиною булок. Раньше он жил в Петербурге и потому владеет русской речью. Наши юноши учатся у него считать деньги по-фински. Покупают булку и просят сдачу финскими деньгами. Продавец совершенно без всяких затруднений производит действие вычитания, в ту же секунду отсчитывает сколько нужно. Пробовали разные комбинации: давали гривенник, пятиалтынный, двугривенный и получали сдачи пенни. Булки дороже самарских почти вдвое, но так вкусны, что наши воспитанники раскупают всю корзину. Мальчик очень доволен небывалой выручкой: «Теперь домой пойду», – говорит он с веселым лицом.

После станции появляются в вагоне полевые цветы. Но здесь они – ценность, не как у нас: за право нарвать букет взяли сколько-то пенни.

Видя, что путем жестикуляции очень трудно передавать свои мысли в культурной стране, наши юноши обращаются к общепринятому способу – изучению языка: заучивают названия предметов первой необходимости. Учат с интересом, с увлечением, многие испытывают от этой науки тоже наслаждение, которое испытывает маленький ребенок, когда ему удается овладеть трудным словом. Повторяют слова несколько раз; произнося более звучные, делают ударения на многочисленных гласных звуках.

На следующей станции OIAIARVI уже легче идет торговля: и считать умеем, и слова два знаем по-фински. Девочка-продавщица ведет более добросовестный курс: не берет за размен ни гроша. Кому-то не хватило копейки сдачи, так вместо денег была выдана на сдачу конфета.

Перед Иматрой погода меняется. Небо покрывается тучами; накрапывает дождик, и потом расходится больше и больше. Мы уже начинаем горевать, что придется быть на водопаде в ненастную погоду. Судьба, однако же, нам покровительствует. После последней станции облака начали мало по малу расходиться, и сквозь чащу сосен, омытых дождем, показалось вечернее солнышко.

В одиннадцатом часу ночи приехали на Иматру. Наш вагон от последней станции следовал уже с другим поездом и на время остановки мог оставаться в полном нашем распоряжении. Подружившийся с воспитанниками на почве певческого искусства, контролер предлагал нам воспользоваться для ночлега вагоном, но мы предпочли найти себе более удобное помещение, послали депутатов отыскивать «отель», а сами остались около вагона слушать издали шум водопада. В воздухе холодно. Пришлось потеплее закутаться.

Долго и томительно было наше ожидание, уже не раз принимались смотреть не идут ли посланные. Наконец за аллеей берез показались две – белая и серая – знакомые фигуры, и вскоре «вышло распоряжение тащить багаж». Все бросились опустошать свой «улей». Интересное зрелище представляла наша компания в полутьме белой ночи; впереди «генералы» (без формы), позади – целое войско, нагруженное багажем: под мышкой, на голове, на спине, в руках – одеяла, подушки, узлы, саквояжи. Ночлег был исходатайствован на 55 человек, но боимся, как бы не отказали в помещении. Дело в том, что цифра пятьдесят пять вовсе не производит такого ошеломляющего впечатления, как эта толпа здоровых молодых людей, нагруженных мешками и корзинами. Однако же, оказывается, все благополучно; в наше распоряжение предоставлен целый, только что отстроенный дом, на берегу реки Вуоксы, и вместо кроватей телега сена. На другой день, кажется, вся Финляндия знала о том, с какими неудобствами должен был поместить своих гостей содержатель ресторана; так не привыкли здесь ночевать в подобной обстановке.

Устраиваемся по способу солдат двенадцатого года, «каждый у своего очага, в своем округе, под председательством своего старосты». Теперь служат свою службу взятые из Валаама шестнадцать хлебов. Труднее достать

горячей воды: на всей Иматре нет такого куба, в котором бы можно вскипятить воду на полсотни народа. Приходится кипятить в чайниках, а для этого, несмотря на поздний час, разогреть очаг. Дело настолько нелегкое, что на первых порах требуется авторитетное вмешательство, и в числе первой группы за водой принуждены отправиться некоторые руководители.

Мебели в доме никакой; приходится сидеть или на корточках, или на сене, по-татарски. Единственный, откуда-то добытый светильник стоит на окне под строгим присмотром. О. духовник сильно протестует против ночлега на сене: боится, что и «дом сгорит, и сами сгорим». На полу можно наблюдать интересные бытовые картины: сидя в кружке около чайника, пьет юноша чай, потом ставит кружку на пол, наклоняется немного в сторону и тут же, совершенно неожиданно для себя, засыпает настолько крепко, что можно им пользоваться как спинкой стула. В соседстве устраиваются «с комфортом»: вместо стола ставят пустую корзину и на ней помещают «самоварные принадлежности». Вынимая стаканы, считают товарищей:

– Ты чай будешь пить? – спрашивает заботливый юноша.

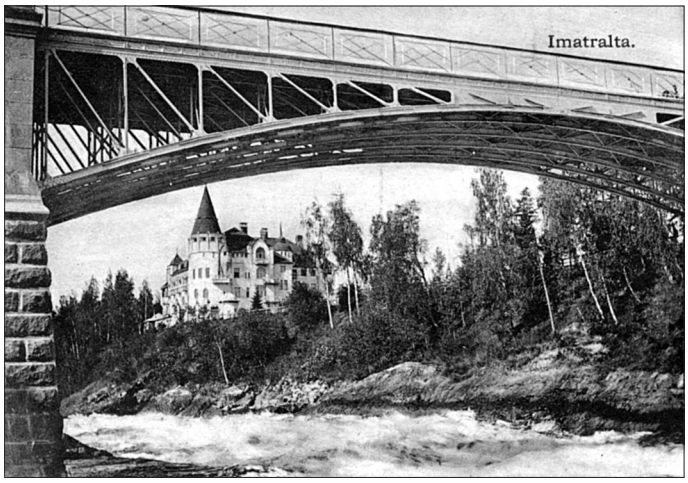
– Какой тут чай! – отвечает, растягиваясь, усталый путник, – только раздражать себя...

Мирную беседу прерывает мальчик с пером, чернильницей и книгой в руках. Просит на ломаном русском языке записать фамилии прибывших.

Через полчаса все три большие комнаты напоминают Валаамское кладбище: спят рядами «удалые ратники». В окно на них смотрит белая ночь, издали доносится шум водопада, а сверху луна серебрит их лица матовым светом.

22 июня поднялись почти с восходом солнца, умылись холодной водой в реке Вуоксе и поспешили смотреть дивное зрелище. По мере приближения к водопаду все слышнее и слышнее становится напряженный шум воды: точно громадных размеров мельничное колесо где-то вертится с необыкновенной силой. Путь – лесом, недалеко от берега. По временам из-за деревьев показывается самая река, но уже не такая спокойная, как около нашего отеля: вода разбивается о камни и отлетает от них белыми брызгами. Чем ближе к водопаду, тем этих брызг больше, пока, наконец, около самого моста, вся масса воды не превращается в белую пену. Начиная от моста, на расстоянии четверти версты в длину и на десять-пятнадцать сажен в ширину эта пена несется по наклонной плоскости вниз со стремительной силой. Бурное течение природа предусмотрительно обложила гранитом, но и тот, кажется, местами трескается и отпадает. По ту и другую сторону водопада – лес; на берегу самой реки, на утесе, беседка, и на ней тысячи глупых и бессмысленных надписей. У конца водопада, с правой стороны по течению, сделано некоторое подобие галереи; с нее открывается вид на весь водопад и на мост, повисший дугой над рекою. Мы занимаем место на выступе скалы, садимся в непринужденных позах и предаемся созерцанию.

С первого же момента зрелище приковывает к себе настолько, что готов сидеть целые часы и смотреть, как несутся навстречу громадные клубы белой пены; как, сталкиваясь один с другим, вздымаются кверху и, не успев опуститься, с стремительной силой пролетают мимо вас дальше, по наклонной плоскости. Вы прикованы всеми чувствами к невиданному явлению: глаза не могут оторваться



Иматра. Водопад на реке Вуоксе и гостиница «Каскад». Фото нач. XX в.

от постоянной смены цветов, ухо чутко прислушивается, стараясь отыскать в этом хаосе звуков знакомые сочетания. все тело ваше переживает ощущение неги, которое является следствием влажности воздуха, напоенного осадками мелкой водной пыли. Вместе с тем быстро и напряженно работает мысль, спеша разобраться в новых, совершенно непривычных ощущениях.

Водопад напоминает жизнь. Заманчивая, пленительная, она мчится со скоростью железнодорожного поезда, шумит, волнуется... а попытайтесь остановить ее, внимательно рассмотреть, понять ее цель и смысл – перед вами сразу же исчезнет чарующее явление, и уже нечем будет наслаждаться взору. Так же как в водопаде брызги, с шумом догоняя и перегоняя друг друга, вступают в битву, выбрасывая на поверхность слабые силы, для того чтобы самим углубиться и занять прочное место, – стремятся люди вперед, толкая и давя друг друга, за тем, чтобы чрез минуту самим быть раздавленными надвигающимися новыми силами. От Наполеона и Александра Македонского до знаменитой старухи, желавшей быть «владычицей морской», и от Канта и Лютера до последнего фанатика сектанта, все стремятся подняться на неведомую высь жизни или мысли; не жалеют для этого возвышения ни трудов, ни золота, ни крови,.. а сами постепенно исчезают в вечности. В общем стремительном потоке, среди хаоса разнообразных мнений, убеждений, традиций является какое-нибудь новое учение, вынашивается своими сторонниками до степени определенной религиозной или философской системы, блещет яркими искрами новизны и жизненности, а затем... постепенно теряет свою прелесть, перерождается в новую, для того, чтобы и эта, в свою очередь, уступила другой. И как взор человека, прикованный стихийной силой водопада, не может обнять его одновременно всеми чувствами, не может понять, что «там делается», так перо историка или поэта и кисть художника сумеет передать только один момент, только часть этого калейдоскопа жизни, только одну какую-нибудь историческую сцену или фигуру. Скульптор вылепит только одну фигуру Грозного; композитор воспроизведет одну лишь только старинную мелодию; художник передаст верно только одну сцену Куликовской битвы, но он не может нарисовать целой картины жизни, не может точно определить, из каких элементов слагается поле сражения и какими подспудными силами оно приводится в движение. Так не скажет, пожалуй, даже опытный ученый,

по каким законам из мелких, спокойных струек слагается страшная сила водопада.

Между тем, чем ограниченнее кругозор мыслителя, чем уже его поле зрения, тем сильнее его желание взлететь как можно выше, увидеть как можно больше, понять неизведанное. Так и здесь: чем больше смотришь и вслушиваешься в шум этой стихийной силы, и чем меньше она укладывается в сознании, тем больше неудовлетворенность, тем сильнее желание еще дольше, еще пристальнее рассматривать непривычное явление.

Вот около берега сталкиваются две маленькие волночки, с пеной и брызгами бегут одна на другую, за ними другие, третьи и через секунду разрастаются в гору. С белой пеной взлетают они кверху, доходят до высшей точки столкновения, затем падают, разбиваясь о скалы, и стремительная сила уносит их и равняет с остальным течением. Вот снова усиливается прибрежная волна; неожиданно, наперекор общему течению, с шумом выбрасывается на берег и мелкими серебряными брызгами обливает внимательного зрителя, потом медленными, светлыми струйками сбегает в пучину. А рядом стоят недвижными гранитные скалы, зеленеет и слегка шелестит листьями прибрежный лес, и с неба приветливо светит красное солнышко. Оно равнодушно к проявлениям стихийной злобы, оно сияет сверху «на злые и благия». Улыбаясь утреннему солнышку, пестреют цветы: желтые и белые, – цветут на гранитных скалах. Им хорошо: у них твердая почва. Так поэт, убаюканный шумом волны, на неприступной крепости, вдали от поля брани, спокойно пишет описание битвы; так творческий гений слагает, музыкальные строфы из того шума, который он подслушал на поле битвы. Но успокоить ратное поле – не во власти поэта; не властно солнышко усмирить бурные волны, не может певец убаюкать стихийную силу…

Снова занимаем места: кто на выступе скалы, кто на камне, кто на откосе горы. Все до такой степени заинтересованы очаровательным зрелищем, что больших усилий стоит о. духовнику напомнить, что пора «шагать дальше». Менее увлекающиеся юноши слушаются с первого раза, зачарованные водопадом уходят только тогда, когда их поднимешь за руку, а неисправимые имеют надобность и в более сильных побуждениях. Уже все ушли, а «дядя» все еще не может насмотреться. Тогда о. духовник сламывает с ближней березы толстый прут и начинает «побуждать» увлекающегося эстетика. Идут – и оба смеются.

Дальнейший путь держим на Валленкоски. Надо перейти через мост на другую сторону водопада, и затем дорогой идти не менее пяти километров. На мосту на трех языках написано объявление приблизительно следующего содержания: «Тихая езда – даром, а вскачь – двадцать пять марок».

В виду моста строится новый, в готическом стиле, гранд отель. Здание в несколько этажей. Очевидно, здесь очень много бывает туристов, и строители в убытке не останутся. Минуем несколько зданий и опять спускаемся к водопаду – посмотреть на него с противоположной стороны. Отсюда картина еще грандиознее... Но внимание на этот раз развлекается группой детей, только что пред тем поймавших «заморскую рыбу». Рыба пряталась в мутной воде между камнями, и мальчику стоило больших усилий извлечь ее оттуда для того, чтобы показать нам. Пытались узнать название рыбы, но ни один из детей не понимает по-русски, а мы не понимаем по-фински.

Поднимаемся в гору. На верху берега Вуоксы, около крайней границы водопада, стоит магазин художественных произведений. Входим спросить путь на Валленкоски. Турист с ученым значком в одной петлице сюртука и с цветами в другой любезно показывает нам дорогу. Дружно шагаем далее лесом и мимо однодворческих селений, в виду суровой, но прекрасной финской природы. На пути покупаем землянику. Девочка-продавщица, встречая нас среди леса, делает книксен. Отвечаем ей поклоном, – удивляясь вежливости, столь необычной у нас среди крестьянского населения. Через час приходим к новому водопаду.

Валленкоски также декорирован с обеих сторон гранитом, и притом гораздо более крупным, чем Иматра. С правой стороны, например, на несколько сажен лежит цельный камень, имеющий форму отлогого берега. По типу картина водопада напоминает спущенную мельницу, с тем только отличием, что верхний бассейн воды до гряды камней, с которых начинается водопад, почти одинаковый по размерам с нижним. Тот и другой со всех сторон окружен густым лесом; темные ели по местам стоят почти над самой рекой. Поперек реки лежит ряд громадных гранитов, которые сдерживают течение и сообщают ему страшную силу. На расстоянии нескольких сажен от каменной гряды идет гранитный уступ, и вода со всей силой устремляется в бездну, а затем отражается почти под прямым углом и образует собою непрерывно возвышающийся пенистый гребень сажен в тридцать-двадцать в ширину и сажени на две кверху. Волны взлетают целыми каскадами брызг: каждый из них несколько времени продержится в воздухе и потом опять падает в пучину. Сильные выше взлетают, слабые – ниже. Но те и другие, соединяясь в общем клубе пены, образуют собою каждую минуту совершенно новые формы и новые сочетания. «Ни один момент не похож на другой», – говорит мой товарищ. Небо облачное, северное. Над водопадом из-за туч иногда солнышко выглянет, блеснет цветами радуги в облаке водной пыли, потом опять скроется, и еще суровее становится картина. Иногда расшалившаяся волна бросится в сторону и окатит зазевавшегося зрителя, к общему удовольствию путников, и потом тихо скатывается вниз по гранитным уступам.

Лучше всего открывается зрелище с углового камня «ворот». На вас несется с грозным ревом стихия и уже дойдет до гранита, на котором вы стоите, поток, совершенно неожиданно делает поворот в сторону, летит с грозным ревом вниз, прыгает, пенится, вздымается кверху... Так и кажется, что сейчас выльется на вас весь верхний бассейн.

Мой спутник жалеет, что эта сила пропадает даром. Сколько она могла бы дать электрической энергии!.. Могла бы осветить весь Петербург с его окрестностями и привести в движение все заводы и фабрики.

Вдали, около того берега, плывут пловцы в лодках, осторожно и внимательно работая веслами, чтобы не попасть в пучину. Вероятно, это кто-нибудь из туристов – любители сильных ощущений.

В обратный путь с водопада спешим изо всех сил. По местам срываем ягоды; по местам останавливаемся вниманием на однодворческих владениях финнов. Как все благоустроено у них: ни одной развалившейся крыши, ни одного полуразрушенного строения. Особенно удивляет то старание, с которым здесь возделывается всякий клочок земли, несмотря на все препятствия, которыми природа обставляет труд земледельца. Миновав мост, идем мимо построек, расположенных на пространстве между станцией

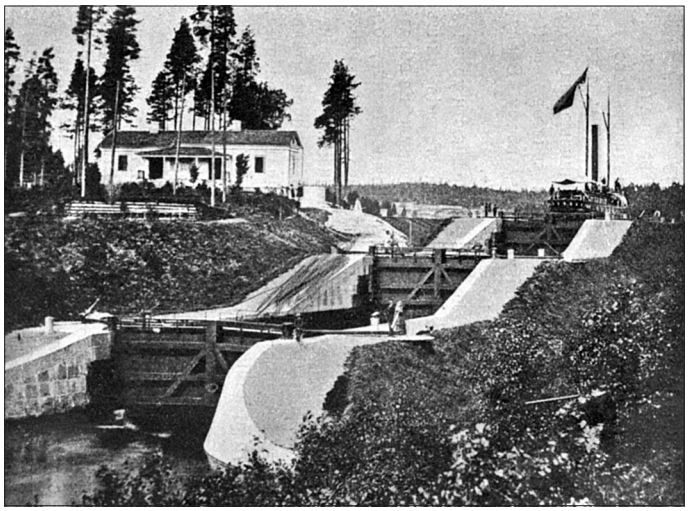
железной дороги и водопадом Иматра. Это единственное большое селение, которое мы видели во всей Финляндии. Но как непохоже оно на наши русские громадные села. Магазины за зеркальными стеклами, постройки блещут чистотой и изяществом, просторные улицы, около каждого здания чистенький садик. Надписи на торговых учреждениях по-фински, и потому только некоторые из них мы могли разобрать и понять.

Обед для нас был устроен на дворе отеля, принадлежащего хозяину дома, в котором мы ночевали. Был накрыт целый ряд столов с таким расчетом, чтобы все мы могли пообедать в две смены. Погода не благоприятствовала обедавшим: по временам лил дождь и разбавлял финляндский суп и молоко. Пришлось обедать под зонтами. Ожидавшим своей очереди обедать доставляла развлечение ручная белка, сидевшая в клетке, и группа маленьких ребят, детей петербургских дачников. Воспитанники и руководители быстро познакомились с малыми детьми и настолько сумели заинтересовать их, что больших трудов стоило заботливой мамаше отозвать их обедать. Особенно любопытно было смотреть на эту компанию «старых и малых» на качели в обществе регента, помощника инспектора и одного из старших преподавателей.

После обеда ленивой поступью возвращаемся в свой «отель». Здесь уже некоторые «отдыхали», растянувшись по несколько человек в ряд. Беспорядок был редкостный: сено, постель, чашки, спящие люди, корзины, какие-то доски, большая неуклюжая скамейка, ремни, подушки – все было разбросано по полу. Картина настолько занимательная, что ее сейчас же увековечили фотографическим снимком. Это, быть может, во время всей экскурсии единственная фотография, на которой нет ничего привлекательного.

Вскоре собираемся в путь и идем к вокзалу. Студенты уже уехали прямо в Петербург: говорят, что они не выдержали финансового экзамена. На наше несчастье, дождь льет как из ведра. Едва успели донести и сложить вещи на площадке вагона. В ожидании пока отопрут вагон, не промокли только те, у кого были плащи и зонты. В шесть часов выехали с Иматры, а через семь минут приехали уже на ст. Вуоксенниска. При совершенно ясном безоблачном небе размещались на белом финляндском пароходе LOUHI, который повезет нас по озеру Сайма.

Сайменский канал. Фото начала XX в.



Шлюзы на Сайменском канале. Фото начала XX в.

Озеро, по первому впечатлению, совсем не похоже на то, которое нарисовано на карте. За дальностию расстояния совсем не заметно тех многочисленных береговых мысов и причудливых изгибов, которые показаны на карте. Около Вуоксенниска оно напоминает реку с берегами, покрытыми лесом. Но чем дальше путь, тем все больше и больше расширяется горизонт; есть места, где залив далеко уходит в глубь материка и скрывает за горизонтом противоположный берег. Пароход идет в большинстве случаев недалеко от берега; местами останавливается около плавучих пристаней, которые здесь состоят из четырехугольного сруба с перекинутыми поперек досками. Пассажиров сравнительно немного; прислуги на пароходе также недостаточно, так что нам приходится самим кипятить воду для чая. Но так уютно в пароходских каютах и такая чистота во всех помещениях, что и на лучших волжских пароходах, пожалуй, не встретить. Поддерживать образцовый порядок тем удобнее, что пароход совсем маленький в сравнении с волжскими, – вдвое, если не втрое меньше. На половине пути начал ветер разыгрываться, и в одном месте была заметна довольно сильная качка; потом стих после заката солнца. Через три часа были в Вильманстранде. Уже начало смеркаться, хотя всю ночь здесь видна заря на западной стороне острова.

При остановке парохода около пристани помощник инспектора по привычке, усвоенной в детстве, принимает деятельное участие в водворении парохода на надлежащее место: соскакивает на мол, берет чалку и при помощи учеников притягивает пароход к берегу. Лоцман сразу видит специалиста и с палубы выражает ему знаки одобрения.

– Хорошо!..

Поставив собственными силами пароход на месте, начинаем его разгружать: прямо через борт передаем чайники, подушки, чемоданы, ставя их сначала на берег, а потом переносим на соседний пароход WIBORG. Этот, кажется, еще чище, еще красивее: как лебедь, белый, заново вымыт и выкрашен; металлические предметы вычищены на светло; в каютах горят электрические лампочки. О. духовник снова принимает на себя ходатайственную миссию; с быстротою юноши взбирается на капитанский мостик и через минуту уже держит за плечо капитана: очевидно, сошлись на каком-то интересном для обоих

пункте и успели подружиться. Поговорив еще несколько времени и плохо понимая друг друга, оба стремительно сбежали вниз и скрылись в трюме: мы только успели видеть их затылки... Что из этого выйдет – неизвестно, но надо думать, что-нибудь очень хорошее.

Действительно, в ту же минуту была готова вода для чая, а затем к нам на палубу является сердобольная финская «мамаша» (кажется, супруга капитана), которая принимает на себя все хозяйственные заботы на время пути до Выборга.

– Мир не без добрых людей, – сентенциозно замечает отец духовник.

Перед ужином партия воспитанников отправляется в ближайшую береговую лавочку закупать провизию. В лавочке встречает их суровый финн. Но по мере того, как пять-десять человек, подходя один за другим, постепенно раскупают весь запас, лицо финна проясняется, а когда уже весь запас был продан, сердитый финский торговец окончательно на нашей стороне и сопровождает нас благожеланиями.

Начинается приготовление к ужину. На верхней палубе около большого стола стоит о. духовник с финским ножом в одной руке, книжкой и карандашом в другой, режет и раздает хлебы. Вызывает старост:

– Л–ий! – вручает ему булку и хлеб, – на шесть человек!

– И. Д.! – вручает ему полбулки и записывает.

– А.! – разрезает хлеб на две части и одну передает владельцу.

Юноши состоят ассистентами при раздаче провизии. Смотрят на скудную порцию:

– Это на четверых?

– На восьмерых, – отвечает староста.

– Мало... Постарайся еще получить.

О. духовник продолжает раздавать и резать. А через борт палубы смотрят на путников белая ночь и озеро Сайма. Долго вглядывается в зарево заката мой спутник и говорит убедительно: «Что-то особенное есть!» – Да, нечто совершенно особенное: своеобразная, милая сердцу, несколько холодная, северная красота. Белая ночь, розовый отсвет заката, видный чрез редкие старые сосны на острове, легкое, перистое облачко на небе, слабая рябь на поверхности озера...

Не пленяет, впрочем, усталого юношу картина летнего вечера: сидит, растянувши ноги на лавочке, уткнулся с глазами в воротник и... сладко дремлет.

Путники окончательно акклиматизировались на чужом пароходе: заняли верхний палубный мостик, достали столов и расположились трапезовать совершенно как дома. Каждый стол «под председательством руководителя». Не всем достает стульев; не достаточны и порции хлеба: четвертая часть булки настолько мала, что ее можно взвесить на аптекарских весах. Свежесть вечера решительно ставит духовника в затруднение относительно соответствия выдаваемой провизии силе аппетитов. С неба месяц светит, отражаясь в воде озера и на лицах трапезующих. Зазевавшись на красивые окрестности, П. П. упал со стула:

– Расхрулилось...

После ужина отправились осматривать город; поднялись в гору и прошли по двум главным улицам. Видели русскую церковь, библиотеку с читальней и несколько магазинов. Большинство дворов – на гранитном фундаменте. Магазины ничем не отличаются от частных домов, – никакой рекламы. Нет запоров и сторожевых собак, как у нас в городе. На горе, на самом уже почти краю города, где прямо за домами начинается поле, встретили двух солдат-музыкантов, которые делились с нами впечатлениями чужой страны и очень жалели о том, что «русской водки ни за какие деньги не достанешь».

На одной из улиц, среди совершенно незнакомой обстановки, встретили землячку.

– Господа! Русская кошка!... Кис-кис! Но, оказывается, и кошка по-русски не понимает.

Уже было за полночь, когда мы спускались под гору, к берегу озера. Несмотря на позднюю пору, здесь большое оживление. На самом берегу озера, с террасой у самой воды, торгует какой-то ресторанчик; одна за другою партии молодежи собираются кататься на паровом катере; множество лодок привязано к деревянному помосту.

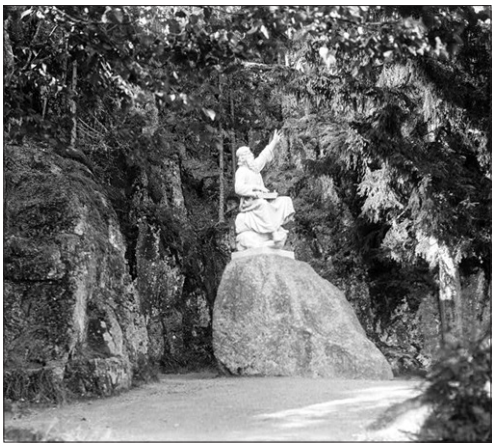
Придя на пароход, устанавливаем дежурство и спим на палубе, защищенной брезентом. «Спим – не спим, все просыпаемся»... Холодно!

Утро *23 июня* застает нас при входе в Сайменский канал. Это прогулка по водному бульвару. Средняя аллея бульвара занята водой, почти вровень с берегами; по ней идет пароход; с правой и левой сторон тянутся тропинки, обсаженные березами, за ними – тенистые сосновые рощи, луга и окруженные хвойными деревьями однодворческие поместья финских крестьян. По уютности, благоустроенности и красоте трудно отыскать подобную местность на севере. Это финская Малороссия, только еще лучше, еще красивее.

Начинаются шлюзы. Спускаемся, как по ступеням, все ниже и ниже. Очень замысловато устроены эти водные ступени. Пароход запирают в особой камере, загороженной с четырех сторон, затем выпускают из нее воду до тех пор, пока пароход не опустится сажени на две ниже уровня верхнего бассейна и не сравняется с горизонтом воды в нижнем бассейне; потом отворяют ворота и едем дальше.

Местами встречается по три шлюза рядом, и остановка затягивается на несколько минут. Во время стоянки юношество успевает выскочить через борт прямо на гранитный берег и, спустившись под гору к последнему шлюзу, сделать несколько фотографических снимков. Пароход в это время «спустится под гору» и сравняется с нижним течением. Тогда фотографы спешно возвращаются на свое место.

Большинство путников, не спавших минувшую ночь, днем наверстывает пропущенное. Другие, уже отоспав-



Выборг. Скульптура Вяйнемейнена в парке Монрепо. Фото начала XX в.

шись, пробуют развернуть свои богатырские силы: берут в руки коромысло и отворяют шлюзы. Работают не хуже настоящих рабочих. Около шлюзов, во время остановки, идет бойкая торговля ягодами и съестными припасами. Наши юноши уже совершенно акклиматизировались в чужой стране: быстро считают деньги по-фински, знают необходимые слова, завели знакомства с финнами.

После полудня устраивается обед. Накрывают белыми чистыми скатертями длинные доски вокруг палубы, ставят каждому прибор – такой, какой у нас можно встретить разве в богатой семье, и перед обедом подают специально финские блюда: чухонское масло и финские лепешки, затем обычно – суп и жареное мясо. Каждому дается бумажная салфетка. Все это стоит по 1 марке 50 пенни с каждого.

За несколько верст до Выборга проехали чрезвычайно красивой дачной местностью. Особенно понравилась одна усадьба на гранитной скале.

Около четырех часов вечера благополучно прибыли к городской пристани. Усердно поблагодарив капитана и в лице его всех финнов за радушный прием и услуги, забираем свои вещи и переносим на вокзал. До вокзала пути – минут двадцать. В ожидании поезда, идем осматривать город. Посетили православный кафедральный собор, – здесь сторож показывал нам электрическое освещение храма; видели лютеранский собор с громадной готической колокольней, женскую гимназию и реальное училище, замок, затем прошли по Екатерининской улице, купили себе ножей и видов Финляндии. Выборг – это уже преддверие столицы. Пожалуй, и самый стольный наш город не везде содержится так чисто и исправно, как эта «финская губерния». Наше особенное внимание обратил на себя ковер травы в городском саду. Сколько тут положено труда и искусства! Постройки, в большинстве по крайней мере, на европейский лад. Из русских городов напоминают по чистоте отделки разве Одессу и Севастополь.

В исходе седьмого часа мы выехали в Петербург. Путь был, однако ж, не без приключений. Только что поезд отошел от дебаркадера, и мы начали «товарищей считать», как оказалось, что «одного нет». По счастью, этот один перед тем взял у о. ректора десять рублей, следовательно, в Выборге сидит не без денег. Заботливый о. духовник на одной из следующих станций пытался послать оставшемуся соболезнующую телеграмму, но получил полный отказ у начальника станции.

– Ничего не могу сделать: остался, пусть и едет.

На пути до Петербурга ученики имели возможность дать себе отчет в поездке по Финляндии, по альбому, купленному о. ректором в Выборге. Вагон на этот раз превратился в аудиторию. «Помощник инспектора» читал текст; остальные, столпившись около него, рассматривали картинки. Это был очень продолжительный и интересный урок. Оставалось жалеть только о том, что «парты» были очень нерационально устроены: многим приходилось стоять на скамьях, другим – перегибаться чрез сиденья.

Итак, за нами – Финляндия. Кто знает, может быть никогда уже больше ее не увидим. Но чем дальше от предмета, тем он красивее. «Надо непременно отойти на расстояние», – говорил мне на Валленкоски мой спутник, смотревший, рядом со мною, как пенились волны, и как взлетал на воздух гребень водопада. Вот теперь от нас тоже на расстоянии целая страна. Правда, мы ее очень мало видели, но и того, что видели, достаточно, чтобы навсегда сохранить о ней самое лучшее воспоминание.

Выборг. Замок. Фото нач. XX в.

Финляндия – уютный уголок, на каждой пяди земли которого заметна любящая рука земледельца. Хорошо живется здесь старым соснам: их не вырубают с хищническими целями; хорошо здесь почве – каменистой и не плодородной – ее удобряют и не истощают до основания. Хорошо рыбе здешних озер: ее не вылавливают еще в зародыше. Хорошо здесь и путнику: его взор ласкает приветливая постройка однодворца-крестьянина, скромная, небогатая, но уютная и чистая; внимателен к путнику и сам хозяин, – не смотрит на него, как на предмет эксплуатации. Сама природа здесь, кажется, идет навстречу туристу своим здоровым и бодрым очарованием; лесные озера, полноводные реки, водопады, которые заставляют по целым часам смотреть на них, не отрывая глаз, и эти длинные белые ночи со светлыми до утра непотухающими зорями...

Мы не имели случая заглянуть во внутреннюю жизнь Финляндии. Но по чистоте внешней, по трудолюбию, по культурности чисто европейской, которая сказывается на каждом шагу, можно безошибочно сказать доброе слово и о будущности Финляндии. Не без основания жалуется русский солдат, что «водки не сыщешь», что «напиваться не дают», что «вместо пива угощают кофе». Что это все значит, как не то, что нация не отравляет себя алкоголем. Это значит, что ей долго жить на свете, что потомство будет здоровое. Что значит, что по статистике в Финляндии так много школ? Это значит, что как бы ни скудна была природа, финн найдет средства сытно прокормить себя и семью и жить в добре и довольстве. И дай Бог! Мы шлем привет и желание счастья гостеприимной стране...

Поезд быстро мчит. Многочисленные петербургские дачи и чахлая болотистая местность, наконец, сменяется полями и огородами, затем бесчисленными железнодорожными постройками и, наконец, громадным зданием Финляндского вокзала. Здесь опять уже являются за нас предстателями сверхдолжные заслуги «аввы». На вокзале ожидает нас инспектор Петербургской семинарии В.А. Мартинсон и преподаватель С.Г. Рункевич. В виду дальности расстояния и дороговизны извозчиков, они наняли особый пароход, который должен нас доставить от ближайшего к вокзалу берега Невы до Невской Лавры. Было уже довольно темно, когда мы пришли на Неву. На ветре пароход немного качало. Командир то и дело напоминал нам, чтобы мы отошли от борта и не мешали ему править: в тумане едва виднелись огни речных пароходов,

и было опасно столкнуться и пойти ко дну. Около Стеклянного завода пароход остановился, и через пять минут мы были в семинарии. Здесь ждали нас сытный ужин и полное гостеприимство.

Ночью благополучно возвратился воспитанник, оставшийся в Выборге. За свою оплошность он поплатился не близкой пешей дорогой по улицам Петербурга – от Финляндского вокзала до семинарии. Начальник станции в Выборге настолько внимательно отнесся к его неудаче, что без всякого билета посадил его в ближайший поезд и поручил особенному вниманию кондуктора.

24 июня утром встали поздно. О. ректор приказал дать отдых утомленным дальней дорогой воспитанникам. День начали молитвенным поклонением св. благоверному князю Александру Невскому в соборе Лавры. Отсюда держали путь к Зимнему дворцу, в Императорский Эрмитаж. От Лавры до Знаменской площади шли пешком Это место – преддверие Невского проспекта.

Странны рассуждения некоторых, может быть и выдающихся пастырей (разумею Платонова), – «надо хранить живые силы», то есть их ради поступаться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Чепурины, Вениамины и тому подобные спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать – погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эс-эры и т. п. Нам ли христианам, да еще иереям, не проявлять подобного мужества, даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века! (...)Благословение духовенству!»

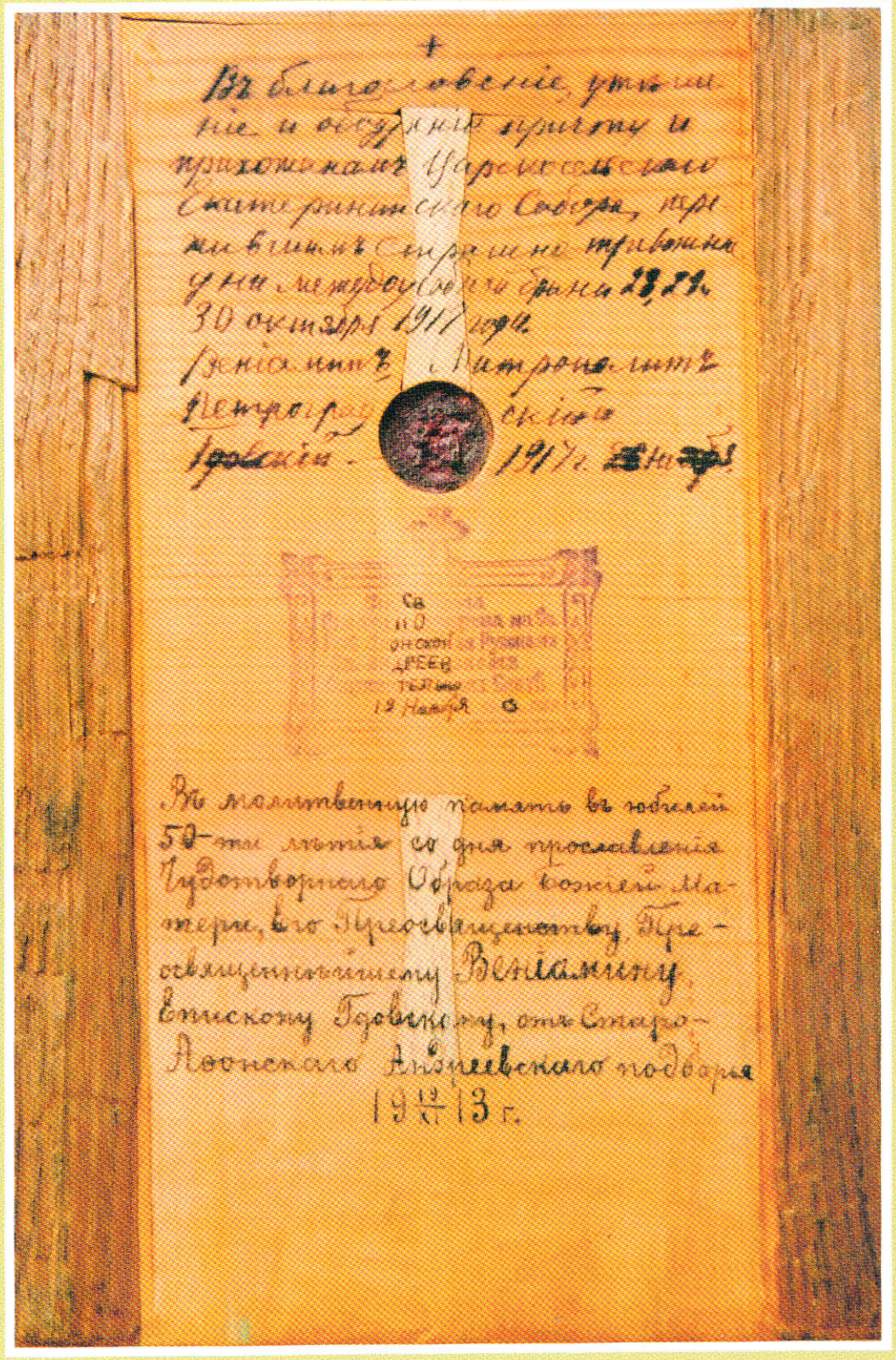
Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин.

Редакция благодарит за помощь при работе над этим выпуском журнала, а также за предоставленные материалы и фотографии:
прот. Михаила Женочина (Гдов), проф. прот. Владимира Сорокина, протоиерея Игоря Александрова, прот. Александра Покрамовича, архимандрита Никона (Воробьева) (с. Заполье, Псковская обл.), игумена Стефана (Садо), иеромонаха Нестора (Кумыша), акад. А.Н. Кирпичникова, А.К. Галкина, Н.П. Шмитт-Фогелевича, А.Ю. Егорова, М.Ю. Мещанинова, Т.И. Ганф, В.Н. Лукина, С.Л. Щеглова (Тула), В.Н. Комарову (Колпино), Н.Н. Наумову, И.К. Лихолетову, В.Я. Степанова (Москва), С.Г. Зирина (Ямбург), В.П. Лукьянчикова, О.А. Калкина (Псков), А.М. Лебедева (Псков), В.Д. Ножевина, О.П. Раевскую-Хьюз (США), Д.А. Краюхина (Орел), Д.В. Беляева (Псков), Н.Л. Сингатуллову (Гдов), Т.В. Федорову (с. Паша), Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург), Российский Государственный Исторический архив (С.-Петербург), Архив Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург), Музей этнографии народов России (С.-Петербург)

На 1-й и 4-й сторонах обложки: митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин;
Гдов. Собор Державной иконы Божией Матери

Издание Санкт-Петербургской митрополии
Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса
Технические редакторы: И.А. Шумакова, Т.В. Иванова. Корректор И.А. Шумакова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин
Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, А.К. Галкина, Ю.Г. Корытченкова, прот. Михаила Женочина, свящ. Олега Жука
Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru
http://www.mitropolia-spb.ru/Vedomosty
Подписано в печать 25.03.2004. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 32. Тираж 998. Заказ Отпечатано в типографии «Златоуст» e-mail isp@rusk.ru

Икона Божией Матери «В скорбях и печалях Утешение», подаренная митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином Царскосельскому Екатерининскому собору по случаю трагических событий 28–30 октября 1917 года в Царском Селе, когда был убит сщмч. прот. Иоанн Кочуров. Ныне находится в Вознесенском Софийском соборе Царского Села



Оборотная сторона иконы, подаренной в 1917 году митрополитом Вениамином Царскосельскому Екатерининскому собору

Воскресенско-Покровский женский монастырь
близ станции Плюсса Лужского уезда. Покровский собор

Фото 1920-х годов